
3 1761 08106723 3

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

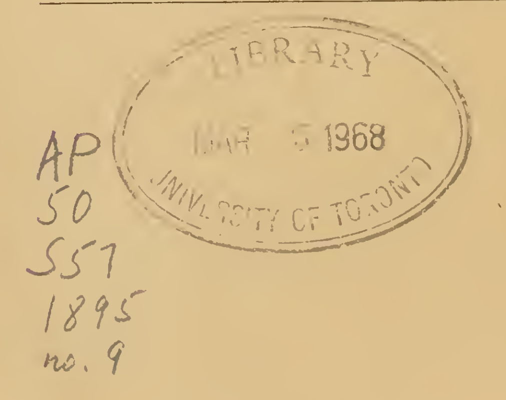
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Сентябрь № 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 августа 1895 года.

Контора «Сѣвернаго Вѣстника» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за третью четверть (Іюль—Сентябрь.)

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Тяжелые сны.

Романъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Логинъ получилъ приглашенiе на вечеръ къ Кульчицкой.

Въ гостиныхъ виднѣлись нарядныя платья дамъ и дѣвицъ; были знакомые и незнакомые Логину молодые и старые люди въ сюртукахъ и фракахъ,—десятка два фигуръ, тоскующихъ въ разныхъ углахъ.

Въ кабинетѣ хозяина раздавался споръ, толпилась курящая публика.

Переходя изъ комнаты въ комнату, раскланиваясь и здороваясь, Логинъ чувствовалъ, что каждое встрѣченное имъ лицо отражается опредѣленнымъ образомъ на его настроенiи. Черты пошлости и тупости преобладали мучительно. Самое непрiятное впечатлѣнiе произвела на него семья Мотовиловыхъ: жена Мотовилова, маленькая, толстенькая, съ вульгарными манерами, злыми глазами и грубымъ голосомъ, — его сестра, злое и уродливое созданье, желтое, сухое, сморщенное, съ волосатой бородавкой на подбородкѣ,—Нета съ глуповато-кокетливымъ видомъ,—Ната съ безпокойно-задорными улыбками,—сынъ гимназистъ съ гнилыми зубами, зеленымъ лицомъ и впалой грудью, развязно любезничающiй съ барышнями помоложе.

Но встрѣчались зато и милыя лица. Были Ермолины, отецъ и дочь. Передъ Логинымъ мелькнуло лицо Нюты.

Охваченный мягкими волнами неторопливыхъ разговоровъ, онъ почувствовалъ вдругъ, что скука его разсѣялась отъ чьей-то улыбки. Вмѣсто нея осталось весело-тревожное чувство, мечтательное и тихое. Ему захотѣлось уединиться среди толпы и, сидя въ углу, прислушиваясь къ шуму голосовъ, отдаться своимъ думамъ. Го-

ворить ему не хотѣлось, — и онъ съ неохотой вошелъ въ кабинетъ хозяина.

Мотовиловъ поглядѣлъ на него сердито.

— А, святая душа на костыляхъ! — закричалъ казначей Свѣжуновъ, толстый, красный и лысый мужчина.

— Мы тутъ все о Молинѣ толкуемъ, — объяснилъ Палтусовъ Логину.

— Да-съ, я готовъ съ крыши кричать, что поступки господина слѣдователя возмутительны: запереть невиннаго человѣка въ тюрьму изъ личныхъ расчетовъ!—говорилъ Мотовиловъ.

— Неужели только изъ личныхъ расчетовъ?—осторожнымъ тономъ спросилъ инженеръ Саноцкій.

— Да-съ, я утверждаю, что изъ-за личныхъ столкновеній, и больше не изъ-за чего. Прямо это говорю, я на правду—чортъ. И, вы увидите, это обнаружится: правда всегда откроется, какъ бы ни старались втоптать ее въ грязь. Мы всѣ ручаемся за Молина, я предлагалъ какой угодно залогъ,—онъ продолжаетъ держать его въ тюрьмѣ: нельзя! Но это ужасно,—невиннаго человѣка третировать вмѣстѣ съ злодѣями! И только по навѣту какой-то подкупленной волочаги!

— Всего лучше-бы, — сказалъ исправникъ Вкусовъ, старикъ съ бодрой осанкой и дряхлымъ лицомъ,—эту дѣвицу по старинному высѣчь хорошенько, енондеръ-шишъ.

— Я надѣюсь,—продолжалъ Мотовиловъ, —что намъ удастся обратить вниманіе судебнаго начальства на это возмутительное дѣло, и вниманіе учебнаго начальства на настоящихъ виновниковъ этого гнуснаго шантажа.

— А не лучше-ли подождать суда?—спросилъ Логинъ:—агитація въ пользу арестанта безполезна для него. Лучше помочь слѣдствію, чѣмъ добиваться освобожденія во что-бы то ни стало.

— Выходитъ по вашему, что мы занимаемся недобросовѣстной агитаціей?

— Помилуйте, зачѣмъ-же такъ! Я не говорю,—что-жъ, прекрасныя намѣренія... Но однихъ добрыхъ намѣреній, я думаю, мало. Впрочемъ, правда обнаружится, вы въ этомъ увѣрены, чего-же больше?

— Правда для насъ и теперь ясна,—сказалъ отецъ Андрей, старый священникъ, который имѣлъ уроки и въ гимназіи и въ городскомъ училищѣ,—потому такъ намъ и обидно за нашего сослуживца: напрасно терпитъ человѣкъ. А потому и дѣйствуемъ дерзновенно. Не чужой намъ человѣкъ, да и всячески по человѣчеству жалко. Надо только дивиться тому, по-истинѣ злодѣйскому, расчету, который продѣланъ изъ-за товарищеской зависти. Нехорошо-съ, дѣло явно, тутъ и сомнѣній никакихъ не можетъ быть.

— Да, поступокъ не достойный дворянина,—сказалъ Малыгановъ, учитель здѣшней учительской семинаріи, который до тѣхъ поръ слушалъ, то лукаво подмигивая Логину, то почтительно склоняясь къ Мотовилову.

— Да-съ, человѣкъ весьма язвительный этотъ вашъ Шестовъ,—продолжалъ о. Андрей, обращаясь преимущественно къ Логину. — Помилуйте, онъ мою рясу однажды пальтомъ назвать вздумалъ. На что-же это похоже, я васъ спрошу?

— А слышали вы,—спросилъ Логина Палтусовъ,—какъ онъ назвалъ нашего почтеннаго Алексѣя Степаныча?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Это, изволите видѣть, у насъ въ училищѣ, говоритъ, почетная мебель.

— А своего почтеннаго начальника,—сказалъ Мотовиловъ,—уважаемаго нами всѣми Крикунова онъ изволилъ наз ать сосулькой!

— Не безъ мѣткости,—сказалъ со смѣхомъ Палтусовъ.

— Конечно,—внушительно продолжалъ Мотовиловъ,—у Крикунова фигура жидковатая, но къ чему глумиться надъ почтенными людьми? Непочтительность во всемъ чрезмѣрная: на улицѣ встрѣчается съ женой, съ дочками, не всегда кланяться удостоитъ.

— Онъ близорукъ,—сказалъ Логинъ.

— Нѣтъ-съ, онъ—атеистъ,—сказалъ о. Андрей, принимая суровый видъ:—самъ признался мнѣ, и со всѣми послѣдствіями, т.-е., стало быть, и въ политическомъ отношеніи. И тетка его—бестія преехидная.

— А еще учитель,—сказалъ Вкусовъ.—Мовѐ. Вся публика на него обижается. Вотъ Крикуновъ такъ точно учитель. Такому не страшно сына отдать.

— А если ухо оборветъ?—спросилъ Палтусовъ.

— Ну, велика бѣда! Зато нравственность... Да въ ихъ училищѣ мальчишки такіе, что иначе и нельзя,—все анфанъ терибли.

«Рабы и деспоты въ одно время», думалъ Логинъ.

Опять мстительное чувство порывисто подымалось въ немъ и опять сосредоточивалось оно на Мотовиловѣ.

— Что ни говорите,—сказалъ вдругъ Палтусовъ,—славный парень былъ этотъ Молинъ: и выпить не дуракъ, да и относительно дѣвочекъ малый не промахъ.

— Ну, ужъ это вы, Яковъ Андреевичъ, напрасно,—укоризненно сказалъ Мотовиловъ.

— А что-же? Ахъ, да... Ну, да вѣдь я, господа, что-же: я отъ міра не прочь.

— Однако,—сказалъ Логинъ,—ваше мнѣніе, кажется, не сходится съ тѣмъ, что рѣшилъ міръ.

— Гласъ народа—Божій гласъ,—оправдывался Палтусовъ посмѣиваясь.—Однако, господа, не выпить-ли пока, стомаха ради?

— Полезно,—подтвердилъ о. Андрей.—Айда, ребята.

— А тамъ и повинтимъ, кому угодно.

Въ столовой въ углу былъ приготовленъ столикъ съ водками и закусками. Выпили и закусили. Исправникъ Вкусовъ увеселялъ публику «французскимъ» діалектомъ:

— Дробызнонъ-ну!—восклицалъ онъ, наливая рюмку и по старчески шамкая беззубымъ ртомъ.

— Енондеръ-шишъ!—говорилъ онъ, выпивъ рюмку и закусывая:—Это по-студенчески, такъ теперь студенты въ Петербургѣ говорятъ.

— А что это значитъ?—спрашивалъ, зычно хохоча, о. Андрей.

— Же не се па, благочинный безчинный,—отвѣчалъ исправникъ.—А ну-тка, же манжера се пти пуасончикъ... Эге, се жоли, се тре жоли,—одобрилъ онъ съѣденную сардинку.

А его жена сидѣла въ гостиной, куда долетали раскаты хохота, и говорила:

— Ужъ я такъ и знаю, что это мой забавникъ всѣхъ развлекаетъ. У насъ вся семья очень веселая: и у меня темпераментъ сангвиническій, и дочки мои—хохотушки!—О, имъ на язычекъ не попадайся!

— Въ васъ такъ много жизни, Александра Петровна,—говорила Зинаида Романовна,—что вамъ хоть сейчасъ опять на сцену.

— Нѣтъ, ужъ будетъ съ меня, выслужила пенсію—и слава Богу.

— Выходной была, а туда-же,—шепнула сестра Мотовилова, Юлія Степановна, на ухо своей невѣсткѣ.

Та смотрѣла строго и надменно на бывшую актрису, что, впрочемъ, нисколько не смущало исправничихи.

— Вы какія роли играли?—съ видомъ наивности спрашивала актриса Тарантина, красивая, слегка подкрашенная дѣвица съ глуповатымъ лицомъ.

Наши барыни ласкали ее за талантъ, а въ особенности за то, что она была изъ «хорошей семьи» и «получила воспитаніе».

— Когда я была въ барышняхъ,—разсказывала въ другомъ углу гостиной молоденькая дама съ лицомъ вербнаго херувима и съ приподнятыми бровями,—поѣхали мы разъ въ маскарадъ...

— Со своимъ вѣникомъ,—крикнулъ, выскакивая изъ столовой, казначей.

— Ахъ, что вы!—воскликнула дама, краснѣя.

Рядомъ съ дамой, которая недавно была въ барышняхъ, сидѣла Нюта, опершись о спинку мягкаго стула своими пышными плечами, потонувшими въ широкихъ воланахъ изъ шелковой кисеи. Цвѣтъ ея платья напоминалъ нѣжную кожицу персика. Крупные желтые тюльпаны,

которыми съ правой стороны была заткана юбка, казалось, ниспадали изъ-подъ бархатнаго темнаго кушака. Медленная улыбка слегка раздвигала ея алыя губы. Звуки интимнаго разговора долетали до нея изъ укромнаго уголка.

— Давно мы съ вами не видались, Михаилъ Иванычъ, — томно вздыхая, говорила Юлія Петровна, дочь Вкусова отъ первой жены, дѣвица 32 лѣтъ, съ мужественной физіономіей, краснымъ носомъ и маленькими усами, смуглая, высокая и ширококостая, но сухощавая.

Ея собесѣдникомъ былъ Доворецкій, наставникъ учительской семинаріи, толстенькій коротышъ съ лицомъ приказчика изъ галантерейнаго магазина. Разговоръ, видимо, ему не нравился; онъ досадливо краснѣлъ, пыхтѣлъ и оглядывался по сторонамъ, но Юлія Петровна преграждала ему путь своими огромными ногами.

— Да, это давно было,—сухо отвѣтилъ онъ.

— Вѣдь мы съ вами были почти какъ невѣста и женихъ.

— Мало-ли что!

— Почему-бы не быть этому снова? Вѣдь вы уже дѣлали мнѣ предложеніе.

— Нѣтъ, я не дѣлалъ.

— Не вы, такъ Ирина Авдѣевна отъ васъ, все равно.

— Нѣтъ, не все равно.

— Папаша вамъ дастъ, сколько вы просили.

— Я ничего не просилъ,—я не алтынникъ.

— Онъ даже прибавитъ двѣсти рублей.

Грубоватый голосъ Юліи Петровны звучалъ при этихъ словахъ почти музыкально. Но Доворецкій оставался непреклоннымъ.

— Нѣтъ ужъ, Юлія Петровна,—досадливо говорилъ онъ,—вы мнѣ и не заикайтесь о деньгахъ. У васъ есть уже женихъ: Бинштокъ женится, вы за нимъ ухаживаете, вы его и прельщайте вашими деньгами, а меня оставьте въ покоѣ.

— Что вы, Михаилъ Иванычъ, что за женихъ Бинштокъ! Это вотъ вы за Оглоблиной, за Машенькой, ухаживаете.

— Оглоблина мнѣ не пара.

— А я?

— Нѣтъ, то было два года тому назадъ. И вы въ это время измѣнились, да и я себѣ цѣну знаю. И вы меня оставьте, пожалуйста! Не на такого наскочили! Обмишулитесь.

И Доворецкій рѣшительно всталъ. Лицо его было красно и злобно.

— Раскаетесь, да поздно будетъ, — зловѣщимъ голосомъ сказала Юлія Петровна, отодвигая ноги и подбирая платье.

— Шкура барабанная!—проворчалъ Доворецкій, отходя.

II.

Логинъ вошелъ въ гостиную. Улыбка Нюты опять показалась ему не то досадной, не то милой. Ему захотѣлось пройти къ ней. Клавдія остановила его.

— Вы не сѣли играть въ карты?

— Какой я игрокъ!

Они стояли у дверей, одни.

— Мы будемъ танцовать, а вы... Послушайте, — быстро шепнула она,—вы меня презираете?

— За что?—такъ-же тихо сказалъ онъ, и прибавилъ вслухъ:—я не танцую.

— Что-жъ вы будете дѣлать? Скучать?.. Вы меня презираете?

— Буду смотрѣть... Полноте, съ какой стати. Я вѣдь васъ понимаю. Да и презирать—-глупое занятіе, на мой взглядъ,—я этимъ давно не занимаюсь.

— Это—танцы-то—глупое занятіе?—вмѣшалась, вслушавшись со своего мѣста, Вкусова.—Эхъ, вы, молодой человѣкъ!

— Какой я молодой человѣкъ! Мы съ вами—старики.

— Благодарю за комплиментъ, только я на свой счетъ не принимаю.

— Василій Марковичъ мастеръ говорить такія любезности, что не обрадуешься,—съ кислой улыбочкой сказала Марья Антоновна Мотовилова.

— Чѣмъ богатъ...

Кто-то заигралъ на роялѣ кадриль. Произошло общее движеніе. Откуда-то вынырнули и засуетились кавалеры съ развязными жестами; два-три военныхъ сюртука чрезвычайно ловко извивались рядомъ со своими дамами; статскіе кавалеры потащили дамъ, двигая въ стороны плечами, словно расталкивая толпу. Барышни и дамы, отправляясь танцовать, имѣли обрадованный видъ.

Логинъ разсѣянно смотрѣлъ на кадриль съ ея нелѣпыми фигурами. Ему не нравились ухватки молодого человѣка, который дирижировалъ и при этомъ кричалъ глухимъ голосомъ. «Дышать какъ слѣдуетъ, каналья, не умѣетъ, а туда-же кричитъ!»—думалъ Логинъ.

Палтусовъ подошелъ къ нему.

— Изучаете общество?—спросилъ онъ.

— Такъ, просто, смотрю,—на этихъ скучныхъ весельчаковъ.

— Есть интересные экземпляры. Вотъ о. Андрей сидитъ за картами,—іезуитъ тончайшей школы. Простора ему мало, гибнетъ онъ въ этой глуши,—и пьетъ, какъ всѣ умные люди въ Россіи. А вотъ Пономаревъ—«умѣренность и аккуратность». А вотъ Мотовиловъ,—«живя согласно съ строгою моралью, онъ никому не сдѣлалъ въ жизни зла»...

III.

Кадриль кончилась. Логинъ пробрался къ Нютѣ, сѣлъ рядомъ съ нею и заговорилъ безъ всякихъ вступленій:

— Утомляютъ меня эти добрые люди!

— Почему вы называете ихъ добрыми?—спросила Нюта, ласково улыбаясь ему.

— Спросить-бы ихъ, каждый о себѣ что думаетъ? Всѣ сказались-бы добрыми и хорошими. И если-бъ имъ сказать, что хорошихъ людей по нынѣшнимъ временамъ не такъ много, чтобъ всякая трущоба кишѣла ими,—какъ-бы озлились эти добрые люди!

— Можетъ быть, каждый только себя считаетъ хорошимъ?

— Хорошо, кабы такъ...

— Мало хорошаго!

Нюта засмѣялась.

— Вѣдь тутъ что утѣшительно,—сказалъ улыбаясь Логинъ:—что если всѣ мои знакомые хорошіе люди, такъ въ хорошіе люди не трудно попасть,—я, вѣдь, знаю ихъ, мерзавцевъ,—такъ разсуждаетъ всякій, и съ превеликой охотой надѣляетъ каждаго дипломомъ хорошаго. А представить себѣ только, что хорошихъ людей мало! Значитъ, это трудно! Ну, я, положимъ, одинъ хорошъ, остальные подлецы. Но какъ-же трудно удержаться въ такой позиціи! Какъ разъ свернешься... Потому-то ихъ и злитъ всякая критика.

— Ихъ только? А насъ съ вами?—оживленно спросила Нюта.

— Что-жъ, было время, и я считалъ себя и многихъ моихъ друзей альтруистами, а за что? На повѣрку взять, такъ за то только, что мы на высокія темы умѣли красно говорить. Теперь мнѣ и самое это словечко долговязое — «альтруизмъ» дикимъ и непонятнымъ кажется.

— Теперь вы считаете себя эгоистомъ?

— Всѣ—эгоисты. Люди только обманываютъ себя на свою-же бѣду, увѣряя, что возможна безкорыстная любовь.

— Вотъ это ужъ несправедливо такъ разсуждать: какъ только я пересталъ быть альтруистомъ, такъ и всѣ со мной должны быть эгоистами.

— Впрочемъ, я готовъ на уступку. Пусть будутъ и альтруисты,—не пропадать-же слову...

— Но чѣмъ-же-нибудь отличается добро отъ зла?

— А чѣмъ отличается тепло отъ холода или жара? Должно быть, всякое добро произошло отъ того, что намъ кажется зломъ, при помощи какого-нибудь приспособленія.

— Да это нравственная алхимія.

— Почему не химія?

— Алхимики тоже изъ свинца золото дѣлали.

Рояль опять бренчалъ, по залѣ носились пàры. Гомзинъ подскочилъ къ Нютѣ съ преувеличенной, дѣланной ловкостью. Нюта улыбаясь положила руку на его плечо.

Логинъ разсѣянно слѣдилъ глазами за танцующими парами. Щеки дамъ горѣли, глаза блестѣли, женскія открытыя плечи были красивы, но кавалеры, на взглядъ Логина, были неприличны: красныя, потныя, скуластыя лица, черные клоки волосъ, мотающіеся надъ плоскими и наморщенными лбами, и выраженіе любезности и усердія въ вытаращенныхъ глазахъ,—все это было противно. Гомзинъ смотрѣлъ какъ-то сверху, за кружевную берту Нюты,—и это было пошло. Нюта улыбалась,—и это было глупо.

Нюта вернулась на свое мѣсто, и сейчасъ-же опять ушла танцовать съ молодымъ человѣкомъ въ мѣшковато сидѣвшемъ фракѣ. Фамиліи этого молодого человѣка Логинъ не зналъ, какъ не зналъ и его общественнаго положенія, но оба они считали себя знакомыми и при встрѣчахъ разговаривали.

Логинъ хотѣлъ было ужъ уйти изъ этой пыльной залы, гдѣ воздухъ былъ полонъ натянутой веселостью, — но Нюта сѣла на стулъ, оставленный ею, и сказала:

— Вотъ, если-бъ всѣ умѣли дѣлать изъ свинца золото, что стоило-бы золото?.. Нѣтъ, благодарю васъ, я устала, — отвѣтила она пригласившему ее танцору, который отъ усталости имѣлъ жалкій и мокрый видъ.

Закрывая вѣеромъ улыбку, Нюта съ лукавымъ блескомъ глазъ слѣдила за нимъ, пока онъ искалъ другой дамы. Потомъ она вопросительно оглянулась на Логина. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Золото подешевѣло-бы, а все-таки не стало-бы для всѣхъ доступно.

— Да?—недовѣрчиво спросила Нюта, опуская на колѣни раскрытый вѣеръ.

— Того-же достигнетъ и психологическая алхимія. «Искру Божію» находили въ падшихъ, а другой рукой развѣнчивали идеалы. И вотъ, рѣзкое различіе между добрыми и злыми стерлось, мы стали очень жалостливы, и въ то-же время равнодушны къ тому, что прежде казалось возвышеннымъ. Добро обезцѣнилось,—а человѣческая природа имѣетъ свои полюсы, всегда холодные, и свои снѣжныя вершины.

— Грѣться-то мы, все-таки, умѣемъ, и умѣли давно, давно! — воскликнула Нюта, быстро складывая свой вѣеръ.

— Да, это наивное утраченное нами счастье!

— Наивное! Точно счастье непремѣнно глупо!

— Натуры избранныя и не ищутъ счастья, и не имѣютъ его.

— Почему?—спросила Нюта, подымая на Логина удивленные глаза.

— Счастье не для нихъ. Блаженство—для нихъ гнусное чувство. Какъ пользоваться тѣмъ, что намъ предоставилъ случай, когда вездѣ такъ много печали, страданій!

— Есть счастье честное, взятое съ бою.

— Да вѣдь побѣждаютъ только сильные?

— Конечно, — сказала Нюта, и рѣшительный складъ ея губъ показался Логину жестокимъ.

— А слабые? Топтать слабыхъ, чтобъ добиться счастья! Ужъ лучше быть побѣжденнымъ... Да и наивное счастье, которымъ удовлетворяется людское стадо какъ трудно оно достигается! Или пробирайся къ экватору степью подъ вьюгой, или грѣйся у камина. Но въ степи замерзаютъ, а у камина...

— Сердце черствѣетъ,—тихо докончила Нюта.

— Да, сердце черствѣетъ!

— Вотъ какъ я удачно подаю реплики!—сказала Нюта, смѣясь, и минутная задумчивость быстро сбѣжала съ ея лица.

— Отвлеченный разговоръ въ неподходящей рамкѣ,—отвѣтилъ Логинъ, стараясь попасть въ ея тонъ для окончанія разговора.—А знаете, кто мнѣ изъ всего этого общества симпатичнѣе?

— Кто?—спросила Нюта, слегка нахмуривая брови.

— Баглаевъ.

— Неужели! Что въ немъ хорошаго? Болтаетъ, вретъ.

— Да. Онъ нравится мнѣ тѣмъ, что онъ—самый непосредственный изъ мерзавцевъ. У него нѣтъ ничего въ душѣ, кромѣ того, что ползаетъ на языкѣ.

Барышня съ блѣдными глазами подошла къ Нютѣ и заговорила съ нею. Логинъ отошелъ и встрѣтилъ Андозерскаго.

— Ищу визави. Танцуешь?—озабоченно спросилъ его Андозерскій.

— Нѣтъ, гдѣ мнѣ!

— Такъ, дружище, нельзя, — что ты кисляемъ такимъ? Бери съ меня примѣръ... А я тутъ пока около Неточки занялся.

— Ну, и что-жъ?

— А вотъ надо этого актеришку проучить, Пожарскаго,—ухаживать вздумалъ. И какой онъ Пожарскій, — просто буйскій мѣщанинъ Фролóвъ, и пьяница вдобавокъ, мразь этакая!

— Не все-ли равно! Фроловъ, такъ Фроловъ.

— Ну-да! Да, впрочемъ, и всѣ здѣшніе актеры — тѣ-же золоторотцы, босяки. Надоѣдятъ публикѣ, перестанутъ сборы дѣлать, и поплетутся въ другой городъ, по образу пѣшаго хожденія, на своихъ подошвахъ, вздѣвъ сапоги на палочку. Ну, пойду искать.

IV.

Логинъ усмѣхнулся вслѣдъ ему и подошелъ къ Нетѣ, которая разговаривала съ какою-то незнакомою Логину барышней. Онъ сѣлъ рядомъ съ Нетой и, нагибаясь къ ея уху, тихо и быстро спросилъ:

— Кто лучше: Пожарскій или Андозерскій?

Нета вскинула на него удивленные глаза и постаралась придать имъ строгое выраженіе. Логинъ спокойно улыбался и, настойчиво глядя прямо въ ея глаза, продолжалъ:

— Для васъ-то кто лучше кажется?

— Послушайте, такъ нельзя спрашивать, — отвѣчала Нета съ легонькой растяжкой, стараясь выдержать строгій тонъ.

— Полноте, отчего-же нельзя?

— Отчего? Да только вы способны такъ спрашивать.

— Но, однако, кто-же лучше?

Нета засмѣялась.

— Андозерскій—вашъ другъ.

— О, я не передамъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, какъ вы меня утѣшили! А я, представьте, именно этого-то и боялась.

— Итакъ, кто-же?

— Знаете, вашъ другъ, Андозерскій, чваненъ и скученъ не по возрасту,—сказала Нета, дѣлая капризную гримаску.

— Да. А неправда-ли, какъ милъ и остроуменъ Пожарскій?

— Прелесть,—искреннимъ голосомъ воскликнула Нета.

— А вы не знаете его фамиліи?

— Вотъ странный вопросъ!

— Пожарскій—по сценѣ. Настоящая фамилія—Фроловъ.

— А, я не знала.

— Буйскій мѣщанинъ. Въ Костромской губерніи есть такой городъ—Буй.

— Однако, что-же изъ этого?—краснѣя и досадуя, спросила Нета.

— Такъ, къ слову пришлось, — равнодушно усмѣхаясь, сказалъ Логинъ.

Нета замолчала. Логинъ отошелъ.

«Я сегодня веду странные разговоры, — подумалъ онъ.

Пожарскій, плѣнившій Нету, былъ актеръ—свѣтило нашего театра. Онъ несъ на своихъ плечахъ весь репертуаръ, игралъ городничаго въ Ревизорѣ, а иногда и Хлестакова, и Гамлета, и все, что придется, кувыркался въ водевиляхъ и умиралъ въ трагедіяхъ,—пѣлъ куплеты и читалъ стихи и сцены изъ еврейскаго, армянскаго, народнаго и вся-

каго иного быта въ дивертисементахъ. Внѣ сцены онъ былъ веселый и разбитной малый, могъ выпить водки сколько угодно, мало хмелѣлъ при этомъ, и бывалъ душою общества въ компаніи пьяныхъ купчиковъ, которыхъ мастерски обыгрывалъ въ стуколку. Состязаться съ нимъ въ этомъ искусствѣ могъ только одинъ Молинъ. Здѣшняя публика любила Пожарскаго, — театръ въ его бенефисы бывалъ полонъ, и ему подносили цѣнные подарки: иногда серебряный портъ-сигаръ, иногда роскошный халатъ съ кистями и съ ермолкой. Но денегъ у него не водилось, — все добытое отъ искусства или отъ картъ немедленно пропивалось. Но теперь Нета уязвила его сердце не на шутку, — онъ даже пилъ меньше обыкновеннаго и уже мѣсяца два порвалъ съ своею послѣднею подругою.

V.

Кончилась вторая кадриль. Воздухъ сдѣлался мглистымъ. Непріятно пахло духами, потомъ и ароматной смолкой. Середина залы опустѣла. Туманными казались неяркіе цвѣта платьевъ барышень. Кавалеры успѣли проглотить по нѣсколько рюмокъ водки, но многіе изъ нихъ въ антрактахъ между танцами все еще держались подальше отъ дамъ, только глаза ихъ пріобрѣтали все болѣе алчное выраженіе. Нѣсколько безусыхъ юношей робко вертѣлись около барышень, стараясь быть развязнѣе, и безпрестанно густо краснѣли. Глаза ихъ блестѣли, а улыбки были пошлыя.

Пожарскій страстно шепталъ Нетѣ:

— Видѣть васъ хоть изрѣдка, хоть издали, чтобы потомъ унести въ памяти вашъ милый образъ, какъ святыню, и молиться ему — и это одно было бы для меня блаженствомъ, для котораго стоитъ жить. Вы одна отнеслись ко мнѣ, какъ къ человѣку, а не гаеру...

— Но васъ здѣсь такъ почитаютъ, — сказала Нета, подымая на актера разнѣженные глаза.

— Почитаютъ! Да, пожалуй, даже любятъ, какъ шута, какъ забавника. Никому нѣтъ дѣла до того, что и въ груди актера бьется человѣческое сердце. Когда мы на сценѣ, мы заставляемъ плакать и смѣяться, и намъ рукоплещутъ. А въ обществѣ — насъ презираютъ...

— О, неправда!

— Доброе, доброе дитя! Вы не знаете людей: они злы и неблагодарны. Актеръ, по ихъ мнѣнію, всегда играетъ роль, и всѣ его чувства не настоящія, и всѣ его поступки — дурацкія выходки. Поскользнись актеръ на этомъ паркетѣ, — весь залъ задрожитъ отъ хохота: комедіантъ колѣнце выкинулъ.

— Не все же на свѣтѣ злые люди, Виталій Ѳедоровичъ.

— Да, да, это вѣрно. Вотъ, напримѣръ, господинъ Логинъ, — Гамлетъ, принцъ датскій; онъ не засмѣется, потому что не только актеровъ,—онъ и весь міръ презираетъ. А вотъ благородный отецъ, добродѣтельный квакеръ Ермолинъ, — онъ слишкомъ высоко паритъ, чтобъ на какого-нибудь фигляра любоваться... Но прочь черныя мысли! Пусть толпа командуетъ: смѣйся, паяцъ!—передо мною вы, бѣлая голубка въ стаѣ черныхъ грачей!

Нета смотрѣла на актера съ восторгомъ и жалостью; ея розовыя тонкія губы улыбались нѣжно и растроганно, и бѣлокурые локоны трепетали надъ нащипанными украдкой щеками.

Логинъ сказалъ Андозерскому:

— Кажется, Неточка находитъ Пожарскаго плѣнительнымъ.

— Ну, это дудки!—самоувѣренно отвѣчалъ Андозерскій.

— Однако, взгляни, какъ они мило бесѣдуютъ.

— А вотъ я его спугну.

Андозерскій подошелъ къ Пожарскому, безцеремонно хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Ну, что тутъ лясы точить,—пойдемъ, братъ, выпьемъ.

Пожарскій быстро глянулъ на Нету и повелъ плечомъ. Его моментальная усмѣшка и торжествующій взглядъ сказали ей: «вотъ видите, я правъ!» Нета вспыхнула и посмотрѣла на Андозерскаго гнѣвно-засверкавшими глазами. Пожарскій всталъ, принялъ видъ «изъ Ревизора» и сказалъ беззаботно, какъ Хлестаковъ:

— Пойдемъ, душа моя, выпьемъ.

Потомъ онъ галантно раскланялся съ Нетой и пошелъ за Андозерскимъ. Нета провожала ихъ опечаленными глазами. Вѣеръ дрожалъ и судорожно двигался въ ея маленькихъ рукахъ.

VI.

— Пока справки, пока что, — толковалъ исправникъ Логину, — меньше года не пройдетъ. Если и разрѣшатъ, такъ черезъ годъ, а то черезъ два.

— Неутѣшительно,—сказалъ Логинъ.—Кто изъ насъ, людей служащихъ, не осѣдлыхъ, можетъ навѣрное знать, гдѣ онъ будетъ черезъ годъ?

— Что дѣлать, атанде-ву немножко. Нельзя же такъ: тяпъ—ляпъ да и клѣтка, какъ говорятъ портные. Мье таръ ке жамè, какъ говорятъ французы.

— Что, братъ, все о своемъ обществѣ толкуешь?—спросилъ подошедшій Баглаевъ:—власть предержащую въ свою ересь прельщаешь?

— Да вотъ бесѣдуемъ о дальнѣйшемъ теченіи этого дѣла,—отвѣтилъ за Логина исправникъ.

— Брось, братъ, лучше всю эту канитель: ничего не выйдетъ. Пойдемъ-ка лучше хватимъ бодряги за здоровье отца-исправника.

— Хватить—хватимъ, только отчего-жъ ничего не выйдетъ?

— А вотъ, я тебѣ скажу, я тебѣ сейчасъ, въ одинъ мигъ, секретъ открою. Ну, держи рюмку,—говорилъ Баглаевъ, когда они вошли въ столовую и протолкались къ столику съ водкой. — Вотъ, я тебѣ сначала рябиновой налью, — противъ холеры лучше не надо, — а потомъ скажи: кто я таковъ, а?

— Шутъ гороховый, — съ досадой сказалъ Логинъ и проглотилъ рюмку водки.

— Ну, это ты напрасно такъ при благородныхъ свидѣтеляхъ. Нѣтъ, пусть лучше исправникъ скажетъ, кто я.

— Ты, Юшка—городская голова, енондеръ-шишъ; шефъ де ля виль, какъ говорятъ французы.

— Нѣтъ, не такъ, а прево де маршанъ, — поправилъ казначей, ткнулъ Юшку кулакомъ въ животъ и захохоталъ.

— Ну ты,—огрызнулся Юшка,—полегче толкайся,—я человѣкъ сырой, разсыпчатый, долго-ли до грѣха... Ну такъ вотъ, братъ, я — здѣшняя голова, излюбленный, значитъ, человѣкъ, мозговка всего города,—мнѣ-ли не знать нашего общества! Мы, братъ, люди солидные, старые воробьи – насъ на мякинѣ не обманешь, мы за твоей фанаберіей не пойдемъ, у насъ никогда этого не бывало. Вотъ если я, къ примѣру, объявлю, что завтра рожать буду, ко мнѣ, братъ, весь городъ соберется на спектакль—въ лоскъ надрызгаемся, а на утро опять чисты, какъ стеклышки, опять готовы «на подвигъ доблестный, друзья». Такъ, что-ли, казначей?

— Вѣрно, Юшка, умная ты голова съ мозгами!

— Вотъ то-то. Ну, братцы, наше дѣло не большо̀: выпьемъ, да ешшо̀,—чтобы холера не пристала.

— Все это вѣрно, Юрій Александровичъ, а ты вотъ лучше скажи, зачѣмъ ты водки такъ много пьешь?—спросилъ Логинъ.

— Ну, сморозилъ! Гдѣ тамъ много, сущую малость, да и то изъ одной только любви къ искусству: ужъ очень, братцы, люблю, чтобъ около посуды чисто было.

— Нельзя, знаете-ли, не пить, — вмѣшался Оглоблинъ, суетливый и жирный молодой человѣкъ, краснощекій, въ золотыхъ очкахъ,—такое время,—руки опускаются, забыться хочется.

VII.

Между тѣмъ у другого угла столика Андозерскій пилъ съ Пожарскимъ.

— Повторимъ, что-ли,—угрюмо сказалъ Андозерскій, злобно посматривая на розовый галстукъ актера, повязанный небрежно и сидѣвшій немного вбокъ на манишкѣ небезукоризненной свѣжести.

— Повторимъ, душа моя, куда ни шло, — безпечно откликнулся Пожарскій, потянулся за бутылкой и запѣлъ фальцетомъ:

«Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Но счастливѣй и вольнѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ».

— Что, братъ, не собрался-ли жениться? — спросилъ Андозерскій и покосился на потертые локти актерскаго сюртука.

— Справедливое наблюденіе изволили сдѣлать, сеньоръ: публика мало поощряетъ сценическіе таланты, — для избѣжанія карманной чахотки женитьба—преотличное средство.

— Г-мъ, а гдѣ невѣста?

— Невѣсту найдемъ, почтеннѣйшій сеньоръ: были бы женихи, а невѣстой Богъ всякаго накажетъ,—такая наша жениховская линія.

— Что-жъ, присмотрѣли купеческую дочку?

— Зачѣмъ непремѣнно купеческую?

— Ну, мѣщанскую, что-ли?

— Зачѣмъ же мѣщанскую? При нашихъ пріятныхъ талантахъ, да при нашихъ успкахъ мы и настоящую барышню завсегда прельстить можемъ,—пройдемъ козыремъ, сдѣлаемъ злодѣйскіе глазки,—и клюнетъ.

— Ну, братъ, гни дерево по себѣ,—со злымъ смѣшкомъ сказалъ Андозерскій.

Актеръ сдѣлалъ лицо приказчика изъ бытовой комедіи:

— Помилуйте, господинъ, напрасно обижать изволите. И мы не лыкомъ шиты. Чѣмъ мы не взяли? и ростомъ, и дородствомъ, и обращеніемъ галантерейнымъ, да и въ темя не колочены. Нѣтъ ужъ, сдѣлайте милость, дозвольте имѣть надежду.

— По чужой дорожкѣ ходишь, чужую травку топчешь—смотри, какъ бы шеи не сломать.

Актеръ сдѣлалъ глупое лицо изъ народной пьесы и заговорилъ, разставивъ ноги и тупоумно ухмыляясь:

— Ась? Это, то-ись, къ чему же? То-ись, къ примѣру, невдомекъ маненечко. Вотъ, дяденька, — обратился онъ къ подошедшему актеру Гуторовичу, старику, игравшему комическія роли,—баринъ серчаетъ, ни съ того, ни съ сего, ажно испужалъ. Чѣмъ его я огорчилъ? Ей-ей, невдомекъ.

Морщинистое, дряхлое лицо Гуторовича сложилось въ гримасу, изображавшую смиренную покорность подвыпившаго мужичка, и онъ зало-

поталъ, помахивая головой и руками по-пьяному и показывая черные остатки зубовъ:

— А мы, Виташенька, другъ распреединственный, пѣсенку споемъ, распотѣшимъ его высокое благородіе, судію неумытнаго.

— А и то, споемъ, старче.

Андозерскій пробормоталъ что-то очень неласковое и отошелъ отъ стола. Пожарскій и Гуторовичъ обнялись и запѣли притворно-пьяненькими голосами, пошатываясь передъ столомъ:

«Эхъ ты, тпруська, ты, тпруська бычокъ,
Молодая телятинка!
Отчего же ты не телишься,
Да на что же ты надѣешься?
Эхъ ты, Толя, ты, Толя дружокъ,
Молодая кислятинка!
Отчего же ты не женишься,
Да на что же ты надѣешься?»

Актеровъ окружила компанія подвыпившихъ кавалеровъ; въ середину толпы замѣшалась развеселая жена воинскаго начальника, которая только что выпила двѣ рюмки водки съ юнымъ подпоручикомъ: она за нимъ ухаживала. Всѣмъ было весело. Гуторовичъ увеселялъ зрителей, изображая нѣкоторыхъ лицъ здѣшняго общества въ интересные моменты ихъ жизни: врача Матафтина, осматривающаго холерныхъ больныхъ на почтительномъ разстояніи и трепещущаго при этомъ отъ страха; спѣсиваго директора учительской семинаріи Моховикова, который съ неприступно-важнымъ видомъ и со шляпой въ рукѣ расхаживаетъ по классамъ; Мотовилова, который говоритъ о добродѣтели и проговаривается объ украденныхъ баркахъ; Крикунова, какъ онъ молится, и потомъ, какъ онъ колотитъ мальчишекъ.

— Вотъ чортъ-то!—восклицалъ Баглаевъ,—животики надорвешь.

VIII.

Все это, что было въ столовой, наконецъ до невыносимости опротивѣло Логину и онъ ушелъ. Гуторовичъ мигнулъ на него веселой публикѣ, изогнулъ свою спину и зашепталъ:

— Экая бѣда,—прямо по землѣ ходить человѣку приходится. Пьедестальчикъ, пьедестальчикъ, хоть махонькій, а то вѣдь такъ же нельзя, господа.

«Господа» радостно захохотали.

Логинъ вошелъ въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ слышался веселый смѣхъ барышень.

«Впрочемъ, и здѣсь, навѣрное, встрѣтится что-нибудь пошлое»,—пришло ему въ голову.

Онъ увидѣлъ Андозерскаго, который, какъ казалось, чѣмъ-то успѣлъ насмѣшить дѣвицъ. Среди этихъ барышень была и Клавдія. Кромѣ Андозерскаго, здѣсь не было другихъ мужчинъ.

Логину показалось, что Андозерскій смутился, увидѣвши его: онъ какъ-то круто оборвалъ свою безпечно-бойкую рѣчь. Глаза всѣхъ барышень обратились къ вошедшему Логину, веселые и смѣющіеся. Зеленые глаза Клавдіи смотрѣли на Логина задорно; что-то злое и враждебное засвѣтилось въ глубинѣ ея узкихъ зрачковъ.

— Мы только что о васъ, Василій Марковичъ, говорили, — сказала она, обращаясь къ Логину и слегка отодвигаясь на своемъ стулѣ, чтобы Логинъ могъ сѣсть на сосѣдній стулъ, который раньше былъ слегка прикрытъ складками ея юбки.

— Легки на поминѣ!—весело сказала маленькая кудрявая барышня съ лицомъ хорошенькаго мальчика.

— Любопытно, что интереснаго нашлось сказать обо мнѣ,—лѣниво проговорилъ Логинъ, садясь на указанный стулъ.

— Какъ не найтись! Вотъ Анатолій Петровичъ сейчасъ разсказывалъ...

— Ну, это шутка,—перебилъ было Андозерскій.

Клавдія удивленно посмотрѣла на него. Андозерскій сконфуженно повернулся къ подошедшей служанкѣ и взялъ апельсинъ. Онъ сейчасъ же подумалъ, что апельсинъ слишкомъ великъ, и что напрасно было брать его. Ему стало досадно. Клавдія спокойно продолжала:

— Разсказывалъ, что члены вашего общества должны будутъ давать какія-то тайныя клятвы гдѣ-то въ подземельи, со свѣчами въ рукахъ и въ бѣлыхъ одеждахъ, и что имъ будутъ выжигать знаки на спинѣ въ доказательство вѣчной принадлежности. А если кто измѣнитъ, того приговорятъ къ голодной смерти.

Логинъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ.

— Какая, однако, невеселая шутка!—сказалъ онъ.—Что-жъ, впрочемъ, мысль не дурна: одну клятву слѣдовало бы брать, хотя почему-жъ непремѣнно тайную? Это могла бы быть и явная клятва.

— Какую же?—спросила Клавдія.

— Клятву,—не клеветать на друзей.

— Ну, вотъ, я вѣдь шучу,—безпечно сказалъ Андозерскій.

— Заѣшьте клевету сладкимъ,—сказала Клавдія, указывая Логину на дѣвушку, которая держала передъ нимъ подносъ съ фруктами и конфектами.

Логинъ положилъ себѣ на блюдечко очень много, безъ разбору, и принялся ѣсть.

— Единственное пріятное дѣло на всемъ этомъ глупѣйшемъ вечерѣ,—думалъ онъ.

Тонкія ноздри его нервно вздрагивали.

IX.

Въ сосѣдней гостиной тихо разговаривали Мотовиловъ и исправникъ. Мотовиловъ говорилъ:

— Не нравится мнѣ этотъ Логинъ, шибко не нравится!

— А что?—осторожнымъ тономъ спросилъ Вкусовъ.

— Не нравится,—повторилъ Мотовиловъ.—У меня взглядъ вѣрный,—даромъ хаять не стану. Повѣрьте мнѣ, не къ добру это общество. Тутъ есть что-то подозрительное.

— Сосьете, енондеръ-шишъ,—меланхолично сказалъ Вкусовъ.

— Повѣрьте, что это только предлогъ для пропаганды противъ правительства. Надо-бы снять съ этого господина личину.

— Гм... посмотримъ, подождемъ.

— Смотрите, не было-бъ поздно. Его-бы отсюда загодя какъ-нибудь въ другія мѣста. Говорилъ я съ Павликовскимъ,—ну, да вы сами знаете...

— Слабъ! Се врè! Скажите нашему милѣйшему жандармскому: пусть понаблюдаетъ со своей стороны.

— Нашъ милѣйшій жандармскій, съ позволенія сказать, халява: замирителя разыгрываетъ вовсе не кстати.

— Что дѣлать! Да вы не безпокойтесь: я все вижу, гдѣ что дѣлается, меня не проведутъ!

— Онъ, знаете-ли, и въ гимназіи положительно вреденъ. Къ нему ученики бѣгаютъ, а онъ ихъ развращаетъ...

— Развращаетъ? Ахъ, енондеръ-шишъ!

— Своею пропагандой.

— А!

Хитрое и пронырливое выраженіе пробѣжало по лицу Мотовилова, словно онъ внезапно придумалъ что-то очень удачное. Онъ сказалъ:

— Да я не поручусь и за то, что онъ... кто его тамъ знаетъ: живетъ въ сторонѣ, особнякомъ, прислуга внизу, онъ наверху.

— Да-съ, все возможно.

— Я вамъ говорю, что не поручусь ни за что. Вы самъ отецъ, у васъ сынъ—гимназистъ. Смотрите, Петръ Васильевичъ, какъ-бы не пришлось потомъ каяться, что не услѣдили во время.

Лицо Вкусова приняло озабоченное выраженіе.

— Да вы, можетъ быть, слышали что-нибудь?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Не слышалъ-бы, такъ не позволилъ-бы себѣ и говорить о такихъ вещахъ,—съ достоинствомъ сказалъ Мотовиловъ.—Повѣрьте, что безъ достаточныхъ основаній,—понимаете, вполнѣ достаточныхъ!—я-бы не рѣшился...

— Енондеръ-шишъ!—воскликнулъ Вкусовъ,—такъ вы учебному начальству сообщите, вѣдь вы имѣете право.

— Сообщено кой о чемъ,—таинственно прошепталъ Мотовиловъ.—А объ этомъ,—это я навѣрное узналъ лишь въ самое послѣднее время,—у меня ужъ заготовлено письмо,—съ завтрашней-же почтой. Я, какъ почетный попечитель гимназіи, считаю это своимъ гражданскимъ долгомъ передъ обществомъ...

— Знай нашихъ!—воскликнулъ исправникъ, но тотчасъ-же снова впалъ въ меланхолію и вздыхая прибавилъ:—дѣла, дѣла!

— О чемъ шушукаетесь?—спросилъ подходя Баглаевъ.

Мотовиловъ отошелъ.

— Да вотъ о Логинѣ говоримъ,—печально сказалъ исправникъ.

— А! Умный человѣкъ! Надменный! Все одинъ! Онъ, братъ, насъ презираетъ, и за дѣло: мы—свиньи! Впрочемъ, онъ и самъ свинья. Но я его люблю, ей Богу, люблю. Мы съ нимъ большіе друзья,—водой не разольешь.

Вкусовъ вдумчиво смотрѣлъ на него тусклыми глазами, покачивалъ головой взадъ и впередъ и, шамкая беззубымъ ртомъ, повторялъ:

— Се вре! се вре!

— А я слышалъ,—спросилъ густымъ басомъ Дубицкій, подходя къ исправнику и кладя ему руку на плечо,—у васъ, сынокъ... того... нездоровъ.

— Се вре!—повторилъ исправникъ.

— Говорятъ, падучая?

— Да, ваше превосходительство, такая бѣда.

— Хотите посовѣтую?

— Благодѣтель! Сдѣлайте милость!

— У меня тоже сынъ былъ боленъ. Лѣтъ двѣнадцати было мальчишкѣ,—знаете, Михаилъ, старшій. Ну, тамъ доктора и то, и се, и пятое, и десятое,—ничего не помогаетъ, хоть брось. Ну вотъ мнѣ и посовѣтовали, какъ начнется припадокъ, сейчасъ-же выдрать его розгами, да хорошенько.

— Скажите, пожалуйста, какое простое средство!

— Да. Ну, и что-же вы думаете? Я такъ и сдѣлалъ, и, можете себѣ представить, какъ рукой сняло!

— Неужели?

— Ни одного припадка съ тѣхъ поръ. Вотъ ужъ шесть лѣтъ прошло. А, каково?

— Удивительно! Надо, надо...

— Да, да, воспользуйтесь моимъ совѣтомъ. И не жалѣйте. Что дѣлать? для его-же пользы.

— Да ужъ извѣстно.

— Заранѣе приготовьте, и ему объявите, чтобъ зналъ. И какъ только начнется, немедленно-же отшелудить его на обѣ корки! Вотъ увидите,—вѣрнѣйшее средство!

Генералъ одушевился и свирѣпо размахивалъ руками. Маленькіе сѣрые глазки его сверкали, и коротенькій смѣшокъ порой срывался съ его губъ. Вкусовъ слушалъ съ радостнымъ и умиленнымъ видомъ.

— Вотъ одолжили-то, благодѣтель!—говорилъ онъ, пожимая руку Дубицкому обѣими своими руками. — Гранъ мерсите. Непремѣнно испробую.

X.

Логинъ искалъ мѣста, куда-бы поставить опорожненное блюдечко, и забрелъ въ маленькую, полутемную комнату. Тоскующіе глаза его глянули на него изъ зеркала.

— Дорогой мой, какіе у васъ сердитые глаза!—услышалъ онъ слащавый голосъ.

Передъ нимъ стояла Ирина Авдѣевна Кудинова, молодящаяся вдова лѣтъ сорока, очень живописно раскрашенная. У нея остались послѣ мужа дочь-подростокъ, сынъ-гимназистъ, и маленькій домикъ, гдѣ они жили. Средства къ жизни были у нея очень неопредѣленныя: маленькая пенсія, гаданье, сватанье, можетъ быть, и сводничанье,—во всякомъ случаѣ, бывали у нея какія-то секретныя дѣла. Одѣвалась она по модному и богато, жила зажиточно, даже тратилась не мало на «предметы» своихъ привязанностей, вообще, деньги у нея откуда-то являлись. Бывала она почти вездѣ въ городѣ и не разъ подумывала и сама вторично выйти замужъ, но это ей почему-то не удавалось.

— А, Ирина Авдѣевна,—сказалъ Логинъ, кланяясь ей.

— Что-жъ вы, мой дорогой, такой невеселый? Здѣсь такъ много невѣстъ, цѣлый цвѣтникъ, одна другой краше, а вы хандрить изволите! Ай-ай-ай, а еще молодой человѣкъ! Это мнѣ, старухѣ, было-бы простительно, да и то, смотрите, какая я веселая! Какъ ртуть бѣгаю.

— Какая еще вы старуха, Ирина Авдѣевна! А я, право, очень веселюсь сегодня.

— Что-то не похоже на веселость! Знаете, что я вамъ скажу: жениться-бы вамъ пора, золотой мой.

— А вамъ-бы все всѣхъ сватать!

— Да право, что такъ-то киснуть. Давайте-ка, я васъ живо окручу съ любой барышней. Какую хотите?

— Богъ съ вами, Ирина Авдѣевна, какой я женихъ!

— Ну вотъ, чѣмъ не женихъ? молодецъ молодцомъ. Да любая барышня, вотъ ей Богу... Вы—образованный, разнорѣчивый.

— Да и зачѣмъ мнѣ непремѣнно жениться?

— Какъ зачѣмъ? Для порядку! Чай, сердце—не камень.

— Не слушай, братъ, ее,—безцеремонно перебилъ Андозерскій, подошедшій въ это время,—коли хочешь жениться, такъ ко мнѣ обратись; я въ этихъ дѣлахъ малость маракую.

— Хлѣбъ отбиваете у меня,—жеманно заговорила Кудинова,—грѣшно вамъ, Анатолій Петровичъ.

— На вашъ вѣкъ хватитъ. У васъ пенсія.

— Велика-ли моя пенсія? Такъ, одно названіе.

— Я, братъ, даромъ сосватаю, мнѣ не надо на шелковое платье. Я, братъ, почище всякой свахи дѣло обтяпаю. И себя пристрою, и тебя не забуду. Только чуръ,—таинственно зашепталъ онъ, отводя Логина отъ Кудиновой:—пуще всего тебѣ мой зарокъ,—за Нюткой, смотри, не пріударь: она—моя!

— Въ какихъ это смыслахъ—твоя?

— А въ такихъ, что она мнѣ лакомѣй тѣхъ, другихъ.

— Зачѣмъ-же ты Неточку къ актеру ревнуешь?

— Я ее не ревную, а только актеръ глазенапы запускаетъ не туда, куда слѣдуетъ, съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ лѣзетъ. Да и все-таки на запасъ. Я тебѣ, такъ и быть, по секрету скажу: на Нютку надежды маловато,—упрямая дѣвчонка!

— Чего-жъ ты говоришь, что она—твоя?

— Влюблена въ меня по-уши, это вѣрно. Да тутъ есть крючекъ,—принципы дурацкіе какіе-то. Ну, да что тутъ много растабарывать: ты мнѣ другъ, перебивать не станешь.

— Конечно, не стану.

— Ну, и добре. Вотъ займись-ка лучше хозяйкой.

— Которою?

— Конечно, молодою. Эхъ ты, бирюкъ! Ну, я, дружище, опять въ плясъ.

XI.

Логинъ остался одинъ въ маленькой и темноватой гостинной. Сидя задумчиво въ углу комнаты, онъ мысленно примѣрялъ къ себѣ роли жениховъ Клавдіи и Неты. Холодно становилось на душѣ его отъ этихъ думъ.

«Нета—перемѣнчивый, наивный ребенокъ, очень милый», думалъ онъ,—и представлять себѣ Нету ему было очень пріятно. Но чуть только онъ старался представить себѣ Нету своею невѣстой и женой,

какъ тотчасъ холодное равнодушіе мертвило въ его воображеніи черты милой наивной дѣвушки, глуповатой, избалованной и набитой ветхими сужденіями и готовыми словами.

«Вотъ, Клавдія—не то. Какая сила, и страстность, и жажда жизни! И какая при этомъ безпомощность и растерянность! Недавняя гроза прошла по ея душѣ и опустошила ее, какъ это было и со мною когда-то, давно, давно, кажется. Мы оба ищемъ исхода и спасенія, зная напередъ, что нѣтъ ни исхода, ни спасенія: я это знаю, она—предчувствуетъ. Что намъ дѣлать вмѣстѣ? Она все еще жаждетъ жизни, я начинаю уставать. И притомъ, она любитъ»...

Это были мысли, то восторженныя, то холодныя, а настроеніе оставалось такимъ-же. Пока Клавдія вспоминалась ему такой, какъ она есть, было любо думать о ней, и энергичный блескъ ея глазъ, и ея яркій внезапный румянецъ грѣлъ и лелѣялъ сердце. Но стоило только представить себѣ Клавдію женою—очарованіе меркло, исчезало.

И другой образъ, образъ Нюты представился ему. Это было видѣніе ясное и чистое, и не хотѣлось Логину что-нибудь думать о ней, какъ-нибудь иначе представлять ее: словно боялся онъ спугнуть дорогой образъ прозаическими сплетеніями обыкновенныхъ мыслей.

Онъ закрылъ глаза. Ему грезилось ясное небо, и бѣлыя тучки на немъ, и шумящая тихимъ шелестомъ рожь, и на узкой межѣ Нюта съ веселой улыбкой на загорѣломъ лицѣ, въ легкомъ платьицѣ, съ загорѣлыми тонкими ногами, которыя неслышно переступаютъ по дорожной пыли, оставляя за собою нѣжные слѣды. Онъ открывалъ глаза,—видѣніе не исчезало сразу, но блѣднѣло и туманилось,—и Логинъ опять закрывалъ глаза, чтобъ возстановить ненаглядное видѣніе. Доносилось назойливое бренчанье музыки, и топотъ танцующихъ, и глухой голосъ юнаго дирижера,—но надъ всѣмъ этимъ безпокойнымъ гвалтомъ царила слегка насмѣшливая улыбка, и загорѣлыя руки въ тактъ музыки двигались, перебирая колосья ржи.

— Однако, вамъ не очень весело: вы, кажется, уснули, — раздался надъ нимъ чей-то тихій голосъ.

Логинъ открылъ глаза: передъ нимъ стояла Клавдія. Онъ всталъ.

— Нѣтъ, я не спалъ, а такъ, просто замечтался почему-то.

Зеленые глаза Клавдіи свѣтились знойнымъ блескомъ.

— Мечтали о Нютѣ?—спросила она.

— Мало-ли о чемъ мечтается въ праздныя минуты,—отвѣтилъ Логинъ, натянуто улыбаясь, съ чувствомъ странной для него самого неловкости.

— Счастливая Нюта!—съ ироническої улыбкой и легкимъ вздохомъ сказала Клавдія и, вдругъ засмѣявшись, продолжала.— А я пари готова держать, что вы воображали сейчасъ Нюту въ полѣ, среди цвѣтовъ и съ необутыми ножками. Скажите, вѣдь я угадала?

Логинъ улыбнулся.

— Да, угадали,—признался онъ.

— У Нюточки счастливыя ножки,—красивыя, хоть и великоньки для богатой барышни.

— Мнѣ кажется, что рабочій людъ смотритъ на наши маленькія руки, какъ на большое уродство.

— Можетъ быть, и у васъ такой-же вкусъ? Вы тоже находите красивымъ только колоссальное? Однако, прошу васъ не задремать: сейчасъ будемъ ужинать.

XII.

Черезъ нѣсколько минутъ музыка умолкла. Шумными толпами двинулись гости къ ужину.

Ужинали въ двухъ комнатахъ: въ большой столовой и въ маленькой комнатѣ рядомъ.

Въ большой столовой было просторно и чинно. Тамъ собрались дамы и дѣвицы, нѣсколько почтенныхъ старцевъ скучающаго вида и молодые кавалеры, обязанные сидѣть съ дамами и развлекать ихъ. Андозерскій сидѣлъ рядомъ съ Нютой и усердно занималъ ее. Хорошенькая актриса Тарантина наивничала и сюсюкала, блестя своими бѣлыми и ровными зубами; апатичный Павликовскій развлекалъ ее обстоятельнымъ разсказомъ о томъ, что растетъ въ его оранжереяхъ. Маленькая Ната сверкала глазами на Биштока, который говорилъ что-то веселое Нетѣ. Гомзинъ расточалъ тяжеловатыя любезности Натѣ. Каждый разъ, когда Ната взглядывала на его любезно оскаленные зубы, бѣлизна которыхъ была теперь противна ей (у Биштока зубы были желтоваты), въ ней закипала злость, и она говорила ему какую-нибудь дерзость, пользуясь правами еще наивной дѣвочки. Мотовиловъ съ суровымъ паѳосомъ проповѣдовалъ о добродѣтеляхъ; жена воинскаго начальника, потягивая вино маленькими глотками, увѣряла, что если-бъ ей представился случай для обогащенія отравить кого-нибудь, и если-бы это можно было сдѣлать ни для кого невѣдомо, то она отравила-бы. Мотовиловъ ужасался и энергично восклицалъ:

— Вы клевещете на себя!

Дряхлый воинскій начальникъ и обѣ старшія Мотовиловы тихо разговаривали о хозяйствѣ. Дубицкій разсказывалъ, какъ онъ командовалъ полкомъ. Зинаида Романовна дѣлала видъ, что это ей очень интересно. Клавдія и Ермолинъ о чемъ-то заспорили тихо, но оживленно. Палтусовъ и жена Дубицкаго, которая была рада, что мужъ сидѣлъ отъ нея далеко, говорили о театрѣ и о цвѣтахъ.

Здѣсь разговаривали сдержанно и негромко, пили немного и ѣли словно украдкой.

Въ маленькой комнатѣ было тѣсно, весело и пьяно. Здѣсь были одни мужчины: подвыпившій о. Андрей, Вкусовъ, который безпрестанно восклицалъ то по-русски:

— Я, братцы, налимонился!

То по-французски:

— Фрерчики, же сюи налимонѐ!

— И забылъ о женѣ!—попадалъ ему въ риѳму Оглоблинъ.

Былъ казначей, который разсказывалъ циничные анекдоты; Юшка, красный, какъ свекла, съ трудомъ уже ворочающій языкомъ; Пожарскій и Гуторовичъ, которые казались совсѣмъ трезвыми, хотя выпили больше всѣхъ и теперь продолжали пить съ нѣкоторою даже торопливостью, точно про запасъ; Саноцкій и Фрицъ, неразлучная парочка инженеровъ; еще штукъ пять господъ съ сѣдѣющими волосами и наглыми взглядами. Сюда-же попалъ и Логинъ.

За этимъ столомъ пили много, словно всѣхъ томила жажда, выбирали напитки покрѣпче и лили ихъ въ самыя большія рюмки, не стѣсняясь тѣмъ, что на днѣ въ рюмкѣ остаются капли совсѣмъ иного напитка; ѣли съ жадностью и неопрятно, громко чавкали и говорили громко, перебивая другъ друга и переругиваясь. Разговоры были такого содержанія, что даже эти пьяные люди иногда понижали голосъ, вспомнивъ о близости дамъ. Тогда кружокъ собесѣдниковъ сдвигался тѣснѣе, сидѣвшіе далеко отъ разсказчика перегибались черезъ столъ, другіе наклоняли головы, на короткое время становилось тихо, слышался только торопливый шепотъ,—и вдругъ раскаты разудалаго хохота оглашали тѣсную комнату, заставляя вздрагивать дамъ въ большой столовой.

— А вотъ, господа, когда я служилъ въ 42 артиллерійской бригадѣ...

— Врешь, Юшка,—крикнулъ Саноцкій,—никогда ты въ артиллеріи не служилъ.

— Ну вотъ, какъ не служилъ!

— А ты, голова съ мозгами, въ какомъ университетѣ воспитывался?

— Въ московскомъ, извѣстно!

— А я такъ слышалъ, что тебя изъ второго класса гимназіи выгнали.

— Наплюй тому въ глаза, кто тебѣ это говорилъ.

— Наплюй самъ: вотъ онъ здѣсь самъ сидитъ, Константинъ Степанычъ.

— Костя, другъ, и это ты? и у тебя языкъ повернулся?—съ укоромъ восклицалъ Баглаевъ.

— Знаемъ мы тебя, городская голова: враль извѣстный,—отвѣ-

чалъ Оглоблинъ.—Вотъ ты разскажи лучше, какъ изъ городской богадѣльни мальчишки бѣгаютъ.

— Богадѣльня—мерзость!—оживился Юшка:—грязь, безпорядокъ, всё крадутъ, старики и старухи пьянствуютъ, мальчишки безъ надзору шляются и шалятъ.

— Стой, стой, голова съ мозгами,—закричалъ Саноцкій,—кого ты обличаешь? кто богадѣльней завѣдуетъ?

— Извѣстно, кто: голова!

— А голова-то кто?

За столомъ хохотали.

— Ловко, Юшка,—восторгался казначей:—забылъ, что голова.

— Вовсе не забылъ!

— Это онъ чуетъ, что его прокатятъ, енондеръ-шишъ!

— Ничего не прокатятъ, а я самъ не хочу. А богадѣльню я подтяну.

— Разскажи, отчего у тебя мальчишка далъ тягу,—приставалъ Оглоблинъ.

— Оттого, что мерзавецъ: каждый годъ бѣгаетъ. Прошлый годъ убѣжалъ, да дурака свалялъ,—поймали въ Лѣтнемъ саду подъ кустикомъ, привели и выдрали; а нынче онъ опять, по привычкѣ, айда въ лѣсъ,—весну почуялъ. Негодяй! не сносить ему головы!

— А ты что-жъ, нынче въ задатокъ его взъерепенилъ, что-ли? или такъ, здорово живешь?

— Ничего не въ задатокъ, а не учится: Крикуновъ пожаловался, а я распорядился.

— Всыпать сотню горячихъ?

— Ничего не сотню, а всего пятнадцать, да и то маленькой вицей. При мнѣ и пороли.

— А ты держалъ, что-ли?

— Дуракъ! Не хочу съ дуракомъ и разговаривать!

За столомъ хохотали, а Юшка злился и бубнилъ:

— Я голова. Мое дѣло—распорядиться, а не держать, вотъ что. На спинѣ не рѣпу сѣять! Я его пальцемъ не тронулъ!

Логинъ упрямо молчалъ, всматриваясь въ пьяныя лица, и весь трепеталъ отъ мучительной злобы и тоски. Каждое слово, которое онъ слышалъ, какъ раскаленной иглой вонзалось въ мозгъ и терзало его. Море пошлости и дикости, казалось ему, колыхалось надъ нимъ, и мутныя волны грозили пожрать его. Онъ пилъ стаканъ за стаканомъ. Сознаніе начинало мутнѣть, и злоба расплывалась въ неопредѣленно-тяжелое чувство.

XIII.

Наконецъ ужинъ кончился. Сквозь шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, топотъ ногъ и весело-оживленный ропотъ затихшихъ немного разговоровъ послышались звуки музыки: молодежь собиралась еще немного потанцовать. Но гости, болѣе отяжелѣвшіе, прощались съ хозяевами. Въ числѣ ихъ былъ и Логинъ.

Онъ вышелъ на лѣстницу вмѣстѣ съ Баглаевымъ. Юшка увивался вокругъ Логина и шепталъ ему что-то неразборчивое.

— Ну, намъ въ разныя стороны,—сказалъ Логинъ на крыльцѣ, протягивая Баглаеву руку.

— Зачѣмъ, чудакъ? Говорю,—пойдемъ пьянствовать.

— Ну вотъ, мало пили! Да и куда мы пойдемъ такъ поздно?

— Ужъ я знаю, я тебя проведу! Чудакъ, насъ пустятъ,—убѣдительно говорилъ Баглаевъ.—Даромъ, что-ли, я отъ жены сбѣжалъ? Пусть она мазурку отплясываетъ, а мы кутнемъ да и закаемся. Право, чего тамъ—тряхнемъ стариной!

Логинъ подумалъ,—и пошелъ за нимъ.

Скоро ихъ догналъ Палтусовъ, и Логинъ не удивился этому.

— А, волыглазъ! бросилъ гостей?—хихикая, спрашивалъ Юшка.

— Ну ихъ къ чорту,—мрачно говорилъ Палтусовъ.—Твоя жена тебя хватилась, такъ я обѣщалъ ей тебя найти...

— И напоить,—кончилъ Логинъ.

— И доставить домой.

— Ой-ли?—хихикалъ Баглаевъ.—Такъ я и пошелъ домой, держи карманъ. Нѣтъ, чорта съ два.

— Скажу, что не нашелъ,—говорилъ Палтусовъ.—Голова болитъ, напиться хочется.

— Дѣло!—сказалъ Логинъ.

— Мнѣ нельзя не пить,—объяснялъ Палтусовъ.—Жить въ Россіи и не пьянствовать такъ-же невозможно для меня, какъ нельзя рыбѣ лежать на берегу и не задыхаться. Мнѣ нужна другая атмосфера... Тьфу, чортъ, здѣсь и фонари не на мѣстѣ!.. Здѣсь съ этими исправниками да земскими начальниками,—да съ ними съ ума сойдешь. Одинъ запахъ ихъ меня коробитъ.

Все колебалось и туманилось въ сознаніи Логина, ему сдѣлалось какъ-то «все равно». Съ чувствомъ тупого удовольствія и томительнаго безволія онъ шелъ за пріятелями, прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ и бормотанью. Ихъ шаги и голоса гулко отдавались въ ночной тишинѣ.

Въ какомъ-то трактирѣ, куда они зашли черезъ заднія двери, дрема начала овладѣвать Логинымъ, и все стало похоже на сонъ: и комната

за трактиромъ, слабо освѣщенная двумя пальмовыми свѣчками, и толстая хозяйка въ разстегнутомъ капотѣ, которая шептала что-то невнятное и, какъ летучая мышь, неслышно сновала босыми ногами съ бутылками пива въ рукахъ, и это пиво, теплое и невкусное, которое онъ зачѣмъ-то глоталъ.

Палтусовъ говорилъ что-то грустное и откровенное, о своей любви и о своихъ мукахъ; имя Клавдіи раза два сорвалось у него ненарочно. Юшка лѣзъ къ нему цѣловаться и плакалъ на его плечѣ.

Логинъ чувствовалъ великую тоску жизни и хотѣлъ разсказать, какъ онъ сильно и несчастливо любилъ: ему хотѣлось-бы, чтобъ Юшка и надъ нимъ заплакалъ. Но слова не подбирались, да и разсказать было не о чемъ.

— Кульчицкая!—воскликнулъ Палтусовъ.—Я и никогда-то ее не любилъ, а теперь она мнѣ ненавистна. Жеманство, провинціализмъ, это выше моихъ силъ. Въ ней нѣтъ этого букета аристократизма, безъ котораго женщина—баба... О, Клавдія! Только я могу ее оцѣнить. Мы съ нею родственныя души.

— Огонь дѣвка!—бормоталъ Юшка.

Палтусовъ замолчалъ, облокотился на столъ, залитый пивомъ, и свѣсилъ на руки голову. Юшка подвинулся къ Логину и зашепталъ ему, показывая на Палтусова:

— Вотъ, братъ, человѣкъ замѣчательный, я тебѣ скажу. Онъ только одинъ меня понимаетъ. Даже ты, братъ, меня не понимаешь, а онъ понимаетъ до тонкости, братъ,—хитрая штука, шельма. Ему-бы Панаму воровать, ужъ онъ-бы не попался,—нѣтъ, братъ, шалишь,—геній!

Въ двери заглянулъ городовой. Хозяйка испуганно зашептала:

— Говорила я вамъ! Господи, этого только не доставало!

— Крышка!—въ ужасѣ лепеталъ Юшка, пуча глаза на городового.

— Не извольте безпокоиться, ваше благородіе,—успокоительно заговорилъ городовой,—я такъ, потому какъ, значитъ, огонь; а ежели знакомые хорошіе господа...

Знакомые хорошіе господа дали ему по двугривенному и велѣли хозяйкѣ угостить его пивомъ. Городовой остался «много благодаренъ» и ушелъ.

Юшка началъ хорохориться по адресу полиціи. Но настроеніе было испорчено. Посидѣли молча, высосали пиво и ушли.

Что было дальше, Логинъ не помнилъ.

Онъ очнулся дома, у открытаго окна. Лица и образы проносились въ его головѣ. Новое чувство кипѣло въ немъ.

«Это—ревность къ Андозерскому», подумалъ онъ, и самъ удивился своей мысли. Онъ думалъ, что Андозерскій глуповатъ и пошловатъ, даже подловатъ, и злоба къ Андозерскому мучила его. Но вдругъ изъ

темноты выплыла жирная и лицемѣрная фигура Мотовилова, и Логинъ весь затрепеталъ и зажегся каинскою злобою. А на постели опять лежалъ трупъ, и опять страхъ приступами начиналъ знобить Логина.

Вдругъ, чувствуя приливъ неодолимой злобы, Логинъ рѣшительно двинулся къ ненавистному трупу.

— Перешагну!—хрипло шепталъ онъ, сжимая горячими руками тяжелыя складки одѣяла.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Ермолинъ и Нюта возвращались домой. Коляска плавно покачивалась, колеса, обтянутыя резиновыми шинами, катились безшумно, и только копыта лошадей мѣрно и часто стучали по мелкому щебню. Передразсвѣтный сумракъ начиналъ уже рѣдѣть, влажныя и неподвижныя вершины деревьевъ окрашивались еле замѣтными розоватыми отсвѣтами. Гдѣ-то недалеко устало и томно свисталъ соловей. Запоздалая летучая мышь пронеслась близъ коляски и, угловато повернувшись въ воздухѣ, шарахнулась прочь.

Нюта обмѣнивалась съ отцомъ отрывочными фразами. Глаза ея были дремотны, и впечатлѣнія вспыхивали, перебѣгали: отъ тяжелыхъ и шумныхъ воспоминаній вечера отвлекали ее вдругъ нѣжныя прикосновенія холоднаго вѣтра, и тогда все дорогое и знакомое словно придвигалось къ ней, вся эта мирная тишина отуманенныхъ полей и темныхъ деревьевъ. Теперь, въ этотъ необычайный для бодрствованія часъ, все это знакомое и мирное являлось загадочнымъ и обманчивымъ. Прежде, припомнила Нюта, было у нея иное, ясное міропониманіе, была любовь къ природѣ и разсудочныя объясненія ея явленій, а неизвѣстное и непонятное въ природѣ ея не тревожило. Но эта весна пришла къ ней странная, непохожая на прежнія, и обвѣяла ее страхами и тайнами. Ничто не измѣнилось въ ней, такъ-же ясны были ея взгляды на жизнь и на міръ, но сны ея стали тревожны, и мечтанія иногда устремлялись, наперекоръ всему прошлому, къ безполезному и невозможному.

Въ былые дни она ясно видѣла свои отношенія къ каждому, съ кѣмъ ей приходилось встрѣчаться, и свои чувства къ каждому изъ этихъ людей. Но теперь она предчувствовала въ себѣ что-то новое, еще совсѣмъ не опредѣлившееся, и ее тяготила непривычная для нея неясность ея мыслей и чувствъ. Съ непривычною для нея робостью она пока оставляла неразъясненную, нетронутую пытливою мыслью нѣкоторую область своихъ впечатлѣній. Но такъ какъ мысли ея иногда невольно

и случайно обращались къ этой области, и съ теченіемъ времени все чаще, то и объединяющее, опредѣленное слово порою внезапно представлялось ей, и тогда она вся загоралась застѣнчивымъ и радостнымъ, и вмѣстѣ жуткимъ чувствомъ. Но не вѣрила еще она этому опредѣленному объясненію, и вся взволнованная, вздыхала тихонько.

Теперь, передъ розовою прохладою ранней зари, ей было радостно отдаваться влажнымъ прикосновеніямъ тихо вѣющей на нее силы, на встрѣчу которой уносилась она по затишью дороги. Неподвижныя деревья своими странно распростертыми вѣтвями, казалось, предвѣщали печаль,—но не страшили Нюту грядущія печали.

— Какъ тяжело веселятся здѣшніе молодые люди!—тихо сказала она отцу, и тѣнь непріятныхъ воспоминаній легла на ея лицо, слегка поблѣднѣвшее отъ усталости.

Ермолинъ посмотрѣлъ на нее ласковыми глазами, въ которыхъ таилась старинная грусть.

— Хорошо и то, что хоть и такая радость не изсякла, — отвѣтилъ онъ.

Нюта промолчала и закрыла глаза, дремотно наклоняя голову. Легкій сонъ набѣжалъ на нее, но чрезъ минуту, разбуженная чѣмъ-то, какимъ-то невнятнымъ звукомъ, она выпрямилась и посмотрѣла на отца широко открытыми глазами.

— Спишь?—ласково спросилъ Ермолинъ, улыбаясь ей.

— Дремлется. Пѣлъ кто-то?—спросила Нюта, вслушиваясь.

— Нѣтъ, не слышалъ,—отвѣчалъ отецъ.

Все было тихо. Кучеръ, дремля, покачивался на козлахъ. Лошади не спѣша бѣжали знакомою дорогой.

— Такъ это я заснула,—сказала Нюта и засмѣялась.—Мнѣ казалось, что солнце на закатѣ, и кто-то поетъ: «не одна-то во полѣ дороженька». А я будто иду на проселкѣ, и мнѣ хочется итти на встрѣчу тому, кто поетъ,—такъ и манитъ пѣсней.

— Иди, милая,—задумчиво промолвилъ Ермолинъ.

Нюта покраснѣла и подняла на него удивленные, заискрившіеся глаза.

— Куда?—спросила она.

Ермолинъ встряхнулъ головой и провелъ рукой по лицу.

— Куда? Нѣтъ, это такъ, я, кажется, тоже дремлю,—сказалъ онъ.

Нюта, улыбаясь, закрыла глаза и откинулась назадъ. Ей было удобно и пріятно лежать, покачиваясь и нѣжась въ прохладѣ предъутренняго воздуха. По ея лицу пробѣгали тѣни деревьевъ, чередуясь съ розоватыми просвѣтами отъ начинающейся зари. Деревья разростались, становились гуще, словно придвигались къ Нютѣ и сумрачно заслоняли ее отъ розоватыхъ, такихъ еще слабыхъ просвѣтовъ.

И опять снится Нютѣ, что она идетъ въ странной, сумрачной долинѣ, среди темныхъ и угрюмыхъ деревьевъ, между которыми струится слабый и невѣрный свѣтъ. Тягостное предчувствіе наводитъ на нее тоску. И вдругъ, замѣчаетъ Нюта, все вокругъ нея просыпается: старыя деревья, широколиственныя и высокія, и молодыя травы, жесткія и блестящія, и блѣдно-зеленые мхи, и робкіе лѣсные цвѣты,—все проснулось, все пристально и удивленно смотритъ на Нюту, и чувствуетъ она на себѣ устремленные со всѣхъ сторонъ тяжелые и враждебные взоры. Все смотритъ и слѣдитъ за Нютою, и все неподвижно и безмолвно, и полная неизъяснимаго страха, она идетъ, и тяжело двигаются ея ноги,—она идетъ одна, идетъ торопливо, и знаетъ, что итти некуда, а ноги все болѣе тяжелѣютъ, и она падаетъ и открываетъ испуганные, отяжелѣлые глаза.

Лошади пофыркиваютъ, чуя близость конюшни, кучеръ встрепенулся и помахиваетъ кнутомъ, отецъ смотритъ на нее и ласково улыбается. Нюта отвѣчаетъ ему улыбкой, но ей лѣнь шевельнуться, и глаза ея опять смыкаются...

— Вотъ мы и дома,—говоритъ отецъ, и протягиваетъ руку, чтобы помочь ей выйти изъ коляски.

II.

Сбросивъ свое нарядное платье, Нюта сѣла у окна и, опершись локтемъ о широкій подоконникъ, смотрѣла на садъ, радостно вздрагивающій росистыми и сочными вѣтвями, и на небо, быстро и весело алѣющее. Странная, внезапная радость овладѣла ею, и она ждала первыхъ лучей. Напряженно глядѣла она на зарю, но легкая греза неслышно подкралась къ ней и опустилась на ея глаза золотистымъ туманомъ. И глаза ея опять сомкнулись.

Ярко-зеленый лугъ приснился ей, весь залитый солнечнымъ свѣтомъ и обнесенный низенькими кирпичными стѣнами. На скошенной травѣ бѣгаютъ какіе-то мальчики въ красныхъ плащахъ и дѣвочки въ голубыхъ юбочкахъ и перебрасываютъ ловкими ударами палокъ большой мячикъ, который высоко взлетаетъ. Дѣти смѣются. Ихъ серебристый смѣхъ раскатывается, какъ звонъ колокольчиковъ, безостановочный и ровный. Нютѣ сначала весело было слѣдить за ихъ игрою. Но скоро ихъ смѣхъ начинаетъ утомлять ее. И она всматривается въ дѣтей и думаетъ: отчего у нихъ блѣдныя и злыя лица? Она подымаетъ глаза къ кирпичнымъ стѣнамъ,—онѣ непрерывны, и за ними ничего не видно, только утомительно одноцвѣтное небо подымается надъ ними. Нюта опять смотритъ на дѣтей,—ничего не измѣнилось въ скучномъ однообразіи ихъ веселой игры,—но Нютѣ внезапно дѣлается страшно. Она

знаетъ, что приближается что-то ужасное, и каждый разъ, какъ взлетаетъ мячикъ, ея сердце сжимается отъ ужаса. Подъ однозвучное бренчаніе безрадостнаго смѣха возростаетъ ея ужасъ. Она знаетъ, что надо сдѣлать что-то, чтобы разсѣять гибельныя чары, но она не можетъ двинуться. Какъ пораженная летаргіею, она напрягаетъ всѣ свои силы, но безуспѣшно, и неподвижно цѣпенѣетъ посреди ярко-зеленаго луга. Она видитъ, что мячъ опускается на нее и ростетъ, и она дѣлаетъ последнее, отчаянное усиліе—и открываетъ глаза.

Сердце колотится до боли быстро, но страхъ скоро уступаетъ мѣсто радости. Солнце только-что взошло, но все еще тихо вокругъ, и только раннія пташки гомозятся въ кустахъ.

Нюта встала, дивясь на свои странныя грезы. Ей хотѣлось-бы вытти въ паркъ, къ рѣкѣ, но сонъ клонилъ ее, и она съ сожалѣніемъ подошла къ постели...

Закрываясь одѣяломъ, она почувствовала во всемъ тѣлѣ усталость и истому, но ей казалось, что она не заснетъ. Однако, едва прилегла она щекой къ подушкѣ, какъ уже глаза ея закрылись, и она заснула. Она пролежала въ постели меньше обыкновеннаго, и за это время нѣсколько разъ просыпалась. Передъ каждымъ ея пробужденіемъ снились ей новые сны, странные для нея,—прежде она спала крѣпко и сновъ почти никогда не видала. Ей казалось потомъ, что она во всю ночь грезила и поминутно просыпалась.

Одинъ разъ приснилась ей густая роща. Между высокими деревьями тѣснились кусты, желтѣли стручки акацій, краснѣла волчья ягода и рябина; какими-то странными цвѣтами покрыты были маленькіе холмики; еле видные изъ-за чащи, пестрѣли деревянные кресты и каменныя плиты. Было свѣтло, тихо и грустно...

Другой разъ приснилось ей, что въ густомъ лѣсу рыщутъ свирѣпые псы, яростно лаютъ, обнюхиваютъ землю и кусты и выслѣживаютъ кого-то...

Еще видѣла себя Нюта у постели больного ребенка. Она подымаетъ одѣяло, и все тѣло ребенка въ темныхъ пятнахъ. Ребенокъ лежитъ смирно и смотритъ на нее укоряющими глазами.

— Ты знаешь?—спрашиваетъ его Нюта.

Ребенокъ молчитъ,—онъ еще совсѣмъ маленькій и не умѣетъ говорить, но Нюта видитъ, что онъ понимаетъ и знаетъ.

— Чья-же это вина?—спрашиваетъ ее кто-то.—И чѣмъ помочь?

Нютѣ становится страшно, и она просыпается...

Потомъ увидѣла она себя въ каменистой пустынѣ. Воздухъ душенъ, мглистъ и багрянъ, почва красновато-пепельнаго цвѣта. Нюта несетъ на своихъ плечахъ человѣка,—неподвижную и холодную ношу. Онъ раненъ, и на плечи Нюты падаетъ его густая липкая кровь. Она торо-

пится и жадно смотритъ впередъ, гдѣ, сквозь мглу, видится ей слабый свѣтъ.

— Оставь меня,—говоритъ ей тотъ, кого она несетъ,—я погибъ, спасайся ты.

Она слышитъ за собою шумъ погони, гвалтъ, хохотъ.

— Брось, брось меня,—шепчетъ ей онъ,—не вынесешь ты меня.

— Вынесу,—упрямо шепчетъ она, и торопится впередъ:—какъ нибудь да вынесу.

Ея ноги тяжелы, какъ свинцовыя, она двигается медленно, а погоня приближается. Отчаяніе охватываетъ ее, она выбивается изъ силъ— и просыпается, и опять тревожно прислушивается къ торопливому біенію сердца.

III.

Въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ нашъ, быстро расходятся сплетни, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ онѣ неправдоподобнѣе и грязнѣе. Стоило поговорить Мотовилову со Вкусовымъ наединѣ на вечерѣ у Кульчицкой, а на другой день неожиданная выдумка Мотовилова уже гуляла по городу, выдавалась за несомнѣнное и ни въ комъ не встрѣчала возраженій. Въ тотъ-же день сплетня дошла и до Клавдіи, занесла ее сюда Валя Дылина, которая забѣгала иногда къ Кульчицкимъ, гдѣ ихъ семьѣ «помогали». Клавдія выслушала, сдвинула брови и сказала:

— Пустое! И какъ вамъ, Валя, не стыдно повторять такія вещи!

Валя засмѣялась и приняла лукавый видъ. Когда она ушла, Клавдія задумалась.

«Узнаетъ и Нюточка,—злорадно думала она,—оскорбится и не повѣритъ. А можетъ быть, и повѣритъ? Или будетъ сомнѣваться? Или и совсѣмъ не узнаетъ,—не скажетъ ей Валя, не посмѣетъ, или и начнетъ говорить, да не кончитъ, не захочетъ и слушать Нюточка?»

Клавдія долго стояла у окна, щуря зеленоватые глаза и улыбаясь странно и коварно. День былъ ясенъ и тихъ, небо безоблачно, деревья зелены и свѣжи, и теплый воздухъ льнулъ къ блѣднымъ щекамъ Клавдіи.

Наконецъ веселая и рѣшительная улыбка озарила лицо Клавдіи. Она присѣла къ своему красивому письменному столу, загроможденному блестящими и вычурными пустяками; очистила на немъ мѣсто для бумаги, откинула свои широкіе рукава, взяла въ руки перо—и звонко засмѣялась. Это былъ беззаботный смѣхъ, какъ у мальчишки, собравшагося устроить потѣшную шалость, но зеленоватые глаза горѣли дико.

Она принялась выводить на почтовой бумагѣ слова и отдѣльныя буквы, стараясь удалиться отъ своего обычнаго почерка. Всячески измѣняла она положеніе бумаги и рукъ, то изгибала, то выпрямляла спину, наклоняла голову то на одну, то на другую сторону, вскакивала иногда

со стула и становилась на него колѣнями, и вся при этомъ трепетала и рдѣла, и пачкала пальцы чернилами. Когда буквы долго не слушались ея намѣреній, она сжимала зубы съ досады и колотила кулакомъ по столу, и потомъ вдругъ, когда ей казалось, что дѣло идетъ на ладъ, она принималась хохотать, зажимая ротъ рукою, чтобы кто-нибудь въ саду или въ комнатахъ не услышалъ ея веселья. Исписавши весь листъ, она сжигала его на спичкѣ и принималась за другой. Чѣмъ больше исписывала она листовъ, тѣмъ труднѣе казалось ей достиженіе цѣли, но тѣмъ спокойнѣе становилась она. Лицо ея блѣднѣло сильнѣе обычнаго и принимало все болѣе упрямое выраженіе. Пробившись нѣсколько часовъ безъ замѣтнаго результата, она рѣшила, что торопливостью не возьмешь, и продолжала трудиться настойчиво, систематично, терпѣливо замѣчая малѣйшія разности и укрѣпляя и усиливая ихъ старательными упражненіями.

Поздно ночью она увидѣла, что достигла еще немногаго, но что все-таки кое-чего добилась. На другой и на третій день она опять сидѣла у себя почти безвыходно, и все медленнѣе, спокойнѣе и увѣреннѣе становилась ея работа.

Къ вечеру третьяго дня она осталась довольна своимъ трудомъ: передъ нею лежалъ исписанный листъ, котораго уже не надо было жечь. Она откинулась на спинку стула и устало потянулась, подымая надъ головою бѣлыя руки, рукава съ которыхъ при этомъ упали до плечъ. Лицо ея было блѣдно и спокойно. Она подошла къ зеркалу и долго смотрѣла прямо въ глаза своему отраженію, не улыбаясь, не торжествуя, холоднымъ и неотразимымъ взглядомъ. Казалось, не было никакого выраженія въ ея лицѣ, такъ оно было неподвижно.

Наглядѣвшись на себя, она равнодушно улыбнулась и опустила глаза на свои бѣлыя руки. На нихъ были чернильныя пятна,—она принялась ихъ отмывать.

А въ тѣ дни, пока она сидѣла, запершись у себя, и таинственно работала, сплетня, совершая свой кругъ по городу, вползла и къ Логину,—туда занесла ее Мотовиловская Ульяна. Только Нюта ничего еще не слышала.

IV.

Съ почты принесли Нютѣ письмо съ городскою маркою, что было рѣдкостью въ нашемъ маленькомъ городѣ. Почеркъ былъ незнакомъ Нютѣ. Первыя-же строчки письма заставили Нюту ярко покраснѣть. Она брезгливо уронила письмо на полъ и быстро прошла нѣсколько разъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Но потомъ она подняла письмо и внимательно прочла его съ начала до конца, преодолѣвая отвращеніе. Письмо было составлено въ очень точныхъ выраженіяхъ и наполнено

такими подробностями вполнѣ достовѣрныхъ, будто-бы, похожденій Логина, которыя невозможно передавать. Въ концѣ письма приведены были весьма оскорбительныя и циничныя слова, будто-бы сказанныя Логинымъ о Нютѣ въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ.

Нюта долго сидѣла передъ прочтеннымъ письмомъ, сдвинувъ брови и всматриваясь въ бѣлыя тучки, скользившія по небу. Щеки ея горѣли, на глаза навертывались слезы. Мысли ея были разсѣянны, но, какъ эти бѣлыя тучки, неудержимо влеклись въ одну сторону. И чѣмъ дальше она всматривалась въ нихъ, тѣмъ свѣтлѣе и торжественнѣе становилось въ ея душѣ. Когда косвенные лучи мирнаго заката упали на ея бѣлое платье, кто-то незримый,—послышалось ей,—тихо и благостно сказалъ ей:

— Солнце ихъ заходитъ, но тѣнь твоя—передъ тобою!

И вслушиваясь въ эти странныя слова, которыя носились надъ ея душой, какъ вечерній благовѣстъ надъ широкими полями, она встала, и радостно и грустно заблестѣли подъ слезами ея лучистые глаза.

— Такъ надо,—тихо сказала она, покорно наклоняя голову.

V.

Вечеромъ Нюта принесла безыменное письмо отцу и молча отдала его. Ермолинъ прочелъ.

— Доброжелатель, какъ водится,—сказалъ онъ, дойдя до подписи.

Нюта молча стояла передъ нимъ и смотрѣла на него съ ожиданіемъ.

— Вѣришь?—спросилъ Ермолинъ.

Нюта отрицательно покачала головой.

— И не слѣдуетъ вѣрить, безъ сомнѣнія,—рѣшилъ Ермолинъ.— А если-бы это даже и была правда, то мы поступимъ не по ихъ совѣсти, а по нашей,—не такъ-ли?

Нюта стала на колѣни передъ отцомъ и опустила на его колѣни свою голову. Ермолинъ видѣлъ, что она плачетъ, но онъ зналъ, что слезы ея радостны.

— Я рада, что и ты такъ думаешь,—сказала она. —Нѣтъ, вѣрнѣе, это я думаю, какъ и ты, — и ты мнѣ показываешь, куда мнѣ итти.

VI.

Казенной работы теперь у Логина было мало. Учебный годъ кончался, начались экзамены.

Съ учениками у Логина установились хорошія отношенія. Онъ имѣлъ способность привлекать къ себѣ юношей и мальчиковъ этого

возраста, хотя никогда не заботился о томъ. Влеченіе къ нему гимназистовъ происходило, можетъ быть, оттого, что ему нравилось быть съ ними, и онъ искренно хотѣлъ, чтобъ они приходили къ нему. И вотъ—желаніе его исполнялось. Они были милы ему непосредственно, доставляя ему удовольствіе однимъ своимъ видомъ. Мягкія и незаконченныя очертанія ихъ лицъ забавляли и тѣшили Логина, какъ и незрѣлыя особенности ихъ рѣчи.

— Они еще строятся,—думалъ Логинъ,—а мы уже начинаемъ разрушаться. Они захватываютъ отъ жизни, что можно, все себѣ и себѣ; мы, уже усталые подъ бременемъ нашей ноши, облегчаемъ себя, стараясь разбросать на-вѣтеръ какъ можно больше, — и если нашею расточительностью кто-нибудь пользуется, мы называемъ ее любовью. Какъ невыразимо хорошо было-бы умалиться и стать ребенкомъ, жить порывисто,—и не задумываться надъ жизнью!

Мечта рисовала наивныя и чистыя картины,—а разсудокъ ворчливо разрушалъ ихъ.

Возникала зависть къ дѣтскому жизнерадостному настроенію и даже къ ихъ легкимъ и быстрымъ печалямъ.

Иногда казалось ему, что слѣдуетъ стать дальше отъ этихъ мальчиковъ. Повидимому, это было нетрудно: стоило только быть, какъ всѣ, смотрѣть на гимназистовъ, какъ на машинки для выкидыванія тетрадокъ съ ошибками. Но вотъ этого-то ему и не удавалось: какъ-бы ни былъ онъ иногда угрюмъ, онъ смотрѣлъ на нихъ и желалъ отъ нихъ чего-то. И они приходили къ нему, какъ будто это было въ обычаѣ или такъ нужно было.

Сослуживцамъ его не нравилось, что гимназисты къ нему ходятъ; они полагали, что это—не порядокъ. И это было также одною изъ причинъ того, что онъ не замыкался отъ учениковъ, — иначе вышло-бы, казалось ему, что онъ уступилъ неудовольствію своихъ товарищей.

Эта смута въ отношеніяхъ къ ученикамъ, постепенно нароставшая, была, можетъ быть, главной причиной его желанія бросить учительство, за которое онъ когда-то взялся съ любовью.

Съ сослуживцами своими ему не о чемъ было говорить. Съ любовью и знаніемъ дѣла бесѣдовали они только о городскихъ дѣлишкахъ, разнося сплетни, ничтожныя и пошлыя, какъ соръ задняго двора. Въ эти дни толки шли все о дѣлѣ Молина. Передавались нелѣпые слухи. Никто еще не зналъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на дѣло, и потому каждый старался сказать свое мнѣніе двусмысленно. Зато не стѣснялись въ разныхъ непристойностяхъ, которыми сопровождались всегда разговоры среди учителей, — благо дамъ нѣтъ. И въ разговорахъ, и въ поведеніи учителей было много пошлаго цинизма,—и это было противно Логину.

VII.

Утромъ въ учительской комнатѣ гимназіи Антушевъ, учитель исторіи, стоя у окна, сказалъ:

— Нашъ почетный куда-то катитъ въ коляскѣ.

— Гдѣ, гдѣ?—засуетился любопытный от. Андрей.

Всѣ столпились у оконъ, остались сидѣть только Логинъ и Рябовъ, учитель древнихъ языковъ, длинный, сухой и желчный, въ синихъ очкахъ, съ желтымъ лицомъ и чахоточною грудью, одна изъ тѣхъ фигуръ, о которыхъ говорятъ:—жердяй! въ плечахъ—лба поуже.—Онъ тихонько покашливалъ, язвительно улыбался и курилъ папиросу за папиросой съ какою-то отчаянной поспѣшностью, словно отъ ихъ количества могло зависѣть спасеніе его жизни.

— Устремились, какъ цвѣты къ солнцу,—шепнулъ онъ Логину, подмигивая.

— Нашъ домъ на такой окраинѣ,—отвѣтилъ Логинъ,—что здѣсь рѣдко кто проѣдетъ.

Логинъ зналъ, что Рябовъ—большой сплетникъ, и что онъ любитъ, сплетничая на кого-нибудь, приписать тому или совершенную небывальщину, или свои же слова. Любилъ Рябовъ и позлословить: въ первое-же свиданіе съ Логинымъ онъ разсказалъ о всѣхъ сослуживцахъ по анекдоту, рисующему каждаго со смѣшной или грязной стороны.

— А вѣдь это онъ къ намъ!—воскликнулъ от. Андрей.

— Красное солнышко,—проворчалъ Рябовъ,—маіорское брюхо.

— А вы, Евгеній Григорьевичъ, его не любите?—спросилъ Логинъ.

— Я? Помилуйте, почему вы такъ думаете?

— Да такъ, мнѣ показалось,—такъ вы его костите.

— Нѣтъ-съ, не имѣю къ тому причинъ.

— Въ такомъ случаѣ, прошу извинить.

Рябовъ подозрительно посмотрѣлъ на Логина, улыбнулся мертвой гримасой и, похлопавъ Логина по колѣну деревяннымъ движеніемъ костлявой руки, шепнулъ:

— Всѣ мы, батенька, не прочь другъ другу ногу подставить,—только зачѣмъ кричать объ этомъ?

— Благоразумно!

Всѣ усѣлись по мѣстамъ и говорили въ полголоса, точно ждали чего-то.

Минутъ черезъ пять показался и Мотовиловъ съ директоромъ. Мотовиловъ былъ въ мундирѣ. Форменный полукафтанъ, сшитый, когда Мотовиловъ былъ еще потоньше, теперь тѣснилъ его. Красная, толстая шея виднѣлась надъ воротникомъ, оттѣняя своимъ яркимъ цвѣтомъ

золотое шитье. На рукавахъ шитье потускнѣло и потерлось. Шпага неловко торчала подъ кафтаномъ и колотилась на ходу по жирнымъ ногамъ. На лѣвой рукѣ Мотовилова была бѣлая перчатка; въ той-же рукѣ держалъ онъ другую перчатку и треугольную шляпу.

Съ нимъ вошелъ, пропуская его впередъ, директоръ, Сергѣй Михайловичъ Павликовскій, человѣкъ еще не старый, но болѣзненный, съ равнодушнымъ безкровнымъ лицомъ.

Мотовиловъ имѣлъ торжественный видъ.

— Пахнетъ рѣчью!—шепнулъ Логину Рябовъ и устремился мимо него къ Мотовилову.

Произошло общее движеніе. Учителя толкались, стараясь пораньше пробраться къ Мотовилову. Они кланялись почтительно, сладко улыбались и пожимали пухлую руку Мотовилова съ благоговѣйной осторожностью.

— Удостоился и я приложиться,—опять шепнулъ Рябовъ Логину,— а вы что-жъ такой гмырой стоите? Видите, стѣнка какая: и не замѣтитъ.

Но Мотовиловъ замѣтилъ, раздвинулъ толпу жестомъ, исполненнымъ необыкновеннаго достоинства, и сдѣлалъ шага два къ Логину, протягивая руку. Учителя смотрѣли на Логина съ завистью.

— Я очень радъ,—сказалъ Мотовиловъ,—что нахожу здѣсь и васъ. Вы познакомитесь и съ нашимъ общимъ дѣломъ, къ которому направлены наши мысли и, смѣю сказать, наши чувства. По всей вѣроятности, вы уже знакомы отчасти съ этимъ.

— Кажется, еще не знакомъ.

— Знакомы, навѣрное,—я говорю о дѣлѣ несчастнаго Молина.

— Ахъ, это! Виноватъ, я не догадался, что это—общее дѣло.

— Вы познакомились съ нимъ черезъ лицъ заинтересованныхъ, а теперь послушайте насъ, людей безпристрастныхъ.

Мотовиловъ тяжелою поступью подошелъ къ столу, остановился передъ нимъ и значительно посмотрѣлъ на учителей, которые столпились вокругъ стола. Логинъ замѣтилъ въ рукахъ директора бумагу, большой листъ, свернутый трубочкой.

— Господа,—заговорилъ Мотовиловъ,—мнѣ очень пріятно, что я вижу здѣсь почти всѣхъ васъ. Мы съ вами успѣли составить дружную семью. Если въ дѣлѣ нашего взаимнаго единенія и я моими скромными стараніями могъ помочь, то я весьма горжусь этимъ. Если мнѣ случалось являться въ вашу среду въ качествѣ примирителя, то я отъ души радъ, что мои усилія не оставались тщетными. Я всегда былъ того мнѣнія,—и глубокоуважаемый Сергѣй Михайловичъ, насколько мнѣ извѣстно, вполнѣ согласенъ со мною, — что моя обязанность не состоитъ только въ томъ, чтобы дѣлать взносы. Я пользуюсь въ нашемъ городѣ нѣкоторымъ, смѣю думать, уваженіемъ, — и я рѣшаюсь

надѣяться на болѣе тѣсное, на болѣе, такъ сказать, интимное отношеніе къ вамъ, господа. Мнѣ кажется, я встрѣчаю на этомъ пути ваше полное сочувствіе. Надѣюсь, что я не ошибаюсь въ этомъ?

— Мы всѣ,—отвѣтилъ о. Андрей, льстиво улыбаясь,—очень высоко цѣнимъ ваше участіе, ваше, можно сказать, сердечное участіе въ нашихъ дѣлахъ. Да и какъ не цѣнить? Вы у насъ, можетъ быть, умнѣйшій человѣкъ въ городѣ. Я и старикъ, а съ удовольствіемъ слушаю ваши разсказы и поучаюсь,—да, безъ стѣсненія говорю, истинно поучаюсь.

— Краснобаи!—шепнулъ Рябовъ Логину.

А желтое лицо его, обращенное къ Мотовилову, корчилось такою-же гримасою низкопоклонства, какъ и умильныя лица остальной компаніи.

— Благодарю васъ,—сказалъ Мотовиловъ, пожимая руку о. Андрея.—Только при такихъ отношеніяхъ и пріятно работать на общую пользу. Само собой разумѣется, что такія-же отношенія пытался я установить и въ городскомъ училищѣ. Но въ послѣдніе годы, къ сожалѣнію, мои намѣренія стали встрѣчать дурную почву. Въ дружную семью преподавателей вторгся, если можно такъ выразиться, зловредный элементъ. Надѣюсь, что мнѣ позволено будетъ говорить напрямки. Молодые люди часто заражены духомъ излишняго самомнѣнія,—полагаютъ, что всѣ обязаны уступать имъ честь и мѣсто.

Мотовиловъ строго покосился на Логина, и всѣ посмотрѣли на Логина очень строго.

— Да, молодежь не всегда достаточно почтительна,—съ улыбкой сказалъ Логинъ.

— Дѣло не въ одной почтительности. Впрочемъ мы, люди стариннаго покроя, думаемъ, что и почтительность къ людямъ, достойнымъ уваженія—дѣло не лишнее... Почтенный инспекторъ городского училища, Галактіонъ Васильевичъ, уже не разъ выражалъ желаніе оставить свое мѣсто. Я уговаривалъ его. Я даже не разъ ходатайствовалъ передъ начальствомъ,—въ частныхъ разговорахъ,—объ его повышеніи, котораго этотъ честный труженикъ вполнѣ заслуживаетъ. Мнѣ обѣщали. И вотъ, когда явилась возможность того, что освободится вакансія инспектора, явилась и претензія на нее съ той стороны, откуда ее нельзя было и ждать, такъ какъ нѣтъ никакихъ заслугъ, и всего года два службы, и возрастъ слишкомъ ранній. Былъ въ училищѣ и другой кандидатъ, вполнѣ достойный, — и вотъ онъ теперь устраненъ при помощи возмутительнаго поклепа.

— Да это—трагедія,—сказалъ Логинъ, улыбаясь, — и злодѣй, и жертва.

— Могу только удивляться вашему... взгляду на этотъ весьма серьезный предметъ, — сказалъ Мотовиловъ и помолчалъ, значительно глядя на Логина.

Логинъ не отвѣчалъ. Ненависть къ Мотовилову опять начинала мучить его.

— Господа,—продолжалъ Мотовиловъ,—я полагаю, что мы обязаны придти на помощь нашему собрату...

— По картамъ и вину,—шепнулъ Рябовъ Логину.

— Впавшему въ бѣду безъ всякой вины съ своей стороны.

— Какова риѳма!

— Перестаньте шептать,—тихо сказалъ Логинъ,—вѣдь онъ можетъ обидѣться.

— Молчу, молчу!

— Всѣ порядочные люди, съ которыми я говорилъ объ этомъ, думаютъ, что Алексѣй Иванычъ—жертва интриги. Вы знакомы съ его благороднымъ характеромъ и высоконравственными правилами, и я увѣренъ, что найду въ васъ такое-же сочувствіе. Алексѣй Иванычъ совершенно убитъ, и мы его должны утѣшить. Вотъ о. Андрей его видѣлъ и подтвердитъ вамъ, что онъ плачетъ.

— Да, плачетъ,—уныло сказалъ о. Андрей.

Всѣ выразили на своихъ лицахъ сочувствіе.

— Необходимо вывести дѣло на свѣжую воду, иначе это ляжетъ на нашу совѣсть. Мы составили коллективное заявленіе прокурору, что мы всѣ увѣрены въ невиновности Молина, что просимъ освободить его и ручаемся за него всѣмъ своимъ имуществомъ.

— Беремъ на поруки,—пояснилъ директоръ.

— Попрошу кого-нибудь изъ васъ, господа, прочесть заявленіе, и затѣмъ, кому угодно, пусть подпишетъ. Только тѣ, кому угодно.

Рябовъ просунулся впередъ и прочелъ заявленіе вслухъ. Всѣ внимательно выслушали, сдѣлали сочувственныя лица и потянулись подписываться. Въ сторонѣ остались Мотовиловъ, директоръ, подписавшіеся раньше, и Логинъ.

— Очень жалѣю, — сказалъ онъ, — но не могу присоединиться. Какъ я могу ручаться?

— Ваша воля!—сказалъ Мотовиловъ.

— Вотъ если-бъ насчетъ выпивки,—по этой части я его знаю. Да и принесетъ-ли это пользу?

— Тамъ не могутъ не дать вѣса нашему мнѣнію.

— Присяжныхъ трудно убѣдить словами.

— Ну, какіе присяжные! Что такое судъ присяжныхъ у насъ? Лотерея! Мы надѣемся, что судебная палата взвѣситъ и эти жалкія улики, и наше заявленіе, къ которому присоединяются всѣ лучшіе люди въ городѣ,—и просто рѣшитъ не предавать суду.

— Такъ, конечно, безопаснѣе.

— Не безопаснѣе-съ, а справедливѣе.

— Ну, а слѣдователь какъ на это дѣло смотритъ?

— Знаете, нашъ слѣдователь имѣетъ свои причины недолюбливать Алексѣя Иваныча... Господа,—обратился Мотовиловъ къ другимъ, круто отвернувшись отъ Логина,—могу сообщить вамъ печальную новость: и у насъ холера,—вчера захворало двое мужчинъ и одна женщина.

Учителя испуганно переглянулись.

— Ничего,—ободрительно сказалъ о. Андрей,—до насъ не доберется. Мнѣ кстати прислали боченочка три очищенной,—славная водка,—милости прошу послѣ-завтра ко мнѣ отвѣдать.

— Помнимъ, помнимъ, — сказалъ Мотовиловъ, — послѣ-завтра о. Андрей именинникъ.

VIII.

Анатолій Ермолинъ часто заходилъ одинъ къ Логину, съ которымъ успѣлъ завязать цѣлую сѣть общихъ интересовъ.

— А вы, Толя, похожи на сестру,—сказалъ ему Логинъ.

Мальчикъ въ это время пересматривалъ странныя берендейки, разставленныя на письменномъ столѣ.

— Должно быть, очень похожъ,—засмѣялся Анатолій,—вы мнѣ и вчера то-же говорили.

— Да? Я очень разсѣянъ бываю нерѣдко, мой другъ.

— У насъ съ сестрой широкіе подбородки, правда?

— Чѣмъ широкіе! Вотъ вы какой молодецъ—кровь съ молокомъ.

Анатолій застѣнчиво покраснѣлъ.

— Вѣдь я къ вамъ по дѣлу. Можно говорить? Не помѣшаю?

Онъ всегда приходилъ по дѣлу, и эти дѣла были иногда забавны. Прочелъ онъ гдѣ-то однажды, что какой-то нѣмецъ выдумалъ летательный снарядъ,—и захотѣлось ему сдѣлать этотъ снарядъ по рисункамъ. Отецъ посмѣивался и приводилъ Толю въ отчаяніе тѣмъ, что не вѣрилъ ни въ снарядъ, ни въ нѣмца,—а съ Логинымъ они очень долго и подробно толковали, что нужно для устройства снаряда. Заходила рѣчь и о другихъ предметахъ...

Провожая Анатолія, Логинъ опять думалъ, что мальчикъ похожъ на сестру. Ему почему-то захотѣлось поцѣловать Толины розовыя губы, которыя довѣрчиво и нѣжно улыбались. Онъ ласково обнялъ мальчика за плечи.

— Приходите почаще съ вашими дѣлами,—сказалъ онъ.

— А къ вамъ барышня идетъ,—шепнулъ Анатолій, и побѣжалъ по ступенькамъ крыльца.

IX.

Это была Ирина Петровна Ивакина, сельская учительница. Логинъ знакомъ съ нею былъ мало и встрѣчалъ ее всего раза два, три. Ея школа была верстахъ въ 30 отъ города.

Логинъ пригласилъ Ивакину въ гостиную. Дѣвица лѣтъ тридцати шести, маленькая, худенькая, костлявая, какъ тарань, чахоточно-розовая, легко волнующаяся, она всегда говорила быстро, сквозь кашель.

— Я явилась къ вамъ,—заговорила она, безпокойно двигаясь въ креслѣ, — чтобы указать вамъ то дѣло, которое наиболѣе необходимо для нашей мѣстности. Я слышала о вашихъ предположеніяхъ отъ Шестова. Это чрезвычайно порядочный господинъ, но, къ сожалѣнію, заѣденный средою и своею скромностью. Я вполнѣ увѣрена, что его совсѣмъ безвинно впутали въ дѣло Молина: это все интриги Никольскаго. который состоитъ личнымъ врагомъ Шестова изъ-за убѣжденій. Но это послѣ. А теперь я вамъ должна сказать, что необходимо издавать газету.

— Газету? здѣсь?

— Ну, да, что-же васъ удивляетъ? Необходимо имѣть мѣстный органъ общественнаго мнѣнія въ нашей глухой, забытой Богомъ трущобѣ.

— На что вамъ такъ вдругъ понадобилось общественное мнѣніе?— спросилъ Логинъ съ усмѣшкой.

Ивакина вся взволновалась, раскраснѣлась, закашлялась.

— Какъ! помилуйте! можно-ли объ этомъ говорить? Тогда возможно будетъ, по крайней мѣрѣ, обличать тѣ вопіющія злоупотребленія, всѣ тѣ подлости...

Логинъ улыбнулся.

— Да, вы здѣсь смѣетесь, вамъ хорошо въ городѣ, а каково намъ въ селахъ, въ самыхъ центрахъ арміи невѣжества и суевѣрій, гдѣ мы, учителя и учительницы, являемся единственными піонерами прогресса!

— Едва-ли мы можемъ помочь вамъ нашей газетой, да и средства...

— Обязательно можете,—барабанила Ивакина:—направленіе школьнаго дѣла во многомъ зависитъ отъ людей, живущихъ въ городѣ,—здѣсь живутъ тѣ особы, на отвѣтственности которыхъ лежитъ весь ходъ кампаніи во имя народнаго просвѣщенія, и они должны сосредоточить все свое вниманіе на положеніи народной школы.

— Ужъ и все вниманіе!

— Обязательно. Школа въ селѣ—это аванпостъ, утвердившійся во враждебномъ станѣ, аванпостъ, который одинъ могъ-бы пробить брешь въ китайской стѣнѣ народнаго неразумія. А вмѣсто того — полнѣйшее невниманіе, хоть волкомъ вой!

— Но развѣ у васъ не бываютъ...

— Я, напримѣръ, за два года завѣдыванія школой въ Кудрявцѣ только однажды удостоилась посѣщенія господина инспектора, но и это посѣщеніе было только провѣркою школьныхъ успѣховъ безъ всякаго отношенія къ внутреннему строю школы.

Чрезмѣрно-быстрая трескотня Ивакиной начала утомлять Логина.

— Должно быть, вамъ довѣряютъ,—вяло сказалъ онъ,—не боятся за вашу школу.

— Я имѣю за собою пятнадцатилѣтнюю опытность и нѣкоторое знаніе школы, что и помогло мнѣ не потерять головы, не отрясти праха отъ ногъ своихъ и не убѣжать безъ оглядки. Впрочемъ—тому, что я была забыта, причиной служатъ личные счеты, хотя, по моему крайнему разумѣнію, въ такомъ дѣлѣ, какъ народная культура, личныя недоразумѣнія слѣдуетъ откладывать въ сторону до болѣе удобнаго времени.

— Конечно, но...—попробовалъ было сказать что-то Логинъ.

Но Ивакина увлекалась своимъ словоизверженіемъ.

— Я, напримѣръ, не могла добиться полнаго сочувствія въ такомъ полезномъ и чрезвычайно-благородномъ предпріятіи, какъ «товарищество покровительства полезнымъ птицамъ» изъ школьниковъ, устроенное недавно мною.

— Какъ-же это, я не понимаю, полезныя птицы изъ школьниковъ?—спросилъ Логинъ съ досадливой усмѣшкой.

— Нѣтъ, школьники по моей инициативѣ составили изъ себя товарищество для покровительства полезнымъ птицамъ, гнѣзда которыхъ обыкновенно разоряются деревенскими мальчиками изъ шалости.

— А!

— Можете себѣ представить, даже такая свѣтлая личность, какъ Ермолинъ, отнесся къ этому дѣлу безъ должнаго сочувствія,—хотя онъ и признаетъ это товарищество полезнымъ, но не смотритъ на него, какъ на дѣло возвышенное, идеальное.

— А Анна Максимовна какъ смотритъ на это дѣло?

— Она еще слишкомъ молода. Она еще умѣетъ только улыбаться, когда съ нею говорятъ о такихъ серьезныхъ вопросахъ.

— Вотъ какъ!

— Но я все-таки устроила это товарищество. Ни за какія блага въ мірѣ я не намѣрена въ чемъ-нибудь спиксовать. Я не робкаго десятка.

— Это дѣлаетъ честь вашей энергіи.

— Наша обязанность—посвящать всѣ силы святому дѣлу просвѣщенія. Не то поразительно, что приходится вести борьбу съ дикостью массы — это естественно; а поражаетъ то грустное явленіе, что лица, которыхъ обязанность служить духовному просвѣщенію этой массы и

поддерживать учрежденія, стремящіяся къ той-же великой цѣли поднятія массъ, поступаютъ какъ разъ наоборотъ: подкапываютъ эти учрежденія, стараются всячески уронить ихъ въ глазахъ народа.

Ивакина тараторила-бы еще долго. Но Логинъ угрюмо и настойчиво перебилъ ее.

— Послушайте, Ирина Петровна, вы не пишете-ли стиховъ?

— Но какое-же отношеніе?.. Я не понимаю... Конечно, нѣтъ.

— Такъ знаете что? вы потерпите, подождите немножко... хотя воздушныхъ шаровъ.

— Воздушныхъ шаровъ?

— Управляемыхъ.

— Какъ это?

— Вотъ когда полетятъ всюду воздушные шары, тогда и безъ газеты вашъ аванпостъ, какъ вы изволите выражаться, будетъ сильнѣе, я вамъ ручаюсь за это.

— Но я не понимаю... какъ это ждать?—лепетала Ивакина въ недоумѣніи.

— А теперь никакая газета не поможетъ, ужъ лучше отложите попеченіе. Дѣлайте скромно ваше дѣло, и ждите воздушныхъ шаровъ.

— Съ динамитомъ!—прошептала Ивакина, въ страхѣ вглядываясь въ угрюмое лицо Логина.

— Съ динамитомъ? — съ удивленіемъ переспросилъ Логинъ. — Полноте, есть вещи посильнѣе динамита, безъ всякаго сравненія.

— Сильнѣе динамита?

— Ну да, конечно.

— Но... какъ-же?.. неужели безъ революціи нельзя?

— Ну, какая тамъ революція! — сказалъ Логинъ, и прибавилъ, чтобъ утѣшить Ивакину:—что-жъ, подумаемъ и о газетѣ.

Ивакина съ перепуганнымъ видомъ стала прощаться.

«Мозги у нея на бекрень», думалъ Логинъ, провожая ее.

X.

Едва-ли Логинъ могъ предвидѣть, къ какимъ послѣдствіямъ приведутъ его нечаянныя слова о воздушныхъ шарахъ. Ивакина вышла отъ него напуганная. Разговоръ припоминался ей въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: Логинъ сидѣлъ хмурый, почти ничего не говорилъ, улыбался саркастически, — и вдругъ таинственныя слова, воздушные шары и на нихъ что-то, сильнѣе динамита. Ивакина даже боялась и говорить объ этомъ,—разсказала двумъ-тремъ, на скромность которыхъ вполнѣ можно было положиться.

А на другой-же день пошли слухи, одинъ нелѣпѣе другого, и взбудоражили весь городъ. Стали говорить, что кто-то видѣлъ вчера такіе-же, какъ въ прошломъ году, воздушные шары отъ прусской границы (которая находится на разстояніи многихъ верстъ отъ нашего города). Говорили, что одинъ шаръ леталъ совсѣмъ близко къ землѣ, и что сидѣвшіе тамъ нѣмецкіе офицеры бросали «прокламаціи», а мужики ихъ подбирали и, не читая, несли къ уряднику. Другіе говорили, что это были не прокламаціи, а поддѣльныя деньги, цѣлая уйма кредитокъ, и мужики будто бы ихъ припрятали,—собираются платить ими подати.

Говорили и то, что сидѣли въ шарахъ не офицеры, а молодые люди въ поярковыхъ шляпахъ и красныхъ рубахахъ-косовороткахъ, очень пьяные, и пѣли пѣсни возмутительнаго содержанія, не то Марсельезу, не то Камаринскаго. Казначей Свѣжуновъ усердно спорилъ, что пьяные молодые люди въ поярковыхъ шляпахъ пріѣхали «не на шарахъ», у по рѣкѣ въ лодкахъ, что пѣли они про утесъ Стеньки Разина и привезли съ собою голую дѣвку; все это,—увѣрялъ казначей, видѣлъ онъ своими собственными глазами купаясь, а теперь,—по его словамъ, молодые люди сидятъ въ Лѣтнемъ саду въ ресторанѣ, пьютъ и поютъ, а дѣвка пляшетъ и краснымъ флагомъ машетъ.

Многіе пошли въ Лѣтній садъ, но не нашли молодыхъ людей въ поярковыхъ шляпахъ, а половые увѣряли, что чужихъ дѣвокъ здѣсь не было. Обманутые устремлялись снова къ казначею и укоряли его.

— Я пошутилъ, душа моя,—говорилъ Свѣжуновъ и весело, и громко захохоталъ.

XI.

Солнце, склоняясь къ западу, стремилось озарить насквозь террасу дома Ермолиныхъ, бросая неяркіе лучи въ промежутки холстинныхъ занавѣсей. Смуглыя щеки Нюты мягко пламенѣли. Задумчивая улыбка бродила по ея губамъ. Ермолинъ и Логинъ оживленно разговаривали. Это была одна изъ безконечныхъ бесѣдъ, которыя Логинъ часто велъ съ Ермолиными. Въ этихъ долгихъ спорахъ онъ иногда воодушевлялся, и слова его были не лишены красивости, слегка манерной и отвлеченной. Его неопредѣленныя и шаткія воззрѣнія были такъ печально противоположны яснымъ и прочнымъ взглядамъ Ермолиныхъ, что онъ самъ чувствовалъ свою душевную разоренность, но не хотѣлъ отказаться отъ своего...

Въ саду послышались шаги. Нюта прислушалась къ нимъ.

— Нашего полку прибываетъ,—сказала она, улыбаясь Логину.

— Кажется, я узнаю шаги,—тихо отвѣтилъ онъ:—тогда это не тѣ, съ кѣмъ я хотѣлъ-бы стоять въ однихъ рядахъ. Да, такъ и есть.

Это пришли Андозерскій и Михаилъ Павловичъ Ухановъ, судебный слѣдователь. Его считали у насъ необыкновенно умнымъ за то, главнымъ образомъ, что онъ всегда бранилъ русскихъ людей и русскіе порядки. Онъ начиналъ болѣзненно тучнѣть, имѣлъ блѣдное лицо и казался недолговѣчнымъ. Своими длинными черными волосами онъ, кажется, немного кокетничалъ.

Андозерскій посѣщалъ Ермолиныхъ не только потому, что имѣлъ виды на Нюту, но и потому, что считалъ своею обязанностью, какъ членъ судейскаго сословія, придерживаться общества образованныхъ и независимыхъ людей, хотя скучалъ, если не было картъ, танцевъ или выпивки. Душою-же тянулся онъ къ вліятельнымъ людямъ, дѣлающимъ свои и чужія судьбы.

Ухановъ, на вопросъ Ермолиныхъ про дѣла, заговорилъ о трудностяхъ слѣдствія по дѣлу Молина.

— Получается такое впечатлѣніе,—разсказывалъ онъ,—точно кто-то старается замазать дѣло... Свидѣтели несутъ околесицу, точно ихъ запугиваютъ или подкупаютъ.

— Ну, кому подкупать!—вмѣшался Андозерскій.

— Кому? Русскіе люди, извѣстно,—одинъ затѣетъ пакость, за нимъ и другіе. Я вотъ увѣренъ въ его виновности, а въ городѣ шумятъ, на меня жалуются.

— Добрый малый,—друзьямъ за него обидно.

— То-то вотъ, друзьямъ,—тоже гуси лапчатые. Мотовиловъ, напримѣръ, — да это привычный преступникъ. Нагрѣлъ руки, воровать ужъ не надо, — онъ иначе законъ нарушаетъ: подкупаетъ свидѣтелей, самоуправствуетъ. У него и дѣти—точно выродки.

— Ну, вы ужъ слишкомъ,—перебилъ Андозерскій.

Ухановъ сердито замолчалъ.

— А и правда,—сказалъ Логинъ,—объ этомъ дѣлѣ всѣ въ городѣ подъ чью-то дудку поютъ; по своему и думать боятся,—терроръ какой-то: кто запуганъ, кто захваленъ. Вотъ я слышалъ на дняхъ, кто-то хвалилъ Миллера: «прекрасный человѣкъ, честный, — онъ такъ возмущенъ поступками слѣдователя въ дѣлѣ Молина».

Всѣ засмѣялись. Ермолинъ замѣтилъ:

— Многіе изъ нихъ увѣрены, что доброе дѣло дѣлаютъ, спасаютъ.

— Конечно, — оживленно подхватилъ Андозерскій, — что-жъ тутъ худого?

— Худо здѣсь то,—горячо сказала Нюта,—что закидываютъ грязью ни въ чемъ неповиннаго человѣка.

— Самъ въ петлю лѣзетъ,—охота забираетъ ершиться.

— Ершиться? Клеветать-то все-таки не надо.

— Да, и клеветать, и повторять клеветы не слѣдуетъ,—глупо это очень,—съ неожиданной рѣзкостью воскликнулъ Логинъ и пристально посмотрѣлъ на Андозерскаго.

Андозерскій смѣшался, даже закраснѣлся немного.

— Ну, кто тамъ...—началъ онъ, и не кончилъ.

Нюта посмотрѣла на него съ удивленіемъ. Пролетѣла минута общей неловкости. Потомъ заговорили о другомъ.

XII.

Логинъ и Нюта тихо сидѣли за шахматнымъ столикомъ, у окна, въ розовомъ свѣтѣ догорающаго вечера. Нюта играла внимательно, Логинъ былъ разсѣянъ. Пока Нюта обдумывала свои ходы, онъ печально смотрѣлъ на ея наклоненную надъ шахматами голову, испытывая странное томленіе и ожиданіе. Его постоянно занимала одна мысль, посторонняя игрѣ, мысль, которую онъ не могъ-бы теперь выразить словами,—точно надо было рѣшить какой-то вопросъ, но рѣшеніе не давалось. Онъ зналъ, что она подыметъ глаза, сдѣлавши ходъ, и улыбнется. Онъ зналъ, что въ ея довѣрчивой улыбкѣ и въ ея свѣтлыхъ глазахъ мелькнетъ ему рѣшеніе вопроса, очень простое, но для него все-таки непонятное и чуждое. Болѣе всего томило его это сознаніе отчужденія, какой-то неразрушимой преграды, стоящей между имъ и ею.

Когда приходила его очередь дѣлать ходъ, онъ изобрѣталъ затѣйливыя и рискованныя сочетанія. Отвѣты Нюты были каждый разъ совсѣмъ просты, но сильны; они приводили его въ игрецкій восторгъ, — онъ недурно игралъ въ шахматы и понималъ эту игру. Составить себѣ ясный и простой планъ онъ теперь не могъ,—его увлекали ненадежныя и перемѣнчивыя соображенія; онъ могъ-бы выиграть только въ томъ случаѣ, если-бы игралъ съ неискуснымъ или очень горячимъ игрокомъ. Но Нюта продолжала играть обдуманно и вѣрно.

Наконецъ, онъ увидѣлъ, что положеніе его фигуръ нелѣпо и разбросанно, а черные, которыми играла Нюта, держатся стойко и дружно. Онъ сдѣлалъ ходъ весьма осторожный, но зато и слабый.

— Если вы такъ будете продолжать, то вы скоро проиграете,—сказала Нюта, дѣлая отвѣтный ходъ.

— Вамъ-же лучше: вы выиграете,—отвѣтилъ Логинъ.

— Вотъ ужъ это неинтересно,—вы точно поддаетесь.

— Поддаюсь? О, нѣтъ, но на моемъ мѣстѣ фаталистъ-азіатъ, любитель шахматовъ, сказалъ-бы: «мудрый знаетъ волю Всемогущаго,—я долженъ проиграть».

— Пока еще этого нельзя сказать.

— Я долженъ проиграть,—со странной грустью въ голосѣ сказалъ Логинъ и сдѣлалъ рискованный ходъ ферзью.

Нюта посмотрѣла на него съ удивленіемъ. Онъ поднялъ было руку, словно желая взять фигуру назадъ, но сейчасъ-же опять сѣлъ спокойно. Выраженіе покоя и покорности очень шло къ его лицу.

— Что-же это?—спросила Нюта.

— Все равно, пришелъ матъ,—вяло отвѣтилъ Логинъ. — Приходится сдаваться. А за это, если позволите, я разскажу вамъ одно дѣтское воспоминаніе.

Нюта молча наклонила голову. Приготовившись слушать, она откинулась спиной на спинку стула и на минуту закрыла глаза.

— Было мнѣ лѣтъ двѣнадцать,—говорилъ Логинъ.—Я захворалъ. И вотъ передъ болѣзнью или когда выздоравливалъ, не помню хорошо, приснилось мнѣ, что случилось что-то ужасное, невозможное, а виной этому—я, и это невозможное я долженъ исполнить, но исполнить нельзя, силъ нѣтъ... Словами сказать — это блѣдно выходитъ, а впечатлѣніе было неизъяснимо-ужасное, единственное, ни съ чѣмъ несравнимое, — какъ будто все небо съ его звѣздами обрушилось на мою грудь. И я безумно шепталъ въ просонкахъ: «тысячу гнѣздъ разорилъ,—сыграть не могу». Это часто припоминалось мнѣ потомъ, всегда гораздо слабѣе, чѣмъ я пережилъ тогда,—и мнѣ надо дѣлать большія усилія, чтобы отчасти и блѣдно припомнить то невозможное, что въ ту ночь лежало на моей груди тяжестью всей вселенной. Такъ удивительно и ни съ чѣмъ не сравнимо было это впечатлѣніе, что я потомъ старался вызвать его въ себѣ, искусственно создавая себѣ кошмаръ. Кошмары мучили меня, томительные и сладостные,—но то, единственное, не повторялось. Теперь, послѣ того, какъ я такъ долго и упорно гнался за жизнью, и такъ много ея погубилъ, я понимаю этотъ пророческій сонъ: жизнь душила меня,— ея невозможность и необходимость.

— Невозможность жизни! Живутъ-же...

— Живутъ? Не думаю. Умираютъ непрерывно,—въ томъ и вся жизнь. Только хочешь схватиться за прекрасную минуту,—и нѣтъ ея, умерла.

— Все это отъ гордости. Зачѣмъ требовать отъ жизни того, чего въ ней нѣтъ и не можетъ быть? Сколько поколѣній прожило мирно и счастливо,—и умерли покорно!

— И увѣрены были, что такъ и надо, что у жизни есть смыслъ? А стоитъ доказать, что никакого нѣтъ смысла въ жизни,—и жизнь сразу сдѣлается невозможной. Если истина станетъ доступна всѣмъ, никто не захочетъ жить. Незнаніе, глупость—спасители нашей жизни. Чѣмъ болѣе знанія и ума въ обществѣ, тѣмъ замѣтнѣе дѣлается, какъ изсякаютъ источники жизни. Вотъ почему, я думаю, люди нашего вѣка

такъ нѣжны и жалостливы къ дѣтямъ: ихъ наивная простота завидна намъ... Говорятъ,—я, молъ, для дѣтей живу. Для дѣтей! Прежде для себя жили и были счастливы, какъ умѣли.

— Нѣтъ, я со всѣмъ этимъ несогласна. У жизни есть смыслъ, да и пусть нѣтъ его,—мы возьмемъ и нелѣпую жизнь и будемъ рады ей.

— А въ чемъ смыслъ жизни?

Нюта положила локти на столъ, оперла голову на ладони и молчала, улыбаясь и глядя на него улыбающимися глазами. Чѣмъ-то радостнымъ и счастливымъ вѣяло отъ ея довѣрчивой улыбки, чѣмъ-то сулящимъ завѣтное блаженство и погружающимъ душу въ тихій покой самозабвенія. Логину казалось, что душа его растворяется въ этомъ тихомъ вѣяніи юной радости, что нисходитъ къ нему блаженное забвеніе, успокоительное и радостное, какъ смерть.

— Смыслъ жизни,—сказала наконецъ Нюта,—вѣдь это только наше человѣческое понятіе. Мы сами создаемъ смыслъ и вкладываемъ его въ жизнь. Все дѣло въ томъ, чтобъ жизнь была полна,— и тогда въ ней есть и смыслъ, и любовь, и счастье.

«Мысль изреченная есть ложь», припомнилось Логину. Да и самое обаяніе, владѣющее имъ, не обманъ-ли, не одна-ли изъ тѣхъ ловушекъ, которыя вездѣ разставлены жизнью?

— Такъ, такъ, вкладываемъ въ жизнь смыслъ,—грустно сказалъ онъ:—своего-то смысла въ ней нѣтъ. И какъ ни наполняйте жизнь, все-же въ ней останутся пустыя мѣста, которыя обличатъ ея безцѣльность и невозможность.

— Вы упрямы, васъ не переспоришь,—мягко сказала Нюта, перебирая шахматныя фигурки.

— Всѣ люди упрямы,—отвѣтилъ въ тонъ ей Логинъ, нѣжно глядя на ея тонкія руки и задумчивое лицо.—Ихъ можно убѣдить только въ томъ, что имъ нравится. На что очевиднѣе—смерть, и то не вѣрится, хочется и сгнивши опять жить гдѣ-то на томъ свѣтѣ.

— Не всѣмъ хочется: грѣшники рады были-бы не жить послѣ смерти.

— Не думаю,—грѣшники только кокетничаютъ съ своею боязнью ада.

«Умретъ и она!» подумалъ вдругъ Логинъ. «И всякая смерть будетъ встрѣчена безъ ужаса—и забудется!»

Острая жалость, ужасъ и недоумѣніе пробѣжали въ его душѣ. Онъ почувствовалъ, какъ погибло то молодое и счастливое, что трепетало сейчасъ въ его сердцѣ.

«Умерла минута счастія—и не воскреснетъ!»

Что-то поблекло, облетѣло... Минуты умирали. Было тоскливо и больно.

XIII.

Въ первомъ часу ночи Логинъ, Андозерскій и Ухановъ вышли на крыльцо. У крыльца стояли дрожки: Андозерскій велѣлъ извозчику пріѣхать за нимъ. Но извозчика отпустили,—было тепло и тихо,—и пошли пѣшкомъ. Ермолинъ и Нюта проводили своихъ гостей съ полверсты и вернулись домой.

Андозерскій началъ разсказывать неприличные анекдоты; Ухановъ не отставалъ.

Логину было противно. Онъ постарался незамѣтно отстать, и вошелъ въ лѣсъ, тянувшійся по правую сторону дороги. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги онъ нашелъ знакомую тропинку. Мѣста здѣсь были ему памятны: онъ любилъ бывать въ этомъ лѣсу, который клиномъ отрѣзывалъ усадьбу Ермолиныхъ отъ большой столбовой дороги.

— Ау, ау! куда запропастился?—раздались съ дороги голоса его спутниковъ:—волки съѣдятъ!

Логинъ не откликнулся и продолжалъ углубляться въ лѣсъ. Скоро голоса замолкли.

Деревья чутко наклоняли къ нему свои молчаливыя и влажныя вѣтви, задѣвая его по лицу, точно они спрашивали у него, что значитъ жить и любить. Онъ шелъ,—и сладостныя грезы носились въ его головѣ. Эти извилистыя тропинки на каждомъ поворотѣ напоминали ему милый образъ дѣвушки съ довѣрчиво-ясными глазами. Точно бѣлая тѣнь мелькала передъ нимъ въ просвѣтъ вѣтвей; казалось ему, что на дорожкѣ еще видны слѣды ея ногъ.

Онъ подходилъ къ той лужайкѣ у ручья, гдѣ первый разъ увидѣлъ въ прошломъ году Нюту. Мыслями о ней была теперь полна его душа. Робкая надежда на любовь согрѣвала ее.

Безшумный ручей, широко разлившійся здѣсь на обмелѣвшемъ руслѣ. блеснулъ передъ нимъ гладкою поверхностью. Онъ отражалъ деревья, но не видѣлъ ихъ, и былъ печаленъ. То дерево, подъ которымъ Логинъ увидѣлъ тогда Нюту, выступало изъ мглы. Что-то смутно темнѣло подъ этимъ деревомъ,—сидѣлъ или лежалъ тамъ кто-то.

Логинъ подошелъ. Прижавшись къ стволу дерева, лежалъ мальчикъ, худенькій, растрепанный и грязный, въ рваныхъ штанишкахъ, изношенныхъ сапоженкахъ и пестрядинной рубахѣ съ балаболами. Наивно и кротко было его лицо; оно казалось синевато-блѣднымъ. Коротенькіе каштановые волосы, слиплись на лбу неровными прядками. Засунувъ руки въ рукава и поджимая подъ себя ноги, онъ, повидимому, спалъ, дышалъ быстро и тревожно, и во снѣ иногда бормоталъ. Съ нимъ рядомъ стоялъ на землѣ пустой маленькій буракъ изъ сосновой драни.

Логинъ подумалъ, что это, должно быть, тотъ бѣглый изъ богадѣльни мальчишка, которымъ дразнили Баглаева. Истомленное лицо ребенка показывало, что онъ усталъ и проголодался. Онъ отошелъ недалеко отъ города,—должно быть, заблудился, а въ ближнія деревни боялся показаться; какъ-бы не отправили въ богадѣльню. Очевидно было, что нельзя его здѣсь оставить.

Логинъ потрясъ его за плечо. Мальчикъ открылъ глаза.

— Вставай, братъ, домой пора!—сказалъ ему Логинъ.

Мальчикъ, дико озираясь, приподнялся и сѣлъ на землю. Теперь видно было, что онъ не только истощенъ отъ долгихъ скитаній, но и боленъ. Онъ лихорадочно дрожалъ, глаза его дико горѣли, весь онъ былъ жаркій и потный.

— Ты въ богадѣльнѣ живешь?—спросилъ Логинъ.

Мальчикъ безпокойно задвигался.

— Не хочу, не надо, — залепеталъ онъ, — не пойду въ богадѣльню.

— Такъ какъ-же? Здѣсь, братъ, плохо ночевать,—сыро.

Мальчикъ молчалъ и наклонялся впередъ всѣмъ своимъ тонкимъ тѣломъ, словно въ дремотѣ.

— Пойдемъ, я тебя къ себѣ отведу,—сказалъ Логинъ, стараясь поднять его.

Мальчикъ ухватился за дерево слабыми руками.

— Ну, что-жъ ты, я тебя не отдамъ въ богадѣльню. У тебя отецъ есть?

— Нѣтъ,—прошепталъ мальчикъ, опуская руки и дико разсматривая Логина.

— А мать?

— Нѣтъ.

— Кто-жъ у тебя есть?

— Никого нѣтъ. Оставьте, пустите,—шепталъ мальчикъ, рванулся, чтобы встать, но какъ-то ослабѣло вытянулся и легъ на травѣ.

— Ну, что-жъ ты,—повторилъ Логинъ. — Вотъ я нашелъ тебя, теперь, братъ, ты мой, а въ богадѣльню я тебя не отдамъ. Пойдемъ.

Мальчикъ съ помощью Логина поднялся на ноги. Онъ безсильно покачивался и, повидимому, переставалъ соображать и сознавать; онъ ни спалъ, ни бодрствовалъ,—только лежалъ.

«Плохое дѣло!» подумалъ Логинъ.

Онъ поднялъ мальчика на руки. Мальчикъ, почувствовавъ себя на воздухѣ, потянулся руками и охватилъ шею Логина. Логинъ понесъ его. Мальчикъ дремалъ; ему сдѣлалось тепло,—онъ улыбнулся. Потомъ онъ открылъ глаза и смотрѣлъ на Логина.

— Вы меня въ богадѣльню не отдавайте,—сказалъ онъ внезапно.

— Ладно, не отдамъ.

Мальчикъ закрылъ глаза и помолчалъ.

— Я заслужу,—опять сказалъ онъ.

— Ну, ладно, спи себѣ.

— Я самъ пойду,—сказалъ онъ, помолчавъ еще немного.

Логинъ поставилъ его на ноги. Мальчикъ ухватился за его руки.

— Меня Леонидомъ зовутъ, Ленькой,—сказалъ онъ, и приникъ къ ногамъ Логина.

Логинъ приподнялъ его лицо съ устало-закрытыми глазами, неподвижное и блѣдное.

— Эхъ ты, путешественникъ!—сказалъ онъ.

Мальчикъ молчалъ. Логинъ опять взвалилъ его на плечи.

«Однако, нелегкая ноша!» думалъ Логинъ, подходя къ своему дому. «Не достаетъ того, чтобъ онъ умеръ у меня на плечахъ, — преглупое будетъ положеніе!»

XIV.

Ленька не умеръ, но былъ боленъ. Нѣсколько дней пролежалъ онъ. начиналъ бредить, но все обошлось легко. Логинъ позвалъ къ нему врача, и тотъ принялся угощать мальчика микстурами.

Надо было позаботиться и о томъ, чтобъ опредѣлить положеніе ребенка въ будущемъ. Логинъ заявилъ, кому слѣдуетъ, о желаніи своемъ взять мальчика на воспитаніе. Препятствій не оказалось. Однако всѣ, съ кѣмъ приходилось Логину говорить объ этомъ, одинаково удивлялись и спрашивали:

— Да на что онъ вамъ понадобился? Маята̀ одна съ ними,—у кого и свои, такъ плачутся.

Логинъ тоже удивлялся и отвѣчалъ вопросомъ:

— Да куда-жъ мнѣ его дѣть?

— Какъ куда! Вѣдь онъ-же былъ въ богадѣльнѣ?

— Да я обѣщалъ ему, что не отдамъ его туда: онъ не хочетъ.

— Вотъ еще, нѣжности какія! Съ непутевымъ мальчишкой!

И не было въ городѣ никого, кто-бы не подивился странной затѣѣ Логина.

— Дурь на себя напускаетъ!—говорили благоразумные люди.

А тѣ, до кого уже дошла сплетня, зародившаяся въ разговорѣ Мотовилова со Вкусовымъ, многозначительно переглядывались.

Одни Ермолины не удивлялись и не сердились на Логина.

Нюта однажды сказала ему съ улыбкой:

— Достанется вамъ за Леньку.

— Отъ кого?

— Отъ всѣхъ здѣшнихъ. Если-бы вы взяли мальчика для того, чтобы пользоваться его силенками, если-бы вы были купецъ или ремесленникъ, это было-бы понятно. Но пустить къ себѣ ребенка, совершенно чужого, только потому, что у васъ найдется ему уголъ и кусокъ хлѣба, и лишняя копѣйка для него — это для насъ дико. Подождите, васъ еще хвалить будутъ, да такъ, что не поздоровится.

Но милые глаза Нюты смотрѣли на Логина тепло и задушевно, и онъ чувствовалъ себя свѣтло и счастливо.

Когда Ленька сталъ выздоравливать, онъ каждый день отымалъ у Логина нѣкоторую долю времени и создавалъ для него что-то вродѣ семейной обстановки. Въ пустотѣ его дома у Логина появилось существо, еще загадочное, незнакомое, но къ которому можно было установить опредѣленныя отношенія. Возникало и чувство любви къ мальчику: Ленька былъ безпомощенъ и кротокъ, конфузился своего новаго положенія, боязливо слушался и начиналъ поговаривать о томъ, пустятъ-ли его на экзамены въ городское училище, гдѣ онъ учился до побѣга изъ богадѣльни. Потомъ повадился онъ разсматривать картинки въ книжкахъ и пытался срисовывать что-то, но рисунковъ своихъ не показывалъ, вообще дичился и разговаривалъ мало. Иногда-же на него находилъ откровенный стихъ, и онъ вдругъ, безъ всякаго, повидимому, повода, принимался выкладывать Логину свои воспоминанія. По ночамъ онъ бывалъ иногда безпокоенъ, бредилъ, а иногда просыпался и плакалъ.

Анатолій Ермолинъ часто забѣгалъ къ нимъ. Ленька и его дичился сначала, но потомъ скоро привыкъ. Они сдѣлались мало-по-малу большими друзьями. Анатолій пользовался большимъ уваженіемъ Леньки, и Ленька ему безпрекословно подчинялся. Это было полезно для «смягченія нравовъ», говорилъ Толя.

Прасковья, служанка Логина, рябая и мрачная, была въ большомъ негодованіи: ей прибавилось дѣла. Въ интимныхъ бесѣдахъ съ сосѣдками, Дылиными, ея большими пріятельницами, она называла обращеніе Логина съ Ленькой баловствомъ, не признавала болѣзни мальчика и находила, что его слѣдовало-бы не лѣчить, а задать ему такую баню, чтобъ небу жарко стало. Когда Ленька сталъ на ноги, Прасковья, чтобъ онъ не лодырничалъ, пыталась приспособить его къ кухнѣ: заставитъ сапоги почистить, въ лавочку сходить. Мальчикъ повиновался, если не былъ въ распоряженіи Анатолія. Вся его способность сопротивленія, казалось, была истощена безъ остатка побѣгомъ.

Дылины непритворно сочувствовали Прасковьѣ. Какъ всѣ, привыкшіе пользоваться подачками, они были завистливы на чужое добро. Тратятъ на «дрянного мальчишку» то, что могло-бы быть подарено кому-нибудь изъ братьевъ или сестеръ! Это казалось имъ свин-

ствомъ. То, что Леня можетъ, когда захочетъ, усѣсться на любое кресло и даже на диванъ, злило мальчишекъ и дѣвчонокъ, которые спали гдѣ придется, на полу, на лавкахъ, покрывались тряпками и носили рваную одежду. Поэтому они дразнили Леньку и задѣвали его, когда онъ показывался на дворѣ одинъ.

— Завидущіе!—называлъ ихъ Ленька.

Ѳедоръ Сологубъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЗАМѢТКИ НЕРВНАГО ЧЕЛОВѢКА.

(Изъ Бэрнанда *).

I.

На желѣзной дорогѣ.

Мои мысли въ вагонѣ. Перечелъ всѣ свои газеты. Какъ мало на это нужно времени! А когда, кажется, уже нечего читать, какъ интересны оказываются разныя мелочи, которыхъ обыкновенно не читаешь. Тоже замѣчаніе примѣню и къ объявленіямъ. Полагаю, именно въ положеніи, подобномъ моему въ настоящее время, (ѣду одинъ, порядочно далеко), и случается «ближайшему родственнику» найти въ газетѣ, что

*) Бэрнандъ—популярный въ Англіи юмористъ, долгое время сотрудникъ, затѣмъ редакторъ „Punch'a". Очерки его не претендуютъ ни на какую „идейность" и имѣютъ чисто шуточный характеръ, касаясь только мелочей повседневной жизни. Это есть какъ-бы регистрація разныхъ мимолетныхъ недоразумѣній и произвольныхъ скачковъ мысли, которые мы поправляемъ или устраняемъ въ умѣ, какъ исправляемъ иллюзіи и ошибки своего зрѣнія. Бэрнандъ наблюдаетъ именно эту область впечатлѣній и полумыслей, которыя тотчасъ умомъ отбрасываются. Въ этомъ его оригинальность. Онъ какъ-бы разсматриваетъ ихъ въ микроскопъ, при чемъ они неизбѣжно являются нѣсколько увеличенными, и будто-бы моментально заноситъ ихъ въ фиктивную записную книжку. Литературное достоинство очерковъ, при всей мелочности предметовъ, заключается въ замѣчательной тонкости наблюденія. Для того, чтобы они могли быть поняты, требуется вниманіе и усилія воображенія со стороны читателя, такъ какъ замѣтки эти написаны отрывисто, недосказанно и въ значительной степени — въ видѣ намековъ.

Рядъ выборокъ изъ Бэрнанда, съ нѣкоторой необходимой ихъ передѣлкой, но вполнѣ согласно съ его мыслью, причемъ та или другая его книжка сводилась всего къ двумъ листамъ, были помѣщены мною нѣкогда въ „Вѣстникѣ Европы". Часть изъ нихъ включена въ мою книгу „На досугѣ", рядомъ съ оригинальными разсказами.

Настоящій очеркъ представляетъ новыя выборки изъ второй части книжки „Мое Здоровье". *Л. П.*

его разыскиваютъ, или вообще кому-нибудь удается открыть, что онъ давно вызывается въ такое-то мѣсто въ личномъ своемъ интересѣ. Обнимаю взоромъ эту массу объявленій и думаю—а что если въ нихъ окажется мое имя? Вотъ былъ-бы для меня—по меньшей мѣрѣ—предметъ для разсказовъ впослѣдствіи, съ такимъ началомъ: «я преравнодушно такъ-себѣ, взглянулъ на первый листъ Times'a, совершенно случайно. потому что не дѣлаю этого почти никогда, пожалуй разъ въ годъ, и то нѣтъ—какъ вдругъ, бросается мнѣ въ глаза мое имя и т. д. и т. д.

Замѣтка для будущаго. Никогда не пропускать того столбца, гдѣ помѣщаются этого рода вызовы. Просмотръ стоитъ минуты въ день, а недосмотръ можетъ вскочить въ тысячи фунтовъ. Очень можетъ быть, что меня уже и вызывали въ качествѣ ближайшаго родственника, а я пропустилъ это только потому, что не просматриваю перваго листа «Times'a». Можетъ быть, кто-нибудь владѣетъ въ настоящее время состояніемъ, которое по праву принадлежало мнѣ. И если-бы я узналъ о томъ теперь и пришелъ къ нему требовать, то онъ отвѣтилъ-бы: «слишкомъ поздно; васъ вызывали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ черезъ вѣдомости, но васъ не оказалось; сами виноваты, желаю вамъ лучшей удачи въ слѣдующій разъ», и другія утѣшенія въ томъ-же смыслѣ.

По старательномъ просмотрѣ сегодняшнихъ объявленій Нѣтъ ни слова обо мнѣ.

Идея. На будущее время составлять коллекцію нумеровъ «Times'a», накалывая ихъ. Купить эту газету за минувшее полугодіе. Говорю полугодіе, такъ какъ мнѣ смутно представляется, что таковъ именно законный срокъ явки для вызываемаго наслѣдника или ближайшаго родственника. А между тѣмъ, какъ-же могъ-бы узнать и поспѣть во время ближайшій родственникъ, проживающій въ центральной Африкѣ? И какъ на него подѣйствовало-бы объявленіе, которое, начинаясь словами: «въ исполненіе послѣдовавшей резолюціи канцлерскаго суда», сообщало-бы заинтересованному лицу, что если имъ не будетъ учинено то-то и то-то въ двухъ-недѣльный срокъ, въ такомъ случаѣ ему уже въ теченіе всей остальной его жизни не будетъ болѣе сообщено ничего благопріятнаго? Трудно разрѣшимый вопросъ.

Все еще въ вагонѣ. Продолжаю мыслить. Но спать хочется. Новая станція Усть-Уэстгетъ. И городокъ новый, съ красивымъ видомъ на море. Состоитъ, повидимому, изъ кучки только что отстроенныхъ домовъ и изъ двухъ рядовъ холста, развѣшаннаго на веревкахъ. Станція Бэрчингтонъ. Прозвана такъ по своей березовой рощѣ... Можно-бы перенести сюда всѣ окрестныя школы для мальчиковъ! Еще станція—Уитстэбль. Здѣсь входитъ въ вагонъ джентльменъ, который сообщаетъ мнѣ, что Уитстэбль славится устрицами и спокойствіемъ.

Примѣчаніе. Уитстэбль—для спокойствія... Когда поправлюсь настолько, чтобы приняться вновь за мое сочиненіе «Аналитическая исторія движенія», попробую пожить здѣсь. При дальнѣйшемъ разговорѣ сосѣдъ сообщаетъ мнѣ, что главныя ловли устрицъ принадлежатъ лондонскимъ стряпчимъ. Затѣмъ, онъ вынимаетъ кучу бумагъ изъ черной сумки и, повидимому, погружается въ созерцаніе ихъ. Хорошо-бы возить съ собой сумки съ бумагами: придаютъ дѣловитый видъ. Особенно если при просмотрѣ ихъ хмурить брови, а по временамъ повернуться къ окну и посидѣть такъ, нѣчто соображая, передъ возвращеніемъ къ просмотру. Жаль, что у меня нѣтъ при себѣ рукописи «Аналитической исторіи движенія». Ему было-бы любопытно, что это у меня, какъ мнѣ теперь—что такое у него? Быть можетъ, онъ самъ одинъ изъ стряпчихъ, владѣющихъ ловлями устрицъ.

Ужасно хочется спать. Убѣжденъ, что подобная сонливость—нездоровое явленіе. Сонная рыба, напримѣръ, извѣстно какая. Удивительно, что симптомы моего нездоровья въ послѣднее время стали обнаруживаться въ какой-то связи съ моимъ носомъ. Самое ощущеніе сонливости у меня проявляется сперва именно въ немъ, такъ гдѣ-то около переносицы. И затѣмъ засыпаю внезапно, то-есть не отдавая себѣ отчета, что дѣлаю не что другое, а именно это. Глубоко обдумываю какой-нибудь предметъ, преслѣдуя одну мысль сквозь цѣлую толпу другихъ, ненужныхъ мыслей; совершенно такъ, какъ ищешь важный лоскутокъ бумаги въ ящикѣ, наполненномъ документами, старыми рукописями, позабытыми росписками, обрѣзками шнурковъ, которыми были сшиты бумаги, вообще разной упорно сидящей тамъ дрянью. И долго та, дѣльная мысль держится какъ-бы запечатлѣнной на сѣтчатой оболочкѣ моего умственнаго глаза. Потомъ, вдругъ проскользнетъ нѣчто совсѣмъ постороннее... И заинтересуетъ... а послѣ припомнится иногда такое, о чемъ не думалъ десятокъ лѣтъ... а еще послѣ... совсѣмъ ничего.

«Ваши билеты! Билеты, господа!» Просыпаюсь. Стряпчій устрицеловъ и его сумка исчезли, когда? Пожалуй, очень давно. Спать такъ—тяжело и такъ рано днемъ непремѣнно вредно. Дѣлаю эту замѣтку (для моего врача и для себя), только что проснувшись. При этомъ чувствую себя одеревенѣвшимъ въ разныхъ частяхъ и какъ будто меня только-что склеили.

Замѣтка. Другое удивительное явленіе. Засыпаю въ вагонѣ, находясь въ чистомъ, опрятномъ, приглаженномъ видѣ. А просыпаюсь въ видѣ какъ разъ противоположномъ, т. е. грязномъ, истасканномъ и взъерошенномъ—точно на меня навели во время сна мутно-желтую окраску. И костюмъ мой выглядитъ точно второго сорта, изъ магазина готоваго платья. Даже фасонъ его какъ-то измѣнился и отошелъ къ отдаленному періоду, когда была совсѣмъ другая мода. Въ Рамсгэтѣ

я сѣлъ совершенно свѣжій, а на станцію Викторія прибылъ заплеснѣвшимъ.

Внезапная мысль. Какъ рыбѣ должно быть непріятно, когда ее везутъ. И у меня подобное чувство, послѣ сонливаго переѣзда. Слава небесамъ, что мнѣ предстоитъ хорошенько провѣтриться въ морѣ, на яхтѣ моего знакомаго Уэтерби. Буду на палубѣ сегодня-же ночью или рано утромъ завтра и вскорѣ окажусь совершенно здоровымъ; то-есть сильно загорѣвшимъ.

Вопросъ. Быть загорѣвшимъ значитъ-ли быть здоровымъ? О человѣкѣ съ загорѣлымъ лицомъ у насъ выражаются такъ, что онъ—«настоящій портретъ здоровья». Но, разбирая логически, портретъ вѣдь это—не оригиналъ. Мальчикъ, о которомъ говорятъ, что онъ — настоящій портретъ своей матери, всетаки не сама-же мать, а другой субъектъ. Значитъ, и отъ «портрета здоровья» до самаго здоровья есть еще разстояніе.

Право, мнѣ кажется, я начинаю засыпать, стоя на платформѣ станціи, гдѣ вышелъ. Это, наконецъ, серьезно! Меня возвращаетъ къ бодрости носильщикъ съ вещами, спрашивая куда нанять извозчика? Сажусь «на извозчика» въ сонливомъ состояніи, не проронивъ ни одного слова. Такія психическія явленія должны быть записываемы. И носъ мой опять, повидимому, потолстѣлъ, даже болѣе обыкновеннаго, или, по крайней мѣрѣ, переносица. Въ воспитаніе каждаго человѣка непремѣнно должны-бы входить нѣкоторыя понятія объ анатоміи и медицинѣ. Вмѣсто того, чтобы испытывать нервное раздраженіе, вслѣдствіе чувства утолщенія носа, я, быть можетъ, чувствовалъ-бы себя теперь вполнѣ благополучнымъ, еслибы зналъ, въ какомъ соотношеніи переносица состоитъ съ другими частями человѣческаго организма.

Нѣчто объ обѣдѣ на желѣзнодорожной станціи. Въ общемъ правилѣ,—весьма некомфортэбльная вещь. Во-первыхъ, вы впередъ знаете, что это—только поддѣлка подъ обѣдъ. Во-вторыхъ — совсѣмъ не тотъ часъ, когда вы имѣете обыкновеніе обѣдать, что одно ужъ васъ разстраиваетъ. Въ-третьихъ—возбужденіе, происходящее отъ суматохи, а возбужденіе вредно отзывается на пищевареніи. Въ-четвертыхъ, весьма вредно для здоровья сознаніе, что вы не можете пройтись послѣ обѣда, но должны заботиться о билетѣ и багажѣ.

Однако-же, рѣшаюсь пообѣдать. «Посягну» на обѣдъ, по выраженію Бэдда, моего пріятеля. Даю $2^1/_2$ шиллинга одному должностному лицу, которое обязуется взять мнѣ билетъ. Затѣмъ, носильщику, который увѣряетъ, что онъ постоянно состоитъ при вещахъ, сданныхъ на храненіе, сдаю свои вещи и шиллингъ. Ассигную равную-же сумму другому носильщику, который, хотя постоянно не состоитъ не при чемъ, но обязуется занять мнѣ мѣсто въ вагонѣ и снести туда мое осеннее

пальто и ручныя вещи, включая зонтикъ. Вдругъ спрашиваю себя: умѣстно-ли брать съ собой зонтикъ — на яхту? Все равно, не бросать-же здѣсь.

Обѣдъ. Желѣзнодорожные овощи. Распарены. Зелень очень яркаго цвѣта, но слабой температуры. Картофель — твердый по краямъ, какъ будто подгорѣвшія части были срѣзаны или крупный картофель былъ передѣланъ въ мелкій, молодой, составляющій «деликатесъ». Остроумно, но неудачно. Все подается съ выставкой массы «британскаго металла», вѣроятно (по мысли буфетчика) съ цѣлью какъ можно болѣе напомнить обыкновенному гостю — его домашнія, аристократическія груды столоваго серебра. Овощи содержатся въ теплотѣ (но не горячими) въ чемъ-то похожемъ на огнеупорный шкафъ банкирской конторы. На мое замѣчаніе, гарсонъ возражаетъ, что они «не могутъ» быть горячѣе. Возраженіе имѣетъ тотъ смыслъ, что овощи эти подавались сегодня публикѣ уже десятки разъ и никто не ворчалъ; — вы (я) пріѣхали-бы раньше, когда они еще были горячими?

Сознаю, что онъ отчасти правъ, но всетаки это не резонъ. Мухи налетаютъ на столъ. Всего май мѣсяцъ и еще холодно, а у нихъ уже масса мухъ. Человѣкъ говоритъ: «да, сэръ, онѣ здѣсь болѣе или менѣе круглый годъ». Онѣ привыкли къ нему и онъ къ нимъ. Его онѣ, вѣроятно, и не трогаютъ. Онъ безопасно стоитъ среди ихъ ватаги, какъ укротители звѣрей среди львовъ.

Баранина совсѣмъ холодная. Соусъ къ ней имѣетъ болѣе высокую температуру. Кажется, какъ будто мой кусокъ баранины озябъ и теперь грѣется въ соусѣ. Но и тотъ моментально остываетъ. Замѣчаю это гарсону. Онъ улыбается, подходитъ къ другому столу и перекладываетъ съ него ложку на другой столъ.

Всякая фамильярность съ гарсономъ имѣетъ результатомъ — «на чай», шесть пенсовъ. Холодность съ гарсономъ можетъ быть оцѣнена въ три пенса «на чай». Итакъ, излишество здѣсь представляется разговоромъ на три пенса.

Послѣ обѣда. Голова горяча. Опять такъ и тянетъ спать. Чувствую, что напрасно «посягнулъ» на обѣдъ. Но остается всего минутъ десять. Гдѣ-же то должностное лицо, которое обязалось взять мнѣ билетъ? Что-то его невидно. Когда я нанималъ его, станція была совсѣмъ пуста. Теперь, передъ отходомъ поѣзда, здѣсь толпы, какъ публики, такъ и служащихъ при дорогѣ. А гдѣ постоянно состоящій при вещахъ сторожъ? Вотъ, — хорошо, шесть пенсовъ. А гдѣ непостоянно состоящій носильщикъ? Понесъ вещи въ вагонъ. Въ который? Его не могу найти. Пробѣгаю нѣкоторое разстояніе, спѣша — и это послѣ обѣда. Нѣтъ! Для чего, съ позволенія сказать — я ѣлъ сыръ и еще выпилъ пива?

Пять минутъ до отхода, звонокъ. Суюсь туда и сюда. Оказывается, носильщикъ сидитъ въ вагонѣ, занимая для меня мѣсто. Лишній шиллингъ ему—пусть сидитъ, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ того сторожа, который долженъ принести мнѣ билетъ. Подхожу къ шкафу съ книгами. Чтобы не терять времени, слѣдуетъ всегда знать впередъ, какая именно книга вамъ нужна. Точно такъ, какъ раньше, чѣмъ поѣздъ останавливается на станціи, вы должны рѣшить вопросъ — что именно потребуете въ буфетѣ.

Смотрю—цѣлый калейдоскопъ обложекъ. Мальчикъ-продавецъ совѣтуетъ мнѣ купить (значитъ онъ читалъ) «Темныя дѣла сыщиковъ» Картинка на обложкѣ: человѣкъ съ шафраннымъ лицомъ, въ зеленомъ сюртукѣ, красномъ жилетѣ и бѣломъ галстухѣ, стрѣляетъ изъ огромнаго пистолета въ дѣвицу, носящую платье полиняло-голубой краски, часть которой попала ей и въ волосы. Не рѣшаюсь. Заплатишь два шиллинга, а потомъ, пожалуй, и не дочитаешь до той сцены, которая изображена на обложкѣ. Во всякомъ случаѣ, это должно быть главное мѣсто въ книгѣ и оно мнѣ теперь уже извѣстно—да̀ромъ. Даже если кто-нибудь спроситъ: «вы читали «Темныя дѣла сыщиковъ»?—то могу отвѣтить: «а это, гдѣ тотъ, какъ бишь его, стрѣляетъ въ дѣвушку? Признаться, остальное позабылъ»... Отхожу отъ стола не купивъ книги.

Сейчасъ тронемся, а у меня все еще нѣтъ билета. За полминуты прибѣгаетъ сторожъ съ нимъ и сообщаетъ, что нашелъ для меня лучшее мѣсто, въ вагонѣ для курящихъ. Вонъ изъ прежняго вагона. Чемоданъ, покрывало, пальто, зонтикъ и я, все это стремглавъ несется въ другой вагонъ. Кстати, что такое «стремглавъ?» Слѣдовало-бы знать подобныя вещи. Въ вагонѣ для курящихъ пассажиры, очевидно, смотрятъ на мое позднее прибытіе какъ на насильственное вторженіе въ *ихъ* вагонъ.

Самое лучшее—взять вѣжливостью. Такъ, чьи-то саквояжъ и пальто стѣсняютъ меня. Вѣжливо открываю ихъ владѣльца. «Это ваше?»— сладкимъ тономъ съ любезной улыбкой. Признаетъ, что—его. «Вы мнѣ позволите...» Затѣмъ, когда онъ видитъ, что вы суете его имущество куда попало или помѣщаете эти вещи въ колеблющейся позиціи надъ его головой, онъ самъ встанетъ и уберетъ ихъ, къ общему удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ.

Изрѣченіе на пользу путешественниковъ. «Ласка предупреждаетъ гнѣвъ, а своевременная улыбка устраняетъ возможныя (хотя-бы и невозможныя) гримасы». Могли-бы быть еще подобныя изрѣченія, которыя стоило-бы издать въ назиданіе для туристовъ. Напримѣръ: «Кто раньше всталъ, тотъ и попалъ (т. е. на поѣздъ)». «Серебряный ключъ отворяетъ всѣ вагоны». «Одинъ бутербродъ не дѣлаетъ завтрака». Изрѣченіе для желѣзнодорожныхъ служащихъ: «Заботься о первомъ классѣ, а остальные сами о себѣ позаботятся».

Въ вагонѣ тѣсно. Однако-же мы понемногу всѣ усаживаемся и устраиваемся съ вещами удовлетворительно. Какъ фунтъ колотаго сахару сперва не входитъ въ ящичекъ, а послѣ терпѣливаго встряхиванія въ немъ помѣстится и полтора фунта. Съ нами множество вещей, такъ какъ каждый изъ насъ полагалъ, что онъ одинъ догадался взять съ собой саквояжъ, осеннее пальто, покрывало и зонтикъ. Но всѣ эти вещи постепенно размѣщаются, по мѣрѣ того. какъ вагонъ скачетъ далѣе. И мы сами дѣлаемся менѣе непріятны другъ для друга, чѣмъ вначалѣ.

Сосѣдъ спрашиваетъ меня: «Какъ прошли нынче скачки въ Батѣ?» Я не ожидалъ этого и нѣсколько озадаченъ. «Не былъ нынче тамъ»— отвѣчаю, изъ чего онъ можетъ заключить, что въ общемъ правилѣ я бываю на всѣхъ скачкахъ. Онъ, очевидно, принимаетъ меня за рьянаго спортсмена, такъ какъ, извиняясь за свое невѣжество, долгимъ отсутствіемъ изъ Англіи, онъ спрашиваетъ: «какъ, по моему, можно-ли ставить за Скэвенджера на 2,000-ный призъ?»

Замѣтка. Спорты вообще входятъ въ нашъ національный характеръ. Каждый англичанинъ родится мореплавателемъ и спортсменомъ. Разумѣется, если онъ затѣмъ не развиваетъ, а закапываетъ въ землю свои прирожденные таланты, то самъ виноватъ. Слѣдовало-бы просматривать хоть разъ въ недѣлю скаковыя изданія; всего четверть часа и будешь знать выдающихся лошадей.

Но такъ какъ я не просматривалъ, то отвѣчаю, что «я не совсѣмъ увѣренъ въ томъ, какъ пойдетъ Скэвенджеръ». Это буквально справедливо, потому что я впервые слышу это лошадиное имя. Но для моего собесѣдника подобный отвѣтъ можетъ имѣть особое значеніе; пожалуй, побудитъ его перемѣнить ставку. Онъ задаетъ мнѣ еще одинъ вопросъ, снова извиняясь тѣмъ, что провелъ нѣсколько лѣтъ въ Индіи. А я улыбаюсь, какъ-бы выражая ему: «ничего, это случается». Онъ спрашиваетъ: «кто теперь лучшіе жокеи?» Въ качествѣ англичанина, сознаю, что долженъ-бы знать ихъ имена. Не могу-же и я извиниться, что провелъ въ Индіи это время. Тѣмъ болѣе, что остальные пассажиры прислушиваются къ нашему разговору.

Отвѣчаю съ осторожностью: «Какъ вамъ сказать»—и раздумываю. Какое-то вдохновеніе подсказываетъ мнѣ имя и я произношу—«Гримстонъ, напримѣръ, одинъ изъ удачныхъ». Только что сказавъ это, чувствую, что провалился. Во-первыхъ, мнѣ приходитъ на мысль, что Гримстонъ—не жокей, а кулачный боецъ; во-вторыхъ, что онъ даже и не кулачный боецъ. но извѣстный шампіонъ въ состязаніяхъ въ крикетъ; въ-третьихъ, что Гримстонъ, это —знаменитый адвокатъ при канцлерскомъ судѣ. Крайне неловко и ожидаю, что собесѣдникъ нападетъ на меня съ разспросами: гдѣ скакалъ Гримстонъ и на какихъ лошадяхъ. Но собесѣдникъ послѣ моего отвѣта произнесъ только «а» и взгля-

нувъ въ лѣвое окно, гдѣ не оказалось ничего примѣчательнаго, посмотрѣлъ потомъ въ правое окно, гдѣ также не нашлось ничего интереснаго. Тогда онъ развернулъ газету.

Мало-по-малу пассажиры, одинъ за другимъ, высаживаются. Я остаюсь одинъ. Ощущеніе расклеенности. Скучнс. Думаю о пріѣздѣ. На станціи Торкэ, гдѣ выйду, я, вѣроятно, найду экипажъ Уэтерби или его шлюпку, если станція на самомъ берегу, какъ Рамсгэтъ. Быть можетъ, вышлетъ мнѣ навстрѣчу своего лоцмана, который будетъ въ фуражкѣ съ позументнымъ околышемъ. На мой вопросъ, принадлежитъ-ли онъ къ экипажу яхты моего пріятеля, онъ отвѣтитъ: «точно такъ, ваша честь!» Какъ у Купера. Затѣмъ, я сяду въ кабріолетъ, а онъ на козлы, въ качествѣ штурмана, чтобы направлять бѣгъ колесъ. Далѣе мы пересядемъ въ шлюпку, съ которой будутъ видны весело мигающіе сигнальные огни на яхтѣ. Самъ Уэтерби будетъ стоять у трапа. Однимъ словомъ—все для меня новое; другая обстановка, иной воздухъ. Именно то, что нужно для моего здоровья.

II.

Въ гостяхъ.

Выходитъ совсѣмъ не такъ. На станціи Торкэ — никого, кромѣ начальника станціи. Вручаю ему свой билетъ и осторожно спрашиваю. знаетъ-ли онъ мистера Уэтерби? Онъ коротко: «не знаю». Продолжаю— «у него своя яхта». Нѣтъ, «не знаетъ ни мистера Уэтерби, ни его яхты, но извозчики могутъ знать». Послѣ этого, онъ крикнулъ «Билль!» на кого-то. въ пространствѣ и, услышавъ откликъ, пошелъ быстрыми шагами къ концу платформы.

Извозчикъ объявляетъ, что знаетъ мистера Уэтерби. Онъ живетъ въ Фёркинъ-Террасѣ.

«Совсѣмъ нѣтъ—возражаю—у него своя яхта. Онъ только на якорѣ въ здѣшней гавани—то-есть портѣ. «Не знаю, какъ слѣдуетъ назвать: гавань или портъ. Но такъ какъ я имѣю дѣло только съ извозчикомъ, то все равно. Однако, извозчикъ настаиваетъ и я ѣду съ нимъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, разузнать. Можетъ быть Уэтерби и жилъ здѣсь на берегу, пока не имѣлъ своей яхты.

Фёркинъ-Террасъ № 14. Вѣроятно—родъ бельведера, надъ моремъ. На звонокъ у двери, выходитъ лакей. «Это—мистера Уэтерби?»—«Да, сэръ». — «Дома?» — «Нѣтъ, сэръ».—«На палубѣ?»—«О нѣтъ, сэръ!». Послѣднее такъ рѣшительно, какъ будто вовсе немыслимо, чтобы Уэтерби могъ теперь быть на палубѣ. — «Ожидаетъ меня?» — «Да, сэръ; онъ упоминалъ, что можетъ быть джентльменъ» (это произносится имъ вовсе нерѣшительно). Пауза. Ну, теперь какъ? Извозчикъ взглядываетъ на

меня съ такимъ видомъ, какъ будто хочетъ сказать: «а что? Какъ ты ни ломался, а вышло по моему, это самое мѣсто и есть. Ну-ка, что ты теперь покажешь?» Говорю повелительно: «взять мои вещи».

Отпустилъ извозчика; вещи въ проходѣ. Съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неувѣренности и съ сознаніемъ, что нахожусь здѣсь ровно въ 350 миляхъ отъ своей собственной кровати, спрашиваю человѣка: «а комната для меня есть?» Слуга, весьма вѣжливый и услужливый, отвѣчаетъ: «изволите видѣть, сэръ, миледи не знала, будетъ-ли вамъ угодно остановиться въ гостинницѣ или здѣсь».

Быстрый рядъ мыслей, проносящихся въ моемъ умѣ между его отвѣтомъ мнѣ и моимъ послѣдующимъ отвѣтомъ ему. Миледи!? Кто это? Не спрашиваю, такъ какъ я, очевидно, долженъ знать. Я всегда считалъ Уэтерби холостякомъ. Но если онъ и женатъ, то почему имѣетъ титулованную жену? Развѣ, что онъ самъ—лордъ Уэтерби или сэръ такой-то Уэтерби? Мнѣ теперь только приходитъ отчетливо мысль, что вѣдь онъ для меня—только такъ себѣ, знакомый. Но сколько разъ я съ нимъ ни встрѣчался, онъ всегда дѣлалъ на меня впечатлѣніе радушнаго и безцеремоннаго малаго, одного изъ тѣхъ людей, съ которыми при первомъ-же знакомствѣ сходишься, какъ будто они давнишіе пріятели. И встрѣчался-то я съ нимъ—припоминаю—всего три раза. Но при первой-же встрѣчѣ онъ пригласилъ меня когда-нибудь идти съ нимъ въ море, на его яхтѣ. Кажется, впрочемъ, это было въ декабрѣ. Но все равно: я пріѣхалъ сюда, нечего теперь обдумывать.

Мой отвѣтъ слугѣ, послѣ ряда мыслей: «о нѣтъ! я, разумѣется, предпочитаю остановиться здѣсь». Очень хорошо, онъ снесетъ мои вещи на верхъ. Миледи, по его словамъ, находится въ гостиной. Какъ обо мнѣ доложить? Говорю свою фамилію.

Идемъ по лѣстницѣ. Хотѣлось-бы мнѣ, чтобы онъ объяснилъ, кто эта миледи. Хотѣлось-бы также сперва повидаться съ самимъ Уэтерби. Но если жена его — или какъ-бы она ему ни приходилась — дома, то неловко было-бы съ моей стороны избѣгнуть ея и прокрасться прямо въ «мою» комнату. Въ эту минуту охотно возвратился-бы назадъ, даже всѣ эти 350 миль, и напрасно я не сказалъ, что предпочитаю остановиться въ гостинницѣ. Теперь не время. Дверь въ гостиную.

Слуга растворяетъ ее передо мной и самъ остается съ этой стороны, за дверью. Онъ, очевидно, убѣжденъ, что я прекрасно знакомъ съ леди Уэтерби. А леди Уэтерби, находясь *по ту* сторону двери, убѣждена, что это ей несутъ ночную свѣчку. за которой она звонила. Служитель произноситъ въ дверь, передо мной, мою фамилію и произноситъ ее ошибочно. Такъ, что мнѣ приходится начать съ объясненія, не только, что я — такой-то, но еще, что я — не тотъ, какъ ей было доложено. Непріятно начинать съ путаницы.

Въ гостиной двѣ дамы; одна — брюнетка, безспорно красивая, въ платьѣ, такъ сказать, массивномъ; другая—очень высокая, съ золотистыми волосами и въ платьѣ—опять такъ сказать—воздушной легкости. Первая вся — въ бархатѣ, настоящихъ кружевахъ, и съ нѣсколькими бриллiантами. Другая вся — въ газѣ, наводящемъ на мысль, что она можетъ сейчасъ улетѣть на облако, а покамѣстъ нуждается въ постоянномъ присутствiи человѣка съ каминнымъ половикомъ въ рукахъ, на случай, если она воспламенится. Одна—нѣчто существенное, другая—призрачное. Ясно, что существенная и должна быть леди Уэтерби. Столь-же ясно дѣлается мнѣ вдругъ, что Уэтерби все-таки—не болѣе, какъ *мистеръ* Уэтерби, но что онъ женился на дамѣ, которая сама имѣетъ титулъ.

Еще мысль. Мы составляемъ картину, которую я видалъ въ иллюстрированномъ журналѣ: «Леди Уэтерби съ подругой принимаютъ таинственнаго пришельца».

— «Леди Уэтерби,—начинаю я съ полнымъ убѣжденiемъ, что все легко объяснится и что сейчасъ мы будемъ сидѣть вмѣстѣ и весело болтать, какъ старые знакомые.—Леди Уэтерби, я долженъ просить вашего извиненiя, что являюсь такъ поздно, но дѣло въ томъ (послѣднее выраженiе совсѣмъ излишне, такъ какъ наводитъ на мысль, что—именно *не въ томъ*, что человѣкъ хочетъ отуманить), что когда я послѣднiй разъ видѣлъ вашего мужа» — ее это видимо заинтересовало, а весьма важно сразу заинтересовать — «недѣли три тому назадъ» — тутъ дамы взглядываютъ другъ на друга съ такимъ выраженiемъ, какъ будто онѣ спрашиваютъ себя — «что намъ: взвизгнуть или позвонить?» — Имѣя нервную тетушку, я знакомъ съ подобными припадками. Вѣроятно, онѣ обѣ были глубоко погружены въ чтенiе или дремали, и неожиданное мое появленiе слишкомъ подѣйствовало на нихъ. Поэтому, продолжаю спокойно:—то вашъ мужъ пригласилъ меня спуститься сюда на берегъ, завѣряя, что онъ самъ будетъ здѣсь; а потому»...

О небо! Что это значитъ?

Леди Уэтерби буквально попятилась къ камину. Ей недалеко было пятиться, такъ какъ она стояла на коврикѣ — а та высокая кисейная тѣнь конвульсивно бросается къ ней на помощь.

— «Нѣтъ, нѣтъ!—восклицаетъ воздушная тѣнь. — Это какая-то ошибка. Пожалуйста, отворите дверь, и крикните Клясперъ».—Она говоритъ это мнѣ. Затѣмъ слѣдуетъ поспѣшный опытъ съ моей стороны отворить дверь наружу комнаты, въ тотъ самый моментъ, когда ее отворяетъ внутрь человѣкъ, несущiй ночную свѣчку. Рѣдко мнѣ бывало больнѣй, чѣмъ на этотъ разъ.

Впечатлѣнiе можно сказать искрой вылетаетъ у меня изъ глаза—обнаружить свое рыцарство, не обнаруживая агонiи, какая пронеслась у

меня отъ переносицы черезъ глазъ и лобъ до самыхъ корней волосъ. Обращаюсь къ этому человѣку, какъ къ Кляснеру.

— «Кляснеръ,—говорю я,—леди Уэтерби желаетъ...

Въ одну секунду онъ ставитъ на столъ подсвѣчникъ и, выйдя на площадку лѣстницы, зоветъ «Кляснеръ!»

Или они всѣ съума сошли, или я пріѣхалъ не въ тотъ домъ (что не можетъ быть)... Одно только вѣрно, что Кляснеръ это — не тотъ, кто *его* зоветъ.

Снизу какое-то сопрано отвѣчаетъ «сейчасъ» и мелкимъ, бѣглымъ шагомъ поднимается къ намъ Кляснеръ. Это — хорошенькая, изящная горничная.

Въ ту самую минуту хлопаетъ дверь, выходящая на улицу. Раздается голосъ. Это—Уэтерби! Благодареніе небу! Онъ кричитъ—«Робертъ, сюда!» Потомъ что-то суетится внизу. «Сказать Биллю, чтобы...—снова что-то суетится тамъ-же и затѣмъ слышны шаги по лѣстницѣ. Кажется, никогда еще въ жизни я не былъ такъ радъ увидѣть кого-бы то ни было. какъ я теперь радъ, что вижу предъ собой Уэтерби.

Онъ—въ полномъ костюмѣ мореплавателя, что и составляетъ первый со времени моего пріѣзда сюда признакъ осуществленія того, зачѣмъ я пріѣхалъ. До сихъ поръ во всемъ окружающемъ не показывалось ни одного морского признака.

Уэтерби на одну восьмую, примѣрно, выше меня и ужасно радушенъ.

— Браво! — восклицаетъ онъ, прорываясь на сцену, — вы здѣсь! Ладно! Только у меня одна комната свободна, на самомъ верху, такъ какъ миссъ... Тутъ примѣчаетъ, что онъ не наединѣ со мной и круто сворачиваетъ на «позвольте васъ представить миссъ Стрэтмиръ, миссъ Джэни Стрэтмиръ».

Въ эту минуту онъ догадывается, что «ладно» имъ было сказано преждевременно; что у насъ что-то *неладно*. Хотя леди Уэтерби уже стоитъ прямо, а Кляснеръ держитъ свѣчку для нея. Мой пріятель удивленъ. «Что это, Бетти, нездоровится, а?»—обращено къ леди Уэтерби. Она улыбается и отвѣчаетъ, что ничего важнаго не случилось. Далѣе она выражаетъ (мнѣ) опасеніе, что вѣроятно мнѣ было очень и проч. и проч. На что я отвѣчаю, что прошу ее *не* и проч. и проч. Тогда Уэтерби представляетъ меня своей *невѣсткѣ*, леди Уэтерби. Послѣ того, она граціозно подаетъ мнѣ руку, прося меня извинить ее, такъ какъ она немного и проч. и проч. Вслѣдствіе чего я вышептываю нѣчто вродѣ, что я самъ—ворчу что-то невнятное, потому что неопредѣлившееся въ моемъ умѣ. Она хорошо дѣлаетъ, что не ждетъ конца моего періода, но идетъ въ верхній этажъ, въ сопровожденіи Кляснера со свѣчкой, а затѣмъ, по зову миледи—уходитъ миссъ Джэни. Уходитъ съ любезнымъ наклоненіемъ головы мнѣ и пускаетъ въ меня

изъ подъ рѣсницъ такой взглядъ, какъ будто я провелъ съ ней цѣлый часъ tête à tête.

— Доброй ночи, миссъ Стрэтмиръ, — произношу я какъ-то съ удареніемъ и наклоняю голову подъ острымъ угломъ къ позвоночному столбу, тѣмъ самымъ какъ-бы укрывая впечатлѣніе, испытанное мною отъ того, что ее зовутъ Джэни, что у нея золотые волосы и что ею была пущена въ меня при отступленіи, такъ сказать, парфянская стрѣла, которая—еслибы не существовали общепринятые въ обществѣ обычаи—давала-бы мнѣ, собственно говоря, прямое право—обнять ее и сказать: «Джэни, будь моя!»

Замѣтка ночью, при обдумываніи. Что это — любовь при первомъ взглядѣ или лишь результатъ контраста съ тѣмъ, какъ я жилъ въ послѣднее время? Съ тетушкой, ея наперсницей, ея собачкой и горлицей, которыхъ соединенные годы составляютъ около полутора столѣтія. Можетъ быть, именно только послѣдствіе рѣзкаго контраста. Выспаться, задавъ себѣ этотъ вопросъ. Утро вечера мудренѣе.

— «Джэни»—сообщаетъ мнѣ на ночь Уэтерби... Признаюсь себѣ, мнѣ не нравится, что онъ называетъ ее Джэни и хотѣлось-бы замѣтить ему, что это слишкомъ фамильярно. Только, конечно, не имѣю еще права. Но всетаки, единственное что мнѣ въ Уэтерби не нравится это—фамильярныя отношенія между нимъ и миссъ Стрэтмиръ.

— «Джэни»—говоритъ онъ—разсказала мнѣ объ ошибкѣ, въ какую вы впали. Бетти, т. е. леди Уэтерби и ея два мальчика теперь постоянно живутъ со мной, такъ какъ я опекунъ этихъ дѣтей, а она ведетъ мой домъ». Высказываю сожалѣніе о случившемся, скромно относя это къ моей глупости. Но Уэтерби беретъ главную часть вины на себя, такъ какъ ему слѣдовало раньше объяснить мнѣ; а меньшую часть онъ относитъ къ самимъ этимъ дамамъ, которыя передъ моимъ пріѣздомъ читали нелѣпыя росказни о духахъ и привидѣніяхъ. Вотъ почему, когда я выступилъ съ своимъ неожиданнымъ заявленіемъ, то оно такъ и подѣйствовало на его невѣстку.

Леди Уэтерби, какъ теперь оказывается—вдова сэра Джемса Уэтерби, своднаго брата моего пріятеля. Покойный былъ пожалованъ въ кавалеры ордена Бани на службѣ въ Индіи за то, что сдѣлалъ что-то или чего-то не сдѣлалъ съ правительственными складами и съ раджей какой-то области.

Замѣтка для будущаго. При сомнѣніи въ степеняхъ родства, не говорить — вашъ тотъ-то, а прямо называть г. или г-жу такихъ-то. Такъ, въ данномъ случаѣ если-бы, говоря леди Уэтерби о моемъ свиданіи съ ея зятемъ, я назвалъ его просто Уэтерби, то это оказалось-бы прилично, даже если-бы онъ и былъ ея мужъ. А такъ, какъ я сказалъ, именно, что *я недавно видѣлся съ ея мужемъ* (покойнымъ, какъ

оказалось теперь-же) и спустился сюда на берегъ по его приглашенію.. то это было крайне неосторожно. Хорошо еще, что я употребилъ выраженіе: «спустился», по приглашенію покойнаго сэра Джемса, а не наоборотъ, такъ какъ это даетъ утѣшительное понятіе о его нынѣшнемъ мѣстопребываніи. Впередъ быть осторожнѣе.

Однако, Уэтерби доселѣ не сказалъ ни слова о выходѣ въ море, странно. Онъ вдругъ взялъ свѣчку, кликнулъ «Робертъ!» и прибавивъ— «онъ проведетъ васъ въ вашу комнату; прощайте»—исчезъ.

Ночью-же. Если что напоминаетъ о яхтѣ въ настоящій моментъ, такъ это отведенная мнѣ каюта подъ самой крышей дома. Нельзя сказать, что эта каюта менѣе всякой данной величины, но она немного и больше. Кровать слишкомъ высока и широка. Влѣзаю туда и ползу на середину. Если меня внезапно разбудятъ и я быстро сяду, то головой хвачусь о потолокъ. Усиленно внушаю себѣ объ этомъ, прежде чѣмъ заснуть. Посмотримъ, выйдемъ-ли завтра въ море. Неужели Уэтерби бросилъ это занятіе?.. Миссъ Джэни Стрэтмиръ... Чудные глаза... Помнить, чтобы не треснуться головой... А хорошенькое имя— Джэни... Сэръ Джемсъ, вотъ что... Ну-съ, кажется...

Рано меня будитъ солнце, которое усиленно проникаетъ сквозь широкое итальянское окно моего мезонина, какъ-бы принимая его за парникъ для огурцовъ, а меня за самый этотъ овощъ, свернувшійся и зрѣющій на своемъ ложѣ. Нѣтъ занавѣски. Предвижу желчное состояніе и головную боль на весь день, если солнце будетъ продолжать жарить такъ. На часахъ: *6. 30.*

Три мухи, внезапно призванныя тепломъ къ жизни, начинаютъ спазмодически жужжать. Одна изъ нихъ дѣлаетъ упорные налеты на меня, злобно жужжа, при чемъ всякій разъ усиливаетъ свое жужжаніе при самомъ приближеніи къ моему лбу или уху. Бацъ. Кажется, скомкалъ ее въ волосахъ. Нѣтъ, улетѣла. Что можетъ быть раздражительнѣе этого подлаго, намѣреннаго жужжанія, на зло человѣку.

Стратегическая уловка. Спряталъ голову подъ простыню и надулъ мухъ. Дремлю снова.

7. 30. На сцену входитъ Робертъ, съ платьемъ. Самъ онъ одѣтъ въ родѣ матроса. «М-ръ Уэтерби, сэръ, завтракаетъ ровно въ восемь», сообщаетъ онъ. Почти уже неувѣренный въ самомъ существованіи яхты, я спрашиваю:—а въ море не пойдемъ?

— Какъ-же, сэръ. Я только что ходилъ на палубу сказать шкиперу, чтобы онъ былъ готовъ къ одиннадцати.

Прекрасно. Въ море! Самое лучшее для моего здоровья. А то— солнце-ли это, или вчерашнее путешествіе, или желѣзнодорожный обѣдъ въ необычное время, не знаю, но только чувствую сонливость, тяжесть во всемъ тѣлѣ и какое-то сжатіе въ переносицѣ. Равнымъ образомъ)противъ чего борюсь уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ), ощущаю

толстоту: сознаю, что толстѣю. Не знаю, достаточно-ли это примѣтно снаружи. Но у меня такое чувство, какъ будто во мнѣ содержится еще гораздо больше, чѣмъ доступно для посторонняго глаза. Меня гнететъ именно внутреннее сознаніе толстоты. Одѣваюсь въ состояніи нѣкотораго окоченѣнія. Отъ моего носоваго и общаго самочувствія зависитъ и нерѣшительность въ выборѣ костюма. Думаю, что къ яхтѣ подходило-бы нѣкоторое неглиже. Обдумываю это, при чемъ чуть не уснулъ на стулѣ. Прихожу къ выводу—безъ жилета.—А миссъ Джэни и леди Уэтерби? Не будетъ-ли отсутствіе жилета непочтительно?

Рѣшеніе. Одѣлся какъ обыкновенно для завтрака; посмотрю, въ чемъ другіе и если нужно,—возвращусь въ мезонинъ, гдѣ всегда успѣю снять жилетъ. Сошелъ внизъ.

Уэтерби въ столовой. Завтракаетъ одинъ и, повидимому, торопится. Окна отворены. Широкій видъ на море, корабли, лодки, молъ, гавань. Красивое мѣсто—Торкэ. И день хорошъ. Уэтерби (въ полномъ костюмѣ морехода, съ бронзовыми пуговицами) отвѣчаетъ.—«Да. Берите, пожалуйста, сами». Далѣе увѣдомляетъ, что дамы будутъ готовы отплыть къ 11-ти.

III.

Сборы.

Любопытно, какъ далеко предпринимаемое нами плаваніе. Уэтерби сильно звонитъ. Спрашиваетъ явившагося Роберта—«Гдѣ Билль?» Билль—это ужъ въ морскомъ родѣ. И тотъ предсталъ; также въ видѣ матроса. Его спрашиваютъ, видалъ-ли онъ лодку, покрашена-ли она? Оказывается да, то и другое. Уэтерби дѣлаетъ свои вопросы громко и рѣзко. «Робертъ!» Выходитъ тотчасъ; оказывается былъ тутъ же, за дверью.

Замѣтка. Вообще служащіе у Уэтерби, повидимому, уходятъ со сцены только за дверь, но никогда не отдаляются, такъ какъ ежеминутно могутъ быть призываемы, въ рѣзкомъ тонѣ и, пожалуй, лишиться мѣста, какъ только не окажутся налицо при первомъ зовѣ. Въ смыслѣ дисциплины, это совершенно правильно. Но напоминаетъ о «тысячѣ и одной ночи», гдѣ какой-то восточный человѣкъ безпрестанно хлопаетъ въ ладоши, и каждый разъ моментально передъ нимъ появляются сто невольниковъ, черныхъ какъ дерево того же наименованія. Кстати, какой же ширины были у него двери?

Когда явился Робертъ, онъ получаетъ приказаніе — «Послать за мальчикомъ». Билль между тѣмъ стоитъ, также ожидая приказа. Взглянувъ въ окно, Уэтерби произноситъ:—«Вѣтеръ между зюдомъ и зюдэстомъ?» На что Билль отвѣчаетъ: «да, сэръ, по моему есть немножко зюда».—«А шлюпка готова?»—«Да, сэръ».—«Что?»—кричитъ Уэ-

терби. Билль повторяетъ.—«А Бэнтеръ здѣсь?»—«Здѣсь».—«Прислать мнѣ его».

Уэтерби ходитъ по комнатѣ, а я спокойно завтракаю. Потомъ, высунувшись изъ окна, онъ неожиданно повернулся назадъ и спросилъ меня, какъ я переношу море? Я самъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ, когда собирался ѣхать сюда, но не рѣшилъ его. Уже много лѣтъ не бывалъ на парусномъ суднѣ и не помню съ точностью, каково на немъ. Если сказать, что переношу хорошо, а потомъ окажется, что не хорошо, это будетъ значить, что я хвасталъ. А если сказать, что не хорошо, то онъ, пожалуй, не возьметъ меня въ плаваніе.

Благоразумный отвѣтъ. «Не знаю навѣрное; это зависитъ».

Уэтерби взглядываетъ на меня и спрашиваетъ:—«Какъ? Что?»—такимъ тономъ. какъ будто онъ недоволенъ моимъ отвѣтомъ. Но тутъ входитъ Бэнтеръ. Это высокій и широкоплечій человѣкъ, также въ родѣ матроса, но попроще Билля, который возвратился и всталъ за нимъ. У Бэнтера есть особая манера смотрѣть на васъ—пожалуй несмѣло, а между тѣмъ такъ, какъ будто бы его постоянно занимаетъ и доставляетъ ему большое удовольстіе нѣкая его собственная шутка, такъ и остающаяся неизданною для другихъ. Онъ, повидимому, постоянно напрягаетъ всю силу воли, чтобы не подмигнуть вамъ — въ такомъ смыслѣ, что онъ отлично понимаетъ все, что происходитъ вокругъ и видитъ все насквозь, даже прищуривъ глазъ. Мнѣ Бэнтеръ нравится съ перваго взгляда и съ нимъ я рѣшился бы плыть хотя бы къ полюсу. Бэнтеръ, я увѣренъ, ничего бы не говорилъ, но доставилъ бы безопасно куда угодно. Вотъ бы порекомендовать первому лорду адмиралтейства такого человѣка.

Однако, у Уэтерби множество служащихъ. Мы пока еще въ комнатѣ, а уже я видѣлъ Роберта, Билля, Бэнтера, слышалъ о мальчикѣ и о шкиперѣ.—«Ага, Бэнтеръ»—обращается къ нему Уэтерби, только теперь замѣтивъ его, и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Бэнтеръ взглядываетъ на меня правымъ глазомъ, которымъ ясно выражаетъ—«развѣ это не забавно, развѣ не чудно?» Но не подаетъ никакого знака, не моргнетъ. Замѣчательный типъ матроса.—«Да, такъ что же?»—произноситъ Уэтерби и подумавъ:—«вѣтеръ между зюдомъ и зюд-эстомъ, а?» Бентеръ отвѣчаетъ съ юморомъ—у него все выходитъ съ юморомъ:—«Да, по моему, есть немножко зюда, сэръ». Уэтерби: — «Что-такое? Какъ?» А Бэнтеръ, повторивъ, смотритъ на меня, выражая весь юморъ положенія. Но онъ, однако, не впадаетъ въ припадокъ хохота надъ этимъ, а лишь едва примѣтно улыбается, и то только — глазомъ. Примѣчаю, что для этой цѣли ему преимущественно служитъ правый глазъ.

До сихъ поръ не отдаю себѣ отчета, для чего производится этотъ смотръ всему экипажу. Входитъ позванный мальчикъ, въ сопровожденіи Роберта. и оба имѣютъ самый серьезный видъ, точно опасаясь немедлен-

ной отставки. Мальчикъ—парень лѣтъ 18-ти. Вижу, Бэнтеръ наблюдаетъ его и, слѣдуя по направленію лѣваго глаза Бэнтера, замѣчаю, что парень—въ сапогахъ съ отворотами, какъ у жокеевъ. Бэнтеръ взглядываетъ на меня и въ правомъ глазу его выражается полный восторгъ юмора. Совершенно такъ-же ясно, какъ если бы онъ кричалъ: «ха-ха-ха! въ отворотахъ на море! Каковъ!»

— Заложить тѣлежку!—командуетъ Уэтерби. Что же это, въ тѣлежкѣ поѣдемъ, а не на яхтѣ? Потомъ Уэтерби по очереди кличетъ еще Джима и Ренджера. Наша яхта называется «Сильфида». Но вотъ, входитъ гость. Это оказывается, владѣлецъ другой яхты—«Аталанты». Онъ также идетъ въ море и спрашиваетъ моего пріятеля, что мы намѣрены дѣлать?—«Закинемъ неводъ»—объявляетъ Уэтерби и затѣмъ представляетъ меня. Похоже какъ будто онъ даетъ понять тому, другому моряку, что больше и дѣлать нечего, какъ закинуть неводъ, когда я здѣсь.

Неводъ. Такъ это, значитъ — не плаваніе. А я думалъ, что мы поплывемъ къ Испаніи или, по меньшей мѣрѣ, къ Франціи. Владѣлецъ «Аталанты» обращается къ собственнику «Сильфиды»:—«Будетъ слегка свѣжевато».

— Развѣ что чуть чуть—возражаетъ Уэтерби. Услышалъ его слова сразу, и не спросилъ какъ, что?—Почти зюдъ—зюдъ—эстъ,—прибавилъ онъ.

— Да,—отвѣчаетъ тотъ,—немножко зюда есть.—Очевидно, это у мореплавателей ходячее выраженіе. Взглянувъ въ окно, онъ обращается къ намъ—Тамъ снаружи будетъ маленькій плясъ.

Соображеніе: будетъ плясъ. Это выраженіе впервые, такъ сказать, ставитъ меня лицомъ къ лицу—съ моремъ. Первое мое движеніе таково, чтобы сказать—«послушайте, Уэтерби, если будетъ плясъ, то не лучше-ли остаться дома?» Но вѣдь я-же пріѣхалъ сюда для здоровья и «маленькій плясъ снаружи» можетъ быть мнѣ прямо полезенъ. Однако соображаю, что каждая вещь, кромѣ наружной стороны, имѣетъ еще и внутреннюю. Если снаружи будетъ плясъ, то какъ будетъ... Не хочу объ этомъ думать.

Тутъ Уэтерби спросилъ владѣльца «Аталанты»—«правда-ли, что вчера они всѣ переболѣли?» И тотъ нѣсколько замялся, вслѣдствіе чего Уэтерби, почувствовавъ свое превосходство, прибавилъ *и ему* на этотъ сазъ: «Какъ? Что?» А потомъ захохоталъ. Если такіе настоящіе мореходы, и тѣ бываютъ больны на морѣ, то что-же ожидаетъ меня? Не слишкомъ-ли много я съѣлъ мяса за завтракомъ? Вотъ, когда дождусь «пляса снаружи», то и будетъ рѳома. И хорошо еще, если только рѳома.

Послѣ нѣкоторой запинки, хозяинъ «Аталанты» сообщаетъ, что вчера ему нездоровилось еще прежде, чѣмъ онъ вышелъ въ море. *Не-*

дурная мысль—пожалуюсь на нездоровье прежде, чѣмъ мы начнемъ плаваніе. Тогда, если все сойдетъ благополучно, окажется, что я природный морякъ, что родная стихія тотчасъ меня вылѣчила. Если-же окажусь плохимъ морякомъ, то это скроется фактомъ, что мнѣ уже раньше нездоровилось.

Входитъ миссъ Джэни Стрэтмиръ. Костюмъ для яхты, изъ синей саржи, матросскій отложной воротъ, галстучекъ повязанъ въ морской узелъ, рубашка морского цвѣта, съ манжетами сильно напоказъ. Ея свѣтлые волосы зачесаны на верхъ затылка, на головѣ миніатюрный соломенный кружокъ, вродѣ опрокинутой подкладки подъ сыръ, съ синей лентой, которой концы, окаймленные серебряной тесемкой, летаютъ по вѣтру; напереди шляпы надпись «Sylphide». Я такъ пораженъ этимъ свѣтлымъ видѣніемъ, что не нахожусь сказать ничего, напр. хотя-бы по поводу «сильфиды».

Она въ восторгѣ отъ погоды и отъ всего. Задаетъ два десятка вопросовъ Уэтерби и порхаетъ то къ окну отъ зеркала, то къ зеркалу отъ окна, чтобы переставить иглу въ волосахъ и т. п.

— О!—вдругъ восклицаетъ она.—Мнѣ нужны перчатки!—Лукаво взглядываетъ на меня широко раскрытыми глазами.—У меня *нѣтъ* перчатокъ! Это ужасно, не правда-ли?—У нея особая манера произносить «не правда-ли»; очень хорошенькая манера. Но впослѣдствіи поправляю свое мнѣніе въ такомъ смыслѣ, что хотя это—очень хорошенькая манера *сперва*, но черезъ три дня она раздражаетъ.

— Это ужасно, не правда-ли?—Медленно возводитъ взоры кверху и оттуда быстро бросаетъ ихъ на меня. И это—не разъ. Каждый такой маневръ равнозначущъ вопросамъ: понимаете, какъ я проницательна? Понимаете-ли, я насквозь вижу, что въ васъ происходитъ? И развѣ я не обольстительна? Развѣ вы могли себѣ представить нѣчто подобное мнѣ?—Вотъ, если-бы Бэнтеровъ глазъ былъ здѣсь, воображаю, какое юмористическое наслажденіе онъ-бы выразилъ. Въ смыслѣ, что—«вотъ такъ штучка! Ай да барышня!»

Моментальная рѣшимость. Я слишкомъ долго жилъ отшельникомъ. Необходимо чаще бывать въ женскомъ обществѣ. «Исторія движенія» и другіе труды совсѣмъ погрузили меня въ одно мышленіе. Какъ я безконечно серьезенъ, сравнительно съ миссъ Джэни! Правда, она немножко ужъ слишкомъ воздушна... Но ее, навѣрное, испортили комплиментами и пустыми разговорами. Надо овладѣть ея вниманіемъ... (Ага, уже—овладѣть? Это несовсѣмъ мнѣ нравится). Просто поговорить съ ней серьезно. Она шаловлива, гибка и изворотлива какъ котенокъ. Вотъ, и прицѣпить къ ней нѣчто вѣское, для устойчивости. Меня. Вовсе не потому, что я толстѣю, но въ смыслѣ солидности умственной.

Миссъ Стрэтмиръ спрашиваетъ, есть-ли ей еще время пойти купить перчатки? Уэтерби отвѣчаетъ что «есть.» — «Въ самомъ дѣлѣ?—миловидно произноситъ она-—Вѣдь еще есть время, не правда ли?» Не только миловидно, но даже трогательно, какъ будто она научена опытомъ не полагаться на слова мужчинъ. Тогда Уэтерби сказалъ, что времени достаточно и спросилъ, не хочу-ли я проводить миссъ Джэни въ магазинъ и потомъ доставить ее безопасно на палубу.

Она повторяетъ прежній маневръ со взорами и присоединяетъ вопросы:—«Хотите вы быть такъ добры? Вы *навѣрное* знаете, что вамъ это не скучно?» Отвѣчаю, что съ большимъ удовольствіемъ. И мы идемъ. Я и эта златокудрая энтузіастка. Весь разговоръ ея состоитъ изъ вопросовъ или, лучше сказать, изъ патетическихъ загадокъ, предлагаемыхъ собесѣднику.

Замѣтка. Что она — такова со всѣми («такова» въ такомъ смыслѣ, что она вся—восторгъ и вся—глаза)?—или это только со мной и въ первый разъ? Прохожіе смотрятъ на насъ. На нее и меня. И на ея глаза... Un regard incendiaire... Мнѣ кажется, что прохожіе, послѣ того, какъ они уже прошли, оборачиваются и говорятъ: «Какая хорошенькая! Совсѣмъ подходящая пара! Вотъ счастливецъ! Смотрите, она поѣдетъ на его (т. е. на моей) яхтѣ! Кто она такая? Кто онъ?» Чувствую, что съ удовольствіемъ вздулъ-бы каждаго, кто надѣваетъ пенсне при нашемъ приближеніи.

Разговоръ съ ней, разумѣется, слѣдовало-бы начать такъ, чтобы сразу стать выше уровня ея прежнихъ поклонниковъ. Но не легко. А если я не буду занимать ее, то она, во-первыхъ, сочтетъ меня глупымъ; а во-вторыхъ, сейчасъ-же сама займется кѣмъ-нибудь другимъ. Напр. однимъ изъ шляющихся по берегу молодыхъ людей въ матросскихъ костюмахъ (акробаты!). Занять ее чѣмъ-либо серьезнымъ? Но чѣмъ? Нельзя-же такъ, вдругъ спросить—«какъ вы думаете, билль о реформѣ пройдетъ въ нынѣшнюю сессію?» Нельзя—подумаетъ, что я смѣюсь надъ ней. И можетъ заплакать.

Придумалъ—море. Замѣчаю: «Какую чудную картину представляетъ сегодня море».

Она. «О да! Прелестно, не правда-ли?» Не могу сказать, что нѣтъ. И потому развиваю далѣе этотъ сюжетъ—«Въ самомъ дѣлѣ восхитительно!» Естественное продолженіе этого разговора—мой вопросъ: «вы любите плавать на яхтѣ, миссъ Стрэтмиръ?»

— О, для меня это—прелесть, просто прелесть! А вы?

— Ничего,—отвѣчаю умѣренно, ибо еще не знаю разультата своего опыта.

— Мой братъ держитъ шлюпку—въ Коузѣ...

Замѣтка. Ея братъ. Это нѣсколько охлаждаетъ мой пылъ. И

раньше уже я замѣчалъ, что когда ухаживаешь, то извѣстіе о существованіи брата умѣряетъ пылъ. Онъ сразу представляется чѣмъ-то, что желательно-бы устранить. Мнѣ хочется возразить ей—«для меня совершенно безразлично, что-тамъ есть у вашего брата. Не суйте мнѣ, пожалуйста, брата, какъ угрозу. Въ такомъ родѣ, что «если вы (т. е. я) зайдете слишкомъ далеко. сэръ, такъ у меня есть братъ!»

Такъ какъ я самъ невысокаго роста (хотя многіе предпочитаютъ мой ростъ долговязымъ фигурамъ), то со стороны миссъ Стрэтмиръ предупрежденіе меня о братѣ можетъ значить, что ростъ его—въ шесть футовъ, по меньшей мѣрѣ, что у него косая сажень въ плечахъ и соотвѣтственная мускулистость.

Не открывая ей этихъ впечатлѣній, произношу съ равнодушіемъ: «Въ самомъ дѣлѣ? И вы часто плаваете съ нимъ?» Отвѣчаетъ: «О нѣтъ! Хотя я-бы *такъ* желала. Онъ служитъ въ стрѣлкахъ. Я увѣрена, что онъ очень-бы вамъ понравился».

Ясно, что она сознаетъ мою инстинктивную ненависть ко всему ея роду и племени, могущему встать между нами.

— Навѣрное—говорю, зная между тѣмъ, что самый видъ его былъ-бы мнѣ ненавистенъ и что я не безъ удовольствія услышалъ бы о какомъ-нибудь неблагополучіи съ нимъ на морѣ или о томъ, что онъ, вмѣстѣ съ своими глупыми стрѣлками, отправляются правительствомъ на мысъ Доброй Надежды. Не хочу разспрашивать миссъ Джэни о ея родствѣ. Лучше спросить леди Уэтерби. Это будетъ деликатнѣе.

— Я полагаю, миссъ Стрэтмиръ, вы очень любите веселость—говорю съ оттѣнкомъ горечи. Она поворачивается ко мнѣ, наклоняетъ голову на-бокъ выжидательно и смотритъ косо. Видѣлъ попугая, который дѣлалъ совершенно такъ, удивленный, когда ему насвистывали новую для него мелодію.

Она отвѣчаетъ: «Отчего?» Я не ожидалъ такого вопроса. Какъ-будто она ничего не хочетъ сказать отъ себя, но желаетъ, чтобы я одинъ говорилъ и проговаривался.

Неловко сказать:—Изволите видѣть, ваша прическа, употребленіе глазъ, ваша походка, все показываетъ...

Но тутъ является Робертъ и говоритъ: «Извините, сэръ, но м-ръ Уэтерби не можетъ дольше ждать. Шлюпка у берега». Значитъ, прямо такъ и отплыть. А мои вещи? Не рѣшаюсь спросить Роберта, принесъ-ли онъ на палубу мой зонтикъ. Потому что они могутъ смѣяться потомъ въ лакейской компаніи и пожалуй называть меня, между собой, именемъ этого предмета. Воображаю, какъ-бы тогда смотрѣлъ Бэнторовъ глазъ.

Мы въ шлюпкѣ.—«Прощай, Англія!»—говорю я, въ шутку. Но Уэтерби морщится. Подплыли близко. Кто-то, въ полосатой курткѣ, па-

ходясь на палубѣ «Сильфиды», машетъ платкомъ, и миссъ Стрэтмиръ отвѣчаетъ ему движеніемъ руки. Конечно, ненавижу его. Она: «А, тамъ капитанъ Доусонъ; я *такъ* рада, что онъ съ нами. *Такъ* мило. Вы его знаете?»

Не знаю и не хочу знать. Мысленно зачисляю его въ одинъ разрядъ съ ея братьями и остальной родней. И ненавижу всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

IV.

На яхтѣ.

Леди Уэтерби, еще одна дама и высокій джентльменъ, затѣмъ, шкиперъ, экипажъ и Бэнтеръ съ своимъ глазомъ. Молчитъ, но совершенно ясно выражаетъ: «вотъ это—жизнь. Rule Britannia и ура! въ честь Уэтерби».

Замѣчательно красиво и старательно снаряженная яхта. Все—бѣлое и лоснящееся отъ чистоты. На минуту я даже забываю о миссъ Стрэтмиръ, предоставляя ее человѣку въ полосатой курткѣ, и—наслаждаюсь воздухомъ и моремъ, какъ-бы первобытными условіями жизни человѣческаго рода. Гдѣ-же, если не здѣсь, можетъ быть здоровье?

Да и качки никакой нѣтъ. Правда, справившись, вижу, что мы еще стоимъ на якорѣ. Схожу внизъ. Здѣсь дамская комната, мужская комната и кають-компанія, съ фортепьяно, каминомъ, книжнымъ шкафомъ, всячими лампами, диванами, кушетками и креслами разной формы. Полъ весь покрытъ дорогимъ ковромъ.

Выхожу опять на палубу. Чудный день, свѣтло-голубое небо, море съ оттѣнкомъ синьки, красные утесы и цѣлая компанія бѣлыхъ домиковъ, совершенно одинаковой постройки, но на разной высотѣ. Какъ будто антрепренеръ, строившій эти дачки, доставилъ ихъ сюда, на берегъ Дэвоншёра, а онѣ вырвались на свободу и разбѣжались, въ перегонку, на возвышенности. Потомъ устали и остались такъ.

Однако, Торкэ замѣтно отдаляется отъ насъ, а море едва колеблется. Если такъ будетъ и дальше, то все въ порядкѣ. Уэтерби говоритъ со шкиперомъ. Полосатый капитанъ Доусонъ—съ миссъ Стрэтмиръ. Они смѣются. Она сидитъ на низкомъ табуретѣ, кокетничая со своимъ зонтикомъ и съ полосатымъ. Онъ полулежитъ на матѣ, у ея ногъ. Навѣрное воображаетъ себѣ, что живописенъ. Чувствую, что они—ниже моего вниманія. Лучше поучиться морскому дѣлу изъ разговоровъ Уэтерби со шкиперомъ и командой. Слышу, шкиперъ все разсказываетъ ему о Томѣ, который находится въ госпиталѣ, но поправляется. Уэтерби велитъ доставлять ему все нужное, а также его женѣ, обѣщая заплатить.

Потомъ онъ призываетъ къ себѣ мальчика. Не того—въ сапогахъ съ отворотами, а настоящаго, морского и шкиперъ свидѣтельствуетъ, что онъ ведетъ себя пока хорошо и что если не избалуется, то можно изъ него что-нибудь сдѣлать. «Слышишь это?»—строго спрашиваетъ его Уэтерби. А Бэнтеръ юмористически выражаетъ глазомъ:—«да, какъ-же, свирѣпъ, ужасно, живого съѣстъ». Впослѣдствіи узнаю отъ леди Уэтерби, что этотъ мальчикъ—сирота и былъ нищій. Однако Уэтерби—славный малый.

Признакъ здоровья. Охотно-бы закусилъ. Странно, что я голодъ ощущаю сперва въ груди. Записываю это, какъ замѣчательный симптомъ. Сегодня для меня положительно—не «толстый» день; скорѣе худощавый. Въ толстые дни я чувствую себя, какъ будто я проглотилъ пушечное ядро, къ тому-же жирное. Въ такіе дни люблю уединеніе и такой просторъ въ одеждѣ, какого придерживаются южно-американскіе плантаторы. *Тогда* пуговицы составляютъ нестерпимый деспотизмъ. Подобная разница въ самочувствіи, по днямъ—невеселое условіе существованія.

Миссъ Стрэтмиръ смотритъ въ мою сторону; она смотритъ такъ:—«почему вы такъ нелюбезны? Неразговорчивы? Полосатый мнѣ надоѣлъ. Приходите. Преданная вамъ Джэни». Въ отвѣтъ взгляду, слегка улыбаюсь. Но что означаетъ моя улыбка? Что я радъ? То есть радъ, что она меня поманила къ себѣ? Но въ такомъ случаѣ, я улыбаюсь совершенно такъ, какъ собака виляетъ хвостомъ, подходя къ своему хозяину. Нѣтъ, не хочу этого. Пускай полосатый виляетъ хвостомъ, когда его примѣтятъ.

Все это нездорово. Ну, что ей надо? Подхожу.

— Отчего вы не присѣли разговаривать?—При этомъ она слегка опускаетъ за собой зонтикъ и стрѣляетъ въ меня взглядомъ, закрывшись отъ полосатаго.—Разговаривать? На какую тему? Развѣ противъ пустоты и кокетства и о *недалекихъ* людяхъ (это довольно язвительно; жалко, что нельзя сказать).

— Вамъ слѣдовало придти и забавлять насъ, — легкимъ тономъ продолжаетъ она. Я золъ. На минуту я золъ. Не желаю, чтобы мной играли. А полосатый улыбнулся. Это съ его стороны непростительное нахальство. Я никакъ не позволилъ-бы себѣ (такъ мнѣ теперь кажется) улыбаться человѣку, не будучи съ нимъ знакомъ.

Не могу сказать ей, что «не хочу васъ забавлять». Но зато и я улыбаюсь—*ей*, въ такомъ смыслѣ, что «у васъ-же — полосатый, для этой цѣли». Улыбаюсь саркастически. А это я дѣлаю—нажимая правый уголъ рта внизъ.

Важная замѣтка. Впослѣдствіи провѣряю этотъ пріемъ передъ зеркаломъ. Оказывается: то, что я издавна употреблялъ въ качествѣ

саркастической улыбки, скорѣе похоже на опухоль правой шейной железы. Поэтому я въ четвергъ смѣняю ту саркастическую улыбку, которую употреблялъ еще въ среду — на иную, болѣе подходящую.

Къ улыбкѣ прибавляю—«я не зналъ, что васъ надо забавлять».

Она сперва взглядываетъ на носки своихъ кокетливыхъ ботинокъ, потомъ поднимаетъ глаза на меня, какъ-бы проникая въ самую душу и говоритъ: «Почему?» Ужасно раздражительно. Хотѣлъ-бы ей сказать грубо—почему *что?* Но высказываю это мягко. «То-есть почему я думалъ, что мнѣ нѣчего васъ забавлять?

— Да. Почему? Послѣ этого, она наклоняетъ свой зонтикъ на правую сторону и глядитъ въ море, ни на что. Какъ будто ей совершенно все равно, что я отвѣчу или она даже забыла о своемъ вопросѣ.

Мы съ капитаномъ Доусономъ (въ полосатой курткѣ) стоимъ и также смотримъ въ море. Вдругъ, онъ ко мнѣ, любезно: «вы меня, кажется, не узнали... Моя фамилія — Доусонъ». Разсматриваю его въ деталяхъ, какъ ребусъ, и стараюсь сложить. Нѣтъ, не знаю. Въ эту минуту мнѣ припоминается нѣчто такое, о чемъ я никогда не думалъ лѣтъ тридцать, а именно, что у моего отца была прачка и что она, вторымъ бракомъ, вышла за Доусона, у котораго былъ плюшевый жилетъ съ стеклянными пуговицами. Но тотъ, конечно, былъ другой и капитанъ Доусонъ не можетъ имѣть съ нимъ ничего общаго.

А онъ называетъ меня по фамиліи, съ нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Какъ-же это, неужели совсѣмъ не помните? Вѣдь я былъ съ вами въ пансіонѣ у Пиксли. — «А, у Пиксли! Да-да, конечно». Мы пожимаемъ другъ другу руку дружелюбно, точно миримся, и будто даемъ себѣ взаимное обѣщаніе, что не станемъ мѣшать одинъ другому у барышни... Что напрасно ревновать... Старые товарищи... Ладно, ладно. Въ умѣ подмигиваемъ другъ другу (по крайней мѣрѣ, мнѣ это такъ кажется).

Онъ—высокій, красивый блондинъ.—«Я васъ познакомлю съ моей женой». И идетъ къ той дамѣ, которая сидитъ съ леди Уэтерби. Какъ, онъ женатъ! Очень пріятно представиться миссисъ Доусонъ.

— Мы столько лѣтъ не видѣлись — говоритъ онъ при этомъ.— И я самъ едва узналъ его (т. е. меня). Онъ сталъ такъ круглъ и дороденъ.

— А я еще почувствовалъ-было къ нему дружбу! Но теперь — ненавижу человѣка до такой степени лишеннаго такта. Возражаю: «Не думаю, что я сталъ дороденъ» (доселѣ это выраженіе казалось мнѣ примѣнительнымъ только къ швейцарамъ, фермерамъ и, пожалуй еще, къ лицамъ духовнаго званія). Слегка выставляю свою грудь и *не выставляю* ничего другого. Принимаю нѣсколько военную осанку. «Когда я нынче пробовалъ надѣвать мои прошлогодніе (поправилъ себя во-время)...

жилеты, то нашелъ ихъ совсѣмъ впору» (положимъ это не безусловно точно).

Какой-то стукъ на палубѣ. Это вынесли наверхъ неводъ съ шестами и гирьками. Всѣ интересуются, гдѣ лучше закинуть. Рѣшаютъ—здѣсь. А мнѣ еще сильнѣе захотѣлось ѣсть. По словамъ Доусона, завтракать будемъ еще не скоро. Велѣлъ подать себѣ сухарь и всѣ взяли по сухарю. Миссъ Стрэтмиръ мнѣ:—«Вы *очень* любите рыбную ловлю»? Можно-бы отвѣтить: «*люблю* всѣмъ сердцемъ, всей душою» и пусть-бы поняла, какъ хочетъ. Но говорю только «да».—«Попросите, чтобы мнѣ дали удочку. О леди Уэтерби, велите дать мнѣ удочку! Мнѣ *такъ* хочется ловить рыбу!» Леди Уэтерби улыбается и спрашиваетъ, не будетъ-ли это мѣшать неводу, который брошенъ съ другого борта.

— О, нѣтъ!—вкрадчиво увѣряетъ обольстительница и обращаясь къ шкиперу: — Рейнольдсъ, вѣдь не будетъ мѣшать? — Молчаніе Рейнольдса принимается за согласіе и Робертъ приноситъ ей удочку.

Черезъ минуту она обращается ко мнѣ: «*Хотите* подержать ее? Для *меня?*—Все это съ обычными ея курсивами въ произношеніи. Беру, значитъ нѣчего и отвѣчать, что хочу». — «Не берите, если это вамъ скучно. Вамъ не хочется?» — Нечего дѣлать, сказалъ ей все-таки, что хочу. — «И непремѣнно поймайте мнѣ рыбу. Поймаете, не правда-ли? Недавно мы съ Рейнольдсомъ поймали». И стрѣляетъ взоромъ въ шкипера, который стоитъ на рулѣ и обязанъ не смотрѣть по сторонамъ.

Неужели она готова кокетничать даже съ рулевымъ? И почему она говоритъ иной разъ такъ, чтобы слуги слышали и восхищались? Неужели ни минуты она не можетъ обойтись безъ восхищенія ею мужчины, двухъ, трехъ, всѣхъ на свѣтѣ мужчинъ?..

Да, но только я страшно голоденъ и мнѣ слегка не по себѣ. Барышня ушла къ леди Уэтерби. Заставила меня держать «для нея» удочку и ушла.

Капитанъ Доусонъ предлагаетъ мнѣ сигару. — «Нѣтъ благодарю». Что-то не хочется. Говорю ему, что съ нетерпѣніемъ ожидаю завтрака. Онъ смѣется. До насъ доносится запахъ изъ кухни. Неумѣстенъ какъ-то на морѣ и потому непріятенъ. Миссъ Стрэтмиръ уже нѣсколько разъ заставляла меня поднимать удочку, увѣряя, что что-то клюнуло. И я дѣлалъ это, хотя безуспѣшно. Но когда она въ настоящую минуту пристаетъ ко мнѣ съ тѣмъ же—то мнѣ противно. «Вы же обѣщали поймать мнѣ рыбу? О, леди Уэтерби, какой онъ нелюбезный! Не хочетъ поймать мнѣ рыбу». Развѣ возможно, чтобы я обѣщалъ это? Садится возлѣ меня.

— Отчего вы не хотите меня занимать? Меня никто не занимаетъ. Развѣ вамъ меня не жалко?—И прячетъ насъ обоихъ за своимъ зонтикомъ, хотя говоритъ во всеуслышаніе—«Отчего?»

Хотѣлъ бы сказать ей—ахъ отстаньте, пожалуйста. Но говорю—«Оттого что... Развѣ вы не видите, что я...» Чувствую, лицо мое должно ясно выражать, что я голоденъ и что мнѣ дѣлается нехорошо.—«Развѣ я не вижу, что вы—что?» Это она произноситъ тихо и нѣжно, какъ я хотѣлъ бы, чтобы она обращалась ко мнѣ. Но обращалась бы—въ другое время, а не теперь.

Отвѣчаю самъ вопросомъ — «Ловко-ли это, что мы такъ много вмѣстѣ?» Она, опять во всеуслышаніе.—«Что за важность?» Тутъ Робертъ докладываетъ, что завтракъ поданъ. Не знаю, не поздно-ли; для меня. Если бы меня накормили раньше, то можетъ быть... Лэди Уэтерби говоритъ, что не сойдетъ внизъ, она боится каюты. Дѣло въ томъ, что мы, хотя и стоимъ, но тѣмъ не менѣе, какъ-то движемся. На мой вопросъ шкиперу Рейнольдсу, онъ отвѣчаетъ:—«чуть-чуть пляшемъ».

«Плясъ»—вотъ онъ. Покамѣстъ, дѣйствительно, «снаружи». Чтожъ, пойду завтракать. Говорятъ, хуже всего пустой желудокъ. Въ каютъ-компаніи плясъ обозначается гораздо явственнѣе, чѣмъ на палубѣ. Входя, слышу замѣчаніе Уэтерби, что когда въ вѣтрѣ есть эстъ, то если остановиться при неводѣ, всегда бываетъ маленькій плясъ. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же они останавливались? И съ утра всѣ они толковали, что въ вѣтрѣ есть зюдъ, при зюдъ-эстѣ. Теперь вижу, что имъ слѣдовало обращать вниманіе не на зюдъ, но именно на эстъ, такъ какъ отъ него зависитъ плясъ. Профессіональные люди всѣ—рутинеры.

Конечно, не обличаю ихъ. Потому что вообще не въ силахъ теперь Столъ прекрасно подвѣшенъ и все на немъ держится. Но *мы* не подвѣшены. Сидимъ по обѣимъ сторонамъ стола, какъ на качальной доскѣ, центромъ тяжести которой и служитъ столъ. Какое облегченіе, что нѣтъ дамъ. Барышня ушла въ дамскую комнату, вѣроятно, перешпилить волосы. Капитанъ Доусонъ, который сидитъ напротивъ меня, въ эту минуту медленно подымается, будто ростетъ надъ своей тарелкой. Затѣмъ, онъ постепенно осѣдаетъ и—моя очередь подыматься.

Полагаю, что до *шести* разъ, примѣрно, можно вынесть это поочередное возвышеніе и приниженіе. Вѣроятно не больше. Но главное—думать не надо.

Жареная баранина, вареные цыпляты. Отъ бѣлаго соуса къ нимъ—такъ отдаетъ запахъ масла... Горошекъ *зеленый*. Слишкомъ яркимъ цвѣтомъ прямо напоминаетъ свѣже-покрашенныя садовыя рѣшетки на дачѣ. И онъ пахнетъ масломъ. Чувствую, что душно отъ запертыхъ оконъ. Оказывается—всѣ отворены. Голова..

— «Баранины» — вырывается у меня слабо, но точно командуя, чтобы мнѣ сейчасъ дали.

— Послушайте, выпейте шампанскаго—говоритъ Уэтерби. Я сжимаю губы. На минуту не желаю вовсе никакого разговора. *Тихо подымаюсь,*

на своей сторонѣ стола. Слышу, Доусонъ говоритъ — «Шампанское, это— самое лучшее въ данномъ случаѣ». И при этомъ, онъ *тихо опускается*:— «Тогда дайте мнѣ шампанскаго. Но только сейчасъ, моментально». Однако, могу проглотить всего нѣсколько капель. Потому что теперь *я* опускаюсь и челюсти мои почему-то сжимаются, а горло какъ будто заткнуто. Вмѣстѣ съ тѣмъ, капитанъ Доусонъ снова пошелъ вверхъ.

На одинъ моментъ, мнѣ какъ бы лучше. Дамы! Миссъ Стрэтмиръ подходитъ къ моей скамейкѣ, въ то время, когда—моя очередь, противъ желанія, постепенно пойти кверху. Это и есть плясъ. Я не въ состояніи уступить мѣста даже дамѣ. Проситъ, чтобы я ей что-то далъ. Не могу. И объяснить не въ состояніи, что, пожалуйста, не говорите со мной; скоро пройдетъ, тогда опять можно.

Она — «О, выпейте шампанскаго! Не желаете? Отчего?» И бросаетъ зажигательный взглядъ—на несчастный обломокъ кораблекрушенія, какимъ я являюсь теперь.

Замѣтка. Совершенно невольная. Идея для картона: «Умирающій морякъ, мучимый русалками».— «Мнѣ плохо»—говорю. Она—«И мнѣ, ахъ я такъ больна». Вздоръ, потому что накладываетъ себѣ горошка. Не возражаю. Мнѣ теперь ни до чего и ни до кого нѣтъ дѣла, такъ какъ я уже безнадеженъ. *Опускаюсь*, еще разъ, съ плясомъ. Но все-таки крѣплюсь.

Въ этотъ моментъ Робертъ приноситъ сладкую яичницу, съ вареньемъ. Ужасно желтую.— «Пожалуйста, господа, не подходите... Ничего... Я—самъ»... Въ каюту шкипера. Увы, бѣдный шкиперъ!

Поплясалъ какъ нельзя лучше.

Чрезъ нѣкоторое время, выглядываю изъ этой каюты, какъ будто ожилъ опять. Достаточно-ли я оправился, чтобы идти на палубу? Слышу смѣхъ женщинъ. Слышу, какъ матросы навертываютъ этотъ подлый неводъ. Уэтерби, сверху, напѣваетъ, очевидно, для мена: «Fische,Fische», изъ хора въ «Фенеллѣ», по-нѣмецки. Выхожу, прячась за главный парусъ, слегка пошатываясь и чувствуя слабость въ колѣняхъ. Я слабъ, но сохранилъ прежнюю силу наблюдательности.

Держусь за канатъ и вижу, что палуба, мокрая, конечно, покрыта рыбою разныхъ именованій и всякаго рода гадостью, которая едва-ли даже можетъ имѣть особыя имена. Сотнями лежатъ морскія звѣзды, морскія собаки, ползаютъ морскіе пауки, валяются какія-то неимовѣрныя устрицы. Все это смѣшано съ пескомъ, иломъ и травами. Уэтерби и Доусонъ съ интересомъ разсматриваютъ эту дрянь, а въ юмористическомъ взгладѣ Бэнтера примѣтенъ оттѣнокъ жадности, съ какой голодные смотрятъ въ витрины фруктовыхъ магазиновъ.

Миссъ Стрэтмиръ старается удержаться, стоя на стулѣ возлѣ Доусона и для этого поминутно опирается на его плечо. При видѣ плос-

кой рыбы съ такимъ огромнымъ ртомъ, что она, такъ сказать, свободно могла-бы проглотить сама себя, барышня восклицаетъ, не жалѣя курсивовъ:—«О, какая *страшная*! О, леди Уэтерби, подите сюда и взгляните! О! (хватается за плечо Доусона) она меня не укуситъ? Ахъ, какой *ужасъ*!»

Улыбаюсь саркастически (въ новомъ, исправленномъ и значительно дополненномъ изданіи). Хотя чувствую себя истощеннымъ физически и нравственно (къ несчастію шкипера). Сознаю, что я теперь уже только призракъ, посѣтившій палубу, гдѣ прежде для меня было столько жизни и наслажденія.

Леди Уэтерби осталась сидѣть съ миссисъ Доусонъ. Но на призывъ барышни, обѣ эти дамы переглянулись и улыбнулись. Что означалъ этотъ обмѣнъ взглядовъ? Миссъ Джэни, между тѣмъ, продолжаетъ хвататься за плечо Доусона, пугаясь разныхъ рыбъ и другихъ тварей и потому не сходитъ со стула. А Доусонъ, потому-же, не можетъ отойти отъ нея. Любопытно-бы знать, какъ это нравится миссисъ Доусонъ и «попадетъ-ли» ему за это, впослѣдствіи? Ясно, что испугъ барышни одно притворство. Отлично понимаю это, продолжая стоять въ роли привидѣнія, ироническаго призрака, который прозрѣваетъ всю пустоту того, чѣмъ онъ при жизни обольщался.

Бэнтеръ показываетъ ей какую-то чудовищную игру природы.—«Бросьте, бросьте!—восклицаетъ миссъ Джэни за плечомъ Доусона,—она меня *укуситъ*!» Бэнтеръ, по обыкновенію, улыбается и говоритъ (глазомъ)—«какъ-же! такъ сейчасъ и бросилъ. Если хорошенько разварить да немножко перцу...»

Наконецъ. Благодарю судьбу—сѣти прибраны, машина пущена въ ходъ и мы приближаемся къ Торкэ.

Странно. При всемъ моемъ увлеченіи моремъ, чувствую теперь нѣкоторую неувѣренность, пока не встану опять твердыми стопами на сушѣ. Я всегда говорилъ себѣ, что у каждой вещи двѣ стороны. Море прелестно съ береговой стороны. Но разъ вы—на морѣ, все удовольствіе заключается лишь въ томъ, чтобы было возможно меньше непріятности. Это—взглядъ на море съ «плясовой» стороны.

Дѣйствительно, наилучше устроенная яхта можетъ достигать именно только того, чтобы давать вамъ минимумъ непріятныхъ ощущеній. Въ ней вы можете найти койку, подвѣшенную такъ научно, что она пребываетъ почти неподвижною, подобно гробу Магомета, висящему на воздухѣ. Но за то все вокругъ васъ вертится. Вдругъ, вы замѣчаете, что полъ каюты подходитъ къ вашему правому локтю, затѣмъ опускается, а потомъ идетъ къ лѣвому локтю. Много-ли пользы въ томъ, что вашъ столъ не движется, когда вы сами находитесь въ неустойчивомъ положеніи вокругъ стола? То взлетаешь надъ своей тарелкой

подобно хищной птицѣ, то тебя какъ будто тащатъ за ноги подъ нее, точно Донъ-Жуана, послѣ ужина. Много-ли выигрываешь отъ того, что лампа вполнѣ независима отъ движеній судна, когда самъ, съ книгой въ рукахъ, то находишься *выше* этой лампы, то рядомъ съ ней, то на два фута ниже ея?

Въ то время, какъ дамы съ Доусономъ отплываютъ въ шлюпкѣ къ берегу, подхожу къ Уэтерби и задаю ему вышепрописанные, неотразимые вопросы. Онъ: — «Что? Какъ?» Повторяю свои вопросы. Говоритъ, что, послѣ двухъ-трехъ выходовъ въ море, я привыкну къ этому и прибавляетъ, что самъ Нельсонъ постоянно подвергался морской болѣзни, а между тѣмъ побѣждалъ. Но если самъ Нельсонъ постоянно подвергался болѣзни, то почему-же я привыкну?

Любопытная это, однако, черта героя! Я совсѣмъ не зналъ о ней. Должно быть, намѣренно умалчиваютъ въ учебникахъ. И совершенно напрасно, ибо такая черта еще возвышаетъ его геройство. Лежать въ каютѣ и изнывать—какъ я изнывалъ у шкипера. А въ это время, за дверью, начальникъ штаба эскадры и свита ожидаютъ приказаній, какъ поступить въ виду предпринятаго непріятелемъ боевого маневра... И приказанія давались... Въ промежуткахъ. И невзирая на то, что было между промежутками, побѣда постоянно вѣнчала британскій флагъ. Это верхъ героизма, нельзя иначе сказать.

V.

Пикникъ.

Вечеромъ получаю письмо отъ Бэдда, который сообщаетъ, что у моей тетушки—процессъ, для веденія котораго необходимо достать нѣкоторые документы въ Парижѣ и во Флоренціи. Что такъ какъ я, благодаря тетушкѣ (и на ея счетъ) изучалъ законовѣдѣніе и сдѣлался адвокатомъ (непрактикующимъ), то она желаетъ, чтобы это дѣло велъ я и чтобы гонораръ достался мнѣ, а не постороннему лицу. Счастливая мысль—путешествовать по Европѣ, съ гонораромъ за это. Тотчасъ сообщаю всѣмъ, что послѣзавтра я долженъ уѣхать. Миссъ Стрэтмиръ:— «вы рады, что уѣзжаете. Отчего?» Не могу отвѣтить—оттого, что вы говорите «отчего». Наоборотъ изъявляю сожалѣніе.

На другой день. Встаю. Робертъ, почистивъ мое платье, по своему обыкновенію, вывернулъ его все наизнанку и въ этомъ видѣ сложилъ. Не понимаю отчего онъ всегда такъ дѣлаетъ. Но забывалъ замѣтить ему. «Отчего» напоминаетъ мнѣ о миссъ Джэни. «Если-бы она не была такъ»—натягиваю сапоги—«то думаю, что можетъ быть»—подтяжки—«Но она въ самомъ дѣлѣ такъ»... Застегиваю воротничекъ рубашки, напрягая голову вверхъ. Какая масса силы требуется, чтобы застегнуть воротникъ. И очень больно. Даже вижу это на лицѣ.

Муки одѣванья. Я знаю одного человѣка, который, такъ сказать, весь состоитъ изъ разныхъ колючекъ и механизмовъ. У него пряжки съ острыми спицами на жилетѣ и на брюкахъ. Пряжки съ еще болѣе острыми спицами на башмакахъ. Его галстукъ—остроумный механическій аппаратъ, построенный изъ шелка и желѣза съ концомъ, ходящимъ на чемъ-то вродѣ блока. Когда натянуть его книзу по блоку, то онъ и держитъ. Запонки на рукавахъ у этого господина таковы, что онѣ рѣжутъ ему пальцы, а на передѣ рубашки рѣжутъ самый передъ. Если этому субъекту приходится спѣшить, переодѣваясь къ обѣду, то онъ положительно танцуетъ отъ боли. Самымъ великимъ изобрѣтеніемъ нашего вѣка могъ-бы быть костюмъ совершенно лишенный пуговицъ и застежекъ. Припоминаю нѣмецкую сказку: «Человѣкъ, лишенный тѣни». Гораздо полезнѣе было придумать человѣка, лишеннаго пуговицъ.

Идя съ Уэтерби по набережной, вижу леди Уэтерби и миссъ Стрэтмиръ, разговаривающихъ съ двумя джентльменами. Одинъ—высокій, тонкій, съ свѣтлыми усами и кавалерійскими бакенбардами, въ родѣ короткихъ дорожекъ передъ входомъ въ каждое ухо. Одѣтъ онъ какъ для дороги. Очевидно—ротмистръ такой-то, такого-то гусарскаго полка.

Другой—низенькій боченокъ, съ маленькой головой. Можно еще сравнить его съ голубемъ, если-бы только голубь стоялъ на хвостѣ.

Къ компаніи принадлежатъ еще два мальчика, отъ 10 до 12 лѣтъ. Рядомъ—низкая коляска, запряженная парой пони и при ней—одноколка съ грумомъ. Утро. Вѣроятно, всѣ ѣдемъ куда-нибудь прогуляться. Во всякомъ случаѣ, хорошо, что внутрь страны, отъ берега.

Еще издали, Уэтерби произнесъ радушно:—«а, виконтъ Мелонъ!» Или какую-то французскую фамилію въ этомъ родѣ; не разслышалъ. Который изъ нихъ виконтъ: боченокъ или гусаръ? Но гусаръ до такой степени очевидно англичанинъ, что, должно быть, именно—тотъ толстенькій.

Замѣтка для немедленнаго примѣненія. Приготовить для виконта мой запасъ французскихъ словъ. Основное правило при вступленіи въ разговоръ съ иностранцемъ, если вы (выражаясь деликатно) несовсѣмъ бойко владѣете его языкомъ, заключается въ томъ, что починъ при этомъ вступленіи непремѣнно долженъ принадлежать—вамъ. Это все равно, какъ въ уличной дракѣ—первый ударъ рѣшаетъ судьбу. Стало быть, вопросъ: кто долженъ нанесть первый ударъ всегда рѣшайте въ свою пользу... И притомъ раньше, разумѣется, чѣмъ вашъ противникъ догадается о томъ-же. Однимъ словомъ, правило таково: вы наступили кому-нибудь на мозоль или случайно ругнули его. Онъ дѣлаетъ угрожающій жестъ—*Сшибите его съ ногъ,* моментально. Безъ малѣйшаго колебаіян—сшибите его съ ногъ. Не говорите:—«если вы сдѣлаете что еще

разъ, то я васъ и проч.». Нѣтъ, прямо—бацъ. Напр. кэбменъ грубитъ вамъ при разсчетѣ, въ такомъ родѣ, «что онъ, всего за четыре пенса, треснулъ-бы васъ по башкѣ» или дѣлаетъ другія употребительныя у нихъ оговорки. Сшибите его съ ногъ; однимъ ударомъ. И такъ далѣе.

Вотъ, тоже самое и съ разговоромъ на иностранномъ языкѣ; въ данномъ случаѣ на французскомъ. Не ожидайте момента, когда знатный иноземецъ раскроетъ противъ васъ свою, маскированную пока, словесную батарею и осыплетъ васъ цѣлымъ градомъ картечи. Нѣтъ, вы, первый, откройте по немъ огонь, пославъ ему зарядъ такого готоваго періода, отвѣтъ на который вамъ легко предвидѣть и понять.

Мы подошли къ нимъ уже совсѣмъ близко, а я все еше не приготовилъ французской фразы. Останавливаюсь и будто-бы завязываю шнурокъ на своемъ башмакѣ; а на самомъ дѣлѣ подыскиваю, какой-бы мнѣ зарядиться французской фразой? Ага, придумалъ: «Mr. le vicomte, je suis enchanté. Est ce que vous êtes longtemps en Angleterre?» Но—постараться, чтобы «longtemps» не произнести. «Long Tom».

Хотятъ садиться въ коляску. Уэтерби меня представляетъ, сперва именно—ему. Начинаю: «... je suis enchanté»... Но оказывается, что толстенькій—не болѣе, какъ мистеръ Дэрли, лейтенантъ Дэрли, съ какого-то нашего военнаго судна. Значитъ, французскій виконтъ, это—тотъ англичанинъ. Фамилія его въ самомъ дѣлѣ похожа на Мелонъ. Интересно-бы посмотрѣть, какъ она пишется. Кланяюсь ему особенно учтиво. Вообще, всегда стараюсь показать иностранцамъ, что мы вовсе—не медвѣди и не лавочники. (Впрочемъ именно лавочники особенно учтивы. И постоянно кланяются).

Бормочу теперь во второй разъ ...«je suis enchanté». Не знаю, услышалъ-ли это виконтъ. Но, отвѣчая на мой поклонъ, онъ сказалъ Уэстерби чистѣйшимъ англійскимъ языкомъ:—«Теперь мы всѣ на лицо; какъ-же мы раздѣлимся?» Ни малѣйшаго признака француза въ немъ: ни въ одеждѣ, ни въ разговорѣ, ни въ манерахъ.

Мальчики (они—сыновья леди Уэтерби и о нихъ было упомянуто въ началѣ моихъ замѣтокъ о Торкэ) предпочитаютъ ѣхать въ одноколкѣ виконта (одноколка—*его* и грумъ—*его*. Все безусловно англійское), если онъ повезетъ ихъ.

— О! И я поѣду съ дѣтьми!—Заявленіе миссъ Стрэтмиръ, конечно; при этомъ она отпустила виконту двойную порцію «взгляда». Французъ согласился. Ея дальнѣйшее игриво - умоляющее заявленіе: «Леди Уэтерби, вы мнѣ позволите? Я, право, не упаду!» Затѣмъ, ко мнѣ: «Вы—съ нами и поддержите меня». Объясняю, что въ такомъ экипажѣ нельзя помѣститься виконту, ей, мнѣ, двумъ мальчикамъ и груму. Тогда она говоритъ мнѣ—конечно всегда и непремѣнно—мнѣ, при виконтѣ и лейтенантѣ: «Отчего?»

Наконецъ леди Уэтерби устраиваетъ насъ такъ: Джэни, лучше, поѣдетъ съ ней; одинъ изъ ея мальчиковъ съ г. Мелономъ, другой—съ самимъ Уэтерби. А боченкообразный лейтенантъ и я—на телѣжкѣ, имѣя на козлахъ Бэнтера, рядомъ съ кучеромъ. Дѣйствительно, еще два экипажа подъѣхали. Она даже принимаетъ на себя трудъ мотивировать такое распредѣленіе:—«Видите, г. Мелонъ беретъ съ собой наши корзинки съ провизіей; значитъ, нельзя слишкомъ обременять его экипажъ. А ѣдемъ мы довольно-таки далеко для пони. Вотъ почему я и думаю—въ любезно веселомъ тонѣ—что такъ какъ телѣжка запряжена парой сильныхъ лошадей, то болѣе *солидную* часть компаніи вѣрнѣе помѣстить на ней».

Мысль въ телѣжкѣ. Я, боченокъ и Бэнтеръ составляемъ наиболѣе солидную часть. Мнѣ грустно послѣ этого.

Замѣтка для моего доктора.—«Уже предвижу свою судьбу. Грядущія событія впередъ бросаютъ свою тѣнь на настоящее. Грядущее событіе для меня, это—толстота: быть можетъ, неимовѣрная. Прежде я имѣлъ «толстые» дни. Теперь у меня бываютъ толстые часы, даже—минуты. Перемѣнялъ мѣстности, пользовался восточными банями, свѣжимъ морскимъ воздухомъ; пользовался морской болѣзнью... И все-таки не вижу рѣшительнаго результата.

«Иногда утромъ съ удовольствіемъ замѣчаю въ себѣ нѣкоторую легкость, тѣсно застегиваю жилетъ и это мнѣ пріятно. Сознаю себя свободнымъ, легкимъ, хожу эластическими шагами. Чувствую прекрасный аппетитъ—и завтракаю умѣренно. Но послѣ того, тотчасъ ощущаю тяжесть вездѣ. Какъ будто я весь пропитался жирнымъ соусомъ. Вы знаете, многоуважаемый д-ръ N, что значитъ захлебнуться въ соленой водѣ, которая войдетъ вамъ въ носъ, ротъ и уши. И вотъ, представьте, у меня бываетъ такое чувство, точно вмѣсто соленой воды проникъ повсюду—соусъ. Что все это значитъ, дорогой докторъ? Меня очень облегчаетъ чиханье; но само оно болѣзненно для меня и даже для присутствующихъ. Дается только послѣ большихъ усилій и тогда происходитъ родъ носового выстрѣла, послѣ котораго я долженъ сопѣть съ полминуты, чтобы прійти въ себя. Объясните, пожалуйста, не скрывая опасности; а если возможно, то успокойте меня».

Дорога ведетъ вокругъ холма, по крутому боку котораго ростутъ обыкновенные кусты, деревья и трава, испещренная самыми простыми полевыми цвѣтами. Но миссъ Стрэтмиръ, конечно, пришла въ восторгъ и стала выражать желаніе достать ихъ. Мы сходимъ съ экипажа и подымаемся далѣе пѣшкомъ. Тутъ у меня тотчасъ оказывается то сопѣніе, о которомъ я только что писалъ, хотя я и не думалъ чихать.

— О какіе миленькіе цвѣты! Достаньте мнѣ ихъ!—умоляетъ она, непремѣнно меня... Ей стоитъ самой нагнуться, чтобы нарвать ихъ сколько угодно. Но, само собой разумѣется, ей нужны именно тѣ, ко-

торые ростутъ высоко—«Сорвите хоть одинъ такой цвѣтокъ, *для меня.* Не хотите, почему?» Не могу сказать ей просто, что кто и такъ уже сопитъ, тотъ не въ состояніи еще лѣзть на стѣну. Лейтенантъ Дэрли приноситъ ей цѣлую охапку и получаетъ за это въ награду цвѣтокъ— изъ ея рукъ; другой цвѣтокъ она втыкаетъ въ волосы. При этомъ она стрѣляетъ въ меня взглядомъ, какъ-бы говоря: это счастье могло выпасть и на вашу долю, если-бы вы заслужили. И одновременно ухитряется произвесть точно такой-же выстрѣлъ въ лейтенанта.

Замѣтка. Ея глаза, это—пара револьверовъ системы Стрэтмиръ.

Предлагаетъ и мнѣ незабудку. Благодарю, но не принимаю, подъ предлогомъ, что у меня болитъ голова. Какъ будто незабудка имѣетъ слишкомъ сильный запахъ. Но это—очевидная демонстрація съ моей стороны и означаетъ—Простите навсегда, кокетливое существо. Удовольствуйтесь лейтенантомъ или кѣмъ вамъ угодно другимъ. — Они опять сѣли въ экипажъ и я хочу туда подняться, когда миссъ Джэни указываетъ мнѣ на вьюнокъ, растущій на высотѣ, всего можетъ быть, двухъ ярдовъ, но на крутомъ откосѣ. Она умоляетъ меня достать ей только этотъ, одинъ этотъ цвѣтокъ.—Если достанете, обѣщаю, что не буду больше просить васъ.—Никогда?—Никогда.

Развѣ—достать? Дѣлаю маленькій разбѣгъ—въ ширину дороги, и скачу. Нѣтъ! И кажется теперь, что вьюнокъ ростетъ выше, чѣмъ я думалъ. Повторяю разбѣгъ и чтобы удержаться на откосѣ, ухватываюсь за кустъ. Оказывается, терновникъ. Быстро отнимаю руку и теряю равновѣсіе. Меня спасаетъ кустъ чертополоха, который зацѣпляетъ меня, но за-то нѣкоторое время не пускаетъ отъ себя.

Наконецъ мы пріѣхали къ замку Крэнтонъ; это — цѣль нашего пикника. Великолѣпная руина. Въ десяти минутахъ отъ замка находится озеро, извѣстное обиліемъ рыбы. Уэтерби взялъ съ собой всевозможные приборы для ловли. Прежде всего направляемся къ озеру, причемъ приборы несетъ Бэнтеръ. Но нельзя достать лодки. Къ намъ приближается какой-то туземецъ и объясняетъ, что лодокъ здѣсь не полагается, такъ какъ ловля на озерѣ снята кѣмъ-то. Впрочемъ, съ берега можно ловить сколько угодно. Но это «можно» имѣетъ только юридическій смыслъ, потому что съ берега ничего не поймаешь. Всѣ они тотчасъ отправились назадъ, къ замку.

Отстаю отъ нихъ на минуту для дальнѣйшихъ разспросовъ. Отъ туземца всегда можно узнать что-нибудь поучительное. Иду медленно съ туземцемъ и вижу, какъ миссъ Стрэтмиръ, впереди всѣхъ, то легко скользитъ, едва касаясь ступнями земли, то граціозно порхаетъ, по временамъ оглядываясь на лейтенанта, а вѣроятно, и на меня. И мысленно обращается къ намъ такъ:—Очаровательна, не правда-ли? Вѣдь васъ неудержимо влечетъ за мной, когда я такимъ лебедемъ плыву

передъ вами? О, конечно, я не скажу этого; даже не думаю. Я просто радостное, беззаботное, молоденькое созданіе (съ нѣкоторой уже выслугой въ этой роли), и только рѣзвлюсь невинно подъ надзоромъ леди Уэтерби.

Что касается меня, то не раздѣляю этого образа мыслей. Но тумбочка-лейтенантъ очевидно раздѣляетъ. Безпрестанно посматриваетъ вбокъ, на нее. На всей нашей ловлѣ только онъ одинъ и «клюнулъ». Онъ загипнотизованъ ею, осовѣлъ какъ-то и имѣетъ совсѣмъ глупый видъ. Неужели и я глядѣлъ такъ при первыхъ встрѣчахъ съ нею? Въ такомъ случаѣ ни за что, никогда болѣе не клюну.

Туземецъ говоритъ крайне невнятно, вслѣдствіе чего со мной произошло маленькое, но всетаки непріятное недоразумѣніе. Онъ увѣрилъ меня, что тутъ живутъ Пикэссы. А Пикэссъ—общій нашъ съ Уэтерби знакомый. А Уэтерби и не подозрѣвалъ, когда нанялъ здѣсь дачу. Вслѣдствіе того, и по моему настоянію, мы уже собрались—было зайти къ нему, и просить лодку для рыбной ловли, полагая, что она снята имъ, такъ какъ онъ здѣсь живетъ. Но когда Уэтерби спросилъ этого косноязычнаго сторожа—«что господа теперь здѣсь?»—то тотъ выпучилъ на меня глаза. Напоминаю ему: онъ-же говорилъ, что они здѣсь живутъ. Очевидно начинаетъ сердиться, думая, что мы его дурачимъ и отвѣчаетъ упрямымъ тономъ:—да ихъ здѣсь сотни!»—«Какъ сотни?»—«Разумѣется. Да вонъ одинъ изъ нихъ сидитъ на тростникѣ». Въ ту-же минуту съ тростника поднялся—бекасъ.

Тутъ Уэтерби пустился бѣгомъ къ нашей компаніи, отъ которой онъ былъ такъ некстати мною отозванъ. Никогда я не видалъ прежде, чтобы онъ бѣгалъ. Тотчасъ, конечно, разсказалъ имъ о бекасѣ, такъ что меня встрѣтили смѣхомъ.

На другой день уѣзжаю, какъ было условлено. Правда, могъ-бы остаться еще на день, еслибы Уэтерби усиленно упрашивалъ и въ особенности, еслибъ онъ не смотрѣлъ иногда такъ, какъ-будто вспоминаетъ о бекасѣ. Уэтерби отвозитъ меня на станцію и оттуда повезетъ куда-то миссъ Стрэтмиръ. Я вошелъ въ вагонъ, а они стоятъ у окна: изъ вѣжливости, чтобы еще поклониться, когда поѣздъ тронется.

Ужасно скучно такое стояніе у вагона лицъ, которыя васъ провожаютъ. Они сказали вамъ все то, что имѣли сказать; вы уже обмѣнялись съ ними нѣсколькими рукопожатіями. Нѣтъ—стоятъ. Въ вагонѣ находятся люди посторонніе и нельзя-же при нихъ говорить съ провожающими о домашнихъ дѣлахъ или объ отвлеченныхъ вопросахъ. Поэтому время заполняется обмѣномъ такихъ фразъ, какъ: Вамъ однако будетъ удобно ѣхать.—Не будетъ-ли жарко?—Надѣюсь, что нѣтъ.—Кланяйтесь Анѣ,—и т. п. Вы сознаете, что эти оригинальныя мысли раздражаютъ вашихъ сосѣдей и ограничиваетесь, наконецъ, кивками, чтобы прекра-

тить ненужные вопросы.— Бутербродовъ-то и фляжки вы не забыли?— Киваете головой, а сосѣди думаютъ—вотъ обжора. — Смотрите-же не сидите на сквозномъ вѣтру и закрывайтесь. —Толстый нѣженка, думаютъ сосѣди. Вы опять киваете.

Наконецъ, поѣздъ тронулся. Но вы принуждены еще кивать и высовывать руку изъ окна для добавочныхъ рукопожатій. А если они все еще стоятъ, когда вы уже отъѣхали на десятокъ ярдовъ, то вѣжливость обязываетъ васъ улыбнуться имъ и махнуть рукой для успокоенія ихъ. Въ такомъ смыслѣ, что—вотъ видите, покамѣстъ ѣдемъ вполнѣ благополучно... хорошее предзнаменованіе... благодарю васъ!—И черезъ пять минутъ вы съ удовольствіемъ оказываетесь въ другой мѣстности.

Л. Полонскій.

Смерть любви.

I.

Пустѣетъ берегъ вкругъ меня.
И дышетъ грудь валовъ звучнѣй и равномѣрнѣй.
Какъ бремя свыше силъ, я впечатлѣнья дня
Едва донесъ до тишины вечерней,
До тучекъ розовыхъ, до трепета звѣзды.
Теперь она горитъ, какъ грусть любви, стыдлива.

По влажному песку, хранящему слѣды
Прощальныхъ слезъ и долгихъ ласкъ отлива,
Иду къ волнамъ, сокрытымъ темнотой,
И жду, пока во тьмѣ ихъ пѣна побѣлѣетъ...
О, какъ дышать легко! Все, чѣмъ душа болѣетъ,
Лишилось горечи и стало красотой.
Здѣсь вспоминать могу, въ часъ ночи сокровенной,
О чемъ весь день забыть хотѣлъ я и не могъ.
И пусть уснувшій міръ и въ немъ неспящій богъ
Надгробный слышатъ гимнъ земной любви мгновенной.

Но вотъ, неясный плескъ донесся къ берегамъ.
Идетъ приливъ неодолимый.
Изъ черной пропасти, какъ-бы судьбой гонимы,
Валы нахлынули и льнутъ къ моимъ ногамъ,
Коварно нѣжные, журчащіе привѣтно.
И каждый валъ, прильнувъ, уже бѣжитъ назадъ
И таетъ, просвѣтлѣвъ, и будто смерти радъ.
За нимъ встаетъ другой, приблизясь незамѣтно.
И такъ приливъ растетъ и движется впередъ,
Какъ смерть, неумолимо жадный.

Окрѣпшій вѣтеръ, ровный и прохладный,
Мнѣ кажется душой и волей этихъ водъ.
И, наклонясь къ песку, размытому волною
И пѣной освѣщенному едва,
Пишу на немъ завѣтныя слова,—
Ихъ власть казалась вѣчной надо мною:
То имя, что любилъ, тотъ незабвенный день,
Когда признанья лучъ въ душѣ сверкнулъ впервые,
Названія тѣхъ мѣстъ, для памяти живыя,
Гдѣ счастья моего еще блуждаетъ тѣнь.
        И, отступая предъ приливомъ,
        Слѣжу въ смущеньи молчаливомъ,
Какъ таютъ на пескѣ черты завѣтныхъ словъ.
Когда вернется день и караванъ валовъ
Отъ берега вглубь моря откочуетъ,
Найду-ли мѣсто я, гдѣ въ этотъ мигъ стою?
А времени приливъ сотретъ и грусть мою,
Дыханье вѣчности и сердце уврачуетъ.

Уже-ль насталъ предѣлъ тому, что на землѣ
Одно казалось мнѣ, какъ вѣчность, безпредѣльнымъ?
Источникъ свѣта потонулъ во мглѣ,
Ключъ жизни скованъ холодомъ смертельнымъ.
Любовь мертва, а я живу, дышу
И пѣснь надгробную земной любви пишу.

II.

        Не въ молодости, случаю подвластной,—
        Любовь явилась мнѣ въ зенитѣ дней,
Когда уже прошла гроза надъ кровью страстной,
        И чувства лучъ горитъ въ душѣ яснѣй,
Когда ведетъ насъ вверхъ житейская дорога,
И, видя предъ собой вершину вдали,
Еще хотимъ вкусить отъ счастія земли,
Но сердце чуетъ смерть, и разумъ ищетъ бога.
То для меня была пора великихъ думъ.
Средь одиночества, наставшаго нежданно,
Въ душѣ моей затихъ желаній бредъ и шумъ,
И отблескъ неземной упалъ на путь туманный.
        Но съ прошлымъ не порвалась нить,

Еще я не прозрѣлъ для правды и свободы.
Поработилъ меня еще разъ духъ природы
И персть прекрасную велѣлъ мнѣ полюбить.
Я тучку лживую, что солнце застилала
И оттого такъ рдѣла и блистала,
За солнце принялъ, но правдивъ
Былъ къ свѣту радостный порывъ.
Сперва не видѣлъ я обмана.
Когда-жь проснулась мысль, душа была въ огнѣ,
И образъ дорогой, какъ утро изъ тумана,
Вставалъ и пламенѣлъ передо мной, во мнѣ...

Н. Минскій.

Юношескіе литературные труды Герцена.

(На основаніи ненапечатанной части «Переписки»).

I.

Кому не приходилось наблюдать, какъ часто еще въ дѣтскомъ возрастѣ намѣчаются черты характера будущаго взрослаго человѣка, тѣ черты, которыя составятъ впослѣдствіи его отличительную физіономію и рѣзко выдѣлятъ изъ тысячи подобныхъ. Почти аналогичное явленіе встрѣчается и при анализѣ литературной физіономіи многихъ выдающихся писателей. У нѣкоторыхъ уже въ юности, а то даже и въ дѣтствѣ, появляется страсть къ перу и къ той формѣ, къ тому роду произведеній, которыя впослѣдствіи сдѣлаютъ ихъ имена извѣстными и достойными памяти потомства. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ и А. И. Герценъ.

Стремленіе къ литературѣ, любовь къ писательству обнаруживаются у него очень рано. Правда, на это поощрялъ и направлялъ его учитель русскаго языка, Василій Евдокимовичъ Протопоповъ. Но любовь и охота къ перу и безъ того были заложены въ самой натурѣ мальчика: онъ находилъ удовольствіе въ подобныхъ занятіяхъ, писалъ по своей охотѣ, самъ для себя. Герценъ началъ писать статьи уже съ четырнадцатилѣтняго возраста. «Чего я не писалъ?—говоритъ онъ въ «Запискахъ одного молодого человѣка» *). — Были статьи и взапуски съ Темирой (т.-е. съ Т. П. Пассекъ), были литературные обзоры, и въ нихъ я уничтожалъ классицизмъ... Были и историческія статьи: сравненіе Мароы Посадницы съ Зиновіей Пальмирской, Бориса Годунова съ Кромвелемъ...» По мѣрѣ собственнаго развитія и расширенія программы чтеній, раздвигались и самыя рамки работъ, избирались болѣе серьезныя и глубокія темы.

---

*) Сочиненія. Т. I. Стр. 25.

Такъ въ 1829 году онъ принимается уже за философскую статью «о Шиллеровскомъ Валленштейнѣ».

Въ этотъ годъ, какъ мы знаемъ, Герценъ поступаетъ въ московскій университетъ, на физико-математическое отдѣленіе. Но этотъ переходъ изъ подростковъ въ юноши, эта важная эпоха въ жизни, когда изъ скучныхъ пустынныхъ стѣнъ отцовскаго дома онъ попадаетъ въ семью студентовъ, этотъ моментъ нисколько не мѣняетъ и не умаляетъ его любви къ литературѣ, а главное—къ писательству. Уже въ 1830 году въ журналѣ «Атеней» мы встрѣчаемъ его имя подъ переводной статьей съ французскаго: «О землетрясеніяхъ»—явленіи, которое страшно интересовало ученыхъ въ то время и представлялось почти загадкой *).

Съ 1833 года, въ который онъ кончаетъ университетскій курсъ и когда свободнаго времени, слѣдовательно, оказывается много, у него входитъ уже въ привычку набрасывать на бумагу критическія замѣтки о каждой прочитанной книгѣ, о всякой просмотрѣнной статьѣ, записывать вынесенныя изъ чтенія впечатлѣнія. И къ лѣту 1834 года образуется уже *двѣ толстыхъ тетради* подобныхъ записей *съ помѣтками 1833 и 1834 года*. Сохраняются-ли гдѣ-нибудь эти тетради или онѣ окончательно утратились — неизвѣстно. Вѣроятнѣе, что онѣ затерялись гдѣ-нибудь на большой дорогѣ во время вольныхъ и невольныхъ переѣздовъ автора. Но съ содержаніемъ и характеромъ этихъ записей знакомитъ нѣсколько *первая* печатная статья Герцена: «Гоффманъ». Она, какъ гласитъ находящаяся при ней помѣтка, написана 12-го апрѣля 1874 года и, какъ узнаемъ изъ «Переписки», есть ничто иное, какъ одна изъ критическихъ замѣтокъ, входившихъ въ названныя тетради **).

Уже въ этой юношеской статьѣ авторъ рѣшительно высказывалъ симпатію къ той живой дѣятельности, по которой онъ тосковалъ въ Вяткѣ, принужденный проводить время за «обязательнымъ бездѣльемъ» въ канцеляріи губернатора, и которую такъ хорошо понималъ въ Гоффманѣ, не могшемъ удовлетвориться «нѣмецкой болѣзнью—литературою». Уже въ этой статьѣ ярко выступаетъ его оригинальный и блестящій умъ. Здѣсь уже чувствуется та публицистическая жилка, которой суждено было заглушить другія стороны его литературнаго таланта и сдѣлаться въ его произведеніяхъ преобладающей.

Кто читалъ эту статью, которая сначала предназначалась для альманаха, задуманнаго В. Пассекомъ, а такъ какъ альманахъ не былъ изданъ, то помѣщена въ 1836 году въ «Телескопѣ» и, надо замѣтить, помимо

*) Статья помѣщена въ журналѣ за іюнь мѣсяцъ. „Атеней" мнѣ удалось найти въ Москвѣ только въ Чертковской библіотекѣ, и то благодаря любезности г. библіотекаря, А. П. Станкевича.

**) Рук. письмо изъ Владиміра отъ 30 янв. 1838 года: „изъ этихъ тетрадей печатная статья моя „Гоффманъ".

воли автора *), тотъ знаетъ, сколько остроумія, бодрыхъ мыслей, молодого юношескаго задора, романтическаго увлеченія виднѣется тутъ рядомъ съ широкой образованностью и несомнѣннымъ критическимъ талантомъ. Не даромъ Герценъ даже за годъ до смерти вспоминаетъ съ любовью это юношеское произведеніе, называя его хоть и «дѣтскимъ», но «забавнымъ» **).

Такъ какъ эта статья, прежде чѣмъ попасть въ печать, была просмотрѣна авторомъ въ Вяткѣ, то неудивительно, что мѣстами она носитъ на себѣ слѣды того направленія и тѣхъ взглядовъ и настроеній, какими былъ охваченъ Герценъ подъ сильнымъ вліяніемъ невѣсты въ періодъ вятской жизни. Вѣра въ таинственное сказывается и здѣсь въ нѣкоторыхъ частностяхъ изложенія біографіи Гоффмана; напр. въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ его смерти. «Странно, что Гоффманъ — читаемъ мы въ статьѣ—совершенно здоровый—говаривалъ, что онъ не переживетъ (своего кота) Мурра *и, дѣйствительно, умеръ вскорѣ послѣ смерти кота*».

По этой статьѣ мы можемъ судить, какъ по образчику, о другихъ записяхъ въ потерянныхъ тетрадяхъ. Мы видимъ, что это были не хаотическія наброски отдѣльныхъ мыслей, а строго обдуманныя, стройно и послѣдовательно развитыя мысли. Очень жаль, что вмѣстѣ съ тетрадями утратились названія книгъ и статей, вызвавшихъ замѣтки, иначе-бы мы имѣли важныя свѣдѣнія о томъ, что именно читалъ и какими книгами и вопросами интересовался Герценъ въ періодъ 1833 и 1834 года, т.-е. по окончаніи курса до времени ареста, о чемъ теперь приходится говорить почти только по догадкамъ.

Возможно, что въ названныя тетради среди критическихъ замѣтокъ заносились иногда и наскоро сдѣланные наброски сценъ, коротенькій разсказъ, написанный въ подражаніе прочтенной беллетристической книгѣ. Много лѣтъ спустя, уже живя заграницей, Герценъ, вспоминая лѣта своей юности, припомнилъ, какъ разъ онъ сильно былъ пораженъ чтеніемъ одного французскаго романа; впечатлѣніе было такъ сильно, что по прочтеніи онъ не ограничился обычной критической замѣткой: «Я былъ до того увлеченъ «Арминіемъ» («Arminius» романъ на французскомъ языкѣ), пишетъ онъ, что *написалъ рядъ подобныхъ сценъ*» ***). Но едва-ли эти сцены, эти пародіи на французскій романъ нужно считать первыми его беллетристическими опытами. При развитой съ дѣтства страсти къ писательству трудно допустить, чтобы до 1833 года Герценъ не пробовалъ пера на разсказѣ, повѣсти, даже поэмѣ, которые, какъ мы знаемъ, съ 1833 года сильно соблазняютъ его и манятъ къ беллетристи-

*) Письмо изъ Вятки отъ 1-го августа 1836 года: «Впрочемъ, ее напечатали небрежно... *не знаю даже, кто это вздумалъ*».

**) «Русск. Старина». 1886. Декабрь. Письмо къ Н. П. Огареву.

***) Сочиненія. Т. X. 5-е письмо. Стр. 239—240.

ческимъ работамъ. Въ 1833 году онъ уже пишетъ «Поэму любви къ Л. В. П.», т.-е. къ Людмилѣ Васильевнѣ Пассекъ. По всему вѣроятію, эту самую «Поэму любви», только съ уничтоженіемъ инициаловъ, но зато съ посвященіемъ тому-же имени, Герценъ по окончаніи университетскаго курса даритъ своей двоюродной сестрѣ. Въ этой поэмѣ онъ между прочимъ высказывалъ, что никогда не позволитъ чувству любви къ женщинѣ всецѣло овладѣть собой: «любовь меня не поглотитъ; это занятіе пустого мѣста въ сердцѣ, идеи со мной, идеи я» *). И онъ открещивался отъ глубокой и долгой привязанности къ женщинѣ до забвенія обѣта, нѣкогда даннаго на Воробьевыхъ горахъ. Почти одновременно съ «Поэмой любви» была написана и «Аллегорія: Неаполь и Везувій», про которую Герценъ въ «Перепискѣ» сказалъ, что это «такъ таки просто вздоръ», и больше этого мы о ней ничего не знаемъ.

Всѣ эти беллетристическія произведенія утратились такъ-же безслѣдно, какъ и упомянутыя двѣ тетради съ критическими замѣтками, и мы о нихъ не имѣемъ никакого понятія. Зато «Переписка» даетъ возможность познакомиться довольно подробно съ его литературными работами вятскаго періода, въ которыхъ виднѣется первообразъ тѣхъ произведеній которыя впослѣдствіи составили его славу, какъ, напримѣръ, его знаменитыя «Записки», гдѣ художественно возсозданы характеры всѣхъ лицъ, среди которыхъ протекало дѣтство, юность и вся жизнь автора.

II.

О работахъ Герцена этого періода говорилъ до настоящаго времени только одинъ П. В. Анненковъ въ своей статьѣ «Идеалисты тридцатыхъ годовъ». Ему удалось на основаніи писемъ къ друзьямъ дать списокъ статей и беллетристическихъ произведеній за время тюрьмы и ссылки Герцена. Но теперь, послѣ знакомства съ большой «Перепиской», часть которой была помѣщена въ «Русской Мысли», этотъ списокъ оказывается далеко не полонъ. Попытка П. В. Анненкова предугадать содержаніе нѣкоторыхъ статей на основаніи только однихъ заглавій также оказывается неудачной.

Интересъ къ литературѣ и любовь къ перу не только не ослабѣваютъ съ водвореніемъ Герцена въ крутицкихъ казармахъ, а, напротивъ, еще болѣе усиливаются, встрѣчая полный досугъ для работы мысли. Въ тюрьмѣ ничто не могло ни развлекать, ни отвлекать его отъ литературныхъ занятій. И вотъ всѣ тюремные досуги онъ заполняетъ чтеніемъ и литературными работами. Здѣсь создаются два произведенія: «Герман-

*) Рукоп. письмо изъ Владиміра отъ 19 янв. 1838 г.

скій путешественникъ» и «Легенда о св. Ѳеодорѣ» *), которыя П. В. Анненковъ считалъ утраченными. «Германскій путешественникъ» былъ оконченъ въ декабрѣ 1834 года. Онъ содержитъ разсказъ одного германца о встрѣчѣ съ Гёте. На одномъ вечерѣ по просьбѣ хозяйки германецъ разсказываетъ, какъ онъ встрѣтилъ Гёте, будучи 16-лѣтнимъ юношей. Онъ былъ въ Парижѣ, но отецъ его, остававшійся въ Германіи, потребовалъ въ самый разгаръ французской революціи, чтобы сынъ немедленно возвращался домой, и ему пришлось съ трудомъ, всѣми неправдами бѣжать. Такъ юноша добрался до Эльзаса, гдѣ стояли нѣмецкія войска. Тутъ его пригласилъ къ себѣ одинъ владѣтельный князь, чтобы узнать о положеніи дѣлъ во французской столицѣ. И вотъ у этого князя и увидалъ германецъ въ первый разъ Гёте. Сначала онъ не зналъ, что передъ нимъ великій поэтъ, но «величіе и сила въ правильныхъ чертахъ лица» и возвышенное чело Гёте, котораго онъ принялъ сперва за дипломата, поразили его. Рѣчь скоро зашла о событіяхъ во Франціи. «Для меня удивительно,—сказалъ Гёте,—какъ шайка безумныхъ мечтателей, какой-нибудь клубъ якобинцевъ, забрала такую волю, несмотря на омерзѣніе, съ которымъ смотритъ на нихъ нація... Жаль, очень жаль, что эти безпорядки такъ долго продолжаются,—сказалъ онъ.—Я собирался ѣхать во Францію, но я хотѣлъ видѣть Францію блестящею и пышною монархіею, процвѣтающую столько столѣтій, хотѣлъ видѣть тронъ, подъ лиліями котораго возникли великіе геніи и великая литература, а не развалины его, подъ которыми уничтожилось все великое,—не второе нашествіе варваровъ»... Разговоръ скоро сдѣлался общимъ, въ немъ принялъ участіе, кромѣ хозяина, одинъ заслужёный полковникъ, который по праву воина, несущаго на себѣ слѣды своей храбрости, осмѣлился не соглашаться съ мнѣніемъ Гёте и противорѣчить ему. Тогда послѣдній прервалъ его: «Охота намъ говорить о войнѣ. Когда, бывало, среди моихъ занятій въ Италіи мнѣ попадались газеты, я видѣлъ себя столь чуждымъ этому міру, что не могъ найти никакой занимательности: это что-то такое временное, перемѣнное и притомъ совершенная принадлежность нѣсколькихъ особъ, коимъ Провидѣніе вручило судьбы міра, такъ что стыдно вмѣшиваться безъ призыва»... Германецъ былъ пораженъ такими словами, которыя говорились въ такое жгучее время выдающимся писателемъ Германіи, о которомъ его поклонникъ составилъ себѣ иное понятіе. Черезъ нѣсколько времени германецъ второй разъ увидалъ Гёте въ театрѣ во время представленія его пьесы, въ которой Гёте осмѣивалъ французскую революцію. Въ антрактѣ къ германцу подошелъ тотъ са-

*) Записная книжка» А. И. Герцена, найденная мною подъ Сухаревой башней въ Москвѣ и хранящаяся въ рукописномъ отдѣленіи Румянцевскаго музея, рукопись подъ № 2,274, содержитъ эти оба произведенія.

мый полковникъ, который не соглашался съ Гете, и сказалъ: «Есть-же люди, которые находятъ улыбку тамъ, гдѣ всѣ плачутъ... Неужели это право великаго человѣка? прибавилъ онъ помолчавъ».

И германецъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Герценъ, присутствовавшій при разсказѣ, не могли простить генію его отношенія къ великимъ общественнымъ событіямъ. «Великій человѣкъ живетъ общею жизнью человѣчества,—говоритъ Герценъ,—онъ не можетъ быть холоденъ къ судьбамъ міра, къ колоссальнымъ обстоятельствамъ; онъ не можетъ не понимать событій современныхъ, они должны на него дѣйствовать, въ какой-бы то ни было формѣ»...

Докончивъ свой разсказъ о встрѣчѣ съ Гёте, германецъ вышелъ на балконъ. На дворѣ была теплая лѣтняя ночь. Тутъ-же на балконѣ стоялъ и авторъ разсказа. Германцу при видѣ чудной ночи вспомнилась Венеція, гондольеры, ихъ пѣсни. Припомнился одинъ куплетъ, гдѣ пѣлось о печальной судьбѣ Италіи: «спи, опьяненная Италія, и не огорчайся тѣмъ, что ты дѣлаешься служанкой то того, то другаго народа, котораго ты уже была рабой».

— Но что-же будетъ далѣе?—спросилъ авторъ германца.

— Знаете-ли вы, чѣмъ кончилъ лордъ Гамильтонъ, проведя цѣлую жизнь въ отысканіи идеала изящнаго между кусками мрамора и натянутыми холстами?

— Тѣмъ, что нашелъ его въ живой ирландкѣ.

— Вы отвѣтили за меня,—сказалъ онъ, уходя съ балкона

Мы видимъ, что въ этомъ произведеніи 20-лѣтняго юноши отражается его глубокая симпатія къ французамъ, какъ къ народу, который высоко цѣнитъ свободу, и тутъ-же рядомъ выступаетъ укоризненная иронія къ генію нѣмецкой націи. Герценъ опредѣленно и рѣшительно высказывается за предпочтеніе Шиллера передъ Гёте, какъ человѣка, что, конечно, не мѣшало ему преклоняться передъ Гёте, какъ передъ творцомъ «Фауста».

«Германскій путешественникъ» нравился очень многимъ, между прочимъ даже Н. И. Сазонову, одному изъ товарищей Герцена, который рѣдко сходился во вкусахъ съ друзьями. Онъ усматривалъ въ заключительныхъ словахъ повѣсти, въ упоминаніи объ ирландкѣ политическій намекъ, на который, какъ видно изъ «Переписки», разсчитывалъ и самъ Герценъ. Въ «Германскомъ путешественникѣ» выразился первый взглядъ опыта и несчастія, взглядъ, обращенный на нашъ вѣкъ. Эта статья, какъ замѣтилъ Сазоновъ, «невольно заставляетъ мечтать о будущемъ и тише, тише... вдругъ прерывается, показывая издали пророчество», но оставляя полную волю понимать его. «Для тебя и для друзей эта статья имѣетъ большую важность, пишетъ Герценъ невѣстѣ, какъ начальный признакъ перелома». Конецъ статьи, послѣдняя фраза ра-

зомъ выражаетъ все разстояніе сухихъ теоретическихъ изысканій права и энергической, живой дѣятельности практической» *). Такъ понималъ это произведеніе самъ Герценъ, вспоминая о немъ во Владимірѣ, въ пору, казалось-бы, когда жизнь и міръ какъ бы потеряли для него свою цѣну.

Какъ и всѣ послѣдующія произведенія, «Германскій путешественникъ», выдержалъ не одну, а нѣсколько редакцій. Въ іюнѣ 1836 года онъ былъ исправленъ въ Вяткѣ, переписанъ и переименованъ въ «Первую встрѣчу» **) и въ этомъ исправленномъ видѣ съ удержаніемъ стараго названія напечатанъ въ январѣ 1882 года въ «Русской Мысли». Но и въ этой редакціи Герценъ остался недоволенъ разсказомъ: онъ снова подвергъ его передѣлкѣ, замѣнивъ германца полякомъ Трензинскимъ, подъ видомъ котораго, по мнѣнію Н. Страхова, выведенъ одинъ изъ дѣйствительныхъ людей, *дядя автора*, имѣвшій, очевидно, большое вліяніе на его образъ мыслей ***). Дѣйствительно, Герценъ самъ говоритъ, что хотя взгляды Трензинскаго и странны, и парадоксальны, но этому человѣку «удалось нанести глухой ударъ нѣкоторымъ изъ его теплыхъ вѣрованій» ****). Такого рода вліяніе, какъ мы знаемъ, имѣлъ на него не дядя, а двоюродный братъ по отцу, Алексѣй Александровичъ Яковлевъ, родной братъ Натальи Александровны, прозванный «химикомъ», который на все смотрѣлъ съ матеріальной точки зрѣнія и разбивалъ иллюзіи молодого человѣка (благодаря вліянію этого родственника, Герценъ выбралъ не другой какой факультетъ, а физико-математическій). Въ третьей редакціи со многими измѣненіями въ частностяхъ *****) разсказъ, какъ эпизодъ, вошелъ въ «Записки одного молодого человѣка», писанныя во Владимірѣ и напечатанныя въ 1840—1841 годахъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Теперь, когда намъ хорошо извѣстно содержаніе «Германскаго путешественника», мы видимъ, что П. В. Анненковъ сильно ошибся, предположивъ, что Герценъ будто-бы хотѣлъ здѣсь осмѣять своего товарища, В. В. Пассека, за его книгу «Путевыя замѣтки». «Нѣтъ сомнѣнія,—замѣчаетъ Анненковъ, что это была одна сплошная шутка надъ страстью къ рискованнымъ сближеніямъ и ослѣпляющимъ выводамъ изъ нихъ» Онъ приписывалъ статьѣ юмористическій характеръ и называлъ ее

*) Рук. письмо отъ 30 января 1838 года.

**) Въ «Перепискѣ» «Первой встрѣчей» называется такъ-же разсказъ о Цыхановичѣ.

***) «Борьба съ Западомъ». Н. Страхова. 4 стр.

****) „Замѣтки одного молодого человѣка“ («Отеч. Записки», 1841 г., августъ).

*****) Здѣсь германецъ уже не съ матерью ѣдетъ въ Парижъ, какъ было во второй редакціи, а съ отцомъ. У владѣтельнаго князя не 16 лѣтній юноша передаетъ новости о событіяхъ въ Парижѣ, а его отецъ. Въ театрѣ, когда представляли пьесу Гете, не полковникъ подходитъ къ германцу, а германецъ къ полковнику и т. д. и т. д.

«утерянной». Хотя все это было высказано имъ уже годъ спустя въ 1883 г. послѣ появленія въ печати «Германскаго путешественника» (январь 1882 г.) *), но мы не можемъ строго обвинять покойнаго П. В. Анненкова въ недосмотрѣ: извиненіемъ ему служитъ то обстоятельство, что онъ писалъ свою статью «Идеалисты тридцатыхъ годовъ» заграницей, гдѣ, по всему вѣроятію, находился внѣ возможности слѣдить за русской періодической литературой. Но насколько П. В. Анненковъ ошибся въ своихъ догадкахъ насчетъ содержанія и утраты «Германскаго путешественника» и другихъ произведеній Герцена, настолько, какъ можно видѣть теперь, оказался онъ правъ въ своихъ взглядахъ на настроеніе Герцена за періодъ ссылки. «Переписка» подтверждаетъ вполнѣ то положеніе, что Герценъ во время ссылки былъ далекъ отъ всякихъ политическихъ заговоровъ и революціонныхъ пропагандъ.

«Германскій Путешественникъ» замыкаетъ собой то настроеніе, тѣ думы, интересы, которыми жилъ Герценъ до сближенія съ Натальей Александровной и подчиненія ея вліянію. Герценъ любилъ эту статью больше всѣхъ изъ своихъ раннихъ произведеній; онъ находилъ что «эта статья проникнута глубокимъ чувствомъ грусти, она гармонируетъ съ 20 іюля **), т. е. съ тѣмъ днемъ, когда у него было свиданіе съ двоюродной сестрой на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Очутившись въ 1834 году въ стѣнахъ Крутицкихъ казармъ, онъ, по его собственному признанію, настраивается на мысли о Богѣ; въ немъ съ живѣйшей силою пробуждается то религіозное чувство, которое дремало со времени дѣтства; и онъ весь погружается съ одной стороны въ изученіе итальянскаго языка, съ другой—въ чтеніе духовныхъ книгъ. Усердно перечитываетъ онъ Евангеліе и проникается къ этой великой книгѣ глубокимъ благоговѣніемъ. Здѣсь-же, какъ кажется, въ первый разъ читаетъ онъ и «житія святыхъ» въ переложеніи Димитрія Ростовскаго.

Очутившись вдали отъ жизни, друзей, съ осадкомъ горечи на душѣ отъ послѣднихъ прощальныхъ сценъ въ стѣнахъ родительскаго дома, когда въ первый разъ увидѣлъ онъ повисшую слезу на глазахъ старика отца, казавшагося всегда черствымъ и суровымъ,—мягкій и чувствительный отъ природы Герценъ не могъ, отдаваясь самоанализу, не сознавать, что онъ косвеннымъ образомъ виновникъ многихъ глубокихъ огорченій близкихъ къ нему людей. Чтеніе Евангелія и житій святыхъ поддерживало это настроеніе. И Герценъ мало по малу охватывается недовѣріемъ «къ мудрости вѣка сего» и сильнѣй уходитъ въ мысли о Богѣ, о высокомъ христіанскомъ служеніи.

---

*) «Германскій путешественникъ» появился въ декабрьскомъ № „Русск. Мысли“ за 1882 годъ, а „Идеалистъ 30-хъ годовъ“—въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1883 годъ.

**) Рук. письмо отъ 14 янв. 1838 г. изъ Владиміра.

Плодомъ такихъ думъ, такого чтенія является его «Легенда о св. Θеодорѣ», написанная въ февралѣ 1835 года. Это поэтическое воспроизведеніе одного изъ житій, извѣстнаго подъ названіемъ: «Житіе св. Θеодоры въ мужскомъ платьѣ». Подобно «Германскому путешественнику». «Легенда о св. Θеодорѣ» подверглась въ Вяткѣ, въ мартѣ 1836 года вторичной передѣлкѣ и въ этой исправленной редакціи напечатана въ декабрьскомъ № «Русской Мысли» за 1881 г. *). «Мартирологъ св. Θеодоры», напечатанный въ «Воспоминаніяхъ» Т. П. Пассекъ, если не есть первоначальный видъ «Легенды», то, во всякомъ случаѣ, варіантъ, стоящій ближе къ первоначальной редакціи, чѣмъ къ исправленной. Строгая требовательность къ своимъ работамъ не разъ заставляетъ Герцена возвращаться къ «Легендѣ» и перечитывать рукопись. «Я перечиталъ «Легенду», пишетъ онъ изъ Вятки **), и помирился съ нею. Это документъ моего перелома передъ «9-мъ апрѣля», т. е. передъ свиданьемъ съ Натальей Александровной въ Крутицахъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о той-же «Легендѣ»: въ ней «я прибавляю новый опытъ своей души, тамъ хочу я выразить, какъ самую чистую душу увлекаетъ жизнь пошлая, такая, которую я веду здѣсь» ***).

Передѣлавъ и переписавъ снова все произведеніе въ Вяткѣ, онъ былъ не прочь напечатать «Легенду», только не иначе, какъ съ предисловіемъ, этимъ чуднымъ лирическимъ изліяніемъ, начинающимся словами: «Нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, нѣсколько мѣсяцевъ безъ открытаго неба, безъ чистаго воздуха!»...; но онъ боялся что съ предисловіемъ ея не напечатаютъ. Въ настоящее-же время, какъ мы знаемъ, она появилась въ печати вся цѣликомъ, вмѣстѣ съ предисловіемъ, гдѣ Герценъ превосходно передаетъ свои ощущенія при выходѣ въ первый разъ на тюремный дворъ.

Вся «Легенда» есть въ высшей степени художественное произведеніе. Она долгое время была любимой статьей Натальи Александровны, которой и была посвящена; она нравилась ей не только въ исправленномъ видѣ, но даже и въ первоначальномъ. Хоть по этому произведенію и видно, что у автора въ тюрьмѣ усилилась мысль о Богѣ и, какъ самъ Герценъ говоритъ: «потребность Евангелія была сильна, съ Адама читалъ я его», но тутъ-же прибавляетъ, «что не вполнѣ понималъ его тогда, доказательствомъ тому Легенда; я выразумѣлъ самую легкую часть христіанства, практическую нравственность христіанства, а не само христіанство».

---

*) „Легенду" П. В. Анненкова тоже считалъ утраченной; онъ говорилъ, что не имѣетъ объ ея содержаніи и намека.

**) Рук. письмо отъ 23 іюля 1837 г.

***) „Переписка" Герцена („Русск. Мысль").

Дѣйствительно, «Легенда» представляетъ христіанскую подвижницу, рѣшившуюся уйти отъ міра за стѣны монастыря съ намѣреніемъ потрудиться и пострадать, чтобы замолить свой великій грѣхъ—невѣрность мужу. Чтобы лучше скрыться отъ поисковъ родныхъ, она переодѣвается въ мужское платье и подъ именемъ инока Ѳеодора подвизничаетъ въ мужскомъ монастырѣ. Когда на нее клевещутъ игумену монастыря и обвиняютъ въ такой винѣ, которая совсѣмъ не свойственна женскому полу, она не оправдывается, а покорно, терпѣливо сноситъ всѣ наказанія... Здѣсь выведены всѣ черты христіанскаго подвижничества—кротость, терпѣніе, послушаніе, молчаніе передъ клеветой и кроткое принятіе на себя чужой вины съ покорнымъ перенесеніемъ всѣхъ положенныхъ за нее наказаній.

Таково было религіозное настроеніе Герцена въ Крутицкихъ казармахъ въ 1835 году. А въ 1837 году, находясь подъ вліяніемъ писемъ своей невѣсты и близкаго сожительства Витберга, онъ уже нѣсколько видоизмѣняетъ и углубляетъ требованія отъ жизни.

III.

Переписка съ невѣстой, частые разговоры съ Витбергомъ заставляютъ его задумываться о смерти и въ небесахъ, въ загробной жизни, искать конечную, важную и самую главную цѣль земнаго бытія человѣка. Чтеніе, которому онъ предается, отчасти поддерживаетъ и развиваетъ эти мысли. Извѣстно, что въ Вяткѣ Герценъ читалъ много книгъ религіознаго и мистическаго характера: Эккартгаузенъ, Апокалипсисъ, сочиненія Лютера и т, д. Онъ просилъ друзей о присылкѣ сочиненій Сведенборга, книги объ алхиміи, объ адептахъ Парацельса и магнетизмѣ Ешемазера *)... Да и нѣкоторыя изъ литературныхъ произведеній, которыми онъ зачитывался въ этотъ періодъ, тоже отчасти влекли его отъ земли въ надзвѣздный міръ. Таково было вліяніе произведеній Жанъ Поля Рихтера, которыя въ это время гармонировали съ его душой и которымъ онъ, какъ увидимъ, подражалъ въ своихъ литературныхъ работахъ. Вообще писатели романтическаго настроенія приходились ему по душѣ, преимущественно, конечно, иностранные. Изъ русскихъ онъ дѣлаетъ исключеніе для немногихъ. Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ Жуковскій. Онъ рекомендовалъ сочиненія Жуковскаго читать своей невѣстѣ, какъ имѣющія созвучіе съ ея изящной душой. Усердно читалъ онъ «Ундину», находилъ въ ней много гармоніи съ своимъ настроеніемъ. Ему тутъ особенно нравились два стиха:

Въ душной долинѣ волна печально трепещетъ и бьется,
Влившись въ море, она изъ моря назадъ не польется.

*) „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“ П. В. Анненкова.

Эти строки как бы выражали его любовь къ Натальѣ Александровнѣ, разлюбить которую онъ такъ-же былъ не въ силахъ, какъ не въ силахъ волна вылиться изъ моря. Но что удивительно—во всей «Перепискѣ» онъ ни разу не упоминаетъ имени Пушкина, не высказываетъ своего отношенія къ этому колоссу нашей литературы, котораго впослѣдствіи одинаково высоко цѣнили какъ Герценъ, такъ и Огаревъ. Зато многіе изъ иностранныхъ писателей привлекаютъ его вниманіе, многими онъ зачитывается очень усердно.

Самымъ первымъ, самымъ любимымъ во время жизни въ Вяткѣ, былъ у него попрежнему Шиллеръ. Въ немъ онъ видѣлъ то же стремленіе въ высь небесную, какимъ былъ охваченъ самъ, тѣ-же идеалы, особенно въ драмѣ «Донъ-Карлосъ». Рядомъ съ Шиллеромъ и Жанъ Поль Рихтеромъ онъ очень усердно читалъ Гёте *), особенно его «Wanderjahre» и «Фауста»; въ положеніи котораго усматривалъ сходство съ собой до тюрьмы и ссылки.

Рядомъ съ великими произведеніями нѣмецкаго языка, которымъ онъ здѣсь занимался ради усовершенствованія у доктора Богословія—Беннера, онъ читалъ и классическія произведенія итальянской литературы. Будучи знакомъ уже съ Данте и Сильвіо Пелико, онъ въ Вяткѣ зачитывается романомъ извѣстнаго Манцони: «Promessi sposi» (Обрученные). Какъ подражаніе заглавію этого романа, мы встрѣчаемъ у него итальянское названіе первой статьи изъ его воспоминаній: « I maestri » (Учителя). Рядомъ съ нѣмецкими и итальянскими классиками онъ читалъ и французскія произведенія. Онъ былъ въ курсѣ всѣхъ замѣчательныхъ новостей французской литературы. Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ онъ произведенія Гюго, Жоржъ Зандъ; на нихъ указывалъ и Натальѣ Александровнѣ, совѣтуя непремѣнно прочесть «Notre Dame de Paris».

Незнаніе англійскаго языка закрывало для него богатый источникъ литературныхъ интересовъ Англіи. Однако, онъ не могъ остаться холоденъ и равнодушенъ къ великому генію англійской литературы—къ Шекспиру. Въ «Перепискѣ» онъ останавливается на драмѣ «Гамлетъ». Его до того поразилъ художественный образъ героя драмы, что онъ непремѣнно хочетъ подѣлиться съ Натальей Александровной чувствомъ совсѣмъ новаго наслажденія. Хоть и мраченъ и удручающъ образъ, но онъ хочетъ, чтобы Наталья Александровна прочла драму и для этого даритъ ей ее къ свѣтлому дню. Въ Шекспирѣ, писалъ онъ невѣстѣ **) нѣтъ ничего утѣшающаго; глубокое презрѣніе къ людямъ одушевило его, и даже страданія въ немъ нѣтъ, онъ прямо указываетъ на смердящія раны человѣка и еще улы-

---

*) Герценъ въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что въ Вяткѣ онъ съ увлеченіемъ читалъ Гейне; въ „Перепискѣ“ о чтеніи Гейне нигдѣ не упоминается ни слова.

**) Рук. письмо отъ 17 апрѣля 1837 г. изъ Вятки.

бается. Гамлета можно принять за типъ всѣхъ его сочиненій, и, не смотря на то, что я десять разъ читалъ «Гамлета», всякое слово его обливаетъ холодомъ и ужасомъ. Гамлетъ добродѣтеленъ, благороденъ по душѣ, но мысль—отмстить за отца—овладѣла имъ, и когда онъ поклялся отомстить убійцѣ отца, тогда узналъ, что этотъ убійца — его родная мать. И что-же съ нимъ сдѣлалось послѣ перваго отчаянія? Онъ началъ хохотать, и этотъ хохотъ адскій ужасный продолжается во всю пьесу. Горе человѣку, смѣющемуся въ минуту грусти: душа его сломана, и нѣтъ ей спасенія. Вотъ тебѣ, ангелъ мой, остальное ты увидишь,—кромѣ сильнѣйшаго генія, никто не сладилъ-бы съ такой трудной темою, но душа Шекспира была необъятна».

Изъ упомянутыхъ уже произведеній, напр., «Германскаго Путешественника» мы узнаемъ, какой большой, какой богатой эрудиціей обладалъ Герценъ въ вятскій періодъ своей жизни. Это былъ не математикъ, не естественникъ только, это былъ молодой человѣкъ широкаго общаго образованія. Какая масса книгъ была прочитана имъ за университетскій и вятскій періодъ, книгъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ его факультетской спеціальности. Рядомъ съ изученіемъ физико-математическихъ наукъ, его умъ былъ занятъ сильно и глубоко исторіей европейскихъ народовъ, къ которой онъ имѣлъ интересъ еще съ дѣтства, когда онъ углублялся въ сравненіе историческихъ лицъ русскаго государства съ европейскими. Не говоря уже о Франціи, которая въ этотъ періодъ исключительно интересовала его, особенно однимъ своимъ эпизодомъ—французской революціей, которую онъ успѣлъ изучить подробно и основательно—настолько, что узналъ близко всѣхъ ея героевъ, но и исторія Англіи, Германіи составляли предметъ его живѣйшаго интереса... Лафайэтъ, Паскаль, Малербъ, Карлъ Нодье, m-me Stael, Екатерина II въ своихъ отношеніяхъ къ Вольтеру и т. д, и т. д.—все было предметомъ не только интереса, но и серьезнаго его изученія. Кандидатъ физико-математическаго отдѣленія не уступалъ въ знаніяхъ гуманитарныхъ наукъ ни историку, ни филологу.

IV.

Герценъ провелъ въ Вяткѣ два съ половиною года *). Судьба, забросивъ его въ такую глушь, давала просторъ научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Обезпеченный съ матерьяльной стороны заботами отца, который ничего не жалѣлъ для него, Герценъ имѣлъ полную возможность покупать книги, быть въ курсѣ европейскихъ умственныхъ движеній. Отецъ давалъ ему по четыре тысячи рублей въ годъ, не считая затратъ

*) Съ 20 мая 1835 года до 29 декабря 1837 г.

на «монтировку дома» въ Перми и въ Вяткѣ, что было поручено Карлу Ивановичу Зонненбергу, исполнявшему разныя порученія старика Яковлева.

Два съ половиною года, проведенные въ Вяткѣ, были переполнены литературными интересами: здѣсь Герценъ не только много читалъ, но также и много писалъ. Рядомъ съ передѣлкой и исправленіемъ своихъ раннихъ произведеній, какъ *Гоффманъ*, *Германскій путешественникъ Легенда о св. Ѳеодорѣ*, здѣсь было написано и очень много новаго. Въ «Перепискѣ» указывается около пятнадцати произведеній: тутъ есть и повѣсти, и статьи, автобіографическія записки, и даже романъ.

По пріѣздѣ въ Вятку Герценъ принимается за разсказъ «Вторая Встрѣча» *), которая въ одной изъ слѣдующихъ передѣлокъ была переименована въ «Человѣкъ въ венгеркѣ». Объ этомъ «человѣкѣ въ венгеркѣ» разсказывается и въ «Запискахъ» Герцена. Но, кромѣ этого послѣдняго вида, разсказъ уцѣлѣлъ и дошелъ до насъ и въ своей первоначальной редакціи, написанной 10 марта 1836 года и посвященной «барону Ужальскому», какъ звали въ товарищескомъ кружкѣ Н. X. Кетчера. Этотъ разсказъ напечатанъ въ 1882 году въ «Русской Мысли» въ декабрѣ.

Герценъ описываетъ здѣсь свою встрѣчу въ Перми съ однимъ ссыльнымъ полякомъ, который поразилъ его своей твердостью, стойкостью, выносливостью характера, сохранившаго, несмотря на всѣ перипетіи жизни, суровыя испытанія, мягкость и глубокое чувство. При прощаньи полякъ далъ Герцену на память чугунное кольцо съ руки и сказалъ: «Не бросай его. Ты молодъ, твоя судьба еще перемѣнится, страданія не подавятъ твоей жизни. Но ты, можетъ, будешь счастливъ, тогда береги свою душу; тогда, взглянувъ нечаянно на это кольцо, вспомни нашъ разговоръ». Герценъ далъ ему въ обмѣнъ золотую запонку отъ сорочки,—и они разстались.

Въ позднѣйшемъ видѣ этого разсказа, въ томъ, который вошелъ въ «Записки», мы встрѣчаемъ массу измѣненій и отступленій. Тамъ полякъ имѣетъ фамилію Цыхановича. Герценъ съ нимъ встрѣчается въ квартирѣ польскаго ксендза, а не у хозяина грузина, какъ разсказывалось раньше. Тамъ говорится, что Герценъ видѣлся съ ссыльнымъ полякомъ два раза: въ квартирѣ грузина и на городскомъ бульварѣ, гдѣ полякъ занимался по обыкновенію гербаризаціей. Въ разсказѣ, вошедшемъ въ «Записки», описываются четыре встрѣчи: у ксендза, на бульварѣ, на квартирѣ Цыхановича, къ которому Герценъ приходитъ передъ отъѣздомъ проститься, и, наконецъ, въ четвертый разъ, когда авторъ уже совсѣмъ былъ готовъ къ отъѣзду и, нечаянно взглянувъ въ окно, увидалъ Цыхановича. «Ну.

---

*) Въ „Перепискѣ“ она часто упоминается подъ именемъ „Первой Встрѣчи“, хотя по счету она выходитъ второй.

слава Богу, сказалъ послѣдній, я вотъ четвертый разъ прохожу, чтобы проститься съ вами хоть издали, но вы все не видали.

«Глазами, полными слезъ, поблагодарилъ я его. Это нѣжное, женское вниманіе глубоко тронуло меня. Безъ этой встрѣчи мнѣ нечего было-бы пожалѣть въ Перми».

Аксессуарныя подробности разсказа здѣсь почти всѣ измѣнены: вмѣсто шутливо описаннаго обѣда у важнаго лица, въ «Запискахъ» много говорится о положеніи поляковъ вообще, о Муравьевѣ и т. д.; на мѣсто нѣжной чувствительности, отзывавшейся сентиментальностью и нѣмецкимъ романтизмомъ, здѣсь выступаетъ серьезность и безпощадность, какія старался развивать въ себѣ авторъ послѣ смерти жены. Даже самое слово «ты», съ которымъ въ ранней редакціи къ нему обращается ссыльный полякъ, отдаетъ Жуковскимъ и Шиллеромъ, которые въ вятскій періодъ, какъ уже мы видѣли, владѣли душой Герцена. Въ «Запискахъ» это «ты» замѣнено серьезнымъ дружескимъ «вы», какъ и то чугунное кольцо, которое ему даетъ на память полякъ, замѣняется здѣсь нѣсколькими звеньями желѣзной цѣпочки, которыя Цыхановичъ даетъ въ обмѣнъ за золотую запонку, предложенную Герценомъ.

Изъ сличенія этихъ обоихъ разсказовъ ясно выступаетъ то усердіе, и упорство, съ которыми Герценъ трудился надъ созданіемъ своихъ произведеній. Громадный талантъ не упразднялъ труда: каждая вещь выдерживала нѣсколько редакцій, при чемъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, сейчасъ приведенная, представляли произведенія, написанныя вполнѣ сызнова.

Вслѣдъ за «Второй Встрѣчей» Герценъ пишетъ, «Третью», которая, разумѣется, тоже имѣла нѣсколько редакцій. Одна изъ нихъ носила названіе: «Шведъ». П. В. Анненковъ полагаетъ, что подъ этимъ именемъ Герценъ изображаетъ встрѣчу съ Л. А. Витбергомъ, которая въ значительно измѣненномъ видѣ впослѣдствіи вошла въ «Записки». Но, насколько это предположеніе вѣрно, судить трудно, такъ какъ раннія редакціи этого разсказа до насъ не дошли.

Занимаясь созданіемъ «Встрѣчъ», Герценъ писалъ невѣстѣ 29 іюня 1836 года: «Теперь планъ этого сочиненія расширился. Все яркое, цвѣтущее моей юности я опишу отдѣльными статьями, вымышленными по формѣ, но истинными по смыслу. Эти статейки вмѣстѣ я назову: «Юность и Мечты».

Невыѣзжавшій никуда до тюрьмы и ссылки, кромѣ подмосковныхъ имѣній отца, Герценъ при своей живости и наблюдательности не могъ не набираться по дорогѣ въ Пермь и въ Вятку новыхъ впечатлѣній. Новыя мѣста, новые обычаи, этнографическія особенности видѣнныхъ городовъ и губерній, разумѣется, останавливаютъ на себѣ его вниманіе. И онъ пишетъ рядъ этнографическихъ статей, то объ одной Вяткѣ, то

«Письма о Казани, Перми и Вяткѣ». Статью «о Вяткѣ» онъ даже думалъ было напечатать и для этого отослалъ ее къ Полевому. Но почему-то она не была напечатана. Изъ Владиміра уже въ 1838 году онъ писалъ друзямъ: «Вятскія письма такъ показались мнѣ плоски, что я чуть ихъ не сжегъ *). Писались-же они собственно лѣтомъ 1837 года **), и тогда-же Герценъ находилъ, что въ тонѣ ихъ «чувствуется клеймо самой злой, ядовитой ироніи»***) и былъ увѣренъ, что письма не понравятся невѣстѣ, такъ какъ къ нимъ виньеткой можетъ служить Тифонъ.

Но еще много раньше этнографическихъ статей, какъ разъ, должно быть, за созданіемъ «Второй Встрѣчи» у него мелькнула мысль о повѣсти и тутъ-же сложился планъ. Онъ хотѣлъ изобразить въ ней «человѣка, одареннаго высокой душой и маленькимъ характеромъ, человѣка, который въ минуту размышленія отряхиваетъ прахъ земли и въ слѣдующую затѣмъ платитъ дань всѣмъ предразсудкамъ, оттого что слабый характеръ согнутъ, подавленъ толпою, не можетъ выработаться изъ мелочей» ****). Но прежде чѣмъ приняться за выполненіе плана намѣченной работы, ему хотѣлось знать—понравится-ли такая мысль невѣстѣ. Наталья-же Александровна нашла, что мысль не только хороша, но будучи развита въ повѣсть, можетъ еще принести пользу. Она далека была отъ подозрѣнія, что Герценъ, изображая въ повѣсти человѣка съ слабымъ характеромъ, имѣлъ въ виду свой увлекающійся страстный темпераментъ. Въ концѣ того-же апрѣля мѣсяца планъ повѣсти уже разростается. Онъ задумываетъ превратить ее въ романъ, «который поглотитъ въ себѣ и ту тему, о которой писалъ тебѣ въ прошломъ письмѣ—говоритъ онъ невѣстѣ—и много изъ моей собственной жизни. Я рѣшительно хочу въ каждомъ сочиненіи моемъ видѣть отдѣльную часть жизни души моей; пусть впечатлѣнія, которымъ я подвергался, выражаются отдѣльными повѣстями, гдѣ все вымыселъ, но основа—истина *****)».

Творчество неусыпно развивалось; одинъ новый планъ, одна новая тема смѣнялась другою; работа обступала его со всѣхъ сторонъ. За этимъ планомъ широкаго, всепоглощающаго романа, который, возможно думать, разрабатывался во Владимірѣ, подъ названіемъ «Тамъ», уже мелькаетъ планъ новой повѣсти: «Студентъ». Но не слѣдуетъ предполагать, что Герценъ хотѣлъ здѣсь изобразить жизнь университетской молодежи съ ея идеалами, стремленіями къ кипучей дѣятельности. Герценъ въ періодъ сильнаго развитія своего чувства къ двоюродной се-

*) «Идеалисты тридцатыхъ годовъ». П. В. Анненкова. Стр. 20.

**) Рук. письмо отъ 7-го іюля 1837 года.

***) Рук. письмо отъ 13-го янв. 1838 года.

****) Письмо отъ 1 апр. 1836 г. («Русск. Мысль»).

*****) «Переписка»: письмо отъ 27 апр. 1836 г.

стрѣ, какъ мы знаемъ, вмѣстѣ съ нею уходилъ отъ жизни къ небу и былъ полонъ вѣры въ таинственное. Въ этомъ-же поддерживало его и чтеніе массонскихъ книгъ. Повѣсть «Студентъ» несетъ на себѣ слѣды того настроенія, какимъ былъ охваченъ авторъ въ это время. Герценъ думалъ изобразить здѣсь студента-медика за его занятіями въ анатомическомъ театрѣ. Тамъ студентъ, занимаясь, вдругъ поражается красотою лица женщины изучаемаго трупа. Влюбляется въ нее, и весь отдается страстному, жгучему желанію отыскать средство—оживить покойницу. Въ отыскиваніи жизненнаго элексира проходитъ вся его жизнь. Ужъ онъ зачахъ въ своихъ поискахъ и близится къ концу, но тѣмъ не менѣе продолжаетъ вѣрить въ возможность и скорое исполненіе своихъ желаній.

«Проходятъ годы, и онъ, погруженный въ мракъ мистицизма и колдовства, ищетъ и ищетъ, и онъ будетъ искать всю жизнь, если-бы его жизнь была (долѣе Маѳусаиловой (?). Но тайна не открывается, однако надежда (главная идея повѣсти) съ нимъ, безъ нея онъ умеръ-бы.

«Заключеніе: онъ сѣдой старикъ, одичалый, полубезумный, все еще работаетъ и ищетъ тайны воскресенія. Слабый, больной, онъ уже на одрѣ смерти говоритъ друзьямъ: «Теперь близко къ открытію (и) засыпаетъ; она не слетаетъ къ нему, и онъ не существуетъ болѣе» *).

Повѣсть, видимо, носитъ на себѣ, кромѣ чтенія массонскихъ книгъ, и слѣды увлеченія алхиміей, отыскивавшей жизненный элексиръ. Главная мысль повѣсти, какъ говоритъ и самъ Герценъ, надежда, которая влечетъ человѣка впередъ, поддерживаетъ его бодрость и энергію, хотя въ сущности эта надежда одинъ обманъ, которому мы всѣ охотно и легко поддаемся.

Но повѣсть не долго занимала умъ, да и фабула ея не нашла сочувствія въ Натальѣ Александровнѣ: ей казалось дикимъ, невозможнымъ влюбиться въ тѣло безъ души. И Герценъ скоро отложилъ создавшійся планъ въ сторону и больше не думалъ о немъ.

Съ этихъ поръ онъ не разъ пробуетъ силы на повѣсти и романѣ и почти каждый разъ остается недоволенъ. Вслѣдъ за повѣстью «Студентъ» задумываетъ онъ писать другую. Романъ съ Натальей Александровной былъ въ это время въ самомъ разгарѣ, и потому нисколько неудивительно, что слѣдующая повѣсть была у него названа:

«Александръ } Герценъ».
Наташа

Охваченный любовью къ невѣстѣ, онъ въ это время съ жадностью перечитывалъ ея письма и находилъ въ нихъ высокую поэзію. Потому и вся повѣсть состояла въ выпискѣ изъ ея писемъ. Она утратилась вмѣстѣ съ другими набросками того времени.

---

*) «Переписка»: письмо отъ 9 сент. 1836 года.

Религіозное настроеніе между тѣмъ все сильнѣе охватывало Герцена. Оно отражалось и въ повѣстяхъ, и въ статьяхъ его. Одной изъ такихъ и притомъ любимыхъ статей автора была утратившаяся теперь статья его: «Мысль и Откровеніе», въ которую, по указанію самого Герцена, какъ бы долженъ былъ входить «Шведъ» *). О содержаніи статьи можно судить только по намекамъ, разбросаннымъ въ «Перепискѣ». Она нравилась автору: «Мысль и Откровеніе хорошо,—писалъ онъ, потому что тутъ нѣтъ повѣсти, а просто пламенное *изложеніе* моей теоріи **); «это разговоръ, диссертація, это изложеніе чувствъ и думъ». Въ одномъ изъ болѣе позднихъ писемъ онъ прибавляетъ, что въ этой статьѣ выражается тоже «недовѣріе къ мудрости вѣка сего», какъ и въ «Германскомъ Путешественникѣ», только здѣсь эта мысль «выражена ясно и отчетливо». Эта статья долго не переставала интересовать его. 13 мая 1837 г. онъ писалъ: «Въ ней я описываю мое собственное развитіе, чтобы раскрыть, какъ опытъ привелъ меня къ религіозному воззрѣнію». Въ великую пятницу 1837 года онъ прибавилъ къ ней главу: «Сонъ» ***), «гдѣ въ идеалѣ религіи перенесъ твои черты—писалъ онъ Натальѣ Александровнѣ, — даже твое имя, — ты сдѣлалась тамъ нераздѣльна съ каждой мечтой моей — святая, ангельская душа». Въ этой главѣ онъ выводитъ женщину, на подобіе Дантовской Беатриче, которая является, чтобы вести его въ рай.

Герценъ находилъ, закончивши статью, что «Сонъ» ему очень удался. Впрочемъ, тотчасъ по окончаніи работы, онъ почти всегда оставался ею доволенъ, находилъ нерѣдко удачной; но такое довольство продолжалось недолго: черезъ день, черезъ два, а чаще черезъ мѣсяцъ онъ признавалъ произведеніе неудовлетворительнымъ, исполненіе никуда негоднымъ. Этимъ, можетъ быть, отчасти объясняется утрата многихъ изъ произведеній, упоминаемыхъ въ «Перепискѣ».

V.

Надежда на возможность возвращенія изъ ссылки рано стала мелькать въ головѣ Герцена и его невѣсты. На слѣдующій же годъ послѣ переѣзда въ Вятку они оба были заняты мыслью о возможности скораго свиданія. Но прошелъ 1836 годъ — и надежда должна была исчезнуть. Въ 1837 году она снова возрождается, снова возникаютъ мечты о возвратѣ на родину. Но когда и на этотъ разъ мысль о Москвѣ пришлось отложить въ сторону, Герценъ сильно затосковалъ, загрустилъ, опечалился. Чтобы ободрить и поддержать его, Наталія Александровна совѣ-

*) „Идеалисты 30-хъ годовъ". Стр. 15.

**) Рук. письмо отъ 13 фев. 1837 г.

***) Рук. письмо отъ 17 апр. 1837 г.

товала ему заняться описаніемъ своего прошлаго, совѣтовала писать свои воспоминанія *). «Я думала, что ты мнѣ привезешь оконченное «Мысль и Откровеніе, а ты не хочешь даже и продолжать. Развѣ мѣшаетъ тебѣ что-нибудь написать изъ жизни своей то, что еще свѣжо. Будетъ время, когда не будетъ свѣжо, не будетъ и охоты писать невѣстѣ».

Совѣтъ пришелся по душѣ. Впечатлѣніе пріѣзда наслѣдника въ Вятку было такъ живо, чувство благодарности къ В. А. Жуковскому за ту ласку и доброту, съ какой онъ отнесся къ ссыльному, было такъ сильно, что Герценъ рѣшилъ описать встрѣчу съ любимымъ поэтомъ. При этомъ ему невольно припомнились другія знаменательныя встрѣчи въ его жизни, встрѣчи съ людьми выдающимися и имѣющими общественное значеніе. И Герценъ принимается за упомянутую статью: «I Maestri» (учителя). Онъ обдумываетъ ее въ маѣ и въ это же время приходитъ къ убѣжденію, что писать повѣсть «не мое дѣло» **).

Въ статьѣ «I Maestri» описывались три встрѣчи: съ баснописцемъ И. И. Дмитріевымъ, съ А. Л. Витбергомъ и съ Жуковскимъ. Статья эта не уцѣлѣла въ своемъ первоначальномъ видѣ, но ея далекій отголосокъ можно видѣть въ «Запискахъ» Герцена. Тамъ говорится обо всѣхъ этихъ встрѣчахъ. Но вѣдь «Записки» отъ того времени, когда писалась статья «I Maestri», отстоятъ на разстояніи 15 лѣтъ, потому не удивительно, что позднѣйшій разсказъ долженъ выйти съ инымъ освѣщеніемъ, при чемъ, напримѣръ, встрѣча съ И. И. Дмитріевымъ, какъ встрѣча, уже уходитъ на задній планъ, не играетъ никакой роли. Зато на первый планъ выдвигается университетъ съ его начальствомъ, профессорами и первое публичное чтеніе Герцена—студента.

Въ «Запискахъ» разсказывается, что въ 1833 году графъ Уваровъ, попечитель московскаго университета, «велѣлъ отобрать лучшихъ студентовъ для того, чтобы каждый изъ нихъ прочелъ по лекціи изъ своихъ предметовъ, вмѣсто профессора...» И вотъ для слушанія этихъ лекцій въ университетъ съѣхались: попечитель, митрополитъ, генералъ-губернаторъ и чуть не вся знать и не всѣ знаменитости города, въ числѣ которыхъ, какъ мы знаемъ, находится и баснописецъ И. И. Дмитріевъ. Въ присутствіи такой аудиторіи и всѣхъ студентовъ «мнѣ пришлось читать у Ловцова — говоритъ Герценъ — изъ минералогіи... Когда деканъ вызвалъ меня, публика была нѣсколько утомлена; двѣ математическія лекціи распространили уныніе и грусть... Уваровъ требовалъ что-нибудь поживѣе и студента «съ хорошо повѣшаннымъ языкомъ». Щепкинъ указалъ на меня.

«Я взошелъ на каѳедру. Ловцовъ сидѣлъ возлѣ неподвижно, положа

---

*) Рук. письмо отъ 6 мая 1837 г.

**) Рук. письмо отъ 28 мая 1837 г.

руки на ноги, какъ Мемнонъ или Озирисъ, и боялся... Я шепнулъ ему: «экое счастье, что мнѣ пришлось у васъ читать; я васъ не выдамъ».

— Не хвались, идучи на рать... отпечаталъ, шевеля губами и не смотря на меня почтенный профессоръ. Я чуть не захохоталъ, но когда я взглянулъ передъ собой, у меня зарябило въ глазахъ; я чувствовалъ, что я поблѣднѣлъ и какая-то сухость покрыла языкъ. Я никогда и прежде не говорилъ публично, аудиторія была полна студентами—они надѣялись на меня; подъ каѳедрой за столомъ «сильные міра сего» и всѣ профессора нашего отдѣленія. Я взялъ вопросъ и прочелъ не своимъ голосомъ «о кристаллизаціи, ея условіяхъ, законахъ, формахъ».

«Пока я придумывалъ, съ чего начать, мнѣ пришла счастливая мысль въ голову: если я и ошибусь, замѣтятъ, можетъ быть, профессора, но ни слова не скажутъ... а студенты—лишь бы я не срѣзался на полдорогѣ, будутъ довольны, потому что я у нихъ въ фаворѣ. Итакъ, во имя Гайюи, Вернера и Мичерлиха я прочелъ свою лекцію, заключилъ ее философскими разсужденіями... Студенты и профессора жали мнѣ руки и благодарили, Уваровъ водилъ представлять къ князю Голицыну» *).

Понятно, что тутъ и духъ, и тонъ разсказа совсѣмъ не напоминаютъ первоначальнаго наброска: «I Maestri»: здѣсь даже не упоминается о присутствіи баснописца, котораго авторъ увидалъ въ первый разъ въ 1833 году въ стѣнахъ университета; измѣнился кругозоръ автора, измѣнились интересы и точка зрѣнія на факты. Что нѣкогда казалось важнымъ событіемъ въ глазахъ ссыльнаго юноши, то для 40-лѣтняго писателя-европейца потеряло смыслъ и значеніе: воспоминаніе о баснописцѣ, о встрѣчѣ съ нимъ потонули во мракѣ лѣтъ и заслонились другими встрѣчами и знакомствами; но воспоминанія юношескихъ чувствъ и ощущеній остались дороги, а воспоминанія о студентахъ-товарищахъ—на чужбинѣ стали еще дороже.

Статья «I Maestri» была готова уже въ первыхъ числахъ іюня **), а черезъ четырнадцать дней она была исправлена, и Герценъ находилъ ее хорошей. «Эта статья I Maestri первый опытъ прямо разсказывать воспоминанія о моей жизни, и она удачна». «Встрѣча, которая у тебя ***),—частный случай,—эта ужъ захватываетъ болѣе и представляетъ меня въ 1833, 1835, 1837 годахъ, — годы, отмѣченные въ ней тремя встрѣчами...» ****).

Статья чрезвычайно понравилась Натальѣ Александровнѣ, особенно послѣдняя встрѣча. «Немудрено, если я скажу, — писала она, — что во всемъ, что ни читаю, не находила столько высоты и души; это скажутъ

*) „Записки". Ч. I. Стр. 152—153.

**) Рук. письмо отъ 9 іюня 1837 г.

***) Т. е. „Человѣкъ въ венгеркѣ".

****) Рук. письмо отъ 23 іюня 1837 г.

и другіе». Герценъ писалъ ей въ отвѣтъ, что въ этой статьѣ можно ясно усмотрѣть его ростъ за послѣдніе годы, можно видѣть, какъ онъ пересоздавался подъ вліяніемъ любви невѣсты. «Какой я былъ, видно въ первой встрѣчѣ 1833 года, какой сталъ— въ послѣдующихъ двухъ». Эту статью онъ называлъ «поцѣлуемъ сердца» и считалъ, что она чрезвычайно высока, даже «выше всего написаннаго» *).

Уже въ эту статью входило страшное лицо — Калибанъ-гіена, при чтеніи о которомъ у Натальи Александровны синѣли ногти; за то ей необыкновенно нравилось здѣсь какое-то видѣніе и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія.

Герценъ хотѣлъ непремѣнно переслать «I. Maestri» Огареву, но его затрудняла переписка, онъ не любилъ переписывать самъ и всегда прибѣгалъ къ помощи спеціалистовъ этого дѣла, или-же къ любезности своихъ близкихъ. Эту статью для Огарева переписывала Э. М. Аксбергъ, а «Легенду»—Наталья Александровна.

Близкую связь съ статьей «I. Maestri», какъ попыткой вспоминать прошлое своей личной жизни, составляетъ слѣдующая за ней статья: «Дитя», гдѣ Герценъ подробно разсказываетъ свое дѣтство, начиная съ 1812 года, кончая 1825-мъ.

Итакъ, слѣдовательно, автобіографическія статьи начаты были по совѣту Натальи Александровны, которая въ Вяткѣ все сильнѣй и сильнѣй завладѣвала мыслями и душою Герцена. Чѣмъ-бы онъ ни занимался— создавалъ-ли повѣсть, писалъ-ли статью, двоюродная сестра не только стояла возлѣ него, какъ ангелъ вдохновитель, она создавала основу его мысли, онъ думалъ, онъ говорилъ о ней, онъ томился по той загробной жизни, по тому невозможному «тамъ», гдѣ они сольются навсегда. «Тамъ» онъ разсчитываетъ найти примиреніе съ своей душой, которая измучена лежащимъ на ней пятномъ, т. е. поступкомъ съ Медвѣдевой. Этому «тамъ» онъ посвящаетъ свои думы. Подъ именемъ «Тамъ» пишетъ онъ повѣсть, которую превращаетъ въ обширный романъ. Повѣстью онъ скоро дѣлается недоволенъ: «все это ужасно слабо, — говоритъ онъ **),—едва набросаны контуры. Смѣло, но бѣдно, очень бѣдно». Чѣмъ дальше, тѣмъ недовольство растетъ сильнѣй. Уже въ іюнѣ онъ находитъ, что она натянута и подписываетъ ей смертный приговоръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своему беллетристическому таланту, назначая повѣсть на заклейку оконъ на зиму.

Но, несмотря на такое рѣшительное отрицаніе въ себѣ беллетристическаго таланта, онъ въ іюлѣ того-же года *), послѣ отъѣзда изъ Вятки

---

*) Рук. письмо отъ 4 іюня 1837 г.

**) Рук. письмо отъ 15 февраля 1837 г.

***) Рук. письмо отъ 4 іюля 1837 г.

наслѣдника, послѣ встрѣчи съ Жуковскимъ и Арсеньевымъ, которые его очень ободрили и подняли духъ, опять хочетъ пробовать свои силы на беллетристикѣ: «Несмотря на заклятіе, повѣсть опять бродитъ въ головѣ. Попробую. Я самъ чувствую, что перо мое стало смѣлѣе, фантазія свободнѣе: рядъ страданій, рядъ опытовъ образовалъ его».

Это страстное стремленіе сдѣлаться писателемъ повѣстей и романовъ и въ то-же время недовольство своими опытами и сомнѣніе въ своемъ беллетристическомъ талантѣ, которыя замѣчаются во все время жизни Герцена въ ссылкѣ, являются слабымъ намекомъ на то, что съ большей силою повторилось и въ пору полнаго развитія его литературныхъ способностей. И тогда повѣсть и романъ по-прежнему соблазняли его, а дѣлаемыя опыты по-прежнему не поселяли желаннаго довольства.

Повѣсть «Тамъ», несмотря на признаніе ея негодности, все-же не была уничтожена авторомъ: уѣзжая изъ Вятки во Владиміръ, онъ взялъ ее съ собой. А когда пріѣхалъ навѣстить его Н. Х. Кетчеръ, онъ передалъ ему вмѣстѣ съ другими бумагами для помѣщенія въ «Сынѣ Отечества» и повѣсть, которая теперь называлась уже «Еленой», по имени главной героини *), и составляла какъ-бы эпизодъ изъ повѣсти «Тамъ», разросшейся уже въ цѣлый романъ. Самъ Герценъ въ предисловіи къ роману «Кто виноватъ», говоритъ: «Правда, еще прежде я дѣлалъ опыты писать что-то въ родѣ повѣсти; но одна изъ нихъ *не написана*, а другая *не повѣсть*. Первое время послѣ моего пріѣзда изъ Вятки во Владиміръ мнѣ хотѣлось повѣстью смягчить укоряющее воспоминаніе, примириться съ собой и забросать цвѣтами одинъ женскій образъ, чтобъ на немъ не было видно слезъ»...

Герценъ успѣлъ уже запамятовать, что не во Владимірѣ, а еще въ Вяткѣ создалась эта повѣсть. Несомнѣнно, что въ повѣсти «Елена» **) онъ имѣлъ въ виду забросать цвѣтами не кого другого, а именно П. П. Медвѣдеву, романъ съ которой не давалъ успокоиться его совѣсти и по пріѣздѣ изъ Вятки. Въ одномъ изъ писемъ къ невѣстѣ онъ прямо говоритъ, что въ повѣсти изображена его исторія съ Медвѣдевой.

Содержаніе повѣсти мы узнаемъ изъ «Записокъ», гдѣ она передается въ нѣсколькихъ словахъ. Тамъ разсказывается, какъ одинъ вельможа влюбился въ Елену, увлекъ ее, а самъ женился на другой. Елена съ горя впала въ чахотку и умерла. Вельможа, узнавши объ этомъ, сошелъ съ ума. Молодая жена въ безъисходномъ горѣ. Не зная, какъ и чѣмъ помочь несчастному, она ведетъ его на могилу къ Еленѣ, которая похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ. Въ то время, когда они оба стоятъ у могилы, изъ оконъ монастырскихъ келій доносится до

*) Я просматривала «Сынъ Отечества» за 1838 и 1839 гг., но повѣсти не нашла.

**) Герценъ въ письмахъ нерѣдко эту-же повѣсть называлъ «Тамъ».

нихъ чудное пѣніе объ отпущеніи грѣховъ. Послѣ этого больной выздоравливаетъ *).

Прежде чѣмъ передать повѣсть Кетчеру, Герценъ ее много разъ передѣлывалъ, и мы не знаемъ, какую редакцію представляетъ приведенный разсказъ, записанный на память уже заграницей.

Романъ-же «Тамъ» долженъ былъ поглотить въ себя не только повѣсть «Елена», но и личность «Шведа». Основная мысль романа должна была быть религіозная, «та-же самая, которая начинаетъ просвѣчивать въ статьѣ «Шведъ» **). Здѣсь авторъ разсчитывалъ перемѣшать «науку, каррикатуру, философію, религію, жизнь реальную, мистицизмъ», но онъ сомнѣвался только,—возможно-ли это?

По такимъ общимъ мѣстамъ, конечно, трудно догадаться о содержаніи всего романа, но П. В. Анненковъ пытается сдѣлать предположеніе. Онъ говоритъ, что романъ «могъ имѣть сходство съ Флоберовскимъ современнымъ намъ произведеніемъ: «Искушеніе св. Антонія», съ тою только капитальною разницею между ними, что религіозный индифферентизмъ Флобера замѣнился-бы здѣсь проповѣдью о томъ, что въ искусствѣ находится прямая оцѣнка вѣрованій» ***). Но едва-ли Анненковъ правъ въ своихъ догадкахъ: повѣсть «Елена», содержаніе которой намъ приблизительно извѣстно, скорѣй опровергаетъ, чѣмъ подтверждаетъ его.

VI.

Повѣсть, романъ, воспоминанія въ видѣ повѣсти и повѣсти въ видѣ воспоминаній—вотъ что составляетъ главныя работы Герцена за время страстной любви къ невѣстѣ въ Вяткѣ и во Владимірѣ вплоть до женитьбы, до 9-го мая 1838 года. Черпая матеріалъ для повѣстей и разсказовъ изъ личныхъ воспоминаній, онъ тѣмъ не менѣе выступаетъ въ нихъ чистымъ романтикомъ, часто превращая самую жизнь въ нѣчто фантастическое, напоминающее разсказы Жанъ-Поля-Рихтера. Такимъ крайне-фантастическимъ писателемъ выступаетъ онъ въ небольшомъ произведеніи, писанномъ ко дню рожденія Натальи Александровны, къ 22 октября 1837 года, подъ названіемъ «Фантазіи»: *22 октября 1817 года*»****).

До появленія «Переписки» эта вещица считалась утраченной, и П. В. Анненковъ, часто допускавшій, какъ мы видѣли, свои предположенія насчетъ содержанія той или другой статьи, говоритъ, что «Фантазія» доброю частью своей воспроизведена въ «Запискахъ одного молодого

---

*) «Записки», ч. II.

**) «Идеалисты тридцатыхъ годовъ». П В. Анненкова.

***) Тамъ-же, стр. 19.

****) День и годъ рожденія невѣсты.

человѣка» *). Но теперь, когда оказалось, что «Переписка» сохранила въ цѣлости эту небольшую статейку, вмѣсто того, чтобы полагаться на тѣ или другiя предположенiя, мы можемъ познакомиться съ ней въ подлинникѣ.

Фантазiя.

22 октября 1817 года.

I-е.

Въ большой залѣ, мертвой, какъ кладбище, сидѣлъ на окнѣ мальчикъ лѣтъ пяти. Блѣдный цвѣтъ лица, маленькiй ростъ, нѣжность и хрупкость (grêle) членовъ показывали слабую, болѣзненную организацiю; но черты его лица были рѣзки, и ребячьи глаза искрились огнемъ.

Есть дѣтскiя лица, которыя явственно пророчатъ всю будущую жизнь ихъ. Смотря на мальчика, сидѣвшаго на окнѣ, навѣрное можно было ему предсказать рядъ страданiй, навѣрное можно было предсказать, что грубыми руками люди захватаютъ, погнутъ, сломаютъ нѣжный сосудъ этотъ. сосудъ пламенной мысли ***) и сильнаго чувства, и что онъ рано уйдетъ на родину обиженный, оскорбленный, ежели Богъ не подастъ ему руку помощи. И также навѣрное можно было предсказать, что Богъ эту руку помощи подастъ, потому что онъ въ ней ****) никому не отказываетъ, потому что и весь мiръ матерьяльный ничто иное, какъ рука помощи падшему ангелу.

Мальчикъ задумчиво смотрѣлъ на небо, можетъ, безъ всякихъ мыслей; можетъ, игривой, пестрой мечтой своего возраста маленькiй Шведенборгъ представлялъ себѣ хрустальные дома ангеловъ с(ъ) множествомъ цвѣтовъ, съ райскими птицами.

II-е.

А съ неба смотрѣлъ на мальчика Духъ жизни, благодатный путеводитель каждаго смертнаго, всего рода человѣческаго и всей вселенной по стезѣ, начертанной Провидѣнiемъ. Рои свѣтоносныхъ ангеловъ летали около него. Горестно смотрѣлъ Духъ. — «Жаль мнѣ тебя, молодой гость земли, мало *тѣла* досталось на твой удѣлъ и много души. Толпу страданiй обрушитъ на тебя огненный нравъ твой, а нѣтъ въ тебѣ мощной силы, которую вѣрнымъ щитомъ можетъ человѣкъ противопоставить *****)

---

*) «Идеалисты тридцатыхъ годовъ». Стр. 22.

**) Списокъ „Фантазiи" я беру не изъ „Переписки", а изъ имѣющихся у меня рукописей, гдѣ „Фантазiя" переписана рукою Натальи Александровны и гдѣ рукою Герцена внесены нѣкоторыя поправки.

***) А раньше было: „*сильныя* мысли".

****) Слово вставлено перомъ.

*****) Раньше было: „противодѣйствовать", затѣмъ измѣнено рукою Герцена.

врагу. Странникомъ будешь ты скитаться между людей, они тебя не признаютъ за родного, а отчаго дома*) не найти тебѣ самому. Огонь въ такихъ глазахъ не лучезарный свѣтъ неба, а пурпуръ земной страсти **). Мысль гордая унесетъ тебя, какъ дикій конь, и люди бросятъ камни на дорогу, о которые ты разобьешься».

Одинъ изъ ангеловъ***) задумался и свѣтилъ голубымъ взоромъ своимъ на мальчика, который между тѣмъ засыпалъ.

Духъ обратился къ ангелу и продолжалъ: «Среди ужасной бури родился онъ; одинъ изъ разрушающихъ, допотопныхъ переворотовъ, какъ отчаянное усиліе противъ гармоніи и просвѣтленья, мечомъ и огнемъ пробѣгалъ по землѣ. Онъ протянулъ руку изъ колыбели, и непріятельскій воинъ, буйный и пьяный, схватилъ за нее; онъ ступилъ на землю— и маленькая нога его обагрилась кровью человѣческой. Въ сырую весеннюю ночь лежалъ онъ на мостовой; море огня, пожиравшее городъ, едва могло отогрѣть посинѣвшіе члены младенца, искры сыпались на него, конскія копыта дотрогивались, онъ былъ голоденъ и не могъ кричать, изнуренная грудь матери не имѣла для него капли молока. Жизнь начинала тухнуть, ночь распространялась передъ глазами малютки. Я спасъ его, но спасъ тѣлесно. Душа наслѣдовала что-то и отъ бури, и отъ пожара, и отъ крови».

Ангелъ не спускалъ глазъ съ спящаго ребенка, его болѣзненное выраженіе стало еще замѣтнѣе, лихорадочныя движенія пробѣгали по немъ, казалось, что-то чудовищное стоитъ передъ нимъ и стращаетъ его. «Жаль мнѣ малютку!» сказалъ ангелъ съ первою слезою на вѣчно радостномъ окѣ.

— Спаси его.

— О, я готовъ!

— Но помни. Законы неизмѣнны, путь спасенія всему падшему показанъ: онъ тотъ-же для вселенной, для человѣчества и для одного человѣка. Двухъ огромныхъ жертвъ требуетъ онъ: *земную жизнь* и *страданія*. А какъ утомительна эта жизнь въ оковахъ тѣла, эта зависимость отъ стихій! А какъ жгучи эти земныя несчастія съ ядомъ на губахъ, съ заразой въ дыханіи!

— Все перенесу, мнѣ жаль падшаго брата, я вижу на челѣ его не совсѣмъ стертую печать красоты Люцифера, той красоты, которою онъ увлекъ толпы ангеловъ. Какъ хорошъ былъ Люциферъ до моего паденья съ пурпуровымъ свѣтомъ своимъ, съ высокой необъятной мыслью. Ребенокъ этотъ какъ-то напоминаетъ его черты; о, я люблю его, лишь бы

*) Раньше было „роднаго дома", а Герценъ поправилъ своею рукою: „отчаго".

**) Раньше было: „пламени".

***) Раньше было далѣе: „изливавшій кроткое, нѣжное сіяніе", — потомъ зачеркнуто.

благословилъ меня отецъ, и я привелъ-бы его въ родительскій домъ, домъ радости и молитвы; чѣмъ больше страданій, чѣмъ больше трудностей, тѣмъ чище будетъ онъ.

И такъ, да будетъ!—воскликнулъ Духъ, осѣнивъ ангела таинственнымъ знакомъ. Вдругъ тѣсно стало ему, грудь взволновалась, прозрачная мысль отуманилась, сонъ, неизвѣстный жителямъ неба, оковалъ его, ему казалось, что онъ падаетъ, *что свѣтъ тухнетъ...* *) было душно... онъ пересталъ себя понимать... исчезъ.

III-е.

Шаги послышались въ ближней комнатѣ, блѣдный мальчикъ проснулся. Уже смерклось. Онъ взглянулъ на небо—лазоревая звѣзда низверглась съ быстротою молніи на землю. Ему жаль стало звѣздочки.

Растворилась дверь. Женщина прелестная собой вошла со свѣчою въ залу:—Александръ! Александръ! гдѣ ты?

— Я здѣсь, maman,—отвѣчалъ Александръ.

— Куда ты это спрятался? я тебѣ скажу радость: у тебя родилась маленькая сестрица.

Глаза ребенка сверкнули, будто онъ понялъ всю высокую мистерію этого рожденія.

— Вѣдь дѣти съ неба?—спросилъ онъ.

— Да, ихъ Богъ даетъ.

— Такъ эта свѣтлая звѣздочка, которая сейчасъ упала, должно быть и есть моя сестра.

— Дитя!—сказала мать, улыбаясь **).

Писано 22 октября 1837 года. Вятка.

Это произведеніе, сохранившееся отъ времени полнаго дѣтскаго гипноза, прекрасно отражаетъ всю интенсивность религіознаго настроенія автора, его взглядъ на земную жизнь, какъ на неизбѣжную переходную ступень къ жизни на небесахъ; вѣру въ Провидѣніе, въ назначенную человѣку судьбу, по которой онъ неминуемо долженъ идти. Извѣстно, что Герцену было пять лѣтъ, когда родилась его двоюродная сестра (1817 г.), въ появленіи которой на свѣтъ онъ хочетъ видѣть какую-то мистическую связь съ собой и съ своимъ предназначеніемъ. Онъ помнилъ, какъ въ первый разъ услыхалъ отъ своей матери о рож-

*) Курсивъ потомъ вписанъ рукою Герцена. Послѣднее слово здѣсь плохо разобрано.

**) Въ концѣ листочка, на которомъ переписана Фантазія рукою Натальи Александровны, тою-же рукою написаны слѣдующія слова: „6-е февраля. Воскресенье. День, въ который Emilie своею мыслью прогнала всѣ тучи, даже всѣ облачка,—да благословитъ Богъ ея мысль.“

деніи Наташи, и это воспоминаніе положилъ въ основу названнаго произведенія. Здѣсь онъ отразилъ и ту вѣру въ свою необыкновенную судьбу, которая ждала его и въ которой онъ еще тогда усматривалъ лишенія, страданія и камни, долженствующіе лежать на его дорогѣ и служить ему на погибель. Здѣсь-же сдѣланъ намекъ и на свое рожденіе въ тяжелую эпоху 1812 года, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о непріятельскомъ воинѣ, буйномъ и пьяномъ, который схватилъ протянутую руку младенца; есть намекъ и на пожаръ Москвы, гдѣ «море огня, пожиравшее городъ, едва могло отогрѣть посинѣвшіе члены младенца». Всѣ эти дѣйствительныя событія изъ жизни автора облечены въ поэтическую картину съ фантастическимъ оттѣнкомъ.

«Фантазію» Герценъ иначе не называлъ, какъ c'est un rien; «этого рода статьи въ прозѣ, говорилъ онъ, кажутся натянутыми вездѣ, кромѣ Жанъ-Поля Рихтера. Но неужели фантазія, сама по себѣ хорошая, не можетъ существовать безъ ритма» *). И оставшись недоволенъ произведеніемъ, все-же просилъ передать его такъ-же, какъ «Maestri», Е. Г. Левашовой, этой «превосходной русской женщинѣ», какъ ее называетъ Анненковъ, которая, по выраженію другихъ, «исходила любовью къ людямъ». Герценъ не знавалъ лично Левашовой, но очень уважалъ и любилъ ее за теплоту и отзывчивую душу, за то горячее сочувствіе, съ которымъ она относилась къ Огареву и его друзьямъ.

Какъ отнеслась Левашова къ «Фантазіи» и каковъ былъ ея отзывъ—неизвѣстно. Статья-же «I. Maestri» читалась у нея въ одинъ изъ вечеровъ въ присутствіи Жуковскаго. Статья понравилась Жуковскому: онъ на рукописи сдѣлалъ отмѣтки карандашомъ тѣхъ мѣстъ, которыя ему больше нравились. Оказалось, что любимый и уважаемый поэтъ совпалъ во вкусахъ съ Натальей Александровной, и это, разумѣется, очень обрадовало Герцена. Списокъ статьи съ помѣтками Жуковскало былъ отосланъ къ отцу, И. А. Яковлеву, и, разумѣется, такъ-же утратился, какъ и большинство вышеупомянутыхъ произведеній.

Мысль о возвращеніи въ Москву со времени пребыванія наслѣдника, великаго князя Александра Николаевича, стала все больше и больше овладѣвать ссыльнымъ. Въ концѣ 1837 года надежда стала переходить въ реальную возможность. Съ этихъ поръ въ душу поселилось новое чувство—грусть о предстоящей разлукѣ съ вятскими друзьями. И подъ вліяніемъ этого чувства Герценъ принялся писать воспоминанія о самомъ близкомъ другѣ вятской жизни: о Полинѣ Трампетеръ, которую, вмѣстѣ съ ея женихомъ Скворцовымъ, ему было жаль покинуть. Воспоминанія эти онъ назвалъ—«Симпатія».

*) „Идеалисты тридцатыхъ годовъ". Стр. 21.

Эта статья, которая подобно другимъ утратилась, затрогивала любопытный вопросъ—вопросъ о гонорарѣ, о платѣ за литературный трудъ. Герценъ въ то время былъ противъ платы за литературныя произведенія, былъ даже противъ продажи книгъ. Зато позднѣе, когда ему въ перспективѣ стала грозить бѣдность, когда появилась опасность, что отецъ не будетъ выдавать денегъ на содержаніе, если сынъ вздумаетъ жениться противъ его желанія, то Герцену пришлось надъ этимъ вопросомъ сильно позадуматься, и хоть и не безъ труда, а отказаться отъ сдѣланнаго заранѣе рѣшенія. Отправляя съ Н. Х. Кетчеромъ отрывокъ изъ романа «Тамъ», повѣсть «Елена», для помѣщенія въ «Сынѣ Отечества», онъ выговариваетъ, чтобы редакція въ оплату высылала ему журналъ, а за прочія статьи, которыя будетъ печатать въ будущемъ, рѣшается требовать «чистыя денежки» *).

Но литературныя работы Герцена вятскаго періода не заканчиваются статьей «Симпатія»: онъ написалъ въ Вяткѣ еще «Рѣчь», которую потомъ читалъ публично 6-го декабря 1837 года по случаю открытія Вятской Публичной Библіотеки.

«Рѣчь» уцѣлѣла среди печатныхъ произведеній Герцена. Онъ начинаетъ ее съ воздаянія хвалы Петру Великому, который первый сталъ заботиться о просвѣщеніи въ Россіи. Его преемники продолжали начатое дѣло: открыли академію, университетъ. Въ обществѣ, благодаря этому, появилась потребность къ книгѣ. И вотъ опять изъ той-же среды является забота объ удовлетвореніи этой потребности: правительство устраиваетъ въ губернскомъ городѣ публичную библіотеку.

Сдѣлавши этотъ краткій очеркъ, Герценъ обращается въ «Рѣчи» къ будущимъ читателямъ новооткрывающейся библіотеки съ пояснительнымъ словомъ относительно того, что такое книга. «Опытъ, написанный и брошенный въ употребленіе, говоритъ онъ, есть книга. Книга—это духовное завѣщаніе одного поколѣнія другому, совѣтъ умирающаго старца юношѣ, начинающему жить, приказъ, передаваемый часовымъ, отправляющимся на отдыхъ, часовому, заступающему его мѣсто». Прежде и букву, и книгу скрывали. Теперь-же ее дѣлаютъ общимъ достояніемъ: открываютъ библіотеки. И Герценъ приглашаетъ читателя съ почтеніемъ входить въ этотъ храмъ мысли. «Утомленный заботами вседневной жизни читатель, говоритъ онъ, придетъ въ библіотеку отдохнуть душою и, укрѣпленный на новый трудъ, всякій разъ благословитъ нынѣшній день, столь близкій русскому сердцу, столь торжественный, съ памятью котораго соединяется день рожденія нашей библіотеки».

«Рѣчь» была выслушана публикой, относительно которой Герценъ являлся во время жизни въ Вяткѣ невольнымъ просвѣтителемъ, съ боль-

*) Рукоп. письмо отъ 9 февраля 1838 г.

шимъ интересомъ и была покрыта аплодисментами. Онъ выступилъ въ ней сторонникомъ науки, просвѣщенія и энергичнымъ внушителемъ стремленія къ развитію и пріобрѣтенію знанія. Такимъ-же онъ долженъ былъ выступать и въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ одно время ему было поручено завѣдованіе неоффиціальной частью. И характеръ, и содержаніе этихъ статей, однако, до сихъ поръ остаются намъ неизвѣстны.

VII.

Итакъ, литературныя работы вятскаго періода закончились публичной «Рѣчью». Ея успѣхъ, многочисленные аплодисменты ободрили и безъ того уже ободреннаго переводомъ въ другой городъ Герцена. Но переѣздъ во Владиміръ, жизнь тамъ, въ особенности до свадьбы, составляетъ непосредственное продолженіе вятской жизни, того-же направленія и отчасти даже тѣхъ-же работъ, которыя были начаты въ Вяткѣ. Потому работы за время владимірской жизни до свадьбы могутъ совершенно свободно быть смѣшаны съ вятскими въ одну колоду. Во Владимірѣ онъ усердно продолжаетъ начатыя воспоминанія изъ своей жизни, излагая то просто въ формѣ записокъ, то въ видѣ повѣстей. Онъ то пишетъ новыя, то возвращается къ старымъ, передѣлывая и исправляя ихъ до основанія. Уже въ январѣ 1838 года у него готова статья: «Пропилей»—такъ онъ называетъ вступленіе въ юность. Одновременно съ этимъ передѣлываетъ онъ статью: «Дитя», давая ей новое названіе—«О себѣ», гдѣ доводитъ свою жизнь до 20 іюля 1834 года включительно, т.-е. до знаменательной въ его жизни встрѣчи съ двоюродной сестрой на кладбищѣ, съ которой совпалъ и день ареста.

Форма воспоминаній оказалась всего болѣе подходящей и соотвѣтствующей таланту, а также и натурѣ Герцена. Чувствительный, сердечный, привязчивый къ людямъ, онъ не легко отрывался отъ тѣхъ, съ которыми судьба сталкивала его, и потому, разставшись, находилъ уже отдыхъ и смягченіе горечи разлуки въ возможности вспоминать и вызывать оставшіеся позади образы. Къ тому-же и окружающая провинціальная жизнь новаго города была такъ пуста и безсодержательна, что оставался одинъ способъ коротать время, «проталкивая его въ вѣчность»—обращаться къ прошлой жизни, уходить въ воспоминанія.

Мы видѣли, какъ во время жизни въ Вяткѣ мысли Герцена были переполнены воспоминаніями о лучшемъ прожитомъ. Это лучшее прожитое было связано съ Москвой, съ ранней встрѣчей, съ двоюродной сестрой. Зато какъ скоро Вятка осталась позади, какъ скоро жизнь тамъ обратилась въ прошлое, какъ скоро Герценъ могъ отойти отъ нея на разстояніе, эта жизнь тотчасъ-же обращается для него въ матерьялъ литературныхъ работъ.

Мы знаемъ теперь, что вятская жизнь пестрѣла не одними удачами; на фонѣ этой жизни выступало одно крайне враждебное лицо. Оно выглянуло уже раньше въ «Письмахъ къ друзьямъ» и въ «I Maestri», подъ именемъ Калибанъ-гіена, какъ прозвалъ Герценъ Тюфяева. Этого самого Тюфяева онъ описалъ во Владимірѣ въ повѣсти: «Его Превосходительство». Здѣсь выводился «мужъ мерзавецъ и жена ангелъ. Мужъ находится подъ судомъ и даетъ жену во взятку губернатору, — жена въ отчаяніи,—чахотка, смерть. Мужъ пьянъ и въ день похоронъ отъ губернатора получаетъ владимірскую звѣзду».

Повѣсть содержитъ одинъ изъ множества неблаговидныхъ поступковъ Тюфяева. Герценъ долго былъ занятъ повѣстью. Онъ не разъ писалъ о ней невѣстѣ, писалъ даже тогда, когда у повѣсти еще не было названія». Сюжетъ самый отвратительный, возмущающій чувство благороднаго человѣка; и таковы будутъ подробности. Главное лицо — Калибанъ-гіена въ «I Maestri».

Такъ онъ писалъ 18 января 1838 года, а 20 числа того-же мѣсяца уже говоритъ, что у него есть «еще повѣсть, но ее боюсь тебѣ послать: мрачна, какъ черная ночь. Перечитывая сегодня, я самъ содрогнулся. Привезу самъ». Что это была за повѣсть? мы не знаемъ. Только несомнѣнно, что этими обѣими повѣстями такъ-же, какъ и всѣми беллетристическими произведеніями за время, которое охватываетъ «Переписка», Герценъ оставался очень недоволенъ.

Одновременно съ названными повѣстями онъ заканчиваетъ и большую статью объ архитектурѣ, начатую еще въ Вяткѣ. Теперь статья является уже подъ названіемъ: «Кристаллизація человѣчества». Къ ней прикладываются картинки, и она посвящается Витбергу. Это та самая статья, про которую въ «Письмахъ къ друзьямъ» Герценъ говоритъ: «Нѣтъ, все, что я писалъ, глупо. Сожгу все, кромѣ *статьи архитектурной*, а она, можетъ быть, всѣхъ глупѣе, да въ ней есть хоть указаніе на мысль широкую». Эта статья какъ-бы сводила счеты съ тѣмъ громаднымъ вліяніемъ, какое имѣло на Герцена близкое сожительство съ Витбергомъ. Теперь, съ переѣздомъ во Владиміръ, вятское вліяніе всецѣло уступаетъ мѣсто московскому, дѣйствовавшему все время силою писемъ. Это послѣднее сильно отражается на всѣхъ его произведеніяхъ періода ссылки, между которыми во Владимірѣ самое видное мѣсто занимаютъ воспоминанія. Съ каждымъ мѣсяцемъ они разростаются все сильнѣй и сильнѣй. Въ мартѣ 1838 года они уже изъ отдѣльныхъ статей сливаются въ большое произведеніе, распадающееся на главы.

Послѣ перваго тайнаго свиданія съ невѣстой, бывшаго 3 марта, онъ ей сообщалъ: «Написалъ *VIII главу въ свою жизнь* и написалъ очень хорошо, и ужъ конечно, не догадаешься о чемъ: О любви къ Люд. П.... вообще идетъ прекрасно (я пишу по твоему приказу). Далѣе описана

самая черная эпоха, отъ 9-го іюля 1834 г. до 20-го, но halte là!» Но мы знаемъ, что онъ на этомъ не остановился: воспоминанія продолжались далѣе, онъ ихъ сталъ уже называть однимъ общимъ именемъ: поэмой «О себѣ», которая по его плану, набросанному 30-го марта, должна была заканчиваться 9-мъ апрѣля. «Да, это поэма юности, и она хороша. Въ IX главѣ описана студенческая оргія и прогулка».

Эта послѣдняя глава, какъ можно думать, сохранилась въ воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ, въ I томѣ, въ той главѣ, которая носитъ названіе: «Послѣдній праздникъ дружбы» и гдѣ описывается юная оргія и поѣздка друзей въ село Архангельское. По этому отрывку мы уже можемъ судить, сколько веселой шутки, тонкаго остроумія и художественнаго таланта разсыпано авторомъ въ раннихъ произведеніяхъ! Онъ уже тогда проявлялъ умѣнье въ обрисовкѣ портретовъ. Тутъ выведены и В. Пассекъ, и Кетчеръ, и А. Н. Савичъ, и Сазоновъ. . Живо описана картина варенія жженки, этотъ центральный актъ разсказа, а возлѣ жженки оба молодые друга: Герценъ и Огаревъ.

«Молодой человѣкъ въ сѣромъ халатѣ, на диванѣ, задумчиво мѣшаетъ горящее море и задумчиво всматривается въ фантастическіе узоры огня, сливающіеся съ ложкой. Противъ него за столомъ безъ сюртука, безъ галстука, съ обнаженной грудью, сложивши руки à la Napoleon съ сигарою въ зубахъ сидитъ худощавый юноша съ выразительнымъ умнымъ взоромъ».

«Они говорятъ о прошломъ, о лучшихъ минутахъ этого прошлаго. Жженка, между тѣмъ, успѣла изготовиться. Юноша безъ сюртука вскочилъ на стулъ и звонкимъ голосомъ закричалъ:

Messieurs et milords! je demande la parole, je demande la cloture de vos discussions: une grande motion... silence aux interrupteurs, monsieur le président, couvrez-vous».

«И онъ нахлобучилъ шапку своему сосѣду, а самъ продолжалъ въ томъ-же тонѣ приглашать товарищей подходить за жженкой, перемѣшивая свою рѣчь остротами, шуткой, историческими именами. Ораторъ кончилъ, всѣ съ шумомъ и хохотомъ стали подходить къ столу.

«Ораторъ спокойно разливалъ въ стаканы пуншъ.

— Магистръ, скажи, пожалуйста, кричалъ онъ (Савичу) — не изобрѣлъ-ли Деви новыхъ металлическихъ стѣнокъ для того, чтобы не жглись губы?

— Гумфри Деви умеръ, отвѣтилъ магистръ, весь занятый своимъ споромъ.

— И я думаю, радъ отъ души,—продолжалъ ораторъ,—что, наконецъ, химически разложился и на себѣ можетъ испытать соединеніе и разложеніе...»

Быстро и легко набрасывались сцены. Нигдѣ ни одной пошлости, ни

одной глупой шутки. Такъ было и въ самой дѣйствительности, говоритъ авторъ:—рядомъ съ бурнымъ вальсомъ «высокихъ идей и плоскихъ остротъ»—все носило на себѣ изящный отпечатокъ.

Несомнѣнно, что «Послѣдній праздникъ дружбы» представляетъ дальнѣйшую передѣлку упомянутой IX главы. Набрасывая личность товарища Пассека, авторъ здѣсь говоритъ, что фантазія этого юноши «была направлена на ложную мысль—бѣгства отъ земли». Такое критическое отношеніе (въ мартѣ 1838 г.) могло придти только позднѣе, равно, какъ и убѣжденіе, что картинную галлерею «надобно изучать въ одиночествѣ и притомъ разсматриваніе распространить на много и много дней». Къ этому выводу, мы знаемъ, Герценъ пришелъ послѣ первой поѣздки въ Петербургъ въ 1839 году въ концѣ, когда онъ думалъ познакомиться съ эрмитажемъ, побывавши въ немъ только разъ. Эта ошибка тоже сильно запала ему въ голову, онъ писалъ о ней женѣ во Владиміръ. Потому, когда принялся за обычную поправку и переработку IX главы поэмы: «О себѣ», гдѣ описывалась товарищеская пирушка, послѣ которой всѣ молодые друзья поѣхали въ Архангельское, принадлежащее князю Юсупову, Герценъ, остановившись на богатой галлереѣ князя, и переправляя разсказъ, вставилъ эту мысль въ произведеніе.

Всѣ эти наброски воспоминаній изъ своей жизни авторъ не разъ. какъ въ теоріи, такъ и въ дѣйствительности соединялъ въ одно цѣлое, раздѣляя на части и на главы. Онъ уже въ Вяткѣ полагалъ, что современемъ изъ нихъ выйдетъ цѣлая книга, которую онъ намѣревался озаглавить «Юность» и посвятить невѣстѣ и Огареву. «Вамъ посвящена и душа моя, говоритъ онъ *), надѣюсь, не поссоритесь за это черезполосное владѣніе». Во Владимірѣ онъ уже думаетъ разросшіяся воспоминанія раздѣлить на двѣ части: «*Первая* часть до 20-го іюля 1834 года. Тутъ я дитя, юноша, студентъ, другъ Огарева, мечты о славѣ, вакханаліи—и все это оканчивается грустной, но гармоничной нашей прогулкой на кладбище (она уже написана). *Вторая* начнется моей фантазіей 22 октября». Вообще порядка нѣтъ: отдѣльныя сцены, письма, tutti frutti—все входитъ; за этимъ встрѣча: «I Maestri» и «Симпатія», далѣе—что напишется. Въ прибавленіи къ первому тому «Германскій путешественникъ» **).

Если небуквально, то, во всякомъ случаѣ, во многомъ—въ общемъ планѣ, въ распредѣленіи на части, въ посвященіи и т. д., автобіографическія воспоминанія періода ссылки напоминаютъ и даже совпадаютъ съ извѣстными всѣмъ «Записками» Герцена, которыя онъ писалъ послѣ смерти жены, удалившись изъ Франціи въ Лондонъ. Но, несмотря на все оказавшееся сходство обоихъ плановъ, было-бы большой ошибкою

*) Рук. письмо отъ 23 іюня 1837 г.

**) Рук. письмо отъ 14 янв. 1838 года.

признавать въ набросанныхъ въ Вяткѣ и во Владимірѣ воспоминаніяхъ первую редакцію позднѣйшихъ «Записокъ», признавать, что послѣднія есть ничто иное, какъ дальнѣйшая переработка того, что было задумано и выполнено въ тридцатыхъ годахъ. Сдѣлавъ это заключеніе, пришлось бы признать, что надъ «Записками» Герценъ работалъ не менѣе пятнадцати лѣтъ, что на ихъ отдѣлку и переработку положилъ массу времени и труда. Но отъ такой вереницы ошибочныхъ выводовъ, къ счастію, насъ уберегаютъ сохранившіяся статейки изъ владимірской и вятской жизни или вѣрнѣй ихъ сравненія и сопоставленія съ соотвѣтствующими мѣстами «Записокъ», какъ напр.: «Вторая встрѣча», «I Maestri», «Фантазія», «IX глава изъ поэмы: О себѣ»... Мы уже видѣли, хотя бы изъ сравненія «Встрѣчи» съ разсказомъ о Цыхановичѣ, изъ сопоставленія встрѣчи съ И. И. Дмитріевымъ въ «I Maéstri» съ тѣмъ, что изъ нея разсказывается въ «Запискахъ», что послѣдніе разсказы не представляютъ вовсе передѣлку раннихъ работъ, а составляютъ совершенно новыя созданія, гдѣ часто изображены хоть и одни и тѣ-же факты, но съ совершенно инымъ освѣщеніемъ и съ совершенно другой точкой зрѣнія, которая могла выработаться и сложиться у Герцена въ пятнадцатилѣтній промежутокъ, отдѣляющій Лондонъ отъ жизни Вятки и Владиміра.

Герценъ самъ въ предисловіи къ «Запискамъ», въ предисловіи, которое было писано въ 1860 году и обращено къ другу дѣтства—Огареву, слѣдовательно больше, чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ вятской жизни,—вспоминаетъ объ этихъ раннихъ юношескихъ наброскахъ, которые относятся къ «Запискамъ», какъ далекое воспоминаніе *).—«Записки эти не первый опытъ, говоритъ онъ,—мнѣ было лѣтъ 25, когда я начиналъ писать *что-то въ родѣ воспоминаній.* Случилось это такъ: *переведенный изъ Вятки во Владиміръ*—я ужасно скучалъ. Остановка передъ Москвой дразнила меня, оскорбляла; я былъ въ положеніи человѣка, сидящаго на послѣдней станціи безъ лошадей. «Въ сущности это былъ чуть-ли не самый чистый, самый серьезный періодъ оканчивавшейся юности. И скучалъ-то я тоже свѣтло и счастливо; какъ дѣти скучаютъ наканунѣ праздника или дня рожденья. Всякій день приходили письма, писанныя мелкимъ шрифтомъ; я былъ гордъ и счастливъ ими, я ими росъ. Тѣмъ не менѣе разлука мучила, и я не зналъ, за что приняться, чтобы поскорѣе протолкнуть эту *вѣчность* какихъ-нибудь *четырехъ* мѣсяцевъ... *Я послушался даннаго мнѣ совѣта* и сталъ на досугѣ записывать мои воспоминанія о Крутицахъ, о Вяткѣ... Три тетради были написаны... потомъ прошедшее потонуло въ вѣчности настоящаго».

Герценъ уже успѣлъ забыть въ то время, когда писалъ предисловіе, что не во Владимірѣ, а еще въ Вяткѣ ему посовѣтовала невѣста ради

*) «Записки». Ч. I. Стр. 2.

сокращенія мучившей его разлуки описывать событія собственной жизни; онъ забылъ, что еще тамъ, на далекой сѣверовосточной окраинѣ создался у него большой планъ этого произведенія, которое онъ думалъ тогда назвать: «Юность» и которое не хотѣлъ печатать въ то время потому, что находилъ его недостаточнымъ: «надо больше сдѣлать—писалъ онъ 23 іюня 1837 года, а то отдать людямъ на поруганіе такія святыя страницы жизни больно; какой-нибудь важный трудъ долженъ имъ служить рекомендательнымъ письмомъ. Тогда ихъ издамъ подъ названіемъ: «Юность».

Но эта забывчивость, эта неточность во времени и мѣстѣ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что Герценъ писалъ «Записки», не имѣя подъ руками старыхъ вятскихъ и владимірскихъ тетрадей. Въ то время, какъ онъ въ Лондонѣ уходилъ въ воспоминанія далекаго прошлаго, ища тамъ уврачеваній отъ обступавшей его тоски, ища забвенія отъ тяжелой дѣйствительности, вятскія и владимірскія тетради спокойно лежали въ Москвѣ, въ домѣ Яковлева, перешедшемъ по наслѣдству къ старшему брату Герцена, а когда братъ, обѣднѣвши, продалъ домъ, были, надо полагать, выкинуты, какъ рухлядь, и затерялись». Герценъ писалъ «Записки» на память, возсоздавая все сызнова и, разумѣется, изображая жизнь подъ тѣмъ угломъ и съ тѣмъ освѣщеніемъ, подъ какимъ она рисовалась ему теперь, послѣ того, какъ его душа перенесла такъ много тяжелаго въ личной и общественной жизни и въ очень многомъ успѣла разочароваться.

Конечно, всѣ эти автобіографическіе наброски тридцатыхъ годовъ въ сравненіи съ «Записками», этимъ въ высшей степени прекраснымъ, художественнымъ созданіемъ, представляются какъ-бы ученическими опытами, но тѣмъ не менѣе эти опыты, какъ можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ, полны того остроумія и несомнѣннаго художественнаго таланта, который такъ сильно развился у Герцена впослѣдствіи. Уже въ нихъ выступаетъ и намѣчается тотъ будущій большой писатель, какого мы признаемъ въ немъ теперь и произведенія котораго ждутъ своей подробной критической оцѣнки.

Не одни только воспоминанія, а какъ мы видѣли и критика, этнографія, повѣсть, романъ, философская статья—всѣ роды и виды, какіе только составляютъ въ настоящее время полное собраніе сочиненій Герцена,—все это еще до времени женитьбы, до мая 1838 года, было испробовано имъ. Онъ писалъ много и начатое рѣдко оставлялъ недоконченнымъ. Въ этомъ случаѣ Герценъ представлялъ полную противоположность своему другу—Огареву, который охотнѣе набрасывалъ планы, чѣмъ приводилъ ихъ въ исполненіе. Энергичный, дѣятельный, талантливый и остроумный писатель уже вполнѣ сказался въ этотъ періодъ ссылки.

Е. Некрасова.

Подъ гнетомъ проклятія.

Разсказъ Каркавитзаса.

(Переводъ съ ново - греческаго).

I.

— Подожди-же, Димитрій, подожди...

Служба въ маленькой церкви святаго Димитрія только что окончилась. При громкомъ звонѣ обоихъ колоколовъ *), висѣвшихъ на перекладинѣ, крестьяне, торопливо крестясь и еще не надѣвъ шапокъ, гурьбой высыпали на паперть.

Былъ великій постъ, время говѣнья и усиленныхъ молитвъ, и потому небольшое пространство церкви было переполнено народомъ.

Въ ту пору благочестіе было высоко развито и отличалось искренностью. Недавно образовавшіеся приходы состояли частью изъ стариковъ, жизнь которыхъ протекла среди тяжело - угнетавшаго рабства, частью изъ людей пожилыхъ и молодыхъ, бывшихъ свидѣтелями борьбы за независимость и знавшихъ, какъ часто ихъ родина спасалась вѣрой въ Бога. Въ сердцахъ-же юнаго поколѣнія и дѣтей религіозное чувство выросло и глубоко пустило корни подъ вліяніемъ разсказовъ отцовъ, колыбельныхъ пѣсенъ и повѣствованій матерей. Вотъ почему населеніе, теперь уже освобожденное отъ турецкаго ига и не имѣвшее больше повода выражать свою ненависть къ притѣснителямъ, всецѣло и съ радостной готовностью отдавалось молитвенному настроенію.

Такъ и сегодня они, веселые и довольные, толпились около церкви... одни въ фустанеллахъ и бѣлоснѣжныхъ доломанахъ, другіе въ кожаныхъ поножахъ и широкихъ поясахъ, а нѣкоторые,—ихъ было всего

*) Колоколовъ въ странѣ имѣется немного. Турки ихъ совершенно изгнали изъ подвластныхъ имъ греческихъ земель. Колокола замѣняются привѣшанной къ стѣнѣ металлической доской, въ которую бьютъ по мѣрѣ надобности.

трое или четверо,—одѣтые съ претензіей на моду въ костюмахъ, приближавшихся къ европейскимъ, но сидѣвшихъ неуклюже и мѣшковато.

— Постой-же, Димитрій, подожди!—кричалъ кому-то вслѣдъ Ставросъ, коренастый, низкаго роста человѣкъ, прожевывавшій на ходу кусокъ просфоры.

— Что тебѣ?—откликнулся тотъ, замедляя шагъ.

— Знаешь, у Мулоса пирогъ въ печи, и онъ ждетъ только насъ, чтобы его подать на столъ?

— Ну такъ куда-же мы въ такомъ случаѣ отправимся?

— Эхъ, лучше къ Помонису,—со смѣхомъ отвѣчалъ Ставросъ.

Оба крестьянина не спѣша дошли до узкаго деревяннаго моста, надъ которымъ тихо струились воды Стременоса. Этотъ мостъ, построенный еще до возстанія, былъ обязанъ своимъ существованіемъ чуду, совершенному св. Димитріемъ, покровителемъ мѣстечка Лехайна.

Въ углубленіи одной изъ стѣнъ церкви имѣлась маленькая икона св. Димитрія, на которую обратилъ разъ вниманіе проходившій мимо изувѣръ-турокъ, предводитель одного отряда; когда на его вопросъ ему объяснили, что это изображеніе святого, онъ началъ корчить разныя рожи и дѣлалъ это до тѣхъ поръ, пока судорогой не сжало ему челюстей.

Онъ обращался за помощью къ опытнымъ врачамъ и знахаркамъ, но ничто не могло его исцѣлить: ни пентаграмма, которую плутоватая гречанка начертала углемъ на его подбородкѣ, при чемъ, вмѣсто заклинательныхъ формулъ, она изрекала хулу на его религію, ни многочисленныя травы, которыми его снабдилъ дервишъ. Полный раскаянія, онъ напослѣдокъ обратился къ самому св. Димитрію, пожертвовалъ много на церковь и, наконецъ, на собственныя средства, построилъ мостъ. Такимъ образомъ чудо, содѣянное святымъ, способствовало бóльшему процвѣтанію мѣстечка, такъ-какъ оно не только укрѣпило крестьянъ въ вѣрѣ, но и доставило имъ средство сообщенія, въ которомъ до того времени они сильно нуждались.

Димитрій и Ставросъ перешли мостъ и поспѣшно, точно усталыя лошади, завидѣвшія стойло, направились къ деревенскому тракту.

— Однако погоди,—сказалъ Димитрій, внезапно останавливаясь,—что тамъ такое происходитъ?

Крестьяне, остававшіеся до конца обѣдни, вмѣсто того, чтобы какъ всегда, выйдя на площадь, разойтись кучками по домамъ, трактирамъ или харчевнямъ, на этотъ разъ столпились на небольшой лужайкѣ по лѣвую сторону церкви. Женщины въ ихъ пестрыхъ одеждахъ стояли съ дѣтьми впереди; народъ, бывшій на рынкѣ, также присоединился къ сборищу.

— Эй, что тамъ такое?—спросилъ Димитрій мальчугана, бѣжавшаго туда со всѣхъ ногъ.

Но тотъ только презрительно фыркнулъ, думая, что имъ уже все извѣстно и что они хотятъ надъ нимъ посмѣяться.

— Пойдемъ тогда обратно и сами посмотримъ,—предложилъ Димитрій и оба повернули, чтобы идти назадъ.

— Ахъ, знаешь что?—воскликнулъ вдругъ Ставросъ.—Вѣдь тамъ будутъ провозглашать анаѳему!

— По какому поводу?

— Почемъ я знаю? Вотъ увидимъ.

И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ лужайка образовала возвышеніе, стоялъ опрокинутый громадный котелъ, покрытый толстымъ слоемъ сажи. Когда подоспѣли оба крестьянина, на этотъ котелъ взобрался почтенный сѣдовласый священникъ, державшій въ одной рукѣ длинный развернутый свитокъ, а въ другой черный смоляной факелъ. Два священника въ рясахъ яркаго цвѣта стояли по обѣимъ его сторонамъ; у нихъ въ рукахъ также было по факелу. Остальные факелы были розданы толпѣ, въ нѣмомъ и тревожномъ ожиданіи тѣснившейся вокругъ.

Теперь анаѳема или церковное проклятіе читается въ церкви, тогда какъ въ тѣ времена о немъ возвѣщали подъ открытымъ небомъ, въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ. Такъ было и въ этомъ случаѣ, при чемъ епископъ, издавшій буллу, для приданія ей вящаго вѣса и для усугубленія страха въ слушателяхъ отдалъ приказъ, чтобы во время ея прочтенія были зажжены факелы, долженствовавшіе изображать, что и душа человѣка, навлекшаго на себя проклятіе, также будетъ горѣть въ аду.

Крестьяне, обнаживъ головы, въ ужасѣ и съ бьющимся сердцемъ ожидали провозглашенія пастырскаго посланія; но вотъ помѣщавшійся на котлѣ священникъ началъ громкимъ голосомъ:

— Преосвященный епископъ Патраса и Элиды—всѣмъ духовнымъ отцамъ, монашествующей братіи и прихожанамъ церкви въ Лехайнѣ—шлетъ свое благословеніе и испрашиваетъ для нихъ мира у Господа Вседержителя...

Дальше шло въ томъ-же тонѣ изложеніе проступка, побудившаго епископа издать буллу и заключавшагося въ слѣдующемъ:

— Торговецъ скотомъ, Георгіосъ Никасъ, проѣзжая въ январѣ прошлаго года черезъ мѣстечко Лехайна, обронилъ дорожную сумку, въ которой находилось въ турецкихъ бумагахъ и мелкой монетой триста драхмъ и потому тотъ, кто, безъ сомнѣнія, нашелъ эти деньги, въ равной мѣрѣ и тѣ, кто его зналъ или кому о томъ было вѣдомо, вызываются немедленно сказать обо всемъ сущую правду.

Затѣмъ священникъ сталъ перечислять тѣ страшныя послѣдствія, которыя вело за собой для всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ неисполненіе епископскаго повелѣнія; читая, онъ произносилъ каждое слово раз-

дѣльно, съ особеннымъ удареніемъ для того, чтобы сильнѣе запечатлѣть его въ умахъ слушателей.

Лица крестьянъ омрачились; они стояли согнувшись, точно готовясь упасть на колѣни и не смѣли поднять глазъ изъ боязни встрѣтиться съ разгнѣваннымъ ликомъ Божіимъ. Потрясающія слова посланія въ ихъ напуганномъ воображеніи облеклись въ плоть и кровь и, вызывая рядъ грозныхъ видѣній, заставляли ихъ содрогаться отъ ужаса.

Между тѣмъ небо заволоклось тучами, совершенно закрывшими солнце; весело распѣвавшія птицы умолкли, чуя приближеніе грозы, и попрятались въ свои гнѣзда. Беззаботно сновавшія въ толпѣ ребятишки пугливо жались теперь къ матерямъ, какъ-бы невольно раздѣляя обуявшій всѣхъ страхъ. Красное пламя факеловъ, разстилавшееся по воздуху, надъ головами присутствовавшихъ, черная пелена чаднаго дыма, нахмуренныя лица крестьянъ и, въ противоположность имъ, безучастныя сытыя физіономіи священниковъ—дѣлали удручающимъ впечатлѣніе, получавшееся отъ всей картины. Только фигура почтеннаго старца, стоявшаго на опрокинутомъ котлѣ, словно распространяла вокругъ себя кроткое сіяніе, и онъ съ его серебристыми волосами, ниспадавшими на плечи, съ высокимъ, яснымъ челомъ и свѣтлымъ взоромъ, въ рясѣ лазурнаго цвѣта, казалось, возвышался надъ цѣлымъ собраніемъ и напоминалъ собой древнихъ патріарховъ, когда они увѣщевали свой народъ, пошатнувшійся въ вѣрѣ.

— Да будетъ ему анаѳема!—внезапно возвысивъ голосъ, заключилъ священникъ чтеніе епископской буллы.

— Анаѳема!—въ одинъ голосъ подтвердили крестьяне.

— Да будетъ онъ отрѣшенъ отъ церкви!—продолжалъ священникъ.

— Да будетъ!—вторили крестьяне.

— Пусть и въ землѣ онъ не будетъ освобожденъ отъ проклятія!

Повторивъ за священникомъ также эти слова, крестьяне облегченно вздохнули, точно избавились отъ кошмара, давившаго имъ грудь. Каждый изъ нихъ плюнулъ направо и налѣво, затѣмъ они потушили факелы и разошлись въ угнетенномъ настроеніи.

Только Димитрій не присоединялся къ общему хору, только онъ одинъ не анаѳематствовалъ, не предавалъ проклятію того, кто нашелъ триста драхмъ, не отплевывался отъ него. Въ то время, какъ мужчины, дойдя до рынка, раздѣлились на группы, а женщины пошли по домамъ, всю дорогу крестясь и бормоча молитвы, онъ стоялъ неподвижно, съ обнаженной головой, скрестивъ на груди руки и упорнымъ, мрачнымъ взглядомъ смотря вслѣдъ священникамъ, которые, погасивъ свои факелы, удалялись оттуда.

— Вотъ ты гдѣ, братъ, а я-то выбился изъ силъ, тебя искавши! — воскликнулъ Ставросъ, подходя къ нему.

Димитрій не перемѣнилъ своего положенія, какъ будто сказанное вовсе къ нему не относилось.

— Послушай, да что ты приросъ что-ли къ мѣсту? Надѣнь свою феску и пойдемъ,—продолжалъ Ставросъ, тряся его за рукавъ.

Димитрій вскинулъ на него съ изумленіемъ глаза, затѣмъ оглядѣлся вокругъ и надѣлъ феску.

— Я не пойду,—проговорилъ онъ холодно.

И онъ бросился отъ него въ сторону, точно воръ, такъ какъ, хотя имени не было названо, но всѣ приводившіяся въ буллѣ подробныя указанія прямо относились къ нему.

II.

Димитрій Нуласъ былъ бѣдный работникъ, и все его богатство заключалось въ лопатѣ, да въ обѣихъ рукахъ, съ помощью которыхъ онъ честнымъ путемъ доставалъ себѣ пропитаніе. Онъ работалъ на поляхъ, рылъ канавы, строилъ плотины, обтесывалъ камни и этимъ неустаннымъ суровымъ трудомъ, длившимся круглый годъ, онъ добывалъ себѣ право на существованіе. Около года тому назадъ, въ зимнее время, Стременосъ прорѣзывающій своими загрязненными водами всю мѣстность Лехайну и награждающій ея населеніе всевозможными болѣзнями, вслѣдствіе обильныхъ дождей выступилъ изъ береговъ, затопилъ всѣ находящіеся отъ него по близости дома, сады, дворы и овечьи загоны, разбилъ и снесъ всѣ деревянные мосты, такъ что отдѣльныя жилища очутились совершенно отрѣзанными одно отъ другого. Заинтересованные въ дѣлѣ владѣльцы сговорились между собой и, собравъ небольшую сумму денегъ, поручили Димитрію расширить русло рѣки и укрѣпить ея берега.

Тогда Димитрій съ двумя своими товарищами проработалъ цѣлую недѣлю почти безъ отдыха; когда все было кончено, онъ собирался уже вслѣдъ за товарищами отправиться во-свояси, какъ увидѣлъ скотопромышленника Никаса, который, будучи тяжело одѣтъ, намѣревался переплыть черезъ Стременосъ.

— Лучше не пытайся, онъ очень глубокъ!—крикнулъ ему Димитрій.

— Пусть глубокъ, для моей Циліи это нипочемъ! — возразилъ тотъ, очевидно приписывая своей лошади какія-то особенныя качества.

Дѣйствительно, Цилія была крупнаго, могучаго сложенія. У нея была тонкая нѣжная шерсть, крѣпкая шея и необыкновенно красивая голова съ бѣлой отмѣтиной на лбу, отличительнымъ признакомъ чистокровной породы.

Но едва только Никасъ пустился вплавь, какъ его подхватило теченіемъ и такъ начало швырять изъ стороны въ сторону, что онъ съ неимовѣрными усиліями еле добрался до другого берега. Тамъ онъ слѣзъ

съ лошади, поправилъ съѣхавшее на бокъ сѣдло и привелъ нѣсколько въ порядокъ свое намокшее и забрызганное грязью платье. Затѣмъ онъ снова сѣлъ на лошадь и быстро скрылся изъ виду.

Вскорѣ послѣ этого Димитрій, проходя тѣмъ мѣстомъ, гдѣ всадникъ сходилъ на землю, увидѣлъ на травѣ туго набитую кожаную сумку. Первой его мыслью было, что она принадлежитъ только-что проѣхавшему человѣку и онъ, взбѣжавъ на холмъ, сталъ высматривать, не завидитъ-ли гдѣ Никаса? Но того и слѣдъ простылъ.

Димитрію нельзя было отказать въ честности и, попади онъ въ какой-нибудь городъ, онъ тотчасъ отправился-бы въ управу и заявилъ о своей находкѣ. Но жителямъ мѣстечка Лехайна бургомистръ, полиція и судейскіе чиновники были знакомы развѣ лишь по наслышкѣ; только когда происходила перемѣна въ составѣ высшихъ учрежденій, и для нихъ въ этой области ощущалось нѣкоторое оживленіе, такъ какъ тогда какой-нибудь пустовавшій складъ преображался въ зданіе городского управленія, появлялось тамъ на столѣ нѣсколько толстыхъ запыленныхъ связокъ старыхъ дѣлъ, откуда-то брались два-три писца, и машина пускалась въ ходъ. Димитрій, успѣвшій уже сосчитать, сколько денегъ заключалось въ сумкѣ, вовсе не хотѣлъ довѣрить такую значительную сумму подобнымъ людямъ и потому рѣшилъ, что за ночь хорошенько обдумаетъ, какъ ему слѣдуетъ поступить. Онъ незамѣтно дошелъ до рынка, гдѣ было такъ темно, хоть глазъ выколи, и страшно усталый, измученный душевными колебаніями, повернулъ къ своему дому.

— Димитрій! эй, Димитрій!—внезапно донеслось ему навстрѣчу.

— Здравствуй, Вангели,—отвѣтилъ онъ, пожимая руку пастуха-валаха гигантскаго роста *).—Какъ ты попалъ сюда?

— Лучше не спрашивай, братъ; было тутъ у меня одно дѣльце, я съ нимъ провозился весь день, да все попусту, вотъ ночь меня и застигла! То-то поздно придется теперь возвращаться домой.

Димитрій жилъ бобылемъ. У него не было ни жены, ни дѣтей, ни отца съ матерью. Онъ былъ пришлымъ въ Лехайнѣ, но въ теченіе долгихъ лѣтъ потерялъ всякое отличіе отъ коренныхъ обывателей и занималъ теперь маленькій ветхій домишко, гдѣ, подобно аскету, самъ упра-

---

*) Валахскія пастушьи племена, какъ извѣстно, довольно часто попадались въ сѣверной и средней части Греціи, такъ что слово «Βλάχος» было воспринято ново-греческимъ языкомъ для обозначенія «кочующаго пастуха», а въ переносномъ смыслѣ для характеристики необтесаннаго, неуклюжаго человѣка. Въ обоихъ этихъ случаяхъ слово «валахъ» употребляется повсемѣстно въ Греціи, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы тамъ дѣйствительно жили валахи. Какъ-бы то ни было, въ настоящее время во всемъ государствѣ не найдется ни одного человѣка, который-бы говорилъ по-валахски. Откуда и когда появился этотъ народъ и какимъ образомъ онъ исчезъ—неизвѣстно.

влялся со всѣми хозяйственными нуждами. За ужиномъ Вангелисъ *), издавна бывшій съ нимъ въ большой дружбѣ, повѣдалъ ему свое горе.

У стараго Вангелиса была дочь Биліо, которую онъ помолвилъ за Нассоса, пастуха, жившаго по сосѣдству. День свадьбы приближался, а старикъ все еще не скопилъ суммы, обѣщанной имъ своему будущему зятю въ приданое за дочерью. Между тѣмъ тотъ рѣшительно объявилъ, что не женится, пока не будетъ ему уплачено все сполна. Какъ старикъ ни старался достать требуемую сумму, у кого только ни просилъ онъ ее взаймы, обѣщаясь заплатить какіе угодно проценты,—все было напрасно. Воскресенье должно было наступить черезъ два дня, и потому отчаяніе пастуха не знало предѣловъ.

— Скажи, сколько-же собственно тебѣ нужно?—неожиданно спросилъ его Димитрій.

— Эхъ, что тутъ говорить: много-ли, мало-ли, а все взять неоткуда!

— Нѣтъ, скажи все-таки!

— Ну, триста драхмъ! Изъ-за этихъ трехсотъ драхмъ я навлеку на себя безчестіе.—У старика показались на глазахъ слезы.

Димитрій былъ глубоко потрясенъ этимъ разсказомъ. Онъ зналъ, что у валаховъ считается большимъ стыдомъ, если кто обручитъ свою дочь и не выдастъ ее замужъ. Такая дѣвушка неизбѣжно бываетъ обречена на постепенное увяданіе, такъ какъ всѣ другіе мужчины смотрятъ на нее, какъ на подержаную мебель, утратившую блескъ новизны. Исключенія, когда находится желающій съ ней обвѣнчаться, попадаются весьма рѣдко. Вся семья страдаетъ подъ гнетомъ безчестія: ни одинъ изъ ея членовъ, будь то отецъ, братъ или даже дальній родственникъ, не смѣетъ ни съ кѣмъ вступать въ споръ, потому что всякій можетъ имъ закинуть словечко о томъ, что у нихъ произошло, и имъ ничего не останется, какъ замолчать.

Димитрію все это было извѣстно, и поэтому у него сжалось сердце при видѣ слезъ старика. Вдругъ онъ вспомнилъ о своей находкѣ. Это была именно та сумма, въ которой такъ нуждался пастухъ, и Димитрію уже начало казаться, что тутъ замѣшана рука Провидѣнія, предназначившаго эти деньги для Биліо, и что онъ былъ избранъ только орудіемъ для передачи ихъ ей.

Подъ наплывомъ этихъ чувствъ, онъ, долго не раздумывая, весело взглянулъ на Вангелиса и промолвилъ:

— Успокойся, старый, твоя дочь будетъ замужемъ!

И онъ выложилъ изъ сумки на столъ триста драхмъ.

---

*) Собственное имя, происходящее отъ сокращеннаго слова Евангелистъ «Εὐαγγελιστής».

— Вотъ, а больше у меня нѣтъ,—присовокупилъ онъ, придвигая ихъ къ старику.

— Братъ, ты меня спасъ,—воскликнулъ тотъ, бросаясь къ нему съ объятіями,—ты спасъ мое дитя, мое доброе имя...—но, уже протянувъ за деньгами руку, онъ вдругъ отдернулъ ее.

— Нѣтъ,—произнесъ онъ,—оставь пока у себя, завтра утромъ я приготовлю тебѣ росписку, и тогда ты можешь отдать ихъ мнѣ.

— Что, росписку? Съ меня довольно одного твоего слова; больше мнѣ ничего не требуется.

Ему удалось, наконецъ, уговорить пастуха, чтобы онъ взялъ деньги и тотъ такимъ образомъ могъ въ воскресенье отпраздновать свадьбу своей дочери. Теперь-же, по истеченіи года съ лишнимъ, торговецъ скотомъ выступалъ на сцену и требовалъ возвращенія своихъ денегъ, въ случаѣ утайки ихъ предавая виновника проклятіямъ всѣхъ «святыхъ отцовъ», какъ было сказано въ епископскомъ посланіи. Правда, дѣло было еще поправимо, надо было только возвратить деньги, но развѣ мыслимо было ему, бѣдняку—рабочему, гдѣ-либо достать эти триста драхмъ! Валахъ—пастухъ, отъ котораго онъ могъ-бы ихъ потребовать, уже умеръ, а къ его наслѣдникамъ онъ не имѣлъ права предъявлять претензію, такъ какъ у него не было росписки.

III.

Димитрій провелъ весь день, не выходя изъ своего жилища. Онъ двадцать разъ переворачивалъ въ умѣ одинъ и тотъ-же вопросъ, не находя даже тѣни надежды на его разрѣшеніе. Наступилъ вечеръ, а ему и въ голову не пришло что-нибудь съѣсть или выпить. Онъ то присаживался къ старому покоробленному столу и, положивъ на него руки, ронялъ на нихъ свою разгоряченную голову, то вскакивалъ и начиналъ ходить большими шагами по комнатѣ, нервно затягиваясь папиросой. Его мысль лихорадочно перескакивала съ одного на другое, тщетно ища на чемъ ей остановиться; холодный потъ крупными каплями выступилъ у него на лбу. Его волосы, пришедшіе въ такой безпорядокъ, какъ будто они хотѣли изобразить смятеніе, обуявшее его умъ, падали ему на глаза толстыми слипшимися прядями, а часть ихъ топорщилась вверхъ; мускулы лица порой подергивались судоргой, по мѣрѣ того, какъ его душа содрагалась въ тѣлѣ. Въ конецъ измученный, онъ бросался на кровать, думая хоть немного забыться сномъ и отлагая терзавшія его думы до слѣдующаго дня. Но едва онъ опускалъ вѣки, какъ въ его воображеніи съ поразительной ясностью возставало все видѣнное имъ утромъ: длинные языки краснаго пламени, мрачныя лица крестьянъ, а надъ ихъ головами черная завѣса дыма, замѣнившаго небо и придававшаго всей картинѣ зловѣщій видъ; ему явственно слышались слова свя-

щенника, изрѣкавшаго проклятіе, и каждое изъ нихъ разило его, какъ ударъ молота; несмотря на темноту комнатъ онъ, казалось, видѣлъ и ощущалъ передъ собой густое непроницаемое облако смраднаго дыма, грозившее его задушить.

— Господи, пошли скорѣй свѣтъ!—вскрикивалъ онъ, въ ужасѣ поднимаясь съ кровати.

Онъ радостно привѣтствовалъ первые робкіе лучи утренней зари въ надеждѣ, что день, прогоняющій ночную тьму, спугнетъ и разгонитъ его тяжелыя думы. Взявъ заступъ, онъ вышелъ изъ дому искать работы.

На площади замѣтно было большое оживленіе. Во время великаго поста обыкновенно перекапываются большіе участки земли, отведенной подъ пашни; множество рабочихъ съ острова Цанте, изъ Кефалоніи и Лехайны сбираются спозаранку на площадь и скучиваются около рынка, занимающаго всю ея середину. Раздѣлясь затѣмъ на партіи, они стоятъ, выжидая того, кто имъ предложитъ наиболѣе высокую поденную плату, чтобы слѣдовать за нимъ. Тутъ-же между ними и землевладѣльцами часто заключаются контракты; если какой-нибудь крупный помѣщикъ устанавливаетъ цѣну, то эта цѣна служитъ въ тотъ день для всѣхъ неизмѣнной таксой на рабочія руки. Мало по малу площадь пустѣетъ и тогда, до самаго вечера, на ней больше не видать никого, кромѣ лавочниковъ, да празднаго праздндаго люда, цѣлый Божій день коротающаго время въ подозрительнаго вида кофейняхъ.

Рядомъ съ Димитріемъ собиралась уходить небольшая кучка рабочихъ, нанятыхъ богатымъ землевладѣльцемъ Схинасомъ.

— Ну, ребята, не взять-ли намъ еще одного, чтобы дѣло у васъ пошло скорѣе?—спросилъ тотъ ихъ.—Нѣтъ-ли у васъ еще товарища?

— Нѣтъ, насъ только десятеро.

Тутъ Схинасъ замѣтилъ Димитрія.

— Эй, Димитрій,—произнесъ онъ, удивленно разглядывая его,—никакъ ты одинъ здѣсь?

— Одинъ, господинъ.

— Хочешь идти съ ними?

— Сейчасъ иду.

И онъ весело примкнулъ къ толпѣ рабочихъ.

Какъ только они пришли на участокъ, такъ стали правильными рядами и принялись за свой трудъ. Работали они дружно, съ воодушевленіемъ. Заступы мѣрно поднимались вверхъ и, сверкнувъ на мигъ въ воздухѣ, быстро падали на землю, вонзаясь въ ея твердую поверхность и разрыхляя ее. Добродушныя шутки и смѣхъ перелетали изъ устъ въ уста. Вскорѣ кто-то запѣлъ, робко и неувѣренно, остальные подхватили, и полилась, все расширяясь, звонкая хватавшая за сердце пѣсня.

Димитрій съ наслажденіемъ отдавался работѣ. Свѣжій, вольный воз-

духъ, всеобщее хорошее настроеніе, а главное самый трудъ, требовавшій непрестаннаго напряженія мускуловъ и заставлявшій кровь правильнѣе и быстрѣе обращаться въ жилахъ,—все это дѣйствовало укрѣпляющимъ образомъ на его тѣло и направляло его мысли въ другую, болѣе свѣтлую сторону. Онъ не разъ вмѣшивался въ разговоръ, отпуская то или другое словечко и даже тихонько, точно боясь разбудить свою совѣсть, вторилъ любимой пѣснѣ.

Появившійся спустя нѣкоторое время Схинасъ велѣлъ всѣмъ сдѣлать роздыхъ и отправился покупать провизію на завтракъ, состоявшій, по обыкновенію, изъ поджаренныхъ бобовъ, зелени, хлѣба и вина.

— Георгакисъ *), сколько-же ты рабочихъ-то подрядилъ?—задалъ ему вопросъ торговецъ Димосъ, у котораго онъ забиралъ требуемые припасы.

— А что? Развѣ они не хороши?—встревожился Схинасъ, всегда отличавшійся подозрительностью.

— Нѣтъ, не то, между ними попался тебѣ одинъ проклятый.

— Онъ накличетъ на тебя погибель!—прибавилъ другой.

— Чрезъ него вся земля у тебя засохнетъ!—выразилъ свое мнѣніе третій.

Георгакисъ, услышавъ о томъ, какія бѣдствія должны обрушиться на его голову, стоялъ какъ громомъ пораженный. Онъ всматривался въ лица говорившимъ и старался уяснить себѣ смыслъ ихъ рѣчей. Вдругъ ему вспомнились слухи, ходившіе на рынкѣ про Димитрія; тутъ онъ испугался не на шутку и, не взявъ даже своей покупки, чуть не бѣгомъ пустился къ себѣ обратно.

Онъ прямо направился къ Димитрію и сурово сказалъ ему:

— Ты, Димитрій, долженъ бросить работу.

— Почему, господинъ?

— Да такъ, не хочу я больше, чтобы ты у меня работалъ... не нужно мнѣ на моемъ полѣ тѣхъ, кто проклятъ... не для того у меня земля, чтобы она вся засохла...

Такъ какъ Димитрій стоялъ неподвижно, понуривъ голову и съ внутренней дрожью внимая словамъ хозяина, то этотъ подошелъ къ нему ближе и, вырвавъ у него изъ рукъ заступъ, перебросилъ его черезъ плетень на дорогу.

— Вонъ отсюда!—закричалъ онъ на него.

— Убирайся!—чуть не въ одинъ голосъ крикнули рабочіе, страшно раздосадованные тѣмъ, что въ средѣ ихъ находился проклятый. Они потрясали ему вслѣдъ своими заступами.

Димитрій въ сильномъ волненіи поспѣшно удалялся оттуда, забывъ

*) Имя Схинаса, уменьшительное отъ Георгіоса.

даже захватить съ собой заступъ. Итакъ, онъ былъ дѣйствительно преданъ анаѳемѣ и всѣми отвергнутъ! О его находкѣ знали въ мѣстечкѣ и она-то послужила ему уликой. А крестьяне, вмѣсто того, чтобы хорошенько все обсудить и принять въ соображеніе обстоятельства, извѣстныя каждому изъ нихъ, слѣпо и единодушно присоединились къ рѣшенію церкви, которой были совсѣмъ незнакомы подробности его проступка, и заодно съ нею предали его проклятію.

— Хорошо,—думалъ онъ, рыдая всю дорогу,—хорошо; по ихъ мнѣнію, уже до того дошло, что я могу сдѣлать землю безплодной!

Его взглядъ упалъ неожиданно на низенькій домикъ изъ бѣлаго кирпича, откуда доносилось гнусливое пѣніе какой-то молитвы. Димитрій, самъ не зная какъ, очутился въ Лехайнѣ и теперь стоялъ передъ домомъ попа Ставроса.

— Самъ Богъ привелъ меня сюда,—рѣшилъ онъ обрадовавшись.

И онъ вошелъ съ твердымъ намѣреніемъ исповѣдаться священнику и испросить его совѣта. Обнаживъ голову, онъ со смиреніемъ поцѣловалъ у него руку и опустился передъ нимъ на колѣни.

Попъ Ставросъ сидѣлъ, поджавши ноги, на кровати; въ лѣвой рукѣ у него были четки, а въ правой, упиравшейся въ колѣно, онъ держалъ молитвенникъ. Попъ Ставросъ былъ родомъ изъ Манолады *). Въ молодости онъ пасъ свиней, затѣмъ читалъ по складамъ «апостола» въ сельской церкви, когда-же ему удалось внести установленную сумму—отъ пятидесяти до шестидесяти талеровъ—взятую имъ въ приданое за своей молоденькой женой, — его всѣ признали заслуживающимъ быть посвященнымъ въ священники, и онъ былъ рукоположенъ. Вскорѣ открылась священническая ваканція при церкви св. Димитрія, и попъ Ставросъ добился, съ помощью нѣсколькихъ паръ гусей и каплуновъ, чтобы его перевели въ Лехайну, при чемъ, разумѣется, новое положеніе ничуть не способствовало расширенію его богословскихъ познаній.

— Ну, такъ чего-же ты отъ меня хочешь?—спросилъ онъ Димитрія своимъ густымъ сиповатымъ голосомъ, когда тотъ кончилъ говорить.

— Я прошу васъ, батюшка, дать совѣтъ, какъ мнѣ поступить?

— Какъ поступить? Возврати деньги и возврати ихъ какъ можно скорѣе, иначе ты совсѣмъ пропадешь,—проговорилъ попъ съ напускной суровостью, желая усилить впечатлѣніе, произведенное его словами.

— Но, вѣдь, у меня ихъ нѣтъ: развѣ я могъ скопить триста драхмъ?

— Есть онѣ у тебя или нѣтъ, а возвратить ты ихъ долженъ. Подумай только, сынъ мой, — прибавилъ онъ, нѣсколько смягчившись, — ты проклятъ Богомъ и нами... твое жалкое тѣло отягчено проклятіемъ... ты

*) Манолада—село, расположенное на одинъ часъ ѣзды отъ мѣстечка Али-Челеби (получившаго свое названіе отъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ, богатыхъ турокъ), къ сѣверу отъ Лехайны.

будешь стонать и трястись, какъ Каинъ... будешь покрываться пóтомъ, а потомъ леденѣть отъ ужаса...

И попъ Ставросъ сталъ приводить ему на память всѣ муки, перечисленныя въ епископскомъ посланіи и неизбѣжно ожидавшія его въ будущемъ. Димитрій питалъ большое уваженіе къ духовнымъ лицамъ и воспринималъ ихъ слова, какъ глаголъ самого Бога. Какое-бы дѣло имъ ни затѣвалось, если только оно имѣло хотя косвенное отношеніе къ церкви, — онъ всегда шелъ совѣтоваться со священникомъ. По средамъ и пятницамъ онъ держалъ строгій постъ и вообще былъ воплощеніемъ богобоязненнаго, глубоко-религіознаго человѣка. Рѣчь священника порождала въ его душѣ неописуемый страхъ, онъ дрожалъ съ головы до ногъ.

— Пощади, остановись ради самого Создателя,—какъ вопль, вырвалось, наконецъ, у него.

Онъ вскочилъ съ полу и направился къ выходу.

— Послушай, Димитрій,—съ участіемъ сказалъ ему въ догонку попъ,— постарайся достать эти деньги, да мнѣ принеси еще столько-же, чтобъ я могъ сорокъ дней молиться о твоей душѣ...

Но тотъ уже ничего не слыхалъ; онъ выбѣжалъ изъ дому, какъ сумасшедшій. Стало-быть наказанія нельзя было предотвратить; его проступокъ не могъ быть ничѣмъ искупленъ: или онъ долженъ былъ немедленно вернуть деньги, или ему предстояло всю жизнь провести подъ гнетомъ проклятія и послѣ смерти быть изрыгнутымъ землей. Но гдѣ, какимъ образомъ могъ онъ достать такую большую сумму?

Вдругъ ему вспомнился нѣкто Іоаннъ Руссосъ. Къ нему одному онъ могъ обратиться, имѣя хотя проблескъ надежды на успѣхъ. Руссосъ былъ честный, пользовавшійся общимъ почетомъ, купецъ; онъ жалѣлъ и призрѣвалъ всѣхъ несчастныхъ, обиженныхъ судьбой, ссужалъ бѣдныхъ землевладѣльцевъ деньгами, не требуя съ нихъ большихъ процентовъ и потому считался всѣми добрымъ христіаниномъ. Димитрій работалъ у него нѣсколько лѣтъ подрядъ, пользовался его довѣріемъ и расположеніемъ.

— Пойду къ нему, Богъ мнѣ поможетъ,—рѣшилъ онъ.

И Димитрій пошелъ по прямому направленію къ дому Руссоса. Всю дорогу сердце учащенно билось у него въ груди. Этотъ часъ былъ самымъ важнымъ въ его жизни. Вся его дальнѣйшая участь зависѣла отъ этого человѣка, одно слово котораго могло погубить или спасти его душу и тѣло, Димитрій избѣгалъ смотрѣть въ лицо тѣмъ, кто попадался ему навстрѣчу, изъ боязни упасть духомъ и вернуться, ничего не сдѣлавъ.

— Гдѣ твой господинъ?—спросилъ онъ слугу купца.

— Его нѣтъ дома; вотъ, получи свою плату и уходи по добру по здорову,—отвѣтилъ тотъ, кладя на каменную скамью у воротъ дома свертокъ съ четырьмя драхмами.

— Да я пришелъ вовсе не за этимъ,—взволнованно заговорилъ Димитрій,—мнѣ надо видѣть твоего господина.

— Я уже докладывалъ тебѣ, что его нѣтъ дома, — повторилъ грубо слуга.

Димитрій задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Еще только подходя къ дому, онъ разглядѣлъ въ одномъ изъ оконъ плотную фигуру купца. Повидимому, тотъ увидалъ его въ свою очередь и, предполагая, что онъ явился за недоданной ему платой, передалъ ее слугѣ, чтобы самому не входить съ нимъ ни въ какія сношенія. Значитъ и Руссосъ его избѣгалъ, не желая даже выслушать; а между тѣмъ, онъ лучше, чѣмъ кто-либо зналъ, какъ были найдены деньги и на что онѣ были употреблены.

Димитрій повелъ вокругъ себя безсмысленнымъ взглядомъ, ничего не видя, ничего не различая; затѣмъ онъ бросился бѣжать оттуда и пробрался къ себѣ закоулками, чтобы уберечь себя отъ язвительныхъ взглядовъ и насмѣшливыхъ замѣчаній крестьянъ.

IV.

Отчаяніе Димитрія было безгранично. Сердце у него билось неудержимо, судорожно сжимаясь при малѣйшемъ шорохѣ; разгоряченный приливомъ крови мозгъ жегъ ему черепъ, какъ расплавленный свинецъ; въ его душѣ царилъ невообозримый хаосъ, въ которомъ, непрерывно смѣняясь, проносились, какъ тѣни, разные образы, обдававшіе его холодомъ ядовитаго смѣха. Жизнь со всѣми ея благами была для него утрачена; всѣ связи между нимъ и остальнымъ міромъ были порваны. Проклятіе, эта неумолимая жестокая кара, заклеймило его печатью Каина и онъ во вѣки не могъ ее стереть съ себя, вмѣстѣ съ нею долженъ былъ лечь въ могилу и предстать на судъ Божій.

Димитрій съ каждымъ днемъ все больше и больше убѣждался въ ненависти къ нему со стороны населенія Лехайны; онъ часто слышалъ, какими ругательствами сопровождали его имя, какъ его поносили и горечь наполнила до краевъ его душу. Къ тому-же ему пришло на мысль, что если все это еще можно вытерпѣть, то какъ вынести то, что ожидаетъ его послѣ смерти?

И онъ теперь нерѣдко задумывался о будущей жизни, о томъ, какая участь постигнетъ за гробомъ его душу и тѣло. Конечно, нить его существованія должна будетъ рано или поздно оборваться и тогда, гдѣ его ни похоронятъ,—бросятъ-ли его трупъ куда-нибудь въ яму, зароютъ-ли его глубоко въ землю, нагромоздивъ на него цѣлую гору,—на другой-же день могила раскроется отъ края до края, вѣтеръ развѣетъ всю насыпь и его тѣло будетъ извергнуто вонъ. Земля, заботливо и любовно скрывающая въ своихъ нѣдрахъ всѣхъ мертвецовъ, не принимаетъ праха проклятаго;

она преслѣдуетъ и гонитъ его, какъ живого, точно боится, что частицы ея оскверняются прикосновеніемъ къ нему и что она запятнаетъ свою добрую славу. Но это еще не все; тѣло, какому-бы поруганію оно ни подвергалось, въ концѣ-концовъ обратится въ ничто, а вотъ душа, неразрушимая и безсмертная, будетъ непрестанно мучиться въ аду. Она будетъ кипѣть въ большихъ котлахъ, наполненныхъ черной смолой, котлахъ, подобныхъ тому, стоя на которомъ священникъ провозгласилъ анаѳему; потомъ ее принудятъ ходить по раскаленнымъ до-бѣла прутьямъ и, наконецъ, низвергнутъ въ мракъ преисподней, гдѣ она закоченѣетъ въ необозримомъ ледяномъ озерѣ. Она будетъ страдать неутомимой жаждой и ненасытнымъ голодомъ, но ничто не принесетъ ей облегченія. Бурливое шумное клокотанье смолы ошеломитъ ее, богохульныя рѣчи и адскій хохотъ демоновъ заставятъ ее трепетать, стоны и вопли грѣшниковъ поразятъ ее ужасомъ, ее будетъ опалять жаркій пламень огня и въ невыразимой мукѣ она будетъ задыхаться отъ смраднаго чернаго дыма. И такъ будетъ идти вѣчно, до скончанія временъ.

— Одно и то же, всегда одно и то же,—бормоталъ Димитрій въ приливѣ отчаянія.

Ему все это было извѣстно изъ его любимой книжки «Путь къ спасенію», составлявшей его обыкновенное чтеніе, а также по наслышкѣ. До него часто доходили слухи, что въ окрестныхъ деревняхъ земля извергала вонъ покойниковъ, и священники неминуемо признавали въ нихъ людей, преданныхъ при жизни церковному проклятію. Крестьяне вырывали тогда болѣе глубокую могилу, но земля вторично выбрасывала мертвеца изъ своихъ нѣдръ, и эта упорная борьба между нимъ и землею продолжалась до тѣхъ поръ, пока у него не находились богатые и добрые родственники, которые, заплативъ крупную сумму, добивались того, что надъ его могилой прочитывалось отпущеніе. Тогда земля примирялась съ нимъ и по истеченіи трехъ субботъ трупъ предавался разложенію.

Но развѣ найдется кто, думалось Димитрію, чтобы сдѣлать то же самое для него? Если теперь, когда онъ могъ бы отплатить за благодѣяніе, ни одна душа не хочетъ ему помочь, то кто же пожалѣетъ его, мертваго?

— Никто, никто не дастъ за меня ни гроша, — скорбно отдавалось во всемъ его существѣ.

Димитрій съ каждымъ днемъ все больше и больше опускался; онъ сталъ положительно неузнаваемымъ. Глаза у него ввалились; черты лица отъ постоянной душевной муки вытянулись и потемнѣли, придавъ ему угрюмый, жесткій видъ; его всклокоченные волосы и борода, сдѣлавшіеся грязными отъ того, что онъ колотился головой объ стѣну, придавали ему сходство съ преступникомъ, только что выпущеннымъ изъ тюрьмы.

Скоро и голодъ заявилъ ему о себѣ. Немного денегъ, полученныхъ имъ за работу, ушли почти цѣликомъ на пропитаніе, про черный же день

у него ничего не было накоплено. Онъ попросилъ старуху сосѣдку побывать у двухъ—трехъ землевладѣльцевъ, не расплатившихся съ нимъ сполна, но тѣ, принявъ ее очень нелюбезно, отослали ни съ чѣмъ.

Разъ, когда нужда особенно дала ему себя знать, онъ рѣшилъ пойти къ рынку искать работы. Приближалась весна, пашни у всѣхъ перекапывались, и потому на рабочихъ былъ большой спросъ.

— Они увидятъ, что со мной сталось и почувствуютъ ко мнѣ состраданіе,—думалось ему.

И, захвативъ съ собой заступъ, онъ отправился на рынокъ. Тамъ онъ долго простоялъ, прислонясь къ столбу, точно осужденный, но никто его не подрядилъ. Друзья, ѣвшіе его хлѣбъ—соль, землевладѣльцы, знавшіе его за самаго лучшаго добросовѣстнѣйшаго работника, даже купцы прежде всегда оказывавшіе ему довѣріе, всѣ они молча проходили мимо только взглядывая на него украдкой.

— Напрасно,—сказалъ онъ себѣ,—меня никто не найметъ.

И онъ вернулся къ себѣ глубоко разочарованный.

Вечеромъ онъ вышелъ опять, чтобы купить масла для лампады, висѣвшей у него передъ образомъ. Отверженный всѣми, онъ рѣшилъ жить совершеннымъ отшельникомъ, всецѣло посвятивъ себя молитвѣ. Онъ избралъ Пресвятую Дѣву, Скорбящую Матерь Божію, въ свидѣтельницы своей необъятной печали и ни на кого больше, кромѣ Нея, не надѣялся. Чтобы Ее не прогнѣвать, онъ былъ готовъ претерпѣть всевозможныя лишенія, только бы передъ Ея иконой теплилась неугасаемая лампада, а по праздникамъ горѣла восковая свѣча изъ желтаго воска.

Когда онъ возвращался назадъ, на улицѣ, несмотря на холодъ и грязь, рѣзвились и играли босоногіе, одѣтые въ какую-то рвань, ребятишки; щеки у нихъ были розовыя, отъ нихъ такъ и вѣяло здоровьемъ.

Вдругъ они замѣтили Димитрія и узнали его, хотя онъ закутался въ плащъ и закрылъ лицо капюшономъ, накинутымъ на голову.

— Проклятый, проклятый!—закричали они хоромъ.

Окруживъ его, они все-таки держались отъ него въ отдаленіи, но затѣмъ, ободренные его безотвѣтнымъ страдальческимъ видомъ, подступили къ нему ближе, начали на него плевать и забрасывать его комками грязи. А одинъ, посмѣлѣе, подкрался къ нему сзади и такъ толкнулъ подъ локоть, что вышибъ у него изъ рукъ бутылку съ масломъ.

— Ахъ, ты бѣсенокъ!—разсердился Димитрій и ударилъ мальчугана по спинѣ своей камышевой тростью. Тогда ребята всѣ заразъ подняли страшный вопль и разбѣжались отъ него въ разныя стороны, точно стадо гусей во время дождя. На эту кутерьму изъ ближайшихъ домовъ повыскочили женщины и, узнавъ причину дѣтскаго крика, стали швырять въ Димитрія камнями и полѣньями дровъ.

— Ступай къ чорту, проклятый, провались!

— Ты еще всѣхъ насъ погубишь!

— Уходи ты отъ насъ, уходи!

— Убирайся вонъ, сгинь нечестивецъ, проклятый Богомъ!

Привлеченные шумомъ, одинъ за другимъ подходили крестьяне и, услышавъ отъ женщинъ въ чемъ дѣло, принимались дѣйствовать съ ними заодно. Мужчины, дѣти и женщины всѣ вмѣстѣ бросали въ него камнями и осыпали его проклятіями, подобно тому, какъ нѣкогда разъяренный іерусалимскій народъ бросалъ камнями въ мученика Стефана. Ихъ ярость не знала больше предѣловъ. Изступленіе ихъ доходило до того что по такому ничтожному поводу они были готовы разорвать его на части въ полной увѣренности, что этимъ только угодятъ Богу.

Димитрій понялъ, что ему немыслимо дольше оставаться среди фанатически возбужденнаго противъ него населенія. «Гласъ народа—гласъ Божій». Не нашлось ни одного человѣка, который бы поднялъ свой голосъ въ защиту его. Всѣ были убѣждены въ его виновности и изгоняли его, подобно тому, какъ во время грозы выгоняютъ изъ дома собаку, такъ какъ, по народному повѣрью, ея шерсть обладаетъ свойствомъ притягивать молнію. Окончательно упавъ духомъ, подавленный, уничтоженный злобными криками, онъ, не заходя даже въ свое жилище и точно повинуясь тайнымъ велѣніямъ неотвратимой судьбы, бросился бѣжать по дорогѣ, которая вела за черту мѣстечка. Вслѣдъ ему еще доносились проклятія и угрозы.

Всю ночь онъ шелъ, куда глаза глядятъ, и никакія препятствія, попадавшіяся ему на пути, не могли его удержать. Все спуталось въ его потрясенномъ существѣ; его мысль трепетала и билась, какъ крыло на смерть подстрѣленной птицы. Онъ не могъ себѣ уяснить ни того, что съ нимъ произошло, ни того, куда собственно онъ идетъ. Онъ ничего не различалъ вокругъ, кромѣ бѣлѣвшей подъ ногами узкой тропинки, не слышалъ онъ ни жалобнаго плача вѣтра, ударявшаго въ сплошную стѣну придорожнаго тростника, ни пронзительнаго крика совы, залетѣвшей въ кустарникъ, ни волчьяго воя, раздававшагося въ ближнемъ калиновомъ лѣсу.

Онъ ощущалъ только, какъ сильно колотилось у него въ груди сердце, точно хотѣвшее разрушить всѣ преграды и вырваться на волю.

Когда забрезжилось утро, онъ очутился у отроговъ горнаго кряжа и былъ внезапно окруженъ стаей неистово лаявшихъ на него овчарокъ. Онъ пришелъ въ себя и сталъ озираться кругомъ.

— Куда же это я попалъ?—въ изумленіи спрашивалъ онъ себя.

Дѣйствительно, онъ былъ далеко въ сторонѣ отъ Лехайны, въ мѣстности, гдѣ находилось селеніе Калотихонъ, впослѣдствіи снова получившее свое древнее наименованіе Бупразіонъ. Тамъ жили валахскіе пастухи, всѣ поголовно приходившіеся другъ другу свойственниками. На

блѣдномъ фонѣ занимавшейся зари обрисовывались, подобно темнымъ массамъ, ихъ раскинутые бокъ-о-бокъ шатры съ примыкавшими къ нимъ овчарнями, остроконечными шалашами для скота и похожими на улья курятниками.

Пастухи были уже на ногахъ и готовились доить овецъ. Дѣвушки, вооружившись длинными хворостинами, загоняли овецъ каждую отдѣльно въ обнесенныя плетнемъ загороди, гдѣ пастухъ тотчасъ бросался ихъ выдаивать. Валахскія женщины съ открытой высокой грудью прекрасной формы, съ обнаженными до локтя сильными руками, усердно сбивали масло, выходившее изъ восьми отверстій маслобойки въ видѣ густой бѣлоснѣжной пѣны. Дѣти-подростки собирали сухіе сучья и подкидывали ихъ въ два огромныхъ, далеко отбрасывавшихъ свѣтъ костра, тогда какъ совсѣмъ маленькіе ребятишки покоились въ люлькахъ, привѣшанныхъ къ деревьямъ и, открывъ на минуту глаза навстрѣчу переливавшимъ волшебными красками лучамъ утренней зари, снова засыпали, сами себя укачивая.

— Эге, отчего это собаки такъ лаютъ?—вопросительно сказалъ одинъ изъ валаховъ.

— Кажись, кто-то идетъ оттуда, не слышишь?

Молодой валахъ, поднявъ голову, крикнулъ сильнымъ голосомъ:

— Гей, добрый человѣкъ, кто-ты, эй!

Но отвѣта не послѣдовало. Димитрій, окруженный собаками, отчаянно отъ нихъ отбивался; его трость давно разлетѣлась на мелкіе куски, и онъ съ ужасомъ ждалъ, что стая его загрызетъ.

— Гей ты... странникъ ты что-ли, гей!—продолжалъ тотъ кричать еще громче.

Онъ вложилъ въ ротъ два пальца и издалъ короткій, рѣзкій свистъ. Услышавъ знакомый имъ звукъ, собаки перестали лаять, но остались стоять на мѣстахъ, не спуская съ Димитрія своихъ большихъ выпуклыхъ глазъ и готовясь, при малѣйшемъ его движеніи, снова броситься на него.

— На, ужъ нѣтъ-ли тамъ какой дичи?

— А что, если это волкъ?

Между валахами поднялась тревога. Необычайное упорство собакъ, которымъ они приписывали особенную прозорливость, заставляло ихъ предполагать, что тутъ дѣло идетъ не о простомъ человѣкѣ, а о ворѣ, забравшемся въ засаду, чтобы выкрасть изъ стада нѣсколько штукъ овецъ или о волкѣ, соблазнившемся возможностью легкой поживы.

— Эй, Нассосъ, отправляйся живѣй да посмотри что тамъ такое,— обратился къ молодому валаху сѣдой, какъ лунь, старикъ Алексѣй, старѣйшій изъ всѣхъ, глава многочисленной семьи; онъ уже не доилъ овецъ, а только, опираясь на посохъ, переходилъ отъ одного работника къ другому и наблюдалъ за ними.

Нассосъ немедленно повиновался и, взявъ палку, пошелъ въ направленіи къ Димитрію. Онъ мигомъ разогналъ собакъ.

— Эй, божій человѣкъ, какъ ты попалъ сюда такую рань? спросилъ онъ Димитрія.

Онъ подошелъ къ нему ближе, чтобы заглянуть ему въ лицо и вдругъ, къ своему крайнему удивленію, узналъ въ невѣдомомъ пришельцѣ стариннаго друга покойнаго Вангелиса.

— Кумъ! Ты-ли это, кумъ!—произнесъ онъ, глубоко обрадованный, обнимая его.

— Я, сынъ мой!—взволнованно отвѣтилъ Димитрій.

Онъ съ самаго начала узналъ мѣстность, куда его привелъ случай, но, опасаясь, что валахи отнесутся къ нему враждебно, онъ хотѣлъ было спрятаться, а затѣмъ идти дальше, насколько у него хватитъ силъ, но собаки его увидали. Когда-же онъ замѣтилъ, съ какимъ радушіемъ простеръ къ нему свои объятія Нассосъ, то подумалъ, что тотъ или ничего не знаетъ или щадитъ его изъ состраданія и, чувствуя смертельную усталость, охотно послѣдовалъ за нимъ въ его шатеръ.

— Биліо! Биліо!—весело позвалъ жену Нассосъ.

— Ау!

— Кумъ пришелъ, иди скорѣй съ нимъ здороваться.

Биліо тотчасъ показалась изъ овечьяго хлѣва; она была одѣта въ пеструю плотно облегавшую ея станъ юбку съ поясомъ изъ бѣлой козьей шерсти, ея голова была обмотана повязкой свѣтло зеленаго цвѣта, на ногахъ были шерстяные чулки и широкіе грубые лапти; въ правой рукѣ она держала длинный посохъ.

— Будьте здоровы!—привѣтствовалъ ее Димитрій по-валахски.

— Добро пожаловать, батюшка, будь здоровъ и свѣжъ, какъ вода,— съ улыбкой возразила ему Биліо и поцѣловала у него руку.

Биліо была красивая валашка, средняго роста, стройнаго и крѣпкаго сложенія; у нея было круглое лицо и миндалевидные глаза, оттѣненные длинными, густыми рѣсницами. Ея кожа слегка потемнѣла отъ загара, такъ какъ она цѣлый день проводила на воздухѣ: то пасла стадо овецъ, то стирала бѣлье на рѣчкѣ, протекавшей на днѣ большаго оврага; вообще она славилась, какъ хозяйка, не только между своими, но даже въ сосѣднихъ селеніяхъ.

Между тѣмъ всѣ овцы были выдоены, и пастухи уносили къ себѣ большіе котлы и деревянныя чаши, полные до краевъ теплымъ, пѣнившимся молокомъ.

Всѣ валахи по очереди входили въ шатеръ Нассоса и здоровались съ Димитріемъ такъ просто и сердечно, что онъ былъ тронутъ до слезъ. Нассосъ подалъ ему большую чашку съ молокомъ, чтобы онъ могъ проглотить его съ пѣной.

— Пей, батюшка, на здоровье, подкрѣпись,—въ свою очередь упрашивала его Биліо, подавая ему ложку, украшенную рѣзьбой.

Димитрій, изнемогшій отъ усталости и душевныхъ терзаній, принялся съ наслажденіемъ втягивать въ себя бѣлоснѣжную пѣну парного молока; мало-по-малу, подъ впечатлѣніемъ окружавшей его мирной природы и любовнаго ласковаго пріема, оказаннаго ему валахами, онъ началъ отдыхать душой. Его сердце, измученное пыткой послѣднихъ дней, забилось спокойнѣе, правильнѣе, такъ-какъ онъ обрѣлъ другія сердца, не воздвигавшія на него гоненій. Нервное потрясеніе постепенно въ немъ улеглось, вѣки отяжелѣли, его стало клонить ко сну, и онъ улегся подъ открытымъ небомъ на разостланномъ плащѣ и положивъ голову на большой камень.

Радостное блеяніе маленькихъ ягнятъ, выпущенныхъ на свободу изъ хлѣвовъ, куда ихъ запираютъ на ночь отдѣльно отъ матерей, чтобы они не могли ихъ сосать, веселый смѣхъ дѣтей, пѣвучій говоръ чернаго дрозда, этого перваго предвозвѣстника утра, сладкіе звуки свирѣли—все это мягкой, нѣжной волной доходило до его слуха, объятаго дремотой, и незамѣтно его убаюкивало.

V.

Прошло уже два дня, какъ Димитрій поселился у Нассоса съ Биліо, а они относились къ нему все съ той-же неподдѣльной любовью, съ какой его къ себѣ приняли. Они, какъ съ роднымъ, раздѣляли съ нимъ пищу и кровъ; ту самую дружбу, которую раньше питалъ къ нему старый Вангелисъ, возымѣли къ нему дочь и зять этого послѣдняго. Характеръ валаховъ съ ихъ прямотой и простосердечіемъ таковъ, что они и чувства считаютъ преемственными наравнѣ съ шатромъ и стадомъ овецъ. Узы дружбы они наслѣдуютъ отъ своихъ отцовъ и часто онѣ становятся для нихъ даже прочнѣе, чѣмъ узы родства.

Старый Вангелисъ никогда, ни однимъ словомъ не проговорился своей дочери или ея мужу о благодѣяніи, оказанномъ ему Димитріемъ. Они сами привязались къ нему, такъ какъ со дня ихъ свадьбы онъ приходилъ къ нимъ каждый праздникъ и оставался у нихъ отъ одного утра до другого. Цѣлый день они проводили вмѣстѣ, какъ одна дружная семья. Старикъ Вангелисъ закалывалъ ягненка, Нассосъ его свѣжевалъ, Биліо приготовляла изъ него жаркое, а Димитрій заботился о томъ, чтобы былъ накрытъ столъ. Часто, окончивъ свою скромную трапезу, они въ веселіи сердца затягивали хоромъ пасхальную пѣсню, такъ вѣрно и трогательно изображающую жизнь бѣдняка—валаха. Только передъ самой смертью старый Вангелисъ сказалъ своимъ про Димитрія:

— Димитрій мнѣ братъ.

И больше ничего. Но и этого было достаточно, чтобы онъ заступилъ имъ мѣсто отца.

Оттого и теперь ни Нассосъ, ни Биліо не разспрашивали его о причинѣ, заставившей его покинуть свой домъ и такъ долго гостить у нихъ. Димитрій съ первыхъ-же дней пребыванія съ ними ощутилъ всю отраду спокойствія. Внутри ихъ жилища онъ видѣлъ счастье и нѣжную любовь, плодъ которой толстый краснощекій бутузъ Митросъ составлялъ для всѣхъ утѣху. Этой любовью скрашивалась вся скудость ихъ обстановки и Димитрій, сознававшій, что счастье молодой четы создано его руками, минутами гордился этимъ и былъ готовъ нести безъ ропота ниспосланную на него кару. Внѣ пріютившаго его шатра, его поражала чистота нравовъ валахскихъ пастуховъ, непритворность ихъ дружбы и ихъ горячая вѣра въ Бога. Онъ видѣлъ, какой миръ царитъ въ ихъ семьяхъ, и переживалъ въ этомъ бѣдномъ пастушескомъ селеньѣ, далеко отъ людской зависти, злобы и насмѣшки,—часы истиннаго тихаго счастья.

Когда валахи расходились по разнымъ направленіямъ со своими стадами, Димитрій оставался съ женщинами, слушалъ ихъ разсказы, бесѣдовалъ съ ними о погодѣ и овцахъ или разсуждалъ съ Биліо о шерсти и другихъ хозяйственныхъ заботахъ, при чемъ, обыкновенно, носилъ и укачивалъ ея малютку—сына.

Но съ теченіемъ времени и эта жизнь перестала дѣйствовать на него благотворно. Ничто изъ того, что его окружало:—ни смѣющаяся природа, ни свѣтлыя воды всюду протекавшихъ ручейковъ, ни забавные прыжки ягнятъ, ни мелодичное пѣніе свирѣли, — не имѣло больше для него обаянія, не находило больше въ его душѣ радостнаго отклика. Въ его воображеніи снова стали съ неутомимой послѣдовательностью развертываться картины будущаго, заставлявшія его холодѣть отъ ужаса. Лихорадка медленно, но вѣрно пожирала его тѣло, какъ пламя пожираетъ свѣчу, подтачивая его силы и безслѣдно унося здоровье. Щемящая тоска грызла его сердце, мрачныя думы о будущемъ держали его нервы въ постоянномъ истощавшемъ его возбужденіи. Что было изъ того, что онъ пока нашелъ себѣ пріютъ подъ дружеской кровлей? Все и навсегда было для него потеряно: доброе имя, уваженіе, заслуженное имъ примѣрной жизнью, безмятежное прошлое, душевное спокойствіе и даже—загробное бытіе.

— Ничего, ничего они мнѣ не оставили, — наболѣвшимъ стономъ вырывалось у него.

Димитрій подумывалъ о томъ, какъ-бы спросить у Нассоса обратно триста драхмъ и такимъ образомъ снова все вернуть. Но каждый разъ его останавливала мысль, что у того не больше восемнадцати штукъ овецъ, а денегъ ни гроша.

У валаховъ только три раза въ годъ бываютъ деньги, когда они

продаютъ сыръ, шерсть и овецъ. Тогда они, живо уплативъ долги, закупаютъ все необходимое для обихода и попрежнему остаются съ пастушьей палкой въ рукахъ, женой и дѣтьми въ шатрѣ и овцами, этимъ источникомъ ихъ благосостоянія.

Такъ Димитрій и промолчалъ, еще сильнѣе упавъ духомъ.

Между тѣмъ подошла послѣдняя седмица великаго поста. Въ среду Биліо вмѣстѣ съ другими женщинами красила яйца, которыя онѣ потомъ прятали въ корзины и загадывали: кому изъ нихъ достанется красное— той удастся скорѣе всѣхъ сбыть съ рукъ своихъ овецъ. Страстная пятница—день ликованія для валаховъ: они поднимаются тогда съ зарей и весь день проводятъ въ Лехайнѣ, гдѣ выставляютъ своихъ овецъ для продажи на самыхъ бойкихъ мѣстахъ. Этотъ день имѣетъ для нихъ такое-же значеніе, какъ августъ для винодѣловъ. Ихъ пояса раздуваются отъ денегъ и, согласно установившейся между ними поговоркѣ, они идутъ тогда къ своимъ заимодавцамъ и, принявъ спѣсивый, важный видъ, требуютъ онъ нихъ свои расписки.

У Нассоса въ тотъ годъ было мало ягнятъ, такъ какъ піявки произвели зимой большія опустошенія въ его стадѣ. Все-таки и онъ оправился съ остальными, захвативъ съ собой жену, чтобы купить съ ней вмѣстѣ масла для лампадъ и всего, что имъ было нужно для самихъ себя и для хозяйства.

— А ты, батюшка, пойдешь съ нами?—спросилъ его Нассосъ.

— Нѣтъ, мои милые, я останусь. Прощайте.

— Заглядывай почаще къ овцамъ, въ хлѣвъ,—промолвила смѣясь Биліо.

Димитрій цѣлый день провелъ въ сильной, мучительной тревогѣ. Ему казалось невозможнымъ, чтобы валахи не узнали въ Лехайнѣ обо всемъ случившемся съ нимъ и о томъ, что къ этому могло быть присочинено, такъ-какъ сплетни въ маленькихъ мѣстечкахъ растутъ и раздуваются съ каждымъ днемъ все больше, пока не дѣлаются, наконецъ, похожими на знаменитыя исторіи Мюнхгаузена. Димитрій хорошо зналъ тѣхъ, съ кѣмъ ему пришлось жить въ теченіе столькихъ лѣтъ. Любители позлословить, они всегда были рады подхватить какой нибудь слухъ и разнести его повсюду, лишь-бы только подорвать добрую славу сосѣда. Ограниченность и скученность населенія, отсутствіе всякихъ новостей, дававшихъ пищу ихъ уму, — все это поневолѣ заставляло ихъ выбирать предметомъ своихъ бѣсѣдъ кого-нибудь изъ своей-же среды и вотъ, коротая свои досуги въ кофейняхъ и трактирахъ они, бывало, примутся за кого-нибудь и безъ стѣсненія начнутъ промывать ему косточки, а потомъ, бросивъ его, какъ выжатый лимонъ, перейдутъ къ другому, къ третьему, все больше входя во вкусъ злословія, усердно копаясь въ личной и семейной жизни того, кто въ данную минуту имѣлъ несчастіе попасть имъ на зубокъ.

Такимъ образомъ едва-ли можно было отъ нихъ ожидать, что они пощадятъ Димитрія въ его горѣ и откажутъ себѣ въ удовольствіи пройтись на его счетъ. Навѣрное и на рынкѣ, и въ харчевняхъ будутъ говорить о немъ, такъ что Нассосъ и Биліо неминуемо узнаютъ обо всемъ и тогда ему нельзя будетъ дольше у нихъ оставаться.

— Скоро придется мнѣ и отсюда уйти,—скорбѣлъ онъ.

Эта мысль не давала ему покоя цѣлый день. Къ вечеру валахи въ самомъ веселомъ настроеніи порознь и вмѣстѣ стали возвращаться домой, ягнятъ у нихъ было мало, за то пояса были туго набиты деньгами. Одни изъ нихъ, бывшіе немножко подъ хмѣлькомъ, громко и радостно выражали свое ликованіе и наигрывали на свирѣляхъ. За ними плелись женщины, тащившія покупки, а нѣкоторыя изъ нихъ еще въ придачу къ нимъ своихъ дѣтей. Какъ только Димитрій различилъ въ толпѣ Нассоса и Биліо, онъ робко, точно преступникъ въ своего судью, вглядѣлся въ нихъ; ихъ лица сіяли довольствомъ, но сквозь него пробивалась едва уловимая черта досады и легкаго недоумѣнія.

«На, змѣи запустили въ меня свое жало»,—подумалъ онъ, почувствовавъ, какъ у него оборвалось сердце.

Вечеромъ, когда всѣ улеглись спать, ему довелось узнать всю правду.

— Да, какъ я говорилъ тебѣ, милая,—шепталъ Нассосъ женѣ.—Онъ укралъ, сказываютъ они.

— И тогда они его прогнали?

— Да, но раньше предали анаѳемѣ съ черными факелами въ рукахъ и осыпали его проклятіями.

— По этому онъ и пришелъ сюда?

— По этому, что-жъ теперь намъ дѣлать?

— Во всякомъ случаѣ мы не можемъ также прогнать его отъ себя.

— Прогнать—конечно нѣтъ, Боже упаси, но...

Димитрій все слышалъ и его бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Всю ночь напролетъ онъ не могъ сомкнуть глазъ, а утромъ его трясла такая лихорадка, что если бы онъ тотчасъ хотѣлъ покинуть своихъ гостепріимныхъ хозяевъ, раньше, чѣмъ они могли дать ему замѣтить свое неудовольствіе, то не былъ-бы въ состояніи подняться со своего ложа. Только вечеромъ онъ всталъ съ трудомъ и вышелъ посидѣть на воздухѣ.

Ягнята, заколотые по случаю Пасхи, съ жиромъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, висѣли у входовъ въ шатры и были совсѣмъ приготовлены для того, чтобы быть насаженными на вертелъ. Нѣсколько валаховъ обстругивали вырѣзанныя изъ дикаго оливковаго дерева толстыя палки, долженствовавшія изображать собой вертелъ. Женщины всѣ были въ большихъ хлопотахъ; однѣ изъ нихъ мыли противни, надъ которыми должны были жариться ягнята, другія дѣлали сырники или, затопивъ маленькія печки, мѣсили темное, но чрезвычайно вкусное тѣсто для хлѣбовъ изъ ячменя и маиса.

Дѣти-подростки, еще на разсвѣтѣ ушедшіе въ луга, возвращались теперь съ большими охапками свѣже скошенной травы для подстилки овцамъ. Дѣвушки-валашки, стройныя, съ нѣжно-розовымъ цвѣтомъ лица, шли съ рѣки, неся на головахъ кувшины съ студеной водой.

— Что скажешь, батюшка, развѣ не хорошъ нашъ ягненокъ?—спросилъ Нассосъ Димитрія, съ гордостью указывая чуть не на самаго жирнаго изо всѣхъ ягнятъ.

— Хорошъ, сынъ мой, и очень лакомъ съ виду; пошли вамъ Богъ свое благословленіе.

Мало-по-малу спустились вечернія сумерки. Каждый изъ валаховъ подоилъ своихъ овецъ, вылилъ молоко въ большой котелъ и, продѣвъ сквозь его ушки надежный шестъ, оба конца котораго были укрѣплены на воткнутыхъ въ землю подпоркахъ, оставилъ молоко въ прохладѣ ночи. Затѣмъ они всѣ разошлись по своимъ жилищамъ и растянулись на служившихъ имъ постелями шерстяныхъ одѣялахъ, чтобы хотя немного вздремнуть до наступленія пасхальнаго торжества.

Димитрій послѣдовалъ ихъ примѣру; но заснуть и подкрѣпить свои силы ему никакъ не удалось: онъ весь горѣлъ въ лихорадочномъ жару. Упорныя думы о его проступкѣ и о томъ, что онъ сталъ извѣстенъ Нассосу и Биліо, единственнымъ людямъ, оказывавшимъ ему расположеніе, поддерживали возбужденную въ немъ лихорадкой безсонницу. Онъ то поднимался съ постели, то снова въ изнеможеніи падалъ на нее; разъ десять наполнялъ онъ маленькую деревянную кружку свѣжей водой изъ большого чана и залпомъ выпивалъ ее; его мучила такая жажда, для утоленія которой, казалось, было мало цѣлой рѣки, а тутъ ему еще мнилось, что онъ слышитъ ея шумъ и видитъ прозрачныя кристальныя струи безчисленныхъ ручейковъ. Во рту онъ ощущалъ горечь, языкъ у него былъ совсѣмъ сухой. Борясь такимъ образомъ съ лихорадкой, онъ провелъ ночь до тѣхъ поръ, пока не пришло время вставать.

— Кумъ, а кумъ!—звалъ его Нассосъ, слегка дергая за ногу.

— Что тебѣ?

— Вставай, пойдемъ встрѣчать праздникъ.

Когда они вышли изъ шатра, то вся долина съ окружавшими ее горными скатами звучала отъ смутнаго гула людскихъ голосовъ.

Всѣ валахи изъ сосѣднихъ селеній собрались сюда, одѣтые по праздничному, со свѣчами въ рукахъ и ждали наступленія великаго праздника.

VI.

Мѣстность эта, сплошь состоящая изъ горъ, холмовъ и небольшихъ долинъ, обильныхъ водой и растительностью, занимаетъ южную часть города Бупразіонъ. Валахи избрали ее своимъ излюбленнымъ мѣстопре-

бываніемъ и основались тамъ, одни въ небольшихъ поселкахъ, какъ Бакаянейка и Витинейка, другіе отдѣльными семьями, а третьи утвердились въ маленькихъ деревенькахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя насчитывали не больше десятка дворовъ.

Въ долины валахи спускаются только на зимнее время. Съ апрѣля они со своими семьями и стадами перекочевываютъ въ горы, гдѣ проводятъ все лѣто. На всемъ протяженіи занимаемой ими мѣстности не имѣется ни одной церкви, за исключеніемъ крохотной какъ часовня, церковки въ одной изъ расположенныхъ по высотамъ деревень. Но эти деревушки не въ состояніи платить жалованье священнику, такъ-какъ ихъ обитатели большею частью состоятъ изъ дровосѣковъ и угольщиковъ и до того бѣдны, что съ трудомъ достаютъ себѣ на скудное пропитаніе и на еще болѣе скудную одежонку. Но, чтобы имъ совсѣмъ не забыть Бога, они сообща устроили складчину и пригласили священника, принявшаго на себя обязательство каждый праздникъ по очереди служить въ одной изъ окрестныхъ деревень. Также валахи близлежавшихъ селеній внесли на это свою лепту, такъ что когда священникъ служилъ гдѣ-либо обѣдню, то тамъ могъ присутствовать каждый, кто хотѣлъ.

Но праздникъ Воскресенія Христова долженъ праздноваться непремѣнно всѣми вмѣстѣ, такъ какъ всѣ хотятъ принять участіе въ встрѣчѣ этого праздника праздниковъ и торжества изъ торжествъ. Поэтому, чтобы не отдавать предпочтенія одному мѣсту передъ другимъ и не вызвать этимъ жалобъ и ропота, рѣшено было пасхальную заутреню служить подъ открытымъ небомъ, на фонѣ необъятнаго горизонта.

Ожидавшійся всѣми часъ уже приближался. Утренняя звѣзда, сверкая, взошла надъ высотами, точно предвозвѣстница христіанской вѣры, дающей людямъ истинный свѣтъ. Валахи съ женами и дѣтьми стояли около своихъ шатровъ. Крестьяне окрестъ лежащихъ деревень, какъ юноши, такъ и убѣленные сѣдинами старцы, взобрались на пологій горный скатъ. Дѣти и женщины, старыя и молодыя, остававшіяся внизу, въ долинѣ, устремили глаза на востокъ, гдѣ, какъ онѣ знали, на окутанной тьмою вершинѣ высокаго холма, долженъ будетъ появиться священникъ, съ горящимъ факеломъ въ рукѣ, чтобы провозгласить великую вѣсть о Воскресеніи Христовомъ. Яркое пламя разложенныхъ на боковыхъ высотахъ громадныхъ костровъ бросало нѣжный розовый отсвѣтъ на лица женщинъ, на ихъ свѣтлыя праздничныя одежды и отражалось въ ихъ серебряныхъ украшеніяхъ. У нихъ всѣхъ нетерпѣливо бились сердца въ ожиданіи великаго священнаго мгновенія. Каждую звѣзду, появлявшуюся надъ холмомъ, онѣ принимали за факелъ священника и тотчасъ одна или двѣ изъ нихъ радостно вскрикивали:

— Вотъ онъ, вотъ онъ!

— Ну да гдѣ-же?

— Протри себѣ глаза, тогда и увидишь.

Смѣясь и дразня другъ друга, онѣ вели между собой оживленный разговоръ или слушали разсказы старухъ о давно-минувшихъ временахъ.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! Да вотъ-же онъ!—внезапно крикнулъ чей-то полный ликованія голосъ.

Дѣйствительно, на востокѣ показался свѣтъ факела, колебавшійся отъ порывовъ налетавшаго вѣтра. Но вотъ свѣтъ окрѣпъ, побѣдоносно прорѣзалъ темноту и все вокругъ озарилъ своимъ отраднымъ, яркимъ сіяніемъ, служа какъ-бы изображеніемъ христіанства, нѣкогда разсѣявшаго тьму невѣжества и варварства. По тому направленію обратили свои взоры и навострили уши крестьяне и валахи, когда вдругъ раздалось:

— Христосъ воскресе!

Звучно и выразительно пронесся этотъ возгласъ надъ долиной и, отпрянувъ отъ скатовъ горъ, нашелъ откликъ въ сердцахъ собравшихся слушателей, вызвавъ въ нихъ восторженное умиленіе и чувство блаженства, подобное тому, какое испытываетъ мать при первомъ звукѣ голоса своего первенца.

— Христосъ воскресе!

Еще громче прозвучалъ голосъ. Валахи и крестьяне наклонили головы и стали креститься. Вся мѣстность походила въ эту минуту на обширный храмъ, въ которомъ славилось величіе Божіе.

— Христосъ воскресе, да слышатъ всѣ!

Раздался въ третій разъ голосъ. Въ то-же время рядомъ со свѣтомъ факела блеснулъ огонекъ, прогремѣлъ выстрѣлъ и надъ долиной нависло легкое облачко удушливаго пороховаго дыма. Священникъ, возвѣстивъ о Воскресеніи Христовомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ сигналъ къ изъявленію всеобщаго ликованія и къ стрѣльбѣ изъ ружей.

Внезапно вся долина огласилась безъ умолку трещавшей ружейной пальбой, какъ будто ея жители отбивались отъ неожиданно напавшаго на нихъ непріятеля; огонь, вспыхивавшій и потухавшій съ быстротой молніи, на мигъ выхватывалъ изъ мрака деревья и шатры, овецъ и ихъ загоны. Валахи съ необузданной радостью передавали другъ другу благую вѣсть о воскресеніи:

— Христосъ воскресе, братья!

— Во истину воскресе!... Во истину воскресе!

— Онъ живъ и царствуетъ надъ нами, дорогіе братья! Онъ живъ и царствуетъ!

VII.

Множество огоньковъ весело замелькало по всѣмъ направленіямъ; число ихъ все увеличивалось, такъ какъ каждый хотѣлъ имѣть освященный огонь, добытый отъ факела священника. Въ короткое время всѣ

горные склоны засверкали маленькими огоньками, словно брильянтами. Въ селеніи все еще шла трескотня ружей и пистолетовъ, оправленныхъ въ серебро, пули которыхъ со свистомъ скрещивались въ воздухѣ. Овцы блеяли и испуганно метались въ своихъ хлѣвахъ, собаки выли, а лошади ржали,—однимъ словомъ, стоялъ страшный невообразимый шумъ.

Тотъ холмъ, откуда пролился первый свѣтъ, теперь весь сверху до низу горѣлъ огнями. Нѣсколько десятковъ крестьянъ и валаховъ стояли тамъ съ обнаженными головами, съ зажженными факелами въ рукахъ, окруживъ священника и съ благоговѣніемъ слушая пѣніе «Христосъ воскресе». Всѣ остальные разбрелись по своимъ хижинамъ и шатрамъ, чтобы приняться скорѣй со своими домочадцами за приготовленныя пасхальныя явства.

— Кумъ! эй. кумъ! Пойдемъ садиться за столъ!—звалъ Нассосъ Димитрія, подходя къ своему шатру и думая найти его тамъ. Но его тамъ не было. Нассосъ обошелъ кругомъ, кликалъ его безъ перерыва, свисталъ, разспрашивалъ о немъ у сосѣдей,—но Димитрія все-таки не оказывалось.

— Онъ ушелъ,—сказалъ онъ Биліо, вернувшись со своихъ поисковъ.

Они молча поглядѣли другъ на друга.

— Помилуй его Господи!—проговорила наконецъ Биліо и слезы навернулись на ея глазахъ.

А Димитрій въ то время былъ уже далеко отъ нихъ. Какъ только онъ убѣдился, что Нассосу и Биліо извѣстно о тяготѣющемъ надъ нимъ проклятіи, у него созрѣло рѣшеніе ихъ покинуть. Онъ зналъ, что какъбы они его ни любили, а пребываніе его у нихъ неминуемо должно внушать имъ страхъ, такъ какъ Богъ караетъ не только преданнаго проклятію, но и всѣхъ тѣхъ, кто ему благодѣтельствуетъ, подобно тому, какъ законъ наравнѣ съ воромъ преслѣдуетъ и укрывателей.

И, выбравъ удобную минуту, когда за нимъ никто не наблюдалъ, онъ незамѣтно отошелъ въ сторону и бросился бѣжать, точно кто гнался за нимъ по пятамъ. Громкіе ликованія и огни, вся свѣтлая радость этой святой ночи не находили доступа къ его сердцу, словно сжатому чьей-то гигантской желѣзной рукой.

Послѣ того, какъ люди его отвергли и церковь изгнала его изъ своего лона, Димитрій почувствовалъ, какъ въ его душѣ постепенно зарождалась ненависть ко всему. Въ своемъ безуміи и сознаніи того, что онъ уничтоженъ, убитъ, онъ не хотѣлъ больше вѣрить даже въ то, что Христосъ воскресъ, такъ какъ ему самому не суждено было не только, подобно другимъ христіанамъ, воскреснуть изъ мертвыхъ, но онъ не могъ надѣяться даже на мирную кончину. Обуреваемый этими мыслями, онъ долго шелъ въ темнотѣ наудачу, пока утренняя заря не застала его на большой возвышенности, около часовни св. Георгія. Позади часовни,

у самой ея стѣны, онъ замѣтилъ свѣжую насыпь могилы, на ней не было ни могильной плиты, ни креста съ именемъ; ее не укрывали своей тѣнью ни ива, ни кипарисъ—эти неизмѣнные символы печали и смерти. Только глиняный сосудъ, да и тотъ полуразбитый, обозначалъ мѣсто, гдѣ покоилась голова умершаго; рядомъ съ черепками были разбросаны потухшіе уголья и перегорѣвшій ладанъ.

Димитрій робко приблизился къ могилѣ, точно боясь, что изъ нея поднимется мертвецъ, чтобы его прогнать; онъ всталъ на колѣни и благоговѣйно припалъ съ поцѣлуемъ къ землѣ.

— Упокой, Господи, твою душу, братъ,—промолвилъ онъ тихо.

И онъ окинулъ могилу взглядомъ, полнымъ умиленія и участія, искренно завидуя тому, кто былъ въ ней схороненъ далеко отъ людского горя. Слезы неудержимо потекли у него по щекамъ, такъ какъ яснѣе чѣмъ когда-либо онъ понялъ, какую вопіющую несправедливость совершила церковь относительно его души. Смиреніе въ немъ уступило мѣсто тяжелымъ страданіямъ и боли, разрывавшей на части его сердце, и потому не было ничего необычайнаго въ томъ, что онъ, раньше не дерзавшій даже думать о церковныхъ постановленіяхъ изъ боязни грѣха. теперь возроптавъ осуждалъ ихъ и находилъ жестокими. Ножъ вонзился ему въ самую душу, и ничто больше его не страшило. У каждаго человѣка, пока онъ живъ, три прибѣжища: люди, среди которыхъ онъ проводитъ свой вѣкъ, земля, куда его кладутъ послѣ смерти и небо, куда устремляется его душа, освобожденная отъ земныхъ оковъ. Но и люди, и земля, и небо отвергаютъ того, на кого церковь наложила свое проклятіе. Ему суждено скитаться всю жизнь. Такъ и Димитрій, подобно вѣчному жиду, не находилъ себѣ мѣста, гдѣ могъ-бы успокоиться. Жизнь дѣлалась ему противной и все-таки онъ пугался смерти, какъ дитя пугается оскалившей зубы страшной образины.

Димитрій долго сидѣлъ надъ могилой, погруженный въ глубокую думу и плакалъ. Онъ цѣловалъ свѣже разрыхленную землю, орошалъ ее слезами и что-то шепталъ про себя, точно молилъ ее также ему дать желанный покой.

Но вскорѣ онъ почувствовалъ сильную жажду и всталъ, чтобы идти посмотрѣть, нѣтъ-ли по близости воды. Онъ такъ ослабѣлъ, что еле держался на ногахъ. Голова у него была тяжела, въ ушахъ стоялъ сильный звонъ, глаза глядѣли неподвижно, помутившимся взоромъ. Съ большимъ трудомъ ему удалось спуститься внизъ, въ роскошную долину Баста.

Здѣсь, посреди высокихъ травъ и цвѣтовъ, подъ сквозной изумрудной тѣнью плакучихъ ивъ, мирно струились чистыя, какъ слеза, воды маленькой рѣчки. Высокіе платаны и разросшіеся на привольѣ серебристые тополи протягивали свои вѣтви далеко за ограду часовни св. Геор-

гія, ограду, всю окаймленную цѣпью лимонныхъ, персиковыхъ, фиговыхъ и узколистныхъ миндальныхъ деревьевъ.

Весь скатъ горы былъ одѣтъ пестрой зеленью деревьевъ и кустовъ, осыпанныхъ цвѣтами; на ихъ фонѣ прихотливо переплетались гирляндами виноградныя лозы и побѣги плюща, образуя легкую колебавшуюся отъ вѣтра завѣсу, за которой, мнилось, нашли себѣ пріютъ нимфы долины.

VIII.

Тамъ и сямъ ярко алѣли большіе цвѣты олеандровъ рядомъ съ бѣлоснѣжными лепестками мирты и пышной зеленью тутовыхъ деревьевъ. У самой подошвы горнаго ската струя студеной, прозрачной, какъ кристалъ, родниковой воды съ тихимъ плескомъ падала въ небольшой мраморный бассейнъ. Дальше, по пригоркамъ, бродили стада овецъ и козъ, подъ охраной мальчиковъ-пастуховъ и ихъ собакъ. На западѣ, тамъ, гдѣ долина кончалась, темной волнообразной линіей тянулись холмы, а въ просвѣтахъ между ними то выступала темная зелень виноградниковъ съ бѣлѣвшими около нихъ домиками сторожей, то синѣло и сіяло голубымъ блескомъ Іоническое море, а надъ нимъ, въ дали, вся словно окутанная нѣжной лиловатой дымкой, едва-едва намѣчалась причудливая вершина исполинскаго Айноса въ Кефалоніи.

Между тѣмъ солнце поднялось уже высоко и подъ его лучами высыхала ночная роса; въ воздухѣ носились волны благоуханій проснувшихся цвѣтовъ. Соловьи, дрозды и много другихъ невѣдомыхъ птичекъ пѣли—разливались на всѣ лады, точно имъ хмѣлемъ бросилась въ голову вся несказанная прелесть этого утра. Подъ ногами, въ травѣ, стрекоталъ и звенѣлъ цѣлый міръ насѣкомыхъ, словно опьянѣвъ отъ аромата и воздуха, такъ что вся долина была полна серебристымъ смутнымъ гуломъ. Димитрій, употребившій невѣроятныя усилія, чтобы спуститься въ долину по каменистой, почти отвѣсной тропѣ, не могъ больше сдѣлать ни шагу. У него подкосились ноги и, не добравшись даже до источника, онъ упалъ въ самую чащу олеандровыхъ кустовъ. Онъ пытался доползти до него на колѣняхъ, но не былъ въ состояніи даже двинуть рукой.

Въ эту минуту послышались тяжелые шаги, подъ которыми, казалось, дрожала земля и въ просвѣтѣ деревьевъ обрисовался силуэтъ молодого валаха, онъ шелъ медленно и пѣлъ:

Пастушка разъ свои одежды мыла
Въ кристальныхъ водахъ ручейка;
Ея валекъ былъ скованъ весь изъ злата,
Доска была изъ серебра.

Онъ пѣлъ съ такимъ неподдѣльнымъ увлеченіемъ, такой радостью вѣяло отъ каждаго звука его пѣсни, что простыя безъискусственныя слова

точно оживали въ его устахъ. Онъ шелъ, высоко поднявъ голову, то скрываясь за сплошной стѣной кустовъ и деревьевъ, то снова показываясь, смотря по тому, какъ извивалась тропа; его голосъ звучалъ тихо и нѣжно, на высокихъ нотахъ выдѣлывая трели, подобныя соловьинымъ. Все слаще и неопредѣленнѣе раздавалась пѣсня по мѣрѣ того, какъ валахъ удалялся.

Димитрій, одну минуту надѣявшійся, что тотъ пройдетъ мимо, услышалъ его терявшіеся въ дали шаги и впалъ въ безысходное отчаяніе

— Здѣсь я долженъ погибнуть;—не разъ повторилъ онъ себѣ съ горечью.

Спустя нѣкоторое время опять послышались шаги и на этотъ разъ это былъ никто иной, какъ торговецъ скотомъ Георгіосъ Никасъ. Его лошадь шла за нимъ слѣдомъ. Онъ выѣхалъ изъ дома еще наканунѣ, чтобы осмотрѣть луга, принадлежавшія часовнѣ св. Георгія, которые онъ хотѣлъ арендовать для разведенія на нихъ виноградниковъ. Въ долину онъ завернулъ по пути, чтобы напоить у источника лошадь и затѣмъ отправиться въ Андравиду, гдѣ его дожидался попутчикъ.

На головѣ у Никаса была черная, похожая на баретъ, шапка; его свѣтлый жилетъ, отороченый чернымъ, расходился на рубашкѣ съ широкими висячими рукавами, а поверхъ была накинута довольно загрязнившаяся отъ пыли фустанелла. За поясомъ торчала рукоятка кинжала и чуть виднѣлся стволъ пистолета. Въ рукахъ у него была палка съ толстымъ наконечникомъ.

Онъ бодро и весело пересѣкъ долину и свистомъ подозвалъ лошадь къ ключу. Вдругъ, въ то время, какъ онъ былъ ею занятъ, его чуткое ухо уловило чей-то вздохъ.

— Гм... Неужели здѣсь кто-нибудь есть?—проговорилъ онъ съ недоумѣніемъ и, предоставивъ лошадь самой себѣ, направился въ ту сторону, откуда донесся вздохъ. Въ чащѣ кустарника онъ нашелъ Димитрія лежавшимъ съ воспаленнымъ лицомъ и закрытыми глазами.

— Землякъ! эй, землякъ! — крикнулъ онъ, дотрогиваясь до него тихонько ногой.

— Воды, воды,—еле пролепеталъ Димитрій слабымъ угасшимъ голосомъ.

Торговецъ скотомъ отцѣпилъ отъ пояса небольшой серебряный стаканъ и зачерпнулъ имъ воды. Димитрій приподнялся на локтѣ и жадно припалъ пересохшими губами къ холодной влагѣ.

Онъ бросилъ на Никаса взглядъ, полный благодарности.

Но неожиданно по его лицу разлилась смертельная блѣдность, зубы застучали, какъ въ лихорадкѣ, и стаканъ выпалъ изъ задрожавшихъ рукъ. Димитрій узналъ собственника трехсотъ драхмъ и виновника всѣхъ его бѣдствій. Всѣ вынесенныя имъ страданія съ быстротой молніи пронеслись въ его памяти.

— Ахъ, пощади меня!—скорбнымъ тономъ вырвалось у него,—довольно, пожалѣй меня!

— Что тебѣ надо?—спросилъ тотъ, принимая его слова за бредъ.

— Спаси меня, сними съ меня проклятіе!.. Твои деньги... это я... я ихъ нашелъ.

— Такъ ты Нуласъ?

— Да, да.

И Димитрій повѣдалъ ему все: какимъ образомъ онъ нашелъ деньги и какое сдѣлалъ изъ нихъ употребленіе. Дрожа всѣмъ тѣломъ и горько рыдая, онъ началъ передавать ему все, что выстрадалъ, начиная съ того дня, какъ былъ преданъ анаѳемѣ. Онъ разсказалъ, съ какимъ уничтожающимъ презрѣніемъ стали относиться къ нему крестьяне, какъ они старались его уязвить и взглядами, и насмѣшливымъ хохотомъ, и оскорбительными рѣчами. Онъ нарисовалъ картину постигшей его нищеты и своего необъятнаго горя и открылъ всю свою душу, снѣдаемую непрестанными муками.

— Сними съ меня проклятіе, — молилъ онъ, простирая къ Никасу руки; — избавь меня отъ этой пытки. Посмотри, что со мной сталось; пожалѣй меня, тебѣ воздастъ за это Господь.

Торговецъ скотомъ слушалъ его съ изумленіемъ и сокрушался всѣмъ сердцемъ. Онъ горько упрекалъ себя за то, что по поводу потери такой незначительной суммы онъ выхлопоталъ изданіе буллы, предававшей отлученію отъ церкви и проклятію, чѣмъ въ конецъ погубилъ честнаго, хорошаго человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ эти триста драхмъ, счастье ему сопутствовало во всѣхъ его предпріятіяхъ, такъ что его состояніе значительно пріумножилось.

— Ты будешь прощенъ, братъ! — тепло воскликнулъ онъ, обнимая Димитрія со слезами на глазахъ. — Я, право, не виноватъ, не сердись на меня.

— Я знаю, что ты не виноватъ, но... сними съ меня проклятіе!

— Я освобожу тебя отъ него, будь спокоенъ!

И онъ обѣщалъ Димитрію тотчасъ отправиться въ Лехайну и употребить всѣ старанія, чтобы его вновь приняли въ лоно церкви и сняли съ него проклятіе.

— Правда это?—словно боясь ему вѣрить, спросилъ Димитрій.

— Клянусь Богомъ—правда!—выразительно подтвердилъ Никасъ.

— И отпущеніе будетъ прочитано всенародно въ Лехайнѣ?

— Да, и если ты хочешь, мы поѣдемъ туда вмѣстѣ.

— Но я не могу; у меня нѣтъ силъ...

И онъ въ изнеможеніи опустился на свое зеленое ложе. Его полупомеркшій взглядъ окинулъ всю роскошь окружавшей его природы, скользнулъ по синему бархату неба и по тихо шелестѣвшимъ отъ вѣтра

верхушкамъ деревьевъ. Его угасавшій слухъ еще ловилъ мягкое жужжаніе насѣкомыхъ и затихавшее пѣніе птицъ. Вся его жизнь съ ея радостями и счастливыми минутами пронеслась передъ нимъ и слезы хлынули у него изъ глазъ.

— Пойдемъ, братъ, я помогу тебѣ взобраться на сѣдло,—сказалъ Никасъ и подозвалъ свистомъ лошадь.

Цилія подвигалась, медленно переступая своими тонкими, точно точеными ногами и красиво выгнувъ стройную шею.

— На колѣни,—приказалъ ей ея хозяинъ, сопровождая слова соотвѣтствовавшимъ жестомъ руки.

Она тотчасъ ему повиновалась, подогнувъ сперва переднія, а потомъ заднія ноги. Никасъ наклонился къ Димитрію, чтобы поднять его и посадить на сѣдло, но въ ту-же минуту тѣло страдальца откинулось назадъ, по немъ пробѣжала судорога: онъ былъ мертвъ. Димитрій испустилъ духъ послѣ того, какъ онъ примирился съ землей.

М. Р—съ.

Гриша.

(набросокъ).

I.

Кончалась большая перемѣна.

Въ III параллельномъ классѣ N—ской гимназіи было шумно, какъ на сельской ярмаркѣ. Въ ожиданіи учителя латинскаго языка, Горжака, отличавшагося особенной строгостью, записные шалуны какъ-бы старались накричаться досыта. Шустрый бѣлоголовый мальчикъ съ бѣгающими глазами, Костя Гостряковъ, незамѣтно отъ всѣхъ продѣлалъ что-то около такъ называемой каѳедры, затѣмъ вскочилъ на скамью и началъ изображать различные моменты грозы. Его смѣшная рожица то сморщивалась въ видѣ сушеной груши, то вытягивалась, точно резиновая. Дежурный по классу—выхоленный Володя Шагинцевъ,—высунулся въ корридоръ и, откинувшись назадъ, прошипѣлъ призывно:

— Мандаринъ!

Въ классѣ воцарилась тишина. Въ дверяхъ показалась сутуловатая фигура Горжака въ очкахъ, въ короткихъ брюкахъ, съ калмыцкими скулами и обвислыми усами, за которые ему была дана кличка: *китайскій мандаринъ*. Широко шагая, точно дѣлая измѣреніе, Горжакъ подошелъ къ каѳедрѣ и, не поднимая глазъ, произнесъ угрюмо:

— Кого нѣтъ?

Шагинцевъ голосисто началъ перечислять фамиліи отсутствующихъ. Третьеклассники, изучившіе до тонкостей привычки Горжака,—сейчасъ-же заключили, что онъ не въ духѣ и пугливо насторожились, какъ мыши, завидѣвшія кота. Отмѣтивъ фамиліи отсутствующихъ, Горжакъ брезгливо поморщился и спросилъ:

— Кто здѣсь животное?

Шагинцевъ обернулся и окинулъ взглядомъ весь классъ. Животное не объявилось.

— Кто нажрался чесноку?

Ученики съ недоумѣніемъ начали переглядываться и втягивать носами воздухъ. Дѣйствительно, въ классѣ пахло чеснокомъ. Гостряковъ даже привсталъ и, какъ гончая, вытянувъ шею, водилъ по воздуху вздернутымъ носомъ. Было извѣстно, что Горжакъ не переноситъ запаха чеснока, и всѣ удивлялись храбрости отчаяннаго любителя. Неожиданно кто-то заявилъ, что запахъ чеснока слышится въ родѣ того, какъ-бы отъ каѳедры. По тщательномъ изслѣдованіи оказалось, что каѳедра извнутри была натерта чеснокомъ. Шагинцевъ выхватилъ изъ кармана надушенный платокъ и началъ стирать слѣды чеснока, волнуясь и клянясь, что это сдѣлано, вѣроятно, еще съ вечера, а не во время дежурства. Смуглое съ желтизной лицо Горжака потемнѣло отъ гнѣва. Тяжело дыша онъ спросилъ:

— Во время перемѣны кто подходилъ къ каѳедрѣ?

— Многіе... Ефимовъ... Гостряковъ... Филяевъ... Кашинскій... Но я не говорю на нихъ... нѣтъ, — растерянно бормоталъ Шагинцевъ.

Горжакъ какъ-бы пронзилъ его испытующимъ взглядомъ и, убѣдившись въ его невиновности, ничего не сказалъ, а только надвинулъ очки на глаза, вспыхнувшіе огоньками. Въ классѣ наступила зловѣщая тишина. Всѣ почувствовали, что продѣлка съ чеснокомъ зашла слишкомъ далеко. У Гострякова уши вдругъ сдѣлались, какъ кумачъ. Онъ подумалъ: а что если мандаринъ вздумаетъ обнюхивать пальцы? Но Горжакъ сидѣлъ неподвижно, немного отсунувшись отъ каѳедры. Дерзкая выходка съ чеснокомъ уколола его. Онъ не ожидалъ этого. Подобно большинству педагоговъ, онъ считалъ себя въ родѣ счастливаго исключенія, къ которому дѣти должны относиться съ любовью и уваженіемъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что проявить по отношенію къ нему такую злую выходку есть чудовищная неблагодарность. И, нахмурившись, онъ обводилъ учениковъ пытливымъ взглядомъ. Вниманіе его остановилось на худенькомъ, золотушномъ мальчикѣ съ заостренными чертами и красноватыми вѣками — Гришѣ Филяевѣ. Почувствовавъ на себѣ испытующій взглядъ, самолюбивый мальчикъ хотѣлъ съ честью выдержать его, но не выдержалъ и въ досадѣ, что не выдержалъ, покраснѣлъ и замигалъ вѣками. Горжакъ принялъ это за признакъ преступной совѣсти и почувствовалъ вспыхнувшую непріязнь къ Гришѣ. И чѣмъ больше онъ вглядывался въ него, тѣмъ глубже укоренялось подозрѣніе, что этотъ рыжеватый мальчикъ съ воспаленнымъ взглядомъ *его врагъ* и способенъ на все дурное. Чеснокъ, навѣрно, дѣло его рукъ. Не даромъ онъ подходилъ къ каѳедрѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ *могъ*

это сдѣлать. А это, въ сущности, еще хуже, чѣмъ сдѣлать. И взглянувъ въ журналъ на отмѣтки, Горжакъ сказалъ отрывисто:

— Филяевъ!

Гриша вспыхнулъ, заволновался и, стараясь застегнуть на ходу мундиръ, приблизился къ каѳедрѣ. Ни въ манерахъ, ни во взглядѣ его не было ничего особеннаго. Но Горжаку показалось, что Гриша и подходилъ, и глядѣлъ, и ногу отставилъ какъ-то небрежно, вызывающе. И непріязненное чувство къ мальчику усилилось и обострилось въ немъ. Устремивъ на Гришу сверлящій взглядъ, Горжакъ глухо спросилъ:

— Ты можешь смотрѣть мнѣ прямо въ глаза?

Гришу точно по лицу хлестнули эти слова. Онъ не привыкъ къ слову *ты*, страдалъ отъ этого и былъ оскорбленъ тѣмъ, что Горжакъ подозрѣваетъ его въ чемъ-то дурномъ. Но, пересиливъ охватившее его смятеніе, онъ поднялъ глаза и отвѣтилъ:

— Могу.

— Совѣсть у тебя чистая?

— Чистая...

Горжакъ криво усмѣхнулся.

— Ну, такъ смотри-же хорошенько за нею, чтобы ее не запачкали... Твои слова!..

Гриша растерянно осмотрѣлся и бросился за тетрадью. И въ тетради его Горжакъ открылъ слѣды испорченности: края были загнуты, слова написаны криво, кое-гдѣ виднѣлись чернильныя пятна, и все вообще имѣло явный характеръ какъ-бы систематическаго протеста. Однако, онъ ничего не сказалъ на счетъ тетради, оставивъ это какъ-бы на закуску. Между тѣмъ Гриша и безъ того уже находился въ нервномъ состояніи, отъ котораго не могъ отдѣлаться, когда приближался къ Горжаку. Сердце у него начинало учащенно биться, память какъ-бы тускнѣла, а отдѣльныя фразы для перевода изъ сборниковъ Хадабая и Зубкова превращались въ какія-то неразрѣшимыя шарады. Переминаясь съ ноги на ногу, Гриша смотрѣлъ на крючковатые съ закопчеными ногтями пальцы Горжака и незамѣтно морщился отъ непріятнаго запаха табачной гари. Закрывъ тетрадь и заложивъ въ нее палецъ, учитель спросилъ дѣловымъ тономъ:

— Что значитъ: inttelligo?

— Понимаю, разумѣю...

— Какъ-же ты разумѣешь этотъ глаголъ — съ супиномъ, или безъ?

— Безъ... съ супиномъ, — проговорилъ Гриша, занятый мыслью: почему онъ говоритъ мнѣ *ты* и, какъ-бы нарочно, подчеркиваетъ это, чтобы больше унизить.

— «Съ супиномъ, безъ супина»... Значитъ, смотря по вкусу и

аппетиту?—иронически замѣтилъ Горжакъ, видимо сдерживая свое справедливое негодованіе.

— Съ супиномъ!—сказалъ Гриша и хрустнулъ пальцами.

— Какъ ты стоишь? Какъ руки держишь! Гдѣ тебя воспитывали?— На кухнѣ, или на конюшнѣ?

Гриша вытянулся и опустилъ руки по швамъ, но въ душѣ его опять закипѣло смятеніе.

— Если съ супиномъ, такъ покажи—гдѣ онъ. Тутъ его нѣтъ... Видишь—нѣтъ. Или, можетъ быть, ты его спряталъ куда-нибудь?

И Горжакъ совалъ тетрадь почти подъ носъ Гришѣ и оглядывалъ его такимъ образомъ, какъ будто желая убѣдиться, не торчитъ-ли супинъ гдѣ-нибудь въ карманѣ. Продѣлывалъ онъ все это, вѣроятно, въ назиданіе ученикамъ, но выходило у него нервно, грубо, съ издѣвкою. Его возбужденное состояніе сообщалось и Гришѣ. И всякій разъ, какъ учитель приближалъ тетрадь къ его лицу, у мальчика точно загоралось дыханіе. Ему даже пришла мысль уйти молча на свое мѣсто и сѣсть. Пусть ставитъ «колъ»... пусть!.. Но вспомнивши обѣщаніе, данное матери—хорошо учиться—онъ пересилилъ себя и заявилъ, что забылъ вписать supinum.

— «Забылъ вписать...» Ну чтожъ, это вполнѣ извинительно. А чай ты пилъ сегодня?

— Пилъ.

Весь классъ оживился, предвкушая нѣчто въ родѣ спектакля.

— Съ сахаромъ?

— Да.

— И съ булкой, пожалуй?

— Да.

— Можетъ быть еще и со сливками!.. Отвѣчай-же, когда тебя спрашиваютъ.

— Да.

— И ни разу тебѣ не случилось забыть положить сахаръ въ стаканъ или булку въ ротъ? Говори-же!

Въ классѣ захихикали, что очень огорчило Гришу.

— Нѣтъ!—съ усиліемъ проговорилъ онъ, съ горечью думая: «За что онъ меня мучаетъ? Что я ему сдѣлалъ!»

— Ну, такъ сегодня ты позабудешь обѣдать,—за лѣнь и неряшество.

— Я знаю урокъ, какъ-бы запротестовалъ Гриша.

— Знаешь!? А гдѣ супинъ?.. Какъ будетъ супинъ? — раздражительно вскрикнулъ Горжакъ.

Гриша за секунду до этого зналъ что супинъ: intellectum. Но тутъ, видя передъ собою разгнѣванное лицо Горжака, чувствуя его дыханіе,

пропитанное табачной гарью, онъ все смѣшалъ и перепуталъ: супины съ перфектами, а intelligo съ другими глаголами, производными отъ lego. Нѣкоторые ученики, невзирая на опасность, точно гуси, шипѣли:

— Intellectum... intellectum.

Но подсказыванье еще больше спутывало Гришу.

— Intellexum,—пробормоталъ онъ, чувствуя, что сказалъ невѣрно.

Горжакъ точно закипѣлъ на стулѣ.

— «Интелѣксюмъ!» А можетъ быть: «дуралексумъ?» Неряха!.. Уроковъ не готовитъ, а на всякія гадости, на мерзости всякія, небось, мастеръ!..

Гриша поблѣднѣлъ и почувствовалъ, какъ что-то тягучее и щекочущее начало подползать къ его горлу и точно узломъ завязывается тамъ.

— Вы... не должны... говорить такъ,—пролепеталъ онъ.

Горжакъ побагровѣлъ и закричалъ съ яростью:

— Ахъ ты мозглякъ, сморчокъ! Ты еще смѣешь разсуждать! Вонъ пошелъ! И въ другой разъ даже на глаза не смѣй мнѣ показываться съ такой дрянью.

Онъ размахнулся и гнѣвно швырнулъ тетрадь, которая, зашелестѣвъ, ударила Гришу по лицу. Гриша скомкалъ тетрадь, уставилъ на учителя горящій взглядъ... и проговорилъ задыхаясь:

— Не смѣ...ете... ос...корблять... ман...даринъ!.. Не...

Тутъ у него не хватило больше воздуху. Онъ захлебнулся и заплакалъ истерически. Въ классѣ произошло движеніе. Всѣ повскакивали съ мѣстъ. Горжакъ неистово закричалъ:

— Тише!.. На мѣста!

Но возбужденіе было слишкомъ велико, и всѣ тянулись къ Гришѣ, который, закрывъ лицо, всхлипывалъ на весь классъ. Горжакъ направился къ двери, но на полдорогѣ остановился и вернулся къ каѳедрѣ. Лицо его начало принимать обычное каменное выраженіе. Онъ сѣлъ и произнесъ твердо:

— Тише!.. Шагинцевъ и Егоровъ, отведите Филяева на мѣсто!.. Гостряковъ!..

Гришу усадили на его мѣсто. Гостряковъ подошелъ къ каѳедрѣ. Въ классѣ наступила тишина. Но всѣ чувствовали, что въ воздухѣ носится что-то гнетущее и тайкомъ поглядывали на Гришу, какъ на жертву отчасти и какъ на героя, швырнувшаго «мандарина» въ лицо Горжаку. Гриша сидѣлъ сгорбившись, потрясенный событіемъ и точно приплюснутый имъ. Онъ не поднималъ глазъ отъ парты, чтобы не видѣть своего обидчика и, когда въ классѣ раздавался сиплый голосъ учителя, нервно жмурился. Гриша чувствовалъ, что съ каждой минутой въ немъ наростаетъ такая жгучая ненависть къ Горжаку, какой онъ еще не испытывалъ ни къ кому.

По окончаніи урока Горжакъ покосился на Гришу, но, ничего не сказавъ, широко зашагалъ изъ класса. Всѣ бросились къ Гришѣ и, облѣпивъ его, начали выражать ему свое сочувствіе. Но Гриша слушалъ ихъ безучастно. Воспоминаніе о полученной обидѣ жгло ему лицо и точно душило его. Острая жажда мести приливала къ его сердцу. Ему хотѣлось отомстить Горжаку какъ-нибудь ужасно. Эта мысль не выходила у него изъ головы, обвила его душу и завладѣла имъ.

Когда послѣ классовъ Гриша вышелъ на улицу среди смѣха и шумной толкотни гимназистовъ, то ему сдѣлалось такъ грустно, какъ будто онъ потерялъ что-то очень ему дорогое. Онъ чувствовалъ, что уже не можетъ принимать участіе въ веселыхъ шуткахъ товарищей. На его душѣ бременемъ лежала мрачная забота. Все въ его жизни какъ-то сразу измѣнилось и приняло другой видъ, другія краски, точно онъ внезапно очутился гдѣ-то въ чужомъ городѣ.

Шелъ мелкій, мелкій осенній дождь, будто сѣрой вуалью закрывая небо, деревья, дома. Все было грязно, мутно, мокро, непривѣтливо. Все это навело на Гришу еще большее уныніе и стѣснило ему грудь мрачными мыслями. Не обращая вниманія на леденящее ощущеніе отъ холоднаго дождя, обдававшаго его лицо мелкими, какъ песокъ, брызгами, Гриша шелъ въ горькомъ раздумьи, что ему дѣлать, къ кому обратиться за содѣйствіемъ? За нѣсколько часовъ онъ измѣнился, точно послѣ тяжкой болѣзни. Щеки у него впали, носъ заострился, глаза безпокойно горѣли лихорадочнымъ огнемъ.

Когда онъ пришелъ домой, мать его, только взглянувъ на него, догадалась, что съ нимъ что-то случилось. Ея поблекшее лицо въ веснушкахъ, съ такимъ же бронзовымъ оттѣнкомъ волосъ, какъ у Гриши, покрылось тѣнью тревоги. Они были очень дружны и очень похожи другъ на друга. Только глаза у Ольги Семеновны не вспыхивали и не загорались, какъ у Гриши,—а теплились ровнымъ и тихимъ свѣтомъ, что придавало ея лицу мягкое, меланхолическое выраженіе, напоминавшее свѣтъ ночника съ матовымъ абажуромъ. Поцѣловавъ Гришу и держа его лицо руками, Ольга Семеновна спросила:

— Грицъ, что съ тобою?

Гриша хотѣлъ сказать: «ничего», но взглянувъ въ лицо матери, свѣтившееся участіемъ, замигалъ вѣками и потупился. Гриша никогда не лгалъ матери, которую любилъ до безумія, но не хотѣлъ и огорчать ее. И не совсѣмъ складно онъ разсказалъ ей о столкновеніи съ Горжакомъ, стараясь смягчить краски и не упомянувъ о главномъ, что Горжакъ бросилъ тетрадь ему въ лицо.

Но разсказъ Гриши все-таки глубоко взволновалъ Ольгу Семеновну. Тонкимъ чутьемъ матери она поняла, что Гриша страдаетъ и старалась его успокоить тихой дружеской рѣчью и ласками. Его мятежное состоя-

ніе какъ бы стихло, онъ не выпускалъ рукъ матери, чувствуя, что черезъ ея тонкіе пальцы въ него точно проходитъ какой-то теплый и успокаивающій токъ. Въ 5-мъ часу пришелъ изъ Кредитнаго общества отецъ Гриши. Мать съ нѣжностью отстранила Гришу и не велѣла говорить о случившемся отцу. Но Гриша и самъ зналъ, что объ этомъ не слѣдуетъ говорить отцу, потому что это можетъ его разстроить, а ему вредно волноваться. Гриша съ дѣтства привыкъ къ тому, что отца нужно оберегать отъ всякихъ волненій и скрывать отъ него все, что сколько-нибудь можетъ его разстроить. Но привыкши держать себя въ присутствіи отца какъ бы на привязи, ходить на носкахъ, говорить тихимъ голосомъ, Гриша замѣчалъ, что и чувство его къ отцу тоже какъ бы съеживалось и ходило на цыпочкахъ. Это его очень огорчало. Онъ часто мечталъ о томъ, чтобы подойти къ отцу, горячо выразить ему свою любовь и приласкаться къ нему, какъ онъ ласкается къ матери. Но когда за обѣдомъ (въ иное время Гриша почти не видѣлъ отца) онъ взглядывалъ на рыхлое и блѣдное лицо отца съ толстыми губами, когда онъ почти всегда встрѣчался съ его напряженно-сдержаннымъ взглядомъ, Гришины мечтанія блекли и замѣнялись унылымъ раздумьемъ.

Филяевъ замѣтилъ убитый видъ Гриши и спросилъ:

— Ты боленъ?

Гриша быстро переглянулся съ матерью и отвѣтилъ съ легкимъ смущеніемъ.

— Нѣтъ, папа!

— Что же съ тобою?

— Ничего.

— Какъ «ничего»? На тебѣ лица нѣтъ, произнесъ Филяевъ такимъ тономъ, какъ будто Гриша нарочно такъ сдѣлалъ, чтобы на немъ лица не было.

— Я быстро шелъ, папа!.. Усталъ и сегодня у меня... голова немного болитъ,—сказалъ успокоительно Гриша, чтобы не раздражать отца.

Филяевъ помолчалъ немного и замѣтилъ въ пространство:

— Каждый день какой-нибудь сюрпризъ—не тамъ, такъ тутъ... Дня не проходитъ безъ сюрприза.

И очевидно чѣмъ-то взвинченный въ банкѣ, онъ началъ жаловаться на то, что всякій, рѣшительно всякій, только и норовитъ, чтобы сдѣлать ему какую-нибудь непріятность.

II.

На другой день послѣ столкновенія съ Горжакомъ Гриша вскочилъ рано съ постели, словно его кто-нибудь толкнулъ. Ему снилось, будто

онъ дрался на дуэли съ Горжакомъ и былъ раненъ. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ сна, Гриша началъ припоминать событія истекшаго дня, и горечь обиды и чувство мести зашевелились въ немъ съ новой силою. Онъ не могъ отдѣлаться отъ мучительнаго воспоминанія, которое полымемъ приливало къ его щекамъ и сжимало ему горло. Преслѣдуемый ненавистнымъ образомъ Горжака, Гриша вошелъ въ столовую. Мать разсказала, что ночью онъ очень напугалъ ее ужаснымъ крикомъ. Гриша началъ пить чай и, наливая сливки, вспомнилъ опять Горжака, его вопросы, его закопченные табачнымъ дымомъ пальцы. И чувство непреодолимаго отвращенія и злобы точно обвилось вокругъ его сердца.

Гриша уложилъ въ ранецъ книги и съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ въ гимназію. Невдалекѣ отъ дома, случайно поднявъ глаза, онъ съ ужасомъ увидѣлъ идущаго ему на встрѣчу Горжака. Гришей овладѣло такое волненіе, что онъ не могъ идти и, охваченный ознобомъ, прислонился къ воротамъ. Но подошедшій господинъ вблизи не имѣлъ ничего общаго съ Горжакомъ. Гриша вздохнулъ съ облегченіемъ и бѣгомъ пустился, но не въ гимназію, а въ обратную сторону. Тревожное чувство какъ-бы бѣжало за нимъ.

Онъ боялся оглядываться и часто вздрагивалъ. Пробѣжавъ нѣсколько кварталовъ, Гриша остановился и, весь покрытый испариной, повернулъ обратно. Но дошедши до гимназической площади, опять почувствовалъ непреоборимое волненіе и свернулъ въ одинъ изъ переулковъ. Вспомнивъ, что ему давно хотѣлось навѣстить больного товарища, Пронникова, Гриша направился къ нему и просидѣлъ у него до 2-хъ часовъ.

За обѣдомъ Ольга Семеновна замѣтила нервное состояніе Гриши, но ничего не сказала. Но вечеромъ, когда мужъ ушелъ въ клубъ, она пришла въ комнату Гриши и, спросивъ не мѣшаетъ-ли ему, сѣла у его стола. Гриша выпиливалъ изъ дерева маленькую этажерку для матери. Ольга Семеновна, не успѣвшая передъ обѣдомъ поговорить съ Гришей, начала разспрашивать его, какъ отнесся къ нему Горжакъ, и вызывалъ-ли его и проч. Гриша опустилъ голову и отвѣчалъ глухо, стараясь находить неопредѣленныя выраженія. Онъ первый разъ лгалъ матери и чувствовалъ нравственную пытку. А Ольга Семеновна, какъ нарочно, вдалась въ разныя подробности и, наконецъ, помолчавъ немного промолвила:

— Грицъ, посмотри на меня.

Гриша поднялъ лицо и покраснѣлъ.

— Милый, съ тобою опять что-нибудь случилось?

Гриша замигалъ вѣками и, не выдержавъ, заплакалъ.

— Мама, я обманулъ тебя... Я не былъ сегодня въ гимназіи. И онъ чистосердечно все разсказалъ матери, а также и свое рѣшеніе оставить гимназію. Ольга Семеновна съ волненіемъ и грустью замѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, милый это невозможно! Объ этомъ и думать не слѣдуетъ. Папа никогда не дастъ согласія, и это только разстроитъ его. Да я и говорить съ нимъ не рѣшусь объ этомъ...

— Мама, но пойми-же ты,—прервалъ Гриша, въ волненіи глотая окончанія словъ:—что при одномъ только воспоминаніи о Горжакѣ, я не могу дышать... у меня давитъ здѣсь.

И у него дѣйствительно сжималось горло. Видя Гришу въ такомъ состояніи, Ольга Семеновна подумала: въ самомъ дѣлѣ будетъ лучше, если онъ нѣсколько дней не пойдетъ въ гимназію. За это время его нервы нѣсколько успокоятся, острое чувство къ Горжаку уляжется и тогда можно будетъ подѣйствовать на него словомъ убѣжденія.

Прошло нѣсколько дней. Гриша не посѣщалъ гимназію. Но это держалось въ тайнѣ отъ отца. Неожиданно тайна была обнаружена, откуда и не ждала Ольга Семеновна. Однажды Филяевъ вернулся поздно изъ клуба и замѣтивъ, что жена проснулась, ворчливо обратился къ ней:

— Тебѣ извѣстно, что Грицъ не бываетъ въ гимназіи?

— Кто тебѣ сказалъ? — спросила, встрепенувшись Ольга Семеновна.

— Ихъ учитель математики—Рухловъ.

Она смутилась, начала говорить и спуталась. Филяевъ догадался, что отъ него что-то скрываютъ, и нахмурился. Его рыхлое, точно напудренное, лицо нервно передернулось. Когда онъ выходилъ изъ себя, то начиналъ визжать, какъ пищикъ, и заикаться на нѣкоторыхъ словахъ.

— Въ чемъ дѣло? Говори, пожалуйста!—сказалъ онъ раздражительно.

Ольга Семеновна все разсказала, стараясь выгородить Гришу.

Филяевъ во время разсказа Ольги Семеновны раздѣвался и нетерпѣливо повторялъ: «ну?» Когда она кончила, онъ сердито задулъ свѣчу и сказалъ:

— Все это баловство съ твоей стороны. Потакать дѣтскимъ фантазіямъ нельзя—для ихъ же пользы. Дѣти должны знать дисциплину. Завтра-же чтобы Грицъ отправлялся въ гимназію. Впрочемъ, я завтра утромъ самъ съ нимъ поговорю.

— Позволь мнѣ это сдѣлать. Онъ такой нервный, а тебя это можетъ разстроить.

— Что за вздоръ—сказалъ Филяевъ и повернулся къ ней спиною.

Ольга Семеновна не стала возражать.

Гриша, проснувшись утромъ отъ страннаго ощущенія, съ удивленіемъ увидѣлъ передъ постелью фигуру отца съ портфелемъ подъ мышкой. Филяевъ наклонился къ Гришѣ, поцѣловалъ его въ щеку и сказалъ съ оттѣнкомъ неудовольствія:

— Я узналъ отъ матери, что у тебя съ Горжакомъ вышла какая-то исторія и что поэтому ты не былъ нѣсколько дней въ гимназіи... Это очень дурно съ твоей стороны... Горжакъ твой учитель, передающій тебѣ... познанія. И если онъ строгъ и требователенъ, то потому, что желаетъ тебѣ пользы, желаетъ... тебя научить. И ты долженъ быть ему благодаренъ. Надѣюсь, что больше это не повторится.

— Папа, выслушай меня, почему я не ходилъ въ гимназію.

— Мать мнѣ уже разсказала. Я все знаю. Вставай и одѣвайся... Прощай!

И поцѣловавши Гришу опять въ щеку, Филяевъ вышелъ.

Гриша хотѣлъ крикнуть, хотѣлъ остановить отца и разсказать ему все, что накопилось у него на душѣ. Но слезы захватили его голосъ. А черезъ нѣсколько секундъ уже послышался знакомый стукъ парадной двери. Гриша вскочилъ съ постели и босикомъ бросился къ матери. Онъ передалъ ей о свиданіи съ отцомъ и о своемъ отчаяніи: онъ не можетъ исполнить желаніе отца и предпочтетъ умереть, чѣмъ встрѣчаться съ Горжакомъ. Онъ не можетъ его видѣть... не въ состояніи. Ольга Семеновна съ тоской и жалостью слушала Гришу. Она не допускала и мысли о томъ, чтобы онъ ослушался отца, но въ то же время понимала и душевное состояніе Гриши, какъ-бы переживая вмѣстѣ съ нимъ его муки. Она помолчала и начала тихо упрашивать Гришу не огорчать отца своимъ непослушаніемъ и ради нея пойти въ гимназію. Всего нѣсколько дней, а тамъ она переговоритъ съ отцомъ и можетъ быть все устроится иначе. Гриша не могъ ни въ чемъ отказать матери и, скрѣпя сердце, отправился въ гимназію. Но черезъ полчаса вернулся сильно разстроенный и съ мольбами объявилъ матери, что не въ состояніи былъ пересилить себя, и какъ только завидѣлъ издали Горжака, подходившаго къ гимназіи, бросился бѣжать. Ольга Семеновна была въ отчаяніи, не зная, на что рѣшиться. Наконецъ, она порѣшила еще разъ переговорить съ мужемъ, а чтобы не раздражать его непослушаніемъ, завязала Гришѣ полотенцемъ голову и велѣла говорить отцу, что она не пустила его въ гимназію.

Когда Филяевъ увидѣлъ за обѣдомъ Гришу съ повязкой на головѣ, онъ подозрительно сказалъ:

— Опять сюрпризъ! Что съ тобой?

— Голова болитъ, папа!

— А въ гимназіи былъ сегодня?

— Нѣтъ я его не пустила. Ты не сердись, пожалуйста... Но, знаешь, въ городѣ ходятъ теперь всякія болѣзни, и я боялась,—поспѣшно заявила Ольга Семеновна.

Филяевъ терпѣть не могъ, когда не исполняются его распоряженія, хотя-бы и по серьезнымъ причинамъ, и началъ говорить о томъ, что

общественный человѣкъ не долженъ жениться, потому что семья даетъ только огорченія. Но Ольга Семеновна начала умоляюще дѣлать ему какіе-то знаки, и онъ, сдвинувъ плечами, умолкъ.

Оставшись вдвоемъ съ мужемъ, Ольга Семеновна заговорила о слабомъ здоровьѣ Гриши, о его нервности и о томъ, что его слѣдуетъ перевести въ какое-нибудь другое учебное заведеніе, потому что его отношенія къ Горжаку могутъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. И увлекшись, она проговорилась, что Гриша не можетъ слышать имени Горжака и что нельзя-же его насильно отводить въ гимназію. Филяевъ посмотрѣлъ на жену и догадался, что его обманываютъ. Онъ вспыхнулъ, какъ порохъ. Что-же это такое? Изъ него желаютъ дѣлать какого-то осла. Надъ нимъ потѣшаются, устраиваютъ какіе-то маскарады, надѣваютъ повязки на головы... И заикаясь Филяевъ началъ визжать. Ольга Семеновна умоляла его:

— Сеня, ради Бога не волнуйся! Прибей меня, но не волнуйся. Пощади свое здоровье,—съ мольбою проговорила Ольга Семеновна, глядя на мужа взглядомъ провинившейся собаки. Но Филяевъ все больше и больше разгорался отъ собственнаго своего голоса и не могъ остановиться. Къ счастью въ это время пришелъ его пріятель-сослуживецъ, Травилинъ—подвижной толстякъ съ громкимъ голосомъ, выпуклыми глазами и сѣдоватой растительностью въ видѣ разбросаннаго кустарника. Увидѣвши Ольгу Семеновну, онъ спросилъ:

— Что сей сонъ значитъ? Вы не у генеральши?

Ольга Семеновна вспомнила, что въ волненіяхъ съ Гришей забыла объ именинахъ предсѣдательницы дамскаго благотворительнаго кружка, генеральши Елагиной. Ей не хотѣлось огорчать добрую старушку и она рѣшила немедленно ѣхать. Быстро одѣвшись и забѣжавши къ Гришѣ, Ольга Семеновна обняла его и сказала, что скоро вернется. Гриша обхватилъ ея шею и, покрывая лицо поцѣлуями, прошепталъ съ волненіемъ:

— Мама... милая мама!

— Дитятко, что съ тобой?

— Мама, я тебя такъ люблю... что не могу этого высказать.

— Милый... Благодарю тебя... Ну, до свиданія. Папа и Николай Евсеевичъ скоро уйдутъ въ клубъ, а ты присмотри за домомъ. Я къ 10-ти часамъ буду.

По уходѣ Ольги Семеновны, между пріятелями завязалась дружеская бесѣда. Филяевъ, у котораго изъ головы не выходило непослушаніе Гриши, откровенно разсказалъ все Травилину. Онъ еще не кончилъ говорить, когда Травилинъ уже задвигался, какъ-бы подъ напоромъ счастливыхъ мыслей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ и медомъ, какъ говорится, не корми, а только спрашивай совѣтовъ—изъ какой угодно

области безразлично. Онъ сразу входилъ во всякое положеніе, горячился, выдумывалъ несуществующія опасности и настоятельно давалъ совѣты, множество совѣтовъ одинъ лучше другого. Узнавши, что Филяевъ за недосугомъ мало занимается Гришей и ни разу не сѣкъ его, Травилинъ началъ обвинять и стыдить Филяева.

— Ты извини меня, Семенъ Тимофеевичъ! Но по моему, это—баловство съ твоей стороны, небрежность... да, да, небрежность... Чтобы мой Алешка или Катька ослушались моего приказанія! Ха-ха! Да имъ просто и въ голову это не придетъ. Увѣряю тебя. Да и что тогда такое будемъ представлять мы, отцы, если наши дѣти не будутъ повиноваться намъ? И что изъ такихъ дѣтей можетъ выйти? Нѣ-ѣтъ, дорогой мой, дѣти должны воспитываться въ страхѣ Божьемъ. Это не мы съ тобой выдумали, а люди по-умнѣе насъ.

И Травилинъ началъ называть имена и приводить примѣры изъ личныхъ наблюденій, какъ дѣти, которыхъ строго наказывали, впослѣдствіи дѣлались людьми достойнѣйшими, а тѣ, которыхъ въ дѣтствѣ не наказывали, въ настоящее время влачатъ жалкое существованіе.

Когда Филяевъ, какъ-бы раздумывая о чемъ-то, привелъ отзывъ одного общаго знакомаго, что розги есть жестокость, Травилинъ даже на другой стулъ пересѣлъ отъ неудовольствія.

— Вотъ, вотъ: «жестокость», «насиліе», «звѣрство» и тому подобныя жалкія слова. Въ этомъ вѣдь и пунктъ вашего затмѣнія, что вы боитесь не сути дѣла, а словъ... да, да словъ, звуковъ... Насиліе! А спроси его, зачѣмъ онъ *насильно* мажетъ горло больному ребенку? Зачѣмъ *насильно* разрѣзываетъ маленькой крошкѣ тѣло и впускаетъ туда оспенную лимфу?.. Зачѣмъ? Вотъ-то и оно! Всѣ вы таковы: какъ только припрешь васъ, такъ сказать, вилами логики, вы сейчасъ-же «тыкъ-мыкъ» и ни съ мѣста... Разумѣется, если просто взять и бить ребенка, такъ это надо быть идіотомъ. Но кто-же такъ наказываетъ? Мужики, сапожники. Нѣтъ, ты смотри на розги окомъ образованнаго человѣка, смотри на это, какъ на лѣкарство, какъ... на горчичникъ. Да, да, какъ на горчичникъ. Когда горчичникъ прикладываютъ, то только кажется, что больно, въ сущности-же это полезно... То-же самое и розги. Но наказывай безъ злобы, безъ запальчивости, а съ полнымъ сознаніемъ исполняемаго долга. Въ старину это отлично понимали и говорили: *плеткою вѣжливенько надо бити—и разумно, и больно, и страшно, и полезно...*

И долго еще, и жарко говорилъ Травилинъ о благотворномъ вліяніи розогъ, настойчиво рекомендуя это «доброе испытанное средство» и указывая на оттѣнки, которые долженъ отличать развитой человѣкъ, напримѣръ, между «черемховой двоюлѣтней» розгой—для дѣтей младшаго возраста и березовой—для старшаго. Во время своей горячей про-

паганды Травилинъ случайно взглянулъ на часы и почти съ испугомъ произнесъ:

— 9-й часъ... Мы можемъ прозѣвать партію...

Но Филяевъ подъ предлогомъ экстренной работы отказался идти въ клубъ. Травилинъ не сказалъ ничего для него новаго, а между тѣмъ его рѣчь оставила ѣдкій осадокъ въ душѣ. Нѣкоторыя слова будто впились ему въ сердце. Онъ долго ходилъ по комнатѣ, крутя усы и стараясь разобраться въ своихъ мысляхъ. Да, онъ дѣйствительно былъ небреженъ къ обязанностямъ отца. Онъ не слѣдилъ за нравственнымъ развитіемъ сына. Это великая вина. Правда, служба отнимала у него время и, кромѣ того, ему вредны волненія. Но и не надо волноваться. Тутъ всякое волненіе можетъ только вредить. Это дѣло серьезное и относиться къ нему надо серьезно, твердо. Травилинъ все преувеличиваетъ по обыкновенію. Но иногда, дѣйствительно, безъ наказанія никакъ нельзя обойтись. Вотъ и въ данномъ случаѣ. Нельзя-же дать мальчику такую волю. Что изъ него выйдетъ? И, наконецъ, почему, въ самомъ дѣлѣ, не смотрѣть на наказаніе, какъ на лѣкарство, какъ на горчичникъ? Онъ правъ: *только кажется*, что больно, въ сущности-же, это очень здорово. И не даромъ-же наказываютъ дѣтей съ поконъ вѣковъ и простые люди и вельможи. Значитъ, нельзя безъ этого.

И чѣмъ больше думалъ Филяевъ, тѣмъ больше убѣждался, что въ Гришиномъ непослушаніи онъ самъ виноватъ, распустивши его своей небрежностью. Но зло еще поправимо. Надо только не давать порокамъ разростаться, а вырывать ихъ съ корнемъ. Надо смотрѣть на это, какъ на долгъ и всякія сентиментальности отбросить въ сторону. Все равно, какъ если-бы нужно было отсчитать больному извѣстное число капель сильно дѣйствующаго лѣкарства. Пускай это лѣкарство горькое, но разъ оно можетъ принести пользу, капли должны быть отсчитаны и твердою рукою... И чувствуя въ себѣ достаточно силъ, чтобы безтрепетно вырвать пороки съ корнями, Филяевъ рѣшилъ воспользоваться отсутствіемъ Ольги Семеновны, которая могла помѣшать ему исполнить съ твердостью свой долгъ. Взвѣсивши все и обсудивши, онъ велѣлъ позвать младшаго дворника, Якова.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ статный безусый парень съ разбитнымъ лицомъ, въ щегольской поддевкѣ.

— Вотъ что, Яковъ! Достань ты сейчасъ гдѣ-нибудь, въ крайнемъ случаѣ можешь въ саду срѣзать, нѣсколько прутиковъ погибче и потоньше. Когда я позову тебя, ты придешь сюда; здѣсь будетъ паничъ—Гриша. Ты возьмешь его, разложишь и того... понимаешь... Но бей не очень больно. Больше нужно для острастки... понимаешь?

Яковъ выразилъ и пониманіе и готовность. Отпустивши дворника, Филяевъ подумалъ о горничной, которая постоянно вертѣлась въ ком-

натахъ и рѣшилъ для большаго удобства удалить ее *на то время* изъ квартиры и послать въ отдаленный магазинъ за содовой водою. Кухарку онъ нашелъ возможнымъ оставить дома, по случаю ея глухоты и отдаленности. Подготовивши, такимъ образомъ, все заботливо, точно къ пріему гостей и даже поставивши для себя на всякій случай стаканъ съ водою на письменномъ столѣ, Филяевъ позвалъ Гришу.

Гриша второпяхъ не успѣлъ надѣть снятую съ головы повязку и съ сильно бьющимся сердцемъ прибѣжалъ въ кабинетъ. Онъ ждалъ встрѣчи съ отцомъ, но, очутившись наединѣ съ нимъ, замялся.

Филяевъ сидѣлъ у стола и держалъ между пальцами дымящуюся папиросу. Лампа—«молнія» съ зеленымъ абажуромъ заливала яркимъ свѣтомъ письменный столъ, оставляя всю комнату въ мягкомъ сумракѣ. Лицо Филяева было въ тѣни и отъ зеленаго абажура казалось еще блѣднѣе, почти мертвенно. На Гришу это прежде всего произвело тяжелое впечатлѣніе. Робѣя и волнуясь, онъ приблизился къ столу и остановилъ свой взглядъ на дымящейся папиросѣ, отъ которой поднималась вверхъ тонкая, какъ шнурокъ, струйка дыма и мелкой зыбью расползалась на верху. Филяевъ медленно затянулся и началъ говорить внушительно, съ разстановкою, точно застоявшійся купеческій конь, переступавшій на вожжахъ съ ноги на ногу.

— Я позвалъ тебя, чтобы сначала поговорить съ тобою... дружески. Твоя сегодняшняя головная боль—фантазія... такъ? Въ гимназію ты не пошелъ, потому что не хотѣлъ пойти... такъ?

Гриша задвигалъ пальцами розетку на подсвѣчникѣ и промолвилъ тихо:

— Да, папа!..

— Но вѣдь я сказалъ же тебѣ, чтобы ты шелъ въ гимназію... сказалъ?

— Да, папа!..

Значитъ, ты считаешь возможнымъ... не исполнять приказаній отца?

— Папа, отдай меня куда-нибудь въ училище.

— Значитъ, *ты считаешь возможнымъ* не исполнять приказаній отца... такъ?

— Я все буду исполнять, папа, что ты скажешь... Я готовъ умереть ради тебя. Только возьми меня изъ гимназіи.—И Гриша сдѣлалъ движеніе къ столу.

— Постой!

Филяевъ почувствовалъ визгливую нотку въ голосѣ и сдѣлалъ паузу. «Не слѣдуетъ волноваться».

— Мнѣ не надо твоей смерти, а нужно твое... послушаніе... От-

вѣчай-же: несмотря на мое требованіе, ты все-таки и завтра не пойдешь въ гимназію?

— Папа, выслушай меня,—взмолился Гриша и быстро завертѣлъ розетку.

— Говори... Оставь въ покоѣ розетку... И зачѣмъ ты такъ волнуешься? Я не люблю этого нервничанья.

— Папа я готовъ учиться, готовъ дѣлать все, что ты мнѣ скажешь, но только возьми меня изъ этой гимназіи. Горжакъ такъ мучаетъ меня и такъ, папа, оскорбилъ въ послѣдній разъ, что я не могу... его видѣть...

— Ты не смѣешь такъ разсуждать... слышишь, не смѣешь. И я прошу тебя выбросить изъ головы этотъ вздоръ и завтра отправляться въ гимназію.

— Папа, возьми меня изъ гимназіи... Я не могу тамъ учиться.

— Это твое послѣднее слово? Смотри, потомъ будешь раскаиваться. Я шутить не люблю.

— Папа, я не въ состояніи тамъ учиться...

— Ну, такъ я тебя, любезный, заставлю.

И Филяевъ, какъ-бы спокойно. поднялся, позвалъ горничную и послалъ ее за содовой водою, приказавши кликнуть Якова. Сдѣлавши эти распоряженія, онъ, какъ-бы спокойно, сѣлъ и задымилъ папиросой. Гриша стоялъ въ тревожномъ недоумѣніи, точно очутившись въ темнотѣ и не зная, въ какую идти сторону. Послѣ томительнаго молчанія, онъ спросилъ:

— Папа, что ты хочешь дѣлать?

— А вотъ сейчасъ увидишь.

Вошелъ Яковъ, что-то придерживая за спиной. Гриша взглянулъ на него и почувствовалъ смутный страхъ.

— Папа, зачѣмъ пришелъ Яковъ?

— Дѣлай, что тебѣ сказано,—произнесъ твердо Филяевъ.

Яковъ, улыбаясь, съ нерѣшительностью шагнулъ впередъ и обнаружилъ въ лѣвой рукѣ пучокъ розогъ. Гришу объялъ ужасъ. Онъ подумалъ, что сходитъ съ ума и закричалъ:

— Папа, скажи, чтобы Яковъ ушелъ...

Филяевъ сдѣлалъ дворнику понукающій знакъ. Тотъ какъ-то бокомъ началъ подступать къ Гришѣ. Гриша попятился отъ него, дрожа всѣмъ тѣломъ и не спуская испуганныхъ глазъ съ Якова. Отступая. онъ все съеживался, какъ затравленный звѣрекъ и бормоталъ:

— Не смѣй!.. Не смѣй подходить!..

Замѣтивъ на кругломъ столикѣ около дивана ножницы, Гриша съ быстротою молніи схватилъ ихъ и, засверкавъ глазами, крикнулъ:

— Не подходи... Убью!..

Яковъ отступилъ, испугавшись и ножницъ, и горящихъ глазъ.

Гришина угроза и размахиванье ножницами возмутили Филяева.

— Оставь ножницы! повелительно сказалъ онъ.

— Папа, прикажи ему уйти.

— Оставь ножницы!

— Я брошу... Я сейчасъ, папа, брошу... Скажи только Якову, чтобы онъ ушелъ.

Филяевъ направился къ Гришѣ и заикаясь: «о—оставь если тебѣ говорятъ», рванулъ ножницы. Гриша вскрикнулъ отъ боли и спустилъ ножницы.

— Бери его... Клади!..

Яковъ схватилъ Гришу. Но онъ вцѣпился за ручку дивана.

— О-оставь диванъ!

Гриша крѣпче вцѣпился. Пальцы его точно закостенѣли. Филяевъ съ раздувающимися ноздрями разжалъ пальцы Гришиныхъ рукъ и рванулъ его къ себѣ. Но Гриша въ это время успѣлъ схватиться за ножку дивана и поволокъ его за собою. Спинка дивана зацѣпила большую фотографію съ портретами служащихъ въ Кредитномъ обществѣ и свалила на полъ. Разбилось стекло, поднялась пыль. Визгъ ножекъ по полу и дребезжащій звонъ разбитаго стекла произвели на Филяева такое впечатлѣніе, какъ будто стекло разбилось у него въ груди. Онъ разсвирѣпѣлъ и сдѣлался страшенъ.

— Ахъ, ты ме-ерзкій? Ты вотъ какой! Бери же его! Постой!.. Держи диванъ!

Потянувши Гришу, онъ оторвалъ его отъ дивана и бросилъ на руки дворнику.

— Ахъ. ты мерзкій!.. Клади его!..

Яковъ хотѣлъ положить Гришу на коверъ, но вдругъ заоралъ во все горло и выпустилъ его. Гриша зубами вцѣпился въ его руку.

— Ахъ, ты чертенокъ!.. взвизгнувъ въ бѣшенствѣ Филяевъ и, размахнувшись, ударилъ Гришу.

Гриша пошатнулся и схватился руками за лицо. Изъ носа у него полилась кровь и, струйками извиваясь между пальцами, закапала на полъ. Но Филяевъ уже не могъ совладать съ вырвавшимся изъ него звѣремъ.

— Бери его!.. Клади...

Они схватили Гришу и повалили на полъ. Дворникъ держалъ его за ноги. Филяевъ за руки.

Гриша съ воплемъ вырывался изъ рукъ, призывалъ мать на помощь, судорожно трепеталъ и бился, какъ рыба, выхваченная изъ воды. Его съ трудомъ удерживали. Филяевъ неистовствовалъ и кричалъ на Якова, который никакъ не могъ разстегнуть Гришу. Прижавъ лѣ-

вой рукой мальчика къ своимъ колѣнямъ, Филяевъ правой рукою захватилъ его фалды и завернулъ на голову. Яковъ обнажилъ тѣло и въ нерѣшимости остановился съ блѣднымъ лицомъ и каплями пота на вискахъ.

— Бей-же, чортъ тебя возьми!

Яковъ поднялъ руку и хлестнулъ худое, извивающееся тѣльце съ виднѣвшимися подъ кожей ребрами. Гриша огласилъ комнату страшнымъ крикомъ и конвульсивно рванулся. Онъ чуть не выскользнулъ изъ рукъ. Но это только усилило напряженіе наказывавшихъ. Яковъ, распаляемый сопротивленіемъ, болью въ рукѣ и бранью Филяева, вышелъ изъ себя и стегалъ покраснѣвшее тѣло мстительно, съ жадностью и съ какимъ-то восторгомъ бѣшенства. Вдругъ въ передней раздался звонокъ. Филяевъ и дворникъ вздрогнули и, бросивъ Гришу, вскочили, съ широко раскрытыми глазами. Филяевъ направился къ столу, но стоять не могъ и безсильно опустился въ кресло, прошептавъ:

— Скажи, никого нѣтъ.

Но звонила горничная, вернувшаяся съ содовой водою. Филяевъ черезъ дверь отослалъ ее на кухню. Сердце у него такъ билось, что онъ началъ бояться умереть отъ удара. Ему сдѣлалось до слезъ жаль себя и досадно на Гришу, который довелъ его до такого ужаснаго состоянія. Отославъ Якова кивкомъ головы и придерживая грудь руками, онъ проговорилъ съ злобнымъ чувствомъ:

— До чего довелъ отца! Встань и убирайся...

Но Гриша не шевелился. Уткнувшись лицомъ въ коверъ, онъ лежалъ, какъ въ оцѣпененіи, представляя собою безформенную кучу бѣлья и платья. Все его тѣло ныло и было какъ-бы размолото, а пылающая голова гудѣла отъ боли. Гриша не плакалъ, не стоналъ, а какъ-то протяжно мычалъ—слабо и жалобно, точно больное животное. Казалось, въ немъ иссякло все человѣческое: и воля, и мысли, и слезы. Лишь иногда сквозь страшную усталость и мутное сознаніе молніей прорѣзывалась одна мучительная мысль, что душа его какъ-бы исторгнута изъ тѣла и растоптана.

Филяева раздражалъ видъ Гриши. Не въ состояніи слышать его глухихъ стенаній, онъ вышелъ изъ кабинета и притворилъ за собою дверь. Выпивши въ столовой залпомъ два стакана воды и выкуривши папиросу, онъ успокоился, сердце стало биться ровнѣе, только концы пальцевъ все еще трепетали мелкой дрожью, какъ у пьяницъ послѣ запоя. Филяевъ началъ припоминать сцену въ кабинетѣ и съ безпокойствомъ подумалъ, до какого опаснаго состоянія онъ могъ-бы дойти. Вѣдь вотъ такимъ образомъ и убійцами дѣлаются.

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Филяевъ поднялъ голову и насторожился. Но все опять затихло. Ему стало жаль Гришу и захотѣ-

лось пойти, приласкать его. Но онъ мужественно подавилъ въ себѣ эту слабость, подумавъ: было-бы просто безсмыслицей теперь разнѣжиться и такой горькій урокъ свести на нуль. Нѣтъ, пусть это врѣжется ему въ память и навсегда останется въ сознаніи, что потачекъ его капризамъ не будетъ... И Филяеву начали рисоваться плодотворные результаты горькаго урока. Ему опять послышался шорохъ въ кабинетѣ и какъ-бы подавленный стонъ. Онъ подумалъ, что Гриша стыдится выйти и потихоньку притворилъ изъ столовой дверь въ прихожую. Но Гриша не выходилъ. Филяевъ взялъ на буфетѣ старую газету и началъ читать но никакъ не могъ сосредоточить свое вниманіе. Мысли его разбѣгались и кружились около Гриши. Филяевъ не сожалѣлъ, не раскаивался, напротивъ, считалъ, что онъ поступилъ, какъ *настоящій* гражданинъ, исполнивши столь тяжкій долгъ, но въ глубинѣ его сердца всетаки что-то шевелилось и царапалось, какъ мышь. Въ столовую вошла горничная и хотѣла пройти въ кабинетъ, но Филяевъ рѣзко прогналъ ее въ кухню. Она удалилась на цыпочкахъ, имѣя такой видъ, какъ будто въ домѣ лежитъ умирающій. Филяевъ догадался, что ей уже все извѣстно. И ему было это очень непріятно, все равно, какъ еслибы на какую-нибудь его щекотливую просьбу онъ получилъ отказъ въ открытомъ письмѣ. Подумавши, онъ понялъ, что скребетъ у него въ сердцѣ не то, что Гриша высѣченъ, а то, что онъ его ударилъ при Яковѣ по лицу. Этого не слѣдовало дѣлать. И Филяевъ заходилъ по комнатѣ, стараясь найти оправданіе.

Въ 10-мъ часу пріѣхала Ольга Семеновна.

Филяевъ вышелъ въ прихожую, чтобы подготовить жену къ случившемуся. Она просіяла, увидавъ мужа, но, встрѣтившись съ его взглядомъ, поблѣднѣла и съ тревожной поспѣшностью начала снимать пальто. Оставшись вдвоемъ, онъ разсказалъ въ общихъ чертахъ о случившемся, стараясь выяснить ей благія побужденія своего поступка. Она слушала его съ глазами, полными муки. По щекамъ ея неудержимо текли слезы. Едва онъ кончилъ говорить, она бросилась въ Гришину комнату. Филяевъ крикнулъ ей, что Гриша въ кабинетѣ. Она рванулась туда. Но Гриши тамъ не было. Это удивило Филяева. Онъ вошелъ въ кабинетъ и съ гадливымъ ощущеніемъ остановился у двери. Въ комнатѣ царилъ безпорядокъ: диванъ былъ отодвинутъ, круглый столикъ и одно кресло опрокинуты, коверъ смятъ. А Филяевъ терпѣть не могъ безпорядка въ своемъ кабинетѣ. Онъ съ отвращеніемъ оглядывалъ все, припоминая недавнюю сцену и съ ненавистью подумалъ о Яковѣ: экій негодяй?

Въ квартирѣ послышались быстрые шаги, тревожные женскіе голоса, хлопанье дверью, крики, точно во время пожара. Въ кабинетъ вбѣжала встревоженная Ольга Семеновна, за нею горничная и кухарка. Онѣ осмотрѣли всю квартиру—Гриши нигдѣ не было, между тѣмъ его пальто

и фуражка висѣли въ прихожей. Филяевъ встревожился, но старался не показать этого. «Можетъ быть онъ забился здѣсь куда нибудь въ уголъ», подумалъ онъ и, снявъ абажуръ съ лампы, освѣтилъ всю комнату, безпорядокъ которой выступилъ еще рѣзче. Нагибаясь и осматривая углы, онъ подошелъ къ простѣнку, между печью и шкафомъ и, потрясенный ужасомъ, отшатнулся. Ольга Семеновна бросилась туда. Въ узкомъ простѣнкѣ, гдѣ висѣло платье, стоялъ Гриша, какъ-то странно подогнувши колѣни и свѣсивъ на бокъ голову. Всмотрѣвшись въ него, Ольга Семеновна тихо вскрикнула и, зашатавшись, присѣла, какъ подкошенная. Горничная и кухарка, заголосивъ на весь домъ, подхватили ее подъ руки и усадили въ кресло. Она безпрекословно повиновалась имъ, не спуская неподвижныхъ глазъ съ Гриши.

Филяевъ опомнился и закричалъ, чтобы скорѣе бѣжали за докторомъ, а самъ бросился къ Гришѣ, поднялъ его и началъ распутывать дрожащими пальцами шелковый шнурокъ съ кистями. Но затянувшаяся петля въѣлась въ тѣло. Голова Гриши безжизненно качалась во всѣ стороны.

— Да помогите-же мнѣ!.. Помогите!—простоналъ съ мольбою Филяевъ, стараясь одной рукой поддержать Гришу, а другой развязать петлю.

Но никто не откликнулся на его зовъ. Прислуга убѣжала за докторомъ, а Ольга Семеновна неподвижно сидѣла и, не моргая глазами, смотрѣла въ одну точку. Филяеву удалось, наконецъ, распутать шнурокъ. Онъ перенесъ Гришу на диванъ и началъ окликать его, трясти, называть ласковыми именами. Онъ разорвалъ на немъ рубаху, и, ставъ на колѣни, припалъ ухомъ къ его груди. Ему казалось, что сердце еще бьется слабымъ біеніемъ. Но что дѣлать? Какія принять мѣры? Какъ удержать улетающую жизнь?..

— Ради Бога, доктора! Помогите!..

И какъ безумный, онъ метался по комнатѣ, не зная что дѣлать. Онъ снова трясъ Гришу, дулъ ему въ лицо, брызгалъ водой, растиралъ грудь, припадалъ губами къ губамъ Гриши и своимъ дыханіемъ силился оживить его.

— Господи, спаси-же его!..

На лѣстницѣ послышались голоса и топотъ ногъ. Филяевъ бросился въ прихожую и распахнулъ дверь. На площадкѣ показались докторъ, прислуга, городовой, старшій дворникъ и блѣдный, какъ смерть, Яковъ. Филяевъ схватилъ за руку доктора и умоляюще тянулъ его въ кабинетъ. Но докторъ холодно высвободилъ руку, снялъ калоши и пальто, тщательно вытеръ запотѣвшія очки и сосредоточенный вошелъ въ кабинетъ. Увидѣвъ безпорядокъ въ комнатѣ и неподвижную фигуру Ольги Семеновны, онъ нахмурился и приступилъ къ осмотру Гриши. Филяевъ

въ безпокойствѣ переходилъ съ одного мѣста на другое, напряженно слѣдя за движеніями доктора и торопливо отвѣчая на его вопросы.

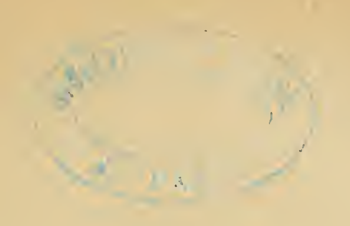
Докторъ выпустилъ Гришину руку изъ своей и поднялъ голову.

— Вы его спасете, да?—спросилъ съ волненіемъ Филяевъ, заглядывая въ лицо доктора.

— Мертвыхъ только одинъ Господь Богъ воскрешаетъ,—отвѣтилъ недружелюбно докторъ и всталъ.

Филяевъ сконфуженно заморгалъ глазами и отвернулся, вздрагивая плечами. А когда докторъ вышелъ, шепнувъ что-то городовому, Филяевъ съ судорожнымъ рыданіемъ припалъ къ трупу и началъ кричать на весь домъ, что нѣтъ Бога.

П. Сергѣенко.

Судьба ислама.

VIII.

Сектантство. Шіиты.

Для европейца вообще и для социолога въ частности чрезвычайно любопытно многостороннее *сходство между исламомъ и другими міровыми религіями.* Параллель между нимъ и христіанствомъ въ особенности прямо отвѣчаетъ на вопросъ о его культурномъ значеніи. Мы имѣемъ въ виду не одно догматическое сходство, которое и неудивительно при прямыхъ заимствованіяхъ ислама изъ болѣе старыхъ религій, не исключая буддизма. Важенъ и поучителенъ параллелизмъ въ самой судьбѣ главныхъ вѣрованій.

Въ исламѣ прежде всего бросается въ глаза первобытная простота и ученія, и быта въ началѣ, которая «напоминаетъ состояніе христіанства въ I вѣкѣ», по словамъ Мюллера. Строгое единобожіе, незатѣйливость обрядовъ, бедуинская обстановка жизни были еще понятны при Магометѣ, который бѣжалъ въ Медину всего съ 150 поклонниками. Но то-же продолжалось при Омарѣ, который былъ уже могучимъ завоевателемъ. Какъ былъ пораженъ персидскій сатрапъ, попавшій въ плѣнъ въ Медину, когда онъ увидалъ въ избушкѣ спящаго въ уголку человѣка, лицомъ къ стѣнѣ, съ плетью на головѣ, подъ покровомъ заплатаннаго плаща, и ему сказали, что это — самъ халифъ! А вслѣдъ затѣмъ, какъ въ Византійской имперіи, быстро и пышно расцвѣли и роскошь быта, и богатое умственное развитіе въ видѣ сектъ.

Секты, неизбѣжныя всюду и слѣдующія своимъ законамъ развитія, представляютъ одно изъ самыхъ важныхъ и еще мало разгаданныхъ явленій народной психологіи. Нигдѣ религіозная мысль не проростала ими такъ изобильно, точно тропическій лѣсъ, какъ въ христіанствѣ да въ исламѣ, который этимъ прежде всего доказывалъ свою способность

къ умственному развитію. Тамъ и здѣсь секты возникли подъ вліяніемъ мѣстныхъ, болѣе древнихъ міровоззрѣній. Но въ исламѣ онѣ захватываютъ болѣе широкій кругъ разныхъ культурныхъ вліяній, и болѣе явственно ихъ зарожденіе и постепенный ростъ *).

Здѣсь можно прослѣдить именно воздѣйствіе, съ одной стороны, христіанскихъ сектъ, а слѣдовательно и эллинской философіи, съ другой,—умозрѣній отцовъ арійства, персовъ, начиная отъ чистаго нарсизма, кончая тѣми искаженіями, которымъ подвергнулся маздеизмъ Зороастра, подъ вліяніемъ отчасти опять христіанства, а болѣе—буддизма.

Арабы дѣйствительно спѣшили жить. Безпримѣрна та быстрота, съ которою у этихъ полудикарей тотчасъ-же сказалась жажда дѣятельности пробужденнаго гибкаго ума. Исламъ сохранялся въ чистотѣ въ теченіе менѣе одного поколѣнія, лишь при трехъ первыхъ халифахъ. Вслѣдъ затѣмъ возникли тѣ дебри отвлеченностей, изъ которыхъ всѣмъ извѣстны только два основныхъ отдѣла—суннитство и шіитство, воплощенныя, главнымъ образомъ, въ туркахъ и персахъ. Такъ и мы, русскіе, въ огромномъ большинствѣ, знаемъ только православіе да расколъ и имѣемъ лишь смутныя понятія о множествѣ толковъ послѣдняго и о разныхъ другихъ сектахъ.

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что въ исламѣ «правовѣріемъ» считается суннитство, которое руководствуется не однимъ чистымъ словомъ пророка, кораномъ, но и смутными преданіями (сунна). Но то-же явленіе замѣчается въ другихъ религіяхъ: въ догматическомъ обученіи едва-ли не болѣе приводятся тексты изъ позднѣйшихъ толкователей, чѣмъ изъ завѣтовъ основателей религій. У магометанъ-же есть и особое оправданіе: суннитство, со всѣми его постепенными искаженіями, представляетъ первоначальный семитскій духъ ислама. Шіитство-же—порожденіе азіатскаго арійства, Месопотаміи и Ирана. Сверхъ того, сначала это было практическимъ требованіемъ жизни. То была политическая «партія», возникшая изъ династическаго вопроса: «шіитъ» значитъ «пристрастный, партизанъ». Такъ назывались приверженцы Алія, зятя и двоюроднаго брата Магомета, они не признавали трехъ первыхъ халифовъ, избранниковъ общины правовѣрныхъ. Но тутъ-же любопытно сказался соціологическій законъ. Шіиты вносили въ исламъ новшество по требованію мѣстныхъ условій: въ коранѣ ничего не говорится о престолонаслѣдіи; оно—плодъ персидскаго быта. Во времена Алія на ярмаркахъ въ Куфѣ господствовалъ персидскій языкъ; а персамъ, привыкшимъ къ повиновенію старинной династіи, былъ непостижимъ первобытный демократическій строй арабовъ, съ его выборнымъ началомъ. Національ-

*) Недавно у насъ появилась особая книга о мусульманскихъ сектахъ—«Умственныя движенія ислама» Уманца (1893). Это не самостоятельное изслѣдованіе, а рядъ дѣльныхъ журнальныхъ статей, которыя и печатались первоначально въ «Христіанскомъ Чтеніи».

ное чувство закрѣпляло это убѣжденіе, которое сплачивало покоренныхъ въ борьбѣ съ поработителями, арабами.

Богословіе, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, пришло на выручку персамъ: политическая партія быстро превратилась въ религіозно-философскую секту, подъ вліяніемъ буддійскаго пантеизма. «Извѣстно—говоритъ Мюллеръ—какую великую роль играло въ Индіи ученіе объ *аватарахъ* или воплощеніяхъ божества: и по сіе время лама, владыка Тибета, считается воплощеніемъ Наивысшаго. Оттуда, задолго до ислама, проникло къ персамъ убѣжденіе, что шахиншахъ, «царь царей», есть воплощеніе божественнаго духа, который переходитъ отъ отца къ сыну и одушевляетъ все поколѣніе владыкъ». Это вѣрованіе развилось теперь въ теорію имамата.

Имамъ, т.-е. «предстоятель», молящійся за общину въ мечети по пятницамъ,—званіе, которое было переносимо у суннитовъ и на халифа, пока онъ ходилъ по стезѣ пророка,—превратилось у шіитовъ въ наслѣдственную аватару династіи Алія, который и самъ — безсмертное божество: онъ живымъ взятъ на небо. Имаматъ осложнился мессіанскою идеей, которая такъ присуща жаждущему надеждъ человѣчеству, что она встрѣчается во всѣхъ міровыхъ религіяхъ: немудрено, что догматъ о махдіи перешелъ постепенно ко всѣмъ мусульманамъ. Махдій—это «покровительствуемый» богомъ новый пророкъ, который придетъ спасти міръ отъ грѣховъ; Айсса будетъ у него помощникомъ. Такъ какъ было уже 11 воплощеній Алидовъ, то махдіемъ будетъ 12-й потомокъ Алія. А такъ какъ этотъ потомокъ уже былъ отравленъ однимъ халифомъ много вѣковъ назадъ, то возникла легенда, будто онъ спасенъ чудесно и скрывается гдѣ-то въ пещерѣ, — обычный поэтическій мотивъ: нѣмцы долго ждали новаго появленія императора Фридриха II, сидящаго консервомъ въ пещерѣ Тифгейзера, съ проросшею въ землю бородой. Понятно, какимъ удобнымъ орудіемъ служила вѣра въ махдія для всякаго рода политическихъ самозванцевъ: таковъ теперь суданскій махдій, доставляющій столько хлопотъ Египту и англичанамъ.

IX.

Хариджиты. Измаилиты. Карматы.

Что можетъ быть противоположнѣе простотѣ корана и демократическому строю начальнаго халифата, чѣмъ фантасмогоріи шіитства! Однако само шіитство постепенно распалось на множество толковъ, изъ которыхъ иные непостижимы съ его собственной точки зрѣнія. Два изъ нихъ особенно характерны и важны исторически. Уже при Аліи возникли *хариджиты* или «выходцы», раскольники раскола, которые на-

помпнаютъ частью средневѣковыя секты Европы, частью пуританъ *). Это—горячіе приверженцы республики на основахъ полной демократіи. Ихъ идеалъ—общинная свобода, братство и равенство. «Всѣ мусульмане—братья, говорятъ они: не спрашивайте у насъ, какого мы племени, какого общественнаго положенія». Эти идеалисты выбираютъ себѣ главарей и изъ не-арабовъ, и даже изъ рабовъ; а кто изъ нихъ начнетъ злоупотреблять властью, того тотчасъ низвергаютъ. Напрасно халифы и аристократы истребляли хариджитовъ массами: подавленная въ Азіи секта распространилась по Африкѣ и даже Испаніи. Она существуетъ и теперь среди свободолюбивыхъ берберовъ, особенно въ Алжирѣ. Къ ней принадлежитъ и имамъ маскатскій въ Аравіи.

Еще любопытнѣе и крупнѣе *измаилиты*. Начало ихъ напоминаетъ начало всего шіитства. Оно было политическаго свойства. Шестой имамъ послѣ Алія, Джафаръ, лишилъ наслѣдства своего первенца, Измаила, за пьянство. Но приверженцы отверженнаго воскликнули резонно, по шіитской логикѣ: «Имамъ во всякомъ случаѣ остается имамомъ. Что́ ни приказываетъ, что́ ни дѣлаетъ имамъ—все справедливо. Стало быть, Измаилъ не могъ грѣшить». Однако, то былъ лишь предлогъ для игры кипучихъ жизненныхъ силъ юнаго ислама. Правда, измаилитство всегда было запечатлѣно политическимъ оттѣнкомъ: въ этой крайне хитрой и назойливой сектѣ находимъ первообразъ европейскаго макіавелизма. Но здѣсь-же передъ нами поучительный образчикъ широкой умственной системы, въ которой сквозятъ вліянія и христіанскихъ манихеевъ, и эллинскихъ философовъ, и буддистовъ. Здѣсь исламъ дошелъ до своеобразнаго политеизма и раціонализма въ догмѣ, до коммунизма — въ общественныхъ вопросахъ. Прибавимъ слова Мюллера: «Въ этомъ чудовищномъ смѣшеніи разнороднѣйшихъ религіозныхъ преданій оставлены нетронутыми многіе элементы корана. Поэтому зачастую переходили въ секту и правовѣрные муслимы: стоило только ловко, осторожно, не торопясь, хорошенько поработить ихъ».

Измаилитство возникло въ Персіи, среди врачей Алидовъ, въ половинѣ IX-го в. Лѣтъ 50 спустя, оно уже достигло своихъ крайностей, соприкасавшихся съ соціальнымъ вопросомъ: мы разумѣемъ любопытное движеніе, связанное съ именемъ крестьянина Кармата (Безобразнаго) и напоминающее разныя жакріи или пугачевщины въ средневѣковой Европѣ. *Карматы* **) были коммунисты: у нихъ была даже общность женъ. Они возвели грабежъ и убійство въ догматъ. Изъ Ирана карматы быстро распространились по Сиріи и даже Аравіи, привлекая къ себѣ и евреевъ,

*) Есть спеціальное изслѣдованіе о хариджитахъ—Brünnow. Die Charidschiten unter den ersten Omajjaden. Leiden. 1884.

**) De Goeje. Mémoire sur les Carmates du Bahrain et les Fatimides. 2-е изд. Leiden. 1886.

и христіанъ: однажды они похитили черный камень изъ каабы, который былъ выкупленъ потомъ у нихъ правовѣрными.

Карматы не просуществовали и 50-ти л. Но вскорѣ они возродились подъ видомъ знаменитыхъ разбойниковъ эпохи крестовыхъ походовъ, *ассасиновъ*. Съ своимъ грознымъ, таинственнымъ «шейхомъ (старшиной) горы» и его «даями» («глашатаями»), они представляли замѣчательную организацію, болѣе всего напоминающую орденъ іезуитовъ. Ихъ «федави» или «самоможертвующіе», слѣпыя орудія шейха, одурманиваемые гашишемъ, были такою грозой даже престоламъ, что съ ними заключали договоры всѣ державы передней Азіи и Египта, не исключая знаменитаго Саладина. Изъ своего Орлинаго Гнѣзда (крѣпость Аламутъ, на югѣ Каспійскаго моря) они распространились по всей Персіи и Сиріи и прочно засѣли въ неприступныхъ твердыняхъ Ливана. Послѣ полуторавѣковаго господства, сокрушенные монголами около 1250 г., ассасины превратились сначала въ простыхъ наемныхъ убійцъ, потомъ—въ мирную секту. Теперь они спокойно вымираютъ въ Ливанѣ; да еще встрѣчаются ихъ отпрыски въ Персіи и даже Индіи.

Измаилитство достигло высшей степени могущества въ лицѣ *фатимидовъ*, которые около трехъ вѣковъ владѣли Египтомъ *). Пронырливымъ даямъ удалось, около 900 г., поставить въ Египтѣ «сокровеннаго имама» или махдія, производившаго себя отъ самой Фатимы, любимой дочери Магомета, выданной замужъ за Алія. То былъ просто самозванецъ Убейдулла, который даже менѣе аббасидовъ имѣлъ правъ на престолъ. Съ тѣхъ поръ фатимиды стали истиннымъ ракомъ, разъѣдавшимъ знаменитый багдадскій халифатъ. Они старались всячески ослаблять его: они-то проложили путь монголамъ и туркамъ. Сами фатимиды, утвердившись въ новой столицѣ, въ Каирѣ, пользовались всякими орудіями успѣха. Имъ служила пресловутая революціонная организація измаилитовъ, въ особенности-же карматовъ,—организація, которая всюду подрывала всякую иную власть, охвативъ мусульманскій міръ отъ Алжира до Инда. Она искусно направляла полчища берберовъ и плѣнныхъ славянъ, которые массами служили тогда на быстрыхъ крейсерахъ Египта; а потомъ набирала даже турокъ, которые уже начинали распоряжаться въ Багдадѣ. Фатимиды превращались въ образцовыхъ деспотовъ Востока, по жестокости и коварству, пока не пали внезапно подъ ударами знаменитаго курда Саладина, за которымъ въ Египтѣ послѣдовало долгое господство мамелюковъ, этихъ выходцевъ изъ нашей Абхазіи и Мингреліи.

*) **Wüstenfeld**. Geschichte der Fatimiden-Chalifen. Göttingen. 1881.

X.

Вольнодумцы ислама.

При фатимидахъ постепенно глохла и умственная дѣятельность въ шіитствѣ: уже не являлось новыхъ міровоззрѣній, великихъ сектъ; лишь изрѣдка обнаруживались ничтожныя обрядовыя разногласія. Вообще вначалѣ Западъ исламскаго міра былъ мало доступенъ идеальной культурѣ и жилъ политическими переворотами. Берберы были полудикари; а Испанія представляла тогда самую отсталую изъ римскихъ провинцій и самое жалкое изъ варварскихъ государствъ: она оттого такъ легко и подпала владычеству горсти арабовъ, что была угнетена и жестокимъ правительствомъ, и грубымъ духовенствомъ, которое умѣло только обирать туземцевъ да преслѣдовать евреевъ.

Но исламская Азія дала еще много крайне любопытнаго въ умственной культурѣ, помимо шіитства. Броженіе шло съ самаго начала въ самомъ суннитствѣ. Здѣсь оно отличалось почти исключительно религіозно-философскимъ характеромъ. Ему содѣйствовали, конечно, и такія внѣшнія условія, какъ тысячи разныхъ преданій и трудность арабскаго языка: чего только не могъ натворить педантизмъ заурядности тамъ, гдѣ не было ни знаковъ препинанія, ни прописныхъ буквъ, гдѣ существовали однѣ согласныя, да и тѣ писались почти одинаково! Но важнѣе были указанныя выше вліянія болѣе старыхъ религій Востока, въ особенности же воздѣйствіе христіанства, явствующее уже съ конца VII-го в., благодаря Іоанну Дамаскину. Основная-же причина коренилась во внутреннемъ состояніи ислама. Здѣсь, какъ и во всѣхъ религіяхъ, быстро настало разложеніе первозданнаго ядра. Магометъ превратился въ новое божество, появились нелѣпыя легенды, изумительныя чудеса и даже «сыдыки» (святые) съ своею лѣстницей чиноначалія.

Столь печальное положеніе великой религіи неминуемо взывало къ противодѣйствію, обличенію,—словомъ къ протестантству. Уже около 700 г. зародилось то знаменитое отступничество, которое получило имя, сходное съ англійскимъ диссидентствомъ: это—*мутазилиты*, «разошедшіеся» съ правовѣріемъ *). Тутъ дѣйствительно произошелъ полный, непримиримый расколъ. Мутазилиты—поистинѣ «вольнодумцы» или «раціоналисты» ислама. Герои чистаго разума, вооруженные эллинскою діалектикой, они отвергли божественность корана, всякое откровеніе. Затѣмъ имъ легко было устранить его основы—аттрибуты (качества) божества и предопредѣленіе, не говоря уже про обрядность, про святыхъ и чудеса. Признавъ свободу воли, они провозгласили также свободу мысли и че-

---

*) Steiner. Die Mutaziliten oder die Freidenker im Islam. Leipzig. 1865.

ловѣчность. Сначала гонимые, мутазилиты стали потомъ силой, въ эпоху развитія арабскаго просвѣщенія: на нихъ опирались первые аббасиды. То было блаженное время на Востокѣ, когда благочестивый испанскій богословъ, попавши въ Багдадъ, негодовалъ на халифовъ, дозволяющихъ всенародныя состязанія между учителями всякихъ религій и сектъ. Самые смѣлые мыслители, *зендики*, позволяли себѣ даже слишкомъ откровенныя насмѣшки. А во время закланія барановъ въ жертву, они спрашивали: «Чѣмъ провинились эти несчастныя животныя»?

Съ развитіемъ реакціи, особенно въ XI-мъ в., мутазилиты падали: теперь лишь изрѣдка встрѣтишь кое-гдѣ, преимущественно въ Аравіи, ихъ маленькія общины. Реакція шла не только сверху, но и изъ глубины сектантскаго движенія. Это—*суфизмъ*, третье изъ главныхъ теченій въ исламѣ, послѣ шіитства и мутазилитства. Въ его основѣ лежитъ аскетизмъ. Это начало проглядывало еще предъ Магометомъ, среди первобытнаго жизнерадостнаго настроенія арабовъ: оно встрѣчалось именно у халифовъ. Быть можетъ, отсюда повѣяло меланхоліей, задумчивостью и на пророка подъ старость, а также на первыхъ его преемниковъ—Абу Бекра и Османа. Должно помнить только, что въ свою лучшую пору разсудительный Магометъ не терпѣлъ фантасмагоріи: въ коранѣ воспрещено монашество. Но послѣ него новое стремленіе начало возрастать, подъ вліяніемъ христіанства и особенно буддизма. Его поддерживали тяжелыя времена паденія Омайядовъ, когда многимъ хотѣлось уйти въ себя изъ міра печальной дѣйствительности. Около 800 г. оно превратилось въ ученіе, благодаря нѣкоторымъ личностямъ крупныхъ идеалистовъ. Новые сектанты стали соединяться въ замкнутыя общины со строгимъ уставомъ и облеклись въ «суфы», власяницы: ихъ монастыри, начавшись въ Сиріи, вскорѣ распространились всюду, особенно въ египетскихъ пустыняхъ, рядомъ съ христіанскими отшельниками. Распадаясь на множество толковъ (ихъ и теперь насчитываютъ болѣе тридцати), суфіи образовали цѣпь нищенствующихъ орденовъ, которые принято называть въ Европѣ «дервишами» *). Тутъ встрѣчаются обычныя уродства, которыми такъ богато это настроеніе: есть и юродивые, и хлысты. Естественно, что примыкающая къ суфизму толпа возставала противъ свободныхъ мыслителей: это движеніе и возникло, какъ противодѣйствіе мутазилитамъ.

Но и здѣсь дѣйствовалъ неизбѣжный законъ *дифференцированія* или расчлененія цѣлаго на особыя части. Въ лучшія времена ислама и здѣсь выдѣлилась аристократія ума. Въ своихъ высшихъ степеняхъ, суфизмъ самъ соприкасается съ раціонализмомъ: теперь

---

*) *Дервишъ*—по персидски нищій (у двери просящій) Сюда примыкаетъ еще арабское слово *факиръ*—бѣдный. Подробности о нихъ см. Brown. The Dervishes or Oriental spiritualism. London. 1868.

въ Персіи всякаго вольнодумца называютъ суфіемъ, — кличка почтенная, такъ какъ она покрываетъ собой многихъ знаменитыхъ философовъ и поэтовъ, не исключая Саади и Хафиса. Признавая только созерцаніе и восторженность, суфизмъ тѣмъ самымъ отрицаетъ всякую положительную религію и обрядность, наравнѣ съ наукой. «Покинувъ все земное и познавъ духовное», суфіи одинаково презираютъ мечеть и синагогу, пагоду и христіанскій храмъ. По догматической основѣ, они ближе всего къ буддизму. По ихъ понятіямъ, вселенная есть истеченіе Бога; и сліяніе съ нимъ составляетъ цѣль смертнаго, которая достигается *фаной* или самозабвеніемъ нирваны. Нравственное ученіе основано на любви къ Богу и къ ближнему. Легенда суфіевъ объ ихъ главнѣйшемъ мученикѣ, Халладжѣ, казненномъ въ 921 г., образовалась подъ явнымъ вліяніемъ Евангелія.

XI.

Арабская культура.

Таково богатое развитіе ислама въ отношеніи религіозно-философскомъ. Мы остановились на немъ, какъ на болѣе мудреной и менѣе извѣстной сторонѣ культуры этого загадочнаго для европейца міра. Что касается *научнаго* и *художественнаго* движенія, то здѣсь наша задача сравнительно легка: нечего доказывать доказанное и общеизвѣстное. Довольно засвидѣтельствовать, что новѣйшая историческая критика скорѣе возвышаетъ, чѣмъ умаляетъ значеніе мусульманъ съ этой стороны.

Тутъ особенно любопытно выяснить точку зрѣнія такого труда, какъ «Исторія ислама» Мюллера. Ее можно схватить, только внимательно прослѣдивъ за всѣмъ сочиненіемъ и освободивъ изложеніе отъ мелкихъ противорѣчій, отъ дани прежнимъ предубѣжденіямъ.

Мюллеръ съ самаго начала выставляетъ замѣчательную черту у полудикаго племени, которая была залогомъ идеальной культуры. Это—необычайная *гибкость природы*, связанная съ впечатлительностью. Отсюда, съ одной стороны, любознательность свѣжаго, даровитаго юноши, съ другой—покладистость характера, которая служила сліянію арабскаго духа съ побѣжденными. Обрисовавъ первичную политико-соціальную систему, возникшую при первыхъ халифахъ, нѣмецкій ученый прибавляетъ: «Охотно отмѣчаемъ снова, что безцѣльная жестокость была чужда характеру араба; равнымъ образомъ никогда не приходило ему въ голову навязывать свою религію другимъ». Тогда «законы по отношенію къ иновѣрцамъ были преисполнены изумительной кротости. И даже *покровительствуемымъ гражданамъ*, какъ называли немусульманъ, оказывалось болѣе дружественнаго расположенія, чѣмъ предписывалось закономъ». Арабы не вмѣшивались ни въ общинное, ни въ церковное

управленіе туземцевъ: только-бы аккуратно платили имъ дани. Даже монеты долго чеканились старыя—византійскія и персидскія. Эта терпимость была даже во вредъ арабамъ: вопреки феодаламъ Европы, они не брали себѣ земель у покоренныхъ. Оттого выгодно было мусульманиться только бѣднотѣ, которая избавлялась черезъ это отъ податей да еще получала долю изъ дохода. Но такая система привлекала массы; а терпимость и гибкость ума арабовъ ускоряла ихъ сближеніе съ высшими и интеллигентными слоями покоренныхъ обществъ. Живо началось благодѣтельное смѣшеніе не только людскихъ породъ, но и разныхъ міровоззрѣній: по словамъ Мюллера, «склонная къ развитію, пылающая юностью и мощью» арабская порода проходила всюду хорошею закваской и расплывалась; побѣдители засасывались побѣжденными.

Отсюда изумительно *быстрый расцвѣтъ и необычайное богатство арабской культуры*. Арабы, какъ пчелы, стали собирать цвѣты цивилизаціи отовсюду. А тутъ счастливое положеніе: съ одной стороны, передъ ними стояла непосредственно эллинистическая *) цивилизація, съ другой—замѣчательный стокъ древнихъ культуръ,—Персія, которая только-что, при Сассанидахъ, пережила свое 4-хъ-вѣковое Возрожденіе, подъ вліяніемъ Византіи, Индіи и Китая. Сверхъ того, въ долинахъ Халдеи и Египта предстала сѣдая древность начальныхъ цивилизацій міра. Изъ всего этого роскошнаго запаса арабскій геній успѣлъ сковать драгоцѣнный и своеобразный слитокъ и быстро разнести его блестки по всему Старому Свѣту. Не прошло и двухъ вѣковъ со смерти пророка, не успѣли его потомки установиться съ своею внѣшнею жизнью, съ величайшими въ исторіи завоеваніями, какъ уже зародились блестящія гнѣзда новой культуры—Дамаскъ, Багдадъ, Каиръ и Кордова, Фецъ, Каирванъ, Тунисъ, Тлемсенъ, Палермо. А когда пробилъ часъ этихъ столицъ, эта культура перенеслась въ невѣдомыя мѣста, къ новымъ полудикарямъ, которыхъ коснулся геній араба: она пріютилась навремя при дворахъ Хамданидовъ сирійскихъ, Гасневидовъ кабульскихъ, у царей монгольскихъ и татарскихъ отъ Дели до Самарканда. Всѣ служили счастливицѣ — отъ полоумнаго деспота Хакима, создавшаго новый университетъ въ Каирѣ, до сельджука Малек-шаха, преобразовавшаго календарь, и монгола Гулагу, построившаго обсерваторію въ Китаѣ. Она разнесла сотни тысячъ книгъ по свѣту, создавъ хорошія библіотеки даже въ такихъ захолустьяхъ, какъ городокъ Ширазъ. Въ лицѣ Колумба XIV в., Ибн-Батуты, она заглянула чуть не во всѣ населенные уголки Стараго Свѣта—отъ Африки и Аравіи до Византіи, Россіи, Китая, Индіи и Явы. А путемъ торговли она разбросала монеты халифовъ отъ Кадикса до Пекина, Бенареса и Суматры, отъ оазисовъ Сахары, отъ скалъ Мозам-

*) См. нашу *Древнюю Исторію*, 2-е изданіе, §§ 170 –174.

бика и Адена до глубины Монголіи, до береговъ Волги, Оки и Балтики, до равнинъ Силезіи.

Арабская культура процвѣтала около 4-хъ вѣковъ, начиная съ воцаренія аббасидовъ (VIII—XII вв.). Обрисовавъ ея зарожденіе, Мюллеръ говоритъ: «Лишь въ немногихъ стадіяхъ средневѣкового міра цивилизація распустилась совершеннѣе. Скажу болѣе: арабская цивилизація стала благословеннымъ плодомъ для всего человѣчества». Она съ самаго начала носила на себѣ столько международныхъ чертъ, что историку уже «приходится упоминать не объ арабской, а скорѣе объ *исламской* литературѣ, излагаемой по-арабски». Наряду съ персидскимъ вліяніемъ, тотчасъ выдвинулось эллинское, притомъ въ своеобразной формѣ сирійскаго нарѣчія. Сирійцы стали тутъ посредниками въ силу не одного географическаго положенія. «Этотъ спокойный, неповоротливаго ума народъ, со слабой изобрѣтательностью, составлялъ яркій контрастъ съ подвижными, можно сказать, безпокойными по темпераменту, своими сосѣдями единоплеменниками—іудеями и арабами. Но зато сирійцы неизмѣнно отличались упорнымъ прилежаніемъ: столѣтіями собирали они усердно въ свои житницы плоды умственной дѣятельности другихъ національностей... Терпѣливые монахи сирійскихъ обителей, разбросанныхъ отъ Антіохіи до Мосула, передали ихъ, слово въ слово, на свой родной языкъ, преодолѣвая непреоборимыя трудности мучительнымъ процессомъ точности перевода».

Арабы, въ свою очередь, «можно смѣло сказать, не уклонялись ни въ чемъ отъ сирійскихъ подлинниковъ». Но, при этомъ, они старались сдѣлать свои переводы наиболѣе понятными. Мюллеръ изумляется колоссальности «этой адски-трудной задачи, этого предпріятія, граничащаго почти съ невозможнымъ». Онъ говоритъ: «Если только подумать, что усвоеніе отвлеченныхъ понятій греческой науки достается не легко даже сыну XIX столѣтія, возможно-ли намъ не оцѣнить по достоинству этихъ людей, умудрившихся просвѣтить мозги необразованнаго араба?»

Но зато велика и заслуга этихъ тружениковъ передъ человѣчествомъ! Будемъ говорить опять словами Мюллера. «Они сразу открывали возможность результатамъ греческой мысли и изслѣдованій сдѣлаться доступными для всей этой разумной смѣшанной расы арабовъ и персовъ. Поистинѣ съ волчьимъ аппетитомъ набросились они на ломящуюся отъ множества блюдъ трапезу чужеземной мудрости,—направленіе, достойное величайшей похвалы, особенно если принять во вниманіе, что они не были связаны рѣшительно никакими преданіями съ классической древностью. Мало-по-малу стали муслимы не только дѣйствительно понимать ими усвоенное, но даже, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, продолжать дальше самостоятельную разработку греческой науки. При пренебреженіи, съ которымъ наши естествоиспытатели, опираясь не безъ основанія на порази-

тельные успѣхи наукъ за послѣднее время, имѣютъ обыкновеніе относиться ко всему, какъ къ имѣющему только историческое значеніе, въ новѣйшее время вошло въ моду смотрѣть на арабскую ученость съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Бытописателю средневѣкового Востока достаточно будетъ напомнить имъ, что арабы и персы, въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ, продолжали быть наставниками всего Запада по предмету греческой культуры. Будетъ, конечно, дурною аттестаціей не Востока, а именно Запада, что это несовершенное направленіе такъ долго удерживалось и считалось въ свое время удовлетворительнымъ. Между тѣмъ всякій приступающій къ дѣлу съ полнымъ безпристрастіемъ найдетъ, надѣюсь, достойнымъ вниманія массу наблюденій и описаній новыхъ болѣзней, не ускользавшихъ отъ прозорливости и тонкой наблюдательности восточныхъ врачей. Эти-же арабскіе ученые даровали намъ стройную систему, а въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ создали такое дальнѣйшее развитіе аристотелевско-неоплатоническаго ученія, къ которому схоластики Запада, полагаю, едва-ли многое прибавили. Особеннаго вниманія заслуживаетъ также самостоятельная обработка и замѣчательное развитіе математическихъ и физическихъ, въ особенности-же оптическихъ знаній,—вотъ подъ какимъ угломъ зрѣнія слѣдуетъ глядѣть на научную дѣятельность этой знаменательной эпохи, развивавшуюся притомъ на ряду съ расширеніемъ и другихъ отраслей культуры. Правда, лучшее и тутъ совершили персы; арабы во многомъ уступали имъ: единственное исключеніе составляло, конечно, занятіе математикой, особенно подходящее къ складу семитскаго ума. Этой эпохѣ, положимъ, приписываютъ также весьма сомнительную заслугу предъ потомствомъ: она положила прочное начало одному изъ величайшихъ заблужденій человѣческаго духа—астрологіи. Все же эта воображаемая наука заслуживаетъ нѣкоторой признательности, такъ-какъ, благодаря ей, многіе дѣльные математики и астрономы успѣшно поработали надъ распространеніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ алгебраическихъ, геометрическихъ и астрономическихъ свѣдѣній».

Заслуги этихъ просвѣтителей возвышаются однимъ обстоятельствомъ, впрочемъ неизбѣжнымъ всюду, въ силу соціологическихъ законовъ. «Между тѣмъ—говоритъ Мюллеръ—въ глазахъ набожнаго муслима всѣ эти занятія, за исключеніемъ развѣ грубѣйшей эмпирики въ медицинѣ да астрологіи, почитались нисколько не менѣе предосудительными, чѣмъ у теологовъ новѣйшей формаціи дарвинизмъ и механическая теорія естествознанія». И здѣсь-то историкъ долженъ съ признательностью вспомнить услуги, которыя были оказаны культурѣ, въ лучшую пору ислама, даже арабскими деспотами. Какой-нибудь халифъ Мамунъ, «не уступавшій наихудшимъ въ своей семьѣ въ коварствѣ и жестокости, зачастую, ради удовлетворенія самолюбія или даже мимолетнаго каприза», былъ меценатомъ, какихъ не найдешь въ Европѣ даже въ эпоху Воз-

рожденія. Самъ персъ по матери, онъ, помимо общаго покровительства наукамъ и искусствамъ, именно возставалъ противъ фанатизма правовѣрія. Онъ не допускалъ гоненій на еретиковъ и выдвигалъ занятія точными науками, въ особенности-же Аристотелемъ, изъ котораго мутазилиты «извлекали наиболѣе острое оружіе въ спорахъ съ неумудренными въ діалектическомъ искусствѣ ортодоксами». Правда, «прошло не менѣе столѣтія, пока жители Востока успѣли осилить логику и перейти къ метафизикѣ великаго мыслителя; но и самой логики было достаточно, чтобы дать мутазилитамъ несомнѣнный научный перевѣсъ надъ ушедшими съ головой въ собираніе и поверхностную систематизацію преданій ортодоксами; а правительству, между тѣмъ, представлялась возможность признать раціонализмъ за настоящую, законную форму исламскаго вѣроученія. Въ 827 г. появилось знаменитое распоряженіе, предписывавшее признать ученіе о сотворенности корана, какъ единственно правильное и обязательное для всѣхъ. Иными словами, мутазилитское направленіе выдвинуто было, какъ исключительно правильное, на высоту государственной религіи, а ортодоксальное признано было за еретическое и исповѣдованіе его воспрещалось».

Такъ, исламская культура дошла до міроваго значенія, увѣнчавшись, на своемъ закатѣ, именемъ того царя науки, который стоитъ на уровнѣ Аристотеля и Бекона. Около 1200 г. умеръ тотъ Аверроесъ, который игралъ въ теченіе 4-хъ столѣтій роль учителя Европы, а въ средніе вѣка былъ властителемъ душъ, съ которымъ тщетно боролась вся могущественная церковная іерархія. Этотъ великій истолкователь Аристотеля говорилъ, что «лучшая религія—философія, которая состоитъ въ изученіи всего. что́ есть» (фраза, выпущенная въ латинскихъ переводахъ),—что «воздаяніе на небесахъ и добродѣтель—сказки, ибо встрѣчаются вполнѣ нравственные люди, которые отвергаютъ ихъ»,—что женщина равна мужчинѣ по дарованіямъ, и «только рабство. въ которомъ мы ее держимъ, не позволяетъ оцѣнить всѣ ея силы».

Въ настоящее время наука оцѣнила и жизненное практическое значеніе исламской культуры путемъ сравненія Востока и Европы, при ихъ столкновеніи въ средніе вѣка. Передъ нами только-что вышедшая на русскомъ языкѣ книга новѣйшаго знатока крестовыхъ походовъ, весьма осторожнаго и безпристрастнаго историка, Куглера *). Авторъ мрачными красками рисуетъ европейцевъ того времени—этотъ «духъ аскетизма», эту «близорукую глупость» и невѣжество, а также пресловутую «нравственную распущенность франковъ», которымъ «словно уже не предстояло рѣшать никакой великой жизненной задачи». Онъ не щадитъ ни Рима, ни Византіи. Тамъ «многообразный раздоръ, который вооружалъ

*) Куглеръ. Исторія крестовыхъ походовъ. Спб. 1895.

другъ противъ друга папскую и императорскую власть, а также государей и народы франкскаго міра»; здѣсь—«частыя дворцовыя революціи и мятежи недовольныхъ магнатовъ, жалкое гаремное хозяйничанье, правительственная скупость, неудовлетворявшая военныхъ нуждъ, ошибочная и постыдная политика на самыхъ уязвимыхъ границахъ». Замѣтимъ, что столь-же неприглядно рисуетъ Мюллеръ Византію VII—XI вв. Это не мѣшаетъ имѣть въ виду новѣйшимъ византинистамъ, западнымъ и нашимъ, которые пытаются обѣлить излюбленный ими предметъ изученія.

Немудрено, что, по мнѣнію Куглера, «можно сказать мало хорошаго» про вліяніе крестоносцевъ на Востокъ: тамъ съ тѣхъ поръ «уже не явилось дальнѣйшаго успѣха». Крестоносцы только способствовали полудикимъ племенамъ (монголамъ, мамелюкамъ, сельджукамъ, османамъ) погубить исламскія государства, которыя показались тогда христіанамъ «въ блескѣ глубокаго знанія и богатыхъ силъ». Но зато эти государства «оказали благотворное, безконечно благотворное дѣйствіе» на европейцевъ. Историкъ одушевляется, рисуя чудеса арабской цивилизаціи того времени. Послѣдняя «далеко превосходила франковъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ большинствѣ отраслей промышленности, въ художественныхъ способностяхъ». Пилигримы «были поражены и восхищены добротой и щедростью, храбростью и честностью магометанскихъ властителей; они пріучались уважать врага, относиться къ нему, какъ къ себѣ подобному. Духъ терпимости проникалъ въ сердца, а вмѣстѣ съ тѣмъ духъ сомнѣнія во всемогуществѣ, какъ и въ непогрѣшности церковнаго ученія». Послѣдняя мысль поясняется въ другомъ мѣстѣ такъ: «Изъ всѣхъ средствъ, которыя церковь употребляла для завершенія своей теократіи, быть можетъ, ни одно, въ концѣ концовъ, не повредило ей такъ чувствительно, какъ злоупотребленіе крестовой проповѣдью, которою она отстранила умы какъ отъ Святого Гроба, такъ и отъ римскаго престола».

Куглеръ, сверхъ того, примѣняетъ къ крестовымъ походамъ старое названіе «поучительныхъ прогулокъ»... *)

XII.

Исламская реакція.

По шаблону учебныхъ преданій, намъ представляется, что если исламская культура и была блестяща, зато мимолетна, словно пустоцвѣтъ: поцвѣла да вдругъ и увяла безслѣдно ни съ того, ни съ сего. На дѣлѣ оказывается, что и здѣсь жизнь ислама протекала согласно съ общими

*) Напомнимъ, что въ недавно вышедшемъ новомъ изданіемъ извѣстномъ трудѣ *Дрепера* арабская цивилизація очерчена еще болѣе тепло и ярко: это — лучшія страницы „Умственнаго развитія Европы“.

соціологическими законами: она представляетъ лишь мѣстныя особенности, которыя теперь наука и пытается объяснить условіями среды.

Начать съ того, что процвѣтаніе исламской культуры поражаетъ, по сравненію съ подобными эпохами у другихъ народовъ, своею *продолжительностью*, а не мимолетностью: почти 4 вѣка—время весьма почтенное для процвѣтанія всякаго историческаго типа, если даже не брать въ расчетъ ни дальнѣйшихъ слѣдовъ исламской культуры, ни исключительныхъ препятствій, мѣшавшихъ ея росту. Затѣмъ, погубившая ее *реакція* такъ-же весьма напоминаетъ подобныя явленія въ другихъ мѣстахъ, и именно въ Европѣ. Въ этомъ смыслѣ ея ходъ имѣетъ всеобщую поучительность.

Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, теперь ясно самое важное—зарожденіе реакціи. Оно подготовлялось уже въ концѣ VIII в., когда начали преслѣдовать зендиковъ и даже учредили должность ихъ «палача», т. е. инквизитора. Но настоящее зарожденіе реакціи происходило при томъ самомъ «зендикѣ на престолѣ», какъ называли Мамуна, о которомъ говорилось выше.

«Признаніе—говоритъ Мюллеръ—еретическимъ ученія ортодоксовъ, понимавшихъ притомъ хорошо, что они вполнѣ солидарны съ основателемъ ислама, возбуждало въ душѣ правовѣрныхъ сильнѣйшее негодованіе и возмущало, вмѣстѣ съ ними, большинство жителей Багдада. И дѣйствительно—каждое раціональное ученіе требуетъ, разумѣется, отъ своего послѣдователя самостоятельнаго образа мышленія. Между тѣмъ, правовѣріе не придаетъ вообще большого значенія разуму, а по сему самому оно много симпатичнѣе простой толпѣ, ибо она не въ силахъ слишкомъ часто прибѣгать къ помощи разума. Но такъ какъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенно предводительствуютъ теологи, которые, въ качествѣ теологовъ, не могутъ никоимъ образомъ признать хотя-бы относительной правоты противоположнаго направленія, то религіозный споръ легко переходитъ въ борьбу различныхъ классовъ населенія, а это само собой порождаетъ серьезный политическій раздоръ. Здѣсь скорѣе всего должно было это произойти: именно въ тогдашнемъ Багдадѣ *націонализмъ* персидскаго пошиба слишкомъ явно совпалъ съ вносимымъ окружавшими Мамуна персами образованіемъ и науками. Не трудно было ортодоксамъ ославить своихъ противниковъ въ широкихъ слояхъ народонаселенія, по большей части состоявшаго изъ людей съ чисто арабскимъ складомъ ума, и осмѣять вольнодумное персидское направленіе. Такимъ образомъ вся правительственная дѣятельность Мамуна, его столь похвальный и удавшійся-было замыселъ—при помощи усиленнаго поощренія научной дѣятельности—дать новый толчокъ государственному развитію, разбивается неожиданно о дальнѣйшее обостреніе непріязненности между арабами и

персами. Нерасположеніе это отнынѣ все глубже разъединяетъ обѣ національности и пріуготовляетъ послѣдующую гибель халифата».

Итакъ, невѣжественная толпа, съ ея національною нетерпимостью,— вотъ обычное орудіе реакціи, которою руководятъ правовѣрные теологи. Будучи не въ силахъ одолѣть науку и разумъ путемъ убѣжденія, эти вожди всюду стараются заручиться содѣйствіемъ власти, этимъ вторымъ матеріальнымъ условіемъ успѣха. Въ данномъ случаѣ, имъ тѣмъ легче было добиться своего, что багдадскій халифатъ уже подпадалъ вліянію полудикарей тюркскаго племени. Положимъ, онъ самъ былъ виноватъ въ этомъ. Между тѣмъ, какъ наверху развивалась роскошь «Тысячи и одной ночи», толпа погрязала въ нищетѣ и невѣжествѣ, напоминая феодальную Европу; она даже въ Багдадѣ жила впроголодь въ жалкихъ мазанкахъ, а въ провинціи ее еще мучили чиновники да откупщики податей. Отсюда всюду бунты, которыми пользовались вдобавокъ строптивые намѣстники. Властелину правовѣрныхъ, не понимавшему значенія коренныхъ реформъ, пришлось замѣнить своихъ арабовъ и персовъ *чужеземными преторіанцами*, которые и появились уже при Мамунѣ. Но вскорѣ халифы почувствовали на себѣ цѣпи этихъ наемныхъ кровопійцъ—и они рѣшились отдѣлаться отъ нихъ съ помощью правовѣрной толпы. Уже около 850 г. послѣдовало возстановленіе божественности корана—и начались гоненія на всякихъ «еретиковъ», при чемъ не щадили даже шіитовъ...

А поколѣніе спустя, перебѣжчикъ изъ лагеря мутазилитовъ, Ашарій, создалъ новое богословіе, примѣнивъ логическое искусство философовъ къ суннѣ и корану. Это — совершенная *схоластика*. «Въ первый разъ раціонализмъ былъ задѣтъ въ системѣ Ашарія и побитъ собственнымъ оружіемъ. Никто уже болѣе не смѣлъ обзывать представителей ортодоксіи невѣждами... Можно себѣ представить, какую непреодолимую силу получала отъ воздѣйствія подобнаго направленія, въ соединеніи съ наклонностями массъ, деспотическая власть правительства для борьбы съ вольномыслящими!»

Конечно, схоластика «обозначала начало конца умственнаго и общественнаго прогресса». Правда, «прошли еще вѣка, прежде чѣмъ наступилъ дѣйствительный конецъ для ислама. Персы въ большинствѣ все еще углублялись въ свой шіитскій мистицизмъ; даже на арабской почвѣ возникали тамъ и сямъ герои духа, развернувшіе именно въ борьбѣ съ ортодоксіей полную силу восточнаго мышленія и чувствованія. Но тѣ немногіе философы и поэты, которые рѣшались протестовать противъ оффиціальнаго вѣроученія, стояли особнякомъ и никогда не только не имѣли значительнаго вліянія на духовную жизнь широкихъ слоевъ, но даже въ средѣ образованныхъ почитались мало».

Бѣда въ томъ, что ни откуда не приходило новыхъ оживляющихъ

вліяній; а зло иноплеменнаго преторіанства росло. Обращеніемъ къ худшимъ элементамъ народа халифы только погубили будущность ислама, но не спасли себя. Турки быстро снова овладѣли властью, оставляя имъ одну внѣшность. Уже около 900 г. ихъ начальникъ сталъ «эмиромъ аль-умара» или майордомомъ. Лѣтъ 50 спустя, халифъ совсѣмъ лишился свѣтской власти и сталъ лишь главою церкви, «намѣстникомъ пророка». А подъ вліяніемъ турокъ, подражавшихъ Византіи, расцвѣлъ древній восточный султанатъ. Наверху развивалась сказочная отвратительная роскошь. Грубая солдатчина и порочное чиновничество овладѣли страною, высасывая послѣдніе соки нищавшаго народа. Законы ожесточались: у покоренныхъ отнимали землю-кормилицу; за воровство отсѣкали руку и ногу.

Распалялся фанатизмъ невѣжества и правовѣрія, опираясь на толпу, которая не знала даже арабскаго языка и говорила на грубыхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Стали сѣчь за вино, казнить за сомнѣніе. Мутазилитовъ просто истребляли. Смѣлые споры ученыхъ смѣнились пляской суфій и верченьемъ дервишей. Мечети ломились отъ приношеній, а наука погрязала въ бредняхъ астрологіи, алхиміи и знахарства. Послѣднимъ блескомъ мерцала арабская культура въ Испаніи и Сициліи; но тамъ ее постигъ другой фанатизмъ, распаленный крестовыми походами. Аверроесъ былъ послѣднимъ истиннымъ философомъ. И его, подъ старость, толпа выгнала изъ мечети, а эмиръ сжегъ его книги. Послѣ него философы, подобно послѣднимъ эллинскимъ мудрецамъ въ свое время, частью лицемѣрили, частью работали тайкомъ, пока не перевелись или не выродились въ мистиковъ и каббалистовъ. Въ Египтѣ и теперь «философъ»— бранное слово, все равно, что «фармасунъ». Роль арабовъ перешла къ евреямъ, которые стали переводить ихъ классиковъ и на латинскій языкъ: она сохранялась за ними до конца среднихъ вѣковъ.

Реакція въ исламѣ, какъ видимъ, сродна другимъ. Въ ней есть одно только существенное отличіе, но именно то роковое, которое придаетъ ей ужасающій видъ. Въ Европѣ былъ рядъ реакцій; но онѣ смѣнялись новымъ порывомъ впередъ, какъ ночь смѣняется днемъ, печаль — весельемъ. И чѣмъ позже, тѣмъ онѣ становились благообразнѣе, человѣчнѣе, даже короче. А тамъ—словно непроглядные сумерки все сгущаются въ глубокую ночь; и могильнымъ запустѣніемъ вѣетъ до сихъ поръ отъ громадныхъ поприщъ великихъ подвиговъ арабскаго духа. Отсюда-то и тѣ взгляды, съ которыхъ мы начали нашу статью: за этою безконечною глухою порой ислама легко забыть его, кажущіеся мимолетными, свѣтлые дни.

Замѣчательное явленіе объясняется сравнительно-историческимъ путемъ. Дѣло въ томъ, что въ Европѣ животворное вліяніе арабской цивилизаціи было лишь началомъ идеальной культуры: у французовъ оно и на-

зывается *первымъ* Возрожденіемъ. За нимъ послѣдовало второе или истинное Возрожденіе, когда воскресли классики Эллады и Рима, смѣнившіе ихъ сирійско-арабо-еврейскую переработку. Толчокъ, данный Европѣ исламомъ въ XI—XIII вѣкахъ, продолжалъ свое дѣло и потомъ, не встрѣчая препятствій: крестовые походы потому и считаются великою эпохой въ ея исторіи. Политическія, общественныя, церковныя, экономическія отношенія развивались правильно, по законамъ соціологической эволюціи. Какъ только прекратились крестовые походы, около половины XIII вѣка, стали подыматься снизу обществъ свѣжія силы, въ видѣ великаго средняго сословія; а это движеніе вело къ политическому и церковному освобожденію, разрушая феодализмъ и расширяя умственную культуру, этого непобѣдимаго врага папскаго авторитета. И націи, связанныя племеннымъ, религіознымъ и культурнымъ единствомъ, освобождались отъ оковъ мѣстной исключительности путемъ развитія торговли, промысловъ и просвѣщенія.

Представимъ себѣ, что́-бы сталось съ Европой, если-бы она была раздираема борьбой породъ, племенъ, застарѣлыхъ цивилизацій и географическихъ противоположностей, и если-бы, вмѣсто ряда Возрожденій, на нее повторительно сыпались удары такихъ бичей Божіихъ, какъ Аттила? А именно таково было положеніе ислама. Громадность земель требовала гигантской политической интеграціи; но это только воспитало чудовищный деспотизмъ, формы котораго были даны въ древней Ассиріи, Египтѣ и особенно въ Византіи. Земли все-таки разваливались — и множились мѣстныя династіи, которыя вѣчно боролись другъ съ другомъ. А въ сердцѣ ислама, въ Багдадскомъ халифатѣ, происходили еще болѣе грустныя явленія, вслѣдствіе сосѣдства полудикой восточной Азіи. Здѣсь съ IX в. распоряжались ферганскіе турки, въ XI-мъ—турки сельджукскіе, а за ними ховарезмійцы, въ XIII—монголы, въ XV—турки османскіе.

XIII.

Вопросъ о будущности ислама.

Удивительно, какъ еще исламъ выдержалъ всю эту цѣпь ужасовъ? Какимъ образомъ онъ стоитъ до сихъ поръ твердою скалой, хотя ему уже давно приходится бороться еще съ новымъ и съ самымъ опаснымъ врагомъ—съ окрѣпшею культурой Европы? Какъ онъ удержалъ такую внушительную позицію, о которой мы говорили вначалѣ?

Намъ позволительно окончить этотъ историческій очеркъ вопросомъ о будущности ислама,—вопросомъ, который всюду уже ставится опять въ текущей печати, но рѣшается больше слегка, по рутиннымъ воззрѣніямъ, внушеннымъ самомнѣніемъ и устарѣвшими знаніями.

Будущность въ исторіи принадлежитъ тому, кто способенъ къ высшему культурному развитію и къ неустанному движенію впередъ. Мы видѣли, что исламъ въ свою лучшую пору удовлетворялъ этому требованію, и даже въ изумительной степени. Мы видѣли и роковыя причины застоя въ немъ. Есть-ли основанія думать, что эта безпримѣрная ужасающая реакція не изсушила его въ конецъ и что она—все-таки преходящее явленіе? Вопросъ, конечно, заслуживаетъ особаго изслѣдованія. Мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько такихъ указаній изъ свѣжихъ данныхъ науки, которыя, на нашъ взглядъ, могутъ послужить читателю матеріаломъ для соображеній.

При всѣхъ неимовѣрныхъ и роковыхъ испытаніяхъ, постигшихъ исламъ въ теченіе 12$^1/_2$ вѣковъ, онъ и сейчасъ стоитъ передъ наблюдателемъ величавымъ явленіемъ. Онъ захватываетъ почти $^1/_3$ Стараго Свѣта, упираясь во всѣ его три части и плотно облегая громадные материки Азіи и Африки, гдѣ онъ постоянно подымалъ, даже нравственно, первобытныя племена и самъ освѣжался ихъ кровью. Его исповѣдники кишатъ между всѣми породами человѣчества: ихъ наберется даже въ Европѣ до 15 милліоновъ, а въ Африкѣ — до 50 и въ Азіи — до 125, при чемъ въ одной британской Индіи ихъ до 60 милл. А всѣхъ мудрено и подсчитать: гдѣ статистика негрскихъ племенъ, среди которыхъ Магометъ играетъ еще такую видную роль? Здѣсь и теперь исламъ продолжаетъ распространяться успѣшнѣе другихъ религій. А тамъ, гдѣ онъ засѣлъ давно, корни его крѣпки. Самъ о. Боголюбскій называетъ его «живучимъ религіознымъ ученіемъ» и такъ свидѣтельствуетъ объ его могуществѣ: «Исламъ держится между мусульманами очень крѣпко и продолжаетъ заявлять себя въ ихъ жизни, какъ могучая и, повидимому, непреодолимая сила. Многіе изъ нынѣшнихъ исповѣдниковъ ислама находятся въ подчиненіи у христіанскихъ народовъ, живутъ и вращаются среди чуждаго имъ міра—міра притомъ-же сильнаго своимъ сколько матеріальнымъ, столько-же и духовнымъ оружіемъ,—тѣмъ не менѣе не только не поддаются его вліяніямъ, но еще и сами ведутъ постоянную и не всегда безуспѣшную пропаганду своей вѣры». Исламу очевидно и теперь помогаетъ та замѣчательная гибкость, покладистость натуры, которая сдѣлала его вмѣстилищемъ всякихъ вѣрованій, отъ фетишизма до христіанства, и позволяетъ ему прилаживаться къ любой средѣ.

Исламъ все еще поражаетъ европейцевъ, у которыхъ періодъ религіозныхъ войнъ прекратился 2$^1/_2$ вѣка тому назадъ, юношескою приверженностью своихъ исповѣдниковъ. Мюллеръ говоритъ: «Завѣты пророка строго соблюдаются всѣми набожными правовѣрными, а на Востокѣ ихъ большинство... Той неумолимой серьезности, граничащей почти съ жестокостью, съ какою мусульманинъ глядитъ на свои религіозныя обязанности, едва-ли во всемъ мірѣ можно подыскать что-либо равное».

Оттого-то даже погрязающіе въ застоѣ османліи проявляютъ способность къ замѣчательнымъ порывамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ они уничтожили, въ началѣ XVI в., тѣнь аббасидовъ даже въ Египтѣ, и султанъ въ Константинополѣ облекся въ знаки халифата, какъ стражъ Мекки и Медины, это жалкое орудіе героевъ гарема и новыхъ преторіанцевъ стало грознымъ для всего міра. Зеленое знамя пророка, этотъ страшный символъ «джихада», не разъ заставляло задумываться христіанъ: 200 лѣтъ тому назадъ оно привело правовѣрныхъ къ стѣнамъ Вѣны; всего поколѣніе тому назадъ оно чуть не погубило господства англичанъ въ Индіи: на нашей памяти оно истомило величайшую державу Европы...

Опасность съ этой стороны врядъ-ли миновала еще потому, что Европа, разставшись съ тѣмъ орудіемъ сплоченія, которымъ служитъ общность вѣрованій, еще не доросла до полнаго единства культурныхъ интересовъ. Въ ней еще не исчезла державная рознь. Кто не знаетъ главнаго условія, поддерживавшаго такіе успѣхи мусульманъ, какъ подъ Плевной? Кому не понятны также дипломатическіе ходы въ Африкѣ, придающіе значеніе новому ничтожному махдію? Не вчера-ли только мы переживали тревогу, слѣдя за телеграмами о томъ, какъ слагались двѣ враждебныя коалиціи на дальнемъ Востокѣ, и какъ Японія и Китай, еще облитые дымящеюся кровью соперничества, готовились вступить между собой въ оборонительный союзъ противъ назойливой Европы? Иному и теперь кажется, будто въ нынѣшней японо-китайской войнѣ лежатъ сѣмена величайшихъ міровыхъ переворотовъ. Отчего-бы опять не подняться, какъ встарину, Востоку, этой громадѣ земель и племенъ, этой пресловутой «народоплодильнѣ» (officina gentium)? И что будетъ, если во главѣ этого величаваго движенія станутъ, наряду съ исламомъ, 650 милліоновъ исповѣдниковъ буддизма и браманизма, этихъ столь-же заклятыхъ враговъ Англіи, какъ японцы отнынѣ—враги Россіи? У азіатовъ-же не будетъ недостатка въ истребительной сторонѣ европейской культуры: это доказали та-же Плевна и послѣдніе военные подвиги японцевъ на сушѣ и на морѣ.

Конечно, будущность человѣчества рѣшается не этими отрицательными сторонами, которыя сами предназначены къ истребленію. Она за тѣми народами, которые богаты положительнымъ содержаніемъ. Съ этой стороны, европейская культура, и матеріальная, и въ особенности идеальная, безспорно находятся hors concours. И уже въ силу этого, она должна думать не объ «истребленіи» своего, обойденнаго судьбой, младшаго брата, а объ его поднятіи до своего уровня. Если-бы даже она забыла свое христіанское происхожденіе, къ этому должно побуждать ее уже чувство простой признательности: у ученицы ислама, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, долгъ долженъ быть платежомъ красенъ. Да при такой постановкѣ дѣла намъ спалось-бы спокойнѣе, чѣмъ при изобрѣтеніи но-

выхъ вооруженій и козней дипломатіи: единство культурныхъ интересовъ—единственный залогъ дѣйствительнаго международнаго мира; только при немъ просто невыгодно вредить другъ дружкѣ.

Но тутъ возникаетъ послѣдній вопросъ изъ тѣхъ, которые мы имѣли въ виду на этотъ разъ. Мало доказать, что исламъ *былъ* способенъ къ человѣческому развитію. Спрашивается, способенъ-ли онъ и *теперь* къ прогрессу, въ европейскомъ смыслѣ этого слова? Можетъ-ли онъ избавиться отъ «арабскихъ предразсудковъ», выражаясь словами Мюллера? И, стало быть, стоитъ-ли тратить силы нашей цивилизаціи на гальванизацію трупа? Конечно, Востокъ самъ позаботится о себѣ и не станетъ зѣвать, если онъ не трупъ, а человѣкъ живой, но долго дремавшій послѣ тяжкихъ испытаній. Кажется, Японія уже достаточно отвѣтила за него. Но, скажутъ, это—не исламъ. Что-же представляетъ изъ себя сейчасъ наслѣдіе Магомета?

Исламъ остается одною изъ немногихъ міровыхъ религій: Магометъ—пророкъ не арабовъ, а всего человѣчества; среди правовѣрныхъ царитъ равенство, не взирая на различіе породъ. И это значеніе ислама обусловливается не одною его способностью воспринимать языческія наслоенія: въ немъ представлены высшіе интересы человѣчества. Если въ исламѣ отбросить позднѣйшія искаженія, свойственныя всѣмъ религіямъ. и вознестись къ его источнику, то онъ приблизится къ богатому развитію, близкому къ европеизму. Магометъ считалъ себя возстановителемъ чистоты Авраамовой вѣры, испорченной фарисеями и монахами: онъ признавалъ только Тору (Пятикнижіе Моисея), Псалтырь и Евангеліе. Если онъ отвергалъ божественность пророковъ и стоялъ за предопредѣленіе, то это недалеко отъ аріанства, иконоборства, августинизма и кальвинства. Зато у него, и особенно—у позднѣйшаго ислама, находимъ много даже обрядоваго и догматическаго сходства съ католичествомъ, начиная съ Страшнаго Суда, воскресенія мертвыхъ, святыхъ, кончая монашествомъ, паломничествомъ, постами и четками. Богословіе ислама сложилось подъ вліяніемъ Аристотеля; а законодательство—подъ вліяніемъ римскаго права въ византійской переработкѣ. Было у него и свое протестантство, наряду съ выше указанными сектами, которыя не только напоминаютъ христіанскія ереси, но отчасти порождены ими.

Лютеромъ ислама считается Вагабъ, который началъ, въ половинѣ прошлаго вѣка, въ Іеменѣ, возстановлять первобытную чистоту ислама. *Вагабиты* признаютъ одинъ коранъ, но лишь какъ разумную книгу, связанную съ лучшими временами ислама. Они ненавидятъ всѣ его позднѣйшія искаженія, а также роскошь и развращенность: у нихъ господствуетъ простота нравовъ временъ Омара, основанная на равенствѣ и пуританскомъ самовоздержаніи (даже не курятъ табаку). Это—какъ-бы родственная община, члены которой называютъ себя «братьями». Какъ

настоящіе раціоналисты, вагабиты отвергаютъ божественность Магомета, а также обрядность со всѣми ея принадлежностями: они истребляютъ молельни и мавзолеи, четки и ладонки; въ 1803 г. они уничтожили черный камень каабы. Подавленный Мегметомъ Али египетскимъ вагабизмъ не умеръ: онъ таится въ восточной Аравіи, какъ незначительная «ересь».

Вагабизмъ доказалъ неисчерпаемость умственной чуткости въ мірѣ ислама: вначалѣ онъ быстро овладѣлъ всею Аравіей, Египтомъ и значительною частью турецкой Азіи. И у него есть союзники по направленію. Его сущность, можно сказать, возродилась въ слѣдующемъ поколѣніи, и въ формѣ болѣе крупной. Это—персидскій *бабизмъ*. Въ 1835—1849 гг. исламъ былъ взволнованъ проповѣдью одного суфія, аскета и мистика изъ Шираза, по имени мирза Бабъ или Дверь Истины *). Масса учениковъ боготворила краснорѣчиваго, самоотверженнаго философа, который и самъ считалъ себя «полюсомъ», вокругъ котораго вращается вселенная: они называли его «высокимъ величествомъ». Въ метафизикѣ Баба не было ничего новаго. Бабъ только совсѣмъ отдѣлялся отъ офиціальной религіи: онъ отвергалъ всякіе обряды, не ходилъ въ мечеть, пилъ вино, ѣлъ свинину. Его сила заключалась въ требованіи политической и общественной реформы: онъ отвергалъ шаріатъ, требовалъ свободы и уравненія правъ сословій. Болѣе всего выдвинутъ у него женскій вопросъ: его главнымъ апостоломъ была ученая аристократка, которую называли Золотымъ Вѣнцомъ и Свѣтомъ Очей. Бабъ снималъ покрывало съ женщины и проповѣдовалъ ея равенство съ мужчиной. Онъ даже внушалъ: «любите дочерей своихъ, ибо онѣ гораздо болѣе сыновей возвеличены предъ Богомъ и любезны ему». У бабидовъ не только былъ ограниченъ произволъ мужей относительно развода, но полагалось, что, напротивъ, женщина вправѣ давать разводную своему мужу и, по желанію, брать другого мужа, даже нѣсколько мужей заразъ. Такъ, и это новѣйшее теченіе въ исламской мысли было, по признанію Казембека, близко къ духу христіанства.

Бабъ былъ сначала заточенъ, потомъ разстрѣлянъ (1849). Но во многихъ мѣстахъ вспыхнули возстанія его «мюридовъ» (учениковъ), которые составляли много тайныхъ обществъ и жили въ подземельяхъ, въ самомъ Тегеранѣ; въ 1852 г. былъ раненъ самъ шахъ. Бабиды и теперь встрѣчаются въ разныхъ слояхъ мусульманъ и образуютъ много тайныхъ обществъ, особенно въ Хорасанѣ и вокругъ Багдада. Они проникли также въ наше Закавказье и Туркестанъ. Бабиды попрежнему ненавидятъ существующій порядокъ, въ особенности деспотизмъ прави-

*) Бабизмъ объясненъ преимущественно русскою наукой. См. каталоги арабскихъ и персидскихъ рукописей Розена и Казембека: Bab et les Babistes (Paris, 1857).

тельства и духовенства. Къ нимъ примыкаетъ много развѣтвленій: Бабъ, можно сказать,—имя, которымъ прикрывается все растущая потребность ислама въ коренныхъ религіозныхъ и общественныхъ преобразованіяхъ.

Это глубокое умственное движеніе, слѣдующее общимъ соціологическимъ законамъ, особенно видное въ такой странѣ, какъ Персія, съ ея даровитымъ населеніемъ и старинною культурой, овладѣваетъ теперь понемногу всѣмъ Востокомъ, не исключая Китая. Въ самомъ-же исламѣ множатся ордена дервишей: недавно появился новый, въ сѣверной Африкѣ—для изгнанія европейцевъ. И процвѣтаютъ монастыри этой нищенствующей братіи, независимые отъ церкви, одаренные богатыми вакуфами (пожертвованныя земли и деньги), имѣющіе широкія развѣтвленія среди всѣхъ слоевъ общества, благодаря своимъ членамъ, живущимъ въ мірѣ, какъ извѣстный отдѣлъ іезуитовъ. Дервиши странствуютъ по всему свѣту и нерѣдко бываютъ политическими и соціальными агитаторами: ихъ рука видна въ повторяющихся волненіяхъ софтъ въ Константинополѣ, о которыхъ недавно снова напоминалъ намъ телеграфъ. Здѣсь жива старая умственная закваска въ исламѣ, эта высшая ступень суфизма, которая прямо вліяла и на бабизмъ. Еще не вымерли и хараджиты, и мутазилиты.

Немудрено, что «арабскіе предразсудки» слабѣютъ. Исламское общество подвергается, хотя и медленно, общимъ законамъ движенія.

Въ его высшихъ слояхъ идетъ глухое броженіе силъ, сорвавшихся съ своихъ старинныхъ основъ,—а въ развитіи обществъ большинство, масса—нуль, который получаетъ значеніе лишь при единицѣ. «Въ новѣйшія времена, говоритъ Мюллеръ, когда сила вѣры въ исламѣ начинаетъ ослабѣвать, значительно большая половина всѣхъ мусульманъ пользуется разными отговорками, чтобы не исполнять тяжелыхъ обрядовъ». И во время Рамадана «люди свѣтскаго направленія продолжаютъ преспокойно грѣшить тайкомъ». Теперь въ Меккѣ не бываетъ и 70.000 паломниковъ. Правовѣрные вообще начинаютъ жить, какъ свѣтскіе люди: «вліяніе ѳеократіи все падаетъ», по словамъ самого Ренана. Развитой мусульманинъ равнодушно смотритъ на обрѣзаніе, которое даже не заповѣдано кораномъ, а вытекло изъ подражанія евреямъ. Онъ сознаетъ вредъ и несправедливость многоженства. Онъ преспокойно пьетъ вино, не опасаясь плетей, и заказываетъ свои фотографіи: вѣдь портреты и статуи встрѣчались и у старинныхъ халифовъ временъ процвѣтанія арабской культуры! А у суфіевъ видимъ постоянные танцы и музыку, какъ принадлежность ихъ богослуженія.

А навстрѣчу идетъ непреодолимое вліяніе европейской культуры. Она не только стоитъ непоколебимо и все растетъ въ Европѣ и въ Новомъ Свѣтѣ: она со всѣхъ концовъ охватываетъ мусульманскій міръ. Не говоря уже про такія его твердыни, какъ Египетъ и Индія, ея вліяніе, по замѣ-

чанію путешественниковъ, охватываетъ и сѣверъ Африки, и Переднюю Азію. Исламская интеллигенція, воспитывающаяся въ европейскихъ школахъ, уже иначе смотритъ на женщину, на науку и искусство, чѣмъ петербургскій ахунъ. Сама женщина ислама, въ его высшихъ слояхъ, рвется къ образованію, которое поможетъ ей истребить полигамію. И нужно думать, что стремленія Митхадовъ, Фуадовъ и имъ подобныхъ пашей, напоминающія знаменитаго Мехмета-Али египетскаго, не всегда будетъ постигать участь султанской конституціи 1877 года...

А. Трачевскій.

Изъ пережитаго.

I.

Свѣтлый ангелъ, не мрачи
Горизонта жизни нашей;
Будемъ то, что̀ намъ дано,
Пить до дна полнѣйшей чашей.
Если я тебя подъ часъ
Прогнѣвлю, смущу, разстрою —
Ну, сорви тогда на мнѣ
Все, что́ въ этотъ мигъ тобою
Овладѣетъ,—пронесись
Жгучей молньей въ гнѣвѣ бурномъ,
Чтобы скоро засвѣтить
Солнцемъ на̀ небѣ лазурномъ.
Но не мучь, не истязай
Недовольства долгой пыткой;
Не давай тянуться днямъ
Отвратительной улиткой.
Лучше гро́зы на года̀,
Чѣмъ затишье на мгновенья:
Тамъ—чудесно бьется жизнь,
Здѣсь—недвижность омертвенья!..

II.

Пріютъ мой дорогой, божественный пріютъ,
Гдѣ я хоть изрѣдка, на нѣсколько минутъ,
Склоняясь набожно предъ милою моею,
Или въ восторженномъ порывѣ опьянѣвъ,
Не мучусь, не стремлюсь, не плачу, не жалѣю;
Гдѣ лгать не надо мнѣ; гдѣ умолкаетъ гнѣвъ
Постыдной ревности; гдѣ сердцемъ благодарнымъ
Я высшей благости могу молиться вновь;
Гдѣ надо всѣмъ царитъ незримымъ, лучезарнымъ
Чудеснымъ геніемъ великая любовь!

Петръ Вейнбергъ.

Швеція, 1895.

На родинѣ Христа.

Изъ путеваго альбома русскаго туриста.

„Путешественникъ, посѣщающій какую-либо страну, долженъ проникнуться ея обычаями; вотъ почему христіане должны странствовать по Св. Землѣ съ Евангеліемъ въ рукахъ".

Шатобріанъ.

I.

Назаретъ—это прелестный уголокъ сѣвера Палестины. Недаромъ съ древнѣйшихъ временъ «Енъ-Насыра» былъ названъ «цвѣткомъ Галилеи». Затерянный на окраинѣ порабощеннаго Израильскаго царства, въ сторонѣ отъ большихъ римскихъ дорогъ, переѣзжавшихъ завоеванную провинцію въ цѣляхъ стратегіи или торговли, этотъ цвѣтущій галилейскій поселокъ все также дышетъ безмятежной простотой, рѣзко отличаясь отъ городовъ и мѣстечекъ Іудеи и Самаріи. Если тамъ библейскій колоритъ постепенно стушевывается, съ одной стороны, ассимилируясь съ мусульманствомъ, съ другой, уступая давленію современной европейской культуры,—то здѣсь, въ Назаретѣ, вліяніе двухъ этихъ факторовъ почти нечувствительно. Правда, на самой вершинѣ известковаго гребня высятся прекрасныя зданія англійскаго сиротскаго пріюта, а греческіе и католическіе храмы придаютъ «Енъ-Насыра» какъ будто видъ городка, но отойдите на нѣсколько шаговъ отъ этихъ европейскихъ построекъ, оглянитесь вокругъ и передъ вами развернутся картины, полныя деревенскаго колорита, какой-то патріархальной простоты, которыми запечатлѣно дѣтство и отрочество Христа, первыя тридцать лѣтъ его безвѣстной жизни въ далекой Галилеѣ, въ этомъ центрѣ тогдашняго міра. Какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, такъ и донынѣ торговля, политика, кипучая

полная наслажденій и мелкаго антагонизма жизнь Востока обошли «городокъ Св. Дѣвы», сосредоточившись въ Іерусалимѣ, Наблузѣ и Кайфѣ. Даже отдаленная Тиверіада, прозябающая среди развалинъ нѣкогда богатѣйшихъ промышленныхъ городовъ, сосредоточенныхъ на берегу Генисаретскаго озера, производитъ большее впечатлѣніе на европейца своей торгово-промышленной физіономіей, чѣмъ Назаретъ, значительнѣйшій изъ городовъ Акрскаго пошалыка. Здѣсь, вмѣсто особенностей различныхъ историческихъ культуръ, прежде всего бросается въ глаза красота природы. По живописному крутому скату высокихъ холмовъ амфитеатромъ сползаютъ бѣлые деревенскіе домики, ютясь во впадинахъ горнаго хребта, драпируясь зеленью задумчивыхъ кипарисовъ. Чистенькія, жизнерадостныя глядятъ эти глиняныя мазанки съ обрывистыхъ скатовъ на растилающуюся у ихъ ногъ цвѣтущую безпредѣльную равнину Ездрелона. За колючимъ поясомъ исполинскихъ кактусовыхъ оградъ зеленѣютъ фиговыя деревья, золотятся лимоны. Багряный гранатникъ, отягченный плодами, чередуется съ блѣдною зеленью виноградниковъ. По уступамъ восточнаго склона сползаютъ черепичныя кровли, выдѣляя единственную главную улицу Назарета. Улица эта—старинный оврагъ, накатанный ѣздой и съ незапамятныхъ временъ служившій стокомъ весеннихъ водъ съ закругленной вершины Джебель-Эсъ-Сиха въ равнину, которая отсюда разстилается зеленымъ ковромъ до самаго Малаго Ермона. Тамъ, на этомъ зеленѣющемъ днѣ исполинской чаши, пестрѣютъ золотистые обрывки нивъ, поля маиса и дурры, зрѣютъ въ тиши миндаль и шелковица. Маргаритки и макъ, библейскія лиліи и анемоны одѣваютъ весной закругленные скаты подковообразнаго горнаго кряжа, гдѣ любитъ ютиться голубая сизоворонка и вьетъ свои гнѣзда воркующая горлица. Миріады бѣлыхъ голубей носятся въ прозрачной синевѣ чистаго воздуха, безмятежно купаясь въ лучахъ солнца. Когда-же огненный дискъ погаснетъ, скрываясь въ морской глубинѣ и мягкій волнистый туманъ задрапируетъ одинокій холмъ Энъ-Насыры розовымъ флеромъ,—тогда тихій городокъ затерянный на высотѣ, въ сторонѣ отъ празднаго людского торжища, будитъ еще сильнѣе воспоминанія евангельскихъ дней, дней мира и скромныхъ радостей въ жизни Христа и Его Матери...

II.

Ночной сумракъ упалъ ужъ на землю, когда караванъ нашъ, поднявшись по скатамъ холма Джебель-Эсъ-Сиха, достигъ главной Назаретской улицы. Въ серебристомъ сіяніи мѣсяца обступили насъ тѣсной толпой высокіе бѣлые домики съ оригинальными окнами по фасаду. Ихъ широкая амбразура раздѣлена тонкой каменной колонкой и производитъ впечатлѣніе двухъ, плотно сдвинутыхъ вмѣстѣ, узкихъ окошекъ. Шум-

ная толпа ребятишекъ привѣтствовала нашъ караванъ радостнымъ кликомъ. Темныя фигуры женщинъ, закутанныхъ въ непроницаемыя чадры, появлялись на порогахъ дверей, оглядывая насъ съ ногъ до головы и торопливо дѣлясь впечатлѣніями. Драгоманъ Якубъ, всегда выступающій впереди въ мѣстахъ, гарантирующихъ ему полную безопасность, снявъ шляпу, съ напыщенной торжественностью, поздравляетъ насъ съ «благополучнымъ» прибытіемъ въ столицу Галилеи. Но я убѣжденъ, что его радуетъ болѣе всего перспектива скораго полученія выговоренной по условію платы, въ размѣрѣ двухсотъ франковъ за каждую треть нашей сѣверной экскурсіи. Обладая необыкновеннымъ талантомъ избѣгать расходовъ, откладывая продовольственныя деньги почти цѣликомъ, а кліентовъ своихъ помѣщая у радушныхъ туземцевъ,—«mister Jacub», несомнѣнно имѣвшій уже свои комбинаціи, вдругъ подъѣхалъ ко мнѣ спрашивая, гдѣ мнѣ угодно остановиться? Хотя я и былъ снабженъ рекомендательнымъ письмомъ къ назаретскому митрополиту—о. Нифонту, но мнѣ не хотѣлось безпокоить его въ такое позднее время. Приходилось остановиться въ русскомъ пріютѣ. Якубъ пробовалъ увѣрять меня, что такая остановка, во-первыхъ, обидитъ о. Нифонта, а во-вторыхъ, Русскій домъ находится очень далеко, на противуположной окраинѣ города.—Однако я настоялъ, и караванъ нашъ потянулся дѣствительно черезъ Назаретъ по узкимъ переулкамъ, провожаемый ожесточеннымъ лаемъ собакъ. Съ добрыхъ три четверти часа плутали мы по уснувшему городку, пока, наконецъ, добрались до каменнаго дома почти на выселкахъ города. Правовѣрный жандармъ, сопровождавшій насъ отъ Дженины, принялся стучать въ ворота. Прошло съ четверть часа, пока звякнулъ засовъ, и въ щель едва пріотворенныхъ воротъ показалась растрепаная голова какого-то субъекта. Я спросилъ г-на К., завѣдывавшаго пріютомъ и русской школой, но онъ оказался въ отпуску, въ Бейрутѣ, хотя меня и снабдили къ нему письмомъ іерусалимскіе агенты Палестинскаго общества. Недоумѣвая, что предпринять, я спросилъ, кто же его замѣщаетъ? Мнѣ назвали фамилію учителя, которому я и попросилъ передать письмо вмѣсто г-на К., и грязный привратникъ скрылся. Прошло еще минутъ 20, пока та-же фигура, крайне подозрительной внѣшности, чистоплотности и трезвости, вернулась обратно, возвративъ, къ полному моему недоумѣнію, привезенное письмо нераспечатаннымъ. Я не могъ добиться никакихъ объясненій. Якубъ толковалъ о какихъ-то ремонтныхъ работахъ, перестройкѣ, неимѣніи ключей отъ странно-пріимницы и т. п., но во всемъ этомъ не чувствовалось правды. Оставалось предположить только одно, что замѣстителю г-на К. по—просту не далась русская грамота.

— Ну что!—торжествовалъ Якубъ,—не говорилъ-ли я вамъ, что надо прямо ѣхать къ греческому митрополиту? Даромъ только потеряно время!

Нечего было дѣлать—и мы тронулись въ обратный путь, удрученные, разочарованные въ русскомъ гостепріимствѣ на далекой чужеземной окраинѣ. Пришлось опять пробираться черезъ весь городъ, поднимаясь по извилистымъ уклонамъ къ вершинѣ Назаретскаго холма, такъ какъ греческій монастырь занимаетъ одинъ изъ его уступовъ.

Назаретская епархія довольно обширна. Она простирается къ западу до большого потока, протекающаго между Назаретомъ и Птолемандою, и на востокъ до половины горы Ѳавора, образуя, такимъ образомъ, подобіе треугольника. Изъ семи тысячъ жителей Назарета большинство православныхъ арабовъ. Затѣмъ идутъ католики, уніаты, марониты и только одна треть состоитъ изъ мусульманъ, ютящихся въ центрѣ города, вокругъ своего одинокаго минарета. Желтый квадратъ монастырскихъ зданій привѣтствовалъ насъ еще издалека и мы, подъѣхавъ къ воротамъ, не безъ удовольствія спѣшились. Стѣсняясь позднимъ часомъ нашего пріѣзда, я просилъ не безпокоить о. Нифонта и предоставить намъ для ночлега хотя-бы каменную веранду. Но, къ удивленію моему, встрѣтившій насъ хлопотливый служка, объявилъ мнѣ, что для «пріятныхъ гостей» давно приготовлены комнаты, и самъ митрополитъ ожидаетъ насъ съ ужиномъ. Мы поспѣшили умыться и перемѣнить дорожные костюмы и вслѣдъ за служкой поднялись по каменной лѣстницѣ на широкую веранду. Эта часть монастырскихъ зданій напомнила мнѣ привлекательный уголокъ монастыря св. Лазаря (близъ Виѳаніи) по дорогѣ въ Іерихонъ, къ Іордану. Такія-же аркады плохо стесанныхъ камней, тотъ-же парапетъ и лѣстница, оплетенная пушистой листвой винограда. Сѣрый курай проросъ мѣстами по плитамъ двора; такъ-же, какъ и тамъ, свободно разрослись кипарисы и тамариски, чередуясь съ кустами цвѣтущихъ магнолій. Пока мой коллега-археологъ пытается снять съ отекшихъ ногъ русскіе сапоги и замѣнить ихъ ботинками, я схожу внизъ, направляясь къ ярко освѣщеннымъ окнамъ. Якубъ ужъ распоряжается во дворѣ, какъ у себя дома, покрикивая на погонщика Константина, охотно предоставляя услужливымъ инокамъ перетаскивать наши вещи. Митрополитъ встрѣтилъ насъ совершенно по-родственному, сообщивъ, что онъ давно уже имѣетъ всѣ свѣдѣнія о нашемъ караванѣ.

Пріемная настоятеля Назаретской обители представляетъ изъ себя большую, высокую комнату съ чисто-выбѣленными стѣнами, вдоль которыхъ расположены мягкіе, пестрые турецкіе диваны съ широкими полосатыми мутаками. Низенькія табуретки стоятъ по угламъ и у дверей. Надъ ними красуются портреты царствующихъ особъ Россіи и Греціи, выдающихся мѣстныхъ іерарховъ и виды различныхъ монастырей и лавръ, въ числѣ которыхъ есть и наша Кіево-Печерская. Окна и средняя дверь глядятъ на терассу, густо задрапированную богатою растительностью. Обычный кумъ-кумъ, шарбетъ и горячій кофе были предложены

намъ тотчасъ-же, не смотря на поздній часъ и уже сервированный ужинъ. Прекрасный ужинъ: горячая похлебка, курица, разварныя легюмы и замѣчательное вино мѣстныхъ монастырскихъ виноградниковъ заставили насъ позабыть негостепріимство отечественнаго пріюта. Послѣ задушевной бесѣды, затянувшейся далеко за полночь, мы разстались. Служка проводилъ меня въ верхніе покои монастырскаго корпуса, гдѣ въ прохладной и уютной комнатѣ насъ ожидали прекрасныя постели.

III.

Раннимъ утромъ насъ разбудилъ драгоманъ, сообщивъ, что о. Нифонтъ поручилъ ему передать, что онъ самъ желаетъ сопутствовать намъ при обзорѣ мѣстныхъ святынь Назарета. Мы поспѣшили одѣться и, наскоро напившись чаю, который былъ приготовленъ торжествующимъ Якубомъ (вѣроятно довольствіе наше шло отъ монастыря), вышли на широкій дворъ, обнесенный монастырскими строеніями. Впрочемъ, намъ пришлось дожидаться съ четверть часа. О. Нифонтъ присутствовалъ на урокѣ въ своей школѣ, устроенной для мѣстныхъ православныхъ арабскихъ дѣтей, посвящая утренніе часы обычному обходу ввѣренной ему митрополіи. Вскорѣ громкое пѣніе донеслось до насъ изъ открытыхъ оконъ училища: дѣти довольно стройно пѣли молитву.—«Ну, теперь его высокопреподобіе сейчасъ выйдетъ», сообщилъ намъ служка, и мы поспѣшили ему навстрѣчу. О. Нифонтъ дѣйствительно появился, окруженный дѣтьми, раздавая направо и налѣво благословеніе. Его сопровождали келарь и старшій священникъ въ черныхъ рясахъ и камилавкахъ. Поговоривъ съ учителями—двумя смуглолицыми арабами, которыхъ я принялъ сначала за послушниковъ, владыко отпустилъ дѣтей и направился къ намъ. Поблагодаривъ о. Нифонта за любезную готовность быть нашимъ спутникомъ въ предстоящемъ обзорѣ назаретскихъ достопримѣчательностей, мы двинулись въ путь, въ сопровожденіи драгомана и казначея. Не успѣли мы пройти и десяти шаговъ, какъ населеніе, узнавшее пастыря, выдѣлило уже группу любопытныхъ, сопровождавшихъ насъ почти все время.

Изъ числа назаретскихъ святынь, находящихся въ рукахъ православныхъ, католиковъ и маронитовъ, почти всѣ связываютъ свои воспоминанія съ Благовѣщеніемъ. Въ сѣверно-восточной окраинѣ города находится посвященный этому событію греческій храмъ Живоноснаго Источника: онъ выведенъ на подобіе креста, высокъ, съ прекрасными окнами. Остальныя зданія греческой миссіи расположены такъ, что образуютъ передъ храмомъ широкую площадку, вымощенную плитами. Мы вступили въ соборъ, гдѣ насъ сразу охватила прохлада. Внутренность его замѣчательно гармонична въ частяхъ и въ цѣломъ. Драгоцѣнный

иконостасъ темнаго кипариса поражаетъ великолѣпіемъ своей рѣзьбы, иконы—древняго византійскаго письма. Прямо изъ середины церкви нѣсколько широкихъ ступеней сводятъ васъ въ темный корридоръ, откуда вы попадаете въ пещеру источника Дѣвы, главнѣйшую святыню храма. Стѣны ея одѣты причудливыми изразцами и разноцвѣтными мраморами, а самъ водоемъ обдѣланъ былъ мраморнымъ парапетомъ. Металлическая рѣшетка прикрываетъ отверстіе этой глубокой подземной чаши, откуда съ помощью кружки, привязанной на длинную цѣпь, поклонники достаютъ себѣ святую воду. Больные омываютъ себѣ здѣсь глаза, а здоровые уносятъ воду въ бутылочкахъ, какъ святыню; греки пріурочиваютъ къ упомянутому колодцу и мѣсто Благовѣщенія архангела-Гавріила.

Выйдя изъ храма «Живоноснаго Источника», мы проводили настоятеля до его покоевъ, такъ какъ намъ предстоялъ теперь обзоръ тѣхъ назаретскихъ святынь, которыя находятся во владѣніи католическаго духовенства. О. Нифонтъ предложилъ намъ своего драгомана, хорошо знакомаго съ мѣстными порядками, и мы разстались, обѣщавъ вернуться къ обычному часу трапезы. Пѣшкомъ, вдвоемъ съ коллегой, въ сопровожденіи драгомана, вышли мы изъ монастырской ограды и опять очутились въ толпѣ, терпѣливо поджидавшей насъ за воротами. Какъ объяснилъ мнѣ впослѣдствіи Якубъ, мѣстное православное населеніе, недовольное порядками, господствующими въ Назаретской школѣ и странно-пріимницѣ, готово было видѣть въ каждомъ пріѣзжающемъ чужестранцѣ уполномоченное лицо, способное разрѣшить его нужды.

Францисканскій монастырь Благовѣщенія—это цѣлый кварталъ, обособленный отъ прочаго Назарета. Періодъ господства французовъ въ XVII в. отразился и здѣсь на далекой азіатской окраинѣ. Послѣ побѣдъ Саладина и позорнаго плѣненія Гвидо-Лузіана, короля Іерусалимскаго, древняя базилика Елены, выстроенная еще при Константинѣ Великомъ, была обращена въ развалины. Греческое вліяніе замѣтно пало и когда въ 1620 г. началась реставрація христіанскихъ святынь Палестины, католикамъ достался и этотъ драгоцѣнный уголокъ Назарета. Францисканцы обнесли свои владѣнія высокой оградой съ массивными воротами, передъ которыми мы и остановились въ ожиданіи пропуска. Впрочемъ, драгоманъ нашъ быстро оборудовалъ дѣло, вернувшись съ толстенькимъ лысымъ патеромъ въ черной сутанѣ, съ неизбѣжными четками у пояса и, надо отдать справедливость, французы всегда и вездѣ остаются вѣрны своей изысканной любезности. Улыбающійся францисканецъ тотчасъ-же предложилъ намъ свои услуги, и мы направились за нимъ къ церкви Благовѣщенія, постройка которой должна быть отнесена къ 1618—20 году. Широкая арка входныхъ дверей вводитъ васъ въ просторный храмъ оригинальной конструкціи. Четыре высокія арки, скрещиваясь между

собою, поддерживаютъ своды, придавая храму нѣсколько тяжеловѣсный характеръ и распространяя тотъ меланхолическій сумракъ, который присущъ большинству готическихъ сооруженій. Даже бѣлый мраморъ открытаго алтаря, съ богатымъ убранствомъ и старинной живописью, не ослабляетъ первоначальнаго впечатлѣнія. Мы спустились по 17-ти ступенямъ въ древнюю пещеру, изсѣченную въ толщѣ природной скалы, находящейся теперь уже ниже уровня почвы. Внутренность ея обращена въ подземную церковь и богато украшена мраморами. Собственно въ ней находится нѣсколько отдѣленій. Прямо противъ входа виднѣется пещера Ангела. Сквозной мраморный алтарь занимаетъ второе отдѣленіе подземнаго храма—то мѣсто, гдѣ по преданію жила Богоматерь. Здѣсь-же у подножья алтаря мраморная звѣзда обозначаетъ мѣсто Благовѣщенія. На стѣнѣ вырѣзана надпись: «Verbum caro hic factum est!» Превосходная картина старинной работы итальянскаго художника изображаетъ надъ престоломъ Ангела дивной красоты, держащаго въ рукѣ бѣлую лилію. Преклонивъ колѣна, онъ возвѣщаетъ Св. Дѣвѣ непостижимую тайну Промысла. Ликъ сидящей Маріи нѣсколько потускнѣлъ на общемъ фонѣ картины, но замѣчательныя черты его прекрасно сохранились. Вся сила живописи въ этомъ лицѣ, полномъ смущенія и покорности. Ревность благочестивыхъ испанцевъ (большинство братіи монастыря—испанцы) поспѣшила увѣнчать смущенное чело юной Дѣвы тяжеловѣсной брилліантовой тіарой, искрящейся миріадами оттѣнковъ, благодаря разноцвѣтнымъ лампадамъ, опускающимся съ потолка надъ престоломъ. Неумѣстность этой короны производитъ непріятный диссонансъ въ чарующемъ впечатлѣніи, получающемся отъ самой живописи.

Къ этой пещерѣ непосредственно примыкаютъ двѣ другія крохотныя, расположенныя нѣсколько выше главной. Одна изъ нихъ считается мѣстомъ, гдѣ жилъ Іосифъ-обручникъ съ отрокомъ Іисусомъ. Другую пещеру съ дымовымъ отверстіемъ въ сводѣ католики называютъ почему-то кухней Божьей Матери, находящуюся также подъ домомъ Іосифа.

Отсюда насъ провели въ другой католическій храмъ, создавшійся изъ древнихъ камней тоже византійской базилики или, быть можетъ, воздвигнутый позднѣе въ эпоху господства здѣсь рыцарей Танкреда, на мѣстѣ, гдѣ будто-бы находилась мастерская Іосифа-обручника. У входа поверженная колонна бѣлаго мрамора, на половину вросшая въ землю, образуетъ порогъ, молчаливо напоминая страннику о тщетѣ всего земного. Затѣмъ францисканецъ провелъ насъ чрезъ низенькую калитку къ владѣніямъ маронитовъ, которымъ принадлежатъ въ Назаретѣ двѣ церкви, на западномъ концѣ города. Въ общемъ оба маронитскихъ храма представляютъ мало интереснаго, если не считать хранящагося у нихъ образа Спасителя старинааго письма, по суровости колорита и строгому абрису лица несомнѣнно весьма древняго происхожденія.

Распростившись съ добродушнымъ францисканцемъ, сопровождавшимъ насъ и во владѣнія маронитовъ, мы вернулись усталые и проголодавшіеся въ греческій монастырь.

IV.

Исторія Назарета, котораго греки называли «Назареѳомъ», а арабы «Насыра» или «Энъ-Назрагъ» не отличается обширностью и полнотой, несмотря на продолжительность своего существованія. Даже у евреевъ это захолустное мѣстечко не имѣло особаго названія, да и весь округъ, въ которомъ находился Назаретъ, далеко не пользовался ни значеніемъ, ни почетомъ. Галилея, обнимавшая въ глубочайшей древности двадцать городовъ, Кедеса Неѳалимова называлась по-еврейски «Галиль». Ее получилъ отъ Соломона Хирамъ въ награду за доставку ливанскихъ кедровъ на постройку царственнаго Іерусалимскаго храма. Но, недовольный подаренной провинціей, Хирамъ назвалъ Галилею «Кабуломъ», т. е. отвратительной и съ тѣхъ поръ надъ этой сѣверной окраиной Палестины тяготѣло какое-то презрѣніе; іудеи сторонились галилеянъ еще потому, что они «обращались съ язычниками». Дѣйствительно, этотъ округъ былъ населенъ массой финикіянъ и арабовъ, а въ эпоху Іуды Гамалейскаго и знаменитой секты «ревнителей» къ безъ того смѣшанному населенію присоединились еще греки, языкъ которыхъ знала большая часть галилейскихъ жителей. Апостолъ прямо именуетъ Галилею «языческой», не смотря на то, что эта страна составляла старинный удѣлъ колѣна Завулонова. Вѣроятно, недостатокъ средствъ побудилъ Іоакима и Анну, уроженцевъ Виѳлеема, принадлежавшихъ къ колѣну Іудину и выводившихъ свой родъ отъ Давида, оставить «Нагорную страну» и идти искать себѣ заработка въ этой далекой окраинѣ. Галилея въ эту эпоху только что пробуждалась, такъ какъ завоеванія римлянъ способствовали этой провинціи проводить дороги въ пустыняхъ, строить города и насаждать начатки европейской образованности. Промышленная сметка грековъ намѣчала уже крупные торговые центры, возбуждая въ населеніи Іудеи переселенческія стремленія. Вѣроятно, эти побужденія привели въ Назаретъ и Іосифа. Но и тридцать лѣтъ спустя, ко дню вступленія Спасителя съ открытой проповѣдью покаянія—Энъ-Насыра пользовался все тою-же репутаціею. Призванный въ число Апостоловъ—Наѳанаилъ, не скрывая своего изумленія предъ Филиппомъ, откровенно спрашиваетъ его: «Изъ Назарета можетъ-ли быть что доброе». Современники Христа, начиная отъ злобствующихъ фарисеевъ и книжниковъ, кончая исцѣленными бѣсноватыми, именуютъ Спасителя «Назаряниномъ». Имя Іисуса связано у талмудистовъ съ символомъ «Га—Ноцери», но очень вѣроятно, что прозвище «Нузара» есть только видоизмѣненное «нецеръ»—вѣтвь,

какъ могъ быть прозванъ городъ, благодаря своей богатой растительности. Однако, несмотря на оскорбительность ироніи, съ которой произносилось фарисеями это имя—первые ученики безсмертнаго учителя съ гордостью называли себя «назарянами», и только въ дни царствованія императора Клавдія, послѣдователи галилейскаго пророка переименовываются въ христіанъ. Императоръ даже дѣлаетъ попытку предписать христіанамъ называться просто галилеянами, какъ именемъ менѣе почетнымъ.

Жизнь Христа въ Назаретѣ, весь тридцатилѣтній промежутокъ до начала Его служенія почти пройденъ молчаніемъ въ Евангеліи Дѣтство и отрочество охарактеризованы краткой строфой: «Младенецъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости, и благодать Божія была на немъ». Упомиповеніе вскользь, что отрокъ Іисусъ, по обычаю, совершалъ «хожденіе вмѣстѣ съ родителями въ Іерусалимъ, на праздникъ Пасхи», запечатлѣно въ Евангеліи извѣстнымъ разсказомъ о томъ, какъ Христосъ, оставшись въ Іерусалимѣ, былъ найденъ родителями въ храмѣ сидящимъ посреди іудейскихъ мудрецовъ, спрашивающимъ ихъ, пораженныхъ его разумомъ и отвѣтами. Дальнѣйшія подробности его жизни въ родномъ городѣ остались для насъ покрытыми полнѣйшей неизвѣстностью.

«Кто хочетъ понять поэта — говорилъ Гёте, — тотъ долженъ отправиться въ его отечество». Тоже можетъ быть примѣнено и къ великому реформатору человѣческаго рода. Характеръ страны, ея господствующій колоритъ, неохватная даль горизонта, зеленый просторъ цвѣтущихъ долинъ, золотистыя нивы, мирная обстановка родного селенія, семьи и людей, среди которыхъ выросъ человѣкъ—не можетъ не оказать вліянія на складъ его міровоззрѣній, и сила этого вліянія должна была несомнѣнно отразиться во внѣшнемъ обликѣ Іисуса. Надо видѣть эту страну, арену Его дѣятельности, какъ бы подернутую нѣжнымъ флеромъ строго спокойной красоты, мягкіе контуры горнаго пейзажа, быть на берегахъ Генисаретскаго озера — этой лазурной чаши въ оправѣ чарующей Джебель-Сафеда и Гавланитиды, любоваться фіолетовой ризой большого Ермона, чтобы понять всю силу ихъ воздѣйствія на поэтическую душу Назаретскаго Пророка. Въ смѣлую проповѣдь своихъ новыхъ идей онъ дѣйствительно сумѣлъ влить какой-то особый нектаръ успокоенія, благости и примиренія, свойственный дѣвственной природѣ. Онъ любилъ облекать свои поученія въ ея живыя образныя картины. Въ то время, когда Іоаннъ Креститель—этотъ аскетъ Іорданской пустыни, весь воплощеніе ея суроваго колорита, начиная отъ посоха и одежды изъ верблюжьяго волоса, выступаетъ съ грознымъ призывомъ покаянія,—Іисусъ въ плащѣ и хитонѣ, мирной одеждѣ поселянина, проходитъ Свой путь общественнаго служенія, какъ любящій благостный пастырь, бесѣдуя съ

избранными своего малаго стада. Тридцать лѣтъ жизни въ безвѣстной тишинѣ отразились на Немъ необычайной простотою, въ которой еще сильнѣе сквозитъ величіе безсмертнаго духа.

Вся полоса земной жизни Учителя, выпадающая на долю Галилеи, проведена въ обстановкѣ, которая почти неприкосновенно сохранилась до нашихъ дней и этимъ объясняется, вѣроятно, та глубина впечатлѣнія, которая остается послѣ ея обзора. Даже посѣщеніе одинокихъ развалинъ Капернаума, Хоразина и Виѳсаиды, куда не разъ удалялся Христосъ, изгоняемый своими соотечественниками и гдѣ произошло большинство евангельскихъ событій—властно будитъ въ умѣ обстановку «дней оныхъ», несмотря на печальный видъ этихъ мѣстъ современнаго запустѣнія. Преобладающій колоритъ города Св. Дѣвы, начиная отъ его домиковъ самой примитивной конструкціи, кончая господствующимъ укладомъ, покроемъ одежды и родомъ занятій населенія—легко воскресятъ передъ вами историческія детали давно минувшаго... Надо удивляться, что Назаретъ, какъ мѣсто паломничества, сталъ извѣстенъ только въ VII в. по Р. X. Въ эпоху крестовыхъ походовъ отнятый у сарацынъ городъ достался въ ленное владѣніе рыцарю Танкреду, который выстроилъ здѣсь церковь и перевелъ сюда же резиденцію епископа изъ Скитополиса. Построенная имъ церковь создалась, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ Благовѣщенія, основанный царицею Еленою. Съ этого времени за францисканцами утвердилось одно изъ старѣйшихъ историческихъ мѣстъ Галилеи, гдѣ красовался нѣкогда греческій храмъ Юстиніана и только Саладинъ, разрушившій Назаретъ почти до основанія, временно парализовалъ здѣсь господство католиковъ. Въ 1620 г. было разрѣшено возобновлять церковь Благовѣщенія, но христіане начинаютъ пріобрѣтать здѣсь самостоятельныя права лишь съ конца XVIII в., въ особенности во время управленія пашалыкомъ извѣстнаго шейха Дагера. Впрочемъ, могущество Франціи и главнымъ образомъ удивительная стойкость католическаго духовенства, еще въ 50 гг. предоставила мѣстной братіи свободно совершать въ полномъ облаченіи крестные ходы по всѣмъ улицамъ городка.

VI.

Вечеромъ митрополитъ предложилъ намъ совершить экскурсію въ окрестности города. Мы охотно согласились, тѣмъ болѣе, что слѣдующимъ утромъ мнѣ хотѣлось посѣтить англійскій сиротскій пріютъ. Оставалось осмотрѣть еще такъ называемый «Фонтанъ Дѣвы» и холмъ Низверженія, отстоящій на полчаса пути отъ Назарета. Приказавъ Якубу сѣдлать лошадей, мы съ коллегой-археологомъ отправляемся переодѣваться въ дорожные костюмы. Перспектива поѣздки въ живописныя окрестности пришлась намъ очень по душѣ. Четверть часа спустя мы уже были во дворѣ,

гдѣ Константинъ держалъ осѣдланныхъ лошадей, а драгоманъ гарцовалъ передъ воротами. Митрополиту подвели прекрасную вороную лошадь, покрытую длиннымъ мохнатымъ чепракомъ. Широкое сѣдло, на которомъ ѣздитъ въ Палестинѣ духовенство, выглядитъ крайне оригинально, напоминая собою небольшое кресло. Задняя лука образуетъ высокій выгибъ на подобіе спинки; стремена въ формѣ усѣченной туфли напоминаютъ времена рыцарской арматуры. Пестрая бурка, скроенная на подобіе чехла, покрываетъ подушку сидѣнія и спускается по чепраку къ стременамъ узорчатыми кистями. Густая бахрома, драпируя грудь лошади, свисаетъ почти до земли и придаетъ коню необыкновенную нарядность. Я былъ изумленъ ловкости и гибкости митрополита, когда онъ, несмотря на свой возрастъ, съ быстротою юноши очутился на сѣдлѣ, хотя драгоманъ старательно поддерживалъ ему стремя.

— Васъ удивляетъ моя сноровка,—проговорилъ о. Нифонтъ, замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на меня его смѣлой посадкой,—но вѣдь у насъ нѣтъ здѣсь другихъ способовъ передвиженія... C'est notre équipage unique et en montagnes et en prairies... Верхомъ должны ѣздить всѣ, начиная отъ дѣтей, кончая стариками. Патріархъ тоже ѣздитъ на конѣ даже въ Іерусалимѣ; что-же говорить о насъ, живущихъ въ горахъ?..

Длинной вереницей потянулись мы по тихимъ назаретскимъ улицамъ. Городокъ невольно привлекаетъ вниманіе своей чистотой, но, какъ оказывается, при болѣе близкомъ знакомствѣ,—эта опрятность тяжело отзывается на населеніи. Митрополитъ объяснилъ мнѣ, что своей кажущейся чистотой Назаретъ обязанъ обильному слою мѣловой пыли, покрывающей мѣстныя улицы и дворики и нельзя вообразить себѣ, что дѣлается здѣсь, когда поднимется вѣтеръ.

— Нашъ холмъ, — говорилъ мнѣ о. Нифонтъ, — вѣроятно, мѣлового или известковаго происхожденія. Во всей Палестинѣ не найдется другого мѣста, гдѣ-бы населеніе болѣе страдало болѣзнями глазъ, чѣмъ въ Назаретѣ.

И дѣйствительно, при дальнѣйшей поѣздкѣ, намъ попадалось много слѣпыхъ, какъ подтвержденіе сказаннаго.

Солнце уже клонилось къ закату—приближался обычный часъ восточнаго кейфа, когда населеніе покидаетъ дома и шумной, нарядной толпой высыпаетъ на улицу. Митрополитъ предложилъ намъ поѣхать прежде всего къ «водоему Маріи» и спуститься оттуда въ долину къ такъ называемому «холму св. Семена». Мы попросили включить въ этотъ объѣздъ и «гору Низверженія», съ которой хотѣли сбросить Христа недовольные имъ соотечественники...

Золотистые лучи вечерняго солнца обливали городокъ и необхватную ширь виднѣвшагося за нимъ горизонта мягкимъ ласкающимъ свѣтомъ. Темный кряжъ Джебель-Эсъ-Сиха уже синѣлъ фіолетовыми впадинами

своей закругленной вершины. Стаи бѣлыхъ голубей носились надъ черепичными кровлями. Дѣтскій смѣхъ, звонкая пѣсня доносились мѣстами до насъ изъ зеленыхъ садовъ, окаймленныхъ колючей оградой гигантскаго кактуса. Отличительной чертой жителей Назарета служитъ ихъ статная красота и щеголеватость одежды. Женщины-назарянки въ этомъ отношеніи могутъ поспорить съ жительницами Виѳлеема, справедливо претендующими на первенство среди прекраснаго пола остальной Палестины. Мнѣ, дѣйствительно, нигдѣ не приходилось встрѣчать болѣе живописнаго наряда. Большинство дѣвушекъ и женщинъ носитъ здѣсь разноцвѣтныя туники, при чемъ разрѣзныя полы ихъ обнажаютъ статное загорѣлое тѣло. Голова прикрывается маленькой шапочкой, сплошь унизанной монетами, отъ которой спускается длинный шелковый шарфъ, ниспадая на плечи. Назарянки съ необыкновенной граціей перебрасываютъ эти шарфы вокругъ своего стана, иногда черезъ руку, свѣсивъ длинный конецъ почти до земли, что придаетъ имъ еще большую стройность. Хотя лицо мѣстной женщины и не закрыто фатой, какъ у мусульманокъ, но сплошная сѣтка снизанныхъ монетъ закрываетъ весь лобъ и щеки, спускаясь на обнаженную шею. Можно представить себѣ тяжеловѣсность такого убора, составленнаго, въ большинствѣ случаевъ, изъ серебряныхъ меджидіэ, а у болѣе зажиточныхъ даже изъ червонцевъ? Если принять во вниманіе, что обѣ руки бываютъ почти сплошь унизаны браслетами (восточныя женщины придаютъ имъ значеніе амулетовъ), что большія серьги обязательны въ ушахъ и масса всяческихъ украшеній вродѣ пряжекъ, застежекъ украшаетъ одежду—то легко себѣ представить, какую тяжесть носятъ на себѣ туземки, рѣдко снимающія всѣ эти драгоцѣнности, развѣ только при тяжелой будничной работѣ...

Благословляя народъ, толпой провожавшій насъ по улицамъ Назарета, о. Нифонтъ вывелъ насъ незамѣтно на восточную окраину городка. Здѣсь изъ сплошной зелени тихихъ садовъ вытекаетъ ручей, образуя упомянутый «Фонтанъ Маріи». Въ стѣнкѣ полукруглаго водоема, черезъ продѣланныя отверстія—бьетъ кристальная холодная струя, ниспадая въ каменную чашу бассейна. Группы «водоносицъ» столпились у фонтана, особенно оживленнаго въ эти часы, когда почти все молодое женское населеніе собирается у этого единственнаго колодца, обмѣниваясь здѣсь всѣми текущими новостями. Пріѣздъ владыки съ незнакомыми людьми, видимо, произвелъ сенсацію. Мы съ коллегой спѣшились, отдавъ лошадей Якубу. Отвѣдавъ воды, которая оказалась необычайно вкусной и холодной, мы не безъ усилій попробовали поднять массивный водоносъ одной изъ женщинъ, готовившейся покинуть источникъ. Каково-же было наше изумленіе, когда назарянская смуглянка, оперпшись на одно колѣно. быстро подняла этотъ кувшинъ на голову, подложивъ подъ его закругленное дно небольшой соломенный жгутъ, вродѣ тѣхъ, что употребляются,

нашими разносчиками. Съ необычайной граціей, придерживая кувшинъ лѣвой рукой и подбоченясь правой, она стала подниматься по крутизнѣ; за ней потянулись вереницей другія, плавно покачиваясь на ходу съ своей ношей... А солнце шлетъ ужъ прощальный привѣтъ этому тихому уголку безмятежнаго деревенскаго покоя... Мягкія тѣни ложатся вдоль кактусовыхъ оградъ, протянувъ причудливый отпечатокъ зазубренныхъ лопастей на бѣлую ленту дороги.

Свернувъ къ «горѣ Низверженія», мы стали спускаться въ узкую ложбину, чтобъ достичь противуположнаго холма. Бѣлая известковая тропа вьется отсюда въ долину. Темная зелень грецкаго орѣшника окаймляетъ ее высокимъ бордюромъ. Тропа ползетъ, извиваясь по волнистымъ холмамъ, которые высятся амфитеатромъ одинъ надъ другимъ на фонѣ синяго неба. Созрѣвшія нивы провожаютъ насъ справа и слѣва, едва примѣтно волнуясь, но дорога круто заворачиваетъ и вотъ, вы уже въ дикомъ ущельѣ... Начинается трудный подъемъ. Лошади спотыкаются, оступаясь въ каменистыхъ выбоинахъ. Окружающій пейзажъ рѣзко мѣняется, принимая суровый колоритъ, присущій Іудеѣ. Лошади все болѣе настораживаются, прядутъ ушами. Кавасъ митрополита ѣдетъ впереди, выбирая болѣе удобное направленіе. Съ каждымъ шагомъ впередъ мѣстность становится все болѣе безжизненной, пустынной; растительность почти исчезаетъ, смѣняясь голыми камнями. Даже въ сухомъ верескѣ не трещатъ обычные кузнечики, — поразительная тишина усугубляетъ безлюдность этого мѣста. Кавасъ спѣшивается, мы слѣдуемъ его примѣру и, завернувъ за крутой гребень вершины, невольно отступаемъ, пораженные... Отвѣсная скала страшнымъ обрывомъ поднимается здѣсь надъ безграничной долиной Ездрелона. Сюда-то былъ приведенъ Христосъ фанатической толпой, готовой сбросить его съ кручи, «но Онъ, пройдя посреди нихъ, скрылся». А между тѣмъ, едва-ли этотъ холмъ можетъ считаться подходящимъ мѣстомъ для казни. Отсюда съ высоты открывается такая чарующая панорама, которая, казалось-бы способна приковать къ себѣ сотни глазъ даже разъяренной фанатической массы...

Тамъ на сѣверъ уходятъ темной грядой Галилейскія горы. За ними сквозитъ теперь своей рубиновой вершиной Великій Ермонъ—дружка сосѣдняго снѣгового Ливана. На востокѣ зеленѣющимъ конусомъ поднимается задумчивый Ѳаворъ, окруженный зелеными холмами Аджалунской возвышенности. На западъ Кармилъ, одѣтый волнистою ризой фіолетоваго тумана, глядитъ на голубую ширь безпредѣльнаго моря, надъ которымъ нависъ уже раскаленный дискъ угасающаго солнца. А на югъ разстилается зеленая равнина, подступая къ подножью Малаго Ермона, за которымъ темнѣютъ ужъ горные кряжи Гевуя и Самаріи, скрывающіе «каменистую вѣсь Іудеи». Прозрачной вуалью скользятъ надъ головою обрывки бѣлыхъ облаковъ, за темными точками рѣютъ орлы, рас-

пластавъ свои мощныя крылья. Я стоялъ, не имѣя силъ оторваться отъ этой картины, пораженный величіемъ грандіознаго храма вселенной, поглощенный смутными думами о ничтожествѣ человѣка... Такъ, можетъ быть. 2000 лѣтъ тому назадъ потрясена была толпа, приведшая человѣка на казнь къ обрыву и только здѣсь сознавшая все убожество своихъ порывовъ...

О. Нифонтъ предложилъ намъ проѣхать отсюда къ холму Симеона. гдѣ у него насаждены виноградники и производится давленіе вина по обычному Палестинскому способу. Разумѣется, мы охотно согласились и послѣдовали за гостепріимнымъ хозяиномъ.

VII.

Холмъ св. Симеона—это сплошной виноградникъ. Колоритъ Евангельской притчи—отразился на немъ съ удивительной точностью. Владѣлецъ виноградника «построилъ башню, выкопалъ точило» и тоже отлучился, живя по обязанностямъ призванія своего въ Назаретѣ. О. Нифонтъ съ любовью взиравшій на свое хозяйство, знакомилъ насъ со способомъ воздѣлыванія земли, насажденія черенковъ и распредѣленія стелющихся вѣтвей и гроздей на оригинальныхъ вилкахъ-подпорахъ. Вершину конусообразнаго холма вѣнчаетъ желтая часовня. Она сложена изъ гладко стесанныхъ кирпичей мѣстнаго буроватаго камня. Высокая лѣстница въ два схода оперилена рѣшеткой и ведетъ къ портику, покоящемуся на четырехъ колоннахъ. Я не могъ добиться, почему холмъ связанъ съ памятью св. Симеона, которому посвященъ и крохотный алтарь, убранный желтыми восковыми свѣчами... Къ часовнѣ примыкаетъ небольшая пристройка, гдѣ живетъ хранитель виноградника, православный арабъ со своимъ семействомъ. Здѣсь-же устроенъ обширный подвалъ со сводами, углубленный въ землю, для храненія вина, получаемаго изъ лозъ самыми первобытными способами давленія. Мы отвѣдали годовалое вино и нашли его превосходнымъ.

А тихія сумерки незамѣтно спустились на землю, окутавъ окрестность какой-то особой синею мглой, придающей ночамъ востока необычайную своеобразность и прелесть колорита. Мы не замѣтили, какъ успѣлъ скрыться за далью холмовъ солнечный дискъ и, когда я взобрался на каменную площадку часовни, голубой туманъ мягко стлался вокругъ... Лишь тамъ, далеко на западъ, обагренный лучами уже невидимаго намъ свѣтила, золотился, сверкалъ каменистый хребетъ Кармила. Какая-то странная невыразимая грусть охватила вдругъ мою душу. Я ощущалъ ее всегда, когда судьба заносила меня въ далекую глушь отъ шумныхъ городскихъ центровъ съ ихъ кипящимъ водоворотомъ страстей и борьбы, съ ихъ мелкими интересами. О. Нифонтъ, замѣтивъ мое настроеніе, самъ

какъ будто поддался тому-же обаянію близившейся ночи и, присоединившись ко мнѣ, сѣлъ рядомъ на парапетѣ и глубоко задумался... Удивительная тишина, присущая голубымъ сумеркамъ Востока, дѣйствуетъ неотразимо на впечатлительнаго человѣка. Какъ будто затаенное дыханіе чувствуется въ этой стихнувшей природѣ, избѣгающей звука. Въ небѣ слабыя искры первыхъ трепещущихъ звѣздъ. Въ темныхъ долинахъ какая-то необыкновенная глубина. Мягкіе контуры будто ближе придвинувшихся холмовъ и отовсюду свѣжіе струящіеся потоки горнаго воздуха, ласкающіе грудь и лицо, какъ зыбь легкой кристальной волны эфирнаго моря.

Все подъ тѣмъ-же впечатлѣніемъ поэтической ночи возвращаемся мы въ уснувшій «городокъ Св. Дѣвы». Еще издали привѣтствуютъ насъ его желтые домики-башни, мигая кое-гдѣ одинокими огнями въ тонкихъ прорѣзахъ окошекъ. Полный лунный дискъ, всплывая надъ темнымъ шатромъ Ѳавора, озаряетъ окрестность мягкимъ голубымъ полусвѣтомъ. Бѣлая пленка тумана, суживающая кругозоръ, какъ будто растягивается, отодвигается вглубь горизонта, обнаживъ ширь дремлющей равнины... Яркимъ рельефомъ плывутъ намъ навстрѣчу живописные скаты Джебель-Эсъ-Сиха... Мы въѣзжаемъ въ Назаретское предмѣстье. Узкая лента пыльной дороги, извиваясь ползетъ теперь въ фантастической черной оправѣ. Это гигантскіе кактусы оплели ее, какъ корзину. Въ непроницаемой колючей изгороди—излюбленное убѣжище скорпіона. О. Нифонтъ предостерегаетъ насъ, совѣтуя держаться середины дороги. Укусъ, или вѣрнѣе уколъ, этого ядовитаго паука крайне опасенъ. Неустрашимый Якубъ тщательно подбираетъ концы своего «бедуинскаго» плаща и торопливо пришпориваетъ лошадь.

— Я спѣшу, — говоритъ онъ, обертываясь на рысяхъ, — предупредить братію о возвращеніи владыки.—И, боясь услышать, что эта предупредительность излишня, быстро скрывается у насъ изъ виду...

Шагомъ въѣзжаемъ мы въ опустѣлыя улицы. Населеніе, занятое въ эту пору года полевыми работами, рано ложится и рано встаетъ и только стражники-мусульмане попадаются по временамъ, да мѣстный интеллигентный людъ—духовенство—не спятъ еще по своимъ кельямъ. Несмотря на продолжительность нашей поѣздки, я вернулся въ греческій монастырь совершенно бодрымъ, благодаря живительной свѣжести ночи. На дворѣ суетился Якубъ, сновали служки, а подъ пирамидальнымъ кипарисомъ виднѣлась группа женщинъ, занятыхъ сортировкой пшеницы. Послѣ ужина, распростившись съ митрополитомъ, мы отправились къ себѣ въ отведенное намъ помѣщеніе. Но ни я, ни мой коллега долго еще не могли рѣшиться лечь спать, такъ волшебно хороша была эта лунная ночь. Мы усѣлись на одну изъ каменныхъ ступеней высокой лѣстницы, ведущей со двора на верхнюю галлерею. Зеленый трельяжъ винограда,

нависшій по тонкимъ скрещивающимся жердямъ надъ головою, сквозилъ на фонѣ ярко освѣщеннаго неба своими темными вѣтвями, листвой и фіолетовыми гроздями... Затушеванный снизу мягкими полутѣнями, онъ казался горельефомъ изъ старинной бронзы дорогого чекана... Листья отражались темными пятнами на бѣлыхъ каменныхъ ступеняхъ и при каждомъ слабомъ дуновеніи вѣтра, долетавшаго къ намъ съ вершины Джебель-Эсъ-Сиха, эти пятна тѣней колебались, ползли... Виднѣвшаяся внизу виноградная лоза сливалась, теряла свои контуры. Странное волненіе охватывало меня, когда я глядѣлъ на этотъ безформенный отпечатокъ. Современное христіанство—не то же-ли смутное отраженіе первичной истинной формы той «лозы», которую принесъ и насадилъ здѣсь на этой землѣ «Виноградарь»? Во что-же выродилось теперь могучее «древо»? Половина человѣчества именуетъ себя «христіанами», но Евангельскій обликъ послѣдователя Христа сталъ настолько смутенъ, что съ трудомъ распознается представителями нашей эпохи. Это только тѣнь безформенная, колеблющаяся при обманчивомъ лунномъ сіяніи. Основная идея — совершенство человѣческой природы — забыта, отвергнута или поглощена обрядностью, и никого изъ насъ давно уже не поражаетъ тотъ диссонансъ въ отношеніяхъ христіанъ другъ къ другу и тѣмъ, что заповѣдано было Христомъ его послѣдователямъ. Наша религія съ каждымъ днемъ все болѣе становится политической формулой, лишенной своего возрождающаго значенія... «А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ— да будете сынами Отца вашего Небеснаго» *).

VIII.

Англиканскій пріютъ дѣвочекъ-сиротъ интересовалъ меня, какъ одно изъ лучшихъ воспитательныхъ заведеній Палестины. Прекрасное обширное зданіе орфелината занимаетъ вершину Назаретскаго холма, доминируя надъ всѣмъ городомъ и далеко озирая окрестность. Свыше 50-ти ступеней, обнесенныхъ каменной баллюстрадой, ведутъ къ громадному двухъэтажному дому. Высокіе, черные кипарисы образуютъ передъ нимъ эффектную аллею, достигая заостренными вершинами плоской срѣзанной на восточный манеръ крыши. Яркіе вѣера латаній, пестрый бордюръ изъ всевозможныхъ цвѣтовъ образуютъ передъ зданіемъ родъ цвѣтника. красиво выдѣляющагося изъ-за пояса каменной ограды, благодаря пологому спуску съ вершины холма къ расположенному ярусомъ ниже Назарету. Мѣстоположеніе на горной доминирующей террасѣ Джебель-Эсъ

*) Еванг. Матѳея, гл. 44, 45.

Сиха, солидность постройки, ея образцовая чистота придаютъ дому англиканской миссіи характеръ маленькаго дворца, особенно выдѣляющагося среди остальныхъ полудеревенскихъ строеній. Якубъ вмѣстѣ съ привратникомъ отправились къ начальницѣ орфелината, чтобы передать нашу просьбу осмотрѣть пріютъ и ознакомиться съ постановкой въ немъ преподаванія. Не прошло и пяти минутъ, какъ они вернулись съ женщиной среднихъ лѣтъ (какъ оказалось, одной изъ преподавательницъ), любезно предложившей намъ слѣдовать за нею. Мы поднялись на широкую эспланаду, съ которой открывается превосходная панорама на всю окрестность, едва-ли не единственная по красотѣ въ цѣломъ городѣ. Меня поразила удивительная чистота воздуха, господствующая здѣсь на высотѣ, благодаря удаленности отъ мѣловой пыли пролегающихъ глубоко внизу Назаретскихъ улицъ. Преподавательница — англичанка объяснялась съ нами по-французски. Несмотря на рѣзкость жаргона, изъ ея краткой спокойной характеристики мнѣ стала ясна не только привязанность ея къ избранному дѣлу, но и полное знакомство съ исторіей, бытовыми условіями, задачами и цѣлями мѣстной англійской миссіи. Надо видѣть, съ какою любовью и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто національною гордостью простая учительница объясняла намъ организацію труднаго дѣла воспитанія дѣвочекъ-арабокъ и съ какимъ удовольствіемъ она наблюдала на нашихъ лицахъ пріятное впечатлѣніе, получавшееся отъ обзора этого учрежденія.

Англійская школа орфелинокъ основана сравнительно недавно, а именно въ 1874 г. Число дѣвочекъ во время моего посѣщенія значилось по спискамъ 84. Школа преслѣдуетъ двѣ цѣли: воспитаніе и образованіе и дѣлится на два самостоятельныхъ отдѣла. Первый открываетъ доступъ для всѣхъ, желающихъ учиться, принимая приходящихъ арабскихъ дѣтей безплатно въ число своихъ учениковъ. Напоминая нашу начальную школу, этотъ отдѣлъ функціонируетъ независимо отъ второго, являющагося собственно «пансіономъ» для сиротъ изъ туземокъ. Орфелинатъ помѣщается въ большомъ домѣ, а для начальной школы имѣется отдѣльное зданіе, выстроенное внизу у воротъ въ чертѣ той-же ограды. Тамъ арабскія дѣтишки, безъ различія пола и возраста, обучаются читать, считать и писать подъ руководствомъ двухъ учительницъ. Преслѣдуя чисто филантропическія задачи, англійская школа является, такимъ образомъ, самостоятельнымъ учрежденіемъ англійской миссіи, расчетливо присоединеннымъ къ основной задачѣ воспитанія сиротъ Галилеи. Небезъинтересно при этомъ указать и на тѣ средства, которыми существуетъ орфелинатъ Назарета. Мѣстная миссія обязана своимъ возникновеніемъ Лондону. «Общество дамъ» дѣятельно собираетъ разныя пожертвованія для своего далекаго дѣтища, распредѣляетъ поступающія суммы жертвователей, умѣло управляя изъ Лондона и самимъ Назаретскимъ пріютомъ. Періодическія ревизіи контролируютъ дѣятельность

директрисы и ея пяти помощницъ. Помимо образованія туземцевъ, орфелинатъ пропагандируетъ среди арабовъ и начала англиканской церкви. Этому способствуетъ и само отношеніе англичанъ къ населенію. Дисциплинированные особой системой воспитанія, господствующей въ учрежденіи, дѣвочки—сироты, помимо элементарнаго образованія, подготовляются здѣсь-же спеціально и въ услуженіе (хотя большинство изъ нихъ скоро выходитъ замужъ). Мѣстные арабы охотно берутъ строго воспитанную молодую дѣвушку въ свою среду, съ приходомъ которой незамѣтно проникаетъ порядокъ, чистоплотность, а за ними и англійское вѣроисповѣданіе. Нужно изумляться тому серьезному пониманію своихъ задачъ, которое обнаруживаетъ начальство пріюта, заботящееся о судьбахъ своихъ питомокъ послѣ достиженія ими совершеннолѣтія. Покидая пріютъ послѣ 15-тилѣтняго возраста, онѣ уходятъ на трудовой путь вполнѣ обезпеченными на первое время средствами миссіи.

Мы послѣдовали за воспитательницей въ верхнее помѣщеніе большого дома, занятое классами. Въ нихъ царитъ простота, нѣтъ затѣйливыхъ приспособленій, но на всемъ видна печать пуританской точности, опрятности и удивительнаго порядка. Надо отдать честь англійскимъ воспитательницамъ, умѣющимъ поддержать такую систему въ условіяхъ быта, далеко неотличающагося чистоплотностью, и съ населеніемъ, туго принимающимъ культурныя привычки. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются обширные дортуары, свѣтлые, высокіе съ обильнымъ притокомъ воздуха. Всѣ кровати желѣзныя и, несмотря на это, при насъ производилась полная ихъ дезинфекція. Большая комната спеціально отведена для умыванья; плоскіе деревянные тазы облицованы цинкомъ; все блеститъ, всюду прекрасно вентилированный воздухъ. Если-же принять во вниманіе, что все это прибрано, вымыто безъ прислуги, самими воспитанницами и дѣлается постоянно подъ руководствомъ самой директрисы и дежурной наставницы, то невольно приходится изумляться. Въ отдѣльномъ флигелѣ помѣщается кухня. И завтракъ, и обѣдъ тоже приготовляется воспитанницами. Среди дѣтей организованы правильныя дежурства; младшія помогаютъ старшимъ. Каменная кладовая ремонтировалась по случаю лѣтняго сезона для предстоящихъ запасовъ на зиму. Я поинтересовался узнать, кто-же завѣдуетъ садомъ?

— «Наши дѣти»... И при видѣ моего изумленія воспитательница добавила съ улыбкой «дѣти англійской миссіи», т. е. тѣ-же туземки-арабки. Правда, печать нѣкоторой чопорности, лежащая на воспитательномъ персоналѣ школы, отразилась и на живомъ подвижномъ темпераментѣ арабокъ. Но природная шаловливость и даже игривость дѣвушекъ введена только въ границы строго выдержаннаго поведенія.

«N'oubliez pas, monsieur,—замѣтила мнѣ англичанка,—que nous sommes dans un pays, où le soleil est trop brulant et les moeurs trop vo-

lontaires... Замѣтьте, что съ дѣвочкой въ 13 лѣтъ приходится имѣть дѣло, какъ съ вполнѣ сформировавшейся женщиной...» Проходя по двору, мы столкнулись и съ самими питомками этого почтеннаго учрежденія. Воспитанницы одѣты въ простенькій однообразный костюмъ, всѣ въ свѣтломъ; платьица приглажены и опрятны. Въ глаза не бросается традиціонныхъ рваныхъ локтей, дырявой обуви и запачканныхъ передниковъ—неизбѣжнаго аттрибута большинства закрытыхъ учебныхъ заведеній. Дѣвочки держатся просто и хотя присутствіе «начальства» чувствуется, но не можетъ быть рѣчи о какой-либо забитости или запуганности. Познакомившись съ начальницей, которая оказалась почтенной «миссъ», мы прошли къ дѣтямъ. Орфелинки вѣжливо кланялись безъ понуканій и выразительныхъ взглядовъ, толково отвѣчали на предложенные имъ черезъ переводчика вопросы. Вообще изъ знакомства моего съ англійскимъ пріютомъ Назарета я вынесъ самое отрадное впечатлѣніе: мнѣ показывали «безъ запинки» всѣ уголки этого образцоваго заведенія, видимо нисколько не опасаясь, что чужестранецъ - посѣтитель можетъ открыть непривлядность обратной стороны медали.

Распростившись съ любезными хозяйками пріюта, мы поспѣшили домой къ обѣду. О. Нифонтъ просилъ насъ провести съ нимъ послѣдніе часы нашего пребыванія въ Назаретѣ, такъ какъ въ тотъ же день вечеромъ рѣшено было выступить въ дальнѣйшій путь для обзора Галилеи. Намъ предстояло посѣтить Канну, проѣхать къ подножью Джебель-Куруганъ-Гатинъ—мѣста «Нагорной проповѣди», чтобы утромъ быть уже на берегахъ Генисаретскаго озера въ Тиверіадѣ. Одно посѣщеніе историческихъ развалинъ моря Галилейскаго представляетъ значительный интересъ, не говоря уже о роскошномъ мѣстоположеніи бывшей столицы Антипы Ирода. Достигнувъ крайняго сѣвернаго предѣла нашей Палестинской экскурсіи, намъ хотѣлось посѣтить Ѳаворъ, спуститься на Себастію (Самарія древности) и осмотрѣть мечеть «Неби-Ягія», возникшую на мѣстѣ историческаго «Махера»—темницы Іоанна Крестителя. Интересъ упомянутыхъ мѣстъ, помимо ихъ археологическаго значенія, увеличивается благодаря живописной обстановкѣ галилейскаго пейзажа. Отсутствіе значительныхъ селеній по упомянутому направленію заставляло быть особенно предусмотрительнымъ, запасая, кромѣ всего необходимаго, еще воду, которую можно достать только въ Тиверіадѣ и на Ѳаворѣ. Перевалы же между ними при трудныхъ гористыхъ подъемахъ особенно изнурительны для лошадей и муловъ въ эту жаркую пору года. Распорядившись сборомъ необходимаго, я отправился въ турецкую казарму для предъявленія фирмана и назначенія намъ новаго конвойнаго жандарма. Офицеръ назаретскаго гарнизона обѣщалъ исполнить мое желаніе и прислать опытнаго солдата къ заходу солнца. О. Нифонтъ отъ

себя снарядилъ посланца, молодого араба, на Ѳаворъ, чтобы предупредить мѣстнаго настоятеля о нашемъ скоромъ прибытіи.

— У нихъ тамъ не всегда найдется, чего и покушать, — заботливо говорилъ мнѣ митрополитъ, когда я просилъ его избѣгать лишнихъ хлопотъ. Меня заинтересовали проводы этого скорохода-гонца, и я вышелъ во дворъ, гдѣ увидалъ араба лѣтъ 20-ти, рослаго, коренастаго, съ мускулатурой, которой позавидовалъ бы любой европеецъ. Ласково положивъ правую руку на его плечо (пріемъ, особо цѣнимый туземцами, указывающій на довѣріе хозяина къ подчиненному), о. Нифонтъ въ лѣвой рукѣ держалъ письмо, объясняя посланцу важность порученія.

— *Раувиджу би-ак' раб' вакт* *), заключилъ онъ свою рѣчь, благословляя араба.

— *Халлик муртах, сиди.*—Будь спокоенъ, господинъ,—отвѣчалъ тотъ, кланяясь и спрятавъ письмо у себя на лбу подъ складки плаща-кефіи, онъ твердою поступью направился къ воротамъ.

Мы рѣшили выступить съ закатомъ солнца, имѣя возможность, благодаря луннымъ ночамъ, къ утру достичь уже Тиверіады. Не могу не сознаться, что я съ какой-то особенной грустью покидалъ родной городокъ Христа... Вся глубина впечатлѣній сказалась во мнѣ значительно позднѣе, когда я былъ уже далеко отъ всѣхъ этихъ мѣстъ, связанныхъ съ его памятью. Можетъ быть, именно отсутствіе реликвій, непосредственно относящихся къ Учителю и составляющихъ предметъ обыденнаго поклоненія — дѣйствовало на меня неотразимо-властно... Мнѣ чудился здѣсь образъ живой, благой и ясный, полный высокаго смиренія и простоты, котораго не въ силахъ воскресить ни одинъ изъ памятниковъ, созданныхъ слабыми руками человѣка. Въ этомъ нерукотворномъ храмѣ природы, среди этихъ долинъ, горъ, полей, среди такихъ же стадъ и виноградниковъ у неизсякшаго ключа вставалъ предо мною безсмертный Галилейскій пророкъ. И только здѣсь, въ этой бѣдной далекой странѣ, среди ея мирнаго пейзажа, я почувствовалъ его близость, его прикосновенность къ смиренной человѣческой долѣ. Но я чувствовалъ также, что въ нашей исковерканной жизни, полной страданья и мукъ, нѣтъ ничего общаго съ былыми горестями былого христіанина...

Б. Корженевскій.

---

*) Поторопись доставить, какъ можно скорѣе.

ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ.

ОЧЕРКЪ VIII.

Лиза, героиня «Дворянскаго гнѣзда».

Творецъ изъ лучшаго эфира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ..
Лермонтовъ.

Das Ewig—Weibliche
Zieht uns hinun!
Goethe.

I.

Въ предыдущемъ очеркѣ, анализируя типъ героини «Фауста», мы отмѣтили между прочимъ прирожденную склонность Вѣры къ мистическому, но мы ничего не говорили о религіи Вѣры. Мы были въ правѣ обойти этотъ пунктъ, потому что въ душевномъ обиходѣ этой женщины религіозное чувство играетъ роль столь незначительную, что изслѣдователю нѣтъ надобности считаться съ нимъ. Мистическое присутствуетъ въ сознаніи Вѣры въ видѣ силы отталкивающей, а не притягательной, оно вызываетъ въ ней чувство страха, оно открывается ей своею адскою, подземною, мрачною стороною, и мы не находимъ въ душѣ Вѣры игры тѣхъ струнъ, которыми устанавливается специфическая *связь* (religio) человѣческаго сознанія съ сферой мистической, образующая сущность религіознаго уклада души.

Чтобы подслушать таинственную игру этихъ струнъ, чтобы заглянуть въ глубину религіозной души человѣка, нужно обратиться къ поэтическому образу Лизы, героини «Дворянскаго гнѣзда».

И прежде всего я попрошу читателя припомнить главу XXXV, гдѣ говорится о воспитаніи Лизы, о вліяніи на нее Агафьи, этой въ своемъ родѣ необыкновенной женщины. Изъ этой-же главы, однако, мы выносимъ убѣжденіе въ томъ, что вліяніе Агафьи могло оказаться столь могущественнымъ только потому, что сама натура Лизы была отъ рожденія надѣлена задатками глубокой, всепоглощающей религіозности. Когда Агафья разсказывала ей «о Пречистой Дѣвѣ, о святыхъ угодникахъ, которые жили въ пустыняхъ, терпѣли голодъ и нужду и—царей не боялись, Христа исповѣдывали», Лиза слушала и проникалась очарованіемъ этой религіозной эпопеи такъ, какъ это возможно только для натуры, одаренной исключительной глубиною и широтою религіознаго чувства. Она слушала, «и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ...»

Не всякому и не всякой дано *такъ* вѣрить и *такъ* любить Бога. Религія вообще въ высокой степени индивидуальна. Принадлежность двухъ лицъ къ одному и тому-же вѣроисповѣданію еще не означаетъ, чтобы эти два лица имѣли одну и ту-же религію. Религія есть внутренній, душевный процессъ, и ея духъ, ея характеръ опредѣляется не буквою догмы, а интимнымъ, сокровеннымъ, часто неяснымъ самому человѣку отношеніемъ его къ божеству. А это отношеніе, по необходимости, разнообразится до безконечности—смотря по человѣку. Не только *пониманіе* божества у разныхъ людей должно быть различно, сообразно особенностямъ ума, степени развитія и т. д., но, что еще важнѣе, само религіозное *чувство*, вообще чрезвычайно сложное, въ разныхъ натурахъ въ сильной степени видоизмѣняется, смотря по тому, какая изъ его составныхъ частей беретъ верхъ надъ другими. У одного, напримѣръ, въ этомъ чувствѣ преобладающимъ элементомъ является *смиреніе* передъ всемогуществомъ Божества, у другого—*умиленіе* передъ его благостью, у третьяго—*страхъ* и т. д. Вы скажете, что это—оттѣнки чувства, подробности въ отношеніяхъ умовъ и сердецъ къ Божеству. Но въ психологіи человѣка, въ дѣятельности его ума и чувства, оттѣнки и подробности чрезвычайно важны, часто важнѣе основныхъ идей и чувствъ, и ими-то и опредѣляется подлинный внутренній міръ человѣка, его психологическая индивидуальность. Психологически—у каждаго вѣрующаго человѣка свой Богъ, каждый своему Богу и по-своему молится, и религій на земномъ шарѣ столько-же, сколько и людей съ религіознымъ укладомъ души.

Какова-же была религія Лизы?

Приведенныя выше слова («образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу...» и т. д.) уже даютъ намъ точку опоры для сужденія о религіозномъ чувствѣ Лизы. Очевидно,

въ этомъ чувствѣ *страхъ* Божества если не совсѣмъ отсутствовалъ, то по крайней мѣрѣ игралъ роль совершенно второстепенную; немного значенія имѣла также и философская (метафизическая) сторона идеи Божества. На первомъ планѣ была у Лизы *мистическая любовь*, въ которой отразилась вся глубина, вся нѣжность, вся искренность и чистота ея натуры. «Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого-бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; *она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно*».

Положимъ, вы—человѣкъ глубоко-религіозный, и вамъ хорошо извѣстно то особое чувство, которое есть любовь къ Богу. И вотъ вы на основаніи этого *своего* чувства хотите составить себѣ точное представленіе о соотвѣтственномъ чувствѣ Лизы. Но если въ составъ вашего чувства не входитъ эта *восторженность*, эта *робость* и *нѣжность*, если къ тому-же вы не можете любить, какъ Лиза, «всѣхъ и никого въ особенности», и у васъ есть друзья и враги, и вообще вы доступны обыденнымъ, житейскимъ страстямъ, то, будьте увѣрены, вы, по своему чувству любви къ Богу, какъ-бы оно ни было сильно, не составите себѣ должнаго представленія о томъ, какъ Лиза любитъ Бога, каковъ религіозный укладъ ея души. Чтобы вполнѣ понять чужую любовь, нужно самому испытать ее во всей ея индивидуальности, что невозможно, въ особенности—если дѣло идетъ о любви отвлеченной, не отъ міра сего, какова любовь къ Богу, къ истинѣ, человѣчеству. Чтобы почувствовать ту любовь къ Богу и людямъ, которою исполнена Лиза, нужно имѣть душу Лизы со всей ея чистотою, дѣтской невинностью, непосредственной глубиною, прирожденной святостью. А такъ какъ это невозможно, то *субъективнаго* пониманія Лизы, какое именно и требуется въ сферѣ чувствъ, у васъ не можетъ быть: для васъ, какъ и для всѣхъ, душа Лизы останется ирраціональной, загадочной. Но есть другой путь,—путь объективнаго наблюденія и сравненія съ другими женскими натурами. Наблюдая различныя душевныя свойства Лизы, ея поступки, ея отношенія къ окружающимъ людямъ и т. д., мы можемъ уловить различіе между нашимъ внутреннимъ міромъ и душою Лизы. Это различіе и дастъ намъ нѣкоторый критерій для сужденія о томъ, что такое Лиза вообще и ея религіозность въ частности.

Изъ запаса такихъ наблюденій прежде всего отмѣтимъ слѣдующее. У огромнаго большинства религіозныхъ людей чувство къ Богу является дѣятельнымъ только въ извѣстные моменты, которые у однихъ повторяются чаще, у другихъ рѣже. Къ этому большинству можно примѣнить—mutatis mutandis—извѣстное стихотвореніе Пушкина: «Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ»... Въ обыкновенное время,—въ религіозныя будни,—

живое чувство къ Божеству какъ-бы нейтрализуется. Чтобы оно воспрянуло и овладѣло душою, нужно или что-нибудь чрезвычайное, болѣзнь, потеря близкихъ, страхъ смерти, или—извѣстная обстановка, вызывающая, по психологической ассоціаціи идей, пробужденіе религіознаго чувства. Совсѣмъ не то видимъ мы у Лизы. Въ ней религіозное настроеніе всегда налицо, и религіозное чувство всегда бодрствуетъ. Для нея нѣтъ религіозныхъ будней. Она вся проникнута и просвѣтлена этимъ мистическимъ началомъ, которое образуетъ неотъемлемую часть ея существа. Оно всегда при ней, какъ при ней—ея чистота, ея доброта, ея нѣжность. Это кладетъ на Лизу особый отпечатокъ. Она является передъ нами озаренная какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, придающимъ ей несказанную прелесть. Самая обыкновенная, самая мелкая и прозаическая душа въ моментъ религіознаго умиленія преображается и становится по своему глубокой и значительной, и самое пошлое лицо—въ эту минуту экстаза—облагорожено вдохновеніемъ. Но пройдетъ это «чудное мгновеніе», и мелкая душа опять станетъ мелкой, и пошлое лицо снова приметъ свое обычное выраженіе. Лиза родилась и живетъ—«преображенной». Но это отличіе Лизы отъ обыкновенныхъ религіозныхъ людей не только количественное, а и качественное: самая религіозность Лизы—иного, высшаго рода. Обыкновенный человѣкъ въ большинствѣ случаевъ самъ портитъ себѣ то «чудное мгновеніе» религіознаго подъема души, о которомъ мы говоримъ,—портитъ, внося сюда привычные эгоистическіе мотивы, движущіе имъ въ его повседневной, будничной жизни; молясь, онъ обыкновенно о чемъ-нибудь проситъ, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ его молитва, его религіозное настроеніе является безкорыстнымъ и самодовлѣющимъ созерцаніемъ Божества. Лиза именно и принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя одарены исключительнымъ даромъ созерцать Божество. Но созерцаніе Божества бываетъ, смотря по созерцающему уму, весьма и весьма различно. Каково оно у Лизы? Для отвѣта на этотъ вопросъ достаточно вспомнить, что всѣ силы души у нея направлены на мистическую любовь къ Богу («она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно...»), а ея умъ занятъ проблемой смерти. «Христіаниномъ нужно быть», говоритъ она Лаврецкому, «не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть». По ея собственному признанію, она часто думаетъ о смерти (гл. XXVI). Почему-же она часто думаетъ о смерти? Боится ея? Очевидно, нѣтъ. Она не изъ числа тѣхъ малодушныхъ, которые такъ подвержены страху смерти. Она думаетъ о смерти потому, что больше всего любитъ Бога и притомъ — любитъ его своеобразно, по женски, внося въ это чувство (которое, по существу, должно быть въ извѣстномъ смыслѣ «отвлеченнымъ», какъ любовь къ идеѣ, истинѣ, справедливости) много непосредственности, женской

нѣжности, влюбленности, беззавѣтности. Вся проникнутая этимъ живымъ мистическимъ чувствомъ, она не можетъ быть такъ привязана къ радостямъ, къ счастью земной жизни, какъ другія женщины, и смерть, этотъ страшный и таинственный актъ, занимаетъ ея умъ лишь какъ переходъ къ другому, высшему существованію. Оттуда и это равнодушіе къ жизни, и эта боязнь грѣха, дурного помысла и способность съ легкимъ сердцемъ отречься отъ эгоистическаго земного счастья и, наконецъ, свобода отъ власти земной женской любви. При такомъ состояніи души обыкновенная логика вещей теряетъ свои права. Душа становится ареной ирраціональныхъ движеній, и загадочное возводится на высшую ступень—мистическаго.

Но чтобы лучше наблюдать и яснѣе видѣть то, что мы наблюдаемъ, сравнимъ Лизу съ нѣкоторыми другими тургеневскими женщинами и прежде всего—съ тою изъ нихъ, въ которой, какъ и въ Лизѣ, главнымъ движущимъ мотивомъ является религіозное чувство. Я имѣю въ виду Софи, героиню разсказа «Странная Исторія». Для этой провинціальной барышни ея религіозныя стремленія составляютъ *все*, весь смыслъ жизни. Она не интересуется ни замужествомъ, ни развлеченіями, ни балами и думаетъ только о «божественномъ;» она преисполнена того рѣзкаго мистицизма, который ищетъ знаменій, вѣщихъ сновъ, голосовъ, видѣній и требуетъ осязательнаго проявленія таинственныхъ силъ въ самой жизни; натуры этого рода преданы не столько Богу, сколько тѣмъ, кого онѣ считаютъ сосудами или посланцами Божества на землѣ, «пророкамъ», юродивымъ, проповѣдникамъ; такія женщины скорѣе уйдутъ въ какую-нибудь мистическую секту, чѣмъ въ монастырь, какъ это дѣлаетъ Лиза. Софи дѣлается спутницей и рабой выжившаго изъ ума юродиваго.

Излишне доказывать, что ничего подобнаго не могло-бы случиться съ Лизой. Въ ней слишкомъ много самостоятельности и внутренней свободы, чтобы для нея возможно было рабское подчиненіе чьей-бы то ни было волѣ. Она никогда не позволитъ другому человѣку «загипнотизировать» ее, овладѣть ея душою. Лиза—при всей своей женственности, нѣжности, кротости—натура сильная, мощная, цѣльная, aus einem Guss. Софи—при всей своей прямолинейности, при всемъ упорствѣ и изумительной способности къ своего рода мученическому подвигу—натура слабая, дряблая, безъ своей воли, безъ своей личности. Она загипнотизирована въ прямомъ смыслѣ этого слова, и ея душевный міръ относится къ области психопатологіи. Лиза—натура душевно-здоровая не только въ тѣсномъ, но и въ обширномъ смыслѣ: въ ней нѣтъ никакихъ признаковъ той душевной вялости, той безхарактерности, апатіи, развинченности и т. д., которымъ подвержены многія и весьма различныя натуры. Въ этомъ смыслѣ она здоровѣе Лаврецкаго, и развѣ только вѣчно-юный Михалевичъ не уступитъ ей въ этомъ отношеніи.

Въ несомнѣнной связи съ душевнымъ здоровьемъ Лизы находится другая черта ея натуры, на которую мы только что указали мимоходомъ: это именно—*внутренняя свобода*, чѣмъ Лиза такъ выгодно отличается отъ Софи, а также отъ многихъ женщинъ нерелигіознаго типа и сближается съ *Маріанной*.

У обѣихъ (у Лизы и Маріанны) есть нѣчто идеальное въ самой натурѣ, у обѣихъ горитъ въ душѣ нѣкій священный огонь, обѣ движутся силою высшихъ, идеальныхъ стремленій, но ни у той, ни у другой нѣтъ и тѣни того фанатизма, который дѣлаетъ человѣка узкимъ, одностороннимъ, рабомъ идеи или чувства. Различіе между ними не въ этомъ, а въ темпераментѣ, въ складѣ ума, въ качествѣ натуры, въ положительномъ содержаніи движущихъ ими идей. Маріанна—*героиня*, Лиза—*святая*. Но героизмъ одной и святость другой соединены въ нихъ съ большой широтою и ясностью духа, съ независимостью мысли, съ неугнетенностью чувства,—съ тѣмъ именно, для чего нѣтъ лучшаго термина, какъ внутренняя свобода. Софи съ этой стороны оттѣняетъ Лизу какъ разъ такъ, какъ Машурина оттѣняетъ Маріанну. И обѣ, Лиза и Маріанна, именно въ качествѣ натуръ идейныхъ и въ то же время внутренно-свободныхъ, одинаково свободны и отъ *власти любви*. Какъ Маріанна не стала рабою своего чувства къ Соломину (не говоря уже о Неждановѣ), такъ и Лиза не была порабощена любовью къ Лаврецкому. Она полюбила Лаврецкаго глубоко и горячо (и, повидимому, на всю жизнь), но ради этой любви, ради возможнаго счастья, она ни на іоту не поступилась своими завѣтными помыслами, тѣмъ, что привыкла считать своимъ нравственнымъ дѣломъ, своими христіанскими воззрѣніями. Какъ немыслимо, чтобы Маріанна измѣнила своимъ идеямъ и стремленіямъ ради какой бы то ни было любви, такъ невозможно и Лизѣ поступиться для личнаго счастья своими религіозными и нравственными убѣжденіями. Вообще нельзя себѣ представить ни Лизу, ни Маріанну «загипнотизированными» страстью (хотя бы эта страсть и не вела къ необходимости поступиться излюбленными идеями) — какъ это мы видимъ въ Еленѣ, нельзя также вообразить ихъ поставленными въ необходимость, подобно Зинаидѣ, безсильно и безуспѣшно отстаивать свою внутреннюю свободу и горько оплакивать ея утрату. Отъ Зинаиды, натуры, какъ мы видѣли, также съ большими задатками внутренней свободы, онѣ отличаются между прочимъ въ томъ отношеніи, что у героини «первой любви» внутренняя свобода перешла въ сферу сознанія и разсматривается ея обладательницею, какъ нѣкоторый даръ, который слѣдуетъ беречь, но который можно и потерять, между тѣмъ какъ Лиза и Маріанна свободны безсознательно, сами того не замѣчая: это—неотъемлемая часть ихъ существа, это воздухъ, которымъ онѣ дышутъ. Въ противуположность Зинаидѣ, онѣ *не могутъ* потерять своей внутренней свободы, и это потому, что ихъ *че-*

ловѣческая личность, окрыленная идеальными стремленіями, уже возвысилась надъ тѣмъ уровнемъ, на которомъ она еще подвержена угнетающему воздѣйствію женственности.

Но Маріанну, какъ извѣстно читателю, мы считаемъ самымъ *раціональнымъ* женскимъ типомъ, а Лизу — самымъ *ирраціональнымъ*. Вотъ именно на это коренное различіе намъ и предстоитъ теперь обратить вниманіе: это поможетъ намъ лучше понять Лизу и въ особенности уяснить себѣ ту сторону ея натуры, которую я опредѣляю гётевскимъ «das Ewig-Weibliche», утверждая въ то же время, что Лиза свободна отъ гнета женственности.

Душевный міръ обѣихъ, Лизы и Маріанны, движется силою высшихъ идей и въ особенности *чувствъ*. Чувства вообще ирраціональны, но въ разной мѣрѣ. То, которое дѣйствуетъ въ Маріаннѣ, принадлежитъ къ числу *наименѣе* ирраціональныхъ. Это именно чувство любви къ идеѣ и человѣчеству, настолько сильное и живое, что ведетъ къ подвигу, къ самопожертвованію. Оно, во-первыхъ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ *спеціально-женскихъ* чувствъ, которыя уже въ силу этой спеціализаціи, этой ихъ *женственности*, намъ, мужчинамъ, кажутся, да и въ самомъ дѣлѣ являются ирраціональными. То, что согрѣваетъ душу Маріанны и служитъ движущей пружиной ея стремленій, доступно и намъ, мужчинамъ. Въ Маріаннѣ оно только окрашивается женской чуткостью, непосредственностью, страстностью и т. п., но эта окраска еще не дѣлаетъ его загадочнымъ. Во-вторыхъ, оно, это чувство, весьма доступно анализу и контролю ума. Быть можетъ, и по своему происхожденію, оно сродни раціональнымъ силамъ духа. Это чувство есть *альтруизмъ*,—психическое начало двойственнаго происхожденія: на половину это—душевное стремленіе, развившееся изъ природной общественности человѣка (эмбріонъ альтруизма—въ «стадномъ чувствѣ»), на половину же это одно изъ «умственныхъ» чувствъ, т. е. такихъ, развитіе которыхъ невозможно безъ расширенія мысли, безъ работы ума, безъ вліянія идей. Оттуда тотъ общеизвѣстный фактъ, что прогрессъ науки, философіи, литературы, образованности всегда предшествуетъ возникновенію болѣе или менѣе широкихъ общественныхъ движеній, появленію общественныхъ дѣятелей, реформаторовъ, героевъ. Въ этомъ смыслѣ справедливо старое изреченіе, что идеи движутъ міромъ *).

---

*) Есть, конечно, разные виды, сорты и ступени альтруистическаго чувства; изъ нихъ выше и раціональнѣе тѣ, которые находятся въ большей зависимости отъ разума, отъ идей, и наиболѣе удалились отъ стихійнаго чувства стадности. Поэтому альтруизмъ космополитическій (безъ различія національности, сословія, религіи и т. д.) раціональнѣе напр. націоналистическаго, сословнаго и т. п. Національный альтруизмъ въ своемъ низшемъ выраженіи—въ шовинизмѣ—спускается до полной ирраціональности и дѣйствуетъ слѣпо и—нелѣпо.

Находясь въ зависимости отъ разумныхъ силъ мысли, ими просвѣтленный и освобожденный отъ слѣпыхъ пристрастій (напр. національныхъ), высшій общечеловѣческій альтруизмъ является однимъ изъ наиболѣе *раціональныхъ* чувствъ. Таковъ именно альтруизмъ Маріанны. При ея живомъ умѣ, при большой внутренней свободѣ, отсутствіи фанатизма, онъ становится душевнымъ началомъ, въ которомъ ирраціональность чувства доведена до минимума и можетъ считаться равной нулю.

Обратимся къ Лизѣ. Ея основное чувство есть также альтруизмъ—очень широкій, всечеловѣческій, христіанскій въ настоящемъ, евангельскомъ смыслѣ, и съ этой точки зрѣнія онъ—выше и чище альтруизма Маріанны: онъ подчиняется завѣту «любите враговъ вашихъ, дѣлайте добро ненавидящимъ васъ». Онъ—одна, чистая, безпримѣсная любовь, безъ вражды и ненависти,—любовь, являющаяся выраженіемъ того наивысшаго этическаго начала, которое дано въ Нагорной проповѣди. Лиза всѣхъ любитъ, жалѣетъ и прощаетъ,—даже Паншина и жену Лаврецкаго. Она органически неспособна ненавидѣть—напр. дурного, злого человѣка, за то, что онъ золъ; она будетъ только скорбѣть и молиться о немъ. Такая любовь—не отъ міра сего, и душа, ею движимая, не призвана жить, трудиться и бороться въ этомъ грѣшномъ мірѣ, гдѣ нельзя обойтись—въ интересахъ добра и правды—безъ вражды и ненависти. Но къ нравственному міру человѣка не приложимъ масштабъ утилитарности. Нравственныя стремленія имѣютъ свою безотносительную цѣнность, свое абсолютное достоинство независимо отъ примѣнимости ихъ къ жизни. Съ этой точки зрѣнія, по скольку въ строго-этическомъ смыслѣ идеалъ Нагорной проповѣди выше всѣхъ другихъ идеаловъ, по стольку и душа Лизы выше души Маріанны, и любовь героини «Дворянскаго Гнѣзда» шире и чище любви героиня «Нови». Но эта высь, и ширь, и чистота святого чувства куплены здѣсь цѣною раціональности *мысли*.

Чтобы уяснить себѣ это, необходимо обратить вниманіе на то, въ какія отношенія къ сферѣ умственной, къ сферѣ общихъ идей, къ работѣ мысли становится нравственное чувство любви къ ближнему по мѣрѣ своего развитія и расширенія. Будемъ итти снизу вверхъ, и сперва вообразимъ себѣ самую низшую ступень,—ту, на которой нѣтъ еще нравственной личности, ступень полнаго индивидуальнаго эгоизма, т. е. представимъ себѣ человѣка, повинующагося только своимъ животнымъ инстинктамъ. Душа такого нравственнаго урода будетъ совершенно *ирраціональна*, ибо руководящими мотивами его поступковъ будутъ не мысли, не идеи и не чувства, съ ними связанныя, а инстинкты, страсти, хотѣнія, дѣйствующія совершенно слѣпо и неразумно. Ирраціональность нравственной сферы такого человѣка такъ велика, что мы будемъ вправѣ охарактеризовать его психіатрическимъ терминомъ «нравственно-помѣшанный». Подымаясь отъ этого пункта выше—къ разнымъ видамъ убы-

вающаго личнаго эгоизма или расширяющагося альтруизма, къ любви семейной, отцовской, материнской, товарищеской, къ сословному, національному, патріотическому чувству и т. д.,—мы видимъ, что развитіе этихъ нравственныхъ отношеній сопряжено съ развитіемъ общихъ идей, съ расширеніемъ сферы мысли и съ увеличеніемъ зависимости чувства отъ мысли. Весь этотъ порядокъ нравственныхъ чувствъ неотдѣлимъ отъ соотвѣтственнаго порядка *идей*, напр. идеи семьи, отечества, государства, національной чести и т. д. Вотъ именно эта неотдѣлимость альтруистическихъ чувствъ отъ нравственныхъ и другихъ идей и дѣлаетъ эти чувства любви и симпатіи разумными, преобразуетъ ихъ изъ слѣпыхъ, инстинктивныхъ, стихійныхъ въ болѣе или менѣе раціональныя. Высшей точки достигаетъ это движеніе тамъ, гдѣ чувство любви или симпатіи къ ближнему превращается въ общечеловѣческій альтруизмъ, а идея, ему отвѣчающая, возвышается до общечеловѣческаго идеала братства, равенства и солидарности, при чемъ между идеей и чувствомъ устанавливается гармоническое соотношеніе, т. е. человѣкъ любитъ людей безъ различія національности и другихъ разграниченій такъ и настолько,—какъ и насколько это вытекаетъ изъ теоретическихъ и практическихъ требованій идеала. Это и будетъ тотъ раціональный общечеловѣческій альтруизмъ, который логически приводитъ къ необходимости, ради любви къ человѣчеству, ненавидѣть враговъ человѣчества. Его мы видимъ въ Маріаннѣ.

Теперь представимъ себѣ—психически вполнѣ возможное—дальнѣйшее движеніе чувства, когда любовь къ людямъ подвинется ступенью выше и черезъ посредство чувства жалости и состраданія распространяется на все человѣчество, не исключая и враговъ его. Этотъ высшій, сострадающій и всепрощающій альтруизмъ по необходимости нарушаетъ ту гармонію между чувствомъ и идеей, о которой мы только-что говорили. Между извѣстными требованіями идеи, теоретическими и практическими съ одной стороны, и влеченіями чувства съ другой, возникаютъ противорѣчія. Чувство жалѣетъ и прощаетъ, между тѣмъ какъ идея, во имя логики и справедливости, осуждаетъ и отрицаетъ. Она хотѣла-бы имѣть опору въ соотвѣтственномъ чувствѣ—и, не находя его, остается какъ-бы безъ выраженія, безъ органа, безъ психологическихъ устоевъ. И она неминуемо пошатнется,—если только не заговорятъ въ душѣ тѣ чувства, которыя ей нужны. Для возстановленія нарушенной гармоніи внутренняго міра, необходимо одно изъ двухъ: или возникновеніе соотвѣтственныхъ чувствъ, могущихъ по всѣмъ пунктамъ уравновѣсить идею, или-же—устраненіе самой идеи и замѣна ея другимъ умственнымъ началомъ, другимъ умонастроеніемъ, которое находилось-бы въ полной гармоніи съ тѣмъ сострадающимъ и всепрощающимъ альтруизмомъ чувства, о которомъ идетъ рѣчь. Это другое умонастроеніе можетъ выражаться въ

весьма разнообразныхъ міровоззрѣніяхъ, ученіяхъ. У Толстаго напр. оно отлилось въ форму его извѣстныхъ идей о «непротивленіи злу» и о «неделаніи». У Лизы оно держится въ предѣлахъ евангельскаго откровенія. Одно изъ наиболѣе яркихъ его выраженій представляетъ собою древній буддизмъ. Въ будущемъ могутъ возникнуть новые типы такого уклада мысли. При всемъ разнообразіи исторически-извѣстныхъ и возможныхъ въ будущемъ его типовъ или формъ, онъ всегда былъ и, вѣроятно, всегда запечатлѣнъ характеромъ большей или меньшей *ирраціональности*. Обращаясь теперь къ тому чувству, которому отвѣчаетъ этотъ укладъ мысли, мы найдемъ, что въ противуположность послѣднему, оно должно быть признано чуть-ли не самымъ *раціональнымъ* изъ чувствъ. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ чувство ниже, эгоистичнѣе, животнѣе, тѣмъ оно ирраціональнѣе; облагораживаясь, торжествуя надъ животной природой человѣка, оно освобождается отъ гнета стихійности, отъ слѣпоты инстинкта, отъ темноты душевной и становится въ извѣстномъ смыслѣ раціональнымъ. Такимъ и является чувство всеобъемлющаго состраданія, высшаго альтрюизма, евангельской, всепрощающей любви. Итакъ, чувство—раціонально, а мысль, ему отвѣчающая, ирраціональна, и, сочетаясь, онѣ даютъ въ результатѣ душевную гармонію. Это гармонія контрастовъ и одно изъ любопытнѣйшихъ явленій психическаго ритма. Въ общемъ натура, въ которой эта гармонія осуществилась, должна быть признана ирраціональной. Но это—ирраціональность высшаго рода, удѣлъ избранныхъ. Не для ихъ *мысли* созданъ міръ: она не постигаетъ его; ихъ *чувство* создано не для міра: онъ его не пойметъ. Одинъ изъ типичныхъ представителей этихъ избранныхъ натуръ, Г. С. Сковорода, справедливо сказалъ: «міръ меня ловилъ, но не поймалъ».

Въ такой душѣ, несозданной для міра, мы наблюдаемъ какъ-бы перемѣщеніе центра тяжести личности: личное «я» перестаетъ тяготѣть къ земному бытію; привычная обстановка, тепло и свѣтъ жизни, земныя радости, связи съ людьми, всѣ интересы, заботы, стремленія, цѣли — все это теряетъ свою притягательную силу, которой дѣйствіе переносится въ другую сферу,—въ какую именно, это ужъ зависитъ отъ умственнаго и нравственнаго уклада человѣка. У Лизы оно перенесено въ религіозную, мистическую сферу. Мысль о Богѣ, о «загробной» жизни, мистическая любовь къ Богу—вотъ къ чему тяготѣютъ всѣ душевныя силы Лизы, вотъ куда перемѣщенъ центръ тяжести ея личности. Окончательно совершилось это перемѣщеніе, когда Лиза ушла въ монастырь, и здѣсь-то ея натура, весь укладъ ея души и вся ирраціональность этого уклада достигли своего полнаго выраженія. Это особое, чуждое и непонятное намъ, людямъ жизни, состояніе сознанія, при которомъ духъ человѣческій освобождается отъ опутывающихъ его психическихъ узъ земныхъ отношеній, земныхъ стремленій и—свободный, ясный и чистый—весь сосре-

доточивается на одномъ высокомъ помыслѣ, на одномъ священномъ чувствѣ, — весь цѣликомъ истрачивается на одну любовь. чистую, какъ отвлеченіе, горячую, какъ молитва. и, какъ она-же, полную наивной поэзіи. Это наивысшая—мистическая стадія ирраціональности духа. Чтобы еще лучше уяснить себѣ ея психологію, сопоставимъ ее съ другимъ видомъ отреченія отъ міра и бѣгства отъ жизни.

Есть у Мицкевича одно чудное стихотвореніе, въ которомъ схваченъ этотъ душевный мотивъ—порывъ бѣжать отъ міра. отъ жизни, отъ людей. отрекшись ото всего, что̀ есть лучшаго, что́ даетъ величайшія радости, отъ любви, отъ дружбы, но сохраняя и унося съ собою святое чувство любви къ человѣчеству. Поэтъ—при наступленіи новаго года—задаетъ себѣ вопросъ: чего-бы пожелать себѣ? Можетъ быть, веселыхъ минутъ? Нѣтъ. потому что потомъ будетъ еще грустнѣе. Можетъ быть, любви? Опять нѣтъ. потому что ея блаженство смѣнится страданіями. Можетъ быть, дружбы? Это самое прочное чувство, и много радостей даетъ оно, но зато, когда друзей постигнетъ несчастье, то какъ жестоко мучится человѣкъ за себя и за другихъ! Нѣтъ, не надо и дружбы. Чего-же пожелать? Я пожелаю себѣ, говоритъ поэтъ, могилы, дубовой постели, откуда-бы я не видѣлъ ни блеска солнца, ни смѣха враговъ, ни слезъ друзей. Тамъ до конца свѣта я хотѣлъ-бы — во снѣ, отъ котораго ничто меня не разбудитъ, — мечтать такъ, какъ мечталъ я въ мои молодые годы: любить міръ, питать дружбу къ міру, но—вдали отъ людей *).

---

*) Стихотвореніе-же, озаглавленное „Новый годъ", было написано подъ новый 1824 г. въ Вильнѣ, въ тюрьмѣ, гдѣ содержались Мицкевичъ и его друзья по дѣлу „филаретовъ". Привожу его въ подлинникѣ:

Nowy Rok.

Skonał rok stary: z jego popiołów wykwita
Feniks nowy; już skrzydła roztacza na niebie;
Świat go cały nadzieją i życzeniem wita:
Czegóż w tym nowym roku żądać mam dla siebie?

Może chwilek wesołych? – Znam te błyskawice.
Kiedy niebo otworzą i ziemię ozłocą,
Czekamy wniebowzięcia: aż nasze źrenice
Grubszą niżeli pierwej zasępią się nocą.

Może kochania?—Znam tę gorączkę młodości.
W platońskie wznosi sfery, przed rajskie obrazy:
Aż silnych i wesołych strąci w ból i mdłości,
Z siódmego nieba w stepy, między zimne głazy.

Chorowałem, marzyłem, latałem i spadam.
Marzyłem boską różę; blizki jej zerwania
Zbudziłem się; sen zniknął, róży nie posiadam.
Kolce w piersiach zostały.—Nie żądam kochania!

Въ этомъ стихотвореніи Мицкевича занимающій насъ душевный мотивъ представленъ въ нѣкоторой эгоистической окраскѣ: человѣкъ отрекается отъ радостей жизни, отъ блаженства любви, отъ дружбы—спасаясь отъ тѣхъ скорбей, разочарованій, страданій, которыя неизбѣжно постигаютъ его въ жизни. Еще яснѣе видна эгоистическая сторона такого отреченія отъ міра въ аналогичномъ стихотвореніи Лермонтова «Выхожу одинъ я на дорогу»:

... Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,—
Я-бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день, мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ...

Мечта о «сладкомъ голосѣ, поющемъ про любовь» (конечно, женскую), это во всякомъ случаѣ болѣе эгоистическое желаніе, чѣмъ та любовь къ человѣчеству вдали отъ этого человѣчества, о которой говоритъ Мицкевичъ. Различны также и мотивы, побуждающіе стремиться къ отреченію отъ міра: у Мицкевича это, какъ мы только что видѣли, боязнь страданій, у Лермонтова-же—разочарованность и равнодушіе къ жизни («Ужъ

Może przyjaźni?—Któżby nie pragnął przyjaźni!
Z bogiń, które na ziemi umie młodość tworzyć,
Wszakże to najpiękniejsza córka wyobraźni
Najpierwsza zwykła rodzić i ostatnia morzyć.

O, przyjaciele, jakże jesteście szczęśliwi!
Jako w palmie Armidy wszyscy żyjąc społem,
Jedna zaklęta dusza całe drzewo żywi,
Choć każdy listek zda się oddzielnym żywiołem.

Ale kiedy po drzewie grad burzliwy chłośnie,
Lub je żądło owadów jadowitych drażni:
Jakże każda gałązka dręczy się nieznośnie
Za siebie i za drugie!—Nie żądam przyjaźni!

I czegóż więc w tym nowym roku będę żądał?
Samotnego ustronia, dębowej pościeli,
Skądbym już ani blasku słońca nie oglądał,
Ni śmiechu nieprzyjaciół, ni łez przyjacieli.

Tam do końca, a nawet i po końcu świata,
Chciałbym we śnie, z którego nic mię nie obudzi,
Marzyć, jak-em przemarzył moje młode lata:
Kochać świat, sprzyjać światu—zdaleka od ludzi...

не жду отъ жизни ничего я, и не жаль мнѣ прошлаго ничуть»). Оба стремленія (у Лермонтова и Мицкевича) могутъ быть названы въ своемъ родѣ «психологическими утопіями», построенными на эгоистическомъ пессимизмѣ: міръ полонъ зла и страданій, но въ немъ есть и нѣчто прекрасное и самоцѣнное, доставляющее человѣку величайшія наслажденія,— и вотъ человѣкъ лелѣетъ утопію—уйти отъ міра, избавиться отъ всѣхъ его золъ и бѣдъ, его страданій и разочарованій, но непремѣнно такъ, чтобы удержать за собою и унести это прекрасное и самоцѣнное,—будетъ-ли это абстрактная любовь къ абстрактному человѣчеству, или невидимый голосъ, чарующій душу сладкой пѣснью про любовь. Но эта утопическая неосуществимая мечта, столь категорически выраженная въ обоихъ стихотвореніяхъ, является лишь поэтическимъ образомъ, который говоритъ или, лучше, заставляетъ мыслить многое, что въ немъ самомъ не заключено, — который, какъ и всякій поэтическій образъ, служитъ только «представленіемъ» или формою апперцепціи разныхъ мыслей и чувствъ. И прежде всего самая утопичность мечты указываетъ намъ на сознаніе (у Мицкевича—въ особенности), что безъ страданій и разочарованій нельзя получить того душевнаго сокровища, которое поэтъ хотѣлъ-бы унести съ собою въ могилу, что право имѣть высокое, святое чувство должно быть выстрадано. У Мицкевича въ послѣднемъ аккордѣ— «любить человѣчество—вдали отъ людей»—чувствуется увѣренность въ противуположномъ, въ томъ, что эта любовь невозможна безъ живыхъ связей съ людьми и безъ тѣхъ страданій, которыя оттуда проистекаютъ. Эти и другія мысли, возбуждаемыя стихотвореніями Мицкевича и Лермонтова, помогаютъ намъ еще глубже понять утопичность мечты, въ нихъ выраженной: *эта мечта не имѣетъ нравственнаго оправданія.* Мотивы (стремленіе избѣжать страданій—у Мицкевича, разочарованность—у Лермонтова) не суть мотивы нравственнаго порядка, а между тѣмъ само-то стремленіе, намѣченная цѣль сводится къ личному блаженству, къ достиженію счастливаго, уравновѣшеннаго, самоусладительнаго состоянія духа. Это внутреннее счастье можетъ быть достигнуто только цѣною самоотреченія, жертвъ, нравственнаго подвига, и мотивы, побуждающія стремиться къ этой «свободѣ и покою», чтобы не быть утопичными, должны корениться не въ чемъ иномъ, какъ именно въ нравственной сферѣ личной жизни.

Теперь мы можемъ вернуться къ Лизѣ.

Лиза также стремится въ сущности «къ свободѣ и покою», къ свободѣ отъ тягостныхъ ей связей съ людьми, отъ гнетущихъ ее противорѣчій жизни, отъ неизбѣжныхъ «въ мірѣ» грѣховъ и компромиссовъ,— къ покою души, къ наполняющей ея душу несказаннымъ блаженствомъ близости къ Божеству въ монастырѣ, къ мистическимъ восторгамъ религіозной жизни. Но это высокое счастье она заслужила; она его купила

цѣною огромной жертвы—она отказалась ради него отъ счастья съ любимымъ человѣкомъ. Это счастье было вполнѣ возможно, и отъ нея зависѣло его осуществленіе. Чтобы понять всю громадность этой жертвы, нужно вспомнить, что любовь Лизы и Лаврецкаго была любовь глубокая и могущественная, основанная не на скоропреходящемъ увлеченіи, а на внутреннемъ сродствѣ душъ,—это была любовь на всю жизнь, она сулила настоящее, прочное счастье, то рѣдкое поэтическое счастье, ради котораго люди такъ легко отрекаются отъ высшихъ идей, отъ религіи, отъ идеаловъ, и только такія рѣдкія натуры, какъ Лиза, способны принести въ жертву высшимъ, неличнымъ стремленіямъ души.

Итакъ, это была жертва, это былъ подвигъ самоотреченія.

И это жертвоприношеніе было совершено силою мотивовъ *чисто-нравственнаго* порядка. Вспомнимъ здѣсь сцену въ концѣ главы XLII.

«— Да,—сказала она глухо:—мы скоро были *наказаны*.

— Наказаны,—повторилъ Лаврецкій...—За что-же вы-то наказаны?

Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали...

Сердце въ Лаврецкомъ дрогнуло отъ жалости и любви.

— ...Все кончено,—прошепталъ онъ:—да, все кончено—прежде чѣмъ началось.

— Это все надо забыть,—проговорила Лиза...—Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. Вы, Өедоръ Ивановичъ, должны примириться съ вашей женой.

— Лиза!

— Я васъ прошу объ этомъ: этимъ однимъ можно загладить... все, что было...

— ...Хорошо,—проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій:—это я сдѣлаю, положимъ; этимъ я исполню свой долгъ. Ну, а вы—въ чемъ-же вашъ долгъ состоитъ?

— Про это я знаю.

Лаврецкій вдругъ встрепенулся.

— Ужъ не собираетесь-ли вы выйти за Паншина?—спросилъ онъ.

Лиза чуть замѣтно улыбнулась.

— О, нѣтъ! промолвила она».

Не трудно видѣть, что Лизой движетъ мотивъ не какого-нибудь иного, какъ именно нравственнаго или точнѣе нравственно-религіознаго порядка. Она считаетъ дѣломъ грѣшнымъ, безнравственнымъ строить свое счастье на несчастьи другихъ. Отнять Лаврецкаго отъ его семьи, хотя-бы и не любимой имъ и чуждой ему, она признаетъ почти преступленіемъ, подлежащимъ наказанію. Весьма возможно, что въ данномъ случаѣ она ошибалась. Потеря мужа никакихъ нравственныхъ, ни иныхъ страданій не причинила-бы г-жѣ Лаврецкой и ея дочери, и все устроилось-бы къ об-

щему удовольствію. Но таково уже глубокое, непоколебимое убѣжденіе Лизы—въ нерасторжимости брака, въ необходимости прощенія, въ возможности нравственнаго возрожденія такихъ испорченныхъ натуръ, какъ жена Лаврецкаго. Для нея не подлежитъ сомнѣнію, что отнимая у семьи Лаврецкаго, она нарушитъ святость брака, лишитъ жену Лаврецкаго мужа, его дочь—отца, его самаго—возможности простить, а ее (madame Лаврецкую!)—возможности раскаяться и загладить свое прошлое. Свой чистый порывъ, свою любовь къ Лаврецкому она признаетъ поэтому грѣховными, себя считаетъ недостойной счастья, само счастье—невозможнымъ и нежелательнымъ, разъ оно сопряжено съ компромиссами, съ нарушеніемъ чьихъ-то, хотя-бы и фиктивныхъ, правъ. Возвращеніе жены Лаврецкаго ей представляется поэтому предостереженіемъ свыше и даже наказаніемъ за грѣховное, по ея мнѣнію, чувство. «Теперь вы сами видите, что счастье не отъ насъ, а отъ Бога», говоритъ она Лаврецкому.

Но этого мало. Нравственныя основанія самоотреченія Лизы оказываются еще глубже:

Въ сценѣ, гдѣ Лиза объявляетъ тетушкѣ, несравненной Марѳѣ Тимоѳеевнѣ, о своемъ рѣшеніи пойти въ монастырь, она говоритъ между прочимъ: «...Я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога, все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; *да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю.* Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. *Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все это отмолить, отмолить надо...»* (Гл. XLV).

Передъ нами три вида самоотреченія или удаленія отъ жизни: одинъ—у Лизы, другой—въ стихотвореніи Мицкевича, третій—въ стихотвореніи Лермонтова. Эти три вида являются въ то-же время *стремленіями къ тремъ разнымъ блаженствамъ.* Блаженство Лизы есть мистическая любовь къ Богу, сладость молитвы, радость покаянія и, на всемъ этомъ основанный, безусловный, несокрушимый покой души. У Мицкевича это—утопическое блаженство успокоенія души въ высокомъ чувствѣ любви къ человѣчеству,—чувствѣ, которое, въ силу изолированности его носителя отъ людей, неспособно ни омрачиться, ни изсякнуть. У Лермонтова—это эгоистическое наслажденіе поэтическими чарами любви,—не самой любовью, всегда требующей затраты душевныхъ силъ, а именно только ея поэтизированнымъ, одухотвореннымъ, чарующимъ *представленіемъ*, не требующимъ дѣйствія «силъ жизни» и совмѣстимомъ съ ихъ усыпленнымъ, дремотнымъ состояніемъ *). Изъ этихъ трехъ блаженствъ одно только блаженство Лизы не утопично: оно

*) Нужно читать: „чтобъ въ груди *дремали* жизни силы“ (такъ напр. въ изд. Павленкова), а не *дрожали*, какъ печатали прежде.

вполнѣ осуществимо—для такихъ натуръ, какъ она: это различіе находится въ тѣсной связи съ тѣмъ фактомъ, что блаженству Лизы *не присущъ* тотъ духъ *квіетизма*, которымъ такъ рѣзко запечатлѣны два другія. Удаленіе Лизы отъ міра можетъ быть названо *квіетистическимъ* развѣ только сравнительно напр. съ активностью Маріанны и съ точки зрѣнія *общественной борьбы*, но отнюдь не въ смыслѣ *психологическомъ*. У Лизы нѣтъ и тѣни стремленія къ психологическому квіетизму, нѣтъ никакихъ слѣдовъ душевной усталости или изнѣженности. Напротивъ, душа Лизы полна энергіи и въ высокой степени активна, ибо ея самоотреченіе, во-первыхъ, такого сорта, что требуетъ большой силы воли, духовной мощи, а во-вторыхъ та религіозная жизнь, которой посвящаетъ себя Лиза, сводится къ очень энергической, очень интенсивной *дѣятельности* духа, требующей большого самообладанія, сосредоточенія вниманія на одномъ пунктѣ, борьбы съ разсѣянностью, съ лѣнью мысли и усталостью чувства, чему такъ подверженъ внутренній міръ человѣка. Наконецъ, молитва и покаяніе, религіозный экстазъ, мистическое чувство—это не пассивныя состоянія души, это ея энергія, это затрата душевной силы, напряженная работа мысли и чувства, несовмѣстимая съ психологическимъ квіетизмомъ, съ тѣмъ дремотнымъ состояніемъ «силъ жизни», съ тою своего рода летаргіею, о которыхъ говорится въ стихахъ Лермонтова и Мицкевича.

Настоящій—психологическій — квіетизмъ есть именно стремленіе низвести *энергію* душевныхъ процессовъ до того минимума, при которомъ эти процессы могли-бы разсматриваться уже не какъ *дѣятельность*, а какъ *состояніе*, казались-бы превращенными въ *пассивныя ощущенія*.

По существу дѣла, такое превращеніе невозможно, ибо всѣ душевные процессы суть дѣятельности, а не состоянія въ собственномъ смыслѣ, и всѣ ощущенія—активны. Но стремленіе къ квіетизму духа вполнѣ возможно и даже является неизбѣжнымъ спутникомъ душевной дѣятельности, въ особенности такой, которая, требуя большой траты энергіи, не даетъ человѣку должнаго умственнаго и нравственнаго удовлетворенія. Стремленіе къ квіетизму временами сопровождается иллюзіей его достиженія: когда болѣе энергичные процессы духа смѣняются менѣе энергичными человѣку кажется, будто-бы эти послѣдніе суть уже не дѣятельность, а состояніе, будто они не активны, а пассивны. Возникаетъ пріятное чувство душевнаго отдыха, подсказывающее сознанію ложную мысль, что основаніе или источникъ внутренняго душевнаго счастья — въ пассивности, а не въ активности духа. Къ этому вопросу мы вернемся впослѣдствіи, когда, закончивъ анализъ творчества Тургенева и Толстого, мы перейдемъ къ заключительнымъ соображеніямъ о психологической природѣ художественнаго процесса вообще: мы увидимъ тогда, что этотъ процессъ—психо-

логически—сродни тому, который называется *счастьемъ*, и что оба должны быть понимаемы, какъ развитіе въ душѣ нѣкоторой высшей творческой *энергіи*.

Сопоставленіе «трехъ блаженствъ отреченія отъ жизни» приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ или требованіямъ:

1) Отреченіе жизни, чтобы быть осуществимымъ, а не утопіей, должно исходить исключительно изъ побужденій *нравственнаго* порядка: если, повинуясь однимъ только велѣніямъ нравственнаго убѣжденія и чувства, голосу совѣсти, человѣкъ не находитъ для себя возможнымъ жить съ людьми, трудиться на нивѣ жизни,—пусть онъ уходитъ отъ міра, для котораго онъ не былъ созданъ, пусть замыкается въ самомъ себѣ, всецѣло отдается религіи, наукѣ, созерцанію, подвижничеству,—чему угодно. Это не будетъ утопія, это не будетъ напрасная мечта: онъ въ самомъ дѣлѣ *ушелъ* отъ жизни, отъ людей и живетъ одинъ,—самъ по себѣ существуетъ—полный собою, своимъ нравственнымъ укладомъ, своимъ идейнымъ содержаніемъ, одной всепоглощающей мечтою, одной безсмертной любовью, одной великой мыслью. И эта любовь, мечта или мысль не пропадутъ даромъ: человѣчество такъ или иначе ими воспользуется.—Но если человѣкъ захочетъ уйти отъ жизни—движимый эгоизмомъ, озлобленіемъ, разочарованіемъ, — онъ не уйдетъ отъ нея: она настигнетъ въ его убѣжищѣ и либо покараетъ за малодушное бѣгство, либо излѣчитъ отъ эгоизма, вновь примиритъ съ людьми или еще пуще озлобитъ,—доведетъ его разочарованность до отчаянія, его усталость до изможденія, или-же, наоборотъ, вновь очаруетъ и увлечетъ въ свой водоворотъ.

2) Блаженство отреченія должно быть куплено цѣною самопожертвованія, цѣною подвига и оправдано высшимъ призваніемъ человѣка. Жить въ мірѣ, «возиться съ людьми» (какъ выражается Базаровъ), трудиться, бороться, страдать—это обязанность человѣка. Отъ этой тяжелой обязанности онъ можетъ быть освобожденъ только ради высшей дѣятельности духа, имѣющей свою безотносительную цѣнность,—ради развитія въ себѣ какой-либо высшей, совершеннѣйшей духовной *энергіи*, нравственной или умственной, которая сама по себѣ есть прежде всего душевный трудъ, тяжелый и требовательный, а потомъ уже—«блаженство».

3) Отрекаясь отъ жизни съ людьми и отдаваясь всецѣло высшей дѣятельности духа, человѣкъ не имѣетъ права требовать и получать тѣ сорты радостей, тѣ виды счастья, которые даются жизнью «въ мірѣ».

Такимъ требованіямъ, какъ-бы они ни были суровы, Лиза вполнѣ удовлетворяетъ, и всякій упрекъ въ эгоистическомъ удаленіи отъ міра, къ ней обращенный, заранѣе обезоруживается. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію *этической* стороны въ психологіи Лизы, къ анализу ея *нравственной личности*.

Человѣкъ живетъ и движется силою весьма разнообразныхъ внутреннихъ стремленій, въ числѣ которыхъ дѣйствуютъ и мотивы нравственнаго порядка, но они такъ причудливо и тѣсно переплетаются съ мотивами другихъ порядковъ, что выдѣлить ихъ оттуда въ большинствѣ случаевъ оказывается дѣломъ весьма нелегкимъ. И чѣмъ болѣе полной и разносторонней жизнью живетъ человѣкъ, тѣмъ труднѣе произвести такое выдѣленіе или изолированіе нравственныхъ мотивовъ отъ другихъ и опредѣлить для каждаго даннаго случая или даже для цѣлой полосы въ жизни человѣка,—что именно было главнымъ стимуломъ различныхъ его поступковъ или его дѣятельности вообще, нравственныя-ли побужденія, или какія-нибудь иныя, напримѣръ, честолюбіе. Иногда поступокъ человѣка имѣетъ все обличье нравственнаго, не будучи, однако, та́ковымъ по существу дѣла, т. е. по сознательнымъ внутреннимъ мотивамъ. Мы видимъ, напримѣръ, что человѣкъ отказывается отъ извѣстныхъ, даже очень значительныхъ благъ, уступая ихъ другимъ, имѣющимъ на нихъ больше правъ, чѣмъ онъ,—и мы уже склонны квалифицировать этотъ поступокъ какъ нравственный. Но легко можетъ оказаться, что человѣкъ сдѣлалъ это—движимый вовсе не нравственнымъ побужденіемъ, а, напримѣръ, лѣнью, нежеланіемъ и неумѣніемъ бороться, домогаться, конкурировать. Далѣе, поступки, имѣющіе обличіе нравственныхъ, часто совершаются силою увлеченія идеей или силою страстнаго чувства. Въ этого рода случаяхъ нравственное движеніе души совпало съ другимъ ея стремленіемъ и такъ заслонено этимъ послѣднимъ, что часто нѣтъ возможности его выдѣлить и опредѣлить его роль и силу; для рѣшенія вопроса нужно подождать, пока увлеченіе пройдетъ: если человѣкъ будетъ дѣлать то-же самое, имѣющее нравственное обличье, и тогда, когда увлеченіе прошло, то мы скажемъ, что нравственный мотивъ долженъ былъ имѣть большое значеніе и раньше, въ періодъ увлеченія идеей или чувствомъ. Когда Елена ушла за Инсаровымъ, когда Маріанна бѣжала изъ дома Сипягиныхъ,—ими руководили весьма разнообразныя и сложныя душевныя стремленія, въ ряду которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, были и чисто-нравственныя Но у Елены они слились съ чувствомъ любви къ Инсарову, у Маріанны они перепутались съ ея увлеченіемъ идеею служенія народу, съ ея молодымъ позывомъ къ широкой, захватывающей дѣятельности, къ подвигу, съ ея гордостью и стремленіемъ къ независимости. Не легкое дѣло—распутать такой психическій клубокъ и извлечь изъ него какъ разъ ту нить, которая намъ нужна для психологическаго діагноза.

У Лизы нравственный укладъ выдѣляется сравнительно легче, во-первыхъ, въ силу того, что въ ея душевномъ мірѣ онъ играетъ роль капитальную, и во-вторыхъ—потому, что онъ переплетенъ и совмѣщается у нея съ такимъ психическимъ началомъ, которое его не затемняетъ,—съ

началомъ *религіознымъ*, съ тою *ея* религіею, о которой мы говорили выше. Я именно имѣю въ виду индивидуальную религію Лизы, а не религіозное чувство или религіозныя идеи вообще, которыя могутъ заслонять собою чисто-нравственные мотивы такъ-же точно, какъ это дѣлаютъ и другія чувства или идеи. Если человѣкъ поступаетъ нравственно и при этомъ вѣритъ, что за безнравственные поступки онъ будетъ мучиться въ аду, или если человѣкъ отрекается отъ житейскихъ благъ или идетъ на мученическій подвигъ—движимый религіознымъ фанатизмомъ, то мы опять получаемъ тотъ душевный «клубокъ», въ которомъ такъ трудно распознать потерянную въ немъ нить чисто-нравственнаго движенія души. Но не таково отношеніе нравственнаго уклада къ религіозному у Лизы. Во всемъ ея существѣ вы ясно видите вѣчно-бодрствующее, всегда настороже, живое и тонкое нравственное чувство, родъ прирожденнаго нравственнаго такта или чутья, безошибочно и моментально рѣшающаго, что хорошо, что дурно, что должно дѣлать, чего не должно дѣлать,—независимо отъ того, пріятно это кому-нибудь или непріятно, полезно, или безполезно, причинитъ-ли данный нравственный поступокъ огорченіе, страданія или, напротивъ, удовольствіе и радость близкимъ людямъ. Безоглядный, безповоротный, математически-правильно дѣйствующій, не осложненный ни любовью, ни гордостью, ни честолюбіемъ, ни молодыми порывами, ни идеею, чистый, безпримѣтный категорическій императивъ нравственнаго долга—вотъ что составляетъ главную основу душевной жизни Лизы, вотъ то, что образуетъ ея психическую индивидуальность. Эта особенность Лизы такъ ясна, такъ несомнѣнна, что—можно быть увѣреннымъ—въ случаѣ конфликта между велѣніями ея нравственнаго чувства и требованіями ея религіи она, при всей своей религіозности, не колеблясь поступила-бы по указаніямъ перваго, а не второй; послѣ чего, въ глубинѣ своей наивности, она каялась-бы и отмаливала этотъ «грѣхъ», но «грѣхъ» всетаки былъ-бы совершенъ и въ случаѣ повторенія конфликта снова повторенъ. Я говорю такъ для того, чтобы яснѣе и рѣзче оттѣнить самобытность и силу нравственнаго начала у Лизы, и вовсе не хочу этимъ сказать, что *религіозная* сторона отодвинута у нея на второй планъ. Настоящее отношеніе обоихъ началъ у Лизы таково: нравственная сторона составляетъ *основу* ея личности, а *религіозная* есть *основа этой основы*. Во избѣжаніе недоразумѣній, нужно пояснить, что, опредѣляя такъ отношеніе этихъ двухъ началъ у Лизы, я вовсе не исхожу изъ теоріи (по моему мнѣнію, ошибочной) о происхожденіи и зависимости нравственности отъ религіи. Я имѣю въ виду психологическое соображеніе, не имѣющее ничего общаго съ этой теоріей и состоящее въ слѣдующемъ.

Изо всѣхъ душевныхъ процессовъ, образующихъ личность, самый *личный*—это именно процессъ *нравственный*. Какъ носительница прав-

ственнаго категорическаго императива, личность является самодовлѣющей единицей: она сама себѣ судья, и ея нравственный міръ, голосъ ея совѣсти, совокупность ея нравственныхъ чувствъ и понятій составляютъ нѣчто глубоко интимное, сокровенное, замкнутое въ себѣ, рѣзко-индивидуальное. Вотъ именно въ силу этой особенности нравственнаго процесса, онъ не можетъ самъ по себѣ быть единственнымъ и послѣднимъ основаніемъ психической жизни: личность, душевная жизнь которой вся ушла-бы въ одну чистую нравственность, была-бы личностью совершенно изолированной, замкнутой въ себѣ, самодовлѣющей и фатально пришла-бы къ потерѣ душевнаго равновѣсія, къ сатанинской гордости, къ маніи величія, къ крайнему самоутвержденію. Это былъ-бы одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ случаевъ эгоцентризма, который обнаруживалъ-бы явную тенденцію перейти въ настоящій эгоизмъ. Поэтому-то нравственное начало, чтобы не довести личность до крушенія и себя до самоотрицанія, должно быть уравновѣшено другими, не столь личными, болѣе экспансивными движеніями души. Въ этихъ движеніяхъ личность находитъ противовѣсъ чисто-нравственнымъ стремленіямъ и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ душевную устойчивость. Чисто-нравственные мотивы переплетаются съ семейными, общественными, національными, общечеловѣческими стремленіями, религіозными вѣрованіями, умственными (философскими, научными, художественными) интересами и т. д., и—образуется тотъ «клубокъ», о которомъ мы говорили выше. Чѣмъ сильнѣе и ярче выражено въ человѣкѣ нравственное начало, т. е. чѣмъ выше и могущественнѣе его нравственное «я», тѣмъ значительнѣе и шире должны быть тѣ стремленія его души, которыя выводятъ его изъ индивидуальной сферы,—иначе равновѣсія не будетъ. Для такихъ натуръ, какъ Лиза, выдѣляющихся изъ уровня обыкновенныхъ смертныхъ необычайно высокимъ подъемомъ и энергіей нравственнаго начала, — уравновѣшивающимъ устоемъ ему можетъ служить только какое-нибудь всеобъемлющее, всемірное, космическое, мистическое стремленіе. Лиза—изъ числа тѣхъ, для которыхъ оно возможно только на религіозной почвѣ. Въ этомъ—чисто-психологическомъ—смыслѣ я и говорю, что у Лизы религія составляетъ основу или опору ея нравственныхъ стремленій. Я вижу здѣсь проявленіе нѣкотораго психическаго ритма: чѣмъ выше подымается личность—какъ самодовлѣющее, замкнутое въ себѣ, самоопредѣляющееся «я»,—тѣмъ настойчивѣе скажется потребность привязать это «я» къ чему-нибудь внѣ его находящемуся, объективному. Сознаніе собственнаго достоинства и нравственная гордость человѣка ищутъ себѣ опоры или уравновѣшивающаго начала въ смиреніи, въ самоотреченіи.—Пусть нравственныя струны души звучатъ въ унисонъ съ другими, напр. струнами альтруизма, честолюбія, увлеченія идеею и т. д.,—въ созвучной игрѣ этихъ послѣднихъ онѣ найдутъ искомую гармонію, и внутренній міръ человѣка уравновѣсится психиче-

скими связями съ цѣлымъ, семьей, обществомъ, государствомъ, народомъ, наконецъ народами. Это цѣлое непремѣнно должно быть живое, конкретное, надѣленное психической жизнью и способное поэтому войти въ психическія связи съ индивидуумомъ. Но пусть нравственныя струны души, обособившись ото всѣхъ другихъ, начнутъ звучать самостоятельно—чистыми, безпримѣсными, полными аккордами категорическаго императива,—тогда личность не будетъ уже тяготѣть къ живому, конкретному цѣлому и не найдетъ, даже не будетъ искать уравновѣшенія въ живыхъ связяхъ съ людьми. Связи съ временнымъ, условнымъ, преходящимъ не въ состояніи уравновѣсить абсолютную автономію личности, возобладавшую силою обособленнаго дѣйствія нравственнаго начала. Этой безусловной автономіи должна быть противупоставлена *зависимость* личности отъ такого начала, которое личность признавала-бы наивысшимъ, абсолютнымъ, вѣчнымъ. Этимъ началомъ можетъ быть или идея Божества въ одной изъ ея историческихъ формъ, или идея Космоса въ одной изъ ея философскихъ концепцій. Всегда, но въ разной мѣрѣ и въ различномъ смыслѣ, идея этого рода—мистична (или «супра-раціональна»), и потому и само психологическое тяготѣніе личности къ абсолютному началу легко можетъ получить (и въ большинствѣ случаевъ получаетъ) въ сознаніи человѣка мистическую окраску; въ виду *супра-раціональности* идеи Вѣчнаго, Безконечнаго, Безначальнаго, Безусловнаго, психологическая связь съ непознаваемымъ началомъ, которое за этою идеею скрывается, обыкновенно представляется человѣку *супра-натуральной*. Является-ли она въ такомъ освѣщеніи, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ она есть особый психическій процессъ, который, въ отличіе отъ другихъ, мы называемъ *религіознымъ*. Принимая въ соображеніе ту важную роль, которую въ этомъ процессѣ играетъ сознаніе, мы скажемъ такъ: когда человѣкъ пристально всматривается въ свое нравственное чувство и освѣщаетъ его свѣтомъ сознательной мысли, тогда эта сознательная мысль его обнаруживаетъ стремленіе увидѣть—либо Божество, либо Космосъ,—откуда между прочимъ возникаетъ психологически обоснованное, но логически необязательное умственное стремленіе приписывать самому нравственному началу супро-натуральное или трансцендентальное *происхожденіе*.

Мы затронули очень сложный вопросъ, который заслуживалъ-бы болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія, но это отвлекло бы насъ далеко въ сторону отъ нашей темы. Вернемся къ Лизѣ.

Она пристально и «неотвратно» *) всматривалась въ свой нравственный міръ и освѣщала его тихимъ свѣтомъ своей дѣтски-чистой любви. И, движимая тѣмъ душевнымъ стремленіемъ, о которомъ мы только-что говорили, она увидѣла Бога.

---

*) Выраженіе Тургенева (въ «Пѣснѣ торжествующей любви»).

Натура, цѣликомъ основанная на нравственномъ чувствѣ, она не могла отрѣшиться отъ постоянныхъ помысловъ о долгѣ и отдаться призыву другихъ побужденій, которымъ такъ подвластны обыкновенныя души человѣческія, — и была осуждена жить замкнутою въ своемъ личномъ мірѣ. А потому она не только увидѣла Бога, но и возлюбила Его всѣми силами своей чистой, женственной и наивной души. Это не было одно только *созерцаніе* Божества, это была всепоглощающая, восторженная, нѣжная, глубокая *мистическая любовь*.

И въ этой мистической любви къ Божеству сказались всѣ лучшія стороны женской натуры, воплощеніемъ которыхъ является Лиза. Представимъ себѣ эти стороны въ ихъ наивысшемъ развитіи, въ ихъ апоѳеозѣ, представимъ себѣ дѣвственную чистоту и цѣломудріе, возвысившимися до полной свободы отъ власти обыкновенной, біо-психической, женственности, женскую жалость и состраданіе—возведенными въ высшую любовь ко всему живому, нѣжность и кротость женской души — претворенными въ евангельское всепрощеніе.—вообразимъ все это,—и въ результатѣ мы получимъ какую-то огромную силу, психическую энергію особаго рода, отмѣченную печатью идеальной, одухотворенной женственности. Это—das Ewigweibliche.

По самой природѣ своей, эта сила въ высокой степени экспансивна. Она не можетъ обратиться внутрь и замкнуться въ индивидуальной сферѣ личности, какъ это дѣлаетъ нравственное чувство: въ противуположность послѣднему, она стремится выйти изъ личной сферы и ищетъ точки приложенія—внѣ индивидуума. Но этой точки приложенія она не найдетъ нигдѣ—кромѣ религіи.

Перейти въ любовь къ отдѣльному человѣку и потомъ истратиться на семью — эта сила вѣчно-женственнаго могла-бы только подъ условіемъ самоограниченія, даже самоотрицанія: ей пришлось-бы оставить не у дѣлъ цѣлую половину своихъ составныхъ элементовъ и, кромѣ того, воспринять въ себя нѣчто ей чуждое, напримѣръ, нѣкоторый эгоизмъ, способность къ исключительной привязанности къ любимому человѣку, къ *своимъ* дѣтямъ, и массу мелкихъ чувствъ, съ нею несовмѣстимыхъ. Не можетъ она также обратиться и къ служенію страждущему человѣчеству: перейдя въ дѣятельную любовь къ людямъ, она опять-таки принуждена была-бы измѣнить свой составъ и вступить въ союзъ съ нѣкоторыми чувствами и стремленіями, находящимися во внутреннемъ съ нею противорѣчіи. Служеніе человѣчеству, хотя-бы исключительно на почвѣ благотворительности, всетаки предполагаетъ борьбу и ожесточеніе, напримѣръ, противъ тѣхъ, кто причиняетъ страданія людямъ. Объ иномъ служеніи человѣчеству—на почвѣ общественной борьбы—и говорить нечего: вѣчно-женственное непригодно для этой борьбы уже по тому одному, что оно—не отъ міра сего.

Только въ религіозномъ подвигѣ найдетъ оно себѣ исходъ и въ Богѣ—точку приложенія. Въ этой сферѣ энергія идеальной женственности можетъ дѣйствовать и творить—не теряя ни одного изъ своихъ составныхъ элементовъ и не воспринимая чуждыхъ себѣ.

И обращаясь сюда и созидая *религіозную* жизнь личности, эта энергія даетъ душѣ, изолированной отъ міра и слишкомъ высоко надъ нимъ поднявшейся дѣйствіемъ исключительно-сильнаго *нравственнаго* начала, ту опору, ту основу, въ которой она такъ нуждается для сохраненія равновѣсія. *Центростремительною* силою нравственнаго подъема человѣческое «я» такой души достигло высшаго самоутвержденія и замкнулось въ себѣ самомъ. *Центробѣжною* силою вѣчно-женственнаго оно раскрывается для мистической любви и религіознаго творчества. Тогда *нравственное самоутвержденіе* находитъ себѣ противовѣсъ въ *религіозномъ самоотреченіи.* Въ *синтезѣ* этого самоутвержденія и самоотреченія, въ синтезѣ началъ нравственнаго и религіознаго, личность обрѣтаетъ несокрушимый покой души и высшее блаженство, доступное только избраннымъ натурамъ,—счастье, котораго нельзя ни отнять, ни отравить, ни опошлить.

Въ слѣдующемъ очеркѣ мы посвятимъ нѣсколько страницъ разсмотрѣнію тѣхъ художественныхъ пріемовъ, при помощи которыхъ нарисованъ образъ Лизы. При этомъ, чтобы лучше оттѣнить особенности художественнаго творчества Тургенева, мы сопоставимъ Лизу съ родственнымъ ей по духу, но весьма отличнымъ отъ нея по способу художественнаго воспроизведенія образомъ героини новаго романа *Болеслава Пруса*—«Emancypantki».

На ряду съ нашей *Лизой*, чудный образъ *панны Магдалены Бжеской* навсегда останется во всемірной литературѣ однимъ изъ самыхъ поэтическихъ, самыхъ чарующихъ воплощеній вѣчно-женственнаго. Сопоставленіе этихъ двухъ образовъ, какъ по существу, такъ въ особенности съ точки зрѣнія пріемовъ творчества, художественной манеры, является задачей, весьма заманчивой для всякаго, кто изучаетъ процессъ художественнаго творчества.

Д. Овсянико-Куликовскій.

„QUO VADIS".

Романъ изъ временъ Нерона **Генрика Сенкевича.**

Переводъ съ польскаго **К. Льдова.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XX.

Виницій почувствовалъ впервые съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ Лигію въ домѣ Авла, что если-бы ему и удалось отыскать молодую дѣвушку, то все-таки она останется для него утраченной. Ранѣе ничего подобнаго не приходило ему въ голову, да и теперь онъ сознавалъ это неясно. Въ немъ не укоренилось убѣжденіе въ этомъ, онъ испытывалъ лишь смутное ощущеніе какой-то неизъяснимой утраты и обрушившагося на него несчастія. Виниція охватило волненіе, вскорѣ перешедшее въ бурный гнѣвъ противъ всѣхъ христіанъ вообще и проповѣдующаго старца въ особенности. Этотъ рыбакъ, на первый взглядъ показавшійся ему такимъ простымъ, внушалъ ему теперь почти страхъ, казался олицетвореніемъ таинственнаго рока, безпощадно и зловѣще рѣшающаго его участь.

Одинъ изъ сторожей кладбища снова подложилъ нѣсколько факеловъ на костеръ. Вѣтеръ пересталъ шумѣть между соснами, огонь широкимъ пламеннымъ языкомъ какъ-бы вздымался къ искрящимся на разъяснившемся небѣ звѣздамъ. Старецъ, вспомнивъ о смерти Христа, сталъ говорить только о Немъ. Всѣ притаили дыханіе; водворилась еще болѣе невозмутимая тишина. Среди этого безмолвія, казалось, можно было разслышать, какъ бьются сердца. Этотъ человѣкъ *видѣлъ!* — и разсказывалъ, какъ очевидецъ, запечатлѣвшій каждое мгновеніе въ своей памяти съ такою отчетливостью, что минувшее словно оживаетъ передъ нимъ,

какъ только онъ закроетъ глаза. Вернувшись съ Голгоѳы, онъ просидѣлъ вмѣстѣ съ Іоанномъ два дня и двѣ ночи въ помѣщеніи, гдѣ состоялась вечеря. Они не спали, не вкушали пищи, всецѣло отдаваясь безмѣрной скорби. Опустивъ головы на руки, они съ сомнѣніемъ и горестью думали лишь о Немъ!.. *Онъ* умеръ! какъ тяжело, какъ горько было имъ! Наступилъ третій день, разсвѣтъ озарилъ стѣны, а они съ Іоанномъ продолжали сидѣть у стѣны, погрузившись въ безнадежныя, горестныя думы. Едва забывшись дремотою (потому что и въ ночь передъ казнью они не смежали глазъ), они просыпались и снова начинали скорбѣть. Но какъ только взошло солнце, вбѣжала съ распустившимися волосами Марія Магдалина и въ волненіи крикнула имъ:

— Господа похитили!

Они-же, услышавши это, вскочили и побѣжали къ гробницѣ. Іоаннъ который былъ моложе, прибѣжалъ первымъ; увидѣвъ, что гробъ пустъ, онъ не посмѣлъ войти. Когда у входа собралось трое учениковъ, онъ, говорящій теперь съ ними, вошелъ и увидѣлъ на камнѣ сброшенныя пелены, останки-же исчезли.

Тогда они убоялись, подумавъ, что Христа похитили жрецы, и оба вернулись домой въ еще большемъ огорченіи. Затѣмъ пришли другіе ученики и разразились скорбными моленіями — то всѣ вмѣстѣ, чтобы ихъ услышалъ Всевышній Защитникъ, то въ отдѣльности. Душу ихъ охватило смятеніе, такъ какъ они надѣялись, что Учитель искупитъ грѣхи Израиля, а между тѣмъ наступилъ уже третій день, какъ онъ преставился. Они не понимали, почему Отецъ оставилъ Сына. Время, удручавшее ихъ, казалось столь тяжкимъ, что они въ то время предпочли-бы умереть.

При воспоминаніи объ этихъ ужасныхъ мгновеніяхъ, двѣ слезы выступили изъ очей старца; озаренныя отблескомъ костра, слезы эти явственно скатились на сѣдую бороду. Старая обнаженная голова тряслась, голосъ прерывался. Виницій невольно подумалъ: «Этотъ человѣкъ говоритъ правду и оплакиваетъ ее!» Простодушныхъ слушателей также охватила глубокая скорбь. Они не разъ уже слышали о мукахъ Христа и имъ было извѣстно, что скорбь смѣнится ликованіемъ; но теперь, когда разсказывалъ Апостолъ, который *видѣлъ* все это собственными глазами, повѣствованіе производило на нихъ столь сильное впечатлѣніе, что они ломали руки, рыдали, били себя въ грудь.

Христіане, однако, постепенно успокоились, желая услышать дальнѣйшее повѣствованіе. Старецъ закрылъ глаза, какъ-бы стараясь яснѣе оживить въ своей памяти минувшія событія, и снова заговорилъ:

— Въ то время, когда они такъ оплакивали Его, вторично прибѣжала Марія Магдалина, восклицая, что она видѣла Господа. Не узнавъ Его, вслѣдствіе ослѣпившаго ее необыкновеннаго сіянія, она подумала,

что это садовникъ, но онъ воззвалъ къ ней: «Марія!» Тогда она воскликнула: «Раввуни!» и пала къ Его стопамъ. Онъ-же приказалъ ей идти къ ученикамъ и, затѣмъ, исчезъ. Но они, ученики, не повѣрили ей; когда она плакала отъ радости, одни упрекали ее, другіе-же думали, что скорбь затемнила ея разумъ, потому что она говорила также, будто видѣла у гробницы ангеловъ; ученики, прибѣжавъ туда вторично, нашли гробъ пустымъ. Вечеромъ пришелъ Клеофасъ, ходившій вмѣстѣ съ другими въ Эммаусъ. Онъ поспѣшно вернулся и сказалъ имъ: «Господь воистину воскресъ». Тогда они закрыли двери и стали совѣщаться, боясь іудеевъ. Въ это время Онъ предсталъ среди нихъ, хотя они не слышали, чтобы кто-либо раскрылъ двери. Когда-же они испугались, Онъ сказалъ имъ: «Миръ съ вами».

. . . .

— И я видѣлъ Его, какъ видѣли всѣ, а Онъ былъ, какъ Свѣтъ и какъ блаженство сердецъ нашихъ, ибо мы увѣровали, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ — и что моря высохнутъ, горы разсыплются въ прахъ, а слава Его не омрачится.

. . . .

— По прошествіи восьми дней Ѳома Дидимъ вложилъ персты свои въ Его раны и палъ къ стопамъ Его, восклицая: «Господь мой и Богъ мой!» А Онъ отвѣтилъ ему: «Ты увѣровалъ, ибо увидѣлъ Меня,— благословенны увѣровавшіе, которые не видѣли меня». И мы слышали эти слова, и глаза наши смотрѣли на него, такъ какъ Онъ былъ среди насъ.

Виницій слушалъ, и ему казалось, что съ нимъ происходитъ нѣчто необычайное. Онъ забылъ на мгновеніе, гдѣ находится, утратилъ сознаніе дѣйствительности, представленіе обо всемъ окружающемъ. Онъ не могъ повѣрить тому, о чемъ разсказывалъ старецъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что нужно быть развѣ слѣпымъ, пойти наперекоръ собственному разсудку, чтобы допустить, что этотъ человѣкъ, восклицающій: «я видѣлъ!», говоритъ неправду. Въ его волненіи, въ его слезахъ, во всѣхъ его движеніяхъ, въ подробностяхъ событій, о которыхъ онъ разсказывалъ, было что-то, устранявшее всякія сомнѣнія. По временамъ, Виницію казалось, что онъ грезитъ; но онъ видѣлъ вокругъ притаившійся народъ, — до него долетала копоть отъ фонарей, вдали пламенѣли факелы, а возлѣ костра на камнѣ проповѣдывалъ престарѣлый, стоящій одною ногою въ гробу, человѣкъ, свидѣтельствующій, слегка тряся головою и повторяя: «я видѣлъ!»

Старецъ продолжалъ повѣствованіе, вспоминая всѣ событія до самаго Вознесенія. Онъ изрѣдка отдыхалъ, такъ какъ говорилъ крайне обстоятельно: чувствовалось, что малѣйшія подробности запечатлѣлись въ его памяти, точно вырѣзанныя на камнѣ. Христіане внимали ему съ упое-

ніемъ. Они стали сбрасывать съ головы капюшоны, чтобы слышать явственнѣе, чтобы не проронить ни одного изъ этихъ словъ, очевидно, имѣвшихъ для нихъ необычайную цѣнность. Имъ казалось, что какая-то неземная сила перенесла ихъ въ Галлилею, что они шествуютъ вмѣстѣ съ учениками по долинамъ и надъ водами, что это кладбище превратилось въ Тиверіадское озеро, на берегу котораго въ утреннемъ туманѣ стоитъ Христосъ, — подобно тому, какъ Онъ стоялъ, когда Іоаннъ, смотря изъ лодки, сказалъ: «вотъ Господь!», а Петръ бросился въ воду, чтобы поскорѣе приплыть къ ногамъ обожаемаго Учителя. На лицахъ христіанъ отражались безграничный восторгъ, полное отрѣшеніе отъ жизни, блаженство и безграничная любовь. Очевидно, что, во время продолжительнаго повѣствованія Петра, нѣкоторые сподобились видѣній. Когда апостолъ сталъ разсказывать, что во время Вознесенія облака устремились къ стопамъ Спасителя и стали заслонять Его и закрывать отъ очей апостоловъ,—тогда всѣ головы невольно обратились къ небесамъ и водворилось какъ-бы ожиданіе, — точно эти люди надѣялись снова узрѣть Его или словно они ожидали, что Христосъ снизойдетъ съ лазурной вышины, чтобы посмотрѣть, какъ престарѣлый апостолъ пасетъ довѣренныхъ ему овецъ, и благословить его и паству.

Для этихъ людей не существовало въ это мгновеніе ни Рима, ни безумнаго цезаря, ни языческихъ храмовъ и боговъ,—былъ одинъ только Христосъ, наполнявшій собою землю, моря, небо, весь міръ.

Въ отдаленныхъ домахъ, разбросанныхъ вдоль Нументанской дороги, запѣли пѣтухи, сообщая о наступившей полночи. Хилонъ дернулъ Виниція за край плаща и прошепталъ:

— Господинъ, тамъ, возлѣ старца, я вижу Урбана и рядомъ съ нимъ какую-то дѣвушку.

Виницій очнулся, точно отъ сна, и, обратившись въ сторону, указанную грекомъ, увидѣлъ Лигію.

XXI.

Вся кровь взволновалась въ молодомъ патриція при видѣ ея. Онъ позабылъ объ окружающей толпѣ, о старцѣ, о собственномъ изумленіи, внушенномъ ему услышанными имъ непонятными словами. Онъ видѣлъ передъ собою одну только Лигію. Наконецъ-то онъ отыскалъ ее—послѣ столькихъ усилій, послѣ столь долгихъ дней безпокойства, тревоги и огорченія! Впервые въ жизни онъ убѣдился, что радость можетъ ринуться, какъ дикій звѣрь: и придавить грудь, лишивъ дыханія. Онъ, привыкшій думать прежде, что Фортуна какъ будто обязана исполнять всѣ его желанія, теперь едва вѣрилъ собственнымъ глазамъ и собственному счастью. Если-бы не эта неувѣренность,—при-

рожденная запальчивость, вѣроятно, заставила-бы его рѣшиться на какой-нибудь необдуманный поступокъ, но онъ хотѣлъ сначала убѣдиться, не продолжаетъ-ли грезить, не есть-ли это продолженіе тѣхъ чудесъ, которыя наполнили всѣ его помыслы. Но сомнѣваться не было возможности: онъ видѣлъ Лигію, ихъ раздѣляло разстояніе всего въ какихъ-нибудь двадцать шаговъ, она стояла ярко освѣщенною, такъ что онъ могъ упиваться ея видомъ сколько угодно. Капюшонъ соскользнулъ съ ея головы и развѣялъ волосы; уста ея нѣсколько раскрылись, глаза были обращены къ апостолу, заслушавшееся лицо дышало восторгомъ. Въ плащѣ изъ темной шерстяной ткани, она была одѣта, какъ дѣвушка изъ простонародья. Виницій, однако, никогда не видѣлъ ея прекраснѣйшей и, несмотря на сильное волненіе, охватившее его, не могъ не замѣтить контраста почти невольничьей одежды съ благородствомъ этой чудной патриціанской головы. Любовь пламенникомъ разгорѣлась въ немъ. Въ одномъ бурномъ, непонятномъ чувствѣ странно слились и скорбь, и уваженіе, и преклоненіе, и страсть. Онъ наслаждался, любуясь Лигіей, упивался лицезрѣніемъ ея, точно животворною водою послѣ продолжительной палящей жажды. Возлѣ огромнаго лигійца дѣвушка казалась ему меньшею, чѣмъ раньше, производила впечатлѣніе почти ребенка. Виницій замѣтилъ также, что она похудѣла, лицо Лигіи казалось почти прозрачнымъ, она производила впечатлѣніе цвѣтка и одухотвореннаго видѣнія. Но онъ съ тѣмъ большимъ вожделѣніемъ жаждалъ овладѣть этимъ существомъ, столь непохожимъ на женщинъ, которыхъ онъ видѣлъ и которыми обладалъ на Востокѣ и въ Римѣ. Онъ чувствовалъ, что отдалъ-бы за нее всѣхъ остальныхъ женщинъ, и вмѣстѣ съ ними Римъ и весь свѣтъ на придачу.

Онъ засмотрѣлся-бы на нее и позабылся-бы совершенно, еслибы не Хилонъ, дергавшій его за край плаща изъ опасенія, какъ-бы молодой патрицій не совершилъ чего-либо, угрожающаго имъ опасностью. Христіане тѣмъ временемъ стали молиться и пѣть. Когда закончилось пѣніе, великій апостолъ сталъ крестить водой изъ фонтана лицъ, которыхъ пресвитеры представляли въ качествѣ приготовленныхъ къ принятію крещенія. Виницію, казалось, что эта ночь никогда не окончится; онъ хотѣлъ теперь послѣдовать какъ можно скорѣе за Лигіей и похитить ее на пути или въ ея жилищѣ.

Наконецъ, нѣкоторые изъ христіанъ стали уходить съ кладбища. Хилонъ снова шепнулъ Виницію:

— Выйдемъ, господинъ, и станемъ передъ воротами, такъ-какъ мы не сняли капюшоновъ и народъ смотритъ на насъ.

Онъ былъ правъ. Когда, во время проповѣди, всѣ христіане обнажили головы, чтобы лучше слышать слова апостола, они не послѣдовали общему примѣру. Совѣтъ Хилона показался имъ основательнымъ. Стоя у воротъ,

они могли слѣдить за всѣми выходящими, а Урса нетрудно было различить по его росту и сложенію.

— Послѣдуемъ за ними,—сказалъ Хилонъ,—посмотримъ, въ какой домъ они войдутъ, а завтра или лучше еще сегодня—ты, господинъ, окружишь всѣ входы въ домъ рабами—и захватишь ее.

— Нѣтъ!—возразилъ Виницій.

— Что-же ты хочешь сдѣлать, господинъ?

— Мы войдемъ вслѣдъ за нею въ домъ и сейчасъ-же похитимъ ее: вѣдь ты взялся исполнить это, Кротонъ?

— Да, — отвѣтилъ атлетъ, — и согласенъ сдѣлаться твоимъ рабомъ, господинъ, если не переломлю хребта этому буйволу, стерегущему дѣвушку.

Но Хилонъ пытался отсовѣтовать имъ, заклиналъ ихъ всѣми богами, чтобы они этого не дѣлали. Вѣдь Кротонъ взятъ, въ сущности, только для защиты на случай, еслибы ихъ узнали, а не затѣмъ, чтобы похитить Лигію. Желая захватить ее вдвоемъ, они сами подвергаютъ опасности свою жизнь и, что еще хуже, могутъ упустить ее изъ рукъ, а тогда она скроется въ другомъ мѣстѣ или покинетъ Римъ. Отчего не хотятъ дѣйствовать навѣрняка, къ чему подвергаютъ себя гибели и рискуютъ исходомъ всего предпріятія?

Виницій, несмотря на то, что прилагалъ чрезвычайныя усилія, чтобы подавить свое желаніе схватить Лигію въ объятія тутъ-же на кладбищѣ, чувствовалъ, однако, что грекъ говоритъ основательно и, быть можетъ, послушался-бы его совѣтовъ, еслибы не Кротонъ, домогавшійся награды.

— Прикажи, господинъ замолчать этому старому шуту, — сказалъ онъ,—или дозволь мнѣ опустить кулакъ на его голову. Однажды въ Буксентѣ, куда меня выписалъ для участія въ играхъ Муцій Сатурнинъ, на меня напало семь пьяныхъ гладіаторовъ и ни одинъ изъ нихъ не уцѣлѣлъ. Я не предлагаю похитить дѣвушку теперь-же среди народа, потому-что намъ могли-бы бросать подъ ноги камни, но, когда мы проникнемъ къ ней въ домъ, я захвачу ее и отнесу, куда прикажешь.

Виницій обрадовался, услышавъ эти слова, и отвѣтилъ:

— Такъ мы и сдѣлаемъ, клянусь Геркулесомъ! Завтра, быть можетъ, мы-бы и не застали ея. А еслибъ мы спугнули христіанъ, они, несомнѣнно, увели-бы дѣвушку въ другое мѣсто.

— Этотъ лигіецъ, кажется, страшно силенъ! — пугливо сказалъ Хилонъ.

— Не тебѣ прикажутъ держать его за руки,—отвѣтилъ Кротонъ.

Имъ пришлось, однако, ожидать еще довольно долго, и пѣтухи стали уже привѣтствовать зарю, когда они увидѣли выходившаго изъ воротъ

Урса и вмѣстѣ съ нимъ Лигію. Ихъ сопровождало нѣсколько человѣкъ. Хилону показалось, что между ними находится Великій Апостолъ, возлѣ котораго шелъ другой старецъ гораздо ниже ростомъ, двѣ пожилыхъ женщины и мальчикъ съ фонаремъ. За этою группой шла толпа человѣкъ въ двѣсти. Виницій, Хилонъ и Кротонъ смѣшались съ этою толпою.

— Твоя дѣвица, господинъ,—сказалъ Хилонъ,—пользуется могущественнымъ покровительствомъ, ее сопровождаетъ самъ Великій Апостолъ! Посмотри, какъ люди преклоняютъ передъ нимъ колѣни!

Встрѣчные, дѣйствительно, опускались на колѣни, но Виницій не глядѣлъ на окружающихъ. Не выпуская ни на мгновеніе изъ глазъ Лигію, онъ думалъ только о похищеніи ея и, привыкнувъ во время войнъ ко всякаго рода предпріятіямъ, обдумывалъ съ рѣшимостью воина планъ похищенія. Онъ чувствовалъ, что намѣреніе его слишкомъ смѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что отважное нападеніе обыкновенно увѣнчивается побѣдой.

Во время долгаго пути онъ думалъ иногда и о безднѣ, которою отдѣлило Лигію отъ него ея странное вѣроученіе. Теперь онъ понялъ все, что произошло, понялъ, почему все произошло такимъ образомъ. У него хватило на это проницательности. Онъ до сихъ поръ не зналъ Лигіи. Онъ видѣлъ въ ней прекраснѣйшую изъ дѣвушекъ, внушившую ему пламенную страсть; теперь-же онъ узналъ, что ея вѣра превратила ее въ какое-то непохожее на остальныхъ женщинъ существо. Всѣ надежды, что также могутъ соблазнить богатство, роскошь, страсть, представляютъ ничто иное, какъ жалкій самообманъ. Виницій понялъ, наконецъ, то, чего они оба съ Петроніемъ не могли понять, что эта новая религія внѣдряетъ въ душу нѣчто, невѣдомое міру, въ которомъ они живутъ: Лигія, если-бы даже любила его, не отступилась-бы ради этой любви ни отъ одного изъ своихъ христіанскихъ вѣрованій. Если существуетъ для нея наслажденіе, то оно не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, къ которому стремятся и онъ, и Петроній, и дворъ Цезаря, и весь Римъ. Каждая изъ остальныхъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ, могла-бы сдѣлаться его любовницей, а эта христіанка можетъ стать только жертвой.

Размышляя объ этомъ, онъ испытывалъ жгучую боль и гнѣвъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что этотъ гнѣвъ безсиленъ. Похищеніе Лигіи представлялось ему вполнѣ естественнымъ, онъ былъ почти увѣренъ, что ему удастся овладѣть ею, но столь-же твердо онъ былъ убѣжденъ, что по отношенію къ ея вѣрѣ онъ самъ, его мужество и могущество ничтожны и что ему не удастся подчинить Лигію. Этотъ римскій военный трибунъ, убѣжденный, что грубая сила и мечъ, завладѣвшіе всѣмъ свѣтомъ, не перестанутъ господствовать надъ нимъ,

впервые въ жизни убѣдился, что помимо этой силы можетъ быть нѣчто другое, и съ удивленіемъ спрашивалъ себя: что-же это за новая невѣдомая сила?

Онъ не могъ подыскать яснаго отвѣта: въ его памяти воскресали лишь кладбище, собравшаяся на немъ толпа и Лигія, заслушавшаяся отъ всей души словъ старца, разсказывающаго о мученіяхъ смерти, и воскресеніи Богочеловѣка, искупившаго міръ и обѣщавшаго людямъ блаженство по ту сторону Стикса.

Мысли эти путались, смѣшивались въ какой-то хаосъ.

Его пробудили къ дѣйствительности нареканія Хилона, который сталъ роптать на свою участь: его договорили отыскать Лигію, и онъ съ опасностью для своей жизни отыскалъ ее и указалъ. Чего-же больше хотятъ отъ него? Развѣ онъ брался похитить ее, и кто можетъ даже требовать чего-либо подобнаго отъ калѣки, лишившагося двухъ пальцевъ, отъ человѣка стараго, посвятившаго свою жизнь размышленіямъ, наукѣ и добродѣтели? Что будетъ, если господинъ, столь почтенный, какъ Виницій, потерпитъ какую-либо неудачу при похищеніи дѣвушки? Боги, конечно, обязаны пещись объ избранныхъ, но развѣ не случается иногда, что небожители заводятъ между собою игру вмѣсто того, чтобы смотрѣть за тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ? У Фортуны, какъ извѣстно, на глазахъ повязка; слѣдовательно, она не бываетъ зрячею даже днемъ, не только ночью. Итакъ, если что-либо произойдетъ, если этотъ лигійскій медвѣдь броситъ въ благороднаго Виниція камнемъ отъ жернова, бочкой вина или, что еще хуже, воды, кто поручится, что бѣдному Хилону вмѣсто награды не достанется нести отвѣтственность? Онъ, бѣдный мудрецъ, привязался къ благородному Виницію, какъ Аристотель къ Александру Македонскому, и пусть-бы благородный Виницій хотя отдалъ ему кошелекъ, который на его глазахъ прикрѣпилъ къ своему поясу, выходя изъ дому. Тогда у Хилона хватило-бы денегъ въ случаѣ неблагополучнаго исхода похищенія, чтобы немедленно призвать подкрѣпленія и подкупить самихъ христіанъ. Увы! отчего они не слушаютъ совѣтовъ старика, внушенныхъ разсудительностью и опытомъ?

Виницій, разобравъ, о чемъ онъ говоритъ, вытащилъ кошелекъ изъ за пояса и бросилъ его на руки Хилону.

— Возьми и молчи.

Грекъ почувствовалъ, что кошелекъ чрезвычайно тяжелъ и сталъ храбрѣе.

— Вся моя надежда заключается въ томъ, что Геркулесъ и Тезей совершали еще труднѣйшіе подвиги. Развѣ мой добрѣйшій и законнѣйшій другъ, Кротонъ, не представляетъ изъ себя Геркулеса? Тебя-же, достойный господинъ, я не назову полубогомъ, потому что ты вполнѣ божественъ,—и впредь ты не забудешь объ убогомъ, но преданномъ слугѣ,

о потребностяхъ котораго слѣдуетъ время отъ времени позаботиться, такъ какъ самъ онъ, углубившись въ книги, ни о чемъ не подумаетъ... Небольшой садъ и домикъ хотя-бы съ самымъ маленькимъ портикомъ для прохлады въ лѣтнее время, были-бы наградой, достойной твоей щедрости. А я тѣмъ временемъ буду издали дивиться вашимъ геройскимъ подвигамъ, молить Зевса о содѣйствіи вамъ и, въ случаѣ необходимости, произведу такой шумъ, что полъ-Рима проснется и прибѣжитъ къ вамъ на помощь. Что за ухабистая, неровная дорога! Въ фонарѣ выгорѣло все масло. Если-бы Кротонъ, который столь-же великодушенъ, какъ и силенъ, захотѣлъ взять меня на руки и донести до городскихъ воротъ, онъ, во-первыхъ, заранѣе испыталъ-бы, легко-ли похитить дѣвушку, и, во-вторыхъ, поступилъ-бы, какъ Эней; кромѣ того, онъ настолько расположилъ-бы къ себѣ всѣхъ наиболѣе добросовѣстныхъ боговъ, что я совершенно успокоился-бы касательно исхода предпріятія.

— Я предпочелъ-бы нести падаль овцы, подохшей мѣсяцъ тому назадъ отъ чумы,—отвѣтилъ атлетъ.—Но если ты дашь мнѣ кошель, который тебѣ бросилъ достойный трибунъ, то я снесу тебя до самыхъ воротъ.

— Желаю тебѣ сломать большой палецъ на ногѣ, — отвѣтилъ грекъ.—Такъ-то воспользовался ты поученіями этого почтеннаго старца, внушавшаго, что нищета и милосердіе—двѣ самыхъ необходимѣйшихъ добродѣтели?.. Развѣ онъ не приказалъ тебѣ, какъ нельзя яснѣе, ухаживать за мною? Я вижу, что никогда не сдѣлаю изъ тебя даже плохенькаго христіанина и что легче солнцу проникнуть сквозь стѣны мамертинской тюрьмы, чѣмъ истинѣ—въ твой черепъ гиппопотама.

Кротонъ, обладавшій силою дикаго звѣря, вовсе не отличался, однако, человѣчностью. Онъ отвѣтилъ:

— Не бойся! христіаниномъ я не сдѣлаюсь,—я не хочу лишиться куска хлѣба.

— Пусть такъ, но если-бъ ты имѣлъ хотя первоначальное представленіе о философіи, ты зналъ-бы, что золото есть тлѣнъ!

— Подойди ко мнѣ съ твоей философіей, а я только одинъ разъ ударю тебя головой въ животъ,—и мы посмотримъ, кто выиграетъ.

— Съ этими словами могъ обратиться и быкъ къ Аристотелю,—возразилъ Хилонъ.

Ночной сумракъ сталъ уже блѣднѣть. Прозрачные лучи зари освѣтили зубцы стѣнъ. Придорожныя деревья, строенія и разбросанные тамъ и сямъ надгробные памятники стали выступать изъ темноты. На дорогѣ сдѣлалось нѣсколько люднѣе. Продавцы овощей спѣшили къ открытію воротъ, ведя ословъ и муловъ, нагруженныхъ зеленью; кое-гдѣ скрипѣли возы, на которыхъ везли въ городъ мясо. Вдоль дороги и и по обѣимъ сторонамъ, надъ самою почвой, слегка зыблилась легкая

дымка тумана, предвѣщающая ясный день. Люди, выступавшіе сквозь этотъ туманъ, на нѣкоторомъ разстояніи казались привидѣніями. Виницій всматривался въ стройную фигуру Лигіи, становившуюся по мѣрѣ того, какъ свѣтало, все болѣе серебристою.

— Господинъ,—сказалъ Хилонъ,—я оскорбилъ-бы тебя, если-бы допустилъ, что твоя щедрость имѣетъ границы,—но теперь, когда ты меня вознаградилъ, ты не можешь болѣе заподозрить, что я говорю только ради корысти. Выслушай-же меня! Я совѣтую тебѣ еще разъ, разузнавъ, въ какомъ домѣ живетъ божественная Лигія вернуться къ себѣ за невольниками и носилками. Не слушай, что тебѣ говоритъ этотъ слоновій хоботъ, Кротонъ: онъ только потому берется самъ похитить дѣвицу, чтобы выжать твою казну, какъ холстину съ творогомъ.

— Считай за мною ударъ кулакомъ промежду лопатокъ, то-есть, будь увѣренъ, что погибнешь,—отозвался Кротонъ.

— Считай за мной жбанъ кефалонскаго вина. Это означаетъ, что я буду здоровъ,—отвѣтилъ грекъ.

Виницій не отвѣтилъ ничего, такъ-какъ они приблизились къ воротамъ, при которыхъ взоры ихъ поразило странное зрѣлище. Когда проходилъ апостолъ, двое солдатъ склонили колѣни. Онъ-же на мгновеніе распростеръ руки надъ ихъ желѣзными шлемами и осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Молодому патрицію до сихъ поръ никогда не приходило въ голову, что и между солдатами могутъ быть христіане. Онъ съ удивленіемъ подумалъ, что новое вѣроученіе съ каждымъ днемъ охватываетъ все больше душъ, расширяется свыше всякаго вѣроятія, подобно тому, какъ въ запылавшемъ городѣ огонь перебрасывается съ дома на домъ. Его поразило это явленіе и по отношенію къ Лигіи, такъ какъ онъ убѣдился, что, если-бы она хотѣла скрыться изъ города, то нашлись-бы стражи, которые сами облегчили-бы ей тайное бѣгство. Онъ мысленно принесъ благодарность всѣмъ богамъ, что этого не случилось.

Миновавъ незастроенные участки, простиравшіеся за стѣнами, группы христіанъ стали разсѣиваться. Теперь необходимо было слѣдить за Лигіей издали и болѣе осторожно, чтобы не обратить на себя вниманія. Хилонъ сталъ жаловаться на боль въ ранахъ и колотье въ ногахъ, и все отставалъ. Виницій не противился этому, полагая, что теперь трусливый грекъ больше ему не понадобится. Онъ дозволилъ-бы ему даже совсѣмъ удалиться, если-бы тотъ захотѣлъ этого. Однако, почтенный мудрецъ колебался; предусмотрительность удерживала его, но въ то-же время любопытство, видимо, побуждало идти дальше. Хилонъ продолжалъ слѣдовать за ними и по временамъ даже приближался, повторяя свои прежніе совѣты и высказывая предположеніе, что старецъ, сопут-

ствующій апостолу, быть можетъ, никто иной, какъ Главкъ, хотя тотъ ростомъ былъ какъ будто нѣсколько повыше.

Имъ пришлось идти еще довольно долго до квартала, расположеннаго за Тибромъ. Солнце близилось къ восходу, когда группа, къ которой принадлежала Лигія, раздѣлилась. Апостолъ, старая женщина и мальчикъ пошли вдоль рѣки, а старецъ, который былъ пониже ростомъ, Урсъ и Лигія проникли въ узкій переулокъ и, пройдя еще около ста шаговъ, вступили въ сѣни дома, въ которомъ находились двѣ лавки,— складъ оливокъ и живности.

Хилонъ, слѣдовавшій на разстояніи приблизительно пятидесяти шаговъ за Виниціемъ и Кротономъ, остановился, какъ вкопанный, и, прижавшись къ стѣнѣ, сталъ звать своихъ спутниковъ.

Они вернулись къ нему посовѣтоваться.

— Ступай,—сказалъ греку Виницій,—и посмотри, нѣтъ-ли выхода изъ этого дома на другую улицу.

Хилонъ, несмотря на то, что недавно жаловался на раны въ ногахъ, побѣжалъ такъ стремительно, точно ноги его снабжены крылышками, какъ у Меркурія, и спустя мгновеніе вернулся.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—въ домѣ только одинъ выходъ.

Затѣмъ онъ добавилъ, простирая къ Виницію руки:

— Умоляю тебя, господинъ, именемъ Юпитера, Аполлона, Весты, Кибеллы, Изиды и Озириса, Митрою, Вааломъ и всѣми богами востока и запада, откажись отъ своего намѣренія... Послушайся меня...

Онъ мгновенно прервалъ свою рѣчь, замѣтивъ, что лицо Виниція поблѣднѣло отъ волненія, а глаза заискрились, точно зрачки волка. Достаточно было бросить одинъ взглядъ на него, чтобы понять, что ничто въ мірѣ не удержитъ его отъ предпріятія. Кротонъ сталъ вбирать воздухъ въ свою геркулесовскую грудь и раскачиваться недоразвившимся черепомъ, какъ дѣлаютъ медвѣди, запертые въ клѣтку. Впрочемъ, на его лицѣ не отражалось ни малѣйшаго колебанія.

— Я войду первымъ!—сказалъ онъ.

— Ты послѣдуешь за мною,—повелительно произнесъ Виницій.

Мгновеніе спустя, они оба исчезли въ темныхъ сѣняхъ.

Хилонъ бросился къ углу ближайшаго переулка и сталъ высматривать изъ-за угла, ожидая дальнѣйшихъ событій.

XXII.

Виницій лишь въ сѣняхъ понялъ, насколько затруднительно его предпріятіе. Домъ былъ обширенъ, выстроенъ въ нѣсколько этажей, представлялъ одно изъ многочисленныхъ въ Римѣ жилищъ, выстроенныхъ ради наживы отъ найма помѣщеній. Обыкновенно, такіе дома

строились на скорую руку и крайне небрежно. Не проходило ни одного года, чтобы нѣсколько изъ нихъ не обрушились, похоронивъ подъ своими обломками обитателей. Это были настоящіе ульи, чрезмѣрно высокіе и слишкомъ узкіе, раздѣленные на множество каморокъ, въ которыхъ въ невѣроятной скученности гнѣздилась бѣднота. Въ городѣ, въ которомъ многія улицы не имѣли названій, дома эти не были обозначены нумерами. Домовладѣльцы поручали собирать плату за помѣщенія своимъ рабамъ. Послѣдніе-же, не будучи обязаны сообщать городскимъ властямъ имена жильцовъ, нерѣдко и сами не знали ихъ. Разыскать кого-либо въ подобномъ домѣ зачастую было чрезвычайно трудно, въ особенности, если у входа не имѣлось привратника.

Виницій и Кротонъ прошли черезъ длинные, похожіе на коридоръ, сѣни на узкій, обнесенный со всѣхъ сторонъ стѣнами, дворъ, составлявшій нѣчто въ родѣ общаго для всего дома атрія, съ фонтаномъ посерединѣ, струя котораго ниспадала въ каменную чашу, вдѣланную въ землю. Всѣ стѣны были испещрены частью каменными, частью деревянными наружными лѣстницами, ведущими въ галереи, черезъ которыя надо было пройти, чтобы проникнуть въ квартиры. Внизу такъ-же находились жилыя помѣщенія. Нѣкоторыя изъ нихъ были снабжены деревянными дверями, другія-же отдѣлялись отъ двора лишь посредствомъ шерстяныхъ, большей частью обветшалыхъ, порванныхъ или заплатанныхъ завѣсъ.

Часъ былъ ранній и на дворѣ не видно было ни души. Очевидно, всѣ жильцы еще спали, за исключеніемъ тѣхъ, которые возвратились изъ Остранія.

— Какъ-же мы поступимъ, господинъ?—спросилъ Кротонъ, остановившись.

— Подождемъ, быть можетъ, кто нибудь покажется, — отвѣтилъ Виницій.—Не слѣдуетъ, чтобы насъ замѣтили на дворѣ.

Молодой трибунъ въ то-же время подумалъ, что совѣты Хилона были основательны. Если-бы они располагали нѣсколькими десятками рабовъ, они могли-бы закрыть ворота, составлявшія, повидимому, единственный выходъ, и обыскать всѣ квартиры. Теперь-же необходимо было сразу проникнуть въ помѣщеніе, гдѣ скрывалась Лигія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, христіане, которыхъ, вѣроятно, немало ютилось въ этомъ домѣ, могли предупредить дѣвушку, что ее ищутъ. По этой-же причинѣ казалось опаснымъ и разспрашивать про нее постороннихъ. Виницій обдумывалъ, не вернуться-ли лучше за рабами, но въ это время изъ-подъ одной завѣсы, закрывавшей входъ въ отдаленное помѣщеніе, вышелъ человѣкъ и приблизился къ фонтану, неся въ рукѣ сито.

Виницій тотчасъ-же узналъ Урса.

— Это лигіецъ!—шепнулъ онъ Кротону.

— Прикажешь сейчасъ-же переломать ему кости?

— Подожди.

Урсъ не замѣтилъ ихъ, такъ-какъ они стояли въ темныхъ сѣняхъ, и сталъ спокойно полоскать въ водѣ овощи, которыми было наполнено сито. Проведя всю ночь на кладбищѣ, онъ, очевидно, собирался приготовить изъ нихъ завтракъ. Черезъ нѣсколько минутъ, окончивъ свою работу, лигіецъ взялъ мокрое сито и исчезъ вмѣстѣ съ нимъ за завѣсой. Кротонъ и Виницій поспѣшили вслѣдъ, будучи увѣрены, что попадутъ прямо въ пристанище Лигіи.

Они чрезвычайно удивились, когда увидѣли, что завѣса отдѣляла отъ двора не жилое помѣщеніе, а другой темный коридоръ, въ концѣ котораго виднѣлся небольшой садъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ кипарисовъ и миртовыхъ кустовъ, и домикъ, прилѣпившійся къ стѣнѣ сосѣдняго каменнаго дома.

Оба они тотчасъ-же сообразили, что это обстоятельство благопріятствуетъ имъ. На первый дворъ могли сбѣжаться всѣ жильцы, обособленность-же домика облегчала похищеніе.

Они быстро расправятся съ защитниками дѣвушки, или собственно говоря, съ Урсомъ, а затѣмъ, схвативъ Лигію, такъ-же стремительно выберутся на улицу, гдѣ имъ уже легко будетъ довести свое предпріятіе до благополучнаго конца. Никто, по всей вѣроятности, не остановитъ ихъ; если-же ихъ остановятъ, они объяснятъ, что дѣло касается заложницы, принадлежащей цезарю. Въ крайнемъ-же случаѣ Виницій назоветъ свое имя стражникамъ и обратится къ ихъ помощи.

Урсъ почти дошелъ уже до небольшого дома, когда шумъ шаговъ донесся до его слуха. Онъ остановился и, увидѣвъ двухъ человѣкъ, положилъ сито на балюстраду и обернулся къ нимъ.

— Чего вы тутъ ищете?—спросилъ онъ.

— Тебя!—отвѣтилъ Виницій.

Затѣмъ, обратившись къ Кротону, онъ произнесъ торопливымъ шепотомъ:

— Убей!

Кротонъ бросился, какъ тигръ, и въ одно мгновеніа, раньше чѣмъ лигіецъ успѣлъ опомниться или разсмотрѣть противниковъ, обхватилъ его своими стальными руками.

Виницій былъ слишкомъ увѣренъ въ его нечеловѣческой силѣ, чтобы ожидать конца борьбы. Онъ бросился къ дверямъ дома, растворилъ ихъ и очутился въ полутемномъ покоѣ, озаренномъ огнемъ, горѣвшимъ на очагѣ. Отблескъ этого пламени падалъ прямо на лицо Лигіи. Рядомъ съ нею передъ очагомъ сидѣлъ старецъ, который сопровождалъ дѣвушку и Урса на обратномъ пути изъ Остранія.

Виницій ворвался такъ стремительно, что Лигія не успѣла узнать

его, какъ онъ уже схватилъ ее за станъ и, поднявъ на руки, бросился обратно къ дверямъ. Старецъ успѣлъ преградить ему путь, но Виницій, прижавъ дѣвушку одной рукой къ груди, отстранилъ его свободной рукой. Капюшонъ упалъ съ его головы. При видѣ этого знакомаго и ужаснаго въ подобную минуту лица, въ жилахъ Лигіи застыла кровь и голосъ пресѣкся въ ея горлѣ. Она хотѣла звать на помощь и не могла. Столь-же тщетно пыталась она ухватиться за косякъ двери, чтобы воспротивиться похищенію. Пальцы ея скользнули по камню, она лишилась-бы сознанія,—если-бы глазамъ ея не представилось страшное зрѣлище, когда Виницій выбѣжалъ, неся ее въ садъ.

Урсъ держалъ въ объятіяхъ какого-то человѣка, перегнувшагося всѣмъ туловищемъ назадъ, съ откинутой головой и окровавленными губами. Увидѣвъ ихъ, лигіецъ еще разъ ударилъ кулакомъ по головѣ противника и бросился, какъ разъяренный звѣрь, на Виниція.

— Смерть!—подумалъ молодой патрицій.

Онъ разслышалъ, точно сквозь сонъ, возгласъ Лигіи: «не убивай!» Затѣмъ онъ почувствовалъ, что вдругъ, точно ударомъ молніи, разъединило руки, которыми онъ ее обнималъ. Земля заколебалась подъ нимъ и дневной свѣтъ погасъ въ его глазахъ.

. . . .

Тѣмъ временемъ Хилонъ, притаившись за сосѣднимъ угломъ, ожидалъ, что произойдетъ дальше. Любопытство боролось въ немъ со страхомъ. Кромѣ того, онъ соображалъ, что если имъ удастся похитить Лигію, то для него окажется полезнымъ, если онъ будетъ находиться при Виниціи. Урбана онъ больше не опасался, такъ какъ также былъ увѣренъ, что Кротонъ убьетъ лигійца. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсчитывалъ, что, если на безлюдныхъ пока улицахъ соберется толпа, если христіане или какіе-либо другіе люди вздумаютъ воспротивиться Виницію, въ такомъ случаѣ онъ обратится къ нимъ, какъ представитель власти, какъ исполнитель воли цезаря, и, въ крайнемъ случаѣ, призоветъ стражниковъ на помощь молодому патрицію противъ уличной черни и тѣмъ пріобрѣтетъ право на новыя щедроты. Въ глубинѣ души онъ все еще признавалъ, что поступокъ Виниція неосмотрителенъ; принимая, однако, во вниманіе ужасающую силу Кротона, допускалъ, что предпріятіе можетъ удаться. «Если возникнетъ опасность, самъ трибунъ понесетъ дѣвушку, а Кротонъ очиститъ ему путь». Однако, время проходило. Хилона тревожила тишина, господствовавшая въ сѣняхъ, на которые онъ посматривалъ издалека.

— Если они не попадутъ въ ея пристанище и нашумятъ, то спугнутъ ее.

Предположеніе это не огорчило его, такъ какъ онъ понималъ, что въ такомъ случаѣ снова окажется необходимымъ Виницію и опять сумѣетъ выманить отъ него достаточное количество сестерцій.

— Что-бы они ни сдѣлали,—ободрялъ онъ себя.—будетъ сдѣлано въ мою пользу, хотя ни одинъ изъ нихъ не догадывается объ этомъ... О, боги, боги! дозвольте мнѣ только...

Онъ мгновенно прервалъ свои размышленія: ему показалось, что кто-то выглянулъ изъ сѣней. Прижавшись къ стѣнѣ, Хилонъ сталъ всматриваться, притаивъ дыханіе.

Онъ не ошибся. Изъ сѣней украдкой высунулась чья-то голова и стала осматриваться.

Мгновеніе спустя, она исчезла.

— Это Виницій или Кротонъ,—подумалъ Хилонъ,—но, если они похитили дѣвушку, почему-же она не кричитъ и почему они осматриваютъ улицу? Они и безъ того должны-бы знать, что встрѣтятъ людей, такъ какъ раньше, чѣмъ доберутся до Каринъ, городъ пробудится. Что это такое!? Клянусь всѣми безсмертными богами!..

Остатки волосъ внезапно поднялись дыбомъ на его головѣ.

Въ дверяхъ показался Урсъ съ перекинутымъ черезъ плечо тѣломъ Кротона. Лигіецъ, еще разъ осмотрѣвшись, побѣжалъ со своею ношею вдоль пустынной улицы къ берегу рѣки.

Хилонъ съежился и еще усерднѣе прижался къ стѣнѣ, стараясь сдѣлаться совсѣмъ незамѣтнымъ.

— Я погибъ, если онъ меня замѣтитъ!—подумалъ онъ.

Но Урсъ быстро пробѣжалъ возлѣ угла и скрылся за сосѣднимъ домомъ. Хилонъ стремительно свернулъ въ ближайшій переулокъ, скрежеща зубами отъ ужаса, съ быстротою, которой могъ-бы позавидовать даже юноша.

— Если, возвращаясь обратно, онъ издалека увидитъ меня,—соображалъ онъ на бѣгу,—то непремѣнно догонитъ и убьетъ. Спаси меня, Зевсъ, спаси Аполлонъ, спаси Гермесъ, спаси Боже христіанъ. Я уѣду изъ Рима, вернусь въ Мезембрію, избавьте лишь меня отъ руки этого демона.

Лигіецъ, убившій Кротона, казался ему въ это мгновеніе въ самомъ дѣлѣ какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ. Спасаясь бѣгствомъ, онъ думалъ, что это, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ какой-то богъ, принявшій образъ варвара. Въ эту минуту онъ вѣрилъ во всѣхъ боговъ міра и во всѣ миѳы, надъ которыми глумился обыкновенно. Ему приходило также въ голову, что Кротона могъ поразить Богъ христіанъ, и волоса вновь подымались дыбомъ на его головѣ при одной мысли, что онъ осмѣлился противиться такой могущественной силѣ.

Лишь пробѣжавъ нѣсколько переулковъ и замѣтивъ какихъ-то рабочихъ, шедшихъ издали навстрѣчу, грекъ нѣсколько успокоился. Онъ, задыхаясь, присѣлъ на порогъ дома и сталъ краемъ плаща обтирать влажный лобъ.

— Я состарился, мнѣ пора на покой,—произнесъ онъ.

Люди, шедшіе навстрѣчу свернули въ какую-то улицу; вокругъ снова не было ни души. Городъ еще не проснулся. По утрамъ движеніе начиналось раньше именно въ болѣе достаточныхъ кварталахъ, гдѣ рабы въ богатыхъ домахъ принуждены были вставать съ разсвѣтомъ; въ тѣхъ же частяхъ Рима, въ которыхъ ютилось свободное населеніе, существовавшее на счетъ государства и проводившее свое время въ праздности, улицы, въ особенности зимою, оживлялись довольно поздно. Хилонъ, просидѣвъ нѣсколько времени на порогѣ, продрогъ. Онъ всталъ и, убѣдившись, что не потерялъ кошелька, полученнаго отъ Виниція, уже не столь торопливымъ шагомъ направился къ рѣкѣ.

— Быть можетъ, я увижу гдѣ-нибудь тѣло Кротона, — думалъ онъ.—О, боги! этотъ лигіецъ, если онъ человѣкъ,—могъ-бы въ теченіи одного года заработать милліоны сестерціевъ: если онъ задушилъ Кротона, какъ щенка, то кто-же въ силахъ бороться съ нимъ? За каждое выступленіе на аренѣ ему дали-бы столько золота, сколько онъ вѣситъ. Онъ лучше стережетъ эту дѣвушку, чѣмъ Церберъ оберегаетъ адъ. Но пусть-же и поглотитъ его преисподняя! Я вовсе не желаю связываться съ нимъ. Онъ слишкомъ цѣпокъ. Что-же мнѣ теперь остается сдѣлать? Произошло нѣчто ужасное. Если онъ такому атлету, какъ Кротонъ, переломалъ кости, то, вѣроятно, и душа Виниція витаетъ теперь надъ этимъ проклятымъ домомъ, ожидая погребенія. Клянусь Касторомъ! Вѣдь это патрицій, сотоварищъ цезаря, родственникъ Петронія, извѣстный всему Риму вельможа и военный трибунъ. Поплатятся они за его смерть... Не обратиться-ли мнѣ въ станъ преторьянцевъ или къ городской стражѣ?..

Онъ погрузился въ раздумье, но вскорѣ сказалъ самъ себѣ:

— Горе мнѣ! Не я-ли, привелъ его къ этому дому?.. Его вольноотпущенники и рабы знаютъ, что я къ нему приходилъ, а нѣкоторые догадались даже о цѣли моихъ посѣщеній. Что станется со мною, если меня обвинятъ, что я умышленно указалъ ему на домъ, въ которомъ его постигла смерть? — Хотя-бы потомъ на судѣ обнаружилось, что я не хотѣлъ его смерти, тѣмъ не менѣе всетаки признаютъ, что я явился ея причиной... А вѣдь это патрицій,—слѣдовательно, это ни въ какомъ случаѣ не пройдетъ для меня безнаказанно. Если-же я тайкомъ выберусь изъ Рима и скроюсь гдѣ-нибудь, мое бѣгство возбудитъ еще сильнѣйшія подозрѣнія.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ нельзя ожидать ничего хорошаго. Ему оставалось только выбрать изъ двухъ золъ меньшее. Римъ былъ огромнымъ городомъ, однако Хилонъ почувствовалъ, что, быть можетъ, для него не хватитъ здѣсь простора. Всякій другой могъ-бы обратиться прямо къ начальнику городской стражи, разсказать обо

всемъ, что произошло, и ожидать спокойно слѣдствія, хотя-бы на него пало какое-либо подозрѣніе. Но все прошлое Хилона было такого свойства, что сколько-нибудь близкое знакомство съ градоправителемъ или съ начальникомъ стражи могло-бы навлечь на него чрезвычайныя непріятности и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить подозрѣніе, которое внушила-бы его личность этимъ лицамъ.

Съ другой стороны, спасаясь бѣгствомъ, онъ внушилъ-бы Петронію убѣжденіе, что Виниція умертвили предательски. Между тѣмъ Петроній былъ человѣкомъ могущественнымъ, могъ располагать полиціей всего государства и, несомнѣнно, постарался-бы разыскать виновныхъ, хотя-бы они бѣжали на край свѣта. Тутъ греку пришло въ голову, что лучше всего было-бы обратиться прямо къ Петронію и разсказать обо всемъ, что произошло. Да, это въ самомъ дѣлѣ самый лучшій способъ. Петроній былъ человѣкомъ спокойнымъ, и Хилонъ былъ вполнѣ увѣренъ хотя-бы въ томъ, что его выслушаютъ до конца.

Петроній, слѣдя за этимъ дѣломъ съ самаго начала, вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе повѣритъ невиновности Хилона, нежели власти.

Но для того, чтобы обратиться къ нему, необходимо сначала разузнать, что сталось съ Виниціемъ, а Хилонъ этого не знаетъ. Онъ видѣлъ только лигійца, кравшагося къ рѣкѣ съ тѣломъ Кротона, по тѣмъ и ограничиваются всѣ его свѣдѣнія. Виниція, быть можетъ, убили, но, можетъ быть также, онъ только раненъ или захваченъ въ плѣнъ. Хилону только теперь пришло въ голову, что христіане, вѣроятно, не осмѣлились убить человѣка, столь могущественнаго, августіанца и занимающаго высокій военный постъ, такъ какъ подобный поступокъ могъ вызвать гоненіе противъ всѣхъ ихъ единовѣрцевъ. Представлялось весьма правдоподобнымъ, что они лишь насильственно задержали его, чтобы дать Лигіи время вторично скрыться въ другомъ мѣстѣ.

Мысль эта значительно ободрила Хилона.

— Если это лигійское чудовище не растерзало его въ порывѣ гнѣва, въ такомъ случаѣ, онъ живъ, а если онъ живъ, тогда самъ засвидѣтельствуетъ, что я не измѣнилъ ему и, слѣдовательно, мнѣ не только ничто не угрожаетъ, но (Гермесъ, разсчитывай снова на двухъ телокъ!) предо мной раскроется новое поприще... Я могу сообщить одному изъ вольноотпущенниковъ, гдѣ ему слѣдуетъ искать господина, а обратится онъ къ префекту или не обратится—это будетъ уже его дѣломъ, мнѣ важно только избавиться отъ необходимости самому пойти заявить о случившемся властямъ. Я могу также пойти къ Петронію — и разсчитывать на награду... Я искалъ Лигію, теперь буду искать Виниція, а потомъ снова примусь за Лигію... Нужно, однако, сначала разузнать, уцѣлѣлъ-ли онъ, или убитъ.

Хилону вспало на мысль, что онъ могъ-бы ночью пойти въ пекарню

Демаса и разспросить Урса, но онъ тотчасъ-же отклонилъ это намѣреніе. Онъ предпочиталъ вовсе не сталкиваться съ Урсомъ. Грекъ, очевидно, могъ съ полной основательностью предположить, что, если Урсъ не убилъ Главка, значитъ, его кто-нибудь предостерегъ. Его отговорилъ какой-нибудь изъ христіанскихъ старѣйшинъ, которому лигіецъ открылъ свое намѣреніе: Урсу, вѣроятно, объяснили, что это темное дѣло и что его хотѣлъ подговорить какой-нибудь предатель. Притомъ-же, при одномъ воспоминаніи объ Урсѣ, по всему тѣлу Хилона пробѣгала холодная дрожь. Хилонъ сообразилъ, что гораздо удобнѣе послать Эвриція, который вечеромъ отправится въ домъ, гдѣ произошло столкновеніе. Хилонъ тѣмъ временемъ утолитъ голодъ, сходитъ въ баню и выспится. Безсонная ночь, путь въ Остраній и бѣгство съ того берега рѣки, дѣйствительно, утомили его свыше мѣры.

Грека утѣшало лишь одно обстоятельство: онъ обладалъ двумя кошельками,—тѣмъ, который Виницій далъ ему въ своемъ домѣ, и который бросилъ ему на обратномъ пути съ кладбища. Принимая во вниманіе эту удачу и въ виду разнообразныхъ волненій, испытанныхъ имъ, Хилонъ рѣшилъ поѣсть досыта и угостить себя виномъ получше того, которое онъ пилъ обыкновенно.

Когда, наконецъ, наступило время открытія погребка, онъ выполнилъ свое намѣреніе столь щедрымъ образомъ, что даже позабылъ о банѣ. Его до такой степени клонило ко сну и онъ чувствовалъ такое сильное изнуреніе, что едва добрался, шатаясь, до своего жилища въ Субуррѣ, гдѣ его ожидала пріобрѣтенная на полученныя отъ Виниція деньги рабыня.

Войдя въ темную, какъ нора лисицы, спальню, онъ бросился на ложе и мгновенно заснулъ.

Онъ проснулся лишь вечеромъ, или вѣрнѣе, его разбудила рабыня, кричавшая ему, чтобъ онъ вставалъ, такъ какъ кто-то спрашиваетъ его и желаетъ съ нимъ поговорить по неотложному дѣлу.

Осторожный Хилонъ мгновенно пришелъ въ себя, наскоро накинулъ плащъ съ капюшономъ и, приказавъ рабынѣ отодвинуться, предусмотрительно выглянулъ наружу.

Къ ужасу своему, онъ увидѣлъ передъ дверьми спальни внушительную фигуру Урса.

При видѣ его онъ почувствовалъ, что ноги и голова похолодѣли, какъ ледъ, сердце замерло въ груди, по спинѣ забѣгали мурашки... Нѣсколько времени онъ не могъ произнести ни слова, затѣмъ, наконецъ, стуча зубами, произнесъ или вѣрнѣе, простоналъ:

— Сира!.. меня нѣтъ дома... я не знаю... этого... добраго человѣка...

— Я сказала ему, что ты дома и что ты спишь, господинъ, — отвѣтила дѣвушка,—онъ-же потребовалъ, чтобы я разбудила тебя.

— О, боги!.. я приказываю тебѣ...

Но Урсъ, точно раздосадованный задержкой, приблизился къ дверямъ спальни и, наклонившись, просунулъ внутрь ея голову.

— Хилонъ Хилонидъ!—позвалъ онъ.

— Pax tecum! pax! pax!—отозвался Хилонъ.—О, наилучшій изъ христіанъ! Да! Я Хилонъ, но это ошибка... Я не знаю тебя.

— Хилонъ Хилонидъ,—повторилъ Урсъ,—твой господинъ, Виницій, приказываетъ тебѣ пойти къ нему, послѣдовавъ за мною...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXIII.

Виницій пришелъ въ себя, почувствовавъ острую боль. Въ первое мгновеніе онъ не могъ понять, гдѣ находится и что съ нимъ происходитъ. Въ головѣ у него шумѣло, глаза подернулись словно дымкой. Сознаніе, однако, постепенно возвращалось къ нему и, наконецъ, сквозь эту дымку онъ разсмотрѣлъ трехъ склонившихся надъ нимъ людей. Двухъ изъ нихъ онъ узналъ: Урса и старца, котораго опрокинулъ, унося Лигію. Третій, совершенно незнакомый, держалъ его лѣвую руку, проводилъ по ней отъ локтя до плеча и причинялъ столь невыносимую боль, что Виницій, принимая это за особый родъ мщенія, произнесъ, стиснувъ зубы:

— Убейте меня.

Но они, повидимому, не обращали вниманія на его слова, точно не слыша ихъ или какъ-бы считая за обычный стонъ отъ боли. Урсъ, съ своимъ сумрачнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ зловѣщимъ лицомъ варвара, держалъ пукъ бѣлыхъ длинныхъ бинтовъ, а старецъ говорилъ человѣку, который растиралъ руку Виницію:

— Увѣренъ-ли ты, Главкъ, что рана въ головѣ не смертельна?

— Да, почтенный Криспъ, — отвѣтилъ Главкъ, — служа рабомъ во флотѣ и затѣмъ живя въ Неаполѣ, я лѣчилъ многихъ раненныхъ и съ дохода, который приносило мнѣ это занятіе, выкупилъ, наконецъ, себя и свою семью изъ неволи... Голова повреждена неопасно. Когда этотъ человѣкъ (онъ кивнулъ головой на Урса) отнялъ дѣвушку, онъ отбросилъ похитителя къ стѣнѣ. Больной, падая, повидимому, заслонилъ себя рукой, которую вывихнулъ и сломалъ, но, благодаря этому, спасъ голову—и жизнь.

— Многіе изъ братьевъ уже пользовались твоимъ знаніемъ,—отвѣтилъ Криспъ,—ты слывешь искуснымъ врачемъ... Потому я послалъ за тобою Урса.

— Который по дорогѣ признался, что не далѣе, какъ вчера, собирался убить меня.

— Но раньше еще, чѣмъ тебѣ, онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи мнѣ,—я-же, зная тебя и твою любовь къ Христу, объяснилъ ему, что предатель вовсе не ты, а тотъ незнакомецъ, который подстрекалъ его къ убійству.

— Это былъ злой духъ, но я принялъ его за ангела,—отвѣтилъ со вздохомъ Урсъ.

— Ты когда нибудь потомъ разскажешь мнѣ объ этомъ,—отвѣтилъ Главкъ,—теперь-же намъ надо позаботиться о раненномъ.

Сказавъ это, онъ принялся вправлять руку Виницію, который, несмотря на то, что Криспъ кропилъ ему лицо водою, то и дѣло лишался сознанія отъ боли. Обстоятельство это, однако, оказалось для него благопріятнымъ, такъ какъ онъ не чувствовалъ ни выправленія, ни перевязки сломанной руки, которую Главкъ заключилъ въ два выгнутыхъ лубка и затѣмъ крѣпко и быстро обвязалъ, чтобы она лежала неподвижно.

Когда операція была окончена, Виницій снова пришелъ въ себя— и увидѣлъ надъ собою Лигію.

Она стояла возлѣ его ложа, держа мѣдный сосудъ съ водой, въ которую Главкъ время отъ времени погружалъ губку чтобы освѣжить его голову.

Виницій смотрѣлъ, не смѣя вѣрить своимъ глазамъ. Ему казалось, что любимое существо привидѣлось ему въ бреду. Прошло много времени, прежде чѣмъ онъ собрался съ силами прошептать:

— Лигія...

При звукѣ его голоса сосудъ задрожалъ въ ея рукѣ. Дѣвушка посмотрѣла на него глазами, исполненными скорби.

— Миръ съ тобою! —тихо отвѣтила она.

Она стояла, протянувъ передъ собою руки, съ лицомъ, на которомъ отражались горесть и состраданіе.

Онъ-же смотрѣлъ на нее, какъ-бы желая насытить ея видомъ свои глаза,—чтобы, и опустивъ вѣки, сохранить излюбленный образъ неприкосновеннымъ. Онъ смотрѣлъ на ея лицо, поблѣднѣвшее и исхудавшее, на узлы темныхъ волосъ, на бѣдное рабочее одѣяніе, смотрѣлъ такъ пристально, что подъ вліяніемъ его взора бѣлоснѣжное чело дѣвушки стало розовѣть. Онъ подумалъ, во-первыхъ, что все еще любитъ ее, и затѣмъ, что эта блѣдность и нищета причинены имъ, что никто иной, какъ онъ, выгналъ ее изъ дому, гдѣ ее любили, гдѣ ее окружали достатокъ и удобства. Онъ заставилъ ее поселиться въ этомъ бѣдномъ жилищѣ и одѣлъ ее въ этотъ жалкій плащъ изъ темной шерстяной ткани.

А между тѣмъ, онъ всѣми силами души жаждалъ облачить ее въ драгоцѣннѣйшія одѣянія, украсить всѣми сокровищами міра! Сердце его сжалось отъ столь сильнаго потрясенія, скорби и жалости, что онъ упалъ-бы къ ея ногамъ, еслибы только могъ пошевельнуться.

— Лигія,—произнесъ онъ,—ты не позволила убить меня.

Она кротко отвѣтила ему:

— Пусть Богъ возвратитъ тебѣ здоровье.

Виницію, сознававшему и тѣ обиды, которыя онъ причинилъ ей раньше, и ту, которую только-что хотѣлъ нанести, слова Лигіи показались цѣлебнымъ бальзамомъ. Онъ позабылъ въ это мгновеніе, что ея устами можетъ гласить христіанское вѣроученіе,—онъ чувствовалъ только, что говоритъ обожаемая женщина и что отвѣтъ ея проникнутъ какою-то необыкновенною заботливостью и нечеловѣческою добротою, потрясающею его до глубины души. Подобно тому, какъ раньше отъ боли, онъ ослабѣлъ теперь отъ волненія. Онъ впалъ въ какую-то истому, безграничную и вмѣстѣ съ тѣмъ сладостную. Онъ испытывалъ точно погружается въ бездну, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что ему хорошо и что онъ счастливъ. Въ эту минуту, когда его покинули силы, онъ думалъ также, что надъ нимъ витаетъ божество.

Тѣмъ временемъ Главкъ окончилъ промывку раны на головѣ и приложилъ заживляющую мазь. Урсъ отобралъ мѣдный сосудъ отъ Лигіи; она-же, взявъ приготовленную на столѣ чашу съ водою, приправленною виномъ, приложила ее къ устамъ больного. Виницій съ жадностью выпилъ и почувствовалъ, что ему несравненно лучше. Когда перевязка была окончена, боль почти прекратилась. Раны и переломы стали затягиваться. Сознаніе вполнѣ вернулось къ нему.

— Дай мнѣ еще напиться,—сказалъ онъ.

Лигія вышла съ опорожненною чашей въ сосѣднюю комнату. Криспъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Главкомъ, приблизился къ постели и сказалъ:

— Виницій, Богъ не дозволилъ тебѣ исполнить злое дѣло, но сохранилъ тебѣ жизнь, чтобы ты покаялся. Тотъ, въ сравненіи съ Которымъ человѣкъ есть лишь прахъ, отдалъ тебя беззащитнаго въ наши руки, но Христосъ, въ Котораго мы вѣримъ, повелѣлъ намъ любить даже враговъ. Поэтому мы перевязали твои раны и, какъ сказала Лигія, будемъ молиться, чтобы Богъ возвратилъ тебѣ здоровье, но дольше не можемъ ухаживать за тобою. Подумай же теперь спокойно и рѣши, подобаетъ-ли тебѣ долѣе преслѣдовать Лигію, которую ты лишилъ опекуновъ и пріюта,—и насъ, которые тебѣ отплатили добромъ.

— Вы хотите оставить меня?—спросилъ Виницій.

— Мы хотимъ покинуть этотъ домъ, въ которомъ на насъ можетъ обрушиться преслѣдованіе градоправителя. Товарищъ твой убитъ, ты же,

считающійся могущественнымъ между своими, лежишь раненнымъ. Произошло это не по нашей винѣ, но кара закона должна пасть на насъ...

— Не опасайтесь преслѣдованія, — сказалъ Виницій. — Я защищу васъ.

Криспъ не хотѣлъ отвѣтить Виницію, что ихъ безпокоитъ не только городской префектъ и полиція, но что они хотятъ оградить Лигію отъ дальнѣйшихъ его преслѣдованій.

— Господинъ, — возразилъ онъ, — правая рука твоя здорова, — возьми же эти дощечки и тростникъ и напиши слугамъ, чтобы они пришли за тобой сегодня вечеромъ съ носилками и доставили тебя въ твой домъ, въ которомъ тебѣ будетъ удобнѣе, чѣмъ среди нашего убожества. Мы живемъ здѣсь у бѣдной вдовы, которая скоро придетъ съ своимъ сыномъ,—этотъ мальчикъ отнесетъ твое письмо. А мы всѣ принуждены искать иного пріюта.

Виницій поблѣднѣлъ, понявъ, что его хотятъ разлучить съ Лигіей и что, если онъ вторично потеряетъ ее, то, быть можетъ, больше никогда въ жизни больше не увидитъ... Онъ чувствовалъ, что между любимой дѣвушкой и имъ произошли чрезвычайныя событія, въ силу которыхъ, желая достигнуть обладанія ею, онъ принужденъ искать какихъ-то новыхъ путей, которыхъ еще не имѣлъ времени обдумать. Онъ понималъ также, что окружающіе его люди имѣютъ право не повѣрить и не повѣрятъ, что бы онъ ни говорилъ имъ, даже если бы поклялся, что возвратитъ Лигію Помпоніи Грецинѣ. Вѣдь онъ могъ сдѣлать это раньше; могъ вмѣсто того, чтобы преслѣдовать Лигію, обратиться къ Помпоніи и поклясться ей, что прекратитъ преслѣдованія, а въ такомъ случаѣ сама Помпонія отыскала бы Лигію и взяла бы обратно въ свой домъ. Онъ чувствовалъ, что никакія подобныя обѣщанія не удержатъ ихъ. Они не повѣрятъ никакой самой торжественной клятвѣ, тѣмъ болѣе, что, не будучи христіаниномъ, онъ могъ бы имъ поклясться развѣ лишь безсмертными богами, въ которыхъ самъ не особенно вѣрилъ, тогда какъ они считали ихъ за злыхъ духовъ.

Онъ съ отчаяніемъ добивался, однако, расположить въ свою пользу и Лигію, и этихъ ея защитниковъ. Онъ готовъ былъ рѣшиться на все, но для того, чтобъ придумать какой-нибудь способъ, надо было выиграть время. Кромѣ того, ему дорога была и возможность въ теченіи нѣсколькихъ дней любоваться ею. Какъ утопающій считаетъ каждый обломокъ доски или весла спасеніемъ, такъ и ему казалось, что въ теченіи этихъ нѣсколькихъ дней онъ, быть можетъ, сумѣетъ сказать какія-либо слова, которыя его сблизятъ съ нею. Быть можетъ, онъ что-либо придумаетъ или само собою произойдетъ что-либо благопріятное.

— Выслушайте меня, христіане. Вчера я былъ вмѣстѣ съ вами въ Остраніи и слушалъ ваше ученіе, но, если-бы я даже его не зналъ,

ваши дѣйствія убѣдили бы меня, что вы люди почтенные и добрые. Скажите вдовѣ, живущей въ этомъ домѣ, чтобы она осталась въ немъ, останьтесь и вы и мнѣ позвольте пробыть съ вами. Пусть этотъ человѣкъ (онъ посмотрѣлъ на Главка), который былъ врачемъ или, по крайней мѣрѣ, знаетъ, какъ надо лѣчить раны,—пусть этотъ человѣкъ скажетъ, можно-ли меня перенести сегодня. Я боленъ, у меня сломана рука, которая должна хотя нѣсколько дней пролежать неподвижно, — поэтому заявляю вамъ, что я не двинусь отсюда, если только вы не вынесете меня насильственно.

Онъ пересталъ говорить, такъ какъ въ груди его спиралось дыханіе. Криспъ отвѣтилъ:

— Никто, господинъ, не поступитъ съ тебою насильственно, мы только спасаемъ себя удаляясь отсюда.

Не привыкшій къ возраженіямъ, молодой человѣкъ сдвинулъ брови и сказалъ:

— Позволь мнѣ перевести дыханіе.

Черезъ мгновеніе онъ заговорилъ снова:

— Кротона, котораго задушилъ Урсъ, никто не будетъ искать; онъ собирался сегодня ѣхать въ Беневентъ, куда вызвалъ его Ватиній: всѣ будутъ думать, что онъ уѣхалъ. Когда мы вошли съ Кротономъ въ этотъ домъ, насъ не видѣлъ никто, кромѣ одного грека, который былъ вмѣстѣ съ нами въ Остраніи. Я сообщу вамъ, гдѣ онъ живетъ, и вы приведете его ко мнѣ,—я же прикажу ему молчать, такъ какъ этотъ человѣкъ мой наемникъ. Въ свой домъ я напишу извѣщеніе, что я также уѣхалъ въ Беневентъ. Если грекъ уже заявилъ о моемъ исчезновеніи правителю города, я скажу, что самъ убилъ Кротона, который сломалъ мнѣ руку. Я сдѣлаю это, клянусь тѣнями моихъ отца и матери! — слѣдовательно, вы можете здѣсь оставаться въ полной безопасности, такъ какъ ни съ чьей головы не упадетъ ни волоса. Разыщите и приведите ко мнѣ, какъ можно скорѣе, грека, котораго зовутъ Хилономъ Хилонидомъ!

— Въ такомъ случаѣ, Главкъ останется при тебѣ, господинъ, — сказалъ Криспъ,—и вмѣстѣ съ вдовою будетъ ухаживать за тобой.

Складки на бровяхъ Виниція выступили еще сильнѣе.

— Прости, почтенный старецъ, за то, что я скажу тебѣ, — произнесъ онъ, — я обязанъ тебѣ признательностью и ты кажешься мнѣ добрымъ и справедливымъ, но ты не говоришь мнѣ того, что думаешь въ глубинѣ души. Ты опасаешься, чтобы я не призвалъ моихъ рабовъ и не приказалъ имъ завладѣть Лигіей? Не правда-ли?

— Да!—отвѣтилъ съ нѣкоторой суровостью Криспъ.

— Въ такомъ случаѣ, прими во вниманіе, что съ Хилономъ я буду говорить при васъ и въ вашемъ-же присутствіи напишу домой, что я уѣхалъ, а потомъ, кромѣ какъ черезъ васъ, я не буду имѣть

возможности послать другія распоряженія... Сообрази это самъ и не раздражай меня дольше.

Лицо его исказилось отъ гнѣва. Затѣмъ онъ сталъ говорить съ запальчивостью:

— Неужели ты думалъ, что я стану отпираться, не признаюсь, что хочу остаться лишь затѣмъ, чтобы видѣться съ нею?.. И глупецъ понялъ-бы это, хотя-бы я сталъ отрицать. Но насиліемъ я не хочу больше овладѣть ею... Тебѣ-же я скажу еще слѣдующее. Если она не останется здѣсь, то я сорву этою здоровою рукою повязку, не стану принимать ни пищи, ни питья,—и пусть смерть моя падетъ на тебя и твоихъ братьевъ. Къ чему-же ты ухаживалъ за мною, отчего не приказалъ меня убить?

Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и упадка силъ. Лигія, слышавшая изъ сосѣдней комнаты весь разговоръ, испугалась его словъ, будучи увѣрена, что Виниціи исполнитъ свою угрозу. Между тѣмъ, она ни за что не хотѣла его смерти. Раненный и беззащитный, онъ возбуждалъ въ ней лишь состраданіе, а не боязнь. Со времени своего бѣгства живя среди людей, погруженныхъ въ непрерывный религіозный экстазъ, думая лишь о жертвахъ самоотверженія и милосердія безъ границъ, она сама проникласъ новымъ вѣяніемъ до такой степени, что оно вытѣснило въ ея сердцѣ домъ, семью, утраченное счастье и вмѣстѣ съ тѣмъ превратило ее въ одну изъ тѣхъ христіанскихъ дѣвушекъ, которыя позднѣе обновили устарѣвшую душу міра. Виницій слишкомъ повліялъ на ея судьбу, былъ слишкомъ прикосновененъ къ ней, чтобы она могла о немъ позабыть. Она по цѣлымъ днямъ думала о немъ и не разъ молила Бога, чтобы наступила минута, когда, слѣдуя вѣроученію, она могла-бы отплатить ему добромъ за зло, милосердіемъ за преслѣдованіе, преодолѣть его, обратить ко Христу и спасти. Теперь-же ей казалось, что такая именно минута наступила и что молитва ея услышана.

Она подошла къ Криспу и стала говорить съ лицомъ вдохновеннымъ, точно ея устами гласитъ голосъ свыше:

— Криспъ, пусть онъ останется среди насъ и мы пробудемъ возлѣ него, пока Христосъ не исцѣлитъ его.

Старый пресвитеръ, привыкшій уловлять во всемъ вѣяніе Господне, видя ея возбужденіе, тотчасъ-же подумалъ, что, быть можетъ, ея устами говоритъ вышняя сила, и, втайнѣ трепеща, склонилъ свою сѣдую голову.

— Да сбудутся твои слова,—отвѣтилъ онъ.

На Виниція, который ни на мгновеніе не сводилъ съ нея глазъ, тотчасъ-же выказанное Криспомъ повиновеніе произвело странное и потрясающее впечатлѣніе. Ему представилось, что Лигія считается среди христіанъ какою-то Сивиллой или жрицей, окруженною почитаніемъ и

повиновеніемъ; онъ почувствовалъ такое-же преклоненіе передъ ней. Къ любви, которую она внушала ему, присоединилась теперь какъ-бы нѣкоторая боязнь, вслѣдствіе чего и сама любовь казалась ему теперь почти дерзостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ освоиться съ мыслью, что отношенія ихъ перемѣнились, что отнынѣ не она зависитъ отъ его воли, а онъ находится въ ея власти,—что онъ лежитъ теперь больнымъ искалѣченнымъ, и, переставъ олицетворять злую нападающую силу, превратился какъ-бы въ беззащитное дитя, довѣренное ея опекѣ. При его гордомъ и своевольномъ характерѣ, подобное отношеніе ко всякому другому существу было-бы унизительно, теперь-же, однако, онъ не только не почувствовалъ, что униженъ, но даже былъ признателенъ Лигіи, какъ своей госпожѣ. Чувство это было для него столь ново, что не далѣе, какъ наканунѣ, онъ не могъ-бы себѣ даже представить его. Оно и теперь еще исполнило-бы его изумленіемъ, если бы онъ могъ дать себѣ ясный отчетъ въ немъ. Но онъ не спрашивалъ теперь, почему это такъ, какъ будто это явленіе совершенно естественно, радуясь лишь тому что остается.

Виницій хотѣлъ поблагодарить ее, выразить признательность и другое какое-то чувство, столь невѣдомое ему, что онъ даже не сумѣлъ бы назвать его, такъ-какъ это была простая покорность. Но испытанное имъ передъ тѣмъ возбужденіе настолько исчерпало его силы, что онъ немогъ говорить и благодарилъ ее лишь глазами, въ которыхъ свѣтилась радость, что она остается возлѣ него и что онъ будетъ видѣться съ нею завтра, послѣзавтра и, быть можетъ, въ теченіе многихъ дней. Радость эту смущало лишь опасеніе утраты того, что имъ пріобрѣтено, и опасеніе это было столь сильно, что, когда Лигія снова подала ему воды и когда при этомъ Виниція охватило страстное желаніе пожать ей руку, онъ побоялся исполнить свое желаніе,—побоялся онъ, тотъ самый Виницій, который на пиру у цезаря насильно цѣловалъ ее въ уста, а послѣ ея бѣгства обѣщалъ себѣ влачить ее за волосы по спальнѣ или приказать, чтобы ее бичевали.

XXIV.

Виницій сталъ, кромѣ того, опасаться, чтобы чья нибудь оказанная извнѣ помощь не нарушила его радости. Хилонъ могъ сообщить объ его исчезновеніи градоправителю или вольноотпущенникамъ въ его домѣ и въ такомъ случаѣ вторженіе стражи являлось весьма вѣроятнымъ. Въ головѣ его мелькнула мысль, что тогда онъ могъ-бы приказать захватить Лигію и заточить ее въ своемъ домѣ, но онъ почувствовалъ, что этого сдѣлать не долженъ и не сможетъ. Будучи человѣкомъ своевольнымъ, самоувѣреннымъ и довольно испорченнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и безпощаднымъ, онъ не былъ, однако, ни Катилиной, ни Не-

рономъ. Жизнь въ войскѣ укоренила въ немъ нѣкоторое чувство справедливости: въ немъ осталось на столько совѣсти, что онъ понималъ, что такой поступокъ былъ-бы чѣмъ-то сугубо-подлымъ. Быть можетъ, онъ и оказался-бы способнымъ на что-нибудь подобное въ порывѣ озлобленія и располагая всѣми своими силами, но въ эту минуту онъ былъ и растроганъ, и боленъ, такъ что добивался лишь одного, — чтобы никто не сталъ между нимъ и Лигіей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Лигія заступилась за него, ни она сама, ни Криспъ не требуютъ отъ него никакихъ увѣреній, точно они и такъ убѣждены, что въ случаѣ нужды ихъ оградитъ какая-то сверхъестественная сила. Виницій, сознаніе котораго съ тѣхъ поръ, какъ онъ услышалъ въ Остраніи проповѣдь и повѣствованіе апостола, стало путаться и сглаживать различіе между возможнымъ и невозможнымъ, почти готовъ былъ допустить вѣроятность подобной защиты. Однако-же, относясь къ дѣйствительности всетаки болѣе положительно, чѣмъ христіане, онъ самъ напомнилъ имъ о грекѣ и снова потребовалъ, чтобъ къ нему привели Хилона.

Криспъ согласился; было рѣшено послать Урса. Виницій, который за послѣдніе дни передъ посѣщеніемъ Остранія зачастую безуспѣшно посылалъ своихъ рабовъ къ Хилону, сообщилъ лигійцу обстоятельныя указанія на то, гдѣ живетъ грекъ, затѣмъ, начертивъ нѣсколько словъ на дощечкѣ, произнесъ, обращаясь къ Криспу:

— Я даю записку, такъ-какъ это человѣкъ подозрительный и хитрый. Нерѣдко призываемый мною, онъ приказывалъ отвѣчать моимъ слугамъ, что его нѣтъ дома. Онъ дѣлалъ это всегда, когда, не имѣя для меня благопріятныхъ извѣстій, опасался моего гнѣва.

— Если я только найду его, онъ будетъ приведенъ, пожелаетъ-ли или не пожелаетъ идти—безразлично.

Накинувъ затѣмъ плащъ, лигіецъ поспѣшно ушелъ.

Найти кого-либо въ Римѣ было нелегко, даже имѣя наиподробнѣйшія указанія, но Урсу въ такихъ случаяхъ помогалъ инстинктъ человѣка, привыкшаго жить въ лѣсахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличное знаніе города, такъ что черезъ нѣсколько времени онъ очутился въ помѣщеніи Хилона.

Онъ не узналъ грека; до этого онъ видѣлъ его только одинъ разъ въ жизни, и то ночью. Притомъ-же тотъ осанистый и самоувѣренный старецъ, уговаривавшій его убить Главка, былъ столь не похожъ на этого скорчившагося отъ страха грека, что никто не предположилъ-бы, что это одинъ и тотъ-же человѣкъ. Хилонъ, замѣтивъ, что Урсъ глядитъ на него, какъ на совершенно незнакомаго человѣка, преодолѣлъ охватившій его сначала ужасъ. Дощечка съ запискою Виниція еще больше успокоила его. Ему, во всякомъ случаѣ, не угрожаетъ подозрѣніе, что

онъ умышленно вовлекъ Виниція въ западню. Онъ подумалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что христіане не убили Виниція, очевидно, лишь потому, что не осмѣлились поднять руку на столь знатнаго человѣка.

— Слѣдовательно, Виницій, если понадобится, защититъ и меня,— подумалъ онъ,—не затѣмъ-же онъ призываетъ меня, чтобы меня убили.

Оправившись нѣсколько, онъ спросилъ:

— Скажи, добрый человѣкъ, развѣ пріятель мой, благородный Виницій, не прислалъ за мною носилокъ? У меня распухли ноги, я не могу идти такъ далеко.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Урсъ,—мы пойдемъ пѣшкомъ.

— А если я откажусь?

— Не дѣлай этого, такъ какъ ты долженъ пойти.

— И пойду, но по собственному желанію. Иначе никто меня-бы не принудилъ, такъ какъ я человѣкъ свободный и пріятель городского префекта. Какъ мудрецъ, я обладаю также другими способами противодѣйствія, умѣю превращать людей въ деревья и животныхъ. Но я пойду,—пойду! Я одѣну только плащъ потеплѣе и капюшонъ, чтобы меня не узнали рабы въ этомъ кварталѣ, не то всѣ рабы квартала стали-бы останавливать насъ, чтобы цѣловать мои руки.

Сказавши это, онъ надѣлъ другой плащъ и покрылъ голову широкимъ галльскимъ капюшономъ, опасаясь, чтобы Урсъ не припомнилъ себѣ его лица, когда они выйдутъ на болѣе свѣтлое мѣсто.

— Куда ты ведешь меня?—спросилъ онъ по дорогѣ Урса.

— На Затибріе.

— Я недавно прибылъ въ Римъ и никогда тамъ не былъ, но и тамъ, конечно, живутъ люди, любящіе добродѣтель.

Но простодушный Урсъ, слышавшій отъ Виниція, что грекъ сопровождалъ военнаго трибуна на кладбище въ Остраніи и затѣмъ видѣлъ, когда Виницій съ Кротономъ входили въ домъ, въ которомъ живетъ Лигія, остановился и сказалъ:

— Не лги, старикъ, вѣдь ты сегодня былъ съ Виниціемъ въ Остраніи и у нашихъ воротъ.

— Развѣ это вашъ домъ на Затибріи?—спросилъ Хилонъ.—Я недавно пріѣхалъ въ Римъ и не знаю еще хорошенько, какъ называются разные кварталы. Да, да, мой другъ! я былъ у вашихъ воротъ и заклиналъ во имя добродѣтели Виниція, чтобы онъ не входилъ въ нихъ. Былъ я и въ Остраніи,—а знаешь-ли почему? Потому что съ нѣкотораго времени я стараюсь обратить Виниція. Я хотѣлъ, чтобы онъ послушалъ старѣйшаго изъ апостоловъ. Да проникнетъ свѣтъ истины въ его душу и въ твою! Вѣдь ты также христіанинъ и также желаешь, чтобы истина восторжествовала надъ неправдой?

— Да,—отвѣтилъ смиренно Урсъ.

Къ Хилону вернулось все его самообладаніе.

— Виницій могущественный человѣкъ,—произнесъ онъ,—и пріятель цезаря. Онъ еще часто склоняетъ слухъ къ искушеніямъ злого духа, но, если хотя волосъ упадетъ съ его головы, цезарь выместитъ это на всѣхъ христіанахъ.

— Насъ хранитъ болѣе могущественная сила.

— Да, конечно, конечно! Но чтожъ вы намѣрены сдѣлать съ Виниціемъ?—снова съ нѣкоторой тревогой спросилъ Хилонъ.

— Не знаю. Христосъ повелѣлъ быть милосердымъ.

— Ты сказалъ это преотмѣнно. Помни объ этомъ всегда, не то будешь жариться въ аду, какъ кишка на сковородкѣ.

Урсъ вздохнулъ, Хилонъ-же подумалъ, что съ этимъ ужаснымъ въ минуту увлеченія человѣкомъ онъ всегда могъ-бы сдѣлать все, что захочетъ.

Желая узнать, что произошло при покушеніи на Лигію, онъ продолжалъ разспрашивать тономъ суроваго судьи:

— Что сдѣлали вы съ Кротономъ? Говори и не утаивай правды.

Урсъ вторично вздохнулъ.

— Тебѣ разскажетъ объ этомъ Виницій.

— Это значитъ, что ты пырнулъ его ножемъ или убилъ палкой?

— Я не имѣлъ оружія.

Грекъ не могъ подавить въ себѣ удивленія нечеловѣческой силѣ варвара.

— Клянусь Плутономъ!.. то есть, я хотѣлъ сказать: да проститъ тебя Христосъ!

Они шли нѣсколько времени, не разговаривая. Затѣмъ Хилонъ сказалъ:

— Я не выдамъ тебя, но опасайся стражи.

— Я боюсь Христа, а не стражи.

— И ты правъ. Нѣтъ болѣе тяжкаго грѣха, какъ убійство. Я буду молиться за тебя, но не знаю, поможетъ-ли тебѣ даже моя молитва,—развѣ, если ты дашь обѣтъ, что никогда въ жизни не тронешь никого пальцемъ.

— Я и такъ никогда не убивалъ умышленно,—отвѣтилъ Урсъ.

Однако, Хилонъ, желавшій на всякій случай оградить себя, не переставалъ во время дальнѣйшаго пути внушать Урсу отвращеніе къ убійству и уговаривать его произнести обѣтъ. Онъ разспрашивалъ также о Виниціи, но лигіецъ отвѣчалъ на его вопросы неохотно, повторяя, что Хилонъ услышитъ изъ устъ самого Виниція обо всемъ, что ему слѣдуетъ знать. Бесѣдуя такимъ образомъ, они прошли, наконецъ, далекое разстояніе между жилищемъ грека и Затибріемъ и подошли къ дому. Сердце Хилона снова забилось тревожно. Со страху ему показалось, что

Урсъ начинаетъ посматривать на него какимъ-то хищнымъ взоромъ. «Плохимъ для меня будетъ утѣшеніемъ,—думалъ онъ,—если онъ убьетъ меня неумышленно, и, во всякомъ случаѣ, я предпочелъ-бы, чтобы его поразилъ параличъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ лигійцевъ. Да совершитъ это Зевсъ, если сможетъ». Размышляя такимъ образомъ, онъ все усерднѣе кутался въ свой галльскій плащъ, повторяя, что боится холода. Наконецъ, когда, пройдя сѣни и первый дворъ, они вступили въ корридоръ, ведущій въ садъ, Хилонъ вдругъ остановился и сказалъ:

— Позволь мнѣ передохнуть, не то у меня не достанетъ силъ поговорить съ Виниціемъ и подѣлиться съ нимъ спасительными совѣтами.

Сказавши это, онъ остановился; хотя онъ убѣждалъ себя, что ему не угрожаетъ никакой опасности, однако, при мысли, что онъ сейчасъ очутится среди таинственныхъ людей, которыхъ видѣлъ въ Остраніи, ноги его затряслись отъ страха.

Тѣмъ временемъ изъ домика къ нему донеслись звуки пѣнія.

— Что это такое?—спросилъ онъ.

— Ты называешь себя христіаниномъ, а не знаешь что у насъ принято, послѣ каждаго вкушенія пищи, славить Спасителя нашего пѣніемъ,—отвѣтилъ Урсъ.—Миріамъ съ сыномъ, вѣроятно, уже возвратились,—быть можетъ, и апостолъ съ ними, такъ какъ онъ ежедневно навѣщаетъ вдову и Криспа.

— Сведи меня прямо къ Виницію.

— Виницій находится въ той-же комнатѣ, какъ и всѣ, потому что у насъ только одинъ большой покой, а въ темныя спальни мы удаляемся лишь на ночь. Войдемъ-же, ты отдохнешь въ домѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Разлука.

ПРОЛОГЪ КЪ РОМАНУ *).

I.

Колокольчикъ приближающейся проѣзжей тройки и окрикъ ямщика, просившаго поскорѣе открыть шлагбаумъ, разбудили Андрюшу, когда свѣтъ еще чуть брезжилъ. Здѣсь, за перегородкой, гдѣ на большой двуспальной кровати спали дѣти, было почти совсѣмъ темно. Но въ комнатѣ, гдѣ возился, надѣвая сапоги и кряхтя, Андрюшинъ отецъ, было значительно свѣтлѣе. Черезъ невысокую перегородку было слышно каждое движеніе отца. Слышно было, какъ онъ бормоталъ утреннюю молитву и клалъ земные поклоны передъ образомъ, какъ онъ охая поднялся и выбранилъ нетерпѣливаго ямщика, стучавшаго кнутовищемъ въ окно. Тяжелая дверь въ сѣни распахнулась и захлопнулась, поднимаемый шлагбаумъ заскрипѣлъ, колокольчикъ забрякалъ и загудѣлъ, болѣзненно срываясь отъ тряски тарантаса — дальше, дальше, глуше. Снѣжная равнина, источенная весенними проталинами, замирала во влажномъ холодкѣ полу-зимняго, полу-весенняго разсвѣта...

Отецъ не возвращался больше въ горницу. Тишина давила Андрюшу, лежавшаго въ полуснѣ подъ ваточнымъ ситцевымъ одѣяломъ, рядомъ съ маленькой Феней, свернувшейся калачикомъ. Мысль, что сегодня день отъѣзда, вдругъ заставила его приподняться.

— Феня! — сказалъ онъ громко, тронувъ сестренку за плечо.

Феня тихонько всхрапнула.

— Феня! А Феня! Ты спишь? — говорилъ Андрюша еще громче, встряхивая ее за плечо.

---

*) Нижеслѣдующій очеркъ составляетъ прологъ къ роману, который готовится къ печати и будетъ напечатанъ подъ другимъ заглавіемъ.

Феня вскочила и, протирая заспанные глазки, сѣла на постели, натягивая на поднятыя колѣни розовую ситцевую рубашку.

— Феня, вѣдь сегодня ѣхать мнѣ. Праздникъ-то—того... фюить! Довольно намъ съ тобой яица катать...

Въ головѣ у Андрюши окончательно прояснилось. Онъ завалился на спину, закинулъ руки и теребя свои жидкіе бѣлокурые волосы, глядѣлъ вверхъ широко раскрытыми, свѣтящимися карими глазами. Маленькая Феня все еще сидѣла, обнявъ колѣни, жмурясь и моргая.

Андрюша тихонько пощекоталъ ее.

— Поняла, Сюсюка? Яица-то катать довольно намъ съ тобой. Катай себѣ тутъ одна, а я къ своимъ соколамъ покачу. Будетъ бабиться-то...

Проведя зиму въ городскомъ училищѣ, за пятнадцать верстъ отъ дома, онъ старался говорить басомъ и дразнилъ сестру. Между ними было три года разницы, но ему казалось, что ихъ раздѣляетъ цѣлая бездна.

Эта смѣшная сюсюка—Феня, со своимъ вывалившимся переднимъ молочнымъ зубомъ, испуганными черными глазами и торчащими бѣлокурыми вихрами, казалась ему страшно забавной, и когда она лѣзла къ нему съ нѣжностями и цѣплялась рученками за его шею, онъ смѣясь толкалъ ее отъ себя, говоря: «чего пристала, Сюсюка? Ты вотъ зубы-то себѣ отрости, а потомъ и цѣлуйся!» Онъ любилъ дразнить ее и, за время пасхальныхъ праздниковъ, не разъ доводилъ ее до слезъ, хотя терпѣть не могъ, когда она плакала.

— Феня! — говорилъ онъ, лежа на спинѣ и тыкая ее пальцемъ въ спину. — Ты чего-же сидишь-то? Вставай,—пеки брату пироги на дорогу...

— Тятя ушелъ? — спросила Феня плаксивымъ голосомъ, начиная безпокойно вертѣться на мѣстѣ отъ жестокихъ напоминаній брата о предстоящей разлукѣ. Мысль объ этомъ еще со вчерашняго дня, когда Анисья стала укладывать въ коробъ Андрюшины рубахи и лепешки, грызла и тѣснила ея маленькое сердце.

— Тятя? Тятя-то ушелъ... Да и я вотъ скоро тоже... фюить! Вотъ только приведетъ лошадь тятя — и поминай какъ звали! Сиди тутъ одна на своихъ красныхъ яицахъ.

Андрюша уже вставалъ и, молодцовато присѣдая и привскакивая, стягивалъ у пояса свои городскіе, суконные панталоны. Феня чувствовала мучительную тревогу. Отъѣздъ брата, очевидно, приближался и ей казалось, что съ этимъ все должно было окончиться. Андрюша поглядывалъ на нее.

— Что-жъ ты сидишь, Феня? Ты-бы сбѣгала, сказала-бы Анисьѣ, чтобы чаю заварила... Теперь не долго.

Сердце Фени переполнилось. Она громко заплакала.

— Вотъ такъ дѣло! Славно!—досадливо сказалъ Андрюша, самъ охваченный непріятнымъ, безпокойнымъ чувствомъ. — Глаза, видно, у тебя на мокромъ мѣстѣ... Чего заревѣла?

— Андрюсечка... Андрю... Андрю...сечка,—говорила сквозь слезы Феня,—ты... не ѣзди... Ты... ты... такъ скоро...

— Ну, вона! Придумала! Какъ-же это я не поѣду? А учиться-то ты что-ли за меня будешь?—ворчалъ Андрюша, окончательно потерявшій хорошее расположеніе духа.

Феня плакала тонкимъ жалобнымъ плачемъ, уткнувшись въ колѣни, и упрямые вихры прыгали на ея встряхивающейся головенкѣ.

— Ну полно, Сюсюка! — говорилъ Андрюша, стараясь оторвать Фенины руки отъ ея лица и чувствуя, что самъ онъ, того и гляди, не устоитъ.

Феня, дрожа и всхлипывая, потянулась обниматься. По ея заплаканному лицу слезы были размазаны невымытыми со вчерашняго дня грязными ладонями... Андрюша вдругъ вспомнилъ школу, удалую тройку своихъ товарищей, похвалы учителя, весь тотъ міръ, который за эту зиму отдѣлилъ его отъ Фени, и проговоривъ съ брезгливою рѣзкостью: «ну васъ тутъ...», вышелъ за перегородку.

Онъ больше не хотѣлъ думать о Фенѣ. Но хорошее настроеніе не возвращалось. Онъ ощущалъ не то раздражающую тоскливую тревогу о чемъ-то,—Богъ вѣсть о чемъ, не то просто какое-то холодноватое щекотанье въ груди и недомоганье во всемъ тѣлѣ. Въ горницѣ было довольно свѣжо, на дворѣ еще не разсвѣло какъ слѣдуетъ, или это былъ такой сѣренькій день. Выходить въ сѣни умываться холодной водой не хотѣлось. Андрюша остановился у окна и, опершись колѣнкою о лавку, тянувшуюся вдоль всей передней стѣны, прижалъ лбомъ къ влажному, запотѣвшему стеклу. Почти у самаго окна шоссе пересѣкалось полосатымъ, спущеннымъ шлагбаумомъ. Сегодня ѣзда была небольшая. Послѣ праздниковъ мужики, стащивъ все, что можно было, въ городъ, сидѣли по домамъ. Глубокая тишина царила вокругъ. Только грачъ кричалъ гдѣ-то въ березовой рощѣ, черезъ дорогу, да какъ-будто откуда-то издалека моментами доносился звонокъ подъѣзжающей тройки. Вотъ онъ раздается ближе, какъ будто явственнѣе,—то стихаетъ, то опять звякаетъ и гудитъ неугомонно, пѣвуче, жалобно, тревожно.

— Андрюсечка! А Андрюсечка!—доносится изъ-за перегородки испуганный голосъ Фени.—Никакъ ѣдутъ?

— Такъ тебѣ-то что? Не тебя сватать!—отвѣчаетъ Андрюша полушутливо, полураздраженно.

— А тятя-то ушелъ за лошадью! Опять, какъ надысь, ругаться будетъ ямчикъ... на тятю-то... грозиться...

— Чего грозиться! Что ты тамъ придумаешь! Тебѣ все страсти да ужасти... Да порюмить-бы хоть малую толику!

Всхлипыванья Фени заглушаются громкимъ говоромъ помѣщичьяго колокольчика и дребезжаніемъ колесъ по обтаявшему шоссе. Тройка почти упирается въ опущенный шлагбаумъ, осаженные лошади фыркая топчутся на мѣстѣ. Андрюша смотритъ на кучера въ синемъ тепломъ зипунѣ и на господъ—толстую барыню въ черной бархатной шубкѣ и маленькаго гимназистика съ краснымъ съеженнымъ лицомъ, не то отъ холода, не то отъ слезъ.

— Сторожъ! Эй, сторожъ!—кричитъ кучеръ зычнымъ басомъ.— Экъ дьяволы! Провалились...

Андрюша выходитъ въ сѣни и зоветъ Анисью. Ни души. Въ сѣняхъ поетъ тоненькимъ голоскомъ поставленный самоваръ съ желѣзной трубой. Андрюша открываетъ заднюю дверь на дворъ. Анисья, стоя съ ведромъ надоеннаго молока, болтаетъ съ сосѣдской бабенкой.

— Анисья!—кричитъ обозленный Андрюша.—Да иди-же заставу отпирать. Не слышишь что-ли?..

Анисья медленно оборачивается и задорно и звонко кричитъ черезъ весь дворъ при сосѣдской бабѣ:

— А вы то что-же? Баринъ нонче стали? Фу-ты ну-ты! Небось, лѣтомъ еще спорились со мной, чтобы самимъ заставу открывать, а не Анисьѣ, а теперь ужъ, въ городѣ пожили—вонъ какая фря стали! Все брось да бѣги!.. Не отвалятся руки заставу-то разъ открыть...

Андрюша, взбѣшенный дерзостью Анисьи при сосѣдской молодайкѣ, молча хлопаетъ дверью и идетъ черезъ сѣни, въ противоположную дверь, на улицу. Кучеръ ругается, лошади фыркаютъ, звонокъ вздрагиваетъ. Андрюша, ни на кого не глядя, быстро отпускаетъ цѣпочку поднимающейся заставы и подбираетъ пятакъ, бросаемый кучеромъ. Тройка лихо прокатываетъ подъ шлагбаумомъ.

— Спасибо, мальчикъ!—кричитъ толстая барыня изъ экипажа.

Андрюша затягиваетъ цѣпочку шлагбаума и останавливается, глядя вдаль, вслѣдъ уѣзжающему экипажу. «Мальчикъ!.. — бормочетъ онъ себѣ подъ носъ внѣ себя отъ досады на всѣхъ.—Какой я ей мальчикъ? Ейный-то мальчишка хоть и гимназистъ, да щенокъ... Крыса латынская!.. Вотъ я имъ покажу... Дьяволы эдакіе».

Колокольчикъ замеръ вдали. Андрюша постоялъ минуту, неопредѣленно глядя вдоль дороги. На горизонтѣ, за дальнимъ пологимъ холмомъ, облака уже начинали свѣтиться красно золотистыми переливами. На верху туманъ таялъ, по голубовато-сѣрому небу проступали нѣжныя ярко розовыя тучки. Холодноватый вѣтерокъ потянулъ съ востока. Андрюша вздрогнулъ и вошелъ въ избу.

II.

Черезъ часъ Андрюша съ отцомъ уже тряслись въ телѣгѣ по дорогѣ къ городу. Василій Пантелѣевичъ, въ наглухо-застегнутомъ синемъ кафтанѣ, сидѣлъ на облучкѣ, свѣсивъ ноги, немного сгорбившись по обыкновенію и устремивъ глаза въ неопредѣленную даль. Ни одного слова не было произнесено между отцомъ и сыномъ за всю дорогу. Андрюша сидѣлъ на охапкѣ соломы въ телѣгѣ, ежась отъ утренняго холода. Утро прояснялось. Съ высоты холма передъ глазами разстилалась вольная ширь. Между полями, еще не обтаявшими, синевато-бѣлыми, кое-гдѣ тронутыми чернѣющими проталинками, темнѣли лѣса. По одну сторону холма, надъ обрывомъ, извивалось русло нетронувшейся рѣчки. Впереди, на другомъ холмѣ, сквозь мглу утренняго тумана, пестрѣлъ городъ, и нельзя было разобрать, близко или далеко играли эти золотые блики на куполѣ собора.

Андрюша не всматривался въ эту знакомую картину. Ему было скользко и неловко сидѣть на соломѣ и хотѣлось скорѣе пріѣхать. Но лошадь шла почти шагомъ. Василій Пантелѣевичъ не погонялъ ее. Андрюша сидѣлъ, придерживая озябшими руками свои книги, заботливо перевязанныя веревочкой, и разсѣянно прислушивался къ шуму колесъ. Колеса то хлюпали по водѣ, то шуршали по мокрому песку и землѣ, то трещали по острымъ дробленымъ каменьямъ, кучками разбросаннымъ по старому, утоптанному тракту. Холодокъ сжималъ лицо, рѣзалъ глаза. Дремота туманила сознаніе. Андрюша думалъ сквозь сонъ о томъ, что ждало его въ городѣ, но радость ожиданія смѣшивалась съ непріятною тоскливою жалостью къ Фенѣ. «Андрюсечка...—говоритъ Феня, протягивая къ нему замазанныя ручонки и глядя умоляющими заплаканными глазами. Бѣлокурые вихры смѣшно топорщатся на ея головѣ. Ему хочется взять ее за эти вихры и тормошить ихъ, и щекотать ее, чтобы она засмѣялась... Но въ классѣ нельзя дурачиться, а они всѣ въ классѣ, и Феня тоже, пишутъ подъ диктовку учителя, наклоняясь къ партамъ. Иванъ Петровичъ, учитель, диктуя, ходитъ большими шагами, отъ которыхъ трясется весь полъ... Онъ говоритъ, заглядывая въ книгу, мудреныя названія какихъ-то птицъ или звѣрей. Это по латински! думаетъ Андрюша и усердно выписываетъ слова, а потомъ, какъ будто, раскрашиваетъ буквы краснымъ и зеленымъ карандашами—точно географическую карту. Вдругъ скамейка, на которой онъ сидитъ, слегка покачивается подъ нимъ... Сквозь закрытыя отяжелѣвшія вѣки ощущается яркій свѣтъ. Онъ выпрямляется и открываетъ глаза.

Направо весь востокъ пылаетъ зарею. Лиловыя и малиновыя облака золотятся по краямъ. Впереди уже недалеко, на противоположномъ

холмѣ черезъ долину, встаетъ городъ: съ одного края, повыше, бѣлѣющіе дома и цѣлая группа церквей различной архитектуры, съ синими, зелеными и золотыми куполами, съ крестами, рдѣющими первыми отблесками поднимающагося солнца; съ другого края, на скатѣ—темнѣющая куча лачужекъ, жмущихся другъ къ другу и какъ бы копошащихся въ утреннемъ туманѣ... А въ небѣ жаворонки заливаются серебристыми трелями,—то словно приближаясь, то утопая въ прохладныхъ прозрачныхъ волнахъ весенняго воздуха, сливаясь съ трепещущей небесной синевою... Боже мой, какъ хорошо, какъ свѣжо на душѣ въ это весеннее утро!..

Облака разорвались. Солнечный дискъ, великолѣпный, огненный, выглянулъ надъ землею, и золотые лучи хлынули въ лощину, на пригорокъ съ пестрѣющимъ городомъ, на прозрачный, обтаявшій лѣсъ, вытянувшійся вдоль лѣвой стороны дороги. Обтаявшій снѣгъ на буграхъ порозовѣлъ, заблестѣлъ, заискрился. Живыя тѣни побѣжали отъ всѣхъ предметовъ. Пронеслось какое-то теплое дуновеніе... Воздухъ дрогнулъ — раздался первый ударъ утренняго благовѣста, медленный, полный, низкій, гудящій, за нимъ другой, третій...

Отецъ Андрюши снялъ шапку и перекрестился. Онъ сидѣлъ попрежнему на краю телѣги, бокомъ, свѣсивъ ноги, съ веревочными вожжами въ рукахъ, и со своимъ обычнымъ, равнодушнымъ и понурымъ видомъ неопредѣленно смотрѣлъ впередъ себя. Въ это свѣтлое утро Андрюшѣ какъ-то вдругъ бросилось въ глаза его унылое лицо съ благообразнымъ профилемъ, съ темно-русой бородой, его сощуренные отъ солнца небольшіе каріе глаза, выглядывавшіе изъ подъ низко надвинутаго трепаннаго картуза, его сухая и жилистая шея, неловко перерѣзанная толстымъ грязнымъ шнуркомъ отъ натѣльнаго крестика. Андрюша, съ ранняго дѣтства, почти никогда не говорилъ съ своимъ молчаливымъ отцомъ и не умѣлъ даже съ самимъ собой разсуждать о немъ. Ему это было какъ-то тяжело и трудно. И теперь онъ, взглянувъ на отца, сейчасъ же перевелъ мысли на Феню... Забавная эта чумичка! думалъ онъ.—То рюмитъ, то грохочетъ. Только больно ужъ любитъ лизаться... Уцѣпится за шею—и ну цѣловать! Андрюшечка, да Андрюшечка—только одно и знаетъ. Скучно ей одной, это правда... Небось ужъ и теперь ждетъ, какъ онъ назадъ поѣдетъ. Не понимаетъ, что не вѣкъ же ему съ ней бабиться... Иванъ-то Петровичъ зналъ, небось, намедни что́ говорилъ, когда сочиненія представляли: Эдакій, говоритъ, каналья малецъ попался! ужъ я тебя вдвину въ гимназію, какимъ ни есть манеромъ,—зададимъ феферу дворянчикамъ!.. Такъ при всѣхъ и сказалъ—въ гимназію... Не больно долго и ждать: еще годика два, а потомъ и на экзаменъ... Выучимъ и латинскую, и другую какую премудрость... А мундиръ надѣнешь—такъ и узнавай тамъ, гдѣ

дворянчикъ, а гдѣ—кто... Въ сторожку-то вернешься, такъ Анисья не посмѣетъ... дура эдакая! А Сюсюкѣ—занятно будетъ!..

Городъ совсѣмъ ужъ близко. Вотъ налѣво, неподалеку отъ дороги, большая красная фабрика дымитъ трубами, гудитъ машинами. Кое-гдѣ въ окнахъ мелькаютъ огни, и черезъ каждую минуту раздаются какіе-то звенящіе, гремящіе, рѣзкіе металлическіе удары. Замазанные возчики угля разгружаютъ телѣги, таскаютъ кули. Откуда-то доносится громкое ругательство... Миновали желѣзный, закрытый съ клѣтками мостъ, высоко висящій надъ обмелѣвшею рѣкою, и телѣга подпрыгиваетъ по громаднымъ нелѣпымъ булыжникамъ мостовой. Андрюша смотритъ по сторонамъ ясными, широко раскрытыми, еще дѣтскими, но острыми глазами. Онъ любитъ городъ. Онъ живетъ здѣсь болѣе напряженной, осмысленной, полной жизнью. Здѣсь не то что дома. Здѣсь есть на кого посмотрѣть и о чемъ поговорить. Всякій живетъ по своему... Вотъ домики по сторонамъ улицы—у кого какой. Этотъ въ три окна, новенькій, какъ коробочка, а у того казюка вонъ какая избина: вся разлѣзлась и на кривбокъ свернулась. А Ванькинъ отецъ себѣ каменный приспосабливаетъ! Скоро Ванька такъ носъ задеретъ, что кромѣ, какъ побивши его, съ нимъ и разговору нельзя будетъ держать. Небось, теперь съ кофеями тамъ у себя на дому прохлажается... И Андрюша пристально и тревожно всматривается въ окна Ванькина дома, опасаясь быть замѣченнымъ при своемъ медленномъ путешествіи на невзрачной телѣгѣ. «Экъ, вѣдь, тятя!—досадливо говорилъ онъ про себя.—Нѣтъ того, чтобъ лошадь подстегнуть, тащимся, точно на базаръ съ кислой капустой!.. Часъ-то ужъ не ранній...»

Дѣйствительно, въ домахъ и на улицѣ повсюду уже шевелится жизнь. Маленькіе ребятишки катаютъ по грязи плоскую колясочку, сдѣланную изъ ящика. Краснощекая баба бранится во все горло на порогѣ страшно грязной и убогой лавчонки булочника. Толстый, больной водянкой старикъ сидитъ на лавочкѣ у дома. Благообразная скромная дѣвица въ коричневомъ платьѣ, репсовой шубкѣ и пестромъ шелковомъ платочкѣ на головѣ, перешагнувъ черезъ порогъ калитки, спѣшитъ куда-то, должно быть въ церковь: гудящій благовѣстъ такъ и стелется надъ городомъ. А вотъ пригородная протопопша со своей толстой рябой кухаркой возвращается съ базара. И купецъ, въ широкомъ, какъ халатъ, пальто изъ гладкаго драпа, въ высокомъ суконномъ картузѣ, бережно несетъ подъ мышкой рогожный кулечекъ съ провизіей—тоже съ базара. Слышится уже издали, черезъ переулокъ, шумъ базарнй суеты—торговля, божба, смѣхъ и ругань...

Андрюшѣ весело смотрѣть и слушать. Эта жизнь города, непохожая на жизнь въ сторожкѣ отца—съ ея мертвой тишиной, съ скрипомъ поднимающагося шлагбаума, съ замирающимъ звономъ дорожнаго коло-

кольчика—влечетъ Андрюшу. И онъ радуется тому, что навсегда вступаетъ въ эту пеструю шумную городскую жизнь: она сулитъ ему такъ много неизвѣданной радости, такую интересную и чудную судьбу...

III.

Телѣга, увозившая въ городъ Андрюшу, уже скрылась за горизонтомъ, а меленькая Феня все еще сидѣла на порогѣ дома, закутавшись въ старый байковый платокъ, и громко всхлипывала. Сердце ея вздрагивало и сжималось отъ тоски разлуки и обиды: Андрюша, вмѣсто того, чтобы поцѣловать ее, когда она при прощаньи жалась къ нему, только пощекоталъ ее и еще разъ, умышленно грубымъ голосомъ взрослаго человѣка велѣлъ ей перестать рюмить... Утро разгоралось. Грачи все громче и громче кричали въ березовой рощѣ черезъ дорогу. Корова призывно мычала въ хлѣву, и со двора, черезъ проходныя сѣни, ощущался теплый запахъ умятой прѣлой соломы и навоза. Крикливый, скрипучій голосъ Анисьи, гуторившей съ сосѣдкой, доносился изъ кухни, выходившей въ сѣни. Но Феня чувствовала себя такой заброшенной и одинокой. Она боялась Анисью, которая только что грубо оттолкнула ее отъ Андрюши, когда она вцѣпилась въ него, въ надеждѣ всетаки какъ-нибудь поцѣловать его въ ту минуту, какъ онъ полѣзъ въ телѣгу... Мысль объ этомъ заставила Феню съ новой силой почувствовать свое горе и, послѣ нѣкотораго успокоенія, разлившаго въ ея тѣлѣ сладкую полу-дремоту, она опять заплакала навзрыдъ, несмотря на страхъ привлечь вниманіе Анисьи.

— Фенька, а Фенька! раздался, дѣйствительно, голосъ Анисьи. Ты чего это тамъ опять завыла? Ахъ ты, дура окаянная,—прости Господи мои согрѣшенія! Вотъ вѣдь оболванку-то на шею мнѣ повѣсили...

Феня задержала дыханье отъ этого пронзительнаго, рѣжущаго ее голоса, но когда сзади послышалось хлопанье двери и стукъ тяжелыхъ ногъ по каменному полу сѣней, тонкое захлебывающееся рыданье вырвалось у нея противъ воли и она уткнулась головой въ колѣни, трясясь и замирая отъ испуга и отчаянія.

— Ну чего плачешь-то, дура долбленая!.. кричала Анисья.—Не одѣвши, не помывши, Богу не помоливши, сидитъ да реветъ...

Она потолкала ее за плечи, но Феня молчала и судорожно ежилась.

— Фенька, а Фенька! продолжала Анисья такъ-же громко, но нѣсколько убѣдительнѣе и пѣвучѣе.—Встанько-ко-сь! Полно душу то тянуть... Пойдемка-сь—я тебѣ рундучекъ отомкну!.. Слышь ты? Любименькій рундучекъ отопру!.. Будя выть-то... — ровно по покойникѣ причитаешь.

Обѣщаніе Анисьи отомкнуть любименькій сундучекъ пролило въ душу Фени неожиданную отраду. Играть съ Андрюшечкой и рыться, въ отсутствіе отца, въ минуты особаго великодушія Анисьи, въ этомъ таинственномъ, почти волшебномъ сундучкѣ, стоявшемъ въ обычное время подъ кроватью,—это были два источника радости для Фени. Предложеніе Анисьи, послѣ отъѣзда Андрюши, было единственнымъ спасительнымъ исходомъ для Фенина сердца. Она подняла голову, растерла слезы по лицу подоломъ рубахи и, задерживая всхлипыванія, побрела за Анисьей, не перестававшей бормотать себѣ подъ носъ разныя ругательства.

Когда завѣтный деревянный сундучекъ былъ вытащенъ изъ—за перегородки въ горницу и съ громкимъ звенящимъ звукомъ отпертъ заржавѣвшимъ ключомъ, Феня, присѣвъ на корточки, такъ и засмѣялась. Съ поднятой крышки прямо на нея глянули наклеенныя, раскрашенныя картинки. Вотъ гусаръ, опирающійся на саблю, великолѣпный гусаръ въ красномъ мундирѣ съ желтыми эксельбантами,—потомъ дѣвица въ синей амазонкѣ съ малиновымъ румянцемъ, сбившемся на сторону и захватывающимъ часть уха,—потомъ лиловый розанъ съ желтой гвоздикой, и еще нѣсколько рисунковъ безъ красокъ, съ маленькими фигурками людей въ коронахъ и звѣрей въ человѣческихъ костюмахъ, которые Феня не могла понять и о которыхъ они съ Андрюшей, бывало, много думали и разсуждали, ложась спать. А изъ сундука топорщились пестрые лоскутки, ленточки и даже цѣлое платье изъ поблекшей и измятой голубой кисеи съ большими цвѣтами и разводами. Въ этомъ сундучкѣ заключался цѣлый міръ радостей и мечтаній, и Феня долго сидѣла передъ нимъ не шевелясь, не рѣшаясь разворотить всю эту груду сокровищъ при Анисьѣ. Наконецъ, послѣ ея ухода, она дрожащей рукой потянула за торчащій кончикъ синевато-зеленой канаусовой ленты. Эта лента, нѣсколько выгорѣвшая, но все еще яркая, нарядная, съ крохотными петличками по краямъ, была самой любимой ея вещью. Когда тятя въ первый разъ повезъ Андрюшу въ городъ, Анисья такъ-же, какъ и теперь, чтобы утѣшить Феню, вытащила сундучекъ. Феня не могла сообразить, когда вернется Андрюша. Ей казалось, что она къ этому времени выростетъ совсѣмъ большая и, примѣряя къ себѣ эту ленту передъ зеркаломъ, она мечтала, что ради пріѣзда Андрюши ей позволятъ нарядиться въ эту ленту. Теперь хотя двери въ сѣни и изъ сѣней въ кухню были оставлены Анисьей открытыми, такъ что Анисья и даже сосѣдка могла-бы видѣть все, что дѣлается въ горницѣ, Феня всетаки рѣшилась примѣрить ленту. Вскорабкавшись колѣнями на лавку, идущую вдоль стѣны, она придвинулась лицомъ къ зеркальцу, висѣвшему между окнами. Это зеркальце всегда, само-по-себѣ, доставляло много развлеченія Фенѣ, а въ

былое время и Андрюшѣ. Приближаясь къ нему, можно было видѣть свое лицо немного сплюснутымъ сверху, носъ коротенькимъ, а верхнюю губу длинной. Потомъ можно было передвинуться такъ, что глаза становились вдругъ большими, круглыми и какъ-то особенно мелькали. И теперь, завязывая свою любимую ленту, Феня старалась, чтобы глаза ея попали въ это мѣсто, и ей становилось весело. Ея короткіе, бѣлокурые волосенки, перетянутые лентой, торчали во всѣ стороны, маленькій круглый, какъ пуговка, носъ казался еще смѣшнѣй, а большіе черные глаза, все еще заплаканные, растягивались, расширялись въ зеркалѣ, дѣлались огромными и при сотрясеніи головы искрились и блестѣли... Стоя на колѣняхъ, на широкой стѣнной лавкѣ, Феня то приближалась къ зеркалу, то откачивалась, улыбаясь, то совсѣмъ прижимала носъ къ стеклу и, наконецъ, припавъ лбомъ къ деревянной рамѣ, успокоенная послѣ рыданій и согрѣвшаяся, тихонько задремала.

Вдругъ она очнулась, сама не зная почему, точно кто-то разбудилъ ее толчкомъ въ спину. Въ комнатѣ никого не было, но изъ кухни доносился голосъ Анисьи—она что-то разсказывала, и Феня, сразу, испугавшись чего-то, поняла, про кого разсказывала Анисья...

— Ну, а онъ?—звонко спросила сосѣдка, перебивъ какія-то слова, которыя Феня не слышала за стукомъ своего сердца.

— А ты вотъ слушай, милая моя,—я-же про то тебѣ и говорю,—отвѣтила Анисья и неторопливымъ тягучимъ тономъ разсказчицы продолжала:—Ну, вотъ, хозяинъ-то это и замѣтилъ. И эдакъ, какъ быдто заскучалъ... Заскучалъ это онъ, а самъ—нѣтъ того, чтобы ей построже поговорить, а все себѣ ходитъ, носъ повѣся, все себѣ ходитъ!.. И молчитъ. Ходитъ и молчитъ. Она изъ дому, а онъ придетъ, по горницѣ поглядитъ, по двору посмотритъ и на дорогу выйдетъ, да на лавочкѣ и дожидаетъ. До самой ночи дожидаетъ. Она идетъ, а онъ только смотритъ—нѣтъ того, чтобъ ей сказать, или тамъ что... Ну она и разбаловалась. Что ни день, то изъ дому...

— Ну, а онъ?—подзадоривала еще сосѣдка.

— Ну, а онъ все ничего. Вѣдь вотъ-же какой такой человѣкъ!.. Я молчу,—смотрю: ну, думаю, милой, прорахманишь ты свою кралю! Такого наживешь, что и самъ не расхлебаешь... Только она не унимается. Днемъ такая сидитъ тихая, ручки сложивши,—со мной добрая такая стала: боялась она, знать, чтобы я про нее ему не наговорила, а какъ сумерковъ дождется—глядь-поглядь въ одинъ уголокъ, да въ другой, какъ будто чего поищетъ, да шаль на плечи, да и за ворота. Такъ эдакъ она недѣли двѣ прохлаждалась... На третью недѣлю поѣхалъ хозяинъ въ городъ. Въ вечеру ворочается, ужъ поздно—дѣти-то ужъ спать легши были—смотрю: привезъ что-то, разворачиваетъ, на столѣ положилъ. А самъ опять сѣлъ на лавочку—ее поджидать. Я про-

кралась въ горницу, дверь-то пріотворила, да и смотрю... Царица небесная, чего онъ ей тутъ положилъ!..

— Е-ей?—протянула удивленная сосѣдка.

— Ей, милая, ей, окаянной! Еще и добра всякаго притащилъ!

— Добра?—переспросила заинтересованная сосѣдка.

— И-и! Мать ты моя, Пресвятая Богородица!.. Платью привезъ, шаль новую привезъ, косыночку нарядненькую, плетеную, лентовъ, бусовъ...—я и не упомню... Такъ на столъ все и выложилъ. А самъ все сидитъ да сидитъ, и поджидаетъ... Ну, думаю, любезный—поддѣть ты что-ли ее захотѣлъ, кралю-то свою? Подарками къ себѣ думаешь привадить? Какъ-бы не такъ! Удивишь ты ее подарками-то! Привезъ себѣ барыню изъ городу—такъ теперь и ходи кругъ нея!..

— А у насъ слыхать—красавица была,— замѣтила раздумчиво сосѣдка.

— Ну ужъ, красавица! — озлилась Анисья. — Кто сказывалъ-то?.. Красавица!.. Глазастая бабенка была—это такъ, это не совру, а краса на ней какая-жъ: тѣла на ней никакого не было... Сидитъ да глазищами-то хлопаетъ—точно съѣсть тебя хочетъ... Злющая была баба,—пока не свихнула! Ну, а тутъ сама себя, знать, пужаться стала—и подобрѣла...

— Ну, что-жъ подарки-то?..—торопила сосѣдка.

— Подарки! То-то вотъ и есть, милая,—дождался онъ себѣ радости съ подарками-то своими! Угораздилъ ей подарковъ навезти, когда ужъ ей и слѣдъ простылъ...

— Ушла?...

Феня сидѣла, скрючившись на лавкѣ, не переводя дыханья.

— Убѣгла!..—торжествующимъ тономъ сказала Анисья.—Вѣришь-ли ты, милая моя,—онъ ее ждетъ, а она убѣгла!.. Пока онъ по городу-то ей подарки собиралъ, она шаль себѣ на плечи, да платокъ, да должно быть ленты двѣ-три съ собой прихватила, такъ я себѣ соображаю—какъ вещи-то ейныя прибирала,—только ее и видѣли... И когда она вышла, и кто... и съ кѣмъ?..—духъ простылъ... Я ночью сплю, а сама все себѣ подумываю: что-жъ это она за подарками-то за своими не идетъ?.. Только эдакъ подъ утро, онъ какъ войдетъ, да ко мнѣ,—хрипло эдакъ: Анисья!.. Я скочила:—Что вамъ, говорю, батюшка, Василій Пантелѣевичъ?.. А онъ молчитъ.—Что вамъ, говорю, батюшка, угодно, я слушаю!.. А онъ еще эдакъ маленько постоялъ, да спрашиваетъ:—Ты ее, Анисья, не провожала?—Кого, говорю, Василій Пантелѣевичъ, батюшка, что вы это? кого мнѣ провожать-то?—Барыню, ты, говоришь, не провожала? — Это онъ ей въ угоду сталъ ее барыней-то величать. А самъ, вижу, какъ быдто съ холоду сдрагиваетъ и зубами стучится...—Да что вы, батюшка, куда мнѣ ее провожать? Онѣ, знать,

дома въ горницѣ притаились—покличьте ихъ... А сама ужъ не знаю, что и говорю... Только онъ изъ кухни вдругъ шарахнулъ прямо въ горницу,—спичкой чиркаетъ, чиркаетъ, руки, знать, у него ходуномъ такъ и ходятъ... Свѣчку зажегъ, повертѣлся въ горницѣ эдакъ немного, да опять какъ крикнетъ—ажно мнѣ жутко стало: Анисья!.. Я вхожу,—онъ стоитъ, свѣчку держитъ... Анисья! говоритъ, убери это все — рукой на подарки мотаетъ.—Куда-же, говорю, батюшка, убрать? Про то ужъ молчу, что чего это онъ ей, молъ, привезть-то сдумалъ?.. — Куда, говорить, хочешь, убери, вотъ и все, унеси... А самъ какъ брякнется на лавку — такъ и загудѣло... Такъ ничкомъ на лавку-то припалъ, да и лежитъ... Я какъ сгребла наряды, да изъ горницы-то бѣгомъ... бѣгу на дворъ, сама не знаю зачѣмъ, да покликать кого не знаю...

— Куда-жъ ты ихъ запрятала-то? — оживленно спросила сосѣдка.

— И-и, милая!—продолжала Анисья.—То-то страху-то я натерпѣлась! То-то страху!.. Ужъ сама себя не помню, какъ я узелокъ скатала, да въ чуланчикъ, да просто и дышать боюсь... не равно—убьетъ?

— Кто убьетъ-то?—смутилась сосѣдка.

— И-и, милая!.. Хорошо тебѣ говорить, — а каково мнѣ то было! Ужъ такъ-то намучилась, такъ-то намучилась...

Феня, притаившаяся на лавкѣ и смутно понимавшая разсказъ, холодѣла отъ ужаса. Что-то какъ будто вспоминалось ей, что-то шевелилось въ ея взбудораженномъ воображеніи—спутанное, жуткое, странное... Она вдругъ рѣзко пошевелилась и заскрипѣла лавкой.

— Пойтить Феньку провѣдать!—громко и весело сказала Анисья.—Что-то затихла!

Она вошла въ горницу и нашла Феню все въ той-же позѣ на лавкѣ, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ.

— Что-же ты, дурашка,—сказала Анисья веселѣе обыкновеннаго.—Я тебѣ рундучекъ отворила, а ты и не займаешься?

Феня сползла съ лавочки и остановилась, глядя на Анисью широко раскрытыми неподвижными глазами. Анисья почувствовала нѣкоторое безпокойство и, потрепавъ рукою по головкѣ дѣвочки, пробормотала:

— Ну, чего на лавку забилась? Напужалась, глупенькая? Ну, пойдемка-сь, запрячемъ рундучекъ, коли не играется... Да вотъ тамъ никакъ опять у заставы кто-то ломится... черти окаянные... Пойтить—отворить!

И взявъ за ручку Феню, она пошла на улицу отворять шлагбаумъ.

Фенѣ снились въ эту ночь тяжелые, страшные сны... Нѣсколько разъ она начинала плакать и кричать, будя вернувшагося изъ города отца, который каждый разъ вскакивалъ, охалъ и прислушивался минуту. Потомъ онъ опять укладывался на своей жесткой, узкой лавкѣ

и, крестясь, громко бормоталъ въ ночной тишинѣ: «Господи помилуй! Съ нами крестная сила!.. Спаси и сохрани, Мать пресвятая Богородица»...

Андрюша, привезенный въ домъ городской тетки и водворенный опять въ общій чуланчикъ со сверстникомъ двоюроднымъ братомъ, спалъ здоровымъ яснымъ и легкимъ сномъ. Просыпаясь, онъ съ радостной дрожью вспоминалъ о томъ, что учитель опять хвалилъ его и обѣщалъ ему подготовить его къ гимназіи, и утро слѣдующаго дня, казалось, ждало его—тревожное, ласковое, свѣтлое.

Л. Гуревичъ.

Новое чудное знакомство.

Я хорошо помню, съ какимъ, бывало, чувствомъ я подъѣзжалъ къ Берлину во времена своей молодости, а потомъ и въ средніе свои годы. Съ ненавистью, враждой и тоской. Ахъ, ужъ этотъ Берлинъ, говорилъ я себѣ, вздыхая,—только-бы поскорѣе его пронесло. Поскорѣе-бы вонъ изъ него. Поскорѣе-бы въ Дрезденъ, въ Парижъ, въ Лондонъ, куда ни случится, только-бы вонъ изъ мрачной тюрьмы и казармы. Всюду на улицахъ солдатчина и военщина, заливающая всю жизнь, прямые повсюду углы, безконечные въ одну линію прямыя улицы, сѣро и грязно, мертво и душно, грубыя служанки съ голыми красными толстыми руками, метущія весь день подъѣздъ и улицу, еще болѣе грубые и обдерганные мужчины на всѣхъ перекресткахъ, дворцы какъ смирительные дома, вонючіе мрачные каналы, сырость и запустѣніе, шинкелевская лже-греческая архитектура изъ каменной коробочки съ фронтономъ и тремя или четырьмя колоннами подъ нимъ, накрахмаленность и палкообразность повсюду—вотъ что представлялъ прежній Берлинъ. Какъ все перемѣнилось въ послѣднюю четверть вѣка, главное съ французской войны. Теперь не придетъ больше въ голову, какъ-бы поскорѣе отбояриться отъ Берлина и промахнуть мимо. Нѣтъ, нѣтъ, нынче считаешь, выгадываешь часы, которые надо тамъ провести, припоминаешь, какъ-бы не забыть вотъ и то, и это, и третье, и четвертое, и сороковое, что̀ тамъ надо еще новый разъ посмотрѣть, и что̀ увидѣть съ улыбкой радости и счастьемъ въ сердцѣ. Куда дѣвалась прежняя казарма и тюрьма этого города, куда—прежніе несносные люди на улицѣ! Водворяются мало-по-малу и шагъ за шагомъ изящество и иногда полная красота, нерѣдко грандіозныя величавыя постройки поднимаются широкими рядами и линіями, женщины иначе ходятъ, у нихъ ноги не прежніе неуклюжіе пироги, мужчины иначе смотрятъ, прежній несчастный оборванный мужикъ и работникъ глядитъ вродѣ какъ-будто джентльменомъ, въ пиджакѣ и котелкѣ, и

у него уже изъ жилетнаго кармана вывѣшивается цѣпочка отъ часовъ. Воздвиглись громадныя желѣзнодорожныя станціи съ арками чуть не въ версту, прежніе пуританскіе дома, съ оконными стеклами вровень со стѣной, съ несноснымъ прѣснымъ видомъ кальвинской церкви, уступили мѣсто богатымъ палаццамъ, увѣшаннымъ тонкой желѣзной орнаментикой и пестрѣющими красками, прусская женщина старается быть похожей стройными ножками и моднымъ платьемъ на француженку, а прусскій военный — граціей манеръ на австрійскаго офицера, вообще говоря, всѣ люди иначе ходятъ, смотрятъ, говорятъ, и даже звѣрямъ зоологическаго сада построены великолѣпные дворцы въ индѣйскомъ или арабскомъ стилѣ, съ золотомъ, эмалью и пышными орнаментами. Прежняя сжатость и задавленность уступила мѣсто раскидывающимся и все только ростущимъ ширинамъ, свѣту и краскамъ. Да, прежняго скучнаго и несноснаго Берлина нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ. Его замѣнилъ какой-то другой Берлинъ, совершенно иной, широкій и солнечный, веселый и радостно звучащій. Конечно, старинныхъ прямолинейныхъ, какъ въ Нью-Іоркѣ, улицъ не переломаешь на куски, онѣ всѣ тѣ-же, и тянутся, прямыя и надоѣдливыя, какъ жердь; конечно, новые палаццы, отели и банки часто тяжеловѣсны какъ пуды и неуклюжи какъ осетры, и никакіе флаги, купола и золоченыя рѣшетки, не закроютъ ихъ коренной бездарности, но вѣдь гдѣ-же, и внѣ Берлина, найдешь тотъ городъ, который былъ-бы въ самомъ дѣлѣ красота и своей улицей и домомъ? Не нынѣшній-же Лондонъ, полный безобразій, по вкусу строившихъ его подрядчиковъ, и даже не самъ вѣдь Парижъ, благодаря Наполеону III превратившійся въ сѣть стратегически-протянутыхъ улицъ, для самаго удобнаго разстрѣливанія пушками непокорныхъ жителей, не Римъ, не Неаполь, не Вѣна, не Мюнхенъ! Куда ни посмотри, всюду громадные недочеты и нелѣпости, бездарности и антихудожественности. Гдѣ найдешь то, чѣмъ восхищаться въ самомъ дѣлѣ и радоваться на внѣшній видъ сплошь, подрядъ. Города—какъ люди. Все хорошее, все самое важное, все лучшее—только въ исключеніяхъ, въ рѣдкихъ случаяхъ и образчикахъ. Берлину одному нельзя ставить въ вину то, чѣмъ болѣютъ и всѣ остальные его товарищи. Повсюду много худого, негоднаго, но уже на множествѣ пунктовъ—начинающаяся жизнь, одушевленіе, горячее исканіе новыхъ формъ на замѣну разломанныхъ прежнихъ, безконечныя, всюду возникающія пробы, смѣлые опыты.

И этимъ-то Берлинъ дорогъ и милъ, мнѣ кажется, нынче всякому—въ томъ числѣ и мнѣ.

Но и въ томъ особомъ мірѣ, который меня всего болѣе занимаетъ и притягиваетъ, въ мірѣ искусства, и тамъ тоже Берлинъ на моихъ глазахъ все только ростетъ и хорошѣетъ. И люди, и дѣла, и обстоятельства перемѣнились. Вкусы и потребности — другіе стали. Прежнія все

только солдатскія наклонности насилія и мертваго порядка замѣнились потребностями свѣтлой и радостной жизни, наслажденія. Изъ прежнихъ двухъ—трехъ художественныхъ музеевъ, ихъ наросло нынче нѣсколько десятковъ, и каждый двигается впередъ, разростается и становится все полнѣе, изумительнѣе и привлекательнѣе. Не одни пушки и корабли, ядра и штыки, не одни разбойничьи варварскіе походы въ глубины африканскія вытребываютъ на себя сотни тысячъ и милліоны марокъ,—тоже и все художественное нынче сильно занимаетъ тѣхъ, кто держитъ деньги въ рукахъ: оно заставляетъ удѣлять на себя, даже съ большою охотой, многія изъ этихъ сотенъ тысячъ, можетъ быть и милліоновъ. Экспедиціи въ далекія страны Востока, раскопки, путешествія и изслѣдованія, дорогія покупки разнообразнѣйшихъ художественныхъ созданій искусства сдѣлали то, что берлинскіе музеи стали одни изъ самыхъ первыхъ въ мірѣ въ настоящую пору, и никто изъ интересующихся искусствомъ не можетъ уже обходить ихъ безъ самого близкаго знакомства и изученія. Чѣмъ славились прежде одни англичане—ненасытимою жадностью узнаванія и пріобрѣтенія, по части памятниковъ искусства всѣхъ временъ и народовъ цѣлаго свѣта, тѣмъ стали славиться въ послѣднее время и другія націи, съ французами во главѣ, но нѣмцы—пруссаки въ особенности. Берлинскіе музеи заключаютъ въ себѣ нынче множество такого, чего не найдешь нигдѣ больше въ свѣтѣ, и все самаго драгоцѣннаго и рѣдкаго, все самаго великаго и художественнаго. Прежде лучшія и величайшія созданія искусства свозились и сносились со всего свѣта преимущественно все только въ Лондонъ, или въ помѣстья лордовъ, и нерѣдко оставались почти невидимыми и недоступными для массы публики—нынче они начинаютъ уѣзжать изъ Англіи и находить пріютъ въ Пруссіи. Одни изъ прежнихъ гордыхъ лордовъ—обѣднѣли, другіе—не имѣли художественной страсти своихъ отцовъ и предковъ, и многія художественныя произведенія начинаютъ выходить изъ подъ старинныхъ англійскихъ замко́въ и изъ за̀мковъ и являются на свѣтъ божій. Какая радость, какое счастье для Европы!

Такую радость и счастье привелось и мнѣ недавно испытать.

Въ началѣ нынѣшняго лѣта, мнѣ, въ самомъ началѣ заграничнаго путешествія, случилось быть въ Берлинѣ. Со всегдашнимъ любопытствомъ, любовью и художественною жадностью я тотчасъ же побывалъ во всѣхъ дорогихъ для меня мѣстахъ — музеяхъ и коллекціяхъ. Я, по всегдашнему, съ покорностью перенесъ каррикатурный и довольно-таки непозволительный видъ трехъ главныхъ берлинскихъ музеевъ, Altes Museum, Neues Museum, National-Museum, въ лже-греческомъ классическомъ стилѣ, съ перестилями, колоннадами, громадными открытыми на воздухъ лѣстницами, и съ греческой орнаментаціей, т. е. со всѣмъ тѣмъ, что̀ ни нашему времени, ни жизни, ни природѣ не годится ни на полъ

двора и только является безумнымъ усердіемъ «наперекоръ стихіямъ». Что мнѣ было за дѣло начинать съ того, что только отталкивало и являлось доказательствомъ непростительныхъ заблужденій ума и сумашедшихъ правъ, коль скоро меня ожидали, внутри лже-греческихъ этихъ громадныхъ ящиковъ и футляровъ, художественныя наслажденія истинно несравненныя. Я въ два дня новый разъ съ восторгомъ обошелъ залы египетской, древне-азіатской, греческой и новой европейской скульптуры, подивился на чудную залу троянскихъ древностей, откопанныхъ въ Малой Азіи Шлиманомъ и подаренныхъ цѣликомъ Берлину, просмотрѣлъ цѣлую массу другихъ глубоко-интересныхъ художественныхъ созданій, большихъ и малыхъ, просмотрѣлъ еще новый разъ изумительное собраніе наивныхъ, но необычайно оригинальныхъ и самобытныхъ итальянскихъ скульптуръ XV вѣка, которому подобнаго нѣтъ нигдѣ въ цѣломъ мірѣ, и, наконецъ, устремился въ свои любимыя, самыя дорогія для меня, во всемъ берлинскомъ музеѣ, залы, гдѣ висятъ на стѣнахъ картины Веласкеца и Рембрандта,—этихъ для меня величайшихъ живописцевъ во всемъ свѣтѣ. Лѣтъ 10—12 тому назадъ, я долго не могъ прійти въ себя отъ того громового впечатлѣнія, какое произвелъ на меня портретъ Александра Борро, только незадолго передъ тѣмъ купленный въ Берлинъ, за громадныя деньги, изъ Сюрмондтовой галлереи въ Ахенѣ. Борро — былъ наемный итальянскій генералъ, какихъ въ XVII вѣкѣ было много по всей Европѣ, одинъ изъ тѣхъ, кому было рѣшительно все равно, за кого и противъ кого драться, только бы драться, и только бы наняли: жестокій, холодный и безсердечный. И вотъ этакого-то военнаго своего времени и изобразилъ однажды Веласкецъ, съ побѣжденными знаменами, валяющимися въ ногахъ, съ надменной и безпардонной осанкой, съ расплывшимися щеками и разбухлымъ тѣломъ, но желѣзными руками и ногами. Онъ стоитъ у каменной колонны и самъ, какъ черная мрачная колонна, только съ наброшеннымъ поперекъ тѣла чернымъ плащомъ испанскаго гидальго. Я никогда не могъ довольно налюбоваться, во всю сласть, на это геніальное созданіе, на это непостижимо-поразительное выраженіе одного уголка старой Италіи и старой Испаніи, съ ихъ тогдашнею жизнью, съ ихъ тогдашними нравами и характерами. Я никогда не миновалъ Берлина, чтобъ не пойти въ эту залу съ чуднымъ портретомъ, словно въ какую-то свою Мекку, и простоять долго-долго передъ заплывшимъ злымъ генераломъ съ его крошечными глазками. Но не передъ однимъ Борро любилъ я всегда провести много времени въ Берлинѣ. Тамъ были для меня и другія великія радости, превосходившія всѣ другія художественныя тамошнія радости: это иные портреты и картины Рембрандта, особенно Самсонъ, въ богатой рыцарской одеждѣ, грозящій кулакомъ своему тестю, совсѣмъ бѣлому старику въ окнѣ, засаженному имъ въ тюрьму. Костюмы и весь антуражъ были тутъ фальшивы и невѣрны отъ A до Z, и потому

комичны, но сила выраженія, жизнь и правда, очарованіе красокъ были таковы, что живо напоминали мнѣ величайшія Рембрандтовскія созданія, висящія по стѣнамъ нашего Эрмитажа, несравненныя и недосягаемыя, непревзойденныя никакими другими Рембрандтовскими картинами цѣлаго міра. И вотъ, покуда я съ двумя моими любезными русскими спутниками разглядывалъ теперь въ берлинскомъ музеѣ своихъ милыхъ старыхъ знакомцевъ, Рембрандтовъ, къ намъ подошелъ одинъ изъ камерлакеевъ музея, въ серебряныхъ галунахъ съ прусскими орлами, и сказалъ одному моему товарищу: «Вотъ, кажется, die Herrshaften уже хотятъ уходить назадъ, а не видали, кажется, еще новаго нашего Рембрандта».—«Какого? Что это за картина? Гдѣ она?»—«Вотъ здѣсь сейчасъ—въ послѣдней маленькой комнатѣ, въ бокъ. Ее еще недавно сюда привезли.»—Мы поблагодарили и поскорѣе вошли. И что тутъ съ нами сдѣлалось!

Передъ нами стояла на мольбертѣ, наискось, поперекъ комнаты, картина въ старой золотой рамѣ, картина, для которой еще не сыскали настоящаго будущаго ея мѣста, навсегда, на той или на этой стѣнѣ музея, и потому она вотъ такъ покуда стояла поперекъ своей маленькой комнаты. Но, мнѣ кажется, тутъ она была во всей своей настоящей красотѣ и силѣ, одна, отдѣленная воздухомъ и пространствомъ отъ всякихъ другихъ своихъ сверстницъ, и великихъ, и малыхъ, и геніальныхъ, и посредственныхъ. Геніальная картина — совсѣмъ другое, чѣмъ красавица-женщина. Поставьте эту послѣднюю, въ чудномъ великолѣпномъ убранствѣ, среди праздничной и разцвѣченной толпы бала, и она громадно выиграетъ. «She walks in beauty», говоритъ одна изъ великолѣпнѣйшихъ «еврейскихъ мелодій» Байрона. Не то съ геніальной картиной. Она не ходитъ, она не движется, она не выступаетъ, ничто вокругъ нея не измѣняется и не шевелится. Молчаніе и неразвлекаемость ничѣмъ постороннимъ, вотъ что ей нужно. Всякое сравненіе вокругъ—нарушаютъ ея торжественный покой и нѣгу. Мнѣ кажется, когда новую картину эту поставятъ въ которой-нибудь большой залѣ, и кругомъ нея будетъ множество другихъ товарокъ и сестеръ, хотя-бы дочерей того-же самаго великаго отца,—она потеряетъ и много потеряетъ. Это—картина, которая даже между картинами самого Рембрандта составляетъ необычайное исключеніе.

Эта картина—созданіе, великое по таланту, по красотѣ, по неотразимости зрительнаго впечатлѣнія, но тутъ-же вмѣстѣ великая и по содержанію—не величайшее-ли это чудо искусства? Десятки тысячъ картинъ населяютъ музеи, и множество между ними полны красоты, прелести, захватывающей обаятельности. Это—дѣло таланта, и передъ талантомъ каждый спѣшитъ преклониться, не разсуждая, сразу побѣжденный и очарованный. Но много-ли, между всѣми картинами на свѣтѣ, тѣхъ,

которыя заключают тó важное, тó настоящее, и въ самомъ дѣлѣ нужное, для чего талантъ только и существуетъ на свѣтѣ? Мало, мало, ихъ почти вовсе нѣтъ, и можно иногда пройти цѣлыя версты по галлереямъ, не встрѣчая ничего, кромѣ таланта, виртуозности, мастерства, умѣнья, и— красивости. Но можно-ли еще только этимъ однимъ въ искусствѣ жить и пробавляться? Какъ все это еще бѣдно и недостаточно! Однако, есть люди, не только изъ публики, но даже и изъ художниковъ (въ большей части своей массы наименѣе къ тому отзывчивыхъ и требовательныхъ), которые ищутъ содержанія въ искусствѣ, которые въ немъ нуждаются, только изъ за него и его выраженія и признаютъ искусство. Они только одни и понимаютъ, что такое въ самомъ дѣлѣ значитъ искусство. Таковъ былъ и Рембрандтъ. Правда, невзирая на свой громадный, несравненный талантъ, онъ на своемъ вѣку надѣлалъ множество талантливыхъ, иногда поразительныхъ по внѣшности, но ничтожныхъ или негодныхъ по содержанію созданій. Всѣ его картины и рисунки на темы изъ Библіи и Евангелія, или изъ классической миѳологіи, только комичны, или достойны сожалѣнія, потому что на нихъ употреблено много таланта, но отъ своего предмета они за тысячи верстъ, да о немъ даже и не заботятся: мадонны его—милыя голландскія крестьянки, ихъ комнаты—избушки изъ окрестностей Амстердама или Лейдена, его Ганимедъ — уродливый голландскій мальчишка, ревущій благимъ матомъ, потому что орелъ—Юпитеръ схватилъ его своими когтями и клювомъ и поднимаетъ въ небо, его апостолы или вельможи — амстердамскіе банкиры или купцы изъ евреевъ, его народъ—голландскіе нищіе и всяческая уличная сволочь. Но все это было у него такъ оттого, что ему несвойственна и далека была всякая чужая исторія и народность, онъ не обладалъ способностью погружаться въ иные вѣка кромѣ своего, уразумѣвать и выражать иные народности, событія, характеры и образы, кромѣ тѣхъ, которые его окружали всю жизнь, среди которыхъ онъ родился, а потомъ выросъ. Онъ никогда никуда не выѣзжалъ изъ Голландіи, во всю жизнь, и, мнѣ кажется—слава Богу. Очень можетъ быть, онъ потерялъ-бы всю свою самостоятельность и оригинальность—примѣры у него были тогда передъ глазами. Десятки и сотни голландцевъ—живописцевъ его времени ринулись цѣлымъ потокомъ въ Италію, ну и что-же? Ну только то, что они тамъ потеряли свою физіономію. *Они объитальянились.* Исторія искусства такъ и называетъ ихъ «объитальянившимися. Что-же въ этомъ было хорошаго? Рембрандтъ нисколько не презиралъ Италію, онъ не чуждался ея, онъ наполнилъ свою мастерскую и папки рисунками и чертежами съ итальянскихъ мастеровъ, но уважалъ и любилъ ихъ—издалека. Noli me tangere, не дотрогивайтесь до меня. Онъ такъ ревниво охранялъ художественную независимость, что когда ему было лѣтъ 30, и у него завелись ученики, онъ не давалъ имъ сидѣть, учиться и ри-

совать вмѣстѣ, въ одной комнатѣ. Нѣтъ, онъ ихъ сажалъ врозь, надѣлалъ у себя перегородки въ квартирѣ, развѣсилъ занавѣски, и каждый долженъ былъ работать и быть самъ по себѣ—что молъ за общіе классы, что за глядѣнье другъ къ другу въ бумагу, и въ сочиненіе, даже въ простой рисунокъ съ натуры. Все пускай врозь и отдѣльно. Вотъ что это былъ за человѣкъ и художникъ, вотъ какая горѣла у него внутри сильная доза самобытности и непреклонной оригинальности. Такъ было у него и въ отношеніи къ самому себѣ. Какъ только надо ему было дѣлать что-то въ самомъ дѣлѣ свое, то, чѣмъ искренно и неподдѣльно была наполнена его душа, онъ былъ великъ и несравненъ. Но только онъ подчинялся преданію, школѣ (впрочемъ чужой, издалека прослышанной, краемъ уха)—онъ становился слабъ, бѣденъ, незначителенъ, и только уже блисталъ чудною внѣшнею виртуозностью, чувствомъ живописности и красочности. Ему прежде всего надо было никого не слушаться и быть самимъ собою.

Такимъ онъ явился въ цѣломъ рядѣ картинъ и гравюръ и, въ числѣ другихъ, также и въ той картинѣ, которая меня нынче такъ поразила въ Берлинѣ. Она—одно изъ высшихъ воплощеній его таланта и натуры. Она представляетъ Корнелиса Класа Ансло, знаменитаго амстердамскаго проповѣдника его времени, сектанта-менонита. Рембрандтъ любилъ менонитовъ, его самого даже подозрѣвали, еще въ его время, въ принадлежности къ этой сектѣ; ему нравилась сила мысли и характера этихъ людей, ихъ непризнаваніе разныхъ традицій и предоставленіе каждому отдѣльному человѣку права по собственному разумѣнію истолковывать себѣ библейскіе тексты, ихъ отвращеніе къ войнѣ и военной службѣ, ихъ удаленіе отъ всякихъ общественныхъ должностей. Между менонитами всегда бывали сильные характеры. Ансло былъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, одинъ изъ самыхъ выдающихся между ними въ Амстердамѣ, по таланту, по уму, по силѣ характера, по убѣдительности пламеннаго краснорѣчія. Современники часто восхваляли его и въ прозѣ, и въ стихахъ. Ансло и Рембрандтъ были друзья, Рембрандтъ нѣсколько разъ рисовалъ и гравировалъ его портреты, но все это было бѣдно и мало въ сравненіи съ тою картиною масляными красками, которую Рембрандтъ написалъ въ 1641 году, т.-е. когда ему самому было 35 лѣтъ. Онъ и всегда-то во всѣ портреты вкладывалъ всю натуру и душу изображаемаго имъ въ ту минуту человѣка, и тѣмъ навѣки остался великимъ живописцемъ,но на этотъ разъ онъ сдѣлалъ изъ портрета—цѣлую драму. Ансло убѣждалъ умы, подкрѣплялъ и утѣшалъ падающихъ, вселялъ мужество въ ослабѣвшихъ, и это была самая высокая и совершенная сторона его натуры. Вотъ Рембрандтъ взялъ да и изобразилъ это въ сценѣ. Молодая женщина, потерявшая кого-то самого своего дорогого, мужа или ребенка, потому что она вся въ траурѣ, черномъ шелковомъ платьѣ и бѣломъ чепчикѣ, да и черты ея милаго лица дышатъ печалью и

грустью, пришла къ менонитскому проповѣднику за душевною помощью, и опустилась подлѣ него въ кресло, убитая и поникшая. Она его застала въ его кабинетѣ: онъ окруженъ огромными рукописями и толстыми фоліантами; дѣло происходитъ днемъ, двойной красивый шандалъ съ потушенными свѣчами стоитъ подлѣ, на столѣ, но солнце ярко глядитъ въ окно и цѣлымъ золотымъ потокомъ наполняетъ комнату. Молодая вдова молчитъ, смиренная и послушная. Ансло энергически говоритъ съ ней, и, опершись одною могучею рукою на богатый турецкій коверъ, покрывающій столъ, другою доказываетъ ей свою мысль, устремивъ на молодую женщину свои черные, какъ уголь, сверкающіе глаза, изъ подъ широкополой голландской своей шляпы. Эту картину вездѣ числятъ и называютъ портретомъ: но какой-же это портретъ? Такого названія и такого слова— еще слишкомъ мало для того, чтобы выразить все, что̀ Рембрандтъ вселилъ сюда. Это истинная историческая картина, великолѣпная и правдивая, какъ немногія другія, во всей живописи. Тутъ Голландія на лицо, тутъ XVII вѣкъ, тутъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ, несравненныхъ людей того времени, тутъ одна изъ тогдашнихъ женщинъ, со всею своею покорностью передъ несчастіемъ, со всею своею преданностью могучему щиту и покровителю, этому гранитному Ансло, тутъ одна изъ глубокихъ человѣческихъ драмъ передъ нами совершается,—слабость съ одной стороны, могучая крѣпость съ другой. Много-ли подобныхъ картинъ столь-же важныхъ, правдивыхъ и глубокихъ можно указать во всей исторіи живописи?

Большинство художественныхъ писателей ставятъ эту картину въ одинъ рядъ съ другой картиной-сценой Рембрандта. Это съ картиной, называемой: «Кораблестроитель и его жена». И дѣйствительно, та картина тоже великолѣпна по таланту, по красотѣ, по выразительности, по характерамъ, по волшебному солнечному освѣщенію, по необыкновенной оживленности. Корабельный мастеръ, лѣтъ 60-ти человѣкъ, здоровый, сильный и могучій, съ бородкой, сидитъ у своего стола, придвинутаго прямо къ окну, и чертитъ форму заказаннаго ему мореходнаго судна— онъ нарисовалъ уже нѣсколько выгибовъ киля, то шире, то уже. и вдругъ вбѣгаетъ жена, довольно пожилая, въ голландскомъ плоскомъ чепчикѣ: еще не успѣвъ притворить дверь, за скобу которой она ухватилась рукой, она второпяхъ съ необыкновенной поспѣшностью и съ сильно озабоченнымъ лицомъ протягиваетъ мужу письмо. Онъ быстро обертывается, дѣло видно очень нужное и важное для нихъ обоихъ, у него циркуль такъ и повисъ между пальцами, и онъ спѣшитъ взять письмо. Сцена чудесная — опять уголокъ голландской жизни XVII вѣка на лицо, съ тогдашними характерами, интересами и физіономіями, съ голландской комнатой, солнцемъ и свѣтомъ, и даже въ этой картинѣ есть больше движенія и оживленія, чѣмъ въ Ансло съ его послушницей. Но

въ той есть, въ добавокъ къ исторіи и современной правдѣ, та мощнія трагичности и драматизма, которая еще дороже и притягательнѣе для каждаго, чѣмъ все остальное, и потому та картина, можетъ быть, побѣждаетъ свою соперницу.

Обѣ картины были до сихъ поръ почти вовсе неизвѣстны массѣ европейской публики, потому что «Кораблестроитель» принадлежитъ къ частной собственности англійскаго королевскаго дома, и хранится въ Букингэмскомъ дворцѣ, куда доступъ слишкомъ рѣдокъ и труденъ для большинства людей, а «Ансло» принадлежалъ до сихъ поръ графу Ашбурнаму и всегда находился въ его помѣстьѣ, Ашбурнамъ-Плесъ, въ графствѣ Суссексъ, на югѣ Англіи, около Ламанша, т.-е. въ далекомъ захолустьѣ, совершенно подъ спудомъ, незримо для всѣхъ глазъ. Покойный графъ былъ страшно ревнивъ на счетъ своихъ великолѣпныхъ картинъ и собранія рукописей, совершенно единственныхъ (оно цѣнилось тысячъ въ 800 франковъ) — и никогда, кромѣ близкихъ знакомыхъ и друзей никого не хотѣлъ пускать въ свой замокъ.

Но теперь прусское правительство, при первой возможности, добыло себѣ эту картину (въ концѣ 1894 года), заплатило за нее молодому графу Ашбурнаму 500,000 марокъ (около 250,000 рублей)—и вотъ картина эта стала, можно сказать, общимъ достояніемъ. Еще-бы! Берлинъ, берлинская картинная галлерея!

Но за великую . геніальную вещь, одно изъ высшихъ твореній Рембрандта въ лучшую и счастливѣйшую пору его жизни—развѣ это много: 250,000 рублей? Экономничать тутъ уже нечего. Ахъ, еслибъ и намъ тоже что-нибудь подобное разъ перепало!

В. Стасовъ.

Обыватель, рубль и блаженство.

Русскій обыватель въ своихъ сужденіяхъ о реформѣ денежной системы не обнаружилъ «потребныхъ» достоинствъ и проявилъ излишнюю склонность къ разнымъ «фантазіямъ». Онъ былъ экстренно приглашенъ обнаружить трезвость сужденій и таковой не проявилъ, хотя это требовалось для посрамленія нашихъ «заграничныхъ недоброжелателей». Дѣло въ томъ, что заграницей печать стала доказывать, будто-бы русскій обыватель не вѣритъ въ возрожденіе Россіи при помощи *одной* денежной реформы и даже сомнѣвается въ томъ, чтобы эта *одна* реформа могла быть проведена. Поводъ къ такимъ заключеніямъ пожалуй, могли, дать статьи русскихъ газетъ охранительнаго лагеря. И «Гражданинъ», и «Московскія Вѣдомости», и «Новое Время» при первыхъ слухахъ о предстоящемъ введеніи золотого обращенія въ Россіи напечатали статьи, въ которыхъ доказывалось, что золото въ Россіи не удержится и уплыветъ заграницу. Правда, эти статьи потомъ были замѣнены другими, въ которыхъ тѣ-же газеты ожидали наступленія золотыхъ дней въ виду предстоящаго появленія золотыхъ рублей. Тогда заграничныя газеты стали доказывать, будто русская печать на самомъ дѣлѣ далеко стоитъ отъ такого оптимизма, и будто ей не позволяютъ свободно высказаться *и* по этому вопросу. Въ отвѣтъ на эти заявленія въ «Journal de S.-Petersbourg» было помѣщено официальное опроверженіе, въ которомъ было сказано, что министерство финансовъ не стѣсняетъ печать въ сужденіяхъ о реформѣ денежной системы. Условіе безспорно весьма благопріятное и выпадаетъ оно на долю немногихъ вопросовъ, но отъ другихъ многихъ вопросовъ трудно отдѣлить вопросъ о денежной реформѣ. Всѣ они тѣсно переплетаются другъ съ другомъ. Удержать сужденія о денежной реформѣ въ предѣлахъ «денежныхъ» оказывалось хотя и невозможнымъ, но необходимымъ. Вопросъ сталъ рости криво въ сознаніи обывателя. Обыватель сталъ высказывать такія сужденія о реформѣ денежной системы, которыя могли убѣ-

дить заграничную печать лишь въ томъ, что онъ самъ не имѣетъ яснаго представленія о дѣлѣ и не знаетъ, чего ему слѣдуетъ ожидать отъ денежной реформы и что его ждетъ на самомъ дѣлѣ. Экспериментъ не удался и русскаго обывателя стали обвинять въ томъ, что онъ фантазируетъ и не обнаруживаетъ способностей къ усвоенію новыхъ реформъ.

Обвиненіе, безспорно, тяжелое и тѣмъ болѣе грустное, что ясность, трезвость и спокойствіе въ сужденіяхъ обывателя оказались-бы полезными и не для одной денежной реформы. Почему-же это русскій обыватель оказался обывателемъ безъ потребныхъ достоинствъ и при всѣхъ, повидимому, неблагопріятныхъ къ тому условіяхъ воспиталъ въ себѣ склонность къ разнымъ «фантазіямъ»? Произошло это по многимъ причинамъ, но теперь приходится только сожалѣть о случившемся. Отрадно, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что мы съ «друзьями» если и не имѣемъ общихъ радостей, но за то имѣемъ общее горе. Французскіе министры лѣтомъ въ разныхъ городахъ держали разныя рѣчи, но во всѣхъ этихъ рѣчахъ они жаловались на отсутствіе у французскаго обывателя должныхъ достоинствъ. Французскій обыватель оказывается весьма склоннымъ разсуждать о достоинствахъ правительства, потребныхъ для прогресса страны, и забываетъ, что правительство, въ свою очередь, нуждается въ обывателяхъ съ достоинствами, потребными для его просвѣщенной дѣятельности. Французскій обыватель не обнаруживаетъ должной трезвости въ мысляхъ, умѣренности въ желаніяхъ и фантазируетъ безъ конца. Съ такимъ обывателемъ правительству жить въ мирѣ не легко, а работать съ нимъ или для него весьма трудно.

Конечно, для французскихъ министровъ не вредно пожаловаться на обывателя, тормозящаго ихъ благія начинанія, но тема ихъ рѣчей всетаки имѣетъ общій интересъ. Вотъ Дарвинъ выработалъ цѣлую теорію о происхожденіи видовъ. Что ему стоило раскрыть секретъ происхожденія тѣхъ видовъ обывателей, которые оказываются съ должнымъ запасомъ потребныхъ достоинствъ? Почва для такого изслѣдованія являлась для него весьма благопріятной. Онъ жилъ въ Англіи, а эти англичане удивительный народъ. Сколько лѣтъ они живутъ на свободѣ и на какой свободѣ! На счетъ всего у нихъ свобода: и на счетъ вѣры, и на счетъ мыслей, и на счетъ чувствъ. И удивительно, — англичане не развратились въ конецъ. Въ мысляхъ у нихъ трезвость, въ желаніяхъ умѣренность, а на счетъ фантазій полная воздержность. Почти все дѣлаютъ сами и сами-же о себѣ заботятся. Словомъ, англичане образцовые обыватели. Какимъ чудомъ они отъ баловства спаслись и не разбаловались въ конецъ при всѣхъ благопріятныхъ къ тому условіяхъ — выяснить было бы не трудно. Но все-же какъ-то странно: правительство махнуло рукой, отступилось и прямо сказало обывателю: можешь баловаться и на счетъ мыслей, и на счетъ

чувствъ, и на счетъ фантазій, а обыватель вышелъ изъ искушенія самымъ трезвеннымъ. Русскаго-же обывателя отъ всѣхъ такихъ баловствъ прямо оберегали и непосредственно въ немъ должныя достоинства насаждали. Еще въ регламентѣ Петра I (отъ 16 января 1721 г.) было сказано, что полиція «рождаетъ добрые порядки и нравоученія: непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ и принуждаетъ каждаго къ трудамъ и къ честному промыслу; чинитъ добрыхъ домостроителей, тщательныхъ и добрыхъ служителей; запрещаетъ излишество въ домовыхъ расходахъ и всѣ явныя погрѣшенія; по заповѣдямъ Божіимъ воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ; вкратцѣ-же надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности». Однако, съ тѣхъ поръ прошло не мало времени, а у русскаго обывателя не обнаруживается ни англійской трезвости въ мысляхъ, ни англійской самодѣятельности, а на счетъ разныхъ «фантазій» онъ опередилъ даже друзей—французовъ. Положимъ, заботиться о благоденствіи отечества русскому обывателю не возбраняется въ извѣстныхъ предѣлахъ. И вотъ онъ сидитъ себѣ и въ этихъ извѣстныхъ предѣлахъ создаетъ самые несбыточные планы и напрягаетъ свою фантазію до болѣзненности. Если онъ видитъ, что отечество обѣднѣло, то онъ немедленно-же начинаетъ сочинять планы «о наискорѣйшемъ обогащеніи отечества и пребыванія всѣхъ гражданъ въ довольствѣ». Изобрѣтатели дешевыхъ, но сильно и вѣрно дѣйствующихъ средствъ выступаютъ одинъ вслѣдъ за другимъ. До послѣдняго времени ихъ вниманіе было сосредоточено на кредитѣ и планы о счастьи въ кредитъ пользовались наибольшей распространенностью. Въ фантазіи изобрѣтателей дешевыхъ, но сильно дѣйствующихъ средствъ все оживало подъ кредитнымъ орошеніемъ. Родныя нивы тучнѣли подъ воздѣйствіемъ меліоративнаго кредита и неурожаи завѣщались въ наслѣдство любопытнымъ историкамъ. Россія покрывалась фабриками и заводами, построенными на ссуды. Во всѣхъ этихъ фабрикахъ и заводахъ работали лучшія машины, купленныя на ссуды. Мужикъ и привиллегированный становились землевладѣльцами въ кредитъ. Жалобы на бѣдность и самая бѣдность исчезали съ лица земли русской. Все отечество принимало благоустроенный видъ и всѣ становились веселыми, довольными, а къ недовольству пути были заграждены. Кому нужно землю—иди и бери ее въ кредитъ; кому нужно построить избу—пусть строитъ ее въ кредитъ, кому нужна лошадь—пусть купитъ ее въ кредитъ и т. д. вплоть до хлѣба на пропитаніе и и обсѣмененіе полей.

Этотъ грандіозный планъ о счастьи въ кредитъ произвелъ самыя радикальныя измѣненія въ ученіи о кредитѣ для приспособленія его къ условіямъ мѣста и времени. Было признано, что кредитъ дол-

женъ быть одинаково доступенъ для имущихъ и для неимущихъ. Въ этомъ ощущалась особая потребность, ибо при настоящемъ оскудѣніи нельзя начинать съ вопроса о кредитоспособности, а нужно поставить ее въ конецъ плана. Для достиженія этой цѣли въ ученіи о кредитѣ положенія были переставлены на благо родины. Было заявлено, что не кредитоспособность создаетъ кредитъ, а наоборотъ, кредитъ создаетъ кредитоспособность. Оставалось ожидать результатовъ всей этой радикальной реформы ученія о кредитѣ и насажденія счастья въ кредитъ, но тутъ подвернулся вопросъ о реформѣ денежной системы. Обыватель опять размечтался и сталъ предаваться разнымъ «фантазіямъ» и догадкамъ. Помимо общей склонности русскаго обывателя ко всякимъ фантазіямъ, тутъ и особыя причины побуждали его мечтать и гадать. Русскій обыватель не могъ судить здраво о реформѣ денежной системы по тѣмъ особымъ причинамъ, что «самая суть реформы, ея предѣлы и цѣли» оставались для него не только неясными, но и неизвѣстными. «Новое Время», служащее съ равнымъ удобствомъ и Богу и Мамонѣ, на этотъ разъ все-таки вступилось за обывателя. Газета полагаетъ, что если реформа денежной системы оказывается неизбѣжной, то «лучше немного повременить, чѣмъ преподнести ее всей Россіи въ видѣ совершившагося факта. Самая суть реформы, ея предѣлы и цѣли должны прежде всего выясниться въ общественномъ сознаніи. Представителямъ всѣхъ интересовъ надо дать возможность высказать свое мнѣніе, надо выслушать ихъ желанія относительно условій преобразованія денежной системы и усовершенствованія денежнаго обращенія, ибо дѣло это касается личной собственности всѣхъ и каждаго и собственности общественной... Преобразованія въ монетной системѣ и въ денежномъ обращеніи захватываютъ болѣе широкій кругъ интересовъ, близко касаются не только промышленности и торговли, но и сельскаго хозяйства, а равно всѣхъ лицъ, получающихъ жалованье отъ казны или на частной службѣ, словомъ, всѣхъ доходовъ отъ капиталовъ, предпріятій или заработковъ. Не трудно будетъ расширить правительственную экспертизу, которая только и можетъ подготовить общественное мнѣніе къ правильной оцѣнкѣ реформы». Такъ писало «Новое Время» 26 марта (№ 6851) и свободно могло-бы повторить то-же самое и теперь, когда представители всѣхъ интересовъ такъ-же, какъ и 26 марта, мало освѣдомлены о самой сути реформы, ея предѣлахъ и цѣляхъ. Можно гадать о томъ, другомъ, пятомъ, десятомъ. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что русскій обыватель, не зная сути дѣла, гадаетъ и, при болѣзненно обостренной склонности къ «фантазіямъ», предается мечтаніямъ до кошмара. Планы о счастьи въ кредитъ стали уступать свое мѣсто планамъ о счастьи за наличныя деньги. Но... настоящее счастье и покупается за настоящія деньги. Въ Россіи-же настоящихъ денегъ не имѣется, а имѣются деньги кредитныя

и притомъ чисто бумажныя. Бумажныя-же деньги страну не обогащаютъ, а обезсиливаютъ. Бумажныя деньги—разорительныя деньги. Самъ ученый секретарь ученаго комитета министерства финансовъ признаетъ ихъ «сладкимъ ядомъ» *). Такія деньги явно не соотвѣтствуютъ положенію отечества и нужно подыскать для отечества вполнѣ къ нему подходящія и приличныя деньги. И сколько теперь головъ въ разныхъ углахъ Россіи силится выдумать для Россіи такія деньги, которыя соотвѣтствовали-бы положенію отечества и принесли съ собой и счастіе, и миръ, и блаженство. Многіе изъ изобрѣтателей уже демонстрировали свои изобрѣтенія **). Одни изъ нихъ признаютъ золотыя деньги развратными деньгами и, предсказывая гибель отечества отъ безнравственной золотой отравы, предлагаютъ весь вопросъ о деньгахъ, подходящихъ для Россіи, разрѣшить просто и ясно. Они предлагаютъ измѣнить точки зрѣнія и признать существующія деньги самыми приличными и способными создать счастье и богатство среди обывателей. Другіе, предсказывая разореніе отечества отъ введенія золотыхъ денегъ, требуютъ настоящихъ законныхъ серебряныхъ рублей. Третьи, наоборотъ, признаютъ, что замѣна бумажныхъ рублей золотыми превратитъ «бумажную» Россію въ «золотую» Россію. Всѣ эти группы изобрѣтателей полезныхъ денегъ сходятся между собою въ томъ, что главное свое вниманіе останавливаютъ на разрушительной и созидательной силѣ денегъ. Но каждая группа съ особымъ усердіемъ описываетъ разорительную силу денегъ, выдумываемыхъ двумя другими группами, и всячески восхваляетъ созидательную силу выдуманныхъ ею денегъ.

«Отечественный» биметаллистъ г. Слонимскій уже третій разъ выступаетъ на защиту «настоящихъ денегъ», серебряныхъ рублей, и всячески вразумляетъ сторонниковъ золотого обращенія—не губить отечество, не подставлять его подъ дѣйствіе разрушительныхъ силъ золотого обращенія. Выступая въ третій разъ на враговъ, г. Слонимскій тѣмъ самымъ призналъ, что его два первыхъ похода оказались не особенно удачными. О третьемъ послѣднемъ походѣ ***) можно сказать, что это одна изъ тѣхъ побѣдъ, которыя бываютъ хуже пораженія. Вступая въ бой съ сторонниками золотого обращенія, г. Слонимскій рѣшилъ прежде всего выстрѣлить въ самого себя. «Предстоящее господство золотого обращенія, говоритъ онъ, разсматривается какъ нѣчто неизбѣжное и роковое, противъ чего безполезно спорить. Это какой-то кошмаръ, надвигающійся на насъ съ неудержимою силою, подъ

*) См. статью г. Г(урьева) „Сладкій ядъ" въ „Новомъ Времени", отъ 14-го апрѣля 1895 г.

**) См. въ августовской книгѣ „Сѣверн. Вѣстн." статью „Мнимые капиталы, дешевые и серебряные рубли".

***) „Споры о денежной реформѣ" въ „Вѣстникѣ Европѣ", № 8, 1895 г.

вліяніемъ міровыхъ экономическихъ условій». Въ іюлѣ г. Слонимскій думалъ, что этотъ «кошмаръ» навѣянъ подъ вліяніемъ биржевиковъ, капиталистовъ и банкировъ. Теперь они вздохнутъ свободнѣе, узнавъ, что г. Слонимскій снялъ съ нихъ тяжелое обвиненіе и призналъ, что кошмаръ навѣянъ «подъ вліяніемъ міровыхъ экономическихъ условій». Очевидно, въ августѣ г. Слонимскому приходятъ на умъ болѣе свѣтлыя мысли, но онъ ихъ старается парализовать такими разсужденіями, которымъ могъ-бы позавидовать и самъ г. Шараповъ. По мнѣнію г. Слонимскаго, г. Шараповъ говоритъ многое, «лишенное иногда человѣческаго смысла». Безспорно, г. Шараповъ плохо считается съ требованіями *человѣческаго* смысла, но и самъ г. Слонимскій иногда относится къ нимъ съ свойственнымъ ему величіемъ и безъ должнаго уваженія. Г. Слонимскій удивляется, что большинство обывателей, будто-бы, относится безразлично къ денежной реформѣ. «Многіе думаютъ, говоритъ онъ, что въ концѣ концовъ безразлично, въ какой формѣ установится у насъ правильное денежное обращеніе, лишь-бы оно только установилось прочно». Такія думы обывателей дѣлаютъ имъ честь, если только на самомъ дѣлѣ они такъ думаютъ. Если-же г. Слонимскій полагаетъ, что тутъ обыватель игнорируетъ требованія человѣческаго смысла, то обыватель съ большимъ правомъ можетъ послать такое обвиненіе г. Слонимскому. Обыватель не нарушаетъ требованій здраваго смысла, если онъ полагаетъ, что безразлично, въ какой формѣ установится у насъ правильное денежное обращеніе, *лишь-бы оно установилось прочно*. Для всякаго понятно, что *правильное* денежное обращеніе можетъ установиться *прочно* только въ той формѣ, въ которой оно можетъ быть правильнымъ и можетъ прочно установиться. Г. Слонимскій, очевидно, допускаетъ, что *правильное* денежное обращеніе можетъ *прочно* установиться въ такой формѣ, въ которой оно является неправильнымъ... Повидимому, такимъ правильно неправильнымъ или неправильно правильнымъ денежнымъ обращеніемъ г. Слонимскій признаетъ водвореніе золотыхъ денегъ. Когда вы стараетесь уяснить себѣ загадочный характеръ и печальныя послѣдствія правильно неправильнаго или неправильно правильнаго золотого обращенія, то г. Слонимскій, старающійся вамъ все это выяснить, употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы ваша попытка осталась безрезультатной. Тутъ онъ ни передъ чѣмъ не останавливается и, выражаясь его собственными словами, «впадаетъ въ невѣроятныя странности и противорѣчія, вдается въ ходульное фразерство, лишенное иногда человѣческаго смысла». Ну, какъ-бы вы думали, чѣмъ грозитъ намъ золотое денежное обращеніе? На этотъ вопросъ у г. Слонимскаго вы найдете слѣдующій отвѣтъ: «для насъ водвореніе золота на мѣсто бумажныхъ денегъ, съ устраненіемъ ихъ законнаго эквивалента серебра, было-бы безплоднымъ самоотверженіемъ, которое могло-бы принести только отрицательные ре-

зультаты». Очевидно, г. Слонимскій такой «ясный» отвѣтъ приготовилъ для г. Шарапова, и оба они поймутъ другъ друга, но самый простой обыватель увидитъ тутъ явную обиду для человѣческаго смысла. Самоотверженіе не можетъ быть безплоднымъ, разъ оно можетъ принести только отрицательные результаты. Очевидно, г. Слонимскій въ одномъ отвѣтѣ на одинъ и тотъ-же вопросъ объединилъ два разныхъ отвѣта. Попытка къ водворенію золота можетъ оказаться безплоднымъ самоотверженіемъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, та-же попытка къ водворенію золотого обращенія можетъ принести только отрицательные результаты. Обывателю предоставляется на выборъ первый или второй отвѣтъ. Самъ г. Слонимскій, видимо, болѣе склоненъ отдать предпочтеніе второму отвѣту. Такъ слѣдуетъ думать потому, что онъ всячески старается доказать, что золотыя деньги разорятъ Россію и приведутъ ее къ полнѣйшей экономической несостоятельности. Такимъ образомъ, золотое денежное обращеніе, по мнѣнію г. Слонимскаго, является тѣмъ средствомъ, при помощи котораго Россію можно привести къ полному банкротству. Такъ думаетъ г. Слонимскій въ августѣ 1895 г. и ему не мѣшало бы вспомнить, что онъ думалъ въ апрѣлѣ того же 1895 г. Въ апрѣльской книгѣ «Вѣстника Европы» помѣщена его статья—«Полемика о нашихъ финансахъ», въ которой сказано: «если французы помѣстили свои капиталы въ русскихъ процентныхъ государственныхъ бумагахъ, то они всегда могутъ быть увѣрены, что будутъ исправно получать причитающіеся имъ платежи, *ибо великая держава, занимающая такое мѣсто въ Европѣ, какъ Россія, никакъ не можетъ обанкротиться*»... Высокій стиль и высокія чувства!.. Какъ видите, въ апрѣлѣ г. Слонимскій гордился величіемъ и славой отечества и открыто заявлялъ, что Россія «*никакъ*», никакими средствами, не можетъ быть приведена къ банкротству. Въ августѣ г. Слонимскій смирился въ своей гордости и самъ нашелъ такое средство въ видѣ золотого обращенія. Онъ, ссылаясь на г. Сокальскаго, предлагаетъ вспомнить, что опытъ «установленія одной золотой валюты» по декрету императора Юліана «завершился гибелью имперіи». Видите, какой капризный ребенокъ этотъ г. Слонимскій. Въ апрѣлѣ онъ восхищался несокрушимой силой и величіемъ отечества и пѣлъ «о Россъ непобѣдимый, о твердокаменная грудь», а въ августѣ онъ уже поетъ «на рѣкахъ вавилонскихъ» и угрожаетъ отечеству судьбами римской имперіи. Съ дѣтской наивностью г. Слонимскій принимаетъ на вѣру всякую несообразность, если она подходитъ къ его капризамъ. Проф. Сокальскій заговорился и договорился до того, будто-бы римская имперія погибла отъ золотой валюты. Г. Слонимскій, нисколько не смущаясь, такъ и пишетъ, что опытъ установленія золотой валюты по декрету Юліана «завершился гибелью имперіи». Правда г. Слонимскій однажды сдѣлалъ оговорку, что проф. Сокальскій «иногда какъ будто преувеличиваетъ

ужасы, сопряженные съ одностороннимъ владычествомъ золота», но онъ признаетъ пользу такихъ преувеличеній. Безъ всякихъ замѣчаній и поясненій г. Слонимскій выписываетъ всѣ ужасы, рисуемые г. Сокальскимъ, желая пояснить сторонникамъ золотой валюты, что они толкаютъ отечество на опасную дорогу, которая неизбѣжно должна вести къ банкротству. Г. Слонимскій готовъ словами проф. Сокальскаго объяснить всѣ печальныя стороны современнаго экономическаго положенія въ старыхъ культурныхъ странахъ. Если вы спросите г. Слонимскаго, къ чему привело господство золотого обращенія въ западной Европѣ вообще и въ Англіи въ частности, то онъ вамъ на этотъ вопросъ отвѣтитъ слѣдующими словами проф. Сокальскаго: «Повсюду, по—преимуществу изъ сельскихъ округовъ, раздаются жалобы,—положеніе землевладѣнія и земледѣлія рисуется безнадежнымъ. Гнетъ какого-то рока тяготѣетъ и надъ Англіею. Пахотныя поля превращаются въ пастбища. Дичаетъ природа, а вмѣстѣ съ нею и люди. Изъ фермъ разсыпаются толпы незанятаго люда по окраинамъ городскихъ предмѣстій,—и расширяютъ и безъ того уже широкую пропасть нищеты. Поземельные участки отдаются въ аренду на болѣе льготныхъ условіяхъ и на болѣе короткіе сроки. Изъ фабричныхъ округовъ слышатся однѣ жалобы—на сокращеніе сбыта, на застой въ дѣлахъ. Отчеты акціонерныхъ компаній о положеніи дѣлъ въ Ланканширѣ очень мрачны. Торговля страдаетъ отъ колебанія вексельныхъ курсовъ, отъ неувѣренности въ прочности связей. Англійскіе капиталы ищутъ помѣщенія во внѣшнихъ займахъ или въ постройкѣ дорогъ за предѣлами острова; у себя дома имъ нечего дѣлать; въ самой странѣ онѣ находятъ помѣщеніе только для построекъ отеля, орфеума или акварія. Поступленіе доходовъ сокращается. Бремя государственнаго долга, несмотря на значительное погашеніе его суммы за послѣднія 50 лѣтъ, тяжелѣе для плательщиковъ, чѣмъ было полвѣка тому назадъ» *). Вотъ до чего довели несчастную Англію золотыя деньги!.. Во всякомъ случаѣ, мы теперь имѣемъ новую теорію происхожденія пауперизма и торгово-промышленныхъ кризисовъ въ Англіи. Всему виною являются золотыя деньги. Если г. Слонимскій намъ скажетъ, что всѣ такія угрозы рисуются многими сторонниками биметаллизма въ Англіи, то вѣдь нельзя же принимать за чистую монету все, что срывается съ языка въ горячемъ партійномъ спорѣ. Сторонники биметаллизма склонны приписывать демонетизированію серебра даже все то, что у насъ Мещерскій приписываетъ демодизированію розги. Если г. Слонимскій все-таки можетъ разобраться въ томъ, что демодизированіе розги не могло служить причиной всѣхъ бѣдъ, постигшихъ отечество, то у него хватаетъ наивности принять на вѣру, будто-бы демонетезированіе серебра и господство золота въ Англіи привели къ превращенію пахотныхъ полей въ пастбища, къ одича-

*) Сокальскій «Реформа на очереди». Срав. Слонимскаго «Споры о денежной реформы».

нію природы и людей, увеличенію безземельнаго и бездомнаго пролетаріата. Кажется, это самыя страшныя бѣды изъ всѣхъ разразившихся надъ Англіей вслѣдствіе господства золотыхъ денегъ. Эти страшныя бѣды вызваны на сцену для краснорѣчивой характеристики того разлагающаго вліянія золотой валюты, которое можетъ угрожать Россіи, если у насъ восторжествуютъ сторонники золотыхъ денегъ. Однако, если мы и допустимъ, что въ Англіи пало сельское хозяйство, одичали природа и люди отъ господства золотого обращенія, то для насъ это «разлагающее вліяніе золотой валюты» является запоздавшей угрозой. Золотыя деньги не могутъ намъ угрожать тѣмъ, что мы переживаемъ, если не пережили уже—и безъ помощи разрушительныхъ золотыхъ денегъ.

Нашъ югъ и такъ уже пострадалъ отъ одичанія природы. Для примѣра мы приводили уже описаніе Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи, одной изъ сравнительно благодатныхъ губерній. Въ Острогожскомъ уѣздѣ «измѣнился, видимо, не одинъ климатъ; измѣнились и почва, и рѣки, и растительность, и развитіе всего этого пошло не въ положительную, а въ отрицательную сторону. Вслѣдъ за истребленіемъ лѣсовъ, пошло сильнѣйшее ухудшеніе злачныхъ и травянистыхъ растеній. Полезныя растенія замѣняются вредными. Мѣстность почти потеряла свой прежній характеръ, благодаря ослабленію главнаго ея признака—травы. Всюду—и на поляхъ, и на пастбищахъ, и на суходольныхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ—злаки, кормовыя травы вытѣсняются бурьянами и сорными растеніями... Къ этому можно прибавить еще, что такія-же сильнѣйшія измѣненія произошли и въ фаунѣ. И пернатые, и четвероногіе обитатели края частью совершенно исчезли, а частію быстро исчезаютъ. И тутъ то же, повидимому, происходитъ, что и въ растительномъ царствѣ: полезные представители животнаго царства замѣняются вредными, каковы: сусликъ, гессенская муха и проч. Однимъ словомъ, то, что нужно человѣку, становится съ каждымъ годомъ все большею и большею рѣдкостью; и наоборотъ, ненужное все сильнѣе и сильнѣе мѣшаетъ сельскому хозяйству, усложняя борьбу землевладѣльца съ природой» *).

Острогожскій уѣздъ не является исключительной, почему-либо пострадавшей мѣстностью благодатнаго юга. Г. Слонимскій, конечно, не будетъ обвинять насъ въ стремленіи къ излишнимъ обобщеніямъ, если вспомнитъ прекрасную книгу проф. Докучаева «Наши степи». Въ этой книгѣ наши степи обрисованы такими, какими онѣ прежде были и какими они теперь стали. Теперь въ степяхъ природа такъ-же одичала, какъ и въ Острогожскомъ уѣздѣ. Наши степи, однако, обнимаютъ только нѣсколько губерній. Къ сожалѣнію, и въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи природа не устояла. Авторъ извѣстной книги «Неурожай и общественное бѣдствіе» мастерски обрисовалъ картину печальныхъ измѣ-

*) «Крестьянское хозяйство по Острогожскому уѣзду», стр. 10, 11 и 14.

ненiй въ природѣ чуть-ли не на пространствѣ всей Европейской Россiи. Въ то-же самое время вся книга не оставляетъ никакого сомнѣнiя на счетъ взглядовъ автора на дѣйствительное положенiе массъ населенiя. Въ Россiи умираетъ въ 9,4 раза больше, чѣмъ въ Европѣ. Смертность особенно рѣзко проявляется среди низшихъ возрастныхъ группъ. Изъ общаго числа всѣхъ родившихся 26,9% не доживаетъ и до одного года. Тѣ, которые переживаютъ дѣтскiй возрастъ, въ годы цвѣтущей юности обнаруживаютъ признаки физической дряблости и вырожденiя. Къ исполненiю воинской повинности призывается цвѣтъ русскаго юношества. Призывные списки довольно точно характеризуютъ это юношество. Изъ всѣхъ призывавшихся въ перiодъ съ 1885 по 1889 годъ оказались годными къ прохожденiю службы до 61,2%. 13,5% были вовсе освобождены отъ службы по болѣзнямъ и тѣлеснымъ недостаткамъ. 21,5% получили отсрочку по слабости и невозмужалости. 3,8% были освобождены по недостатку роста, по слабости и невозмужалости, не смотря на то, что имъ уже дана была двухлѣтняя отсрочка для поправленiя. Такимъ образомъ, офицiальныя данныя не оставляютъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что 2/5 молодыхъ людей призывного возраста оказываются уже слишкомъ пострадавшими отъ тѣхъ неблагопрiятныхъ условiй, которыя приходится переживать одному поколѣнiю, выступающему на смѣну другого поколѣнiя. Отчеты земскихъ врачей, публикуемые во всеобщее свѣдѣнiе съ одобренiя губернскаго начальства, насъ ближе знакомятъ съ этими условiями смѣны одного поколѣнiя другимъ. Такъ, напр., врачъ Богдановъ въ своей извѣстной работѣ «Опытъ количественнаго и качественнаго анализа крестьянской пищи крестьянъ Кирсановскаго уѣзда» говоритъ слѣдующее: «стòитъ только присмотрѣться къ здѣшнему населенiю, какъ сейчасъ-же убѣдишься въ неблестящемъ его положенiи: народъ все низкорослый, малосильный, болѣзненный, неспособный къ продолжительному, сколько-нибудь значительному напряженiю, настойчивому труду. Здѣсь есть такiя села, жителей которыхъ никто не беретъ въ работники, вслѣдствiе ихъ вялости и неспособности къ труду. Женщины тутъ блѣдны, некрасивы, плохо сложены, очень рано старѣются, часто родятъ мертвыхъ дѣтей и еще чаще выкидываютъ. Дѣти почти всѣ сплошь золотушны, истощены, блѣдны, постоянно болѣютъ. Постоянно слышишь обвиненiя здѣшнихъ крестьянъ въ дикости, грубости, непробудномъ пьянствѣ, лѣности, неспособности къ труду и проч.». Все это является совершенно понятнымъ и неизбѣжнымъ при настоящемъ питанiи крестьянъ, которому присвоено названiе «недоѣданiя». Послѣдствiя такого питанiя должны были обнаружиться въ разныхъ формахъ и отношенiяхъ. «Недостаточное питанiе, какъ справедливо замѣчаетъ г. Марресъ, не ограничиваетъ своего рокового влiянiя областью матерiальныхъ интересовъ страны, но оставляетъ глубокiе слѣды на всемъ умственномъ

и нравственномъ складѣ ея обывателей. Физіологическое обѣдненіе захватываетъ вообще всякую органическую ткань, въ томъ числѣ и нервную, которая также перестаетъ въ этомъ случаѣ продолжительно и равномѣрно функціонировать. Соотвѣтственно этому наблюдается перемѣна и во всемъ строѣ психическихъ отправленій человѣка; каждое такое отправленіе начинаетъ терять въ полнотѣ, быстротѣ и энергіи: вниманіе ослабляется, воля парализуется, нравственная сила въ большей или меньшей степени падаетъ. Съ ослабленіемъ жизненнныхъ силъ человѣкъ испытываетъ тяжелыя внутреннія состоянія, которыя заставляютъ его настойчиво прибѣгать къ возбуждающимъ средствамъ, поэтому пьянство есть обычный спутникъ длящейся бѣдности. Истощеніе быстро идетъ впередъ и все болѣе и болѣе развиваетъ въ человѣкѣ недовольство, раздражительность, грубость, даже жестокость. Наша народная жизнь не чужда и этихъ печальныхъ явленій» *).

Всѣ эти измѣненія въ природѣ и въ жизни массъ населенія не относятся къ числу какихъ-либо новѣйшихъ спорныхъ открытій. Г. Слонимскому должно быть извѣстно, что они офиціально признаны и удостовѣрены. Если ихъ нельзя признать желательными и благопріятными, то нельзя ихъ признать и угрожающими лишь въ томъ случаѣ, если-бы въ Россіи было введено золотое обращеніе. Въ этомъ отношеніи планы о водвореніи золотого обращенія не встрѣчаютъ никакихъ препятствій. Противники золотого обращенія перепутали хронологію и угрожаютъ въ будущемъ тѣмъ, что уже стало историческимъ фактомъ. Они путаютъ настоящее съ возможнымъ будущимъ до того, что пожалуй скоро признаютъ золото угрожающимъ превращенію Россіи въ страну безграмотныхъ. Если-бы золотыя деньги вообще, по самой своей природѣ, обладали страшной разорительной силой, то сторонники золотого обращенія всегда могутъ поставить въ безвыходное положеніе своихъ противниковъ, предложивъ имъ отвѣтить на вопросъ о томъ, какими *новыми* бѣдами могла-бы угрожать Россіи эта предполагаемая разрушительная сила? Такихъ бѣдъ не имѣется—и съ отрицательной стороны планъ о водвореніи золотого обращенія является неуязвимымъ. Сторонники золотого обращенія могутъ идти даже на крайнія уступки и заявить, что разъ худшаго быть не можетъ, то почему-же не попытать счастья, авось будетъ лучше? Они глубоко вѣрятъ, что будетъ лучше. Они признаютъ, что превращеніе «бумажной» Россіи въ «золотую» Россію насадитъ счастье и блаженство среди обывателей. Но вѣдь такъ восхваляютъ свои деньги и сторонники законныхъ серебряныхъ рублей и національно-нравственныхъ бумажныхъ рублей. Слѣдовательно, положительная сторона въ планахъ о возстановленіи золотого

*) „Пища народныхъ массъ въ Россіи“.

обращенія можетъ быть самымъ слабымъ или самымъ сильнымъ пунктомъ, но она является пунктомъ общимъ во всѣхъ планахъ денежной реформы. И сторонники золотыхъ рублей, и сторонники серебряныхъ рублей, и сторонники бумажныхъ рублей—всѣ одинаково утверждаютъ, что предлагаемыя ими деньги возродятъ отечество и среди обывателей населятъ и счастье, и миръ, и блаженство.

Тѣ и другіе и третьи, конечно, фантазируютъ и строятъ воздушные замки. Между деньгами и богатствомъ существуетъ крупное различіе. Функціи и назначеніе денегъ въ общественномъ хозяйствѣ теперь въ любой культурной странѣ извѣстны всякому среднему человѣку. У насъ же «публицисты» и «писатели» до сихъ поръ настолько ознакомлены съ функціями и назначеніемъ денегъ, что, по понятіямъ добраго стараго времени, отождествляютъ деньги съ богатствомъ и, наоборотъ, богатство съ деньгами. Только такими взглядами изобрѣтателей денегъ, подходящихъ для отечества, и можно себѣ объяснить ихъ наивную увѣренность въ томъ, что предлагаемыя ими деньги изъ такого-то матеріала (золота, серебра, бумаги) обладаютъ чудодѣйственной творческой силой. По ихъ мнѣнію, стоитъ только завести такія деньги (каждый рекомендуетъ свой матеріалъ) и въ Россіи станутъ рости фабрики и заводы, какъ грибы послѣ дождя, оживутъ нивы и луга, пойдутъ урожаи и бѣдность на Руси станетъ достояніемъ исторіи. Перспектива, конечно, настолько заманчивая, что для ея достиженія можно рискнуть на всякіе опыты. Между изобрѣтателями чудодѣйственныхъ денегъ споръ идетъ только о матеріалѣ. Одни признаютъ, что небывалой созидательной силой обладаютъ деньги изъ золота, другіе говорятъ, что сказочной творческой силой награждены деньги изъ серебра, а третьи настоятельно предлагаютъ испытать чудодѣйственную силу денегъ изъ бумаги. Можно было-бы постепенно испробовать силу тѣхъ и другихъ и третьихъ денегъ, авось-либо кто-нибудь изъ изобрѣтателей окажется правымъ. Къ сожалѣнію, такіе опыты перехода отъ одной денежной системы къ другой, а отъ другой къ третьей неосуществимы. Нельзя по усмотрѣнію мѣнять денежные системы и вводить въ любое время ту именно денежную систему, какая въ данный моментъ представляется наиболѣе заманчивой. Опытъ все равно не удастся.

Положимъ, въ данное время въ Россіи существуетъ бумажно-денежное обращеніе. Разнымъ изобрѣтателямъ денегъ, подходящихъ для отечества, кажется, что бумажныя деньги въ Россіи могутъ быть замѣнены, по усмотрѣнію, золотомъ или серебромъ. Нѣтъ спора, отъ бумажныхъ денегъ необходимо избавиться, но отъ нихъ нельзя освободиться такъ скоро и просто, какъ-бы того многимъ хотѣлось. Г. Гурьевъ признаетъ, что бумажныя деньги «сладкій ядъ», и говоритъ о сладости этого «страшнѣйшаго изъ ядовъ и для правительства и для населенія» *). Не мѣшаетъ

*) „Новое Время", 14 апрѣля 1895 г.

вспомнить, что такъ говорилъ еще графъ Канкринъ. Онъ называлъ бумажныя деньги «сладкимъ ядомъ». Но сколько съ тѣхъ поръ было выпито этого «сладкаго яда» и притомъ «страшнѣйшаго изъ ядовъ»!.. Самый сильный организмъ, при всѣхъ прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, долженъ былъ пошатнуться и зачахнуть. На самомъ-же дѣлѣ и всѣ эти прочія условія были не особенно благопріятны и сложились теперь весьма опредѣленно. Поэтому, вполнѣ умѣстнымъ является вопросъ о томъ, можно-ли съ удобствомъ отдѣлаться отъ сладкаго яда? Если этотъ вопросъ вообще не лишенъ интереса, то онъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что многимъ «публицистамъ» кажется, что отечество ко всему подготовлено. Самое-же разногласіе въ ихъ лагерѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что отечество можно считать подготовленнымъ и къ деньгамъ изъ бумаги, и къ деньгамъ изъ серебра, и къ деньгамъ изъ золота. Однако, для тѣхъ, другихъ и третьихъ денегъ требуется разная степень подготовленности. Если отечество теперь подготовлено къ бумажнымъ деньгамъ, то оно неподготовлено къ деньгамъ золотымъ и серебрянымъ. Сторонники двухъ послѣднихъ денегъ могутъ доказывать, что самое возбужденіе такихъ вопросовъ является оскорбительнымъ для силы и славы отечества, что, конечно, при модѣ на извѣстные намеки очень легко. Г. Слонимскій поступаетъ болѣе практично и болѣе благородно, возлагая надежды на помощь «друзей». Заговоривъ о разныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ заграничныхъ кредиторовъ, г. Слонимскій для успокоенія добавляетъ: «что касается Россіи, то къ ней, разумѣется, непримѣнимы соображенія о пагубной роли заграничныхъ кредиторовъ, особенно теперь, когда обязательства по нашимъ внѣшнимъ займамъ размѣщены главнымъ образомъ между многочисленными рантьерами дружественной намъ Франціи. Будучи должниками французовъ, мы легче и скорѣе, чѣмъ когда-либо, можемъ возстановить у насъ значеніе серебра, какъ законнаго платежнаго средства въ виду признанія монетной годности этого металла въ самой Франціи» *). Конечно, на счетъ помощи друзей нужно знать честь и мѣру. Эти надежды на помощь всегда свидѣтельствуютъ о слабости своихъ собственныхъ силъ. Г. Слонимскому и слѣдовало-бы озаглавить свою статью такъ: «Проектъ возстановленія въ отечествѣ законныхъ серебряныхъ рублей при помощи его друзей-французовъ». Однако, представимъ себѣ, что французы признаютъ, что они уже достаточно доказали свою дружбу и что въ новыхъ доказательствахъ они не усматриваютъ ни надобности, ни пользы. Въ такомъ случаѣ въ приведенной цитатѣ изъ размышленій г. Слонимскаго о монетномъ благоустройствѣ отечества послѣ словъ: «будучи должниками французовъ мы», нужно вставить два слова: «все-таки не» и предъ словомъ «скорѣе» еще разъ повторить *не*.

*) „Споръ о денежной реформѣ“ въ 8 кн. „Вѣстн. Европы“ за 1895.

Самъ «Вѣстникъ Финансовъ» въ этомъ отношеніи расходится съ авторомъ проектовъ о легкомъ и быстромъ монетномъ благоустройствѣ отечества. Дѣло представляется далеко не легкимъ. Въ № 21-мъ «Вѣстникъ Финансовъ» категорически заявляетъ, что «неудовлетворительность неразмѣннаго бумажно-денежнаго обращенія едва-ли требуетъ особыхъ доказательствъ; оно единогласно осуждено и теоріей, и практикой, и во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ въ силу вещей установилось такое обращеніе, на короткіе или продолжительные сроки, переходъ къ нормальному денежному обращенію, хотя-бы цѣною крупныхъ государственныхъ и народно-хозяйственныхъ жертвъ, всегда составлялъ, въ періоды сколько-нибудь благопріятствовавшіе возможности такого перехода, одну изъ главнѣйшихъ заботъ правительства». Значитъ, отъ бумажныхъ денегъ нельзя отдѣлаться простымъ воздержаніемъ отъ впусканія въ общественное хозяйство «страшнѣйшаго изъ ядовъ», а всякую попытку къ эмансипаціи отъ разорительныхъ денегъ приходится оплачивать напряженіемъ силъ государства и народа. По мнѣнію «Вѣстника Финансовъ», это напряженіе особенно обостряется въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ «періодъ дѣйствія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ былъ продолжителенъ, выпуски значительны и лажъ сравнительно высокъ. Здѣсь неизбѣжны гораздо болѣе значительныя жертвы на возстановленіе нормальнаго обращенія, сложнѣе подготовительныя мѣры и *чрезвычайно опаснѣе неудачи, такъ какъ онѣ вызываютъ новыя и еще болѣе тяжкія потрясенія*». Россія, безспорно, принадлежитъ къ числу тѣхъ странъ, въ которыхъ періодъ дѣйствія бумажныхъ денегъ весьма продолжителенъ, выпуски этихъ денегъ чрезмѣрно велики и лажъ всегда былъ необыкновенно высокъ. Въ такихъ странахъ бумажныя деньги, будучи разорительными въ процессѣ ихъ функціонированія, угрожаютъ новымъ разореніемъ при попыткѣ къ ихъ устраненію въ интересахъ перехода къ нормальному денежному обращенію. Положимъ, что такое добавочное разореніе угрожаетъ лишь въ случаѣ неудачи, но вѣдь и для этого разоренія нужны матеріалы и силы, надъ которыми оно могло-бы разразиться. Значитъ, и на явно неудачный, неуспѣшный опытъ прощанія съ бумажными деньгами нельзя идти съ голыми руками. Быть можетъ, попытки къ переходу отъ бумажныхъ денегъ къ нормальному денежному обращенію для многихъ представляются игрой въ удачу и неудачу (четъ и нечетъ), но и изъ такой доморощенной теоріи вытекаетъ только тотъ одинъ выводъ, что та или иная система денежнаго обращенія ищетъ достойной для себя страны. Страна приспособляется къ установившемуся денежному обращенію, такъ или иначе его переживаетъ, но и денежное обращеніе устанавливается и упрочивается тоже примѣнительно къ данной странѣ. Та или иная система денежнаго обращенія находится въ полной гармоніи съ ея общимъ положеніемъ. Необходимо помнить,

что различныя системы денежнаго обращенія не являются результатомъ какихъ-нибудь искусственныхъ и произвольныхъ комбинацій. Та или иная система денежнаго обращенія диктуется всей совокупностью условій соціальныхъ, экономическихъ и политическихъ, и удерживается на уровнѣ этихъ условій *).

Эта простая истина игнорируется во всѣхъ «публицистическихъ» и обывательскихъ размышленіяхъ о монетномъ благоустройствѣ отечества. Она указываетъ, откуда слѣдуетъ начинать дѣло, и изобличаетъ всю наивность изобрѣтателей, предлагающихъ насадить блаженство среди обывателей при помощи одной денежной реформы. Зависимость денежной системы отъ всѣхъ указанныхъ условій не позволяетъ считать прощаніе съ бумажными деньгами дѣломъ простого усмотрѣнія, возможнымъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Наши предки временъ Михаила Өеодоровича имѣли болѣе ясное представленіе о смѣнѣ системъ денежнаго обращенія, чѣмъ ихъ потомки въ концѣ XIX столѣтія. Бояре при Михаилѣ Өеодоровичѣ должны были дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, чѣмъ можно исправить разстроенное денежное обращеніе. Въ своемъ отвѣтѣ они, между прочимъ, говорили: «во многихъ государствахъ торговали мѣдными или кожанными деньгами и теперь мѣдными торгуютъ мало, не вездѣ, а *какъ скоро которое государство поисправится, то тамъ и деньги поправляются*». Этотъ отвѣтъ бояръ слѣдуетъ помнить всѣмъ, поспѣшно сдающимъ бумажныя деньги въ архивъ и завѣщающимъ ихъ въ наслѣдство любопытнымъ историкамъ **).

П. Кузнецовъ.

---

*) Детально и популярно этотъ вопросъ изложенъ въ недавно вышедшей книгѣ Poinsard'а „La question monètaire dans ses rapports avec la condition sociale des divers pays et avec les crises èconomiques“ Paris 1895.

**) Считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку относительно устойчивости курса на рубли и прекращенія биржевой игры на рубли. «*Русск. Вѣдомости*» недавно утверждали, что рубль теперь на биржѣ неуязвимъ и пріобрѣлъ (собственной силой?) замѣчательную устойчивость. Интересное указаніе на этотъ счетъ мы находимъ въ оффиціальномъ «Bulettin russe de statistique financière». Въ № 3 Bulettin'я за 1895 г. на стр. 101-й сказано: «Les écarts—d'un mois à l'autre—n'excédent pas un demi pour cent ($1^1/_2\%$). Sans doute il a fallu pour cela que le ministére ne reculât pas devant l'achat de toutes les quantités de roubles»...

Метеоритное происхожденіе Австраліи и наклоненіе земной оси.

Les merveilles de la flore primitive. Etude raisonnée de la formation des plantes et des phenomènes qui ont provoqué et accompagné le developpement des forêts de la période houillère suivie d'une note sur la chute de l'Australie comme masse météorique, par *A. Froment.* Genève—Paris. 1895.

Въ февралѣ 1872 года въ одномъ изъ засѣданій географическаго общества нѣкто Дюфренъ высказалъ мысль, что материкъ Австраліи представляетъ собою метеоритную массу, упавшую на земной шаръ въ одну изъ минувшихъ геологическихъ эпохъ. Книга А. Фромана посвящена развитію этой любопытной гипотезы. Авторъ, на основаніи многочисленныхъ данныхъ изъ области палеонтологіи растеній, приходитъ къ заключенію, что паденіе Австраліи произошло въ сравнительно недавній геологическій періодъ. Связь между явленіями столь разнородныхъ областей, какъ образованіе новаго материка и развитіе растительнаго міра, онъ устанавливаетъ съ помощью вводной гипотезы наклоненія земной оси, которое было послѣдствіемъ столкновенія земного шара съ метеоритомъ и произвело перемѣны въ климатахъ и другихъ условіяхъ жизни первобытной флоры. Такимъ образомъ гипотеза Дюфрена въ обработкѣ А. Фромана пріобрѣтаетъ универсальный характеръ, объединяя множество разнородныхъ явленій, а нѣкоторые органы русской печати уже поспѣшили дать ей широкую огласку въ качествѣ новой геологической теоріи.

Книга А. Фромана болѣе популярная, чѣмъ научная. Авторъ рисуетъ довольно изящную перспективу развитія растительности на земномъ шарѣ, начиная съ мельчайшихъ, простѣйшихъ грибковъ и водорослей, кишѣвшихъ на поверхности суши и въ глубинѣ водъ первичныхъ эпохъ и кончая древовидными папоротниками, гигантскими хвощами, сигилля-

ріями, каламитами, лепидодендронами, составлявшими могучіе лѣса каменноугольнаго періода, и представителями современныхъ типовъ. Онъ подробно изслѣдуетъ условія жизни растеній, столь различныя отъ современныхъ, иллюстрируя свои выводы итересными примѣрами изъ наблюденій надъ современной флорой. Впрочемъ, въ научномъ отношеніи все это не представляетъ интереса новизны и все научное значеніе книги,—если она таковое имѣетъ,—заключается въ объясненіи измѣненія климатовъ земного шара.

Въ отдаленныя геологическія эпохи, начиная съ перваго появленія на землѣ живыхъ существъ, по остаткамъ которыхъ мы можемъ судить о температурѣ окружавшей ихъ среды, и кончая третичнымъ періодомъ, не существовало современнаго распредѣленія климатовъ. На всемъ земномъ шарѣ царствовалъ однообразный климатъ, именно, климатъ современныхъ тропиковъ. Въ зависимости отъ этого флора и фауна всѣхъ поясовъ была однообразно—тропическая, и, въ извѣстныя эпохи своего появленія на землѣ, пальмы, бамбуки и древовидные папоротники росли на берегахъ Гренландіи такъ-же роскошно, какъ и на берегахъ Индостана. Этотъ поразительный фактъ извѣстенъ въ геологіи подъ названіемъ «палеотермическаго феномена». Онъ неопровержимо доказывается не столько ископаемыми остатками тропическихъ деревьевъ, находимыми въ полярныхъ странахъ, сколько однообразнымъ распространеніемъ во всѣхъ поясахъ земного шара коралловыхъ отложеній. Да, когда-то Ледовитый океанъ былъ коралловымъ моремъ и на его берегахъ росли лѣса изъ пальмъ и бамбуковъ! Чтобы коралловый полипъ Lythostrotion могъ существовать въ тѣхъ полярныхъ широтахъ, гдѣ его находятъ въ ископаемомъ видѣ, вода полярныхъ морей должна была имѣть настоящую температуру не ниже 20 градусовъ, а о полярныхъ льдахъ не могло быть и рѣчи.

Чтобы объяснить это загадочное явленіе, А. Фроманъ допускаетъ, что въ теченіе всѣхъ упомянутыхъ эпохъ ось вращенія земного шара оставалась перпендикулярною къ плоскости земной орбиты. Въ такомъ положеніи всѣ поясы земного шара, отъ полюсовъ до экватора пользовались-бы круглый годъ полнымъ равенствомъ дня и ночи и всегда одинаковой температурой; въ полярныхъ и умѣренныхъ странахъ не было-бы зимы и, вообще, не существовало-бы временъ года, и всѣ мѣстности на землѣ находились-бы всегда неизмѣнно въ томъ положеніи по отношенію къ солнцу, въ какомъ онѣ нынѣ находятся въ дни равноденствія. Однако того количества тепла, которое современное солнце въ эти дни посылаетъ на полюсы, было-бы недостаточно, чтобы поддерживать въ полярныхъ странахъ постоянную температуру не ниже 20 градусовъ, и А. Фроманъ вынужденъ допустить, что солнце въ тѣ времена само обладало болѣе высокою температурою и нагрѣвало земной шаръ на нѣ-

сколько градусовъ сильнѣе, чѣмъ теперь. Вмѣстѣ съ этой вводной гипотезой онъ долженъ былъ допустить и необходимое слѣдствіе ея, а именно, что, при температурѣ полюсовъ въ 20—25 градусовъ, температура тропиковъ не могла быть ниже 60—65 градусовъ. Мы покажемъ впослѣдствіи, куда завело автора это логическое слѣдствіе его теоріи, а пока прослѣдимъ вмѣстѣ съ нимъ второстепенныя условія, способствовавшія развитію тропической растительности внутри полярнаго круга.

Значительный жаръ въ экваторіальномъ поясѣ способствовалъ усиленному испаренію воды и поддерживалъ постоянныя воздушныя теченія между экваторомъ и полюсами. Въ полярныя страны обильно притекалъ воздухъ тропиковъ, насыщенный влагою и электричествомъ,—послѣднее было естественнымъ слѣдствіемъ усиленнаго испаренія воды. Грозовыя облака поддерживали постоянные электрическіе токи въ атмосферѣ; эти слабые токи проходили сквозь ткани растеній, оживляя и ускоряя ихъ жизненные процессы. Частыя грозы способствовали образованію въ атмосферѣ азотистыхъ соединеній, насыщали ими почву и въ изобиліи доставляли корнямъ растеній эту изысканную пищу. Наконецъ, первобытная атмосфера земного шара, отягощенная избыткомъ углекислоты, дозволяла листьямъ усвоивать громадныя количества углерода и доставляла достаточно матеріала для быстраго роста лѣсныхъ великановъ. Всѣ эти условія имѣютъ не меньшее значеніе въ жизни растеній, чѣмъ температура воздуха, и при наличности ихъ, можно принять, что климатъ первобытныхъ полярныхъ областей былъ значительно ниже современнаго тропическаго и не превышалъ нормы въ 20—25 градусовъ, безъ всякаго ущерба для развитія роскошной флоры.

Разумѣется, эти условія болѣе или менѣе видоизмѣнялись съ теченіемъ времени: избытокъ углекислоты потреблялся растеніями, влажность и напряженіе электричества въ атмосферѣ становились то больше, то меньше, въ зависимости отъ расположенія и относительнаго протяженія суши и морей. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялся и характеръ древней полярной флоры. Независимо отъ этого растительность всего земного шара видоизмѣнялась сама въ себѣ, подчиняясь біологическимъ законамъ развитія и совершенствованія: число растительныхъ видовъ съ теченіемъ времени увеличивалось, простѣйшіе, хотя и могучіе представители первобытной флоры уступали свое мѣсто болѣе сложнымъ и изящнымъ формамъ. Тѣмъ не менѣе растительность полярныхъ и умѣренныхъ странъ сохраняла, въ общемъ, свой первобытный тропическій характеръ почти до конца третичнаго періода, а именно до міоценовой эпохи включительно. Но въ послѣдующую, пліоценовую эпоху мы уже не встрѣчаемъ тропической флоры въ высокихъ широтахъ, и вообще находимъ уже установившееся распредѣленіе растительности земного шара по климатическимъ поясамъ, вполнѣ сходное съ современнымъ. Причину этой рѣзкой пере-

мѣны климатическихъ условій А. Фроманъ, какъ уже извѣстно читателю, ищетъ въ столкновеніи земного шара съ громаднымъ метеоритомъ, которое и отклонило земную ось на $23^1/_2$ градуса отъ первоначальнаго направленія, а самого виновника этой катастрофы онъ усматриваетъ въ метеоритѣ, составляющемъ современную Австралію.

Разсужденіе А. Фромана краснорѣчиво и послѣдовательно, какъ рѣчь талантливаго прокурора. Оно переполнено научными фактами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько въ немъ гипотезъ! — и гипотезъ, не имѣющихъ иного права на существованіе, кромѣ того, что онѣ понадобились автору, какъ deus ex machina: прямое положеніе земной оси, уменьшеніе температуры солнца, внезапное склоненіе земной оси, толчокъ, полученный земнымъ шаромъ извнѣ и, въ результатѣ, привлеченіе Австраліи къ отвѣтственности въ этомъ гипотетическомъ дѣйствіи. Ни одинъ присяжный ученый не придалъ-бы ни малѣйшей цѣны такому проблематичному обвиненію даже въ томъ случаѣ. если-бы оно ни въ чемъ не противорѣчило существующимъ научнымъ даннымъ. Но теорія А. Фромана настолько противорѣчитъ имъ, что при первой очной ставкѣ разсыпается въ прахъ и оставляетъ въ безпристрастномъ судьѣ только убѣжденіе въ слабомъ знакомствѣ автора съ геологіею.

«Палеотермическій феноменъ», выражающійся всего рѣзче въ присутствіи ископаемыхъ остатковъ тропической растительности на высокихъ широтахъ, имѣетъ много объясненій. Въ числѣ ихъ предлагалось и измѣненіе направленія земной оси, но не внезапное, а медленное. И дѣйствительно, многочисленныя наблюденія доказываютъ, что климатическія границы опредѣлялись крайне медленно и постепенно, въ теченіе цѣлаго ряда геологическихъ эпохъ. Уже въ юрской системѣ замѣчается расположеніе ископаемой растительности по климатическимъ поясамъ. А въ началѣ третичнаго періода, то есть гораздо раньше предполагаемой А. Фроманомъ катастрофы, поясы опредѣлились настолько ясно, что Осв. Гееръ имѣлъ возможность точно опредѣлить среднюю температуру воздуха отдѣльныхъ европейскихъ странъ. По вычисленіямъ того-же ученаго, основаннымъ на массѣ ископаемыхъ вещественныхъ доказательствъ, температура этихъ странъ къ началу пліоценовой эпохи понизилась всего на *два* градуса. А нашъ авторъ нашелъ въ этомъ моментѣ поворотный пунктъ геологической исторіи всего земного шара. На самомъ дѣлѣ упадокъ первобытной полярной растительности начался тремя геологическими періодами раньше и окончательно завершился лишь къ началу современнаго, четвертичнаго періода, т. е. цѣлою эпохою позже.

Итакъ, вотъ одинъ рядъ геологическихъ фактовъ, противорѣчащихъ теоріи А. Фромана. Но есть еще другой рядъ фактовъ, вполнѣ опровергающихъ его заключенія. Сторонники гипотезы первобытной высшей температуры солнца принуждены были прибѣгнуть къ помощи экваторіаль-

ныхъ ледниковъ, которые должны были смягчать невыносимый жаръ подъ тропиками; но они не могли доказать существованія этихъ ледниковъ. А. Фроманъ принимаетъ первобытный тропическій жаръ во всемъ его убійственномъ значеніи, но ссылается на свое изслѣдованіе, въ которомъ онъ будто-бы доказалъ, что тропическія отложенія каменнаго угля новѣе полярныхъ. Но вѣдь тропическія страны хранятъ въ своей почвѣ растительные и животные остатки цѣлаго ряда геологическихъ періодовъ, предшествовавшихъ пліоценовой, почти современной эпохѣ, и Фроманъ совершенно не въ состояніи доказать, что геологическая исторія тропическихъ странъ начинается только съ эпохи пліоцена.

Чтобы покончить съ этой удивительной теоріей, мы позволимъ себѣ привести объясненіе «палеотермическаго феномена», предложенное Блаиде и принятое геологами Аршіакомъ, Сапорта и Лаппараномъ. Согласно теоріи Лапласа, солнце въ отдаленныя времена имѣло несравненно большій діаметръ, чѣмъ теперь, его поверхность была, по этому самому, ближе къ землѣ, но его лучи обладали менѣе интенсивною температурою; оно равномѣрно сжималось, его поверхность удалялась отъ земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ температура солнечной массы постепенно повышалась. То же самое слѣдуетъ и изъ теоріи Фая. Если мы допустимъ, что въ геологическія эпохи солнце обладало еще значительно большимъ діаметромъ, чѣмъ нынѣ, то увидимъ, что оно должно было изливать на земной шаръ не близкіе къ параллельнымъ, а явственно сходящіеся лучи и освѣщать въ каждый моментъ болѣе половины земного шара, оставляя въ тѣни значительно меньшую часть его. Солнечные лучи, какъ и теперь, падали на экваторъ отвѣсно и грѣли сильнѣе, а на полюсы—наклонно и грѣли менѣе интенсивно, но за то умѣренныя и, въ особенности, полярныя области въ общей сложности, за годъ, пользовались большею продолжительностью дня. Достаточно указать, что при величинѣ видимаго діаметра солнца въ 47° обитатели обоихъ полюсовъ земного шара видѣли-бы круглый годъ незаходящее солнце. Удовольствовавшись несравненно меньшими размѣрами солнца, но принявъ въ разсчетъ удлиненіе дня сумерками въ высокихъ широтахъ, иную, чѣмъ нынѣ, теплопрозрачность и теплоемкость воздуха, вліяніе воздушныхъ и морскихъ теченій при отсутствіи препятствій и для этихъ послѣднихъ въ видѣ современныхъ материковъ,—мы имѣемъ полнѣйшее объясненіе *одинаково* теплаго климата на всемъ земномъ шарѣ. Это объясненіе кстати сказать, давно уже примѣняется астрономіею къ факту наблюдаемой неизмѣнности солнечной температуры и съ этой точки зрѣнія математически изслѣдовано Гельмгольцемъ.

Послѣ всего сказаннаго для читателя, надѣемся, ясно, что метеоритное происхожденіе Австраліи имѣетъ столь-же мало отношенія къ дѣйствительной исторіи растительнаго міра. Но это, разумѣется, не умень-

шаетъ самостоятельнаго научнаго значенія гипотезы Дюфрена, — если она таковое имѣетъ. Посмотримъ, однако, какіе доводы представитъ намъ этотъ послѣдній авторъ.

«Подвергнемъ,—говоритъ онъ въ своемъ докладѣ,—краткому изслѣдованію физіологію этого случайнаго материка. Видимъ-ли мы здѣсь ту разнообразную зависимость между твердой землей и водами, которая въ прочихъ странахъ выражается въ почти методическомъ расположеніи рѣчныхъ бассейновъ и линій высотъ? Нѣтъ: у Австраліи были свои моря, свои океаны. Но толчокъ и уничтоженіе прежняго центра тяжести заставили ихъ выйти изъ прежняго ложа. На мѣстѣ ихъ остались озера, безъ воды, соляныя корки, прикрывающія почву изъ мягкаго ила, дюны, напоминающія наши береговыя дюны. За исключеніемъ части современной береговой полосы, гдѣ близкое сосѣдство съ моремъ, поддерживая большую, болѣе постоянную влажность, вновь соединило, спаяло составныя части этой массы, распавшейся на мѣстѣ своего крушенія, вся остальная поверхность только и представляетъ, что разсѣдины, щели, да трещины». «Въ Австраліи, продолжаетъ Дюфренъ, нѣтъ долинъ, а есть только овраги, нѣтъ рѣкъ, есть только *крики*. Уничтожены естественныя водохранилища, питавшія ручьи. Теперь только дожди, въ извѣстныя эпохи, скорѣе затопляютъ, чѣмъ орошаютъ эту землю, упавшую съ неба, и покрываютъ ее быстро развивающеюся, но эфемерной растительностью. Въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ Боркъ видѣлъ роскошныя пастбища, изобиліе источниковъ, почву, пригодную для овцеводства и культуры разнообразныхъ растеній, Стортъ нашелъ каменистую пустыню, булыжники, да тощія колючія растенія, которыя составляютъ для изслѣдователя одно изъ самыхъ затруднительныхъ препятствій».

Вотъ буквально все, что А. Froманъ нашелъ въ докладѣ Дюфрена стоющимъ цитированія; никакихъ иныхъ доводовъ этого автора онъ не приводитъ, и, очевидно, другихъ доводовъ и не было въ докладѣ. Что сказать объ этомъ краткомъ, но энергичномъ разсужденіи? Пусть всѣ фактическія указанія Дюфрена безусловно вѣрны,—все-таки изъ нихъ ни мало не слѣдуетъ, что Австралія упала съ неба. Напротивъ, они сами содержатъ достаточный матеріалъ для болѣе простого объясненія указанныхъ докладчикомъ особенностей австралійскаго материка. Въ странѣ, періодически затопляемой и затѣмъ переживающей долгій періодъ засухи, логически слѣдуетъ ожидать найти трещины и разсѣлины почвы, овраги, пересыхающія рѣки, высохшія озера и колючія растенія. Все это наблюдается въ другихъ странахъ (напр.. пересыхающія рѣки Аравіи). Почва, характеризующая дно морей, разумѣется, и доказываетъ то, что страна находилась подъ водой, а никакъ не то, что она блуждала въ небесномъ пространствѣ. Чтобы читатель могъ судить, такъ-ли это, мы попросимъ его позволенія сдѣлать маленькую экскурсію въ область геологіи.

Въ Австраліи найдены многочисленные виды ископаемой фауны, характерные для силурійской системы и находимыя въ отложеніяхъ этой системы въ остальныхъ странахъ, между прочимъ, и въ Европѣ (на Готландѣ, въ Богеміи и пр.). А это значитъ, что современная почва Австраліи составляла неотъемлемую часть земной коры въ одинъ изъ древнѣйшихъ геологическихъ періодовъ, въ тотъ періодъ, когда на землѣ появились живыя существа и стало возможнымъ по нхъ остаткамъ отличить кусокъ почвы отъ безжизненнаго куска метеорнаго камня. Судя по ископаемымъ, поверхность Австраліи въ то время составляла дно океана. Слѣдующій затѣмъ девонскій періодъ отличался преобладаніемъ ганоидныхъ рыбъ—и Австралія принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ странъ, гдѣ эта рыбья порода процвѣтаетъ до сихъ поръ въ рѣкахъ. Это уже намекъ на поднятіе надъ поверхностью океана. Каменноугольный періодъ оставилъ въ Австраліи громадныя массы ископаемыхъ представителей растительнаго царства, въ томъ числѣ много видовъ древовидныхъ папоротниковъ и пр. На основаніи изученія и сравненія ископаемой флоры, геологи пришли къ заключенію, что Австралія въ этотъ періодъ составляла одно географическое цѣлое съ Индіей и Африкой, такъ какъ эти двѣ страны имѣли съ нею несравненно болѣе общаго, чѣмъ съ Европой. Вся Индо-Австрало-Африканская область представляла собою архипелагъ довольно тѣсно скученныхъ острововъ. Къ началу слѣдующаго, пермскаго періода образовался материкъ, простиравшійся отъ Австраліи до Бразиліи; въ него были включены южная Африка и Индостанъ. На громадномъ протяженіи всего этого тропическаго материка—имя ему «Гондвана»—развилась однообразная флора, характеризовавшаяся исчезновеніемъ господствовавшихъ въ предшествовавшій періодъ лепидодендроновъ, сигиллярій и каламитовъ и преобладаніемъ гигантскихъ хвощей, хвойныхъ и древовидныхъ папортниковъ Glossopteris. Послѣдняя порода въ пермскій періодъ распространилась по всему материку и дала названіе всей его специальной флорѣ, а между тѣмъ родина ея — Австралія; тамъ она существовала еще въ теченіе каменноугольнаго періода. Такимъ образомъ Австралія въ теченіе пермскаго періода играла выдающуюся роль метрополіи всего громаднаго материка «Гондвана». Въ слѣдующій періодъ Тріаса порода Glossopteris исчезла въ Австраліи, но продолжала существовать въ Индіи. Послѣ того, въ юрскій періодъ море начало дѣлать бреши въ великомъ материкѣ, и отъ него отложилась южная Америка, а затѣмъ и Африка. Тѣмъ не менѣе въ юрскій періодъ Австралія оставалась въ связи съ Индіей и, такъ сказать, продолжала держать ее въ своемъ подданствѣ, что подтверждается многочисленными ископаемыми документами. Только къ началу четвертичнаго, современнаго періода мы находимъ Австралію въ видѣ вполнѣ и безспорно изолированнаго материка: въ ея лѣсахъ царствовали иско-

линскіе патріархи современныхъ сумчатыхъ, въ то время какъ въ остальныхъ странахъ свирѣпствовали пещерные медвѣди, махародусы, эласмотеріумы, мамонты и мастодонты наряду съ представителями современной, послѣ-ледниковой фауны.

Ни для кого, конечно, необязательно принимать на вѣру всѣ логическіе выводы, на которые мы намекнули въ этомъ краткомъ резюме. Но за теоріями стоитъ длинный рядъ наблюденій и вещественныхъ доказательствъ, хранящихся въ геологическихъ кабинетахъ. Каждое изъ нихъ имѣетъ свое частное, неопровержимое значеніе, и, какъ ни мало изучена Австралія сравнительно съ другими странами, все-же о ея происхожденіи свидѣтельствуетъ уже весьма солидное число документовъ. Въ виду ихъ едва-ли есть надобность еще изслѣдовать гипотезу метеоритнаго происхожденія Австраліи съ точки зрѣнія ея абсолютной возможности или невозможности.

Е. Чижовъ.

На Западѣ.

Результаты послѣднихъ выборовъ навсегда останутся памятными въ исторіи партій англійскаго парламента. Въ первый разъ въ теченіе всего настоящаго столѣтія консерваторы одержали такую громкую побѣду надъ либералами. Они имѣютъ въ палатѣ общинъ большинство въ 152 голоса! Эту побѣду однако нельзя смѣшивать съ торжествомъ консервативныхъ началъ и полнымъ дискредитированіемъ либеральныхъ началъ. Результаты выборовъ нельзя ставить въ зависимость отъ консервативнаго, ретрограднаго движенія въ Англіи, такъ какъ такого движенія наканунѣ выборовъ не существовало и теперь не существуетъ. Если-же при всемъ прогрессивномъ настроеніи общественнаго мнѣнія въ Англіи небывалую побѣду одержали консерваторы, то такой исходъ представляется непонятнымъ и удивительнымъ только съ точки зрѣнія программъ парламентскихъ партій на континентѣ. Дѣло въ томъ, что въ Англіи въ настоящее время быть либераломъ—значитъ быть сторонникомъ ирландской самостоятельности (гомруля), а быть консерваторомъ—значитъ быть противникомъ гомруля. Въ этомъ собственно и состоитъ принципіальное различіе программъ консервативной и либеральной партій. Для борьбы противъ гомруля консерваторы признали необходимымъ существенно измѣнить характеръ своей программы и своей политики. Желая доказать, что либералы—не либералы, а заговорщики противъ единства Англіи, они старались и своей программѣ, и своей дѣятельности придать именно либеральный, прогрессивный характеръ при помощи соціальныхъ и административныхъ реформъ. Съ принципіальной точки зрѣнія, принимая во вниманіе интересы массъ населенія, важно, чтобы борьба парламентскихъ партій, при господствѣ той или другой партіи, сводилась къ наиболѣе внимательному отношенію къ обездоленнымъ массамъ населенія. Трудно было-бы доказать, что гомруль, удовлетворяющій высшимъ началамъ справедливости, утратилъ свою обаятельность въ глазахъ массы населенія, но партія,

поставившая его во главѣ своей программы, была обречена на полнѣйшую бездѣятельность. Министерство Розберри имѣло за себя такое ничтожное меньшинство въ парламентѣ, съ которымъ ему невозможно было вести даже самую скромную, но все-же прогрессивную внутреннюю политику. Оно могло провалиться по любому ничтожному вопросу, а потому и занималось, насколько хватало силъ и умѣнья, главнымъ образомъ, политикой самосохраненія. Эта вынужденная бездѣятельность, въ связи съ уходомъ Гладстона на покой, слишкомъ обезличила либеральную партію. Когда пало министерство Розберри, то для большинства стало ясно, что либералы, при самой дѣятельной ихъ поддержкѣ, могутъ возвратиться въ парламентъ съ такимъ ничтожнымъ меньшинствомъ, которое опять не позволитъ имъ приступить къ широкимъ соціальнымъ реформамъ. Обезличеніе партіи не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, что многіе голоса будутъ отходить отъ либераловъ къ консерваторамъ, а потому и не оставалось другого исхода, какъ дать, по крайней мѣрѣ, хоть консерваторамъ такое большинство, которое помогло-бы провести рядъ неотложныхъ мѣропріятій соціально-этическаго характера. Отъ консерваторовъ зависитъ поддержать свой престижъ и оправдать надежды англійскихъ массъ населенія, которыя принимали въ разсчетъ и тотъ фактъ, что въ рядахъ консервативной партіи стоятъ и либералы-унionисты съ Чемберленомъ во главѣ. Либералъ-уніонисты, во время выборной агитаціи, обѣщали многое и держали рѣчи въ духѣ самого радикальнаго соціализма. Либералъ-уніонисты увѣряли, что въ союзѣ съ консерваторами, за которыхъ они совѣтывали подавать голоса, скорѣе всего будутъ проведены неотложныя соціальныя реформы. Они знаютъ, что если они не сдержатъ хотя части своихъ обѣщаній, то на ближайшихъ-же выборахъ ихъ судьба и судьба консерваторовъ будетъ рѣшена. Все это заставляетъ надѣяться, что министерство Сольсбери внесетъ осенью въ парламентъ рядъ законопроектовъ соціально - прогрессивнаго характера. Однако, нельзя забывать того грустнаго факта, что гомруль снова будетъ погребенъ, быть можетъ, на нѣсколько лѣтъ.

Теперь въ парламентѣ министерство Сольсбери проводитъ «очередныя» дѣла. Эта не входящая въ счетъ сессія парламента оставитъ о себѣ воспоминаніе въ исторіи одного военнаго вѣдомства. Главнокомандующій англійской арміей смѣненъ, назначенъ особый совѣтъ, который будетъ заниматься вопросами объ улучшеніи боевой готовности англійской арміи... У сосѣдей сейчасъ же разгорѣлись глаза: Франціи и Германіи захотѣлось разрѣшить вопросъ о томъ, кому будетъ помогать реформированная англійская армія. Англичане на этотъ счетъ не любятъ разговаривать, но за то французское и германское правительства желаютъ другъ другу показать боевую готовность своихъ армій. Болѣе ста тысячъ французскихъ солдатъ маневрируютъ на восточной границѣ, а Виль-

гельмъ II устроилъ торжественные маневры около Штетина. Французы восторгаются и гордятся своей арміей. Всѣ эти восторги совпадаютъ съ печальной 25-лѣтней годовщиной восторговъ 1870 года.

Почти всѣ выдающіеся моменты французской исторіи представлены въ картинахъ первоклассныхъ художниковъ. Осталась одна богатая тема— «le Paris en délire du juillet 1870», но она не вдохновляетъ великихъ мастеровъ. Заурядная-же кисть плохо передаетъ памятныя іюльскіе дни 1870 г. Въ эти дни тротуары бульваровъ съ утра покрывались несмѣтными толпами народа. Посрединѣ бульваровъ двигались одни полки за другими съ музыкой и оглушительнымъ барабаннымъ боемъ. Толпа встрѣчала «непобѣдимыя» войска Франціи съ энтузіазмомъ, неподдающимся описанію, и была увѣрена, что она провожаетъ ихъ на тріумфальную прогулку въ Берлинъ. Вся стотысячная толпа, махая платками и шляпами, оглашала воздухъ криками: à Berlin, à Berlin! Къ вечеру эта толпа съ тротуара бульваровъ переходила въ театры, гдѣ ея энтузіазмъ также не зналъ ни предѣловъ, ни подходящихъ формъ для своего выраженія. Въ одинъ изъ этихъ памятныхъ іюльскихъ вечеровъ въ Оперѣ, когда Эмиль Жирарденъ руководилъ взрывами апплодисментовъ возбужденно настроенной публики, среди этой рукоплещущей, нарядной, веселой толпы появился человѣкъ съ громадной шевелюрой. Онъ сѣлъ въ ложу, не апплодировалъ, а подперъ двумя кулаками свою голову. Взоры его блуждали, а при звукахъ марсельезы фигура его вдохновлялась всѣмъ тѣмъ, что было мятежнаго и угрожающаго въ революціонномъ гимнѣ. То былъ Гамбетта. Великій трибунъ, какъ говоритъ Вогюэ, напоминалъ льва насторожѣ, ощущающаго запахъ отдаленной добычи во время урагана, который доносилъ ему о томъ вѣсти. Онъ вызывалъ представленіе о Мирабо, слушающемъ гимнъ толпы, идущей разрушать Бастилію. Онъ, видимо, чувствовалъ приближеніе событій въ одно и то-же время страшныхъ, и давно желанныхъ *). Событія на театрѣ войны дѣйствительно смѣнялись съ быстротою урагана и въ ночь съ 1-го на 2-е сент. свершились тѣ страшныя и желанныя событія, которыхъ жаждалъ и о которыхъ скорбѣлъ великій трибунъ. Въ эту памятную ночь съ 1-го на 2-е сентября н. с. въ Доншери шли переговоры о капитуляціи седанской арміи, которая одновременно являлась и неизбѣжной капитуляціей имперіи. Мольтке, Бисмаркъ и французскій главнокомандующій Вимпфенъ вели поистинѣ трагическій разговоръ объ условіяхъ капитуляціи. Мольтке категорически заявилъ: «вся армія должна сложить оружіе и будетъ признана военноплѣнной. Офицеры могутъ сохранить оружіе». Вимпфенъ желалъ, чтобы солдатамъ было разрѣшено возвратиться къ своимъ

---

*) Eugène-Melchior de Vogué. ‹Premier septembre› въ ‹Revue des deux Mondes“ отъ 1 сент. 1895 г.

семьямъ, причемъ они дадутъ честное слово, что не будутъ принимать никакого участія въ войнѣ, если она будетъ продолжена. Мольтке выразилъ сожалѣніе о томъ, что не можетъ предложить болѣе мягкихъ условій и напомнилъ, что Седанъ окруженъ 200,000 нѣмецкихъ солдатъ и что помятой седанской арміи пришлось-бы имѣть дѣло съ семью свѣжими корпусами, которые еще не участвовали въ дѣлѣ. Вимпфенъ, находя предложенныя условія капитуляціи невозможными, сказалъ: «съ точки зрѣнія интересовъ Пруссіи эти требованія основательны, но я думаю, что отпускъ арміи на честное слово возможенъ. Французскіе солдаты умѣютъ соблюдать данное слово. Я прошу дозволить арміи свободный выходъ съ военными почестями. Такимъ образомъ, Франція избавится отъ обиды, что будетъ полезно и ея врагамъ». Бисмаркъ, конечно, въ эту минуту не былъ склоненъ къ сантиментальностямъ и заявилъ: «французское правительство находится въ критическомъ положеніи, такъ какъ изъ нынѣшнихъ обстоятельствъ можетъ возникнуть республика. А республика, какъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, можетъ не соблюдать прежнихъ конвенцій и всѣхъ призвать къ оружію. Въ интересахъ будущаго лучше было-бы поставить менѣе суровыя условія, но, въ виду неопредѣленнаго положенія дѣлъ во Франціи, мы нуждаемся въ матеріальныхъ гарантіяхъ. Въ виду доказанной храбрости французской арміи, эти условія нельзя считать постыдными. Условія эти необходимы въ виду мнѣній, высказываемыхъ во французской печати и въ парламентѣ». Мольтке, видимо, не нравились эти пустые разговоры и онъ лаконически заявилъ Вимпфену: «даю сроку до 9 ч. утра». Какъ извѣстно, срокъ былъ продолженъ до 12 ч. дня и въ этотъ промежутокъ между 9 и 12 часами 2 сентября (н. с.) 1870 г. была подписана капитуляція седанской арміи.

Весь разговоръ между Бисмаркомъ, Мольтке и Вимпфеномъ былъ стенографически записанъ капитаномъ Ностицемъ и хранился до сихъ поръ въ архивахъ. Теперь, по случаю 25-лѣтней годовщины седанской катастрофы, онъ опубликованъ, какъ драгоцѣнный документъ. Пожалуй, въ этомъ документѣ есть много поучительнаго, одновременно свидѣтельствующаго о скромной дальновидности и крайней непредусмотрительности Бисмарка. Вимпфенъ предлагалъ отпустить ни въ чемъ не повинныхъ французскихъ солдатъ, съ соблюденіемъ военныхъ почестей подъ честное слово, по домамъ. Если-бы эти условія были приняты, то, навѣрно, капитуляціей Седана и низложеніемъ Наполеона закончилась-бы война и дѣло не дошло-бы до бомбардировки Парижа. Французы были-бы поражены такимъ великодушіемъ и теперь германская имперія не находилась-бы подъ страхомъ вѣчной опасности по всей восточной границѣ и не истощала-бы своихъ силъ для нескончаемаго вооруженія. Однако, побѣда ослѣпляетъ и желѣзные умы. Утративъ свою предусмотритель-

ность въ этомъ отношеніи, Бисмаркъ, конечно, основательно предвидѣлъ, что при самыхъ мягкихъ условіяхъ капитуляціи она все равно будетъ капитуляціей имперіи и возстановленіемъ республики во Франціи. Война была закончена и Франція стала республикой, а Германія объединилась и стала имперіей.

Теперь приближается двадцатипятилѣтіе имперіи въ Германіи и двадцатипятилѣтіе республики во Франціи. По ту и другую сторону могли-бы праздноваться двадцатипятилѣтніе юбилеи новыхъ формъ политическаго устройства, разъ эти новыя формы политическаго устройства окрѣпли въ сознаніи массъ народа, какъ самыя благодѣтельныя для нихъ. По ту и другую сторону могли-бы праздновать годовщину двадцатипятилѣтней работы на благо и пользу массъ населенія и вспомнить о томъ, что еще не сдѣлано изъ того, что предполагалось сдѣлать и что вообще еще надлежитъ сдѣлать на пользу народныхъ массъ. Такія празднества носили-бы чисто культурный характеръ, причемъ о побѣдахъ и пораженіяхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ мирной культурной работой, можно было-бы и даже слѣдовало-бы забыть, какъ о грустномъ заблужденіи и тяжелой ошибкѣ. Нужно отдать честь французамъ за то, что съ ихъ стороны были сдѣланы предложенія культурно отпраздновать юбилеи и республики и имперіи. Читатели помнятъ открытое письмо французскаго академика Эрнеста Лависа къ германскому императору Вильгельму II. Онъ предлагалъ императору не устраивать вызывающихъ и оскорбляющихъ Францію военныхъ празднествъ въ честь побѣдъ Германіи и пораженій Франціи. Императоръ, видимо, сначала предполагалъ воздержаться отъ выраженія радостей и устройства празднествъ въ честь событій, оскорбительныхъ и для Франціи и для Германіи, какъ двухъ старыхъ культурныхъ странъ. Вильгельмъ II держался въ сторонѣ и даже былъ въ отъѣздѣ въ то время, когда полки начинали праздновать тѣ дни сраженій, въ которыхъ они принимали участіе. Прошли чрезъ Берлинъ ветераны, принимавшіе участіе въ войнѣ, — прошли, вопреки ихъ ожиданіямъ, безъ почестей и встрѣчъ, сопровождаемые толпою зѣвакъ, которыхъ бываетъ не мало во всякомъ городѣ съ 2 милліоннымъ населеніемъ. Императоръ все не показывался и продолжалъ забавляться въ Англіи охотой и гонками лодокъ. Только на броненосцѣ «Вертъ» онъ обмолвился двумя громкими словами, вспомнивъ о той битвѣ при Вертѣ, въ честь котораго броненосцу дано имя. Англійская печать сейчасъ-же единодушно замѣтила, что если императоръ считаетъ нужнымъ вспоминать про успѣхи прусскаго оружія въ послѣдней войнѣ съ Франціей, то въ предѣлахъ Англіи всѣ эти воспоминанія являются неумѣстными и неделикатными по отношенію къ самой Англіи, не говоря уже о Франціи. Это замѣчаніе англійской печати, кажется, могло-бы побудить Вильгельма II къ дальнѣйшему воздержанію отъ устройства празднествъ въ честь тѣхъ

дней, въ которые нѣмецкими солдатами было убито и изучѣчено многое множество французскихъ солдатъ. На самомъ-же дѣлѣ, возвратившись изъ Ангіи домой, Вильгельмъ сразу перемѣнился. Онъ дѣятельно принялся за устройство празднествъ въ память 25-й годовщины седанской катастрофы. Въ день этихъ празднествъ, 2-го сен. н. с., онъ вспомнилъ даже о надоѣвшемъ и ненавистномъ Бисмаркѣ и послалъ ему слѣдующую телеграмму: «сегодня вся Германія празднуетъ 25-лѣтнюю годовщину всемірно-исторической капитуляціи при Седанѣ, и я чувствую сердечную потребность снова выразить вашей свѣтлости, что я постоянно съ глубокой благодарностью буду думать о незабвенныхъ заслугахъ, которыя ваша свѣтлость оказали въ то великое время моему въ Бозѣ почившему дѣду, отечеству и нѣмецкому дѣлу». Въ этой телеграммѣ сказано слишкомъ много лишняго отъ имени всей Германіи и очень много оскорбительнаго для всей Германіи. Всю Германію не представляютъ полки, проходящіе церемоніальнымъ маршемъ, и толпы зѣвакъ, собравшихся поглазѣть на военный парадъ. Въ сущности Германія въ лицѣ трудящихся классовъ и мыслящей части общества, за исключеніемъ какихъ-нибудь фанатиковъ, не признавала достойнымъ праздновать 25-лѣтнюю годовщину седанской катастрофы. Названіе этой капитуляціи всемірно-исторической являлось слишкомъ оскорбительнымъ для Франціи и явно безтактнымъ. Повидимому, Вильгельмъ II понялъ безтактность этого выраженія и въ своей рѣчи за парадным обѣдомъ въ берлинскомъ королевскомъ замкѣ постарался его загладить. Онъ говорилъ о той беззавѣтной храбрости и мужествѣ, съ которымъ сражалась французская армія въ несчастные для нея дни. Но, поправивъ одну безтактность, онъ впалъ въ другую крайность. Желая отстоять справедливость своего выраженія, что «вся Германія» празднуетъ 25-лѣтнюю годовщину седанской капитуляціи, Вильгельмъ II слишкомъ неудачно обошелъ вопросъ о воздержаніи отъ участія въ празднествахъ. Воспользовавшись тѣмъ случаемъ, что въ газетѣ демократической партіи въ дни, предшествовавшіе празднествамъ, развѣнчивался въ нескромныхъ выраженіяхъ Вильгельмъ I, онъ, обращаясь къ присутствовавшимъ офицерамъ и генераламъ, сказалъ: «шайка людей, недостойныхъ носить названіе нѣмцевъ, осмѣливается оскорблять нѣмецкій народъ, осмѣливается священную для насъ особу императора забрасывать грязью. Народъ найдетъ въ себѣ силу положить конецъ этимъ неслыханнымъ нападкамъ. Если этого не случится, я призову васъ для уничтоженія измѣнической шайки, для веденія борьбы, которая освободитъ насъ отъ такихъ элементовъ».

Эти слова вызвали общее недоумѣніе и недовольство, за исключеніемъ ничтожнаго кружка ярыхъ консерваторовъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что защита Вильгельма I являлась лишь предлогомъ къ тому, чтобы обругать соціалъ-демократовъ, агитировавшихъ противъ устройства

празднествъ, оскорбительныхъ для Франціи и всей мыслящей части германскаго общества. Было-бы весьма рисковано обругать всю мыслящую часть германскаго общества за ея воздержаніе отъ участія въ празднествахъ или за явное къ нимъ несочувствіе, а потому Вильгельмъ II и выбралъ соціалъ-демократовъ, ссылаясь собственно только на ихъ нескромные отзывы о Вильгельмѣ I, основателѣ (?) Германской имперіи. Всѣ органы печати, кромѣ самыхъ консервативныхъ, постарались смягчить необдуманныя слова Вильгельма, могущія служить только къ поднятію престижа́ демократической партіи въ глазахъ нѣмецкаго народа. «National Zeitung» пытается вырвать у соціалъ-демократовъ всякую возможность воспользоваться словами Вильгельма для поднятія своего престижа. Напрасно «Vorwärts»,—говоритъ «National Zeitung»,—пытается доказать, что слова «шайка людей» относятся ко всей соціалъ-демократической партіи и ко всѣмъ избирателямъ, подававшимъ голосъ въ пользу ея кандидатовъ». Ультрамонтанскій органъ «Germania» счелъ нужнымъ дать совѣтъ Вильгельму II на будущее время. «Было-бы гораздо лучше, говоритъ «Germania», если-бы не былъ никогда забываемъ тотъ принципъ, что императоръ долженъ стоять выше партій и не долженъ вмѣшиваться въ политическія распри какого-бы то ни было рода. Сильная индивидуальность, импульсивная натура императора не позволяютъ ему взвѣшивать тѣ благопріятныя или неблагопріятныя послѣдствія, которыя могутъ вытекать изъ одного слова. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и теперь мы считаемъ своей обязанностью во имя собственныхъ интересовъ династіи указать на обоюдо-острыя послѣдствія такого рѣзкаго личнаго вмѣшательства. Народъ не желаетъ знать никакихъ законовъ противъ соціалъ-демократіи, съ которой нужно бороться другими средствами». Стоитъ вспомнить, что весь послѣдній годъ Германія прожила подъ страхомъ предъ Umsturzvorlage и отчаянно боролась за его отклоненіе въ рейхстагѣ. Провалъ Umsturzvorlage, кажется, долженъ былъ отбить охоту у Вильгельма II къ дальнѣйшимъ попыткамъ, направленнымъ къ проведенію исключительныхъ законовъ. Вспоминая объ этой едва закончившейся борьбѣ германскаго народа противъ Вильгельма II и его министровъ, далеко не сочувствующій демократической партіи «Berliner Tageblatt» говоритъ: «слѣдуетъ опасаться, что тѣ люди, которые заняты своими эгоистическими интересами и которымъ нѣтъ дѣла до общаго благосостоянія, могутъ воспользоваться словами императора для того, чтобы снова возбудить вопросъ о порабощеніи въ имперіи свободнаго выраженія мнѣній. Мы будемъ глубоко сожалѣть, если правительство изъ гнѣвныхъ словъ императора сдѣлаетъ тотъ выводъ, что ему слѣдуетъ снова выступить предъ германскимъ народомъ съ Umsturzvorlage. Послѣ того какъ цѣлый рядъ лѣтъ прошелъ безъ особыхъ законовъ противъ соціалъ-демократіи, возвращеніе къ исключительнымъ законамъ являлось-

бы признаніемъ банкротства существующаго режима. Соціалъ-демократія все болѣе и болѣе, по крайней мѣрѣ въ парламентѣ, приспособляется къ тому, чтобы поддерживать свои требованія въ спокойной формѣ и документально, такъ что многимъ членамъ другихъ партій не мѣшало-бы у нея поучиться, какъ слѣдуетъ вести дебаты. Соціалъ-демократическая партія стоитъ на пути преобразованія въ радикальную партію реформъ». Вотъ какую оцѣнку со стороны чуть-ли не всей германской печати вызвали неосторожныя слова Вильгельма II. Результатъ, безспорно, имъ неожиданный. Стоитъ-ли послѣ этого говорить о томъ, что люди и печать разныхъ партій остались въ самомъ прискорбномъ недоумѣніи на счетъ роли гвардіи при «освобожденіи отъ такихъ элементовъ». Походъ солдатъ противъ людей, ведущихъ политическую агитацію мирными средствами!.. Всѣ говорятъ, что Германія слишкомъ выросла для такихъ средневѣковыхъ, варварскихъ пріемомъ борьбы съ разными парламентскими группами.

Само собою понятно, что всѣ эти печальные спичи и угрозы еще больше оттолкнули отъ устроителя празднествъ мыслящую часть германскаго общества. Для дальнѣйшихъ празднествъ Вильгельмъ II не наберетъ достаточнаго числа статистовъ. Желая дискредитировать агитацію Vorwärts'а противъ празднествъ, онъ ее поддержалъ. Онъ самъ потрудился для оправданія тѣхъ заявленій Vorwärts'а, которыя онъ признавалъ гнусной ложью и которыя собственно и вызвали его гнѣвъ. Статьи Vorwärts'а вызвали общее сочувствіе во Франціи и всѣ французскія газеты перепечатали слѣдующія слова, которыя могутъ свидѣтельствовать о томъ, что собственно вызвало гнѣвъ Вильгельма II. «Вопреки всѣмъ усиліямъ, вопреки всѣмъ давленіямъ мягкимъ и грубымъ, германскій народъ въ громадномъ большинствѣ, — говоритъ Vorwärts, — держится въ сторонѣ и 40 милліоновъ нѣмцевъ не приняли участія въ этой вакханаліи. Тѣмъ, которыхъ толпа любопытныхъ можетъ обмануть на счетъ истиннаго мнѣнія народа, мы напомнимъ слова Кромвеля, сказанныя имъ своему другу Ферфаксу въ день побѣдоноснаго вступленія въ Бристоль. Ферфаксъ поздравлялъ его съ шумными привѣтствіями тысячи голосовъ. Дорогой другъ, отвѣтилъ Кромвель, все это хорошо и пріятно, но еслибы ты и я шли на вѣсилицу, то было-бы еще больше народа!» Теперь въ дни празднествъ, навѣрно, будетъ еще больше народа, но не на мѣстѣ празднествъ, а въ разныхъ собраніяхъ. Отчаянная борьба противъ Umsturzvorlage даетъ полное право надѣяться, что «вся Германія» задумается надъ имперіей, которая наканунѣ своей 25 лѣтней годовщины обѣщаетъ пустить въ ходъ гвардію для урегулированія парламентскихъ партій и ихъ программъ. Имперія такъ щедра на утѣшительныя обѣщанія и угрозы, что у многихъ возникнетъ мысль о необходимости провѣрить, что-же она сдѣлала полезнаго и благодѣтельнаго

для «всей Германіи» въ заканчивающуюся первую четверть ея существованія?

Только культурная работа имперіи на пользу массъ населенія можетъ служить оправданіемъ двадцатипятилѣтняго ея существованія и основаніемъ для ея продолженія. Что-же сдѣлала имперія на благо народныхъ массъ именно такого, что безъ имперіи не могло быть сдѣлано? Безспорно, чрезъ имперскій рейхстагъ прошли прекрасные законы въ защиту интересовъ рабочаго люда. Однако, всѣ эти законы могли-бы съ большимъ удобствомъ пройти и особо, въ каждомъ государствѣ необъединенной Германіи. Большую часть времени имперскій рейхстагъ посвятилъ въ теченіе всего своего существованія отстаиванію германскихъ народностей отъ насильственныхъ попытокъ Пруссіи навязать всей Германіи рядъ консервативныхъ и явно ретроградныхъ мѣръ, кончая послѣднимъ Umsturzvorlage. Все, что было сдѣлано для блага народныхъ массъ въ послѣднія 25 лѣтъ—все это было сдѣлано почти исключительно собственными силами отдѣльныхъ государствъ. Законодательныя собранія почти во всѣхъ государствахъ, вошедшихъ въ составъ Германіи, являются, по своему составу, болѣе пригодными для культурной работы. Имперія только затруднила и ухудшила матеріальныя и интеллектуальныя условія для прогресса нѣмецкихъ народностей, населяющихъ отдѣльныя государства. Прежде всего имперія по самымъ условіямъ своего возникновенія ложилась новымъ тяжелымъ бременемъ на плечи германскихъ народностей. Имперію, какъ учрежденіе, ненавистное Франціи, а за тѣмъ чуть-ли не всей Европѣ, пришлось защищать, для чего потребовались громадныя жертвы. Весь милитаризмъ оказался необходимымъ именно для сохраненія имперіи. Всѣмъ народностямъ, вошедшимъ въ составъ германской имперіи, приходится платить громадныя суммы налоговъ для сохраненія ненавистной имъ прусской гегемоніи. Сколько милліоновъ ушло и уходитъ на содержаніе и вооруженіе арміи и флота! Всѣ эти милліоны могли-бы быть затрачены на улучшеніе экономическаго и моральнаго положенія народныхъ массъ. Сотни тысячъ юношества въ лучшіе годы своей жизни отрываются отъ семьи и получаютъ казарменное воспитаніе, вытравляющее лучшія стороны человѣческой натуры. Нѣтъ ничего удивительнаго, что къ концу перваго двадцатипятилѣтія имперія въ глазахъ большинства объединенныхъ народностей пользуется гораздо меньшимъ престижемъ, чѣмъ то было при самомъ ея возникновеніи. Прусское правительство, съ своей стороны, дѣлало все возможное для того, чтобы вызвать въ остальныхъ союзныхъ государствахъ ненависть къ какому-бы то ни было союзу съ Пруссіей во главѣ, не говоря уже о прусской имперіи, неправильно называемой германской имперіей. Сепаратизмъ ростетъ съ такою силою, что трудно предсказать его послѣдствія въ ближайшемъ будущемъ. Прусское правительство едва-ли откажется отъ

той самой агрессивной политики по отношенію къ другимъ народностямъ, которая главнымъ образомъ и поддерживаетъ сепаратизмъ. Между тѣмъ все человѣчество, пожалуй, только выиграло-бы отъ распаденія германской имперіи. Это распаденіе скорѣй всего способствовало-бы ослабленію милитаризма въ Европѣ. Все человѣчество слишкомъ многимъ обязано развитію культуры вообще и науки въ частности въ «странѣ ученыхъ и философовъ». Спрашивается, когда-же геній нѣмецкаго народа будетъ поставленъ въ лучшія условія для своего развитія: при особомъ самостоятельнымъ и свободномъ развитіи отдѣльныхъ германскихъ народностей или при ихъ сгруппированіи и объединеніи подъ главенствомъ Пруссіи?

Въ самой постановкѣ такого вопроса заключается и его разрѣшеніе. Распаденія прусской имперіи пожелаетъ большинство нѣмецкихъ народностей въ день двадцать-пятой годовщины ея провозглашенія. Чего-же пожелаютъ по ту сторону Рейна въ день двадцать - пятой годовщины провозглашенія республики? Тамъ несомнѣнно пожелаютъ упроченія республики и *воспитанія народа въ духѣ демократическихъ республиканскихъ учрежденій.* За двадцать-пять лѣтъ существованія республики въ этомъ отношеніи было сдѣлано слишкомъ мало. Великій трибунъ, жаждавшій республики и предвидѣвшій неизбѣжное ея возрожденіе на развалинахъ имперіи, къ сожалѣнію, былъ скорѣе противникомъ, чѣмъ сторонникомъ тѣхъ реформъ, которыя могли-бы разъ навсегда предупредить возобновленіе такихъ coup de'Etat, какой былъ нанесенъ второй республикѣ Наполеономъ III. Во Франціи и до сихъ поръ республика является громкой вывѣской, за которой скрывается настоящій деспотизмъ. Всѣ лучшіе люди Франціи въ день двадцать-пятой годовщины существованія республики пожелаютъ, чтобы деспотизмъ и рабство были устранены въ республикѣ. Въ чемъ выражаются деспотизмъ и рабство и какія мѣры предлагаются для ихъ устраненія,—объ этомъ мы подробно поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Литературно-библіографическія замѣтки.

(Изъ старинныхъ газетъ и журналовъ).

Извѣстно, что для науки нѣтъ мелочей. Какъ бы ни былъ мелокъ и ничтоженъ фактъ, онъ всегда можетъ пригодиться изслѣдователю. И чѣмъ больше въ той или другой области наберется фактовъ, каковы бы они ни были, крупные или мелкіе, тѣмъ большею точностью и вѣрностью сужденій будетъ отличаться эта область. Руководствуясь этими соображеніями, мы намѣрены передать на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» собранные нами при просмотрѣ старинныхъ газетъ и журналовъ, а также и нѣкоторыхъ отдѣльно изданныхъ сочиненій, разные мелкіе, но не безъинтересные факты, касающіеся жизни и дѣятельности разныхъ нашихъ писателей. Мы сообщимъ весь собранный нами историко-литературный матеріалъ, кого бы онъ ни касался: крупныхъ-ли литературныхъ знаменитостей или мелкихъ и давно забытыхъ литературныхъ дѣятелей. Поэтому, въ нашемъ собраніи читатель встрѣтитъ какъ имена Пушкина, Жуковскаго, Карамзина, Грибоѣдова, Крылова, Баратынскаго, Державина, Фонвизина, кн. А. Кантиміра, И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго, такъ и имена другихъ, болѣе мелкихъ писателей.

Матеріалъ этотъ мы сообщимъ почти въ сыромъ видѣ, такъ какъ онъ и не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ, ибо представляетъ простое дополненіе къ выдающимся уже біографо-библіографическимъ свѣдѣніямъ.

Такъ какъ собранный нами матеріалъ не можетъ быть приведенъ ни въ какую взаимную связь, представляя отрывочныя и разнородныя свѣдѣнія, относящіяся къ жизни и дѣятельности того или другого лица, то мы расположимъ его въ хронологическомъ порядкѣ, подъ отдѣльными номерами, соединивъ только все, относящееся къ тому или другому писателю, подъ его фамиліей.

I. А. С. Пушкинъ.

1. Въ засѣданіи общества любителей россійской словесности при Императорскомъ московскомъ университетѣ 24 февраля 1817 г. было прочитано дѣйствительнымъ членомъ В. Л. Пушкинымъ *Анакреонова гробница*, стихотвореніе *Александра Пушкина*, воспитанника Царскосельскаго лицея. («Труды» Общ., ч. VIII, 1817 г., стр. 169).

2. Въ засѣданіи того же Общества 28 апрѣля 1817 г. имъ-же прочитано стихотвореніе *А. Пушкина*: «*На возвращеніе государя Императора изъ Парижа*» (Тамъ же, ч. VIII, 1817 г, стр. 195).

3 Въ засѣданіи того-же Общества 30 ноября 1817 г. имъ же прочитано стихотвореніе *А. Пушкина* «*Безвѣріе*». (Тамъ же, ч. XII, 1818, стр. 14).

Въ протоколѣ этого засѣданія, напечатанномъ въ «Вѣстн. Европы» 1817 г., № 22, стр. 153—154, объ этомъ послѣднемъ стихотвореніи Пушкина данъ такой отзывъ:

«Для краткости упомянемъ только о тѣхъ изъ сочиненій, въ собраніи читанныхъ, которыя заслуживаютъ вниманія, кромѣ другихъ достоинствъ, преимущественно по своей назидательности... Къ сему же роду сочиненій принадлежитъ и стихотвореніе воспитанника Царскосельскаго лицея А. Пушкина, предвѣщающее въ молодомъ авторѣ своемъ хорошаго поэта. Заглавіе стиховъ сихъ есть «Безвѣріе».

4. *Кавказскій Плѣнникъ*. Балетъ. Сюжетъ запмствованъ изъ поэмы *А. С. Пушкина*. Поставленъ балетмейстеромъ Дидло, 15-го февраля 1823 г. Роль плѣнника Ростислава игралъ Н. Ю. Гольцъ (это былъ его дебютъ). (А. П. «*Въ память 50-ти лѣтія сценич. дѣятельности артиста балетной труппы Н. О. Гольца*. Спб. 1872 г., стр. 23, 32, 33 и 50).

Изъ афиши, напечатанной въ «Мсковскихъ Вѣд.» 1827 г., № 88, стр. 3543, мы узнаемъ большія подробности объ этомъ балетѣ: «*Кавказскій плѣнникъ*, или тѣнь невѣсты, большой пантомимный балетъ въ 4 дѣйствіяхъ. съ великолѣпнымъ спектаклемъ и черкесскими играми съ арканами, соч. Дидло, поставленъ въ Москвѣ г. Глушковскимъ. Музыка Кавоса; нѣкоторые номера и новая музыка соч. Кубишты; новыя декораціи, изображающія Кавказскія горы и долину Терека, г. В. Баранова, новые костюмы по рисункамъ Лукуева; сраженія Малышева; полеты орловъ и тѣни Шрейдера. Сюжетъ запмствованъ изъ поэмы Пушкина. (Былъ представленъ на сценѣ Большого Московскаго театра 2 ноября 1827 г.).

5) «Московскіе книгопродавцы купили новую поэму: *Бахчисарайскій фонтанъ* сочиненіе *А. Пушкина*, за 3,000 рублей. И такъ за каждый стихъ заплачено по пяти рублей! Доказательство, что не въ одной Англіи и не одни англичане щедрою рукою платятъ за изящныя произведенія поэзіи (*Русск. Инв. 1824, № 59*). Тоже извѣстіе повторено въ статьѣ П. К: «О выгодахъ и правахъ россійскихъ писателей» («Моск. Телегр.» 1826 г., ч. VIII, стр. 209): «За стихотвореніе *Бахчисарайскій фонтанъ*, говорятъ, заплачено до 3.000 руб, почему каждая строка онаго обходится почти въ 5 рублей.

6) Къ исторіи драмы «*Борисъ Годуновъ*». Извѣстно, что въ нашей литературѣ долго существовало мнѣніе, будто, при созданіи этой драмы, Пушкинъ исключительно пользовался только Карамзинымъ, хотя уже одинъ Пименъ долженъ былъ бы служить неопровержимымъ доказательствомъ самостоятельнаго изученія Пушкинымъ самыхъ источниковъ, потому что только при изученіи самыхъ лѣтописей могъ создаться такой яркій, живой и *вѣрный* типъ древне-русскаго лѣтописца. Надежный судья въ данномъ случаѣ, извѣстный историкъ Погодинъ, такъ разсказываетъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ пушкинской пьесой на его московскихъ друзей, при чтеніи Пушкинымъ его драмы въ Москвѣ, въ 1826 г.

«Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. *Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена, мнѣ послышался живой голосъ древняго лѣтописателя.* А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной», *мы просто всѣ какъ будто обезпамя-*

тѣли. Кого бросило в жаръ, кого—въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ. То молчаніе, то взрывъ восклицаній, напр., при стихахъ самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину.

Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. (Н. Барсуковъ: Жиз. и труд. М. П. Погодина, ч. II, стр. 44).

Такое могучее, потрясающее впечатлѣніе могло быть произведено только сочиненіемъ, авторъ котораго глубоко проникся самымъ духомъ изображаемой эпохи и уловилъ тѣ *живыя* черты, которыя встрѣчаются только въ разсказахъ современниковъ, а не ограничился простымъ знакомствомъ съ чужимъ, хотя-бы и талантливымъ пересказомъ. Поэтому, одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей драмы Пушкина, проф. И. Н. Ждановъ, въ брошюрѣ своей: «О драмѣ А. С. Пушкина: «Борисъ Годуновъ». Спб. 1892 г.», сличая пьесу Пушкина съ разсказомъ Карамзина, пришелъ къ выводу, что «не по одной лишь исторіи Карамзина изучалъ Пушкинъ время царя Бориса» и что, «присматриваясь къ трагедіи Пушкина, мы найдемъ въ ней слѣды знакомства поэта съ такими извѣстіями, которыхъ нѣтъ у Карамзина и которыя свидѣтельствуютъ объ исторической начитанности автора «Бориса» (стр. 14). Доказательствомъ этой начитанности служитъ, между прочимъ, сцена въ корчмѣ, на Литовской границѣ, которой нѣтъ въ «Исторіи» Карамзина. Она заимствована Пушкинымъ изъ *рукописнаго* сочиненія, подъ заглавіемъ: «*Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ, и о похожденіи его*». Впервые «сказаніе» это напечатано было въ «Чтеніяхъ» Общ. Ист. и Древн. Рос. при Московскомъ унив., 1847 г., кн. 9-я, отд. II; слѣдовательно, Пушкину оно извѣстно было еще въ рукописи.

Въ этомъ «Сказаніи» повѣствуется, какъ Гришка со старцами Варлаамомъ и Мисаиломъ ходили по Сѣверной сторонѣ съ образомъ и собирали на церковное сооруженіе. «И внидоша въ нѣкую весь близъ Литовскаго рубежа, и видятъ ту велій пространный путь, и воспрія ихъ въ домъ едина жена, и честно ихъ угостивъ; и егда же сидяще за столомъ, и вопросиша жену о пути, гдѣ сей пространный путь и въ кою страну прилежащъ? И глагола жена: путь сей, господине, *за рубежъ* въ *Луеву гору*, и нынѣ на томъ пути заставы суть отъ царя; не вѣмъ, кто съ Москвы безъ вѣсти въ сія страны бѣгу ся ять, того ради во всей странѣ сей крѣпкія заставы сія. И тогда Гришка Отрепьевъ отъ страху яко мертвъ».

7) «*А. С. Пушкинъ*, находящійся нынѣ въ Москвѣ, вскорѣ издастъ вторую главу «*Евгенія Онѣгина*» и стихотвореніе *Графъ Нулинъ*. Мы не будемъ предупреждать сужденія читателей касательно сихъ новыхъ и прелестныхъ произведеній. Пожелаемъ, чтобы также вскорѣ изданы были другія важнѣйшія творенія Пушкина: поэма «Цыгане» и трагедія «Борисъ Гвдуновъ». (*«Московск. Телегр.», 1826 г., ч. X, стр. 159*)

8) «*Финнъ*», волшебная комедія въ стихахъ, соч. кн. А. А. Шаховскаго, изъ эпизода поэмы «*Русланъ и Людмила*» (А. С. Пушкина) и въ родѣ греческой трилогіи, составлена изъ трехъ частей: пролога, интермедіи и окончательнаго праздника. Вся музыка: пѣнія, общихъ танцевъ, мелодрамы и пантомимы г-на Кавоса; балеты, финскіе обряды и игры г. Глушковскаго; декораціи г. Иванова; машины и полеты машиниста г. Шрейдера; финскіе костюмы по рисункамъ г. Локуэса. («Моск. Вѣд.» 1827 г. № 91, стр. 3698).

Отрывки изъ этой трилогіи были напечатаны въ альманахѣ *«Русская Талія»* 1825 года.

9) Въ числѣ просроченныхъ имѣній, продававшихся отъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома въ 1829 г. указаны имѣнія въ Псковской губ., принадлежавшія дочерямъ кол. ассесора Клавдіи Исаковнѣ Ганнибалъ, Олимпіадѣ Исаковнѣ Ганнибалъ, и Констансіи Исаковнѣ Ганнибалъ и подпоручику Семену Исаковичу Ганнибалъ (Моск. Вѣд. 1829 г., № 94, стр. 4405). Это—двоюродные дядя и тетки А. С. Пушкина. (См. П. В. Анненкова. Матеріалы, родословная Пушкина).

10) Въ панорамѣ на бульварѣ, у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Чистякова, въ Москвѣ, показывалась въ 1829 г. картина: *«Бахчисарайскій фонтанъ»*, снятый съ натуры. «Сіе мѣстное положеніе» (sic!), сказано въ тогдашней афишѣ, «извѣстно публикѣ по поэмѣ г. Пушкина». (См. афишу, приложен. къ № 30 «Моск. Вѣд.» 1829 г).

11) «Керимъ Гирей, крымскій ханъ», романтическая трилогія въ 5 дѣйств., въ стихахъ, съ пѣніемъ, хорами, разными танцами и мелодрамами. Соч. кн. А. А. Шаховскаго. Содержаніе взято изъ *«Бахчисарайскаго фонтана»*, поэмы А. Пушкина, съ сохраненіемъ многихъ его стиховъ. Музыка Кавоса (см. афишу, приложен къ № 44 «Моск. Вѣд.» 1830 г.).

Отрывки изъ этой трилогіи были напечатаны въ альманахѣ *«Русская Талія»* 1825 года. Пьеса эта болѣе 20 лѣтъ не сходила со сцены, хотя, съ теченіемъ времени, утратила всякій интересъ для публики. Еще 19 сентября 1852 г. въ Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ Жулевой, играна была одна сцена изъ этой пьесы, но тогдашній театральный критикъ, Рафаилъ Зотовъ, такъ отозвался о ней: «Или мы очень потупѣли, или пьеса состарилась, или сцена эта была играна неудовлетворительно, только она приводила въ восторгъ, когда К. С. Семенова играла Зарему, а г-жа Дюръ Марію; теперь же эта сцена не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія» («Сѣв. Пчела» 1851 г., № 221, стр. 881, фельетонъ).

12) Въ мартѣ мѣсяцѣ 1831 г. появился на русскомъ языкѣ романъ Бенжамена Констана «Адольфъ», въ переводѣ кн. П. А. Вяземскаго, съ посвященіемъ этого труда А. С. Пушкину. Посвященіе это, написанное въ формѣ письма, обыкновенно упускается изъ вида біографами Пушкина, и потому выписываемъ его для присоединенія къ остальнымъ, помѣщеннымъ здѣсь, свѣдѣніямъ о Пушкинѣ, хотя оно и напечатано, вмѣстѣ съ романомъ «Адольфъ», въ соч. кн. П. А. Вяземскаго:

«Александру Сергѣевичу Пушкину.

«Прими мой переводъ *любимаго нашего* романа. Смиренный литографъ, приношу великому живописцу блѣдный снимокъ съ картины великаго художника. *Мы такъ часто говорили съ тобой о превосходствѣ творенія сего*, что, принявшись переводить его надосугѣ въ деревнѣ, *мысленно относился я къ суду твоему; въ борьбѣ иногда довольно трудной мысленно вопрошалъ я тебя, какъ другую совѣсть*, призывалъ въ ареопагъ свой и Баратынскаго, подвергалъ вамъ свои сомнѣнія и запросы и руководствовался угадываніемъ вашего рѣшенія. Не страшитесь, однако-же, ни ты, ни онъ; не налагаю на васъ отвѣтственности за худое толкованіе молчанія вашего. Иначе моя довѣренность къ вамъ была бы для васъ слишкомъ опасна, связывая васъ взаимнымъ обязательствомъ въ случайности предпріятія моего. Что бы ни было, даръ мною тебѣ подносимый будетъ свидѣтельствомъ пріязни нашей и уваженія моего къ дарованію, коимъ радуется дружба и гордится отечество».

К. Вяземскій.

Село Мещерское (Саратовской губ.). 1829 г.

Для уясненія значенія того, что сказано здѣсь кн. Вяземскимъ о критическихъ сужденіяхъ Пушкина, слѣдуетъ, въ параллель съ показаніями кн. Вяземскаго, поставить признанія Гоголя, который писалъ Плетневу изъ Рима по поводу неожиданной вѣсти о смерти Пушкина: «Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. *Ни одна*

строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изрѣчетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы» (Кулишъ, V, 287).

13) Извѣстно, что отдѣльное изданіе повѣстей Бѣлкина носило названіе: «Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя А. П. Спб. 1831 г. Но въ книгопродавческихъ объявленіяхъ псевдонимъ этотъ тотчасъ-же былъ раскрытъ, только фамилія Пушкина ставилась въ скобкахъ: «Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя (А. Пушкинымъ). Спб. 1831 г.

14) Сѣверные цвѣты на 1832 г., изданные *А. Пушкинымъ*. Съ виньеткою. (*«Спб. Вѣд.» 1832*, *№ 7*, прибавленіе (янв. 9), стр. 43).

На заглавномъ листѣ этого альманаха фамиліи Пушкина, какъ издателя, не поставлено. Предисловія къ альманаху, въ которомъ-бы говорилось, что издателемъ его былъ Пушкинъ, нѣтъ, и, вообще, нигдѣ ничего не сказано объ участіи Пушкина въ изданіи этой книжки. Но его участіе въ литературной и журнальной дѣятельности Дельвига было столь извѣстно, что книгопродавцы прямо и объявили Пушкина *издателемъ* дельвиговскаго альманаха, какъ это и было въ дѣйствительности (см. Гаевскаго: бар. А. Дельвигъ, «Современ.», 1853, т. 47, стр. 60).

15) Въ среду, 27 января 1832 г., въ Большомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ предоставлены были въ пользу актера Брянскаго, въ *первый разъ*: *«Моцартъ и Сальери»*, Драматическія сцены въ стихахъ, соч. *А. С. Пушкина.* (*«Спб. Вѣд.», 1832 г., прибавленіе къ № 22, стр. 216; «Русск. Инв.», 1832, № 23, 27 янв., стр. 91).*

Ф. Витбергъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Общинное землевладѣніе у чувашъ и черемисъ Казанской губерніи.

Общинное землевладѣніе у инородцевъ еще весьма мало обслѣдовано. Въ виду этого, считаемъ не лишнимъ воспользоваться матеріалами, изданными казанскимъ статистическимъ бюро, и вкратцѣ познакомить читающую публику съ общинными порядками у крестьянъ-инородцевъ Казанской губерніи—чувашъ и черемисъ *).

Чуваши и черемисы—инородцы финскаго племени—населяютъ Казанскую губернію въ количествѣ: чуваши 195,394 наличныхъ душъ мужского пола, а черемисы—43,199. Чувашскій или черемисскій элементъ, или оба вмѣстѣ, встрѣчаются во всѣхъ уѣздахъ, но главнымъ образомъ эти инородцы заселяютъ Цивильскій, Царевококшайскій, Чебоксарскій, Козьмодемьянскій и Ядринскій уѣзды. Чувашамъ принадлежитъ въ предѣлахъ Казанской губерніи 695,704,3 десятинъ надѣльной удобной земли, черемисамъ—103,473,2; слѣдовательно, на наличную мужескаго пола душу приходится земли у чувашъ 3,56, а у черемисъ 2,39 десятинъ удобной земли. Вся эта земля находится исключительно въ общинномъ владѣніи, особенностями котораго являются—преобладаніе сложныхъ общинныхъ формъ и такъ называемые «передѣлы по согласію».

Сложная община у чувашъ и черемисъ безусловно преобладаетъ надъ простою. Въ перечисленныхъ уѣздахъ насчитывается 2,187 селеній, а земельныхъ общинъ только 771, т. е. въ среднемъ каждая община состоитъ изъ 2,83 селеній, и при этомъ рядомъ съ простыми общинами

*) Кромѣ этихъ инородцевъ, въ Казанской губерніи живутъ еще татары, мордва, мещера и вотяки; но общинные порядки у татаръ ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ въ общинахъ великорусскаго типа, а мордвы, мещеры и вотяковъ въ Казанской губерніи такъ мало, что сдѣлать какія-либо заключенія объ ихъ земельныхъ распорядкахъ—нельзя.

встрѣчаются нерѣдко общины изъ 5 или 6 селеній, иногда и болѣе, а. какъ исключеніе, попадаются земельныя общины изъ 20, 30 и 40 селеній.

Какъ извѣстно, сложная община—одна изъ древнихъ формъ общиннаго землевладѣнія; существованіе ея у инородцевъ Казанской губерніи должно объясняться консервативностью ихъ національнаго характера и прочностью общинныхъ устоевъ у нихъ—съ одной стороны, а съ другой—склонностью селиться небольшими поселками по краямъ овраговъ.

При первомъ взглядѣ на общинные порядки у чувашъ и черемисъ оказывается, что въ ихъ сложныхъ общинахъ рѣзко выступаютъ два различные типа. Первый типъ нѣчто среднее между простою и сложною общиной. Община этого типа обнимаетъ небольшое число такъ называемыхъ «околодковъ», маленькихъ группъ дворовъ, которые лѣпятся по склонамъ овраговъ вблизи бьющихъ на днѣ ихъ ключей, на неудобной для обработки землѣ, и составляютъ въ сущности одно селеніе, одну простую общину: эти нѣсколько околодковъ образуютъ непремѣнно одну административную единицу—сельское общество, и при передѣлахъ землю дѣлятъ всѣ одновременно и участки всѣхъ околодковъ располагаютъ черезполосно, а не въ видѣ отдѣльныхъ дачъ для каждаго околодка. Однимъ словомъ, распорядки въ сложныхъ общинахъ перваго типа—совершенно тѣ-же, что и въ простыхъ общинахъ съ той лишь разницей, что усадебная осѣдлость не скучена въ одномъ мѣстѣ, а распредѣлена въ разбросъ по всему пространству земельнаго надѣла такихъ общинъ. Въ этомъ сказывается склонность чувашъ и черемисъ къ обособленности и бережливое отношеніе къ землѣ, такъ какъ подъ усадьбы они не рѣшаются занимать удобную для обработки землю, а ищутъ для нихъ косогоровъ и овражныхъ склоновъ.

Въ сложныхъ общинахъ второго типа, настоящихъ сложныхъ общинахъ, замѣчаются другіе порядки. Такія общины состоятъ обыкновенно изъ большаго числа поселковъ, часто заключаютъ въ своемъ составѣ село или даже два и три села, съ деревнями, которыя составляютъ нѣсколько сельскихъ обществъ, состоящихъ очень часто, въ свою очередь, каждое изъ нѣсколькихъ околодковъ. Земельные распорядки въ такихъ сложныхъ общинахъ совершенно отличны отъ распорядковъ въ общинахъ перваго типа. Въ настоящихъ сложныхъ общинахъ распредѣленіе земли при передѣлахъ слагается изъ двухъ операцій. Сначала весь земельный надѣлъ данной сложной общины распредѣляется пропорціонально числу душъ между отдѣльными ея частями: сельскими обществами, деревнями изъ нѣсколькихъ околодковъ или составляющими одно селеніе; а затѣмъ уже каждое сельское общество, или вообще самостоятельная часть сложной общины, распредѣляетъ доставшуюся ему землю между отдѣльными домохозяевами, конечно, опять-таки уравнительно по числу душъ.

Другая особенность общиннаго землевладѣнія у чувашъ и черемисъ—это передѣлы по согласію. При коренныхъ передѣлахъ, послѣ раздѣленія

всего надѣла на опредѣленное число земельныхъ душъ и уравненія ихъ по качеству и количеству—у русскихъ переходятъ къ распредѣленію участковъ между отдѣльными домохозяевами путемъ бросанія жребія. У чувашъ-же и черемисъ въ большинствѣ случаевъ жеребьевки не бываетъ. Земля, послѣ уравненія ея по количеству и качеству тѣми-же способами, какъ и въ общинахъ великорусскаго типа, распредѣляется между отдѣльными домохозяевами не жребіемъ, а посредствомъ добровольнаго соглашенія между всѣми членами общины, «по согласію», при чемъ нерѣдко даже прежніе надѣлы остаются за старыми домохозяевами, хотя часто бываетъ и обмѣнъ полосъ. Въ первомъ случаѣ, это передѣлъ по согласію «по старымъ межамъ, по старымъ мѣстамъ», во второмъ—«по новымъ межамъ, новымъ мѣстамъ». Напримѣръ, у чувашъ Ядринскаго уѣзда изъ двадцати-пяти зарегистрированныхъ въ этомъ отношеніи случаевъ—въ двадцати одномъ пашня и луга передѣлались по согласію по старымъ мѣстамъ, а въ четырехъ—по жребію. У черемисъ Царевококшайскаго уѣзда изъ двадцати зарегистрированныхъ въ этомъ отношеніи случаевъ въ семнадцати пашня дѣлилась по согласію по старымъ мѣстамъ; луга-же дѣлились въ одиннадцати случаяхъ по согласію по старымъ мѣстамъ, въ семи по согласію по новымъ, въ двухъ—по жребію.

Обратимся теперь къ болѣе подробному, на примѣрахъ, описанію производства передѣловъ земли въ сложныхъ общинахъ.

Типичными примѣрами сложной общины перваго типа могутъ служить чувашскія деревни: Цивильскаго уѣзда, Шибылгинской волости Большіе Кибези, изъ трехъ околодковъ *), и Сидѣлевской волости деревня Шугурова, изъ трехъ околодковъ **). Равнымъ образомъ примѣрами сложныхъ общинъ перваго типа могутъ служить деревни, входящія въ составъ сложныхъ земельныхъ общинъ второго типа, вмѣстѣ съ другими деревнями и селами, и сами состоящіе въ тоже время изъ нѣсколькихъ околодковъ. Такова деревня Виловатый Врагъ (черемисская), Виловатовражской волости Козьмодемьянскаго уѣзда, состоящая изъ девяти околодковъ и сама входящая въ составъ сложной общины № 53-й — села Троицкаго съ деревнями. Во всѣхъ сложныхъ общинахъ этого типа, какъ уже было сказано, земля дѣлится сразу и черезполосно между всѣми домохозяевами всѣхъ околодковъ уравнительно по числу душъ и всѣ околодки, составляющіе такую общину, образуютъ одно сельское общество съ однимъ общимъ сходомъ, однимъ старостой.

Какъ на примѣры сложныхъ общинъ второго типа можно указать на слѣдующія общины. *Чувашскія*: Въ Ядринскомъ уѣздѣ село Хочашево съ деревнями (9 поселковъ, три сельскихъ общества); с. Балдаево (14 околодковъ, 5 сельскихъ обществъ); с. Шумшеваши съ деревнями (30 околодковъ, 9 сельскихъ обществъ); въ Ядринскомъ уѣздѣ замѣчательна еще

*) Чолъ-Чумаги, средній, нижній.

**) Малды-Касы, Казакъ-Хасы, Ой-песи

Шуматовская община-волость (41 селеніе, 10 сельскихъ обществъ). Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ—земельная община № 46, состоящая изъ трехъ сельскихъ обществъ Мало-Карачкинской волости и трехъ Татаркасинской. *Черемисскія*: Троицкая земельная община Виловатовражской волости Козьмодемьянскаго уѣзда, состоящая изъ двухъ селъ (Троицкаго и Никольскаго) съ нѣсколькими деревнями. всего въ числѣ 37-ми околодковъ. Въ томъ-же уѣздѣ есть огромная черемисская сложная община «Большая веревка», состоящая изъ десяти селеній Большеюнгинской волости, пятнадцати селеній Малокарачкинской и семнадцати—Кулаковской, а всего изъ 42-хъ селеній.

Изъ этихъ весьма немногочисленныхъ примѣровъ мы видимъ, какъ разнородно составляется сложная община—она можетъ образоваться изъ цѣлой волости, изъ части одной волости и, наконецъ, изъ селеній двухъ или болѣе волостей, независимо границъ волости, очевидно установленныхъ безъ достаточнаго соображенія съ мѣстными условіями.

Въ сложныхъ общинахъ передѣлу земли между отдѣльными домохозяевами, какъ уже было сказано, предшествуетъ раздѣлъ земли между отдѣльными сельскими обществами. или другими самостоятельными частями сложной общины, уравнительно по числу душъ. Такъ, крестьяне (чуваши) Тараевской земельной общины Мало-Карачкинской волости Козьмодемьянскаго уѣзда, въ приговорѣ 10 марта 1883 года постановляютъ: «... въ настоящемъ 1883 году сдѣлать передѣлъ земли всего нашего плана шести обществъ по числу наличныхъ по настоящее число душъ..., т. е. у нѣкоторыхъ сдѣлать скидку, а на прибылыя души накидку тяголъ и раздѣлъ оной земли произвести самымъ правильнымъ и безобиднымъ количествомъ»...

Въ большихъ сложныхъ общинахъ для производства передѣла назначаются особые выборные отъ всѣхъ обществъ, принимающіе присягу. Напримѣръ. указанная выше троицкая община (черемисы) приговоромъ 6 августа 1889 года постановляетъ: «...передѣлъ... на наличныя души считать по селеніямъ въ окончательной формѣ тогда, когда будетъ приведено въ извѣстность количество наличныхъ душъ по именному списку, раздѣлъ пахатной и сѣнокосной земли произвести уравнительно между всѣми сельскими обществами по числу наличныхъ душъ и по старымъ межамъ». Затѣмъ, въ томъ мѣстѣ приговора, гдѣ поименованы выборные, прибавляется: «... которымъ вполнѣ довѣряемъ произвести раздѣлъ земли согласно сего приговора по рубежамъ съ бирками».

Иногда для производства измѣренія земли и распредѣленія ея между обществами приглашается техникъ, который и производитъ эту операцію при помощи и подъ контролемъ выборныхъ. «Въ помощь къ нему, технику Никольскому при передѣлѣ земельныхъ угодій мы избрали изъ среды своей нижепоименованныхъ крестьянъ, которые должны съ нимъ находиться при перемѣркѣ и знать, по скольку приходится на каждую душу и селеніе земельныхъ угодій и гдѣ таковые находятся, вмѣнивъ

въ обязанность, чтобы размежеваніе земель онъ, Никольскій, производилъ во всемъ согласно нашего желанія и по возможности, для удобства, по обработкѣ полей участки для каждаго селенія отводилъ не вдалекѣ» (приговоръ 26 августа 1892 года Шумшевашской сложной общины Ядринскаго уѣзда).

Полная уравнительность распредѣленія земли и удобство расположенія участковъ каждаго общества преслѣдуются особенно настойчиво. Шуматовская община-волость въ приговорѣ 19 іюня 1892 года пишетъ: «технику Никольскому поставляемъ въ непремѣнную обязанность стараться по всей силѣ возможности разверстывать и отводить земельныя угодья количествомъ равномѣрно между всѣми обществами по числу наличныхъ душъ, и, кромѣ того, техникъ Никольскій обязанъ всѣ земельныя угодья отводить для каждаго селенія не вдалекѣ».

Такіе передѣлы земли между однопланными обществами совершенно соотвѣтствуютъ кореннымъ передѣламъ въ простыхъ общинахъ. Но есть въ сложныхъ общинахъ и такіе процессы уравненія земли между отдѣльными обществами, которые аналогичны частнымъ передѣламъ въ простыхъ общинахъ. Именно, иногда въ томъ или иномъ селеніи оказываются упалыя души и эти души распредѣляются путемъ отрѣзокъ и прирѣзокъ между всѣми обществами. Напримѣръ, въ общинѣ № 136 (черемисы) Петриковской волости Козьмодемьянскаго уѣзда, къ 1893 году оказалось десять упалыхъ душъ въ Тойби-Сола и восемь въ Крутомъ Врагѣ. Подати платить за эти упалыя души жителямъ Тойби-Сола и Крутаго Врага оказалось тяжело и въ 1893 году эти 18 земельныхъ душъ были разложены на всѣ однопланныя селенія пропорціонально числу душъ въ каждомъ.

Сложныя общины среди чувашъ и черемисъ Казанской губерніи функціонируютъ совершенно правильно, являясь естественнымъ, нормальнымъ порядкомъ вещей. Тѣмъ не менѣе въ этой нормальной средѣ наблюдается мѣстами процессъ разложенія сложной общины. Хотя въ цѣломъ рядѣ волостей *) сложныя общины совершенно устойчивы, не обнаруживаютъ никакихъ недоразумѣній между однопланниками, но все-таки есть много случаевъ несомнѣннаго разложенія сложной общины, и замѣчательнѣе всего тотъ фактъ, что это разложеніе вызывается внутренними причинами, а не внѣшними, насильственными, неблагопріятными общинѣ вліяніями.

Въ литературѣ **) есть указанія, что сложныя общины сѣвера Европейской Россіи подверглись разложенію, вслѣдствіе неблагопріятныхъ воздѣйствій на сложную общину со стороны администраціи, даже вопреки

---

*) Напр. Сотнурская, Арбанская, Вараксинская, Петриковская волости Козьмодемьянскаго уѣзда; Байстбановская, Б. Абызовская, Аликовская, Хочашевская, Балдаевская, Село-Устьинская—Ядринскаго уѣзда; и мн. др.

**) Статьи Щепотьева, «Сѣв. Вѣстн.», 1886 г., № 2, стр. 81; «Русская Мысль», 1883 г., № 12, стр. 45.

и духу и буквѣ закона *). Ничего подобнаго въ Казанской губерніи незамѣтно, никакія «Климовскія правила» дѣйствія своего на сложную общину чувашъ и черемисъ не проявляли, а между тѣмъ процессъ разложенія въ ихъ сложныхъ общинахъ выразился очень ясно.

Эти регрессивныя явленія въ сложныхъ общинахъ представляютъ большое разнообразіе, но всѣ разнообразныя ихъ формы могутъ быть приняты за различныя стадіи одного и того же процесса, начинающагося продолжительнымъ отсутствіемъ общихъ передѣловъ или легкими земельными неурядицами и недоразумѣніями въ фактически функціонирующей сложной общинѣ и кончающагося полнымъ и безвозвратнымъ превращеніемъ сложной общины въ нѣсколько простыхъ **). Первыя стадіи этого процесса заключаются въ распаденіи большой сложной общины на нѣсколько меньшихъ сложныхъ же общинъ. Совершается это, повидимому, само собою, путемъ фактическаго прекращенія передѣловъ для всей общины цѣликомъ. Напримѣръ, Хормалинская волость Цивильскаго уѣзда (чуваши) фактически состоитъ изъ многихъ земельныхъ общинъ, но всѣ эти общины имѣютъ одну владѣльную запись для всей волости. Ясно, Хормалинская волость когда-то составляла одну земельную общину-волость, а потомъ постепенно фактически распалась, оставаясь юридически нераздѣльной. Старо-Арабасинская волость Цивильскаго уѣзда (чуваши) на памяти стариковъ состояла изъ двухъ земельныхъ общинъ, а теперь ихъ тамъ нѣсколько. Въ Ядринскомъ уѣздѣ Больше-Абызовской волости девять земельныхъ общинъ имѣютъ всего три владѣнныхъ записи.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ разложеніи сложной общины является распаденіе ея на простыя. Періодическіе общіе передѣлы, трудность согласить всѣ общества къ производству ихъ, затруднительность отвода земельныхъ угодій достаточно близко къ селеніямъ, личныя неудовольствія между однопланными деревнями изъ-за вопросовъ пользованія землею и другія причины заставляютъ отдѣльныя общества сложной общины стремиться къ размежеванію съ однопланниками разъ навсегда. Иногда такое размежеваніе совершается по взаимному соглашенію, по полюбовной сказкѣ. Напримѣръ, четырнадцать (чувашскихъ) селеній общины № 38 Козьмодемьянскаго уѣзда размежевались полюбовно. Въ Акзегитовской волости Цивильскаго уѣзда есть три селенія — Старое и Новое

*) «Сѣв. Вѣстн.», l. c., стр. 103.

**) Имѣющіеся въ распоряженіи матеріалы не даютъ возможности прослѣдить *возникновеніе* сложной общины у чувашъ и черемисъ. Впрочемъ, имѣются нѣкоторыя указанія на происхожденіе современной сложной общины съ передѣлами изъ общины перваго захвата. Въ чувашскомъ селеніи Починокъ Инель Кошелеевской волости Цивильскаго уѣзда и въ черемисскихъ—Ташитрской общинѣ Б. Шичакъ. волости Царевококшайскаго уѣзда и Тогашевской общинѣ Тойдакъ. волости Козьмодемьянскаго уѣзда, наблюдается такой порядокъ пользованія чищобами, что всякій пашетъ, гдѣ и сколько хочетъ и пользуется этой чищобой лѣтъ 12 — 15, а послѣ земля идетъ уже въ передѣлъ.

Муратово (чувашскія) и Сунчелеево (татарское), составлявшія прежде одну земельную общину. Но въ началѣ 90-хъ годовъ всѣ три общества окончательно и на всегда размежевались по всѣмъ угодьямъ.

Однако полюбовное размежеваніе возможно не всегда. Недоразумѣнія и непріятности и между отдѣльными селеніями иногда настолько обостряются, что полюбовное размежеваніе не можетъ быть достигнуто и остается одно средство — прибѣгнуть къ судебно-межевому разбирательству. Напримѣръ, въ Царевококшайскомъ уѣздѣ двѣнадцать черемисскихъ селеній общины № 38-й хотятъ полюбовно размежеваться, но селеніе Нижній Азіаль не соглашается по той простой причинѣ, что въ его владѣніи оказалось почему-то непропорціонально болѣе земли, чѣмъ у другихъ. И вотъ по этому дѣлу, вѣроятно, возникнетъ судебно-межевой процессъ. Не мало такихъ процессовъ возникало между однопланниками въ Казанской губерніи. Напр., въ Асакасинской (чувашской) общинѣ № 76 Ядринскаго уѣзда; въ Цивильскомъ уѣздѣ между чувашскими деревнями—Андреевой-Шибылгись, Малой Андреевкой и Новыми Пинерями Шибылгинской волости, и т. д.

Разложеніе сложной общины иногда заходитъ такъ далеко, что даже отдѣльные околодки размежевываются между собою или отмежевываются отъ своихъ однопланниковъ. Напримѣръ, чувашскіе околодки Саруй и Орнары Яниково-Шоркифинской волости Цивильскаго уѣзда имѣютъ свои отдѣльные передѣлы, отмежеванные отъ остальныхъ однопланныхъ селеній. Черемисскій околодокъ Есановъ Виловатовражской волости Козьмодемьянскаго уѣзда былъ однопланенъ съ деревней Юнга-Кушерга Малокарачкинской волости, но недавно отмежевался.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу вѣроятной будущей судьбы инородческихъ сложныхъ общинъ. Если для правильнаго, нормальнаго существованія простой общины малоземелье представляетъ страшное препятствіе, то тѣмъ болѣе вредно должно оно отзываться на сложной общинѣ. Сложная община есть форма общины, приспособленная къ нуждамъ рѣдкаго населенія, имѣющаго въ своемъ распоряженіи много земли и разныхъ угодій. Но когда малоземелье начинаетъ чувствоваться все сильнѣе и сильнѣе, тогда двойная система равненія земли нисколько не обезпечиваетъ крестьянъ—земли все равно мало. Въ то же самое время возникаетъ много лишнихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ. Селенія, у которыхъ почему-либо оказывается непропорціонально болѣе земли, чѣмъ у другихъ, противодѣйствуютъ передѣлу. И само собою разумѣется, что борьба за передѣлъ въ сложной общинѣ иной разъ не можетъ быть окончена ничѣмъ инымъ, какъ судебно-межевымъ разбирательствомъ.

В. Залѣскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

„Гродн. Губ. Вѣд.“ о тѣлесномъ наказаніи. — „Бунтующія мертвыя души“. — Новый городской голова въ Саратовѣ. — „Одесскій Листокъ“ по поводу отмѣны греческаго языка у правовѣдовъ. — „Гражданинъ“ о правовѣдахъ и лицеистахъ. — Осужденіе жандарма, по „Развѣдчику“.—Какъ „Приазовскій Край“ поймалъ „Новое Время“. — „Жизнь и Искусство“ о борьбѣ съ пожаромъ. — Холера въ Баку въ 1892 г. — Проказа въ разныхъ мѣстностяхъ.—Жары на югѣ. — Одесская выставка. — Уголовная статистика Одессы. — Наши скандалы.

Вмѣстѣ со многими провинціальными собратьями, мнѣ не разъ случалось говорить о необходимости безусловной отмѣны позорнаго тѣлеснаго наказанія въ волостномъ судоотправленіи. Мы говорили во имя человѣческаго достоинства, въ интересѣ смягченія нравовъ.

Но вотъ совсѣмъ съ новой стороны подходитъ къ этому вопросу «волостной писарь», печатающій свои замѣтки въ «Гродн. Губ. Вѣдомостяхъ». Выводъ изъ его наблюденій таковъ, что право сѣченія, предоставленное волостному суду, какъ органу «правящаго класса» въ деревнѣ—прямо враждебно всякому улучшенію въ волостномъ управленіи, такъ какъ этимъ правомъ «правящій классъ» пользуется, между прочимъ, и противъ лучшихъ людей — болѣе образованныхъ, болѣе независимыхъ по характеру, умѣющихъ и желающихъ провѣрять отчеты о сборахъ и расходахъ.

Изложу вкратцѣ показаніе автора. Въ волости—двѣ партіи: правящій классъ, стремящійся къ наживѣ на общественныхъ дѣлахъ, и остальное населеніе, которое боится растратъ, ведущихъ къ увеличенію сборовъ. На сторонѣ правящаго класса — лучшее знакомство съ порядками, но главное — «въ его рукахъ, въ качествѣ важнаго рессурса, находятся розги». Молодыхъ ревнителей общественныхъ интересовъ, опасныхъ вслѣдствіе ихъ грамотности и могущей создаться популярности, «правящій классъ», подыскавъ, а иногда и намѣренно создавъ какой нибудь предлогъ, подвергаетъ сѣченію. Этимъ охлаждается ихъ рвеніе, подрывается ихъ достоинство и, главное, устраняется для нихъ, какъ подвергшихся тѣлесному наказанію, возможность въ будущемъ занимать общественныя должности. Авторъ приводитъ примѣръ молодого крестьянина, который, пріобрѣвъ образованіе, сдѣлался ходатаемъ и защищалъ другихъ крестьянъ отъ разныхъ несправедливостей волостного «правящаго класса». Къ нему подослали пьянаго, который сталъ шумѣть въ его домѣ и былъ имъ выгнанъ. Волостной судъ и приговорилъ этого сельскаго адвоката къ наказанію розгами за оскорбленіе. Въ такихъ случаяхъ волостные заправилы говорятъ такъ: «ого-го! онъ вельми разумны: треба таки яго троху погладить; нехай носъ не задирае».

Такимъ образомъ, розги иногда служатъ страшнымъ средствомъ именно противъ лучшихъ и сколько-нибудь образованныхъ людей въ деревнѣ, средствомъ для устраненія конкуррентовъ и для прикрытія злоупотребленій. Но освободить отъ тѣлеснаго наказанія однихъ только грамотныхъ было-бы несправедливо. Чѣмъ-же виноваты тѣ, кто родился далеко отъ мѣстонахожденія школы? Исходъ только одинъ — совершенная отмѣна этого рода кары.

Здѣсь будетъ кстати привести изъ «Самарской Газеты» примѣръ того, какъ сельскій «правящій классъ», имѣя въ рукахъ мошну и власть, соединенную съ розгами, можетъ иногда эксплуатировать крестьянъ. Статья носитъ характерное названіе: «Бунтующія мертвыя души». «Мертвыя или иначе пустоватыя души въ крестьянскихъ обществахъ, говоритъ газета, это—неизсякаемый источникъ темныхъ доходовъ для сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ, писарей, урядниковъ, сотниковъ, словомъ, всѣхъ наличныхъ властей деревни и ихъ присныхъ». Въ прошломъ октябрѣ, въ Пестравскомъ обществѣ, сходъ, на которомъ были представлены 720 домохозяевъ, постановилъ измѣнить существующій порядокъ пользованія землею и ввесть, вмѣсто него, порядокъ пятипольный. Приговоръ этотъ въ декабрѣ былъ утвержденъ земскимъ начальникомъ. На этомъ основаніи, въ нынѣшнемъ маѣ былъ утвержденъ сходомъ новый подворный списокъ съ указаніемъ, на сколько душъ домохозяева должны получать въ свое пользаваніе земли въ поляхъ. При этомъ члены общества, умершіе или перешедшіе въ другія общества, послѣ послѣдняго раздѣла земли на души, были исключены и потребное число надѣловъ оказалось вслѣдствіи того—1,500, вмѣсто прежнихъ 1,700, т.-е. 200 надѣловъ оказались «пустовыми». Благодаря такому исключенію «мертвыхъ душъ», размѣръ пахатной земли, приходящійся на одну живую душу, увеличился почти на цѣлую десятину.

Но это вполнѣ раціональное и справедливое распоряженіе общества было невыгодно для волостного старшины, который прежде самъ распоряжался пустовыми надѣлами, въ роли какъ-бы «душеприказчика мертвыхъ душъ, сѣялъ хлѣба до 100 десятинъ, косилъ траву, рубилъ лѣсъ ежегодно, сколько и гдѣ желалъ — и вдругъ лишился всего этого, оставшись при своихъ двухъ кабацкихъ душахъ!» Старшина старался подѣйствовать на мѣстнаго старосту, чтобы устроить иначе передѣлъ земли, «воскресивъ и оставивъ вживѣ хоть половину мертвыхъ душъ». Но староста не поддался и не выдалъ своихъ. Передѣлъ состоялся согласно съ приговоромъ. Сперва подѣлили озимыя поля, а потомъ подѣлили и яровыя, изъ которыхъ первое уже успѣли вспахать, а второе пахали. Какъ вдругъ 1-го іюля, ночью, староста былъ вызванъ въ волостное правленіе и долженъ былъ отдать свои должностные знаки: должность его была передана кандидату его. На слѣдующій день получено было отношеніе волостного правленія (въ статьѣ приводится его нумеръ) на имя сельскаго схода о томъ, что постановленіемъ земскаго началь-

ника староста временно устраненъ за его неправильныя дѣйствія, а назначенъ другой, которому предписано предложить сельскому сходу сложить съ крестьянъ тѣ лишніе душевые надѣлы, которые были на нихъ распредѣлены, оставить тѣ надѣлы пустовыми и сдавать ихъ своимъ односельчанамъ съ торговъ, а выручаемыя деньги вносить на уплату казенныхъ сборовъ.

И въ дѣйствительности совершилось невѣроятное. Крестьяне должны были покориться волостному старшинѣ, лишь-бы только не подвергать передѣлу полей уже вспаханныхъ. «Вотъ еще, замѣчаетъ «Сам. Газета», яркое доказательство деревенской безпомощности въ борьбѣ съ хищничествомъ»... «Результатомъ этого бунта мертвыхъ душъ» явился новый приговоръ о надѣлѣ ихъ землею частью въ другомъ мѣстѣ, въ хвостѣ дачи, на одно поле, а въ остальныхъ трехъ поляхъ—наравнѣ съ живыми. Эти возстановленные пустовые надѣлы будутъ отдаваться съ торговъ попрежнему — старшинѣ съ его клевретами за плату отъ 1 до 2 рублей вмѣсто того, чтобы избавить старшину отъ необходимости арендованія земли у собственниковъ за 15—20 рублей. «Клевреты» старшины, въ числѣ 10-ти человѣкъ, и подали земскому начальнику заявленіе о «неправильныхъ будто-бы дѣйствіяхъ старосты и, по догадкѣ газеты, вѣроятно, еще на словахъ объяснили дѣло въ извращенномъ видѣ.

Не зная возраженій противной стороны, не берусь окончательно судить объ этомъ именно дѣлѣ. Но я остановился на немъ потому, что изъ него вполнѣ уясняется одно важное обстоятельство, а именно, что передѣлъ земель, съ распредѣленіемъ на живыя души участковъ выморочныхъ или брошенныхъ—весьма часто можетъ затрудняться тѣмъ фактомъ, что пустовые участки берутся съ торговъ за безцѣнокъ старшинами, кабатчиками и вообще вліятельными крестьянами. И нѣтъ ничего невѣроятнаго въ догадкѣ, что эти и другія подобныя обстоятельства, вытекающія изъ безсилія міра противъ міроѣдовъ, на сторонѣ которыхъ власти, создаютъ искусственное малоземелье и тамъ, гдѣ его могло-бы еще и не быть, а иногда, быть можетъ, толкаютъ крестьянъ и въ такъ называемое переселеніе, очевидно, что для улучшенія въ Россіи земледѣлія еще недостаточно заботъ о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній и т. п., а необходимо прежде всего нѣкоторое улучшеніе порядковъ.

Въ Нижнемъ кипитъ работа на постройкахъ, назначенныхъ для выставки будущаго года: на мѣстѣ выставки работаютъ до 4 тысячъ человѣкъ. Недавнее оффиціальное объявленіе, что она ни въ какомъ случаѣ отложена не будетъ и должна открыться въ маѣ, ускорило производство работъ. Ихъ предполагается даже—какъ узнаю изъ «Моск. Вѣдомостей»—окончить вчернѣ нынѣшней-же осенью, по той любопытной причинѣ, что «сама выставка строится на болотѣ, которое иногда заливается весеннею водой, которая, въ случаѣ большого разлива, можетъ повредить зданія выставки, и есть серьезное опасеніе, что работы раннею весной производить будетъ нельзя». Мнѣ кажется, отсюда логич-

нѣе-бы истекало прекращеніе работъ по устройству выставки на болотѣ, чѣмъ ускореніе ихъ.

Вообще, нѣсколько странно, что для «всероссійской» выставки избранъ такой городъ, въ которомъ, по случаю ея, приходится еще и гостинницы новыя строить, и освѣщеніе заводить, и новое пароходное сообщеніе. По этому случаю городъ выпускаетъ заемъ въ 650 т. р. и получаетъ пособіе отъ казны въ 300 т. р, Между тѣмъ, въ Москвѣ для выставки нашлось-бы все готовымъ, и такъ какъ ядро «всероссійскаго купечества» на ярмаркѣ представляется москвичами, то не проще-ли было имъ смотрѣть выставку—въ Москвѣ, чѣмъ ѣхать на ярмарку недѣлей раньше по случаю выставки? Впрочемъ, «все случайно въ Божьемъ мірѣ». Выставка будетъ въ Нижнемъ собственно потому, что изъ Нижняго ходатайствовали о выставкѣ.

Выскажу желаніе, чтобы слѣдующая всероссійская выставка была устроена въ приволжскомъ-же городѣ—въ быстро растущемъ Саратовѣ. Тогда и для его благоустройства перепадетъ что-нибудь отъ выставки. А то теперь въ Саратовѣ, по отзыву «Самарской Газеты», исключая центръ города, остальныя улицы утопаютъ въ грязи и потьмахъ; городъ не находитъ денегъ для постройки зданія для публичной библіотеки и находитъ ихъ для освѣщенія театра электричествомъ». Недурно было-бы даже держать всероссійскую выставку въ постоянномъ сборѣ (только постепенно подсвѣжая «экспозиты» и «экспонаты») и переносить ее изъ одного крупнаго города въ другой, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ пособія и права выпустить заемъ на чистку и нѣкоторыя улучшенія—по случаю перевезенія въ тотъ городъ всероссійской выставки. Такимъ образомъ, конечно, при помощи казны (безъ нея что-же у насъ можетъ быть сдѣлано) постепенно устранилось-бы всероссійское безобразіе городовъ, которые и оказались-бы приведенными въ «благообразный видъ», какъ нынче пишутъ о Нижнемъ, или въ «благовидный образъ», что—то же самое.

Отсталость Саратова въ весьма существенныхъ отношеніяхъ, какъ-то: неимѣніе водопровода, недостатокъ въ городскихъ школахъ, даже въ мостовыхъ, «Сам. Газета» относитъ именно къ тому обстоятельству, что во главѣ городского управленія «до сихъ поръ такъ упорно стоялъ чумазый; долго владычествовалъ въ Саратовѣ складчикъ Недошивинъ, и послѣ него распоряжался еще болѣе чумазый складчикъ Епифановъ». Имя г. Епифанова одно время гремѣло; нѣкоторыя выходки его нрава, не любившаго препятствій, стали извѣстными всей Россіи. И вдругъ, такое паденіе: его называютъ просто «чумазымъ» и та-же газета сообщаетъ подробность, что онъ вполнѣ подчинялся одному гласному «ловкому аферисту и ханжѣ», который тутъ-же названъ.

Дѣло въ томъ, что теперь въ Саратовѣ новый голова. На выборахъ купеческое большинство думы, которому, наконецъ, надоѣлъ нравъ г. Епифанова, подало голоса вмѣстѣ съ «интеллигенціей» за ея канди-

дата—г. Фролова, землевладѣльца, бывшаго уѣзднымъ предводителемъ дворянства, состоящаго присяжнымъ повѣреннымъ и предсѣдателемъ мѣстнаго литературнаго фонда. «Сам. Газета» возлагаетъ большія надежды на новаго голову, который былъ близокъ къ бывшему губернатору, ген. Косичу, и даже оказывалъ на него «благотворнѣйшее вліяніе». Характеръ веденія городскихъ дѣлъ долженъ измѣниться въ такомъ смыслѣ, чтобы были приняты во вниманіе интересы большинства населенія и чтобы упорядочено было городское хозяйство, «гдѣ хищенія всякаго рода свили себѣ прочное гнѣздо»; расхищались городскія земли, и въ земельномъ хозяйствѣ «не воруетъ только лѣнивый».

О такихъ фактахъ не могу упоминать иначе, какъ приводя буквально выраженія статьи. «Хищенія, свившія себѣ гнѣздо»—аллегорія, которую нельзя признать удачной, но не слѣдуетъ останавливаться на обмолвкахъ автора, который имѣетъ въ виду дѣйствительную пользу. Но вполнѣ ли осуществятся его ожиданія, такъ какъ купеческое большинство могло избрать г. Фролова, но можетъ и не поддержать такихъ его начинаній, которыя вели-бы къ возвышенію сборовъ съ трактировъ, лавокъ и домовъ, для улучшеній, несоотвѣтствующихъ понятіямъ этого большинства? Самъ-же авторъ письма изъ Саратова въ «Сам. Газ.» энергически выражается объ этомъ такъ, что «нельзя на самомъ дѣлѣ требовать отъ коровы, чтобы она летала по воздуху». Положимъ этого нельзя требовать и отъ человѣка, хотя-бы онъ принадлежалъ къ «интеллигенціи».

Во всемъ этомъ неважны мѣстныя особенности и тѣ или другія имена. Положеніе дѣлъ въ Саратовѣ взято мною, только какъ примѣръ общаго положенія дѣлъ городского управленія, наизависящаго отъ рѣшительнаго преобладанія въ немъ того элемента, который приводимый авторъ несовсѣмъ деликатно называетъ «чумазымъ». Не мало было примѣровъ, что чумазое большинство избирало въ городскіе головы образованнаго человѣка, но что, находясь въ зависимости отъ большинства, такой человѣкъ или не могъ сдѣлать ничего путнаго, или даже самъ проникся эгоистическими интересами избравшихъ его кружковъ. Впрочемъ, желаю новому саратовскому головѣ всякаго успѣха.

По словамъ телеграммы изъ Петербурга, которую я нашелъ въ «Одесскомъ Листкѣ», въ училищѣ правовѣдѣнія отмѣнено преподаваніе греческаго языка и введено преподаваніе сельскаго хозяйства. Правда, высшій учебный курсъ долженъ имѣть характеръ спеціальный и преподаваніе греческаго языка въ училищѣ правовѣдѣнія если происходило въ дѣйствительности, то было столь-же неумѣстно, какъ оно было-бы на юридическихъ факультетахъ. Но что пришлось-бы подумать о введеніи въ курсъ юридическихъ факультетовъ—сельскаго хозяйства? «Одесскій Листокъ» по поводу этой замѣны пространно остроумничаетъ въ такомъ родѣ, что: «ни Гомера, ни Софокла вы никоимъ образомъ въ плугъ не запряжете, ни молочнымъ хозяйствомъ заниматься не заставите» и т. п. Но дѣло вовсе не въ томъ, что знаніе греческаго языка не можетъ замѣнить по-

знаній агрономическихъ, а въ томъ,—для чего юристамъ быть агрономами? Развѣ потому, что въ сельскохозяйственныхъ институтахъ читается законовѣдѣніе.

У насъ всегда такъ. Программы всѣхъ курсовъ слишкомъ обширны, во всѣхъ частныхъ инструкціяхъ непремѣнно есть параграфъ, который гласитъ, что во всѣхъ прочихъ случаяхъ надлежитъ руководствоваться общими законоположеніями» (какъ будто общія законоположенія были-бы лишены силы безъ такого ихъ подтвержденія частными инструкціями); въ объявленіяхъ, которые вывѣшены въ трактирахъ—воспрещается нарушать тишину и производить безпорядокъ (точно безъ такого предупрежденія не могли дѣйствовать относящіеся сюда законы). Вообще, много лишняго—и въ учебныхъ программахъ и въ правилахъ благоповеденія, а ученіе все-таки слабо и благоповеденія вовсе нѣтъ, о чемъ слѣдуетъ ниже.

Многословіе въ правилахъ и т. д., зависитъ отъ того, что при «выработкѣ» ихъ каждый старался отличиться, предложивъ какое-нибудь удачное дополненіе—отъ себя. Особеннымъ расположеніемъ въ извѣстной средѣ пользуются именно статьи свойства отрицательнаго. Говорятъ про одного дѣльца, что зная это расположеніе, онъ проводилъ самые «широкіе компанейскіе уставы, редактируя ихъ преимущественно въ смыслѣ отрицательномъ. Напр.: «воспрещается обществу выпускать облигацій на сумму превышающую двойную сумму его основного капитала». Уставъ, будто-бы, проходилъ, въ виду такой строгости большей части параграфовъ, а на дѣлѣ они давали компаніи возможность сдѣлать вдвое, вдесятеро болѣе долговъ, чѣмъ у нея могло быть наличнаго капитала.

Да возьмите обыкновенную почтовую повѣстку о посылкѣ. Что можетъ быть въ ней, разсуждая философски? Свѣдѣнія, что выдача производится въ такіе-то часы, за исключеніемъ чиселъ, написанныхъ въ одной строкѣ, и что нужно такое-то удостовѣреніе личности. Но взгляните на почтовую повѣстку, она прямо начинается словами: выдача корреспонденціи *не производится* (крупный шрифтъ) тогда-то. при чемъ подробно приведенъ каждый праздникъ, съ полнымъ его именованіемъ. Такъ что эта «выдача *не производится*» занимаетъ значительную часть того извѣщенія, которое приглашаетъ васъ явиться къ выдачѣ.

Все это, повторяю, зависитъ отъ того, что каждый, кто только могъ имѣть малѣйшій голосъ, желалъ отличиться внесеніемъ своей лепты на сооруженіе величественнаго зданія. И отсюда такое стѣсненіе входа въ него и неудобство выхода. Кто-же нибудь разсчитывалъ на отличіе и за введеніе въ курсъ правовѣдѣнія—науки сельскаго хозяйства, если только (долженъ сдѣлать эту оговорку) самое извѣстіе о томъ вѣрно.

Кстати, по поводу правовѣдовъ. Провинціальныя газеты приводятъ, въ извлеченіяхъ, неожиданныя и любопытныя замѣтки «Гражданина» о правовѣдахъ и лицеистахъ. «Гражданинъ» вообще—настолько интереснѣе «Московскихъ Вѣдомостей», насколько юродивый интереснѣе обыкновен-

наго вахтера присутственныхъ мѣстъ. «Гражданинъ» нѣтъ-нѣтъ, да что-нибудь и «откопаетъ» такое, въ чемъ есть правда, хотя по большей части странно у него выраженная. Въ данномъ случаѣ странно то, что «Гражданинъ», привилегированный органъ привилегій, недоволенъ привилегированными заведеніями. Недоволенъ за то, что они выдаютъ «по двѣ, по три золотыхъ медали» на одинъ выпускъ, «по парамъ и тройкамъ записываются на мраморныя доски». Казалось-бы, привилегія—такъ привилегія. Но вдругъ этимъ недоволенъ, кто-же?—«Гражданинъ». Во всякомъ случаѣ, три золотыхъ медали на одинъ выпускъ,—это менѣе убыточно для казны, чѣмъ тѣ непомѣрныя облегченія въ кредитѣ и въ взысканіи недоимокъ извѣстной категоріи, которыя постоянно и настойчиво рекомендуетъ та-же газета. Двѣ лишнихъ медали въ годъ, стоютъ много-много 200 рублей; это еще не разоритъ казну. Но постоянно «причислять къ капиталу. то есть просто не взыскивать недоимокъ банку на нѣсколько сотъ тысячъ въ каждое полугодіе, что уже куда накладнѣе.

Но «Гражданинъ» недоволенъ и воспитанниками привилегированныхъ заведеній, упрекая ихъ въ излишней самоувѣренности, угодливости, карьеризмѣ. Вотъ ужъ прямо—своя своихъ не познаша. «Они сразу заявляютъ себя готовыми и способными быть, если не спасителями, то все-же столпами отечества (Не имѣя подъ рукой «Гражданина», цитирую по «Приазов. Краю» нумеръ 24 іюля). Духъ этихъ заведеній не мало способствуетъ такой твердой увѣренности ихъ питомцевъ, что они способны быть государственными людьми и почти всѣ даже въ фигурѣ изображаютъ, что они готовы!»... «И они правы—сказано въ той-же статьѣ:—немного усердія, много мѣднаго лба, немного вниманія и много ухаживанья за начальствомъ—и Россія получитъ этихъ блестящихъ малолѣтковъ черезъ нѣсколько лѣтъ—начальниками отдѣленій, вицедиректорами, директорами и такъ далѣе». Положимъ—и такъ далѣе въ последнее время случайно выходило именно—не изъ нихъ. Но все-таки непонятно, почему «Гражданинъ» недоволенъ быстротою карьеры—молодыхъ людей, «которые даже въ фигурѣ изображаютъ, что они—готовы?»

Консервативная газета выражаетъ удивленіе, что «они знаютъ каждаго директора департамента по имени и отчеству, знаютъ, кто изъ дѣлопроизводителей имѣетъ вліяніе, кто не имѣетъ, или знаютъ весь чиновничій міръ интригъ и сплетенъ». Но что же въ этомъ удивительнаго? Всякъ старается узнать хорошо ту среду, въ которой онъ намѣренъ дѣйствовать. А что же, по мнѣнію «Гражданина», слѣдовало бы изучать этимъ избраннымъ юнцамъ? Земскія статистическія свѣдѣнія, отчеты земскихъ управъ? Но вѣдь самъ же «Гражданинъ» надняхъ формально объявилъ, что полезно было бы просто отмѣнить земскія учрежденія, возложивъ все ихъ дѣло на чиновниковъ. А для чиновниковъ не нужно земской статистики; для нихъ достаточны правила и формы. Итакъ, нечего пенять на начинающихъ чиновниковъ, что они изучаютъ только среду своего служебнаго дѣйствія.

«Знаній — привожу слова «Гражданина», все по ростовской газетѣ (номеръ 24 іюля)—оказывается—очень мало, слѣда системы въ образованіи—никакого (вотъ теперь, когда къ законовѣдѣнію прибавлено сельское хозяйство, систематичность знаній, пожалуй, выиграетъ)... Убѣжденій никакихъ (и къ чему бы они? развѣ не лишній багажъ при постепенномъ переходѣ на мѣста въ 5—7 губерніяхъ...) Логика дѣтская, психическій міръ совсѣмъ поверхностный...» Но тутъ «Гражданинъ» уже, очевидно, зарвался, что можно написать и съ перестановкой буквъ. Какихъ же ему людей нужно, для «преслѣдуемыхъ» имъ цѣлей, если не—именно такихъ? Тутъ очевидное недоразумѣніе, и «Гражданинъ» въ приведенныхъ замѣткакъ недоволенъ тѣмъ, что «молодая слишкомъ красива (que la mariée est trop belle)». Такіе именно люди и нужны, если намъ нужно только все то, чего желаютъ «Гражданинъ» и «Моск. Вѣдомости».

Каждому городскому жителю знакомо то явленіе, что при съѣздахъ—у театровъ-ли, или у станцій, въ ожиданіи поѣздовъ—извозчики стоятъ правильной вереницей, которая имѣетъ голову и хвостъ. Между головой и хвостомъ полагается интервалъ. Впрочемъ, бываютъ и два интервала. если часть хвоста приходится загнуть за уголъ. Въ головѣ первыя мѣста занимаютъ отборные извозчики. лихачи; за ними стоятъ средніе, но все-таки не дешевые, а въ хвостѣ уже—все остальное количество. И никого никогда не удивляло такое замѣчательное, на первый взглядъ, умѣнье извозчиковъ разставляться по чинамъ. Всякъ зналъ, что никакого умѣнья съ ихъ стороны при этомъ не требуется и что занимаютъ они свои мѣста въ силу того же закона, по какому размѣщается публика въ театрѣ. Въ печати ни разу не было отмѣчено это, хотя мелкое, но ежедневно наблюдаемое явленіе. Впрочемъ, газеты такъ заняты болгарскими дѣлами. что для подобной мелочи въ нихъ нѣтъ мѣста.

Но вотъ, въ московскомъ военно-окружномъ судѣ недавно разсматривалось дѣло о рядовомъ жандармѣ Б., обвиненномъ въ вымогательствѣ съ извозчиковъ, когда онъ былъ въ нарядѣ у городского манежа—по 5 копѣекъ за право стоять у манежа, при чемъ съ одного извозчика онъ уже и получилъ 7 коп. Судъ приговорилъ Б. къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на годъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, но при этомъ ходатайствовалъ о смягченіи наказанія, въ виду собственнаго сознанія Б., недостаточнаго имъ пониманія важности его дѣйствія и еще одного обстоятельства, которое приведу со словъ отчета о дѣлѣ, заимствованнаго «Приазовскимъ Краемъ» (28 іюля) и «Самарскою Газетой» (25 іюля) изъ «Развѣдчика». Судъ принялъ еще во вниманіе, что подсудимый дѣйствовалъ «подъ вліяніемъ дурного примѣра со стороны нижнихъ чиновъ городской полиціи, между которыми полученіе денежнаго вознагражденія съ извозчиковъ представляетъ явленіе довольно обыкновенное и притомъ такое, которое подсудимый могъ наблюдать неоднократно».

Къ несчастію для Б., высшая судебная инстанція признала, что это

послѣднее обстоятельство составляетъ—не основаніе къ смягченію кары, а скорѣе—«поводъ къ возбужденію противъ Б. новаго преслѣдованія за укрывательство преступныхъ дѣяній чиновъ городской полиціи». И приговоръ былъ утвержденъ въ первоначальномъ видѣ. Такимъ образомъ, Б., который сознался въ томъ, что незаконно получилъ 7 коп. съ извозчика, осужденъ на годъ арестантскихъ ротъ съ лишеніемъ правъ. А между тѣмъ, нынѣ и впредь, ежедневно въ разныхъ пунктахъ Москвы и Петербурга, сотни извозчиковъ стоятъ при съѣздахъ съ прежней, замѣчательной регулярностью: зарабатывающіе больше—впереди; затѣмъ—пустой интервалъ; наконецъ — длинный хвостъ имѣющихъ меньшіе заработки. И все обстоитъ благополучно.

Я какъ-то разъ говорилъ, что провинціалъ, пріѣхавъ въ Петербургъ постоянно думаетъ о томъ, какъ-бы не уронить своего достоинства при видѣ чего-либо новаго или примѣчательнаго. Но зато провинціалъ, если поймаетъ петербуржца на какомъ-нибудь враньѣ, то именно тогда принимаетъ тонъ ироническаго смиренія, къ вящей досадѣ обличеннаго петербуржца. Вотъ напр. какъ «Приазовскій Край» обращается къ «величественнымъ олимпійцамъ» «Новаго Времени»: «конечно, Боже насъ упаси даже въ помыслахъ держать — становиться съ ними на одну высоту, куда ужъ намъ, маленькимъ, до этихъ гигантовъ!» Но такое униженіе паче гордости ростовская газета напускаетъ на себя послѣ того, какъ сама дала чувствительный щелчокъ петербургскому собрату, который зарапортовался.

Узнавъ изъ мѣстныхъ объявленій, что въ Ростовѣ-на-Дону есть театръ Асмолова и зная, по петербургскому его магазину, что въ Ростовѣ есть табачная фабрика Асмолова, «Новое Время», на основаніи этихъ матерьяловъ, отмѣтило любопытное общественное явленіе. «Въ послѣднее время, по словамъ «Нов. Вр.», на *многихъ* большихъ фабрикахъ и *заводахъ* устраиваются правильно организованные театры. Извѣстны, напримѣръ, театры на табачныхъ фабрикахъ Кушнарева и Асмолова въ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ спектакли чередуются для мѣстной интеллигенціи и рабочихъ». И такъ, «Нов. Вр.» собственноручно перенесло театръ Асмолова на фабрику Асмолова, а затѣмъ «творя изъ чистаго разума, по аналогіи приплело сюда и фабрику Кушнарева», гдѣ также никакого театра нѣтъ. Сверхъ того, оно «приплело» еще «многія фабрики и заводы» и даже пояснило, какъ чередуются спектакли на «правильно организованныхъ» театрахъ, которые не существуютъ. И вотъ, «Приазовск. Край» иронизируетъ, совѣтуя петербургскимъ журналистамъ читать провинціальныя газеты внимательнѣе.

Нынѣшнее лѣто, очень жаркое, конечно не уступило ближайшимъ предшествовавшимъ, по количеству пожаровъ. Горѣли нѣсколько городовъ, а сельскихъ пожаровъ было столько, что о нихъ писали именно, какъ объ эпидеміи. Кіевская газета «Жизнь и Искусство», разсматривая вопросъ о борьбѣ съ пожарами, напоминаетъ при этомъ случаѣ о нѣ-

сколькихъ данныхъ, заявленныхъ въ Валуевской комиссіи по изслѣдованію сельскаго хозяйства. Въ теченіе 25 лѣтъ у насъ почти всѣ села выгораютъ и вновь выстраиваются, а изъ суммы отъ 60 до 80 милл. рублей ежегодныхъ пожарныхъ убытковъ въ Россіи бо̀льшая часть приходится на деревни. Администраціи не удается побудить крестьянъ къ исполненію, при перестройкѣ послѣ большихъ пожаровъ — правила строительнаго устава, которымъ требуется, чтобы деревни строились не сплошь, а гнѣздами, не болѣе, какъ изъ восьми дворовъ, съ тѣмъ, чтобы внутри этихъ гнѣздъ жилыя строенія отдѣлялись огородами, а между такими гнѣздами оставались-бы переулки въ шесть саженей. Но крестьяне не исполняютъ этого требованія закона—потому что не имѣютъ возможности его исполнить. «Крестьяне сами желали-бы раздвинуть свои селенія, говорится въ трудахъ указанной комиссіи, но не могутъ, такъ какъ по «положенію» 19 февраля, имъ назначена черта усадьбъ, за которую выйти они не имѣютъ права, а прибавленіе народонаселенія и семейные раздѣлы увеличиваютъ количество отдѣльныхъ крестьянскихъ усадьбъ».

«Ближайшей задачей въ дѣлѣ борьбы съ дѣйствіемъ огня «Жизнь и Искусство» считаетъ «выработку системы мѣръ, могущихъ содѣйствовать подъему крестьянскаго благосостоянія». Такъ, употребленіе на кровлю соломы зависитъ отъ бѣдности, поджоги являются какъ послѣдствіе экономическаго гнета, произвола кулаковъ и безправнаго положенія женщинъ и т. п. «Только на такой почвѣ (подъемъ благосостоянія и распространеніе просвѣщенія) и можетъ, по мнѣнію газеты, быть серьезно организована борьба съ разрушительнымъ дѣйствіемъ огня». Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ усилія государства должны быть направлены къ подъему благосостоянія четырехъ пятыхъ всего населенія и къ распространенію образованія. Но въ ряду такихъ мѣръ могутъ быть и мѣры спеціальныя, какъ напр. по пріобрѣтенію земли, устройству переселеній и мелкаго кредита, да хотя-бы и предоставленію крестьянамъ права размѣрять, по приговору міра, усадебную землю для болѣе безопаснаго разселенія. Если въ самомъ дѣлѣ одинъ законъ препятствуетъ крестьянамъ погорѣвшей деревни разселиться шире, согласно съ требованіемъ другого закона, то ясно, что въ первомъ изъ нихъ необходимо сдѣлать соотвѣтственное измѣненіе. Между тѣмъ, прошло около 20 лѣтъ послѣ изданія трудовъ Валуевской комиссіи, а многія цѣнныя указанія, заявленныя въ ней самими крестьянами и людьми близко знавшими крестьянскій бытъ, такъ и остаются въ толстыхъ синихъ томахъ тѣхъ трудовъ.

Весьма вѣроятно, что поджоги являются и какъ результатъ тяжкаго кулацкаго гнета, о которомъ упоминалось уже выше. Но зачѣмъ-же заставлять крестьянъ вновь строиться такъ, что отъ перваго слѣдующаго поджога какого-нибудь гумна опять сгоритъ вся деревня? Если законъ предоставляетъ крестьянскому обществу приговоромъ $^2/_3$ голосовъ самое общинное пользованіе землей замѣнить подворнымъ владѣніемъ, то по-

чему-же онъ не могъ-бы имъ предоставить, въ силу такого-же приговора, расширять усадебную землю съ перечисленіемъ на нее соотвѣтственной части выкупныхъ платежей? А вѣдь устраненіе препятствія къ болѣе безопасному разселенію являлось-бы самой дѣйствительной спеціальной мѣрой къ уменьшенію объемовъ каждаго пожарнаго случая, и само составляло-бы одну изъ мѣръ къ подъему крестьянскаго благосостоянія. Напрасно откладывать то, что можетъ быть сдѣлано сегодня, въ ожиданіи, что все явится само собой, когда мы разбогатѣемъ и просвѣтимся. Да мы и не разбогатѣемъ никогда, если будемъ откладывать всѣ поправки ad calendas graecas, какими представляется иногда отсрочка возможной частной мѣры до подъема благосостоянія.

Такъ, когда три года назадъ появилась у насъ холера, впервые—въ Баку, то не было принято сколько-нибудь серьезныхъ мѣръ противъ занесенія ея въ другія мѣстности. Старательный осмотръ пассажировъ на пристаняхъ и желѣзнодорожныхъ станціяхъ, на рейдѣ Волги, дѣйствительная дезинфекція вещей—все это, положимъ, не предупредило-бы безусловно занесенія эпидеміи внутрь государства. Но вѣдь есть-же разница, проѣхала-ли сотня больныхъ или тысячи? Нѣтъ спора, что необходимо стремиться къ улучшенію санитарнаго состоянія, но развѣ-же это мѣшало принятію непосредственно предупредительныхъ мѣръ, чтобы стѣснить или замедлить распространеніе холеры? А такъ, черезъ мѣсяцъ послѣ появленія ея въ Баку, она уже была въ Москвѣ. Вотъ что пишетъ въ «Вѣстн. Обществ. Гигіены» г. Лорисъ-Меликовъ, командированный въ Персію и бывшій тогда въ Баку (цитирую по «Р. Вѣдомостямъ»): «Перевозка пассажировъ, которые переполняли всѣ отходящіе пароходы, представляла ужасное зрѣлище. Пассажиры, какъ мухи, умирали на пароходахъ... Когда Баку опустѣлъ и когда эти несчастные бѣжавшіе отъ паники пассажиры занесли холеру съ собой во всѣ порты, только тогда было запрещено перевозить пассажировъ, и то только изъ Энзели»... Врачей было такъ мало, что они едва успѣвали наскоро констатировать отсутствіе холеры у пассажировъ; дизенфекція вещей и товаровъ отправляемыхъ внутрь страны производилась совершенно недостаточная...

Вотъ что значитъ иногда пренебрегать тѣмъ, что необходимо и возможно сдѣлать сейчасъ—какъ слишкомъ «мелкимъ».

Точно такъ—раньше, чѣмъ идти на Константинополь для исполненія желаній «Южнаго Края» (см. іюньскую книжку), намъ слѣдовало-бы серьезно позаботиться о прекращеніи распространенія въ Россіи страшной болѣзни—проказы. Какъ-бы съ нею также не случилось чего-нибудь неожиданнаго. Во всякомъ случаѣ, довольно страннымъ являлся тотъ фактъ, что вниманіе русскаго общества къ распространенію проказы въ Сибири было возбуждено впервые появленіемъ въ Петербургѣ англичанки, ѣхавшей въ Сибирь для ознакомленія съ этимъ вопросомъ и устройства какого-либо начала помощи.

Обстоятельство это нѣсколько озадачило собственно только нервныхъ

людей. Но когда, нынѣшней весной въ Ямбургскомъ уѣздѣ, не безъ усиленныхъ о томъ извѣщеній въ газетахъ, была открыта колонія для прокаженныхъ, основанная на частныя пожертвованія, то нервные люди успокоились. У насъ есть проказа, но за то теперь есть и колонія «для нея». Но вотъ азовская дума ходатайствуетъ о лѣчебницѣ для прокаженныхъ въ той полосѣ, затѣмъ, «Сѣверный Кавказъ» сообщаетъ о прокаженныхъ въ Кубанской области. Значитъ, они есть не только въ Сибири— съ чѣмъ петербургскій нервный столоначальникъ могъ-бы еще примириться,—и не только въ Ямбургскомъ уѣздѣ—что уже серьезнѣе, но еще и на Азовскомъ побережьѣ, а пожалуй, и въ другихъ мѣстахъ. Для самоуспокоенія надъ этимъ «вопросомъ», очевидно, уже нельзя довольствоваться тѣмъ, что въ Ямбургскомъ уѣздѣ открыта колонія для прокаженныхъ.

И дѣйствительно, извѣстія «Сѣверн. Кавказа» таковы, что они способны нѣсколько потревожить себялюбивую «интеллигенцію»: «проказа— болѣзнь легко передающаяся; медицина не знаетъ средства для лѣченія этой болѣзни (еще-бы! а противъ холеры, чумы, чахотки, болѣзней мозга, да хотя-бы противъ зубной боли и насморка—развѣ она знаетъ средства?). Болѣзнь эта встрѣчается и среди лицъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ, которыя вращаются въ такъ называемомъ обществѣ и ведутъ обширныя торговыя дѣла. Но и больные проказою также нерѣдко сами занимаются торговлею на базарѣ, продавая печеный хлѣбъ, молоко, мясо, рыбу и проч... Здѣсь не принимается рѣшительно никакихъ мѣръ для борьбы съ проказой...» А болѣзнь такова, что она сперва разрушаетъ всю внѣшность человѣка; цѣлые куски мяса отъ него отпадаютъ; затѣмъ гніютъ кости и внутренности. Хорошая перспектива—при распространеніи такой язвы, противъ чего не принимается «рѣшительно никакихъ мѣръ»... Да можетъ быть, и не стоитъ ихъ придумывать, достаточно понадѣяться на будущее, когда жареные пижоны будутъ влетать прямо въ ротъ благополучнымъ россіянамъ.

На нашемъ югѣ надъ всѣмъ, за послѣдній мѣсяцъ, преобладала— жара. Въ Одессѣ она доходила до 45° Р. на солнцѣ, такъ что фельетоны мѣстныхъ газетъ прямо начинались съ жалобъ на жару. Въ Ростовѣ она достигала 49°, и тамошняя газета жаловалась, что «приходится дышать буквально горячимъ воздухомъ»; и ночи стояли душныя. Таковъ-же былъ максимумъ жары въ Харьковѣ; по наблюденіямъ проф. Морозова за 30 лѣтъ, нынѣшнее лѣто, уже къ концу іюля, оказывалось наиболѣе богатымъ такими днями, въ которые температура была выше 20° Р. Крымъ, по отзыву «Южнаго Края», превратился въ іюлѣ въ нѣкое подобіе Сахары. «Все выжжено, все мертво». На солнцѣ въ иные дни бывало 51, даже 51½ градуса, а *въ тѣни* — свыше 30-ти. Деревья теряли листья, «виноградники», табачныя плантаціи, огороды, баштаны—все это погибаетъ подъ палящими лучами солнца; трудно дышать... въ Симензѣ и Севастополѣ съ его окрестностями не было дождя около трехъ мѣсяцевъ; въ результатѣ — почти полное высыханіе источниковъ, ключевыхъ фон-

тановъ и колодцевъ». Многія рѣки пересохли, другія превратились въ едва струящіеся ручьи. Водопадъ Уганъ-Су, вблизи Ялты, исчезъ. «Есть села, гдѣ на многія версты въ окружности не найдешь ни одного полноводнаго колодца». Въ Симферополѣ водовозы стали доставлять меньшее количество воды, а въ Севастополѣ водопроводъ работалъ только по два часа въ сутки, и заговорили уже объ устройствѣ опрѣснителя, чтобы пользоваться морскою водой.

Извѣстно, что послѣ того, какъ татарское населеніе Крыма стало выселяться въ Турцію (вслѣдъ за крымской войной), множество колодцевъ, каналовъ и фонтановъ были заброшены, засыпались и заглохли, а рубка лѣсовъ продолжалась. И вотъ теперь, когда жара въ тѣни доходила до 51 градуса, пришла-ли мѣстнымъ жителямъ мысль, что въ безводіи въ значительной степени виноваты они сами? Забота о колодцахъ, каналахъ и фонтанахъ для русскихъ людей, вѣроятно, казалось дѣломъ слишкомъ мелкимъ. Остается только утѣшать себя жалобами на необыкновенныя жары, которыя, конечно, не зависѣли отъ усилій человѣческихъ. Не могу не высказать нѣкотораго удивленія передъ тѣмъ фактомъ, что въ Крыму даже и табачныя плантаціи погибали «подъ палящими лучами». Но вѣдь на Кубѣ, жара, я думаю, едва-ли уступаетъ крымской, а табачныя плантаціи нигдѣ такъ не процвѣтаютъ. Развѣ что и табакъ табаку—рознь и то, что гаванскому табаку здорово, то—смерть для тѣхъ «дюбековъ» и «султановъ», какими насъ снабжаетъ Крымъ.

Несмотря, однако, на жару, одесская публика продолжала посѣщать выставку предметовъ, относящихся къ домоустройству. Выставка эта имѣетъ рамки нѣсколько неопредѣленныя, такъ какъ на ней находятся предметы столь разнообразные, какъ печи, ванны, трубы разнаго рода, обои, мебель и женскіе наряды. Но она имѣла большой успѣхъ и хотя была открыта мѣсяца три тому назадъ, но еще въ концѣ іюля продолжала пополняться новыми вещами или, какъ принято, «экспонатами».

Быть можетъ, жара не осталась безъ вліянія и на дѣла извѣстной хлѣбо-торговой фирмы Дрейфусъ, той самой, которая снабжала голодавшихъ зерномъ со всякими подмѣсями. Банкротство этой фирмы было главнымъ событіемъ въ городѣ, который упорно называетъ себя «южной» Пальмирой, вопреки исторіи и наперекоръ географіи. Одесскіе Дрейфусы—племянники парижскихъ; кредиторамъ они предложили по 30 коп. въ рублѣ, и по догадкамъ газетъ, дѣла племянниковъ, послѣ такого «очищенія», перейдутъ въ руки дядей. Нельзя и сомнѣваться, что въ числѣ тѣхъ 2.896 человѣкъ, которые были привлечены въ Одессѣ къ уголовному суду въ продолженіе 1894 года, огромное большинство представлялось такими, которыхъ дѣянія нанесли согражданамъ гораздо меньшіе убытки, чѣмъ не только банкротство фирмы Дрейфусъ, но и самыя ихъ операціи. Одна изъ ихъ операцій, какъ было удостовѣрено на судѣ, заключалась въ добавленіи къ хлѣбному зерну — зеренъ негодныхъ травъ и песка.

Приведенная цифра уголовной судимости въ Одессѣ за 1894 годъ взята изъ статьи, помѣщенной въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ». Мѣстная статистика показываетъ утѣшительное явленіе—уменьшеніе преступности за послѣдніе годы. Въ 1890 г. въ Одессѣ было совершено 3.061 преступленіе, а въ 1894 г.—2,916. Еще въ болѣе значительной степени сократилось число привлеченныхъ къ суду: съ 3,490 чел. въ первомъ году—до 2,896 чел. въ послѣднемъ. Но замѣчательно увеличеніе отдѣльно взятой судимости женщинъ: съ 565—до 718. Изъ сравненій по поламъ, сословіямъ и возрастамъ оказывается, что, при общемъ уменьшеніи преступности, возросла отдѣльно преступность женщинъ, потомственныхъ дворянъ, крестьянъ и лицъ возрастовъ до 17-ти лѣтъ и свыше 41 года.

Но относя число обвинявшихся къ численности лицъ каждой категоріи въ общемъ составѣ населенія, статистика приходитъ къ такому выводу, что все-таки преступность среди мужчинъ развита въ Одессѣ почти втрое (въ $2,_8$ раза) сильнѣе, чѣмъ среди женщинъ. Участвовало въ преступленіяхъ на 1 тысячу населенія—$8,_5$ человѣкъ. На 1 тысячу мужчинъ—$12,_2$, на 1 т. женщинъ—$4,_4$. Затѣмъ, по сословіямъ, на 1 тысячу крестьянъ—$13,_4$, мѣщанъ—$11,_4$, дворянъ—$6,_2$. По возрастамъ, наибольшая цифра преступности, а именно $16,_4$ чел. на 1 тысячу душъ населенія, приходится на возрастъ отъ 17 до 20 лѣтъ. Понятно, что сравнительная высота преступности зависитъ прежде всего отъ необезпеченности. Но все-таки высокая цифра, приходящаяся на подростковъ, заслуживаетъ вниманія. Къ этому присоединяется еще и такое указаніе, что кража, мошенничество и грабежъ даютъ максимальныя цифры въ ближайшемъ возрастѣ—отъ 21 до 25 лѣтъ. Кромѣ необезпеченности, въ этомъ явленіи несомнѣнно отражаются условія жизни большого города.

Фельетонистъ «Одесскихъ Новостей» изъ всѣхъ русскихъ городовъ признаетъ Петербургъ и Одессу «единственными похожими на города, а не на грязныя логовища; остальныя городскія населенія, начиная Чухломой и кончая Москвой,—всѣ на одинъ образецъ, по его словамъ—и разница между ними заключается лишь въ томъ, что одно логовище пообширнѣе, а другое покороче; одно крѣпко воняетъ, а другое еще покрѣпче... Даже очень крупныя провинціальные центры, какъ Харьковъ, Кіевъ, Ростовъ-на-Дону, Нижній, Казань, Саратовъ—всѣ выкроены по одной мѣркѣ и всѣ живутъ единообразно». Одесситы вообще склонны къ нѣкоторому самохвальству (въ смыслѣ муниципальнаго патріотизма). Но у автора, который Петербургъ и Одессу призналъ единственными русскими городами, похожими на города, есть еще другой взглядъ: «Не улыбайтесь—такъ заключаетъ онъ свою статью—если я вамъ скажу, что гляжу съ восторгомъ изъ моего окна на синее море, по которому лежитъ дорога къ Западу».

Любопытно было-бы прослѣдить сравнительныя ступени культурности въ разныхъ городахъ—по числу случающихся въ нихъ такъ называемыхъ «скандаловъ». Статистика скандаловъ была-бы интереснымъ дополненіемъ

къ уголовной статистикѣ, такъ какъ далеко не всѣ скандалисты попадаютъ на скамью подсудимыхъ. Число «крупныхъ разговоровъ» и затрещинъ, по всей вѣроятности, не измѣняется по мѣсяцамъ года, а выражается постоянной крупной цифрой. Но есть еще и такіе скандалы, которые зависятъ отъ времени года. Для примѣра, укажу на корреспонденцію «Волжскаго Вѣстника» изъ Елабуги, въ которой разсказывается, какъ студентъ и гимназистъ повадились купаться въ томъ мѣстѣ, гдѣ купаются женщины, «при чемъ студентъ заявлялъ, что проточная вода есть предметъ общаго пользованія, а потому протестъ дамъ уваженъ быть не можетъ».

Этой категоріи скандаламъ какъ-то особенно посчастливилось нынѣшнимъ лѣтомъ; въ рѣдкомъ номерѣ провинціальныхъ газетъ не сообщаютъ о мѣстной пошлости въ такомъ родѣ или о заявленныхъ въ другихъ газетахъ. Дикость нравовъ и заключается въ томъ, что у насъ человѣку, уличенному въ чемъ-либо подобномъ, не стыдно показаться потомъ на глаза знакомымъ. У русскаго человѣка есть какое-то особое влеченіе къ безобразію. Одинъ мой знакомый, долго жившій въ провинціи, выразилъ это такъ: «поставьте гдѣ-нибудь въ уединенномъ паркѣ мраморную скамейку съ отполированнымъ сидѣньемъ: чѣмъ старательнѣе оно будетъ отполировано, чѣмъ чище будетъ утромъ вытерто, тѣмъ вѣрнѣе вы на немъ найдете къ вечеру какую-нибудь гадость—ровно на самой серединѣ».

Л. Прозоровъ.

Земскія дѣла[1]).

Въ сентябрѣ обыкновенно происходятъ засѣданія очередныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Лѣтъ 11—15 тому назадъ эти очередныя сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній играли важную роль въ общественной жизни Россіи. Тогда на земскихъ собраніяхъ держались дѣйствительно земскія рѣчи объ общественныхъ нуждахъ и дѣлахъ. Намъ-же достались въ удѣлъ одни воспоминанія о былыхъ дняхъ. Старые гласные ихъ помнятъ и иногда описываютъ въ поученіе потомству. Въ прошломъ году мы приводили изъ «Смоленскаго Вѣстника» интересныя воспоминанія стараго гласнаго порѣчскаго уѣзднаго земства. «Невольно вспоминаешь, говоритъ старый гласный, собраніе, какимъ оно было лѣтъ 10—15 тому назадъ. Тогда оно жило, работало, волновалось. Мощь и энергія били ключомъ. Слышны были горячія, электризующія рѣчи, раздавались бодрые возгласы: «впередъ!», виднѣлись оживленныя лица. Люди забывали свои мелкія домашнія тревоги и горячо отдавались общественному дѣлу. Здѣсь, въ собраніи, они изъ обывателей превращались въ гражданъ, изъ маленькихъ человѣчковъ выростали въ общественныхъ дѣятелей. Они думали здѣсь не о себѣ, не о благополучіи собственномъ, а о пользѣ общественной. Они перерождались: кровь вращалась быстрѣе, нервы напрягались, сердце усиленно билось. Далеко на задній планъ стушевывались узкіе карманные интересы и вмѣсто того просыпались и рвались наружу лучшія человѣческія чувства. Хорошо тогда было на душѣ, легче жилось, больше вѣрилось въ человѣка. Періодъ засѣданій земскаго собранія былъ лучшимъ моментомъ въ жизни уѣзда».

Но все это было и былью поросло. Теперь въ земскихъ собраніяхъ, съ грустью замѣчаетъ старый гласный, нѣтъ «ни малѣйшей горячности, нервности, воодушевленія. Точно жизнь земская прекратила теченіе

---

*) См. „Сѣверный Вѣстникъ“, іюнь 1895 г.

свое, и отъ живого организма остался унылый, бездушный скелетъ. Скучно, тоскливо, мертво, какъ на кладбищѣ. Чувствуется полное безлюдіе, въ воздухѣ вѣетъ апатіей и индиферентизмомъ. Общественный пульсъ прекратилъ свое біеніе» *).

Такъ времена измѣнились. Новое сословное земство и занимается, главнымъ образомъ, сословными дѣлами. Интересы землевладѣльцевъ, изъ которыхъ по закону главнымъ образомъ, если не исключительно, подбирается составъ гласныхъ, господствуютъ надъ всѣми прочими дѣлами и нуждами. Дѣла, затрогивающія интересы землевладѣльцевъ, обсуждаются и вызываютъ споры, а остальныя дѣла «небольшой важности» выслушиваются, принимаются къ свѣдѣнію и рѣдко вызываютъ дебаты. Нѣтъ спора, эти остальныя дѣла и вопросы, *при данной ихъ постановкѣ*, оказываются не особенно важными и не возбуждаютъ къ себѣ особаго интереса. Важные земскіе вопросы, навѣрно, и въ новомъ земствѣ поддерживали-бы интересъ къ общественнымъ нуждамъ и дѣламъ, но при отсутствіи моды на болѣе или менѣе широкія точки зрѣнія, важные земскіе вопросы стали исчезать изъ перечня дѣлъ, вносимыхъ на обсужденіе земскихъ собраній. Такимъ образомъ, бѣдность программы тѣхъ вопросовъ, которыми теперь занимаются земскія собранія, установилась отчасти и независимо отъ собственныхъ побужденій господствующей части гласныхъ. Поэтому, обвиняя новое земство въ крайнемъ индиферентизмѣ, мы должны принять во вниманіе, что онъ является прежде всего результатомъ того, что наше время, какъ принято выражаться, не время широкихъ задачъ. Занимаясь снотворными вопросами о гатяхъ и переправахъ, трудно воспитать въ себѣ вкусъ и интересъ къ общественнымъ нуждамъ и вопросамъ и склонность къ широкимъ земскимъ точкамъ зрѣнія при ихъ разрѣшеніи. Вотъ почему и къ предстоящимъ очереднымъ сессіямъ уѣздныхъ земскихъ собраній можно предъявить лишь весьма скромныя требованія. Въ первой статьѣ мы и предъявили такія скромныя требованія, поставивъ земскимъ собраніямъ рядъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ и теперь для земства вполнѣ доступно, хотя оно, повидимому, не обнаруживаетъ къ нимъ почти никакого интереса. Конечно, тутъ нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что почти всѣ поставленные нами вопросы требуютъ возбужденія разныхъ ходатайствъ предъ правительствомъ. Это условіе нерѣдко побуждаетъ земскія собранія обходить многіе важные вопросы. Повидимому, земство утратило охоту посылать ходатайства, на что обращено вниманіе и въ оффиціальныхъ сферахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ выражается надежда на то, что земство при возбужденіи ходатайствъ проявитъ свою *«обычную отзывчивость»*. Отвѣчая на это приглашеніе, земство могло-бы, однако, выяснить причины, въ силу которыхъ оно охладѣло къ возбужденію ходатайствъ. Быть можетъ, многія земскія

*) См. статью „Недостатокъ гласныхъ", въ № 12 „Сѣв. Вѣстн." за 1894 г.

собранія, въ отвѣтъ на циркуляръ министерства, признаютъ необходимымъ послать обстоятельно мотивированныя ходатайства относительно тѣхъ условій, которыя ослабили обычную ихъ отзывчивость при возбужденіи тѣхъ или другихъ ходатайствъ передъ правительствомъ.

Въ первой статьѣ мы остановились на выясненіи этихъ условій и теперь считаемъ необходимымъ напомнить читателю, что самыя предписанія закона, регулирующія земское право ходатайствъ, не могли ослабить склонность къ пользованію этимъ правомъ. Новое земское положеніе по вопросу о земскихъ ходатайствахъ сдѣлало лишь одно важное отступленіе отъ стараго положенія. По новому положенію уѣздныя земскія собранія лишены права самостоятельно посылать ходатайства, а могутъ направлять ихъ чрезъ посредство губернскихъ земскихъ собраній, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса о томъ, стоитъ-ли возбудить данное ходатайство или не стоитъ. Такимъ образомъ, по новому земскому положенію земское право ходатайствъ собственно отнесено къ компетенціи губернскихъ земскихъ собраній, но регламентировано это право точно такъ-же, какъ и въ старомъ положеніи. Въ п. 14-мъ ст. 63-й сказано, что къ компетенціи губ. земскаго собранія относится «представленіе правительству чрезъ губернатора ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ». *Никакихъ ограниченій относительно самого содержанія ходатайства и того или иного ихъ отношенія къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ въ законѣ не установлено.* Права и обязанности губернаторовъ относительно земскихъ ходатайствъ опредѣлены въ ст. 104, въ которой сказано: «упомянутыя въ п. 14-мъ ст. 63-й ходатайства представляются губернскими земскими управами губернаторамъ, которые направляютъ оныя въ подлежащее министерство съ своимъ заключеніемъ». Такимъ образомъ, права губернаторовъ относительно земскихъ ходатайствъ состоятъ единственно въ томъ, что они могутъ прилагать къ ходатайствамъ свои заключенія, если того пожелаютъ. Обязанности-же губернаторовъ относительно земскихъ ходатайствъ состоятъ *въ направленіи ихъ въ подлежащее министерство, о чемъ-бы тамъ ни ходатайствовало земство.* Словомъ, въ новомъ земскомъ положеніи права и обязанности губернаторовъ относительно земскихъ ходатайствъ не подверглись никакимъ существеннымъ измѣненіямъ по сравненію съ старымъ земскимъ положеніемъ. Рѣшенія сената, состоявшіяся по поводу тѣхъ статей и постановленій стараго земскаго положенія, которыя удержаны въ новомъ положеніи, сохраняютъ свою силу и по данное время. Напомнимъ читателямъ то рѣшеніе сената, которое состоялось по вопросу о земскихъ ходатайствахъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ волостныхъ судовъ. Полтавскій губернаторъ опротестовалъ постановленіе константиноградскаго земства, которое рѣшило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ. Земство обжаловало протестъ губернатора. Сенатъ въ своемъ рѣшеніи призналъ, что принадлежащее губернаторамъ право останавливать и опротестовывать постановленія земскихъ собраній «не

можетъ имѣть примѣненія къ такимъ постановленіямъ земства, кои не вызываютъ собою безъ утвержденія ихъ въ установленномъ порядкѣ какихъ-либо опредѣлительныхъ дѣйствій или распоряженій». Къ числу такихъ постановленій земства «несомнѣнно,—сказано въ рѣшеніи сената,— принадлежатъ возбуждаемыя имъ предъ правительствомъ по тѣмъ-либо другимъ предметамъ ходатайства, которыя и не подлежатъ поэтому опротестованію со стороны губернаторовъ, а должны быть представляемы ими въ подлежащія министерства для дальнѣйшаго направленія въ установленномъ порядкѣ». Это рѣшеніе сената было сообщено всѣмъ губернаторамъ «циркулярными указами» и подъ заглавіемъ—«О направленіи ходатайствъ предъ правительствомъ, возбуждаемыхъ земскими учрежденіями», — припечатано въ «Собраніи узаконеній» (№ 70, 1884 г.), для всеобщаго свѣдѣнія и руководства.

Это рѣшеніе сената было усвоено и примѣнялось и примѣняется на практикѣ. Однако, нельзя ожидать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ на практикѣ не возникъ споръ о значеніи рѣшенія сената, опубликованнаго въ № 70 «Собранія узаконеній» за 1884 г., для всеобщаго свѣдѣнія и руководства. Дѣло въ томъ, что на дняхъ былъ разосланъ циркуляръ, непосредственно касающійся земскихъ ходатайствъ, въ которомъ сказано:

«На основаніи п. 14 ст. 63 пол. о зем. учр. изд. 1890 г. и п. 21 ст. 63 Гор. Пол., изд. 1892 г. земскія собранія и городскія думы имѣютъ право представлять чрезъ губернаторовъ высшему правительству ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Изъ многочисленныхъ ходатайствъ этого рода, поступающихъ по принадлежности въ министерство внутреннихъ дѣлъ, усматривается, что таковыя въ большинствѣ случаевъ не подкрѣплены надлежащими указаніями *на мѣстныя потребности, а основываются почти исключительно на общихъ соображеніяхъ, неимѣющихъ прямой связи съ интересами данной мѣстности*. Вслѣдствіе сего, при всей готовности министерства оказывать поддержку подобнымъ ходатайствамъ, оно лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ возможность удовлетворять ихъ или, при возбужденіи законодательныхъ вопросовъ, съ достаточною убѣдительностью высказываться въ ихъ пользу. Въ видахъ устраненія такого неблагопріятнаго явленія, представлялось бы безусловно желательнымъ, чтобы возбуждаемые земскими собраніями и городскими думами вопросы были, до направленія ихъ въ установленномъ законномъ порядкѣ, *освѣщаемы надлежащими статистическими, фактическими данными*, которыя бы давали министерству внутреннихъ дѣлъ возможность оказывать съ своей стороны содѣйствіе къ успѣшному ихъ разрѣшенію».

Для достиженія этой цѣли въ циркулярѣ предлагается губернаторамъ «поставить земскія и городскія учрежденія въ извѣстность о необходимости подробной разработки *заявленій отдѣльныхъ гласныхъ и докладовъ управъ* о возбужденіи тѣхъ или другихъ ходатайствъ до обсужденія ихъ по существу земскими собраніями и городскими думами, дабы заявленія эти и доклады получали одобреніе мѣстныхъ учрежденій лишь по провѣркѣ собранными на мѣстахъ *цифровыми матеріалами и другими указаніями опыта*, имѣющими весьма *существенное значеніе для правильной постановки дѣла*. При выполненіи этого условія, тѣ изъ заявленій и докладовъ, которые оказалось бы невозможнымъ подкрѣпить точными указа-

ніями на дѣйствительное соотвѣтствіе ихъ мѣстнымъ интересамъ, *оставлялись бы земскими собраніями и городскими думами безъ движенія*, а остальные представлялись бы названными общественными управленіями высшему правительству въ видѣ ходатайствъ настолько обработанныхъ, что содержащійся въ нихъ матеріалъ могъ бы служить обезпеченіемъ удовлетворенія ихъ, или, во всякомъ случаѣ, безотлагательной и обоснованной поддержки министра внутреннихъ дѣлъ, коему ввѣрено попеченіе о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ» *).

Въ циркулярѣ свидѣтельствуется доброжелательное отношеніе къ земству и къ земскимъ ходатайствамъ. Было-бы весьма прискорбно, если-бы этотъ циркуляръ былъ иначе истолкованъ мѣстными властями. Однако, къ такимъ нежелательнымъ толкованіямъ могутъ дать поводъ разногласія между циркуляромъ и приведеннымъ выше рѣшеніемъ сената. Губернаторъ, при поступленіи къ нему какого-либо земскаго ходатайства, вмѣсто немедленнаго-же направленія его въ надлежащее министерство, можетъ признать себя управомоченнымъ входить въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько это ходатайство отвѣчаетъ циркуляру, т. е. насколько оказалось возможнымъ подтвердить соотвѣтствіе возбуждаемаго ходатайства съ мѣстными пользами и интересами. Губернаторъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, всегда можетъ признать, что данное ходатайство оказалось невозможнымъ подкрѣпить достаточными и точными указаніями на его соотвѣтствіе мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, а потому и будетъ настаивать, чтобы, согласно циркуляру, оно оставалось безъ движенія. Губернаторъ можетъ избрать и другой путь, т. е. опротестовать постановленіе земскаго собранія о возбужденіи такого-то ходатайства въ виду того, что соотвѣтствіе этого ходатайства съ мѣстными пользами и нуждами, по его мнѣнію, не доказано съ должной обстоятельностью, такъ какъ вызываетъ рядъ критическихъ замѣчаній. Однако, рядъ критическихъ замѣчаній можетъ вызвать любое изъ обстоятельнѣйшихъ земскихъ ходатайствъ. Критика-же земскихъ ходатайствъ по закону и обстоятельному сенатскому разъясненію не относится къ числу непремѣнныхъ обязанностей губернаторовъ,—къ ихъ обязанностямъ относится только направленіе любого ходатайства въ подлежащее министерство. Наконецъ, самый вопросъ о томъ, что слѣдуетъ признавать достаточнымъ доказательствомъ того, что данное ходатайство земскаго собранія отвѣчаетъ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, можетъ вызвать не мало затрудненій на практикѣ. «Общія соображенія», повидимому, признаются совсѣмъ неподходящими доказательствами основательности земскихъ ходатайствъ. Въ циркулярѣ сказано: «изъ многочисленныхъ ходатайствъ, поступающихъ по принадлежности въ министерство внутреннихъ дѣлъ, усматривается, что таковыя въ большинствѣ случаевъ не подкрѣплены надлежащими указаніями на мѣстныя потребности, а основываются почти исключительно на общихъ соображеніяхъ, не имѣющихъ прямой

*) „Саратовская земская недѣля“. № 24, 1895 г.

связи съ интересами данной мѣстности». Если земскія ходатайства въ большинствѣ случаевъ подкрѣпляются почти исключительно общими соображеніями, то отсюда само собою слѣдуетъ, что для большей части земскихъ ходатайствъ общія соображенія являются наиболѣе подходящими доказательствами. И на самомъ дѣлѣ большинство земскихъ ходатайствъ можно обстоятельно доказать только общими принципіальными соображеніями. Возьмемъ для примѣра ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Въ первой статьѣ мы отмѣтили тотъ печальный фактъ, что воронежское губернское земское собраніе отклонило «заявленіе» нижнедѣвицкаго уѣзднаго предводителя дворянства г. Алисова о необходимости возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Свое «заявленіе» и свое несогласіе съ постановленіемъ собранія г. Алисовъ мотивируетъ слѣдующими соображеніями:

«Оставаясь въ той увѣренности, что мое предложеніе, въ той редакціи, въ которой я обратился къ земскому собранію, нисколько не противорѣчило ст. 63, пар. 14, положенія о земскихъ учрежденіяхъ, которая предоставляетъ земскому собранію ходатайствовать передъ правительствомъ, чрезъ губернатора, о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, я, считая отмѣну тѣлеснаго наказанія для нашей губерніи за насущную мѣстную нужду, счелъ нелишнимъ приложить къ журналу собранія мое отдѣльное мнѣніе, въ которомъ между прочимъ указалъ и на то, что земское собраніе своимъ постановленіемъ по поводу моего предложенія умалило предоставленное ему закономъ весьма важное и существенное право.

«Нѣсколько странно, находясь на рубежѣ 20-го вѣка, доказывать, что тѣлесное наказаніе есть одно изъ позорнѣйшихъ и унизительнѣйшихъ наказаній для человѣческаго достоинства. Но къ прискорбію, приходится по поводу этого классическаго вопроса много говорить, много читать и много волноваться! Мнѣ думается, что у насъ въ Россіи этотъ способъ наказанія представляетъ собою ничто иное, какъ случайный, позорный осколокъ отъ неменѣе позорнаго для человѣческаго достоинства, но нынѣ уже обратившагося въ преданіе, крѣпостного права. Нужно-ли доказывать, что примѣняя тѣлесное наказаніе, судъ можетъ впасть въ ошибку и уже исправить таковую не будетъ физической возможности! Нужно имѣть въ виду. что человѣкъ можетъ понести на себѣ подобную кару лишь за маловажный проступокъ. Всякій-же, сдѣлавшій не маловажный проступокъ, всегда избѣгаетъ тѣлеснаго наказанія. Но вѣдь нельзя-же не согласиться съ тѣмъ, что для средняго человѣка, какимъ можетъ быть и лицо, совершившее маловажный проступокъ, позорное тѣлесное наказаніе будетъ во сто кратъ тяжелѣй тюрьмы.

«Не буду распространяться о тѣхъ общихъ соображеніяхъ касательно вреда и нецѣлесообразности тѣлеснаго наказанія, которыя столько разъ уже высказывались. Сообщу только кое что, составляющее результатъ моихъ личныхъ наблюденій.

«Меня нѣсколько удивляетъ, что никто, даже изъ говорящихъ о вредѣ тѣлеснаго наказанія для наказуемаго, какъ-то не замѣчаетъ этого вреда еще для другого человѣка: для того, кто непосредственно приводитъ наказаніе въ исполненіе. По обыкновенію, обязанность эта возлагается на сторожей, состоящихъ при волостныхъ правленіяхъ, или-же на особыхъ выборныхъ десятниковъ, но отнюдь не полицейскихъ. Несомнѣнно, что какъ-бы человѣкъ отъ природы тупъ ни былъ, онъ не можетъ, безъ

отвращенія, хотя и сдерживаемаго, продѣлывать надъ своимъ собратомъ, ничего ему лично дурного не сдѣлавшимъ, такую унизительную манипуляцію. Необходимо имѣть въ виду и то, что въ сторожа стараются нанять большею частью людей хорошихъ, честныхъ, богобоязненныхъ, и вотъ на такого-то человѣка, кромѣ его прямыхъ невинныхъ обязанностей, возлагаютъ и исполненіе тѣлеснаго наказанія. Но многіе, готовые отрицать въ принципѣ тѣлесное наказаніе, видятъ въ розгѣ неизбѣжное и единственное средство для насажденія порядка и законности въ нашемъ народѣ. Это почти исключительно люди кабинетнаго склада, далекіе отъ русской крестьянской жизни. Вступивъ три года тому назадъ въ нижнедѣвицкій уѣздъ, въ качествѣ предводителя дворянства, я имѣлъ случай наблюдать народъ въ тяжелые годы испытаній—это годы холерные и годъ голодовки. И вотъ за всѣ три года моей службы въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ ни разу розга не опустилась на тѣло крестьянина, хотя всегда и висѣла надъ нимъ Дамокловымъ мечомъ. Уѣздный съѣздъ всегда замѣнялъ это позорное наказаніе строгимъ арестомъ, и мнѣ пріятно было видѣть полнѣйшую солидарность въ этой замѣнѣ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Несмотря на такое, какъ нѣкоторые говорили, либеральное направленіе въ уѣздѣ, онъ спокойно пережилъ три тяжелыхъ года испытаній, никто въ немъ ни разу и ничѣмъ не нарушилъ спокойствія. Не то было въ одномъ изъ уѣздовъ нашей-же воронежской губерніи, въ которомъ розга возведена чуть-ли не въ культъ. И что-же: въ холерное время народъ здѣсь въ щепы разноситъ холерный баракъ и чуть не убиваетъ весь врачебный персоналъ. Такимъ образомъ, розга не сослужила той службы, которую на нее возлагали, а можетъ быть сослужила и прямо противоположную».

Въ этомъ «заявленіи» г. Алисова для всякаго непредупрежденнаго человѣка все объяснено довольно обстоятельно, но такъ какъ большая часть объясненій носитъ общій принципіальный характеръ, то они теперь будутъ признаны ничего не говорящими въ пользу возбуждаемаго ходатайства. Въ циркулярѣ указано, чтобы «тѣ изъ заявленій и докладовъ, которые оказалось-бы невозможнымъ подкрѣпить точными указаніями на дѣйствительное соотвѣтствіе ихъ мѣстнымъ интересамъ, оставлялись-бы земскими собраніями и городскими думами безъ движенія». «Заявленіе» г. Алисова о возбужденіи ходатайства предъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній могло быть одобрено земскимъ собраніемъ, согласно циркуляру, лишь въ томъ случаѣ, если-бы оно подкрѣплялось «цифровыми матеріалами и другими указаніями опыта». Положимъ, въ заявленіи г. Алисова имѣются нѣкоторыя указанія опыта, но зато нѣтъ цифровыхъ матеріаловъ. Однако, если бы г. Алисовъ набралъ побольше самыхъ свѣжихъ фактовъ, то все-таки его проектъ ходатайства не получилъ-бы большую силу доказательности. Г. Алисовъ, положимъ, могъ бы сослаться на сообщенія самарскихъ газетъ о томъ, что въ мѣстную губернскую лѣчебницу для умалишенныхъ былъ привезенъ крестьянинъ, села Русскихъ Липяговъ, самарскаго уѣзда, Иванъ Дубровинъ, сошедшій съ ума, по заявленію врачей, единственно благодаря тому, что былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію, хотя самый приговоръ еще не успѣли привести въ исполненіе. Къ этому событію г. Алисовъ могъ бы добавить приговоръ гумай-березовскаго волостного суда, черкасскаго округа,

по дѣлу крестьянина Ѳедота Корсунова, обвинявшагося въ пьянствѣ и буйномъ поведеніи. Разсмотрѣвъ дѣло, судъ постановилъ: «крестьянина Ѳедота Корсунова, 36 лѣтъ, подвергнуть тѣлесному наказанію 15 ударами розогъ, но имѣя въ виду, что въ настоящее время *многими земствами и печатью возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, какъ позорящаго человѣчество* и принимая во вниманіе лѣта обвиняемаго и его семейное положеніе, тѣлесное наказаніе замѣнено арестомъ на 7 дней при волостномъ правленіи» *). Всѣ эти факты не помогли бы ходатайству г. Алисова. Они имѣли мѣсто за предѣлами воронежской губерніи и могутъ быть признаны ничего не говорящими о томъ, что ходатайство г. Алисова отвѣчаетъ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ именно нижнедѣвицкаго уѣзда воронежской губерніи. Положеніе, дѣйствительно, затруднительное и если-бы нижнедѣвицкому уѣздному предводителю дворянства и удалось склонить собраніе къ возбужденію ходатайста объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ по приведеннымъ имъ соображеніямъ, то такое ходатайство не имѣло-бы успѣха. Одно изъ ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, опирающееся почти на такія-же соображенія, какія приведены г. Алисовымъ, уже отклонено. Въ истекшемъ іюнѣ отклонено ходатайство черниговскаго губернскаго земства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ по приговорамъ волостныхъ судовъ. Это ходатайство было мотивировано общими соображеніями. Въ докладѣ управы, мотивирующемъ необходимость возбудить ходатайство, было сказано: «врядъ-ли кто станетъ оспаривать, что тѣлесныя наказанія являются предметомъ ужаса и позора не только для грамотнаго, но и для неграмотнаго человѣка: главное здѣсь не въ грамотности, а въ присущемъ человѣку чувствѣ личнаго достоинства, котораго нѣтъ только въ человѣкѣ изломанномъ и нравственно забитомъ, а таковою не можетъ быть вся милліонная масса сельскаго люда. Слѣдовательно, нѣтъ основанія рѣзко раздѣлять въ этомъ отношеніи грамотныхъ отъ неграмотныхъ, и если это раздѣленіе дѣлалось въ прошлогоднемъ докладѣ самой губернской управой, то только лишь потому, что ограниченное и суженное ходатайство казалось ей легче и скорѣе удовлетворимымъ. Съ другой стороны, земству, какъ учрежденію безсословному, должно быть чуждо и несвойственно желаніе какихъ-бы то ни было привилегій для одной части населенія, какими не пользовалась-бы его другая часть». Затѣмъ управа указывала на то, что тѣлесныя наказанія оказываютъ развращающее вліяніе не только на тѣхъ, кто имъ подвергается, но и на тѣхъ, кто къ нимъ присуждаетъ и приводитъ въ исполненіе. Волостные суды,—по мнѣнію управы,—несмотря на существующій надъ ними контроль, не всегда подвергаютъ этому унизительному истязанію людей нравственно испорченныхъ, дѣятельность которыхъ въ будущемъ не могла-бы быть полезна обществу, а между тѣмъ всѣ подвергшіеся тѣлесному на-

*) «Сынъ Отечества», мартъ 1895 г.

казанію навсегда потеряны для общества, какъ общественные дѣятели. Наконецъ, управа ссылалась на то, что тѣлесныя наказанія, какъ доказываетъ медицинская наука, искажаютъ отправленія организма наказанныхъ, помимо уже его психическаго воздѣйствія. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній управы собраніе постановило ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ и высказало пожеланіе объ уничтоженіи вообще тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ *).

Всѣ соображенія черниговскаго земства о значеніи тѣлесныхъ наказаній являются общепризнанными, но едва-ли хотя одно изъ нихъ можетъ быть подкрѣплено цифровыми матеріалами, относящимися непосредственно къ черниговской губерніи. Быть можетъ, тутъ оказалось-бы не лишнимъ выяснить вопросъ, почему общія принципіальныя соображенія должны быть признаваемы менѣе вѣскими доказательствами, чѣмъ цифровые матеріалы и указанія опыта, относящіеся до одной губерніи или даже одного уѣзда. Далѣе, едва-ли возможно своевременность того или иного ходатайства, и отзывчивость земства въ возбужденіи тѣхъ или иныхъ ходатайствъ измѣрять характеромъ и родомъ доказательствъ, приводимыхъ въ ихъ подтвержденіе. Возбуждаемое ходатайство имѣетъ самостоятельное значеніе независимо отъ доказательствъ, приводимыхъ въ его пользу. Ходатайство можетъ быть вполнѣ своевременнымъ и основательнымъ и въ то-же самое время весьма слабо мотивированнымъ на бумагѣ тѣмъ или инымъ земствомъ. Трудно допустить мысль о томъ, что всѣ такія основательныя и своевременныя ходатайства должны быть отклоняемы только потому, что они неудачно и слабо мотивированы земскими дѣятелями, непризванными и необученными писать бумаги съ должной канцелярской обстоятельностью. Земскіе дѣятели, какъ люди жизни, едва-ли могутъ усвоить теорію формальныхъ доказательствъ, которая теперь можетъ получить примѣненіе по отношенію къ земскимъ ходатайствамъ на томъ основаніи, что доказательства основательности земскихъ ходатайствъ теперь точно опредѣлены по своему характеру. Такими доказательствами признаются только указанія опыта и цифровые матеріалы, относящіеся къ данной губерніи или данному уѣзду.

Требованіе такихъ доказательствъ несомнѣнно ослабитъ ту самую отзывчивость въ возбужденіи ходатайства, которая признается весьма желательной. Мало того, допущеніе только извѣстныхъ доказательствъ въ подтвержденіе основательности земскихъ ходатайствъ ограничиваетъ самое право ходатайствъ, предоставленное земству закономъ. Самыя широкія права могутъ быть анулированы, если возможность пользованія ими будетъ поставлена въ зависимость отъ приведенія *только извѣстныхъ* доказательствъ. Законъ, предоставляя земству право возбуждать ходатайства, какъ мы видѣли, не устанавливаетъ никакихъ ограниченій относи-

*) «Русскія Вѣдомости», № 212, 1895 г.

тельно самого содержанія ходатайствъ и того или иного ихъ отношенія къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ. Требованіе-же фактическихъ доказательствъ изъ мѣстной жизни существенно ограничиваетъ право ходатайствъ, предоставленное земству закономъ. Это требованіе сводитъ содержаніе земскихъ ходатайствъ къ самымъ мелочнымъ вопросамъ и устраняетъ всѣ ходатайства, затрогивающія болѣе или менѣе общіе вопросы, такъ какъ эти послѣднія ходатайства могутъ быть мотивированы только общими принципіальными соображеніями. Ссылка на то, что земства призваны по закону заботиться о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, и что имъ по 63 ст. предоставлено право посылать ходатайства, до мѣстныхъ пользъ и нуждъ относящіяся, ничего не говоритъ въ пользу законности указаннаго ограниченія. Мѣстныя пользы и нужды прежде всего могутъ страдать отъ отсутствія тѣхъ или другихъ общихъ мѣропріятій и реформъ принципіальнаго характера. Вотъ почему земства, призванныя вѣдать мѣстныя пользы и нужды, не только имѣютъ право, но даже обязаны ходатайствовать объ общихъ мѣропріятіяхъ и реформахъ, мѣстная польза которыхъ, по самому существу затрагиваемаго въ ходатайствѣ вопроса, можетъ быть доказана только общими соображеніями. Вѣдь и при старомъ земскомъ положеніи къ кругу вѣдомства земскихъ учрежденій относились завѣдываніе мѣстными пользами и нуждами и возбужденіе ходатайствъ, относящихся до мѣстныхъ пользъ и нуждъ, однако. сенатъ не допускалъ толкованій, ограничивающихъ земское право ходатайствъ. Въ указѣ отъ 14 марта 1872 г. сенатъ разъяснилъ, что «постановленіе земскаго собранія о принесеніи правительству ходатайства, какъ фактъ, независимо отъ содержанія ходатайства, не можетъ быть признано незаконнымъ». Оставаясь вѣрнымъ этой точкѣ зрѣнія, сенатъ въ указѣ отъ 14 февраля 1883 г., на вопросъ о томъ, «*могутъ-ли земскія учрежденія возбуждать, въ установленномъ порядкѣ, ходатайства по предметамъ, не относящимся къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ*»,—далъ утвердительный отвѣтъ. Въ то-же самое время и въ указѣ 14 марта 1872 г., и въ указѣ 14 февраля 1883 г. сенатъ указываетъ, что земскія ходатайства, при самомъ ихъ разсмотрѣніи, должны быть обсуждаемы не съ одной формальной точки зрѣнія, а также и по существу своему. Нужно входить въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько ходатайства «*заслуживаютъ по существу своему уваженія* (указъ 14 февр. 1883 г.), *и соотвѣтствуетъ-ли выражаемое земствомъ желаніе общимъ государственнымъ пользамъ*» (указъ 14 марта 1872 г.).

Теперь-же такія *желанія* земства, соотвѣтствующія общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, могутъ быть признаны неумѣстными и выходящими изъ предѣловъ компетенціи земства. Въ той бумагѣ, которую получило черниговское губернское земство въ отвѣтъ на его ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, сказано: «по обсужденіи постановленія черниговскаго губернскаго земскаго собранія. въ коемъ послѣднее, высказавъ пожеланіе объ общей отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, ходатайствуетъ

объ освобожденіи отъ нихъ воспитанниковъ начальныхъ школъ, получившихъ свидѣтельство объ окончаніи училищъ»,—признано, что «возбужденный земствомъ вопросъ, имѣющій общегосударственное значеніе, выходитъ изъ предѣловъ вѣдѣнія, предоставленнаго по законамъ учрежденіямъ, коимъ ввѣрено завѣдываніе лишь мѣстными нуждами и пользами и возбужденіе предъ правительствомъ ходатайствъ, до нихъ относящихся».

Этотъ отвѣтъ на ходатайство черниговскаго земства не является окончательнымъ. Онъ можетъ быть обжалованъ земствомъ и дѣло получитъ дальнѣйшее движеніе. Прямой смыслъ п. 14-го ст. 63-й земскаго положенія и всѣ вышеприведенные указы сената не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что земство имѣетъ право посылать ходатайства, не относящіяся къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ данной губерніи или даннаго уѣзда, но имѣющія общегосударственное значеніе. Въ самомъ отвѣтѣ черниговскому земству предусматривается возможность его обжалованія со стороны земства. Въ этомъ отвѣтѣ предлагается черниговскому губернатору «поставить о семъ въ извѣстность черниговское губернское земство и о послѣдующемъ сообщить своевременно министерству для дальнѣйшаго, если окажется нужнымъ, направленія дѣла по изъясненному предмету въ порядкѣ, установленномъ Высочайше утвержденнымъ 7-го іюля 1867 г. положеніемъ комитета министровъ» *).

Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ отъ 7 іюля 1867 года имѣетъ свою исторію. Во 2-мъ т. «Собранія узаконеній» за 1873 г., на стр. 1555-й, мы находимъ интересный указъ сената «*о порядкѣ оставленія безъ послѣдствій ходатайствъ губ. зем. собраній*». Указъ изложенъ слѣдующимъ образомъ: «правительствующій сенатъ слушалъ рапортъ управляющаго м—вомъ вн. дѣлъ отъ 21 іюня 1873 г., за № 20796, слѣдующаго содержанія: Высочайше утвержденнымъ въ 7-й день іюля 1867 г. положеніемъ комитета министровъ, согласно заключенію бывшаго министра вн. дѣлъ ст.-сек. Валуева, постановлено, чтобы о всѣхъ оставляемыхъ безъ послѣдствій ходатайствахъ губернскихъ земскихъ собраній подлежащими министрами, до увѣдомленія о томъ собраній, представляемо было комитету министровъ съ изъятіемъ изъ такого порядка дѣлъ, касающихся поступленія денегъ въ казну или денежныхъ изъ нея выдачъ, такъ какъ дѣла эти, по особымъ условіямъ финансоваго управленія, должны оставаться въ прямой отъ министра финансовъ зависимости и производиться соблюдающимся для нихъ порядкомъ. Объ этомъ положеніи комитета министровъ было для руководства сообщено подлежащимъ министерствамъ, но оно не было распубликовано общеустановленнымъ для правительственныхъ распоряженій порядкомъ. Нынѣ Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, вслѣдствіе представленія его, управляющаго м-вомъ вн. дѣлъ, въ 10 (22) день іюля сего года, Высочайше со-

*) „Русскія Вѣдомости". № 212, 1895 г.

изволилъ на распубликованіе установленнымъ для правительственныхъ распоряженій порядкомъ выше приведеннаго положенія означеннаго комитета о порядкѣ оставленія безъ послѣдствій ходатайствъ земскихъ собраній».

Такимъ образомъ, по прямому смыслу Выс. утв. положенія комитета министровъ отъ 7-го іюля 1867 г., отклоненіе ходатайства черниговскаго земства подлежало обсужденію комитета министровъ *до увѣдомленія* о томъ земства, а не послѣ отправленія отвѣта, что ходатайство оставлено безъ уваженія. Положимъ, такое измѣненіе порядка, установленнаго въ Выс. утв. положеніи комитета министровъ, имѣетъ и свою выгодную сторону. Черниговское земство теперь можетъ приготовить обстоятельное объясненіе по всѣмъ пунктамъ тѣхъ доводовъ, въ силу которыхъ его ходатайство признано незаслуживающимъ уваженія. Однако, самая перемѣна порядковъ, установленныхъ въ Выс. утв. положеніи комитета министровъ отъ 7-го іюля 1867 г., нисколько не облегчитъ окончательную судьбу земскихъ ходатайствъ. Выс. утв. положеніе комитета министровъ отъ 7-го іюля 1867 г. вызвано сознаніемъ о необходимости установить какой-либо контроль надъ оставленіемъ земскихъ ходатайствъ безъ послѣдствій. Насколько этотъ контроль даже послѣ того, какъ земство узнало о его существованіи, не отличался особой настоятельностью, объ этомъ свидѣтельствуетъ вся послѣдующая исторія земскихъ ходатайствъ. Самое учрежденіе для указаннаго контроля было выбрано неудачно. Дѣло свелось къ простой перепискѣ между комитетомъ министровъ и каждымъ отдѣльнымъ министерствомъ. Объ общемъ положеніи дѣла можно себѣ составить представленіе на основаніи одного изъ послѣднихъ циркуляровъ (отъ 12-го апрѣля текущаго года). «На разсмотрѣніе государственнаго совѣта, сказано въ этомъ циркулярѣ, восходило представленіе министра внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ постановленія одного губернскаго земскаго собранія, опротестованнаго губернскимъ начальствомъ въ виду несоотвѣтствія его интересамъ мѣстнаго населенія. Разсмотрѣвъ означенное представленіе и отмѣнивъ согласно съ нимъ опротестованное постановленіе собранія, государственный совѣтъ Высочайше утвержденнымъ 20 минувшаго марта мнѣніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, положилъ: Поручить министру внутреннихъ дѣлъ на будущее время, при внесеніи въ государственный совѣтъ представленій объ отмѣнѣ, или измѣненіи постановленій губернскихъ земскихъ собраній, на основаніи п. 22 ст. 23 учр. госуд. сов. (т. I ч. II св. зак., изд. 1893 г.): 1) излагать въ означенныхъ представленіяхъ подробныя соображенія, по коимъ постановленіе признается несоотвѣствующимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающимъ интересы мѣстнаго населенія, а также свѣдѣнія о размѣрахъ существующаго земскаго обложенія и увеличенія онаго въ случаѣ отмѣны постановленія, и 2) прилагать къ представленіямъ копіи отмѣняемыхъ постановленій земскихъ собраній и утвержденныхъ послѣдними смѣтъ и раскладокъ».

Если государственный совѣтъ призналъ нужнымъ установить такой порядокъ, то значитъ онъ не соблюдался. Если государственный совѣтъ потребовалъ, чтобы въ будущемъ къ представленіямъ объ отмѣнѣ постановленій земскихъ собраній прилагались копіи этихъ постановленій, то значитъ раньше предлагалось государственному совѣту отмѣнять такія постановленія, содержаніе которыхъ ему не было сообщено въ точности. Если государственный совѣтъ потребовалъ, чтобы въ представленіяхъ объ отмѣнѣ постановленій земскихъ собраній излагались подробныя соображенія, въ силу которыхъ предлагаемое къ отмѣнѣ постановленіе не признается отвѣчающимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, то значитъ раньше и этого не дѣлалось.

Такіе порядки прекратятся, если постановленіе государственнаго совѣта будетъ принято къ точному исполненію и руководству. Государственный совѣтъ получитъ возможность входить въ обсужденіе тѣхъ соображеній, въ силу которыхъ данное ходатайство земства предлагается отклонить. Постановленія земства о возбужденіи того или иного ходатайства, быть можетъ, хотя въ нѣкоторой степени будутъ сопровождаться положительными результатами и пріобрѣтутъ принадлежащее имъ по закону весьма важное значеніе для развитія законодательства согласно съ требованіями жизни. Въ тоже самое время болѣе внимательное отношеніе къ земскимъ ходатайствамъ явилось-бы укрѣпленіемъ того правила, извѣстнаго и нашему законодательству, въ силу котораго указанная въ *законѣ* компетенція какихъ-либо органовъ управленія можетъ быть ограничиваема и расширяема только законодательнымъ порядкомъ, а не по усмотрѣнію того или иного вѣдомства.

Всякому извѣстно, что самое простое и ясное постановленіе закона можетъ быть истолковано вопреки своему ясному смыслу, и въ теченіе извѣстнаго времени можетъ получить два—три разныхъ толкованія. Такая судьба не рѣдко постигаетъ законы, регулирующіе дѣятельность земства и опредѣляющіе его компетенцію. Остановимся для примѣра на вопросѣ о правѣ земскихъ учрежденій отсрочивать и разсрочивать недоимки по земскимъ сборамъ. Недавно губернаторамъ разосланъ циркуляръ слѣдующаго содержанія: «по одной губерніи возникъ вопросъ о правѣ земскихъ учрежденій разсрочивать и отсрочивать уплату недоимокъ земскаго сбора. Въ виду общаго значенія этого вопроса считаю необходимымъ сообщить вашему превосходительству для свѣдѣнія и надлежащаго, въ потребныхъ случаяхъ, руководства, что законъ строго ограничиваетъ самостоятельность земскихъ учрежденій въ дѣлѣ взысканія недоимокъ земскаго сбора. Такъ въ отношеніи льготъ въ уплатѣ этихъ недоимокъ законъ предусматриваетъ лишь два случая: 1) когда недоимки будутъ признаны безнадежными къ поступленію, или окажутся неправильно числящимися, и 2) когда имущество, на коемъ числится недоимка, истреблено пожаромъ или другимъ несчастнымъ случаемъ (п. 6 ст. 62 пол. о зем. учр., прим. 1 къ ст. 29 вр. прав. по

дѣл. о зем. пов., ст. 29 пол. о нал. съ недв. имущ.). Въ обоихъ этихъ случаяхъ недоимка подлежитъ совершенному сложенію со счетовъ распоряженіемъ земскаго собранія. Затѣмъ собственно въ отношеніи права земскихъ учрежденій допускать, по усмотрѣнію, разсрочку или отсрочку уплаты земскихъ недоимокъ на неопредѣленное количество лѣтъ никакихъ указаній въ законѣ не содержится, и предоставленіе имъ этого права было-бы расширеніемъ предѣловъ дѣятельности земства, точно въ законѣ указанныхъ. При этомъ нельзя не имѣть въ виду, что разсрочка недоимокъ, затрогивая весьма существенно интересы частныхъ лицъ, можетъ подъ вліяніемъ партійныхъ соображеній повести къ обремененію однихъ плательщиковъ на счетъ другихъ. Въ этомъ смыслѣ послѣдовало разъясненіе правительствующаго сената, изложенное въ указѣ его отъ 14 февраля сего года, за № 1582» *).

Десять лѣтъ тому назадъ министерство въ циркулярѣ отъ 13 іюня 1884 г., точно также ссылаясь на указъ сената (отъ 22 мая 1884 г.), разъясняло, что хотя «по уставу о зем. пов. земскіе сборы вносятся въ тѣ же сроки, какіе установлены для взноса податей, но правило это, имѣющее цѣлью обезпечить земскимъ классамъ вѣрнѣйшее поступленіе суммъ, не можетъ быть разсматриваемо, какъ непреложное требованіе закона и въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда взысканіе земскихъ сборовъ въ установленные сроки повлекло бы за собою значительное разстройство въ хозяйствѣ плательщиковъ, а слѣдовательно и вообще уменьшеніе платежныхъ силъ мѣстности (каковы случаи неурожая, градобитія, пожаровъ, падежей скота и т. п.), земскія учрежденія, коимъ по закону предоставлены: назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе земскихъ сборовъ, *не лишены права отсрочивать взносы оныхъ*». Это разъясненіе послѣдовало при дѣйствіи стараго земскаго положенія. Однако, и по новому положенію земству предоставлены назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе земскихъ сборовъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что если по старому земскому положенію изъ совокупности такихъ правъ вытекало и право земства отсрочивать взносы земскихъ недоимокъ, то такое право принадлежитъ ему и теперь по новому положенію. Оправдать ограниченіе этого права ссылкой на опасность «партійныхъ соображеній» едва-ли возможно. Нѣтъ спора, при новомъ земскомъ положеніи интересы одной партіи гласныхъ слишкомъ осязательно гарантированы, и отсрочки недоимокъ по сборамъ съ частныхъ землевладѣльцевъ могутъ получить широкое примѣненіе. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что земство должно быть лишено права отсрочивать и разсрочивать взносы недоимокъ по земскимъ сборамъ, а логически вытекаетъ выводъ въ пользу настоятельной необходимости уравновѣсить въ составѣ земскихъ собраній количество гласныхъ отъ разныхъ группъ населенія. Въ противномъ случаѣ, опасаясь установленныхъ въ законѣ весьма благопріятныхъ условій для

*) «Юридическая Газета», № 35 1895 г.

торжества «партійныхъ соображеній» одной преобладающей группы гласныхъ, пришлось бы ограничить компетенцію земства во всѣхъ вопросахъ и дѣлахъ, отнесенныхъ къ его вѣдѣнію. Пришлось бы вступить на путь той самой политики ограниченій и репрессій по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ, которая, не принося никакой пользы, офиціально признана весьма вредной. Такъ «Вѣстникъ Финансовъ» (№ 29), указывая на неудовлетворительное поступленіе пособій въ казну изъ земскихъ суммъ на содержаніе новыхъ судебно-административныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, въ поясненіе добавляетъ: «слѣдуетъ замѣтить, что даже и такіе неудовлетворительные результаты поступленія земскихъ пособій достигнуты *путемъ давленія на земство извнѣ и принятіемъ даже репрессивныхъ мѣръ, портящихъ отношенія земскихъ учрежденій къ установленіямъ правительственнымъ и вредно отражающихся*, уже по одной этой причинѣ, *на ходѣ земскаго дѣла*».

Однако, репрессивная политика, можетъ принимать разныя формы. Она можетъ выражаться въ отклоненіи всѣхъ тѣхъ единодушныхъ ходатайствъ земскихъ учрежденій, въ которыхъ они единогласно указывали на одни и тѣ-же условія, необходимыя для развитія земской дѣятельности и въ понужденіи земства къ совершенно инымъ взглядамъ на условія и задачи земской дѣятельности. Было бы трудно доказать, что въ старой и новой исторіи земскихъ финансовъ не были отмѣчены сооотвѣтствующія тенденціи и обстоятельства. Старое и новое земства въ самыхъ разнообразныхъ и ежегодно повторяющихся ходатайствахъ указывали на то, что недостатокъ земскихъ доходовъ есть основное препятствіе для удовлетворенія самыхъ насущныхъ мѣстныхъ потребностей культурнаго и экономическаго характера. Основательность этихъ ходатайствъ офиціально признана въ мотивахъ къ закону 1 іюня 1895 г., въ силу котораго скудныя земскія средства въ значительной мѣрѣ отвлечены на осуществленіе плановъ, направленныхъ «къ тому, чтобы сдѣлать страну проѣзжею» *). Въ мотивахъ къ этому закону сказано: «насчетъ земства относятся повсемѣстно столь значительныя издержки на содержаніе мѣстнаго управленія и суда, что совокупность земскихъ доходовъ, остающихся за покрытіемъ этихъ издержекъ, оказывается недостаточною для широкаго веденія хозяйственныхъ операцій, для удовлетворенія тѣхъ потребностей, предметъ или размѣръ которыхъ оставленъ въ законѣ безъ точнаго опредѣленія», т. е. тѣхъ насущныхъ потребностей культурнаго и экономическаго характера, удовлетвореніе которыхъ отнесено къ числу «*необязательныхъ*» земскихъ расходовъ. Такимъ образомъ единодушныя ходатайства санкціонированы признаніемъ того факта, что земскія средства крайне ограничены для удовлетворенія насущныхъ потребностей населенія. Но разъ недостатокъ земскихъ средствъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей населе-

*) См. въ № 24 «Вѣстн. Фин.» статью «Отнесеніе на общія средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ расходовъ, покрываемыхъ изъ земскихъ сборовъ».

нія былъ признанъ, то для устраненія этого недостатка необходимо было подыскать соотвѣтствующія мѣры и средства. Задача сложная,—но она была разрѣшена очень просто... Было признано необходимымъ снять съ земства обязательные расходы казеннаго характера по содержанію судебно-административныхъ учрежденій и губернскихъ статистическихъ комитетовъ всего на сумму въ 5.804,935 р. Въ то же самое время вся эта сумма признана для земства *обязательнымъ* расходомъ на улучшеніе путей сообщенія. Само собою понятно, что простая замѣна одного обязательнаго расхода другимъ нисколько не облегчила для земства задачу удовлетворенія насущныхъ потребностей населенія. Останавливаютъ на себѣ вниманіе и тѣ соображенія, въ силу которыхъ расходъ въ 5.804,935 р. на пути сообщенія признанъ для земства обязательнымъ. Путемъ статистическаго учета былъ констатированъ тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что земство гораздо болѣе расходуетъ средствъ на народное образованіе и медицину, чѣмъ на пути сообщенія. Въ предупрежденіе того, чтобы земство и указанные 5,804,935 р. не затратило на свои излюбленные расходы, они и объявлены обязательно подлежащими расходованію на пути сообщенія. Однако, до сихъ поръ установленіе степени важности между разными потребностями мѣстнаго населенія признавалось одною изъ тѣхъ основныхъ цѣлей, для достиженія которыхъ именно и образованы земскія учрежденія. Тотъ фактъ, что земство въ данное время расходуетъ изъ своихъ скудныхъ средствъ наибольшую сумму на народное образованіе и медицину, свидѣтельствуетъ именно о томъ, что въ данный моментъ эти потребности являются наиболѣе важными и что на болѣе полное ихъ удовлетвореніе и должны пойти указанные 5.804,935 р. Теперь же эти 5.804,935 р. не признаны подлежащими расходованію, именно на тѣ нужды, которыя, по мнѣнію земства, являются наиболѣе важными для населенія. Правда, въ законѣ допущены ходатайства губернскихъ земствъ о разрѣшеніи производить расходы изъ этихъ 5,804,935 р. и на другіе цѣли, помимо путей сообщенія, но такой порядокъ является уже только исключеніемъ изъ общаго правила. Навѣрно, разрѣшенія будутъ даваться въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, разъ необходимость сдѣлать страну «проѣзжею» признана болѣе важной государственной потребностью, чѣмъ потребность въ распространеніи народнаго образованія.

Въ результатѣ вопросъ о крайнемъ недостаткѣ земскихъ средствъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей населенія остался вопросомъ—и вопросомъ, требующимъ безотлагательнаго разрѣшенія. Въ мотивахъ къ закону 1-го іюня 1895 г. сказано, что «размѣръ земскаго обложенія дошелъ нынѣ до такихъ предѣловъ, что о дальнѣйшемъ его повышеніи не можетъ быть и рѣчи». Фактъ этотъ, какъ всякому извѣстно, является прямымъ послѣдствіемъ того, что земское обложеніе сведено почти къ однимъ поземельнымъ сборамъ. Въ единодушныхъ ходатайствахъ земства приводились и приводятся самые разнообразные доводы въ

пользу безотлагательной необходимости расширить земское обложеніе до построенія его на началѣ всеобщности и въ пользу назначенія пособій отъ казны на покрытіе такихъ земскихъ расходовъ, которые явно имѣютъ общегосударственное значеніе. Въ мотивахъ-же къ указанному закону сказано, что такой способъ увеличенія земскихъ средствъ, т. е. «предоставленіе земству новыхъ источниковъ дохода, не можетъ быть признанъ удобоосуществимымъ. Еще болѣе возраженій, чѣмъ расширеніе области земскаго обложенія, вызываетъ предположеніе о выдачѣ земству пособій отъ казны на удовлетвореніе земскихъ потребностей. Не говоря уже объ отсутствіи гарантій бережливаго употребленія этихъ пособій, самая возможность ихъ полученія способна оказать растлѣвающее вліяніе на земское управленіе, пріучая земскихъ дѣятелей полагаться не на собственныя силы и средства, но на содѣйствіе правительства, и порождая самыя неосновательныя ходатайства» *). Система пособій изъ казны органамъ мѣстнаго самоуправленія широко практикуется во всѣхъ культурныхъ государствахъ и нигдѣ не признана растлѣвающей. Неосновательность ходатайствъ предупреждается уже тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что въ законѣ точно указываются тѣ потребности, на покрытіе которыхъ могутъ быть выдаваемы пособія изъ казны. Отчетность и контроль гарантируютъ бережливое расходованіе казенныхъ пособій земскими учрежденіями не въ меньшей степени, чѣмъ и при расходованіи казенныхъ средствъ непосредственно самою казною.

Такимъ образомъ, выдача земству пособій изъ средствъ казны, по меньшей мѣрѣ, не угрожаетъ большими печальными послѣдствіями, чѣмъ затрата этихъ средствъ непосредственно казенными учрежденіями и вѣдомствами. Расширеніе-же земскаго обложенія являлось-бы прямо даже полезнымъ для казны. Какъ-бы тамъ ни было, а для казны остается вѣчно юнымъ вопросъ о реформѣ государственной системы податей и сборовъ. Радикальная реформа государственной системы податей и сборовъ является дѣломъ до крайности сложнымъ и труднымъ. Она требуетъ цѣлаго ряда подготовительныхъ мѣръ, на которыя всегда уходитъ съ наименьшимъ успѣхомъ тѣмъ больше времени, чѣмъ меньшее участіе къ такой сложной работѣ отводится мѣстнымъ дѣятелямъ, людямъ близко знакомымъ съ условіями жизни. Кромѣ того, наше государственное хозяйство слишкомъ застарѣло, застыло въ опредѣленныхъ формахъ, изъ которыхъ ему, при его чрезвычайной сложности и массивности, трудно переходить къ новымъ порядкамъ и формамъ. Наоборотъ, наше земское хозяйство, будучи сравнительно очень юнымъ, отличается большой гибкостью,—оно еще не застыло, не окостенѣло въ опредѣленныхъ формахъ. Кромѣ того, земство никогда не смотрѣло на дѣйствующее законодательство о земскихъ сборахъ, какъ на ту именно почву, на которой земскому обложенію суждено развиваться и крѣпнуть. Земство ждало и

*) Ibid.

ждетъ наступленія того времени, когда для его творческой энергіи въ сферѣ обложенія будутъ отведены болѣе широкія границы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что переходъ казенной системы податей и сборовъ на путь, болѣе отвѣчающій интересамъ справедливости и интересамъ общественнаго хозяйства, можетъ быть облегченъ и подготовленъ только при помощи предварительной широко поставленной реформы земскаго обложенія. Если земское обложеніе будетъ расширено до построенія его на началахъ всеобщности, то, при воздержаніи отъ излишней регламентаціи, земство въ скоромъ времени выработало-бы довольно стройную систему прямыхъ предметно-подоходныхъ налоговъ, которая потомъ можетъ быть принята за основаніе при реформѣ казенной системы податей и сборовъ *).

М. Петровъ.

---

*) Подробно этотъ вопросъ былъ изложенъ въ статьѣ „Земскій произволъ (къ реформѣ земскаго обложенія)". См. „Сѣверный Вѣстникъ", № 9, 1894 г.

ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ.

Художественная выставка въ Венеціи.

Основная черта современной живописи — необычайное разнообразіе существующихъ въ ней школъ и направленій. Нѣтъ господствующаго теченія, но каждая новая выставка открываетъ художниковъ съ новой манерой, съ новымъ взглядомъ на искусство. Натурализмъ, импрессіонизмъ, plein-air, символизмъ имѣютъ представителей на каждой выставкѣ, не говоря уже объ иныхъ, болѣе мелкихъ подраздѣленіяхъ по техникѣ письма. Рядомъ съ ними замѣчаются совершенно новыя стремленія, и въ области живописи стремленія эти составляютъ главный интересъ дня.

Въ нынѣшнемъ году въ началѣ апрѣля открылась въ Венеціи международная выставка, представляющая много интереснаго для ознакомленія съ общимъ характеромъ современной живописи. На выставкѣ собрано около 400 картинъ. Какъ по сюжетамъ, такъ и по внутреннему настроенію и манерѣ письма онѣ даютъ матеріалъ для характеристики новыхъ теченій въ искусствѣ.

На ней представлены всѣ европейскія страны—за исключеніемъ Россіи, (если не считать бюстовъ Ренана и Гревена работы Бернштамма — единственнаго русскаго художника на всей выставкѣ), представлены всѣ разнообразныя направленія въ живописи за послѣдніе годы, такъ что въ общей массѣ выставка производитъ впечатлѣніе крайней пестроты. Вотъ, напримѣръ, однообразно-сѣрые рыбаки и рыбачки бельгійца Израельса; онъ такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ патетично рисуетъ горе и нищету въ своихъ вдумчивыхъ, понурыхъ фигурахъ, и отъ его мрачныхъ, однотонныхъ картинъ вѣетъ какими-то безнадежными, трагическими буднями. Немного дальше—фіолетово-желтыя симфоніи Бенара, смѣлаго до парадоксальности искателя новыхъ свѣтовыхъ эффектовъ; онъ влюбленъ въ самыя неестественныя сочетанія цвѣтовъ, отражающихъ утонченныя настроенія живописца. Выписанныя до мельчайшихъ подробностей испанскія картинки, добросовѣстно и такъ ненужно воспро-

изводятъ свѣтскую жизнь или оперныхъ пейзанъ. На ряду съ ними полотна Либермана, отъ которыхъ нужно прежде всего отойти шаговъ на десять, чтобы вмѣсто сплошныхъ пятенъ видѣть фигуры и предметы. Академическіе портреты англичанина Геркомера имѣютъ достойные pendant въ мастерскихъ портретахъ Ленбаха, Каролюсъ-Дюрана, прослывшаго французскимъ Веласкезомъ. Наряду съ этими представителями испытанныхъ старыхъ манеръ бросаются въ глаза странные портреты американскаго художника Александра, которому люди кажутся однотонными, смутными силуэтами, и который умѣетъ придать едва намѣченному профилю особое выраженіе современности и сложности настроенія. А затѣмъ цѣлый рядъ новаторовъ въ чисто-технической области: писаніе штрихами, пунктиками, такъ называемая призматическая манера писать пейзажъ, въ особенности-же траву, разноцвѣтными, положенными вплотную штрихами, такъ что для зрителя, отошедшаго на нѣсколько шаговъ отъ картины, получается впечатлѣніе смутнаго колорита и крайне рельефно выступающихъ подробностей. Присматриваясь къ этимъ разнороднымъ проявленіямъ современнаго творчества, трудно рѣшить сразу, гдѣ въ этихъ картинахъ отживающее старое, гдѣ нарождающееся новое. Принадлежитъ-ли будущее реализму, изъ котораго вышли импрессіонизмъ и plein-air, или идеализму? И то и другое изъ этихъ настроеній представлены на выставкѣ въ значительномъ количествѣ картинъ, но изучая выставку со стороны общихъ чертъ, характезирующихъ ее, мы видимъ, что есть нѣчто объединяющее всѣ направленія и намѣчающее существованіе какого-то новаго настроенія, которое легло въ основаніе современнаго искусства.

Обратите вниманіе на общій характеръ избираемыхъ художниками сюжетовъ. Менѣе всего здѣсь приходится видѣть обстановочно-жанровыхъ картинъ, подавляющихъ обыкновенно зрителя на художественныхъ выставкахъ. Періодъ реализма въ живописи былъ особенно благопріятенъ для развитія жанра. До сихъ поръ наши русскія передвижныя и академическія выставки кишатъ сценами «у чайнаго стола, «въ трактирѣ», «передъ праздникомъ», «послѣ бала» и т. п. сюжетами, ничего не говорящими уму и сердцу. Постепенное исчезновеніе подобныхъ картинъ, представляющихъ жизнь съ внѣшней стороны, составляетъ одну изъ заслугъ новаго искусства въ Европѣ. Въ Венеціи эта черта современной живописи выразилась очень ясно, исключенія попадаются почти только въ испанскомъ отдѣлѣ; таковы, напримѣръ, «Продавщицы апельсинъ» Бильбао, «Выздоравливающая» Санхесъ Барбуда или сцена изъ «Отелло» нѣмецкаго художника Бекера. Картины эти отличаются выписанностью и богатствомъ деталей такъ-же, какъ и яркостью колорита; но пустота и условность ихъ содержанія, поверхностность наблюденія производятъ впечатлѣніе рѣзкаго контраста по сравненію съ серьезнымъ отношеніемъ къ изображаемой жизни у художниковъ новѣйшихъ направленій. Тѣ изъ нихъ, которые ищутъ вдохновенія не въ утонченныхъ

артистическихъ настроеніяхъ, а въ дѣйствительности, замѣняютъ изображеніе бытовыхъ сценъ психологическими сюжетами, дающими возможность художнику отразить, освѣтить идейно взятый ими уголокъ жизни. Характерное для обстановочнаго жанра накопленіе дѣйствующихъ лицъ на картинахъ смѣнилось стремленіемъ къ индивидуализаціи, къ тому, чтобы воплотить цѣльное пониманіе жизни въ одномъ лицѣ. Чтобы понять разницу между прежнимъ жанромъ и новымъ, достаточно сравнить двѣ картины, написанныя на одну тему «Выздоровленіе»: одну—испанской школы, пеструю и сложную, изображающую предметы и лица, а другую—нѣмецкаго художника Фирле, крайне несложную, передающую только настроеніе, то, что таится за предметами, и потому неотразимо дѣйствующую на душу.

Одна, двѣ фигуры, сосредоточенныя на какомъ-нибудь чувствѣ, выражающія характеръ времени или настроеніе минуты—таково большинство сюжетовъ. Вотъ картина датскаго художника Анкера «Дѣвушка съ подсолнечниками», представляющая свободную, смѣлую душу скандинавскихъ женщинъ въ простомъ, но глубоко задуманномъ образѣ спокойной дѣвушки съ открытымъ скромнымъ лицомъ—нѣчто среднее между итальянской мадонной и валькиріей сѣвернаго эпоса. Итальянскій художникъ Ferrari рисуетъ въ своей «Одинокой» очень современный образъ дѣвушки, томимой жаждой вѣры и жизни, неисцѣлимо скорбной въ своей разновидности. Такой-же характеръ психологическаго углубленія носитъ картина испанца Бенлюра «Молящійся старикъ», картина Каприле «Избіеніе неповинныхъ», гдѣ собрано много лицъ, но интересъ сосредоточенъ на фигурѣ аббата, глядящаго на только что вынесенную изъ бойни партію скота, и мн. др. То-же серьезное отношеніе къ идейному содержанію творчества замѣчается въ картинахъ изъ жизни рабочихъ и народной массы. Цѣли, которыми задается Израельсъ, Роля, Удэ и другіе художники того-же направленія, не носятъ публицистическаго характера, какъ у представителей прежняго реализма. Но, проникнутые любовью къ изображаемымъ ими людямъ, они дѣлаютъ нѣчто гораздо большее: они отражаютъ внутреннюю жизнь рабочаго и соединяютъ такимъ образомъ жалкое въ матеріальномъ отношеніи существованіе голодныхъ и полуголодныхъ людей съ тѣми идеями, которыми живетъ человѣчество и которыя обнимаютъ всѣ ступени общественной лѣстницы. Нищія рыбачки Израельса проникнуты благородной скорбью, въ ихъ измученныхъ глазахъ свѣтится не мысль о хлѣбѣ, а страданія души. Тотъ-же характеръ носитъ картина Роля «Землепашцы», рисующая тихія радости бѣдняка.

Кромѣ исчезновенія жанровыхъ картинъ, въ новомъ искусствѣ, представленномъ на венеціанской выставкѣ, бросается въ глаза еще одна характерная черта: исканіе сюжетовъ символическаго характера, и тяготѣніе къ сюжетамъ религіознымъ. Въ области символизма первое мѣсто принадлежитъ англійскимъ прерафаелитамъ, создавшимъ живопись чистыхъ настроеній и чистой, духовной красоты. Къ сожалѣнію, на выставкѣ

нѣтъ ни одной картины величайшаго изъ прерафаелитовъ Д. Г. Росетти. Но созданный имъ новый идеалъ красоты воплотился въ творчествѣ его ученика Бернъ-Джонса. При взглядѣ на его картину въ англійскомъ отдѣлѣ, «Невѣста Ливана», зритель чувствуетъ себя перенесеннымъ въ какой-то особый міръ. Неземныя черты женскихъ лицъ, ихъ странныя удлиненныя фигуры, развѣвающіяся драпировки, и какое-то особое музыкальное настроеніе, разлитое въ блѣдныхъ краскахъ, въ изящныхъ линіяхъ—все это не взято изъ жизни, а внесено въ жизнь, какъ новый элементъ красоты, созданный творческой фантазіей великаго художника. Рядомъ съ картиной Бернъ-Джонса помѣщена небольшая картина Вадса, символизирующая миѳъ о спящемъ Эндиміонѣ, къ которому спускается Діана въ видѣ блѣднаго серпа луны.

Цѣлый рядъ эпигоновъ прерафаэлитизма наполняютъ выставку разнообразными картинами. Англичанинъ Югсъ, итальянскій художникъ Сарторіо, идущій по стопамъ Росетти, картины Бенара, нѣмецкаго художника Штука и др. все это свидѣтельствуетъ о нѣкоторыхъ попыткахъ создать чисто идеалистическое теченіе въ искусствѣ. Пока главная сила этого теченія остается въ Англіи, но талантливыя, хотя не вполнѣ оригинальныя картины итальянскихъ художниковъ Сарторіо, Морелли и др. указываютъ на начало такого-же теченія въ Италіи.

Интересной чертой венеціанской выставки является также обиліе картинъ религіознаго содержанія, при чемъ замѣчается стремленіе внести современное освѣщеніе въ толкованіе вѣчныхъ евангельскихъ темъ. Такимъ новаторомъ является напр. Удэ, пытающійся воскресить образъ Христа среди условій современной жизни и показать непреходящее значеніе евангельской правды среди мѣняющихся обстоятельствъ въ жизни народовъ. Его «нагорная проповѣдь», рисующая Христа среди поселянъ современной нѣмецкой деревушки, составляетъ одно изъ украшеній выставки. Цѣлый рядъ мадонъ и сценъ изъ жизни Христа показываетъ склонность современныхъ художниковъ къ мистическимъ настроеніямъ.

Между картинами, привлекающими вниманіе не только воплощеніемъ новыхъ элементовъ художественнаго творчества, но индивидуальностью художника и своими безотносительными достоинствами, слѣдуетъ отмѣтить главнымъ образомъ картины итальянскаго отдѣла. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе двѣ картины молодого художника Грассо, въ особенности-же одна изъ нихъ «Послѣднее свиданіе» (L'Ultimo Convegno). Содержаніе картины относится къ вѣчной темѣ художниковъ и поэтовъ, легендѣ о Донъ Жуанѣ, и оригинальность художника заключается въ сочетаніи фантазіи съ крайнимъ реализмомъ исполненія. Воображенію художника рисуется собраніе женщинъ у открытаго гроба Донъ-Жуана. Художникъ переноситъ мѣсто дѣйствія въ церковь. Гробъ Донъ-Жуана, прикрытый на половину чернымъ, расшитымъ золотомъ, покровомъ, стоитъ посреди церкви. Видно только желтое, какъ воскъ, осунувшееся лицо мертвеца. Вокругъ—безпорядокъ, опрокинутые канделябры и пюпитры. Весь гробъ

и полъ усыпаны желтыми розами. У гроба нѣсколько женщинъ. Прямо въ глаза мертвецу глядитъ черноволосая, дерзкая красавица, лежащая обнаженная на крышкѣ гроба; рядомъ съ ней двѣ другія заглядываютъ въ лицо Донъ-Жуана съ смѣшаннымъ выраженіемъ злобы и страданія. Маленькая дѣвочка-подростокъ пріютилась на полу и съ испугомъ выглядываетъ изъ своего уголка. Чрезъ открытую дверь церкви приближается длинный рядъ женщинъ въ черныхъ покрывалахъ, изъ-подъ которыхъ виднѣется обнаженное тѣло...

Странное впечатлѣніе производитъ эта картина своими смѣлыми контрастами святого и грѣховнаго, своимъ рѣзкимъ противопоставленіемъ жизни и смерти. Трудно представить себѣ нѣчто болѣе дерзновенное, чѣмъ эта молодая пышная красавица, лежащая на гробѣ и прикованная жаднымъ взоромъ къ лицу мертвеца. Въ ея глазахъ свѣтится злорадство, возбуждаемое видомъ мертваго Донъ-Жуана, безпредѣльное любопытство и инстинктивный ужасъ — кажется, что легкомысленная, жаждущая наслажденій, юность заглянула въ глаза смерти и на минуту поняла и себя и тайну жизни. Нѣтъ въ ея неподвижномъ взглядѣ только любви.

Кромѣ Грассо, итальянская живопись представлена нѣсколькими первоклассными художниками, идущими новыми путями. Морелли почти символистъ въ своихъ поэтическихъ картинахъ на евангельскія темы, Болдини смѣлый и глубокій наблюдатель дѣйствительности, а по ихъ слѣдамъ идетъ нѣсколько молодыхъ начинающихъ талантовъ.

Зин. Венгерова.

Венеція, май, 1895 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Урожай. — Проектъ «устава сельскаго хозяйства». — «Моск. Вѣдомости» объ опекѣ надъ недоимочными имѣніями.—Распредѣленіе студентовъ по университетамъ.—Новыя средства для церковно-приходскихъ училищъ и школъ грамоты. — Случай съ г-жою Штевенъ.—Первая народная перепись.—Дѣятельность ростовщика Диманта.

Нынѣшній урожай озимыхъ хлѣбовъ, и по официальнымъ свѣдѣніямъ, оказывается въ общемъ—ниже средняго, съ недородомъ въ значительной полосѣ, обнимающей губерніи Бѣлорусскія и Литовскія, Волынскую, Астраханскую, сѣверъ Донской области, а также нѣкоторые уѣзды губерній Саратовской и Самарской. Что касается урожая яровыхъ, то онъ, въ среднемъ, «удовлетворителенъ», но опять-таки съ недородомъ въ губерніяхъ: Воронежской, Саратовской, Симбирской. Нижегородской, Костромской, Минской, Оренбургской, Астраханской и Донской области. Итакъ, въ общемъ, урожай нынѣшняго года ниже средняго, хотя въ черноземной полосѣ озимые уродились хорошо.

Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ. да еще зачастившіе въ послѣдніе годы неурожаи главныхъ хлѣбовъ не произвели пока въ центральной, восточной и юговосточныхъ полосахъ сколько-нибудь примѣтныхъ улучшеній въ земледѣльческой культурѣ и къ усиленію скотоводства. Отсутствіе такихъ начинаній у крестьянъ объясняется отсутствіемъ средствъ. Двѣ предшествующія жатвы не позволили крестьянамъ оправиться отъ послѣдствій тяжелыхъ, голодныхъ годовъ. а нынѣ опять сборъ выходитъ ниже средняго. Скотоводство-же, которому 1891 и 1892 года нанесли тяжкій ударъ, продолжаетъ падать.

По своимъ огромнымъ луговымъ пространствамъ, Россія могла-бы снабжать всю Европу лошадьми. скотомъ и продуктомъ скотоводства. Но коневодство у насъ не распространяется и не улучшается; частные конскіе заводы въ большинствѣ закрылись, такъ что и регулярная кавалерія въ послѣдніе годы стала снабжаться казачьими лошадьми, а среди самихъ казаковъ, которые служатъ на своихъ лошадяхъ, все

болѣе слышится жалобъ на трудность достать хорошаго коня и на дороговизну его. Между тѣмъ, коневодство составляетъ важную отрасль народнаго хозяйства, едва уступающую скотоводству въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть разведенію крупнаго скота. Овцеводство на югѣ совсѣмъ упало. Въ нашемъ вывозѣ за границу, животныя играютъ вообще незначительную роль. Такъ, останавливаясь на цифрахъ 1888 и 1889 годовъ, какъ предшествовавшихъ неурожайнымъ, мы видимъ, что изъ итоговъ вывода— въ 747 и 704 милл. рублей въ годъ, на животныхъ приходилось только 13 милл. рублей.

Можно было-бы сказать, что въ этомъ виноваты другія страны, которыя принимаютъ стѣснительныя мѣры противъ ввоза русскаго скота, часто совсѣмъ воспрещая его ввозъ; и цѣны на этотъ скотъ на иностранныхъ рынкахъ стоятъ низкія, вслѣдствіе плохого его питанія и еще изнуреннаго состоянія, въ какомъ онъ доставляется на границу нашими желѣзными дорогами. Но вѣдь эта вина въ дѣйствительности падаетъ на насъ самихъ: худое содержаніе скота, неудовлетворительная перевозка его, частыя заразныя болѣзни, отсутствіе ветеринарнаго осмотра вредятъ нашему вывозу и животныхъ продуктовъ и понижаютъ его цѣны на иностранныхъ рынкахъ.

Можно было бы сказать, что у насъ есть и промышленные районы и полосы черноземныя и нечерноземныя, земледѣліе первобытное и нѣсколько болѣе успѣвшее, есть громадныя лѣсныя и луговыя пространства; но ими никто не пользуется, есть минеральныя богатства, но мы не разрабатываемъ ихъ сами, по недостатку почина, умѣнья и капиталовъ и опасаемся предоставить для разработки иностранцамъ, есть также и обширныя, населенныя полосы, крайне нуждающіяся въ лѣсѣ, котораго нельзя къ нимъ доставлять, въ углѣ и желѣзѣ, которыхъ мы сами производимъ слишкомъ малыя количества, устраняя, между тѣмъ, привозъ заграничныхъ продуктовъ высокими пошлинами. Нашимъ шовинистамъ, которые безпрестанно бьютъ тревогу на разныхъ границахъ, не мѣшало-бы сообразить, что самая громадность территоріи государства, является въ то-же время и нѣкоторой помѣхой для благоустройства. Въ центрѣ столь обширной и разнохарактерной страны трудно даже имѣть достаточныя свѣдѣнія о томъ, что у насъ есть, что гдѣ наиболѣе требуется, наконецъ, что гдѣ въ дѣйствительности происходитъ. Такъ, недавно въ одной газетѣ по поводу лѣсовъ на Кавказѣ, заявлялось, что самое пространство и качество ихъ неизвѣстны, что есть большіе лѣса, куда никто не проникалъ. А Сибирь, въ которой существуетъ общее губернское устройство, развѣ могла на дѣлѣ управляться центральными учрежденіями, когда для того, чтобы сдѣлать представленіе и получить разрѣшеніе требовалось 3—4 мѣсяца, такъ что разрѣшеніе приходило въ другое время года?

Намъ доставленъ любопытный печатный проектъ «Новаго устава сельскаго хозяйства», раздѣленный, какъ то принято въ этого рода

запискахъ, на два столбца, изъ которыхъ въ одномъ изложенъ текстъ «проекта» въ готовыхъ параграфахъ, а въ другомъ помѣщены «объяснительныя соображенія». Въ текстѣ начертаны нѣкоторыя предположенія, сходныя съ тѣми, которыя уже въ дѣйствительности имѣютъ быть введены, относительно организаціи мѣстныхъ учрежденій для завѣдыванія дѣлами сельскаго хозяйства. Такъ, завѣдываніе это предполагается поручить губернскимъ присутствіямъ, губернскимъ агрономамъ, уѣзднымъ комитетамъ и инспекторамъ сельскаго хозяйства. Присутствія должны имѣть смѣшанный характеръ, состоя изъ предводителя, предсѣдателей палатъ, директоровъ отдѣленій дворянскаго и крестьянскаго банковъ, представителей вѣдомствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ, предсѣдателя земской управы, головы губернскаго города и губернскаго агронома. Въ уѣздные комитеты авторъ проекта предполагаетъ включить уѣзднаго предводителя, инспектора сельскаго хозяйства, предсѣдателя уѣздной управы, исправника, податнаго инспектора, двухъ земскихъ начальниковъ и проч. Какъ водится, опредѣлены и классъ, разрядъ пенсіи и шитье на мундирахъ губернскаго агронома и инспекторовъ сельскаго хозяйства. Но затѣмъ, предполагаемый «порядокъ устройства управленія имѣніями» представляетъ уже нѣчто совсѣмъ оригинальное, основанное на раздѣленіи всѣхъ имѣній на 4 класса, при чемъ главная заботливость автора относится и наиболѣе регламентаціи имъ предлагается именно въ примѣненіи къ имѣніямъ, отнесеннымъ къ двумъ первымъ классамъ: отъ тысячи и болѣе десятинъ и отъ 500 дес. до тысячи. Въ такихъ имѣніяхъ авторъ хочетъ учредить «правильно-организованные управленія», состоящія изъ управляющаго, кассира и конторщика—по назначенію, а также «представителя владѣльца». Въ хозяйствахъ 3-го класса предполагается «упрощенное» управленіе—изъ управляющаго по назначенію и представителя отъ хозяина «или, съ разрѣшенія инспектора сельскаго хозяйства—и самого хозяина». Наконецъ, въ имѣніяхъ 4-го класса, по данному проекту, управляющимъ признается самъ хозяинъ имѣнія, «подчиняющійся лишь контролю участковаго земскаго начальника».

Затѣмъ, «объяснительныя соображенія», помѣщенныя параллельно съ параграфами проекта, еще рельефнѣе обнаруживаютъ цѣль автора, которая, очевидно, заключалась въ томъ, чтобы подшутить надъ сыплющимися нынѣ съ разныхъ сторонъ проектами о возложеніи на государство всякихъ экономическихъ функцій и объ «урегулированіи» всякой отрасли производства Автору нельзя отказать въ юморѣ, и мы охотно познакомимъ читателей съ нѣкоторыми изъ его соображеній, оставляя ихъ, конечно, безъ комментарій.

«Замѣщая должности управляющихъ лицами съ научнымъ образованіемъ, состоящими на государственной службѣ, было-бы невозможно предоставить ихъ пріемъ на службу и увольненіе ничѣмъ несдержанному произволу владѣльцевъ или арендаторовъ имѣній». Тѣ владѣльцы, кото-

рые сами имѣютъ равное съ требующимся отъ управляющихъ научное знаніе, могли-бы, правда, допускаться до управленія ими лично своими имѣніями «въ извѣстныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія инспектора сельскаго хозяйства; но съ другой стороны, нельзя не признать, что недостатокъ хладнокровія, необходимой выдержки, которую такъ трудно порою удержать въ своемъ собственномъ дѣлѣ, едва-ли можетъ и въ этомъ случаѣ сдѣлать желательнымъ частое повтореніе такихъ назначеній (т.-е. назначеній владѣльцевъ—въ должность управляющихъ ихъ-же имѣніями)». По этой причинѣ, не признано возможнымъ—иначе какъ въ видѣ отступленія отъ правила — возлагать управленіе на хозяевъ и въ имѣніяхъ 3-го класса—«гдѣ такая мѣра представляла-бы особыя удобства, вслѣдствіе значительнаго расхода, сопряженнаго съ наймомъ управляющаго»... Хозяйства-же въ имѣніяхъ 4-го класса располагаютъ такими незначительными средствами, что въ отношеніи ихъ не оставалось другого выбора, какъ принять помянутое отступленіе за правило; но, повидимому, ничего-бы нельзя имѣть противъ занятія должностей управляющихъ въ имѣніяхъ 3-го класса владѣльцами такихъ имѣній—другъ у друга. Если ежедневный опытъ доказываетъ намъ, насколько успѣшнѣе занимаются лица, принадлежащія къ самымъ разнообразнымъ классамъ нашего общества чужими и лишь ввѣренными имъ дѣлами, чѣмъ своими собственными, то было-бы странно не воспользоваться этою, скажемъ, національною нашею особенностью... Предполагаемый порядокъ имѣетъ еще ту выгоду, съ точки зрѣнія государственной, что онъ открываетъ сразу цѣлый рядъ новыхъ должностей, съ которыхъ молодые люди, сыновья тѣхъ-же сельскихъ хозяевъ, и по большей части дворяне, могутъ начинать свою службу въ привычной имъ средѣ».

По этому проекту, доходы каждаго имѣнія должны проходить черезъ руки назначаемаго уѣзднымъ комитетомъ кассира, который особенно слѣдитъ за интересомъ того банка, гдѣ имѣніе заложено и откуда оно получило добавочную ссуду. Дворяне закладываютъ имѣнія въ дворянскомъ банкѣ, а для частныхъ землевладѣльцевъ не-дворянъ открывается особое отдѣленіе при крестьянскомъ банкѣ подъ названіемъ: «Отдѣленіе для разночинцевъ». Одинъ параграфъ проекта гласитъ: «Всѣ имѣнія считаются заложенными въ дворянскомъ банкѣ или соотвѣтственномъ отдѣленіи крестьянскаго банка (для разночинцевъ), кромѣ тѣхъ, которыя по желанію владѣльцевъ, съ надлежащаго разрѣшенія уѣздныхъ комитетовъ сельскаго хозяйства, будетъ признано возможнымъ отъ того освободить». Для этого установляется срокъ, въ продолженіе котораго владѣльцы обязаны заявить о своемъ нежеланіи воспользоваться ссудою изъ банка, а не сдѣлавшіе такого заявленія въ срокъ считаются изъявившими желаніе на залогъ ихъ имѣній и затѣмъ «причитающіяся по ихъ имѣніямъ ссуды, въ размѣрѣ отвѣчающемъ нормальной оцѣнкѣ, высылаются въ подлежащія казначейства, для врученія заемщикамъ». Сверхъ этихъ ссудъ, выдаваемыхъ въ размѣрѣ нормальной оцѣнки, открывается

еще при названныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ выдача особыхъ ссудъ на меліораціи и краткосрочныхъ на снабженіе имѣній оборотными средствами.

Такое нѣсколько побудительное распространеніе залога на всѣ имѣнія обосновывается въ «объяснительныхъ соображеніяхъ» тѣмъ, что въ Дворянскомъ банкѣ и въ настоящее время заложены двѣ трети всѣхъ дворянскихъ имѣній и установленъ фактъ, что число заложенныхъ имѣній постоянно увеличивается. При проектируемой организаціи управленія имѣніями, Дворянскій банкъ и отдѣленіе для разночинцевъ будутъ имѣть вполнѣ надежныя гарантіи исправнаго платежа по ссудамъ, а потому и представится полная возможность выдавать ихъ на проектируемыхъ, весьма выгодныхъ условіяхъ (т.-е. въ размѣрѣ оцѣнки, да еще сверхъ того—на меліорацію и на оборотныя средства). Вотъ почему нѣкоторое понужденіе къ залогу представилось-бы совершенно естественнымъ, ибо если принять во вниманіе выгодность тѣхъ условій, на которыхъ давались-бы ссуды, «то станетъ очевиднымъ, что только незнакомство съ условіями ихъ выдачи или самая закоснѣлая приверженность къ рутинѣ могли-бы для огромнаго большинства нашихъ владѣльцевъ служить препятствіемъ—воспользоваться кредитомъ, предлагаемымъ на столь выгодныхъ условіяхъ». При всеобщемъ-же поступленіи въ залогъ всѣхъ имѣній возможно будетъ затѣмъ сдѣлать эти условія еще болѣе выгодными, а именно — обратить выданныя ссуды въ вѣчныя, вовсе не требуя по нимъ погашенія, а размѣръ процента установить ниже противъ процента всякаго вида ипотечныхъ ссудъ. Тѣмъ болѣе, что «выпущенныя для производства ссудъ процентныя бумаги, обезпеченныя какъ всѣмъ имуществомъ государства вообще, такъ и въ особенности—измѣненною настоящимъ уставомъ организаціею сельскаго хозяйства. и застрахованныя отъ тиражей, заняли-бы, безъ сомнѣнія, на биржѣ мѣсто въ ряду самыхъ вѣрныхъ ипотечныхъ бумагъ, т.-е. капитализировались-бы не свыше, какъ изъ $2^1/_2$ процентовъ. Тотъ-же процентъ съ небольшой надбавкой на издержки управленія банка или $2^3/_4$% могъ-бы быть взимаемъ по выданнымъ ссудамъ съ землевладѣльцевъ-дворянъ, возростая для разночинцевъ до $3^1/_2$—4%».

Въ проектѣ есть и другіе курьезы. Приведемъ пунктъ изъ правилъ о расходахъ по имѣніямъ: «исчисленный по смѣтѣ расходъ не долженъ быть менѣе нормальнаго, опредѣленнаго для каждаго имѣнія размѣра; если нельзя ожидать съ имѣнія дохода, достаточнаго для покрытія такого расхода, то управленіе обязано испросить въ надлежащемъ банкѣ ссуду по операціи снабженія хозяйствъ оборотными средствами». Это постановленіе объясняется тѣмъ «соображеніемъ», что правительство, давая способы къ увеличенію оборотныхъ средствъ, вправѣ требовать, чтобы хозяева затрачивали на хозяйство никакъ не меньше того, что они затрачивали раньше, когда еще не пользовались такой помощью. Проектъ направленъ еще и къ устраненію той дороговизны рабочихъ рукъ или

даже недостатка въ рабочихъ для землевладѣльческихъ хозяйствъ, на которые постоянно жалуются сельскіе хозяева въ «Гражданинѣ». Устраняется это неудобство очень простыми пріемами: крупнѣйшія хозяйства заявляютъ уѣздному инспектору о числѣ нужныхъ имъ рабочихъ рукъ и на основаніи этихъ требованій составляются «сводная вѣдомость» и «росписаніе», въ какихъ селеніяхъ будетъ предоставлено каждому имѣнію первыхъ двухъ классовъ нанимать рабочихъ на предстоящія полевыя работы. Затѣмъ, хозяйствамъ двухъ низшихъ классовъ предоставляется пользоваться тѣми рабочими силами, которыя останутся свободны послѣ удовлетворенія требованій болѣе крупныхъ хозяйствъ. Размѣръ платы за различнаго рода полевыя работы опредѣляется на каждый годъ уѣздными комитетами. Такая «нормировка» крестьянскаго труда объясняется слѣдующими соображеніями: «устанавливаемыми параграфами крестьяне нисколько не приневоливаются работать въ тѣхъ имѣніяхъ, которымъ, по росписанію, будетъ указано пользоваться ихъ трудомъ; *тѣмъ не менѣе*, устраненіемъ лишней конкурренціи нанимателей, при существованіи нормальныхъ таксъ на сельскохозяйственныя работы и содѣйствіе въ должныхъ случаяхъ со стороны земскаго начальника, проектированный порядокъ, нисколько не нарушая свободы нанимаемыхъ, долженъ доставить нашимъ хозяйствамъ необходимое обезпеченіе отъ излишнихъ домогательствъ со стороны рабочихъ, прежде всего нужное въ интересахъ ихъ же самихъ».

Само собою разумѣется, что такое регулированіе и упорядоченіе сельскаго хозяйства, для полной его стройности, возможно только подъ условіемъ составленія и подлежащаго представленія управляющими по всѣмъ имѣніямъ подробныхъ годовыхъ отчетовъ со всѣми оправдательными документами, при чемъ владѣльцы имѣній, «отличившіеся наибольшимъ вниманіемъ къ введенному въ ихъ имѣніяхъ хозяйству, могутъ быть представляемы къ наградамъ въ установленномъ порядкѣ». Впрочемъ, это относится только къ владѣльцамъ имѣній высшихъ классовъ. Что касается самаго низшаго класса, въ которомъ, за невозможностью пріискать достаточное число управляющихъ изъ спеціалистовъ, управленіе имѣніями по необходимости пришлось-бы оставить въ рукахъ самихъ владѣльцевъ—лишь подъ главнымъ надзоромъ установленныхъ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ органовъ, то представляемые годовые отчеты, предварительно препровожденія ихъ къ инспектору, «сообщаются хозяевами участковому земскому начальнику, который, по разсмотрѣніи ихъ, дѣлаетъ на оныхъ краткую надпись: *смотрѣлъ и одобрилъ* или смотрѣлъ, но одобрить не могу». Въ объясненіяхъ къ этому пункту авторъ считается съ предвидимымъ имъ возраженіемъ, что для провѣрки всѣхъ такихъ отчетовъ у земскихъ начальниковъ нѣтъ времени. На это авторъ проекта изъясняетъ, что «самая постановка подобнаго вопроса свидѣтельствуетъ о полномъ незнакомствѣ лицъ его предлагающихъ съ служебнымъ дѣлопроизводствомъ, одну изъ основныхъ особенностей котораго

составляетъ то, что никогда служебная бумага не подписывается лицомъ ее *написавшимъ* точно такъ-же, какъ и всякія удостовѣренія постоянно выдаются за подписью лицъ, по бóльшей части неимѣющихъ непосредственнаго знакомства съ удостовѣряемымъ предметомъ, а знающихъ о немъ лишь изъ другихъ бумагъ. То и другое основывается на довѣріи и является послѣдствіемъ раздѣленія труда, необходимаго во всякомъ болѣе или менѣе крупномъ дѣлѣ; могъ-ли бы иначе начальникъ малой отдѣльной части утверждать своею подписью ту массу разнородныхъ бумагъ, которыя ежедневно исходятъ отъ его имени; это азбука дѣлопроизводства». Хорошо также объясненіе автора, почему заботы и поднятія сельскаго хозяйства не могутъ быть представлены земствамъ: «именно потому, что земскія учрежденія слишкомъ близко стоятъ къ интересамъ лицъ, на которыхъ будутъ распространяться принимаемыя мѣры, они мало пригодны для обсужденія ихъ».

«Проектъ», изъ котораго мы привели нѣсколько мѣстъ и который приписывается одному изъ выдающихся земскихъ дѣятелей, любопытенъ именно въ смыслѣ характеристики многихъ современныхъ мѣроизмышленій, появляющихся въ печати за подписями: «Землевладѣлецъ», «голосъ изъ деревни» и проч., которыя всѣ сводятся на желаніе освободиться отъ уплатъ банкамъ и на «обезпеченіе» сельскихъ хозяевъ дешевымъ трудомъ. Въ приведенныхъ нами отрывкахъ юмористическое намѣреніе автора выступаетъ тотчасъ-же. Но въ полномъ своемъ составѣ данный проектъ является такъ искусно расположеннымъ и редактированымъ такъ умѣренно, что его сперва можно принять за одно изъ часто встрѣчающихся нынѣ «серьезныхъ» предположеній на пользу сельскаго хозяйства.

Да вотъ, недавно «Моск. Вѣд.» выступили съ такимъ предположеніемъ относительно заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ имѣній, въ которомъ проглядываетъ та-же мысль, какъ и въ приведенномъ проектѣ, а именно, что управленіе опекуна, назначеннаго дворянскою опекой, надежнѣе, чѣмъ управленіе самого хозяина. Газета, указывая на продажи дворянскимъ банкомъ имѣній за недоимки, предлагаетъ «установить непремѣннымъ правиломъ, что прежде продажи недоимочнаго (дворянскаго) имущества, банкъ долженъ увѣдомить мѣстнаго предводителя дворянства и предложить взять имѣніе въ опекунское управленіе; тогда до погашенія недоимки, имущество переходитъ въ опекунское управленіе и передается владѣльцу лишь по освобожденіи отъ накопившихся взысканій». «Такая постановка дѣла,—прибавляетъ газета,—оказала-бы существенную поддержку дворянскому землевладѣнію и дворянскому сословію, укрѣпивъ его связь съ землей». И такъ, «Моск. Вѣд.» убѣждены, что завѣдующій имѣніемъ, по назначенію отъ дворянской опеки и представляющій ей годичные отчеты по хозяйству съ оправдательными документами, лучше будетъ хозяйничать, чѣмъ самъ владѣлецъ. Развѣ-же это не та-же самая мысль, какъ въ упомянутомъ проектѣ, именно мысль о

пользѣ управленія владѣльцевъ имѣніями—другъ у друга, такъ-какъ у насъ лучше умѣютъ заниматься «чужими и лишь ввѣренными дѣлами, чѣмъ своими собственными» и что странно было-бы не воспользоваться этой національной нашей особенностью. А такъ какъ за годъ дворянскимъ банкомъ объявляются къ продажѣ 3—4 тысячи имѣній и по мысли названной газеты, раньше такого объявленія, слѣдовало-бы сдавать имѣнія подъ опеку, не возвращая ихъ владѣльцамъ до полной очистки взысканій, то ясно, что съ перваго-же года эти 3—4 тысячи дворянскихъ имѣній перешли-бы въ опекунское управленіе, а лѣтъ черезъ 10 и осуществился-бы вполнѣ тотъ остроумный проектъ, котораго сущность изложена выше.

Вообще, отличительной чертой нашего времени—если только судить по нашимъ газетамъ—представляется стремленіе къ «регулированію» всего государства, то-есть къ тому самому принципу, который подъ именемъ «регламентаціи» такъ безусловно осуждался со всѣхъ сторонъ всего лѣтъ 20 тому назадъ. И любопытно, что въ этомъ направленіи газеты болѣе или менѣе либеральныя сходятся съ органами ярко консервативными. Идеаломъ первыхъ, какъ и вторыхъ становится все болѣе и болѣе если не непосредственное веденіе всѣхъ дѣлъ чиновникомъ, то подчиненіе его надзору и контролю по меньшей мѣрѣ—всякой дѣятельности экономической. При этомъ иногда ссылаются и на иностранные примѣры, забывая, впрочемъ, пояснять въ такихъ справкахъ разницу въ положеніи должностныхъ лицъ по отношенію къ общественной жизни въ разныхъ странахъ. Положимъ, управленіе желѣзными дорогами одна изъ первостепенныхъ экономическихъ функцій въ наше время—перешло въ руки государства въ Германіи и того-же домогается радикальная партія во Франціи. Но вѣдь это являлось уже послѣ того, какъ самостоятельная общественная дѣятельность въ тѣхъ краяхъ вполнѣ утвердилась и упрочилась во всѣхъ тѣхъ сферахъ, которыя естественно должны принадлежать ей.

Въ одностороннемъ-же растяженіи и постепенно все большемъ распространеніи непосредственной дѣятельности или всепоглощающаго надзора центральныхъ учрежденій легко впасть въ преувеличенія, загромоздить дѣятельность государственную несвойственными ей задачами, не давая въ то-же время развиваться и тѣмъ слабымъ всходамъ почина и сколько-нибудь самостоятельнаго дѣйствія частнаго и общественнаго, какіе у насъ доселѣ успѣли обозначиться. Казенныя желѣзныя дороги. казенная питейная монополія, казенный кредитъ крупный и мелкій, казенное страхованіе, казенная печать въ губерніяхъ (о которой хлопочутъ «Моск. Вѣдомости»)—это такая дорога, которой нельзя опредѣлить конца. А между тѣмъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что начало ея уже нашло свое выраженіе у насъ въ крайне многообразныхъ и многообъемлющихъ функціяхъ центральнаго организма управленія. Тамъ, гдѣ сильно развиты и децентрализація, и общественная самодѣятельность; быть мо-

жетъ, могутъ быть осуществляемы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ даже такіе планы, какъ національзація земли. Но правильное воспитаніе народа требуетъ, чтобы онъ прежде всего пріобрѣлъ возможность и умѣнье дѣйствовать въ сферахъ жизни общественной и частной съ нѣкоторой самостоятельностью. Предоставить ему такую возможность и такое право въ этомъ и состояла цѣль нашихъ преобразованій 60-хъ годовъ.

Къ числу тѣхъ преувеличеній регламентаціи, о которыхъ мы говорили нельзя не отнести возникшее недавно предположеніе о нормированіи распредѣленія студентовъ по университетамъ. «Нормированіе» это— одинъ изъ вновь придуманныхъ псевдонимовъ для регламентаціи. Нормированіе сахарнаго производства, какъ извѣстно, уже состоялось; вслѣдъ затѣмъ и еще въ нѣкоторыхъ производствахъ хлопочутъ о нормированіи, то-есть о томъ, чтобы государство взяло на себя ограниченіе конкурренціи и самыхъ размѣровъ операцій—въ интересѣ нѣкотораго числа монополистовъ. Но нормированіе числа студентовъ въ университетахъ, хотя и было у насъ предпринято въ 1849 году, однако, на слѣдующій-же годъ было и оставлено. Правда, теперь предполагалось не ограниченіе числа слушателей въ каждомъ университетѣ цифрою 300, но все-таки—нѣчто сходное. Въ виду того обстоятельства, что скопленіе студентовъ въ столичныхъ университетахъ и въ Кіевскомъ затрудняетъ правильное веденіе практическихъ занятій и производство экзаменовъ, между тѣмъ, какъ въ университетахъ провинціальныхъ, особенно въ Казанскомъ и Новороссійскомъ число студентовъ значительно уменьшилось, возникла мысль о такомъ нормированіи распредѣленія слушателей по университетамъ, чтобы въ каждый университетъ допускались только воспитанники гимназій мѣстнаго округа.

По этому вопросу, какъ сообщили газеты, ожидаются отзывы университетскихъ совѣтовъ. Едва-ли можно полагать, что совѣты присоединятся къ этой мысли; при нынѣ существующемъ условіи уплаты студентами вписныхъ денегъ за слушаніе опредѣленныхъ курсовъ, желаніе причислить возможно большее число слушателей къ университетамъ провинціальнымъ—со стороны профессорскихъ коллегій могло-бы подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ. По существу-же дѣла, можетъ-ли представляться справедливымъ и полезнымъ стѣсненіе слушателей въ выборѣ того или другого училища, сообразно съ ихъ удобствами, репутаціею тѣхъ или другихъ профессоровъ, и наконецъ, и разными мѣстными условіями?

Вѣдь при дальнѣйшемъ примѣненіи подобнаго механическаго разсортированія учащихся по даннымъ училищамъ, для равномѣрности чиселъ, пришлось-бы—то-же самое, что было-бы установлено для цѣлыхъ университетовъ, примѣнить еще и къ отдѣльнымъ факультетамъ. Такъ, у насъ замѣчается «скопленіе» слушателей на факультетахъ медицинскомъ и юридическомъ—свыше $4^1/_2$ т. чел. на каждомъ по всѣмъ девяти университетамъ, между тѣмъ, какъ на факультетѣ физико-математическомъ просторно (нѣтъ и 3 т. чел.), а на историко-филологическомъ—

аудиторіи пустуютъ (всего около 1,300 чел., т. е. менѣе 150 чел. въ среднемъ на университетъ). Итакъ, если на первомъ планѣ должно стоять устраненіе скопленія и облегченіе профессорамъ производства экзаменовъ, то совершенно столь-же естественно было-бы установить равные комплекты слушателей по всѣмъ факультетамъ, такъ, чтобы подающихъ прошенія о пріемѣ въ университетъ прямо распредѣлять равномѣрно по факультетамъ. Распространяя такой пріемъ еще нѣсколько далѣе, пришлось-бы на требованія билетовъ въ казенные театры посылать билеты не согласно желанію зрителей, но сообразно съ тѣмъ, въ которомъ театрѣ имѣется въ данный вечеръ болѣе мѣста.

Университеты должны *привлекать*, а не приписывать къ себѣ слушателей. Допустимъ для примѣра, что петербургскій университетъ славится своимъ юридическимъ факультетомъ, а Московскій медицинскимъ. Возможно-ли же запрещать молодому человѣку, желающему быть юристомъ или врачемъ—стремиться преимущественно въ Петербургъ или Москву? Не слушатели должны механически распредѣляться по университетамъ, а университеты должны быть поставлены такъ, чтобы каждый изъ нихъ привлекалъ слушателей выдающимися каѳедрами по той или другой спеціальности, и чтобы каждый былъ живымъ умственнымъ центромъ, а не гимназіею съ университетскими программами. Приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ Кіевской газеты «Жизнь и Искусство». (25 іюля): «Дѣло въ томъ—говоритъ она—что университетское преподаваніе въ провинціальныхъ городахъ, и прежде уступавшее столичному, за послѣднее время пришло прямо въ упадокъ. Общее пониженіе темпа нашей умственной и культурной жизни за послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ отразилось и на университетахъ... Формализмъ, слѣдованіе съ педантической узкостью предложеннымъ программамъ, казенное отношеніе къ дѣлу, вмѣсто живого, горячаго желанія дать слушателямъ полное и отчетливое представленіе объ излагаемой наукѣ и ея новѣйшихъ успѣхахъ, стали все болѣе распространяться въ университетскомъ преподаваніи».

Не подлежитъ сомнѣнію, что условія, временно неблагопріятствующія успѣхамъ умственнаго развитія, всетаки отражаются слабѣе на университетахъ столичныхъ. Сверхъ того, бываютъ еще слабыя, мѣстныя условія связанныя съ внутреннимъ бытомъ того или другого высшаго училища, которыя усиливаютъ или уменьшаютъ приливъ къ нему слушателей. Такъ, очень многіе уроженцы Царства Польскаго Варшавскому университету нынѣ предпочитаютъ Петербургскій и Кіевскій. Воспитанники-же гимназій всѣхъ девяти губерній западнаго края вовсе въ Варшавскій университетъ не принимаются. Извѣстно также, что число студентовъ въ Юрьевскомъ университетѣ по преобразованіи его сократилось. Какого результата можно было-бы ожидать отъ приписки абитуріентовъ гимназій каждаго округа—къ мѣстному университету? Развѣ сокращенія общаго числа слушателей въ нашихъ университетахъ, которое и нынѣ составляетъ не много болѣе 1 на 10 тысячъ душъ населенія.

Оставаясь еще далѣе въ области народнаго просвѣщенія, отмѣтимъ крупный фактъ состоявшійся въ прошломъ мѣсяцѣ: назначеніе къ постоянному отпуску съ будущаго года суммы въ 3 милл. 274 т. руб.—въ распоряженіе духовнаго вѣдомства на содержаніе и открытіе вновь церковно-приходскихъ училищъ, школъ грамоты съ учительскими курсами для послѣднихъ, а также на содержаніе особой инспекціи церковно-приходскихъ училищъ. При этомъ предоставлено ко времени разсмотрѣнія смѣтъ земскихъ повинностей въ губерніяхъ, не имѣющихъ земскихъ учрежденій, на трехлѣтіе съ будущаго года, войти съ представленіемъ «о томъ, въ какой мѣрѣ земскіе сборы тѣхъ губерній» должны быть привлекаемы къ издержкамъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ».

Относительно этого послѣдняго предположенія, нельзя не замѣтить, что оно составило-бы затрудненіе для земскихъ учрежденій вновь создаваемыхъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ губерніи Смоленской на земскіе сборы содержатся или поддерживаются земскія школы, подчиненныя министерству народнаго просвѣщенія, въ смежной—Витебской губерніи тѣ средства, коими земство могло-бы располагать на учебное дѣло, были-бы уже заранѣе отвлечены на содержаніе школъ постороннихъ, какъ земству, такъ и вѣдомству народнаго просвѣщенія.

Число народныхъ школъ въ неземскихъ губерніяхъ вообще безъ всякаго сравненія меньше, чѣмъ въ земскихъ. Непосредственнымъ починомъ министерства просвѣщенія для народной школы сдѣлано наиболѣе—въ западномъ краѣ. Теперь, на дарованныя вновь средства, тамъ могутъ учреждаться школы преимущественно церковно-приходскія. Между тѣмъ, въ послѣднемъ отчетѣ попечителя кіевскаго учебнаго округа — какъ сообщаетъ «Кіевлянинъ»—указывалось, что для исполненія такой задачи, какъ «служеніе слiянію въ одну русскую народность всѣхъ разнообразныхъ вѣроисповѣдныхъ и племенныхъ элементовъ края» пригодна только школа министерская и «непримѣнима школа церковно-приходская, которая по самому характеру своему не можетъ привлекать инославное и иновѣрное населеніе, составляющее болѣе 18% всего населенія Юго-западнаго края, а въ частности, въ пограничной съ Австріей Волынской губерніи—болѣе 23%». Далѣе говорится, что «взглядъ на преимущественное значеніе *министерскихъ* школъ и на необходимость учрежденія *такихъ* школъ въ пограничныхъ съ Австріей мѣстностяхъ, выраженный въ отчетѣ волынскаго губернатора за 1892 годъ, удостоился высочайшей отмѣтки—«весьма желательно».

Тоже мнѣніе высказано было и кіевскимъ губернаторомъ въ отчетѣ за 1893 г. Въ этомъ отчетѣ министерскія училища названы «единственно цѣлесообразными въ отношеніи укрѣпленія и развитія русскаго начала въ Кіевской губерніи, при чемъ указано на то, «что иновѣрческое населеніе губерній, допуская дѣтей своихъ въ министерскія народныя училища, совсѣмъ чуждается церковно-приходскихъ школъ».

По нашему убѣжденію, школа не должна преслѣдовать никакихъ

иныхъ цѣлей, кромѣ сообщенія знанія и умственнаго развитія, но мы приводимъ соображенія упомянутыхъ отчетовъ въ томъ видѣ, какъ они переданы «Кіевляниномъ». Соображенія эти сводятся на то, что той цѣли, которая могла-бы имѣться въ виду при созданіи возможно большаго числа школъ церковно-приходскихъ въ западныхъ губерніяхъ, соотвѣтствовали-бы скорѣе—именно школы министерскія. Такіе доводы, исходящіе отъ вѣдомства народнаго просвѣщенія будутъ, конечно, имѣться въ виду при обсужденіи того представленія относительно привлеченія земскихъ сборовъ въ неземскихъ губерніяхъ къ распространенію школъ приходскихъ, которое имѣетъ быть выработано въ текущемъ году (т. е. передъ утвержденіемъ смѣтъ земскимъ повинностямъ на трехлѣтіе съ 1896 года).

Изъ упомянутой суммы $3^1/_4$ м. р. назначаются 480 т. р. въ годъ на инспекцію и вообще «наблюденіе» за церковно-приходскими школами и школами грамоты. При болѣе правильномъ устройствѣ этого наблюденія, изъ него должны, по крайней мѣрѣ, устраниться тѣ взаимныя противорѣчія между взглядами, въ разное время выраженными епархіальными училищными совѣтами, уѣздными ихъ отдѣленіями и мѣстными настоятелями, какія проявились въ дѣлѣ о лишеніи землевладѣлицы Штевенъ званія попечительницы нѣсколькихъ десятковъ школъ грамоты, основанныхъ ею въ Нижегородской губерніи, и о воспрещеніи ей всякой дѣятельности по открытію такихъ школъ. Объ этомъ примѣчательномъ случаѣ было написано въ концѣ іюля и въ августѣ такъ много, что составилось цѣлое печатное «дѣло». Внимательный просмотръ относящихся сюда: подлиннаго опредѣленія епархіальнаго совѣта («Русскія Вѣд.» № 205), извлеченій изъ брошюры, разосланной въ приложеніи къ № 11 «Нижегор. Епарх. Вѣд.», обстоятельнаго письма самой г-жи Штевенъ, пространной корреспонденціи изъ Арзамасскаго уѣзда въ «Моск. Вѣд.», немнѣе обширнаго письма г. Горбова въ «Русск. Вѣд.» и нѣсколькихъ статей обоихъ названныхъ газетъ, приводитъ къ неизбѣжному выводу, что въ отношеніи къ почтенной дѣятельности г-жи Штевенъ проявилось не мало противорѣчій. Такъ, одни священники сочувствовали ея усердію на пользу школъ грамоты, другіе—наоборотъ. Арзамасское отдѣленіе епархіальнаго совѣта постоянно получало отъ г-жи Штевенъ свѣдѣнія объ открытыхъ ею школахъ и иногда само разрѣшало ей открывать ихъ, несмотря на затрудненія со стороны того или другого причта, а въ настоящее время совѣтъ ей-же ставитъ въ вину «самовольное» открытіе школъ и т. п. Нельзя не видѣть также, что самыя правила надзора и качества, требующіяся отъ учителей въ школахъ грамоты, не были достаточно выяснены и опредѣлены. Иначе нельзя объяснить такого обстоятельства, какъ укоръ, дѣлаемый г-жѣ Штевенъ за допущеніе къ преподаванію въ школѣ грамоты учителя Мазинга, имѣющаго университетское образованіе, когда въ числѣ учащихъ въ тѣхъ школахъ немало отставныхъ писарей и солдатъ. Затѣмъ, противорѣчіе представляется и въ

томъ, что г-жа Штевенъ сперва за свою дѣятельность была избрана въ почетные члены братства св. Георгія (при которомъ состоитъ самъ училищный совѣтъ) и затѣмъ, по представленію совѣта, была награждена Библіей «за рвеніе въ наставленіи дѣтей въ вѣрѣ и благочестіи», а нынѣ ей вдругъ воспрещена всякая дѣятельность въ школахъ грамоты и церковно-приходскихъ училищахъ.

Только отсутствіемъ установившихся взглядовъ можно объяснить и то, что та дѣятельница, которая основала за послѣднія пять лѣтъ 50 слишкомъ школъ грамоты, обвиняется въ «агитаціи» противъ нихъ и противъ приходскихъ школъ, за то только, что ею устно, въ бесѣдахъ съ крестьянами, и въ статьѣ, напечатанной въ одномъ журналѣ (!) было высказано убѣжденіе въ превосходствѣ школъ земскихъ надъ школами грамоты и церковно-приходскими. Вѣдь самый фактъ открытія г-жею Штевенъ полусотни школъ грамоты составляетъ прямую противоположность чему-либо вродѣ «агитаціи» противъ открытія такихъ школъ, за недостаткомъ иныхъ, имѣющихъ лучшую постановку. Если же мнѣніе, высказанное педагогомъ въ печати о несовершенствѣ той или другой постановки преподаванія считать агитаціею, служащею поводомъ къ устраненію отъ преподаванія, въ такомъ случаѣ всѣ тѣ университетскіе профессоры и преподаватели гимназій, которые печатно указывали на недостатки въ постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ или способа производства экзаменовъ, должны были также подвергнуться воспрещенію всякой педагогической дѣятельности. Между тѣмъ, министерство народнаго просвѣщенія помѣщало такія ихъ статьи въ своемъ «Журналѣ».

Случай съ г-жею Штевенъ можетъ быть объяснимъ именно только неустановленностью взглядовъ въ самомъ наблюденіи за церковно-приходскими школами и школами грамоты въ Нижегородской губерніи, если не допускать вліянія какихъ-либо мѣстныхъ отношеній свойства личнаго. А такой результатъ, что заслуживавшая уваженія дѣятельность на пользу народнаго образованія, выразившаяся въ основаніи 50 школъ путемъ долговременнаго труда и денежныхъ пожертвованій, была неожиданно прекращена, при чемъ многія, если не всѣ тѣ школы должны будутъ закрыться, никакъ не можетъ служить поощреніемъ для другихъ энергичныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей. Распространеніе народныхъ школъ немыслимо безъ сочувствія къ нимъ общества, безъ нравственнаго и матеріальнаго содѣйствія имъ съ его стороны, а между тѣмъ, случай съ г-жею Штевенъ едва-ли явится поощреніемъ къ этой дѣятельности въ средѣ хотя-бы другихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Въ концѣ іюля было опубликовано «Положеніе о первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи», утвержденное 5 іюля. Въ прежнее время у насъ, какъ извѣстно, производились «ревизіи». Первая изъ нихъ была произведена при Петрѣ I, послѣдняя (10-я) была начата въ 1857 году и окончена въ 1860 г. Промежутки между ревизіями были весьма различны: отъ 7 до 17 лѣтъ; только 7-я ревизія, сдѣланная послѣ

войнъ 1812—1815 годовъ, была назначена черезъ 4 года послѣ 6-й. Въ ревизскія сказки вносились «души» только мужского пола, такъ-какъ цѣлью ревизій было исчисленіе подушной подати. Отсюда названіе «ревизскихъ душъ», по числу которыхъ взималась подушная подать отъ одной ревизіи до другой, независимо отъ дѣйствительнаго числа «лицъ податнаго состоянія».

Нынѣ объявленная перепись отличается отъ ревизій тѣмъ, что она имѣетъ только статистическую цѣль. Счисленіе населенія по мѣстностямъ, поламъ, исповѣданіямъ, родному языку, семейному положенію, возрасту, грамотности, занятіямъ, мѣсту постояннаго пребыванія и мѣсту приписки, съ означеніемъ и такихъ физическихъ недостатковъ, какъ слѣпота, глухота и т. п.—будетъ, разумѣется, служить однимъ изъ основаній для законодательныхъ мѣръ. Но она нисколько не имѣетъ характера фискальнаго. Ревизіи тянулись по нѣсколько лѣтъ, перепись же должна быть пріурочена къ одному дню на всемъ пространствѣ государства, такимъ образомъ, что мѣстные списки, составленные заранѣе, должны быть исправлены по дѣйствительному наличному состоянію населенія въ опредѣленный впередъ день. Въ списки вносятся всѣ находящіяся въ каждомъ переписномъ участкѣ лица, не исключая иностранцевъ. Всѣ пункты, по которымъ требуются показанія, были установлены на VIII статистическомъ конгрессѣ въ Петербургѣ, за исключеніемъ пункта о «мѣстѣ приписки».

Нѣтъ нужды распространяться о необходимости народныхъ переписей, которыя должны служить какъ-бы инвентарями личныхъ силъ страны съ ихъ качествами, а отчасти и потребностями. Ревизіи обнимали только половину, да и то лишь «податную» половину населенія и были неточны уже потому, что производились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но послѣ окончанія десятой ревизіи прошло уже 35 лѣтъ и за это время общепринятыя данныя объ общемъ числѣ населенія основаны на гадательныхъ данныхъ о годичномъ приростѣ населенія и на полицейскихъ свѣдѣніяхъ, которыхъ ненадежность признана офиціально. Вопросы хозяйственно-законодательные, какъ напримѣръ, о переселеніяхъ, объ облегченіи временныхъ передвиженій рабочихъ, о поддержкѣ народныхъ промысловъ, объ обезпеченіи продовольствіемъ въ случаѣ недородовъ—не могутъ быть правильно рѣшаемы безъ сколько нибудь точной картины самого разселенія по государству и промысловъ, преобладающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Но свѣдѣнія, собранныя переписью, дадутъ важныя указанія и для заботъ о распространеніи народнаго образованія, а даже и для того или другого почина промышленности.

Предстоящая перепись основана на тѣхъ-же началахъ, какія приняты для переписей давно уже производимыхъ въ западныхъ государствахъ; она будетъ именная, однодневная и основанная на опросѣ самаго населенія, а не на представленіи какихъ-либо документовъ. Въ нашемъ законѣ относительно переписей сказано, что онѣ должны производиться

отъ времени до времени и надо полагать—правильно періодически, какъ на Западѣ, напримѣръ, по десятилѣтіямъ. Если первая перепись будетъ сдѣлана въ концѣ настоящаго года (заграницей онѣ производятся обыкновенно къ Новому году), то и послѣдующія могутъ назначаться въ года съ послѣдней цифрой 5. Можно-бы вторую перепись сдѣлать черезъ пятилѣтіе и затѣмъ слѣдующія назначать на годы, которыми начинаются круглыя десятилѣтія. Но перепись соединена съ значительнымъ расходомъ: на первую ассигнованы 3 м. 916 т. руб., съ распредѣленіемъ этой суммы на 3 года.

Самое производство переписи возлагается на главную переписную комиссію, состоящую подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Ей подчинены комиссіи губернскія, областныя и равныя имъ комиссіи въ большихъ городахъ. Дальнѣйшую ступень этой временной организаціи составятъ комиссіи въ прочихъ городахъ и уѣздахъ, а низшіе непосредственные органы представятся переписными участками, во главѣ которыхъ ставятся земскіе начальники, мировые посредники, комиссары по крестьянскимъ дѣламъ, податные инспекторы. Участки эти приглашаютъ счетчиковъ. Вообще всему дѣлу приданъ централизаціонный, строго-административный характеръ. Остается надѣяться, что администрація, которой предоставлено на то право, пожелаетъ привлечь къ этому дѣлу ученыхъ и извѣстныхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, въ качествѣ членовъ, какъ главной, такъ и мѣстныхъ комиссій. По производствѣ самого народосчисленія, весь добытый матеріалъ будетъ переданъ для разработки въ центральный статистическій комитетъ. Нельзя не пожелать еще возможно большей гласности при самомъ веденіи этого дѣла, для того, чтобы возможныя ошибки или пропуски могли быть своевременно указываемы. Дѣло дѣлается на 10 лѣтъ и должно быть исполнено съ возможной надежностью и отчетливостью. Затѣмъ, самые результаты должны быть опубликованы статистическимъ комитетомъ въ двухъ изданіяхъ: въ видѣ обстоятельнаго труда и еще въ формѣ справочной книжки, могущей давать указанія для частной дѣятельности.

Убійство ростовщика Диманта помѣщикомъ Сорокскаго уѣзда Бессарабской области Бутьми де-Кацманомъ, предсѣдателемъ мѣстной земской управы, раскрыло картину примѣчательную въ разныхъ отношеніяхъ. Самая личность убитаго очень любопытна. Димантъ былъ какимъ-то фанатикомъ ростовщичества, разорявшимъ людей для того только, чтобы разорить ихъ. Подъ вліяніемъ своей страсти къ разоренію помѣщиковъ, онъ дѣйствовалъ иногда даже въ ущербъ собственному интересу. Этотъ ненормальный субъектъ долженъ былъ давно обратить на себя вниманіе администраціи рѣзкимъ проявленіемъ своихъ патологическихъ наклонностей. На самомъ же дѣлѣ, администрація, повидимому, принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы при проявленіи своихъ наклонностей Димантъ не встрѣчалъ никакихъ препятствій. Газеты передаютъ, что къ описи имуществъ Димантъ являлся не только съ судебнымъ приставомъ, но и съ становымъ и уряд-

никами. Какъ извѣстно, опись производитъ именно судебный приставъ; полицейскіе-же чины наряжались, по газетнымъ свѣдѣніямъ, вслѣдствіе распоряженія губернатора, такъ какъ Диманта передъ тѣмъ не разъ били при производствѣ описей. Димантъ былъ извѣстенъ, по общему голосу въ Бессарабіи, о дѣлахъ его знали даже въ Одессѣ и въ Таганрогѣ. Взрыва можно было всегда ожидать, и если произошло убійство, то отвѣтственность за него падаетъ на многихъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Критика.

Смыслъ войны. Изъ нравственной философіи Влад. С. Соловьева («Нива». Ежемѣсячное приложеніе, № 7).

Г. Соловьевъ напечаталъ въ «Нивѣ» небольшое разсужденіе о войнѣ, не очень замѣчательное въ смыслѣ солидности и научности аргументовъ, но очень замѣчательное, какъ показатель того, до какой глубины проникъ въ сознаніе мыслящихъ русскихъ людей буржуазный элементъ. Не задаваясь строгимъ философскимъ анализомъ, авторъ повторяетъ казенныя разсужденія плохихъ учебниковъ объ исторической пользѣ войны—даже безъ малѣйшаго оттѣнка діалектической страсти, которая разжигала такого рода соображенія нѣкоторыхъ другихъ талантливыхъ европейскихъ писателей. Въ холодномъ, мертвенномъ тонѣ литературнаго звонаря съ чертою глубоко въѣвшагося византизма, г. Соловьевъ распространяется на нѣсколькихъ страницахъ передъ огромной благодарной толпой, читающей иллюстрированныя изданія, о важномъ значеніи войны въ историческомъ развитіи человѣчества. Онъ знаетъ всѣмъ извѣстные факты, онъ напоминаетъ интеллигентной публикѣ великія событія различныхъ государственныхъ завоеваній въ древніе, средніе и новые вѣка. Человѣчество объединяется при посредствѣ войнъ, окровавленнымъ желѣзомъ смѣлыя государства очерчиваютъ вокругъ себя все болѣе и болѣе широкіе круги, чтобы въ своихъ необъемлемыхъ границахъ установить и утвердить мирную, вѣчно-мирную жизнь народовъ. Въ энергической дисциплинѣ рекрутскихъ наборовъ и казармъ либеральный сотрудникъ «Вѣстника Европы», писатель съ разнообразными дарованіями—отъ вопросовъ высшей теологіи до пикантной стихотворной сатиры съ оттѣнкомъ безпечной вакхической игривости, — вдругъ открылъ неоспоримый элементъ человѣческаго совершенствованія, въ духѣ христіанской религіи. «Организація войны въ государствѣ, разсуждаетъ г. Соловьевъ, есть первый великій шагъ на пути къ осуществленію

мира». Это вѣрно, конечно, относительно всѣхъ историческихъ эпохъ—не исключая и современнаго момента въ жизни европейскихъ народовъ, въ которомъ, быть можетъ напряженнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было, выступили глубокія нравственныя причины, дѣлающія войну ненавистною во всѣхъ смыслахъ слова и со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія! Да и можно-ли оспаривать логику войны въ государствѣ, которое само, какъ учрежденіе, какъ форма жизни, выше всякой критики?.. Убѣжденный государственникъ, не въ какомъ-нибудь особенномъ стилѣ, а, напротивъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго наивнаго, оптимистическаго простодушія, г. Соловьевъ знаетъ всѣ козырныя карты, безусловно выигрышныя въ спорѣ съ людьми, которые стали-бы ссылаться на высшій авторитетъ религіознаго идеала. Назвавъ войну «Навуходоносоровымъ деревомъ», авторъ утверждаетъ, что проповѣдники Евангелія и не хотѣли повалить его, какъ это думаютъ нѣкоторые современные «квакеры». Учители христіанства тоже не отрицали государства и потому должны были поддерживать его назначеніе—«носить мечъ противъ злыхъ». Пока «каиновы чувства» не исчезли въ сердцахъ людей, «солдатъ и жандармъ будутъ не зломъ, а благомъ». «Вражда противъ государства и его представителей есть все-таки вражда, и уже одной этой вражды къ государству было-бы достаточно, чтобы видѣть необходимость государства»...

Вотъ какъ разсуждаетъ г. Соловьевъ въ главѣ изъ книги о «нравственной философіи», подготовляемой къ печати въ отдѣльномъ изданіи. Какія превращенія переживаетъ иногда нравственная идея! Попавъ въ шумный водоворотъ публицистическихъ недоразумѣній и тамъ, мало-помалу, пройдя черезъ стадію казеннаго либерализма, она выраждается, наконецъ, въ какую-то жалкую фальсификацію настоящей религіи и морали. Еще недавно—борецъ за правду подъ знаменемъ догматическаго мистицизма, мужественно-самоувѣренный полемистъ съ реакціонерами за широкіе *идеалы* противъ мертвыхъ *идоловъ*, г. Соловьевъ нынѣ быстро идетъ къ полной эмансипаціи отъ всякихъ затруднительныхъ внутреннихъ критеріевъ и начинаетъ бойко подвизаться въ духѣ заурядныхъ журналистовъ извѣстнаго типа. Высшая правда не нуждается въ самоотверженной защитѣ людей—за нее долженъ стоять самъ Богъ! Философія, съ ея подраздѣленіями на школы и непримиримыя другъ съ другомъ системы, не смѣшивается съ текущими жизненными вопросами! А люди съ либеральнымъ образомъ мысли должны, не смущаясь нравственнымъ закономъ, сосредоточиться около чисто-историческихъ задачъ и не сопротивляться высшимъ политическимъ силамъ... Можно надѣяться, что при послѣдовательномъ движеніи по этому пути г. Соловьевъ въ не особенно далекомъ будущемъ поклонится не только тѣмъ идоламъ, которыхъ онъ еще недавно рубилъ во имя Бога, но и какимъ-нибудь новымъ мѣднымъ истуканамъ, выставленнымъ на стогнахъ для гипнотизаціи толпы.

А. Волынскій.

Н. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вопросы о томъ, что и какъ читаетъ русская «публика», иначе говоря—русское общество, представляютъ громадный интересъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Отвѣтить на эти вопросы—значитъ измѣрить глубину нашей умственной культуры и вмѣстѣ съ тѣмъ указать средство къ углубленію ея. Учитель, желающій начать преподаваніе извѣстнаго курса, долженъ раньше точно ознакомиться съ тѣмъ, съ какими свѣдѣніями пришли къ нему ученики, всякій дѣятель, поставившій себѣ цѣлью — расширеніе народнаго и общественнаго образованія, долженъ прежде всего дать себѣ ясный отчетъ, — на кого именно ему придется воздѣйствовать. Правда, у насъ объ этомъ до сихъ поръ мало заботятся наиболѣе почтенные и безкорыстные дѣятели. Профессора добросовѣстно знакомятъ съ изслѣдованіями о древне-французской лирикѣ, съ мнѣніями Поля Мейера, съ драмами Марло студентовъ, не читавшихъ почти ни одной драмы Шекспира. Лучшіе журналы, издающіеся для средней интеллигентной публики, печатаютъ спеціальныя, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ тянущіяся статьи о явленіяхъ второстепеннаго порядка, неизвѣстныхъ читателю даже по имени. Люди, которые во что-бы то ни стало хотятъ и умѣютъ быть доступными большой публикѣ, какъ напр. издатели большихъ газетъ, въ большинствѣ случаевъ основываютъ свою дѣятельность не на знакомствѣ съ умственными потребностями публики, а на чутьѣ къ ея низменнымъ, легко разнуздывающимся инстинктамъ и страстямъ. Между обществомъ, жаждущимъ просвѣщенія, и людьми, призванными просвѣщать его, лежатъ безчисленныя недоразумѣнія, благодаря которымъ одни бродятъ въ потьмахъ, другіе приходятъ въ уныніе или разыгрываютъ полу-комическую роль просвѣщеннаго иностранца, старающагося растолковать свои мысли и желанія на языкѣ, недоступномъ туземцамъ.

Книга Рубакина представляетъ собою опытъ изслѣдованія двухъ вышеуказанныхъ вопросовъ. Изслѣдованіе это опирается отчасти на статистическія данныя, отчасти на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ типическихъ явленій въ той или другой области. Данными перваго рода авторъ оперируетъ преимущественно для изслѣдованія читательскихъ вкусовъ и привычекъ интеллигентной публики, данными второго рода онъ пользовался главнымъ образомъ для характеристики читателя изъ народа. Въ виду этого, книга распадается на двѣ половины, мало сходныя между собою по методу изслѣдованія. Статистическія данныя, въ видѣ отчетовъ различныхъ частныхъ и общественныхъ библіотекъ, собранныя, г. Рубакинымъ, довольно обильны, но, къ сожалѣнію, они такъ невыдержаны, страдаютъ такими очевидными пробѣлами и упущеніями, такъ разнохарактерны по системѣ записей, что выводы изъ нихъ могли получиться только гадательные. Между тѣмъ, работа г. Рубакина обличаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желаніе сдѣлать немедленные практическіе выводы, такъ сказать, во что-бы то ни стало, вопреки всѣмъ представляющимся препят-

ствіямъ. Передъ нимъ лежали матеріалы, испещренные цифрами, и онъ спѣшилъ сопоставлять и коментировать эти цифры, не останавливаясь особенно на томъ, что онѣ имѣютъ слишкомъ странный, не систематическій видъ. Разсматривая приложенныя къ книгѣ статистическія таблицы «распредѣленія библіотечныхъ требованій по различнымъ авторамъ», нельзя не обвинить гг. библіотекарей, составлявшихъ записи, въ нѣкоторой небрежности. Вотъ, напр., цифры, касающіяся спроса на сочиненія Бѣлинскаго:

Въ Астраханской общественной городской библіотекѣ за 1890 г.—?, за 1891 г.—?, за 1892 г.—54. Въ читальнѣ при Саратовской городской публичной библіотекѣ: за 1890 г.—1 требованіе, за 1891 и 1892 гг.—?. Въ Саратовской губернской городской библіотекѣ: за 1890 г.—173 требованія, за 1891 и 1892 гг.—?. Въ Нижегородской библіотекѣ: за 1890 г.—162 требованія, за 1891 г.—159 требованій (отчета за 1892 г. не показано вовсе). Изъ двѣнадцати сличаемыхъ клѣтокъ (отчетъ четырехъ библіотекъ за 3 года) заполнены цифрами только 5 клѣтокъ. Очевидно, что выводить среднюю цифру спроса на сочиненія Бѣлинскаго было трудно и всѣ выводы должны оказаться нѣсколько шаткими. Опредѣлить читаемость нѣкоторыхъ другихъ писателей еще труднѣе: въ нѣкоторыхъ отчетахъ изъ двѣнадцати клѣтокъ заполнены всего 4, даже двѣ клѣтки. Но г. Рубакинъ нетерпѣливо стремился къ составленію болѣе или менѣе выразительной таблицы, представляющей какой-нибудь внутренній и притомъ тенденціозный смыслъ. Такъ въ главѣ, подъ названіемъ «Любимые авторы русской читающей публики», авторъ даетъ таблицу, представляющую извѣстное расположеніе писательскихъ именъ, правда, не вполнѣ удовлетворительное съ высшей точки зрѣнія; но зато удовлетворяющее самолюбіе нѣкоторыхъ живыхъ и дѣйствующихъ работниковъ отечественной печати. Г. Рубакинъ не показываетъ при этомъ среднихъ чиселъ для опредѣленія читаемости писателей, выставленныхъ предпочтительно передъ другими въ его таблицѣ, но указываетъ *максимальныя* цифры спроса. И тутъ, наряду съ европейскими научными свѣтилами, въ числѣ любимыхъ русскихъ писателей—блистаютъ славныя имена Лесевича, В. П. Острогорскаго, В. Семевскаго. Правда, для опредѣленія популярности В. П. Острогорскаго нашлись нужныя цифры только въ двухъ изъ восьми сличаемыхъ отчетовъ, но maximum—особенно въ одной библіотекѣ и въ одномъ году—спроса на него все-таки довольно высокъ, чтобы подчеркнуть его имя въ таблицѣ *любимыхъ* русскихъ авторовъ: В. П. Острогорскаго спросили въ одной библіотекѣ 17, въ другой 34 раза. А maximum спроса на В. Семевскаго еще выше: его спрашивали въ одномъ мѣстѣ 1 разъ, въ другомъ—12, въ третьемъ цѣлыхъ 35 разъ! Г. Рубакинъ не показываетъ въ этой сводной таблицѣ главнѣйшихъ русскихъ авторовъ, сколько разъ требовались, напр., сочиненія Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева, хотя выяснить отношеніе русской публики къ этимъ авторамъ было-бы, пожалуй, важнѣе, чѣмъ указать maximum требованій на сочиненія В. Се-

мевскаго. Можно поэтому допустить, что г. Рубакинъ озаботился при составленіи этой таблицы «любимыхъ авторовъ» не столько изслѣдованіемъ симпатій публики, сколько деликатнымъ обнаруженіемъ собственныхъ симпатій. Въ общемъ при чтеніи книги г. Рубакина приходится замѣтить, что его изслѣдованія направляются не достаточно объективными и не достаточно серьезными соображеніями. Съ другой стороны, самые статистическіе пріемы г. Рубакина кажутся намъ не вполнѣ пригодными для полученія цѣнныхъ и значительныхъ выводовъ. Таковъ именно только что указанный нами пріемъ опредѣленія читаемости автора на основаніи *максимальной* цифры спроса на него: г. Рубакинъ самъ указываетъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, что цифры спроса колеблются иногда по совершенно случайнымъ причинамъ, быстро и не надолго повышаясь подъ вліяніемъ какого-нибудь исключительнаго событія, связаннаго съ именемъ писателя (юбилея, смерти). А въ такомъ случаѣ, что-же выражаетъ собою сравнительная таблица максимальныхъ спросовъ на писателей, — эта характерная таблица, въ которой г. Рубакинъ пріютилъ имя В. П. Острогорскаго рядомъ съ именемъ Шопенгауэра, Спенсера и Тэна?

Переходя отъ таблицъ и цифровыхъ сопоставленій къ общимъ жизненнымъ выводамъ, г. Рубакинъ не всегда принимаетъ въ расчетъ обстоятельства, служащія необходимой поправкой къ цифровому матеріалу. Такъ напр., сопоставляя цифры подписчиковъ и подписчицъ въ разныхъ библіотекахъ и усматривая значительное большинство въ цифрѣ подписчиковъ, онъ дѣлаетъ выводъ, что женщины читаютъ несравненно меньше мужчинъ. Между тѣмъ необходимо было принять во вниманіе, что мужчины вообще подвижнѣе женщинъ и, имѣя надобность ежедневно выходить на улицу, очень часто берутъ на себя подписку и обмѣнъ книгъ въ библіотекахъ, а потому сравнительная таблица подписчиковъ и подписчицъ, неблагопріятная для подписчицъ, не имѣетъ того прямого, рѣшающаго значенія, которое придаетъ ей г. Рубакинъ, замѣчая, что цифры говорятъ здѣсь «лучше всякихъ словъ». Мы вовсе не хотимъ брать здѣсь на себя защиту женской любознательности. Мы вполнѣ согласны съ общимъ мнѣніемъ г. Рубакина, — что русскіе люди читаютъ очень мало, и готовы даже согласиться, что женщины читаютъ еще меньше и еще безтолковѣе, чѣмъ мужчины. Но это печальное явленіе не можетъ найти настоящее свое выраженіе въ цифрахъ г. Рубакина: цифровыя данныя требуютъ здѣсь существенныхъ поправокъ и оговорокъ.

Неосторожность г. Рубакина въ его статистическихъ выводахъ, къ сожалѣнію, мѣшаетъ пользоваться его сообщеніями съ чувствомъ надлежащей увѣренности. Читая его книгу, невольно приходится на многихъ страницахъ говорить себѣ: очень любопытно и поучительно,—если только это вѣрно. Таковы, напр., страницы, гдѣ разсматривается вопросъ о научныхъ интересахъ русской читающей публики. И здѣсь г. Рубакинъ, осыпающій читателя можно сказать цѣлыми пригоршнями цифръ, даетъ

выводы шаткіе, сбивчивые, иногда прямо противорѣчивые. Вотъ какого рода обобщенія находимъ мы на стр. 109—114 этюдовъ г. Рубакина. Цифры показываютъ, говоритъ онъ, что русскіе читатели больше всего любятъ беллетристику, затѣмъ журналы и, наконецъ научныя книги. Переходя къ опредѣленію читательскихъ вкусовъ по отдѣламъ научныхъ книгъ, необходимо отмѣтить, что въ теченіе *послѣднихъ десяти лѣтъ* уменьшился, напр., спросъ на книги по общественнымъ наукамъ, который *возросъ* лишь послѣ 1891—92 годовъ, (придирчивый читатель могъ бы замѣтить, что въ такомъ случаѣ говорить объ *уменьшеніи* спроса въ теченіе послѣдняго *десятилѣтія* не приходится). Историческій отдѣлъ находитъ себѣ больше читателей, чѣмъ всѣ другіе, продолжаетъ г. Рубакинъ. Естествознаніе, сравнительно съ шестидесятыми годами, интересуетъ русскаго читателя очень мало. Не счастливится также и наукамъ общественнымъ и правовѣдѣнію. «Лишь въ *послѣдніе два года* онъ значительно возросъ, особенно въ области экономическихъ вопросовъ. Впрочемъ, *за послѣдніе три года* общественныя науки, какъ будто, начинаютъ привлекать къ себѣ больше читателей,» (педантическій читатель, любитель точныхъ опредѣленій, могъ-бы, пожалуй, переспросить: за послѣдніе *два* года или за послѣдніе *три* года? Оба показанія стоять рядомъ, раздѣленныя почему-то словомъ *впрочемъ*!) «*Собственно*, возросла интенсивность чтенія по этому (?) отдѣлу, продолжаетъ авторъ: книга Николая имѣла, напр., выдающійся успѣхъ, который не охладѣлъ и до сего дня, книга Бельтова тоже возбудила большой интересъ. Что въ данномъ случаѣ интересъ относится именно къ вопросу (?), а не къ книгѣ, лучше всего доказываетъ трудъ П. Струве, который такъ недавно читался на расхватъ, а теперь такъ мирно стоитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ покоѣ, (скептическій читатель имѣлъ-бы нѣкоторое право выразить недоумѣніе по поводу логики автора: почему то обстоятельство, что трудъ П. Струве, одно время читавшійся на расхватъ, *мирно покоится на полкахъ*, доказываетъ особый *интересъ* публики къ затронутому имъ вопросу ?). «Книгамъ изъ отдѣла наукъ политико-соціальныхъ *больше другихъ не счастливится* среди русскихъ читателей», повѣствуетъ далѣе авторъ, но на слѣдующей-же страницѣ замѣчаетъ: «богословскія книги у русскихъ культурныхъ читателей въ ходу *менѣе всѣхъ остальныхъ*». Однако, въ заключеніе г. Рубакинъ говоритъ: «Но и богословскія книги читаются *больше общественныхъ*». Въ результатѣ читателю остается недоумѣвать, какой-же отдѣлъ читается меньше всѣхъ прочихъ? Конечно, авторъ, взволнованный сознаніемъ русской некультурности, могъ-бы отвѣтить въ видѣ плачевной остроты «всѣ меньше!», но разсуждать такъ, какъ это дѣлаетъ г. Рубакинъ, относительно цифрового матеріала по меньшей мѣрѣ неудобно.

Любопытно отмѣтить еще вотъ что: разсматривая читаемость книгъ по отдѣламъ, г. Рубакинъ указываетъ на то, что за послѣднее время въ обществѣ значительно поднялся интересъ къ философскимъ книгамъ.

Это очень любопытное обстоятельство сообщается имъ какъ-то à contre coeur. Оказывается, что г. Рубакинъ ревностный врагъ философскаго образованія и вообще мышленія на отвлеченныя темы. По примѣру другихъ, не вполнѣ интеллигентныхъ и культурныхъ русскихъ публицистовъ, ругающихся непонятнымъ для нихъ словомъ «трансцендентный», г. Рубакинъ полагаетъ, что заниматься философскими науками,—значитъ «*вдаваться въ верхи*», «объяснять непознаваемое», «тянуться въ заоблачныя сферы или, *какъ говорятъ нѣмцы*, въ Wolken Kukusheim'ы» (при чемъ тутъ нѣмцы? Увы! г. Рубакинъ, очевидно, не читалъ Аристофана).

Однако, подчеркивая слабыя и даже комическія стороны этюдовъ г. Рубакина, мы не хотимъ отрицать того, что многія главы разсматриваемой книги представляютъ значительный интересъ. Тамъ, гдѣ г. Рубакинъ оставляетъ свои общія размышленія, которыя у него какъ-то совсѣмъ не клеются, и говоритъ о томъ, что ему хорошо извѣстно, какъ человѣку практической дѣятельности и собирателю любопытныхъ «человѣческихъ документовъ» въ сферѣ народной жизни, этюды его представляютъ большой интересъ. Какъ человѣкъ, очень близко стоящій къ библіотечному и книго-торговому дѣлу, онъ хорошо умѣетъ доказать, что книгъ у насъ вообще издается очень мало, что распространеніе ихъ не только въ публикѣ, но просто по магазинамъ великой россійской земли обставлено почти невѣроятными препятствіями, невозможными ни въ какой культурной странѣ, что составъ нашихъ библіотекъ случаенъ, скуденъ и плохъ, а самихъ библіотекъ крайне мало.

Интересны и содержательны также личныя наблюденія автора надъ характеромъ нашей читающей публики, абонированной въ библіотекахъ, этой безпомощной, неразборчивой, полукультурной публики, которая не знаетъ за какую книгу взяться и готова съ одинаковымъ аппетитомъ читать Толстого и Эмара, Шекспира и Монтепена. Авторъ замѣчаетъ, между прочимъ, что ревнители просвѣщенія не должны ужасаться при видѣ того, съ какою жадностью прочитывается, напр., французская уголовная беллетристика. Дикія полу-фантастическія произведенія эти не пропадаютъ безслѣдно для развитія читателей—они пріучаютъ ихъ искать въ книгѣ какого ни на есть психическаго наслажденія, своими грубыми кричащими красками они будятъ воображеніе читателя, еще не способнаго понимать и цѣнить болѣе тонкія произведенія, пріохочиваютъ его къ чтенію. Приводимое въ книгѣ письмо писателя-самоучки В. И. Савихина, прошедшаго въ молодости этотъ именно путь умственнаго развитія, прекрасно иллюстрируетъ и подтверждаетъ высказанное авторомъ наблюденіе, показавшееся намъ новымъ и любопытнымъ.

Вообще документальная часть книги, къ которой относятся очерки «Читателя изъ народа», представляетъ необыкновенно живой и свѣжій матеріалъ. Г. Рубакинъ возымѣлъ благую инииціативу войти въ письменныя сношенія съ очень многими представителями народа, откликнувшимися на его «Опытъ программы изслѣдованія литературы для народа».

Живые голоса слышатся за этими трогательными полуграмотными документами, приводимыми въ книгѣ г. Рубакина. Стремленіе къ свѣту, жажда правды, умственная пытливость и впечатлительность — не заглушаются въ народѣ при самыхъ невозможныхъ, почти нечеловѣческихъ условіяхъ существованія, и письма, собранныя г. Рубакинымъ, говорятъ объ этомъ краснорѣчивѣе самыхъ звонкихъ публицистическихъ тирадъ.

Цитируя разныя письма и другіе полученные имъ рукописные матеріалы, г. Рубакинъ во многихъ мѣстахъ даетъ понять, что имѣющійся у него архивъ значительно обширнѣе, чѣмъ то, что обнародывается въ данной книгѣ. Мы полагаемъ, что этотъ архивъ можно было-бы обнародовать почти цѣликомъ, въ видѣ цѣльной, самостоятельной книги, которая была-бы не менѣе поучительной, чѣмъ разсмотрѣнные нами «Этюды».

Подводя итоги всему сказанному нами о книгѣ г. Рубакина, приходится замѣтить, что эта книга является довольно типичнымъ произведеніемъ русской благомысленной публицистики. Она полна интересныхъ документовъ, любопытныхъ фактовъ, сбивчивыхъ цифръ, неосторожныхъ или не вполнѣ добросовѣстно сдѣланныхъ обобщеній, добрыхъ гражданскихъ тенденцій и вздорныхъ малокультурныхъ разсужденій о зловредности отвлеченнаго мышленія.

Л. Г.

Эдуардъ Гансликъ.—О музыкально-прекрасномъ.—Опытъ повѣрки музыкальной эстетики.—Съ нѣмецкаго перевелъ Ларошъ.—Съ предисловіемъ переводчика. Москва, 1895 г. Изд. П. Юргенсона, ц. 1 р. 50 к.

Болѣе 40 лѣтъ тому назадъ появилось первое изданіе трактата Ганслика «О музыкально-прекрасномъ», не утратившаго, однако, до сихъ поръ своей свѣжести и значенія. Объясняется это тѣмъ, что философовъ съ серьезнымъ музыкальнымъ образованіемъ — очень мало, а музыкантовъ съ философскимъ — еще меньше, тогда какъ блестящій расцвѣтъ музыки въ текущемъ столѣтіи и быстрое проникновеніе ея въ самые разнообразные слои общества настоятельно требовали и требуютъ построенія раціональной теоріи музыкальной эстетики. Въ сочиненіяхъ философовъ-спеціалистовъ музыканты-практики находили эстететическія нормы, явно противорѣчившія дѣйствительнымъ фактамъ; когда-же сами они пытались создавать философскія построенія, получалось нѣчто въ родѣ жалкаго дѣтскаго лепета. Трудъ Ганслика, глубокаго знатока музыки и солидно образованнаго человѣка, былъ первымъ лучемъ свѣта въ этомъ хаосѣ измышленій и спутанныхъ понятій. Ясное блестящее въ литературномъ смыслѣ изложеніе содѣйствовало успѣху и распространенію книги, доставившей, впрочемъ, автору, кромѣ громкаго имени, больше враговъ, чѣмъ друзей, особенно среди музыкантовъ. Ганcликъ первый возбудилъ вопросъ, можетъ-ли музыка вообще изображать чувства, тогда какъ до него по этому вопросу даже не возникало сомнѣній. Онъ первый указалъ на неправильность пріемовъ

музыкальной эстетики и критики, усердно занимавшихся чувствами, возбуждаемыми музыкой, а не изслѣдованіемъ того, что въ музыкѣ слѣдуетъ считать прекраснымъ. Обладая обширными познаніями по исторіи музыки, Гансликъ привелъ много примѣровъ тому, что въ музыкѣ немыслимо совершенно опредѣленное изображеніе столь-же опредѣленныхъ чувствъ. Прекрасное въ музыкѣ не можетъ имѣть иного характера, кромѣ специфически-музыкальнаго, и весь звуковой матеріалъ не можетъ выражать никакихъ мыслей, кромѣ чисто музыкальныхъ. Таковы существенные результаты критическихъ изслѣдованій Ганслика. Гансликъ далъ массу цѣнныхъ матеріаловъ для построенія въ будущемъ раціональной эстетики музыки, онъ разсчистилъ и облегчилъ путь для грядущаго творца ея, но самому ему не довелось быть этимъ творцомъ. Если критическая часть его труда почти безупречна (за исключеніемъ кое-какихъ крайностей, вызванныхъ отчасти полемическими соображеніями), то догматическая представляетъ серьезные пробѣлы. Такъ, напр., капитальный вопросъ о томъ, что есть прекрасное, остается неразрѣшеннымъ. «Прекрасное», говоритъ Гансликъ, «вообще, не имѣетъ цѣли, ибо оно есть чистая форма», которая по существу своему—сама себѣ цѣль. «Прекрасное остается прекраснымъ и тогда, когда оно не возбуждаетъ никакихъ чувствъ, даже тогда, когда на него не смотрятъ и его не видятъ; слѣдовательно, оно прекрасно *для* наслажденія созерцающаго субъекта, но не въ силу этого наслажденія». Въ этомъ опредѣленіи заключается явное противорѣчіе. Если прекрасное прекрасно для субъекта, то уже не безразлично, каковъ этотъ субъектъ. Свойство этого субъекта должны получить точное опредѣленіе, такъ какъ нельзя-же допустить, чтобы прекрасное было одинаково прекраснымъ для всякаго субъекта, одушевленнаго или неодушевленнаго. Слѣдовательно, при допущеніи, что прекрасное прекрасно для субъекта, необходимо заключить, что оно прекрасно не само-по-себѣ, а въ силу свойствъ субъекта; такимъ образомъ, мы у Ганслика не находимъ критерія для опредѣленія прекраснаго, которое и остается для насъ неизвѣстной величиной. Во всякомъ случаѣ, достоинства книги Ганслика настолько неоспоримы и значительны, что нельзя не привѣтствовать ея появленія на русскомъ языкѣ, къ тому-же въ образцовомъ переводѣ г. Лароша, убѣжденнаго почитателя и сторонника Ганслика. Переводъ представлялъ большія трудности, въ смыслѣ точности терминологіи и не оставляетъ желать ничего лучшаго. При этомъ сохранена ясность въ изложеніи, и мы можемъ только рекомендовать этотъ переводъ всѣмъ интересующимся музыкальнымъ искусствомъ.

Г. Ларошъ предпослалъ своему переводу весьма интересное предисловіе, въ которомъ, кромѣ подробныхъ біографическихъ данныхъ о Гансликѣ, излагаетъ свое profession de foi, являющееся развитіемъ и дополненіемъ взглядовъ на искусство Ганслика. Со свойственными г. Ларошу остроуміемъ и живостью стиля, онъ настаиваетъ на полной ана-

логіи между музыкой и архитектурой, блистательно еще разъ доказываетъ, что музыка и архитектура, будучи вдохновляемы чувствомъ, не могутъ, однако, выражать отдѣльныхъ опредѣленныхъ чувствъ, и устанавливаетъ понятіе «программной» музыки, строго и послѣдовательно вытекающее изъ его взгляда на музыку вообще. Однако, какъ и Ганcликъ, г. Ларошъ не даетъ намъ отвѣта на вопросъ, что есть прекрасное въ музыкѣ, и есть-ли критерій—объективный или субъективный—для правильнаго сужденія о внутреннемъ достоинствѣ музыкальныхъ темъ, составляющихъ, по мнѣнію обоихъ авторовъ, существенное содержаніе всякаго музыкальнаго произведенія.

Русскіе символисты. Выпускъ I—II. Москва 1894 г.

Александръ Добролюбовъ. Natura naturans. Natura naturata. Тетрадь № 1. Спб. 1895 г.

Новыя теченія въ литературѣ, новые разговоры объ искусствѣ не всегда сопровождаются появленіемъ крупныхъ и свѣжихъ поэтическихъ талантовъ. Какъ-бы ни были оригинальны тѣ или другія идеи, волнующія молодыя поколѣнія литературныхъ работниковъ, художественное творчество можетъ стоять на очень низкомъ уровнѣ, если на помощь живой потребности новыхъ выраженій, красокъ и оттѣнковъ, новыхъ образовъ не придетъ способность воплощать въ ясныхъ, простыхъ формахъ, доступныхъ пониманію, трогающихъ душу, волнующихъ и увлекающихъ воображеніе. Искусство никогда не можетъ превратиться въ механическую передачу опредѣленной мысли или настроенія. Между моментомъ, когда идея впервые блеснула въ сознаніи, и выраженіемъ этой идеи должна совершиться нѣкоторая таинственная работа, которая въ результатѣ и даетъ настоящія слова, смѣлыя уподобленія, фразы, рисующія цѣльныя поэтическія картины или движеніе лирическаго чувства. Именно въ этой работѣ, скрытой отъ сознанія, невидимой для самого художника, представляющей для истиннаго таланта живую импровизацію, и проявляется творящая сила искусства. Въ комъ эта работа слаба, блѣдна, лишена самобытности, въ комъ впечатлѣнія жизни не возбуждаютъ глубокихъ и тревожныхъ броженій, въ томъ, при всѣхъ напряженіяхъ ума, при самыхъ пламенныхъ желаніяхъ слѣдовать за вѣкомъ, мы никогда не найдемъ таланта, который въ самомъ дѣлѣ выводитъ искусство на новые пути. Все дѣло въ талантѣ. Возбуждая въ людяхъ съ художественнымъ призваніемъ игру силъ и способностей, страстное движеніе къ идеальнымъ цѣлямъ, вдохновенное желаніе осмыслить новыя человѣческія задачи, вѣянія эпохи безсильно волнуютъ людей бездарныхъ или, при нѣкоторой даровитости, лишенныхъ настоящей умственной оригинальности. Въ литературную сферу вносятся съ этими вѣяніями идеи, производящія нѣкоторое замѣшательство среди работниковъ стараго склада, но только немногіе, только самыя избранныя натуры дѣйстви-

тельно расцвѣтаютъ въ свѣжемъ воздухѣ новыхъ настроеній и поднимаются до ихъ полнаго и яркаго воплощенія.

Съ паденіемъ стараго тенденціознаго искусства, въ глазахъ молодого поколѣнія, въ общество стали проникать болѣе вѣрныя и болѣе смѣлыя мысли, которыя не могли не отразиться на всѣхъ нервныхъ и чуткихъ дѣятеляхъ печати. Исканіе красоты въ поэзіи сдѣлалось въ литературѣ послѣдняго десятилѣтія замѣтнымъ явленіемъ. Писатели, одаренные поэтическимъ талантомъ, прежде уступавшіе давленію утилитарныхъ требованій и со стороны общества, и со стороны его прогрессивныхъ вождей, стали одинъ за другимъ переходить на новую дорогу, открывающую большой просторъ ихъ истиннымъ влеченіямъ и артистическому темпераменту. Надсонъ можетъ считаться послѣднимъ выразителемъ старой традиціи съ ея однообразными мотивами, искусственно приподнятой и тенденціозно подчеркнутой гражданственности. Его шумный успѣхъ въ среднихъ слояхъ русскаго общества былъ какъ-бы прощальнымъ взрывомъ прежнихъ литературныхъ симпатій и вкусовъ. Послѣ Надсона молодое поколѣніе писателей быстро стряхнуло съ себя прахъ мертвящихъ журнальныхъ предписаній, которыя держали ихъ на службѣ у публицистическихъ задачъ. Но поддавшись новымъ настроеніямъ, молодые писатели еще не овладѣли тѣмъ, что безсознательно шевелитъ въ нихъ потребность въ болѣе совершенномъ и глубокомъ поэтическомъ выраженіи вѣчныхъ идей и цѣлей искусства. Мы не можемъ не сочувствовать этимъ искреннимъ стремленіямъ заглянуть въ ту таинственную область, изъ которой выходитъ творческая работа—въ настоящую глубь психической жизни, съ ея неясными, но волнующими мечтаніями о совершенной красотѣ, съ ея фантастическими настроеніями, неуловимыми для мысли, какъ музыкальный мотивъ. Однако, мы должны при этомъ сказать, что самое творчество этихъ писателей въ новомъ направленіи отличается то наивной зависимостью отъ популярныхъ въ настоящую минуту, громкихъ западно-европейскихъ именъ, то дѣланностью и риторичностью въ погонѣ за внѣшними эффектами. Нащупывая пути въ туманѣ своихъ неясныхъ и сбивчивыхъ понятій, они, быть можетъ, еще долго не внесутъ въ литературу ничего истинно значительнаго, составляющаго моментъ въ исторіи искусства, знаменующаго истинно новую эпоху въ умственной жизни общества. Поэзія нашихъ дней, въ лицѣ ея наиболѣе упорныхъ, наиболѣе мужественныхъ и наиболѣе интеллигентныхъ работниковъ, каковы напр. Минскій и Мережковскій, только еще пробуетъ свои силы, и должно пройти не мало времени, пока ихъ искусство преодолѣетъ болѣзненный процессъ исканія вѣрныхъ словъ и художественныхъ образовъ для передачи ихъ внутреннихъ тревогъ и томленій.

Рядомъ съ этими новыми попытками въ центрѣ литературы, стали обнаруживаться въ послѣднее время новаторскія стремленія и со стороны людей, пока еще не вошедшихъ въ литературу, но очевиднымъ образомъ льнущихъ къ тому, что происходитъ въ ней свѣжаго, современ-

наго. Появилось нѣсколько тощенькихъ сборниковъ съ очевидной претензіей представить самое оригинальное явленіе въ новѣйшемъ русскомъ искусствѣ, но увы! сборники эти не отличаются никакими серьезными поэтическими достоинствами. Они переполнены безсмыслицами, для которыхъ нельзя подобрать ключа ни въ какихъ живыхъ человѣческихъ настроеніяхъ, или такими стихами, въ которыхъ, при поразительной нищетѣ воображенія, убогой риѳмѣ и хромающемъ размѣрѣ, особенно бьетъ въ глаза банальность и даже пошловатость основныхъ сюжетовъ. Таковы два московскихъ сборника подъ названіемъ «Русскіе символисты», таковъ-же и вышедшій на дняхъ, худенькій, какъ общипанный цыпленокъ, сборникъ одного интеллигентнаго и начитаннаго юноши. Александра Добролюбова, любезно доставившаго намъ свою книжку для «безпристрастнаго» отзыва. Всѣ названные сборники не заслуживаютъ никакого серьезнаго разбора. Еслибы это явленіе не стало повторяться съ нѣкоторымъ постоянствомъ и еслибы жажда оригинальности и новаторства не переходила порою въ комическую погоню за небывалыми выраженіями и до дикости странными образами, мы не сказали-бы объ этихъ сборникахъ ни единаго слова: въ нихъ нѣтъ таланта, воображеніе блѣдно и безпомощно, несмотря на его полную, подчасъ грубо циническую распущенность претенціозныя краски безвкусно смазаны въ какія-то тусклыя пятна. Въ двухъ выпускахъ московскихъ символистовъ мы нашли только два-три стихотворенія за подписью Валерія Брюсова, въ которыхъ бьется живое и болѣе или менѣе понятное человѣческое чувство. Но и эти стихотворенія не поднимаются надъ уровнемъ самой ординарной версификаціи, и по художественной отдѣлкѣ, по свѣжести психологическихъ настроеній безконечно ниже истинно-талантливыхъ и, временами, тоже безформенныхъ, декадентски-загадочныхъ стихотвореній К. Фофанова. Въ сборникѣ г. Добролюбова очень много претензій, очень много пышныхъ посвященій «великимъ учителямъ», очень много совершенно бѣлыхъ страницъ и листовъ, невѣдомо для чего отдѣляющихъ другъ отъ друга микроскопическія произведенія въ стихахъ и въ прозѣ. При этомъ въ странномъ сборникѣ молодого автора нельзя найти ни одного вполнѣ удовлетворительнаго по формѣ стихотворенія. При всей важности латинскихъ, философическихъ заглавій, при всемъ разнообразіи эпиграфовъ изъ Верлена, Гюго, Фета, Лонгфело, при всемъ богатствѣ въ опредѣленіи музыкальныхъ темповъ, въ которыхъ написаны стихотворенія (*adagio maestoso*, *presto. andante con moto*), произведенія г. Добролюбова производятъ иногда тягостное, иногда забавное впечатлѣніе. Вы ищете въ книжечкѣ какого-нибудь поэтическаго содержанія, волнующихъ автора настроеній, какихъ-нибудь отличительныхъ признаковъ его артистической индивидуальности, и вмѣсто всего этого видите безсвязный бредъ человѣка мало жившаго, ничего глубоко не испытавшаго, но, быть можетъ, уже болѣзненно изнемогающаго отъ какого-то сквернаго недуга воображенія. Проза г. Добро-

любова плоха, отрывочна и въ сущности еще болѣе нелѣпа, чѣмъ его стихи. Повсюду пестрятъ одни и тѣ же слова, взятыя изъ какихъ-то старинныхъ лексиконовъ, ничего не рисующіе, расплывчатые эпитеты, повсюду мелькаютъ какія-то «бѣлыя ноги» и «бѣлыя нози», но нигдѣ ни одного простого поэтическаго выраженія, по которому можно было-бы судить о талантѣ автора.

Таковы жалкія попытки русскихъ символистовъ, которыя, конечно, не предрѣшаютъ важнаго вопроса о новыхъ путяхъ въ искусствѣ нашихъ и будущихъ дней.

А. Волынскій.

Б. Библіографія.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Новые разсказы. Н. Н. *Златовратскаго.* Москва. Изданіе книжнаго склада П. К. Прянишникова Цѣна 1 р.

Н. Н. Златовратскій стоитъ какъ-то особнякомъ отъ другихъ представителей современной беллетристики. Такъ писать, какъ онъ, у насъ никто не пишетъ. Числится Златовратскій въ спискѣ писателей-народниковъ, но и среди народниковъ онъ стоитъ одиноко, благодаря одной характерной особенности, придающей его произведеніямъ совершенно своеобразный видъ. „Нигдѣ, кажется,—говоритъ Златовратскій въ одномъ изъ своихъ новыхъ разсказовъ,—нѣтъ столькихъ *мечтателей*, какъ среди насъ русскихъ Это явленіе въ высокой степени знаменательное. Мечта,—чтобы ни говорили противъ нея люди практическіе,—вѣдь это поэзія жизни, заглушенный порывъ къ идеалу, страстное желаніе взмахнуть духовными крыльями, чтобы хоть на мгновеніе подняться надъ скорбной и сѣрой юдолью жизни“.

Самъ авторъ „Новыхъ разсказовъ“ принадлежитъ несомнѣнно къ типу мечтателей, и эта мечтательность является основнымъ тономъ въ его произведеніяхъ. Въ этой возвышенной мечтательности—главнѣйшее достоинство произведеній г. Златовратскаго, а черезмѣрное ея преобладаніе составляетъ характернѣйшій ея недостатокъ.

Когда приходится читать какія-либо беллетристическія произведенія, то, встрѣчая талантливыя изображенія современныхъ намъ или недавно исчезнувшихъ типовъ, мы невольно говоримъ: да, такіе люди дѣйствительно существуютъ, или существовали. Читая разсказы Н. Златовратскаго, никакъ нельзя сказать ничего подобнаго. Мало того, его герои не только не типичны, но даже иногда просто не вѣрится, что могли существовать такіе люди. Но между тѣмъ, въ этихъ людяхъ есть что-то подкупающее; читателя къ нимъ тянетъ какая-то сила, тянетъ туда, куда съ такой болѣзненной тоской и вѣрой тянутся эти герои, полуживые, полуфантастическіе люди. Всѣ эти Фимушки, Потапы, Филимоны, Аннушки съ отпечаткомъ чего-то неземнаго появляются между обыкновенными, кое-какъ слегка нарисованными людьми какъ-бы только для того, чтобы напомнить имъ, что жизнь еще не исчерпывается земными обыденными интересами, что есть что-то высшее. Герои г. Златовратскаго, не представляя собою живыхъ, типичныхъ представителей русскаго народа, являются выразителями его высшихъ духовныхъ стремленій и съ этой стороны они и будутъ всегда близки и дороги читателю.

К. М. Станюковичъ. **Новые морскіе разсказы.** Изданіе М. М. Ледерле и К°. Спб. 1895. Ц. 2 р. 50 к. Стр. 534.

„Новые морскіе разсказы“ г. Станюковича ни въ чемъ не уступаютъ первой книжкѣ его „Морскихъ разсказовъ“, отмѣченной критикою съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Жизнь на морѣ въ плаваніи, близкое знаніе быта, образа мыслей и языка матросовъ и офицерства, умѣніе выставить всѣ преимущества, какъ и недостатки флота старой и новой формаціи—дѣлаетъ интереснымъ разсказы г. Станюковича. Но авторъ не ограничивается простымъ фотографированіемъ бытовыхъ сценъ и случаевъ, — онъ умѣетъ обобщать отдѣльныя наблюденія въ типы, имѣющіе болѣе широкое значеніе. Таковъ, напр., Исайка, еврей-матросъ, въ лицѣ котораго г. Станюковичъ сумѣлъ представить человѣка съ твердымъ сознаніемъ своего достоинства и умѣніемъ цѣнить свою личность; такова драма, развертывающаяся въ юмористиче-

скомъ разговорѣ двухъ матросовъ въ разсказѣ „Ночью“. Самымъ обширнымъ произведеніемъ въ сборникѣ является повѣсть „Безпокойный адмиралъ“, гдѣ представленъ старый морякъ, не могущій примириться съ паденіемъ флотской службы съ введеніемъ морского ценза. Кромѣ беллетристическихъ произведеній, находимъ въ книгѣ чрезвычайно интересную автобіографическую статью „Маленькіе моряки“, представляющую воспоминанія автора о морскомъ корпусѣ въ 50-хъ годахъ, т. е. во время собственнаго своего обученія въ немъ: тутъ ужъ имѣемъ дѣло не съ вымышленными лицами и сценами, а съ пережитымъ - съ подлинными дѣятелями и условіями единственнаго въ Россіи учебнаго заведенія, выпустившаго множество интересныхъ впослѣдствіи лицъ. Словомъ, новая книга г. Станюковича интересна во всѣхъ отношеніяхъ.

Житейскія были. Очерки и разсказы *В. Быстренина.* Москва. 1895. Цѣна 1 р.

Зачѣмъ пишутъ „маленькіе писатели“? хочется иногда спросить, просматривая вороха новыхъ книгъ и журналовъ. Повѣсти, разсказы, очерки, наброски и т. д. и т. д. Подъ всевозможными заглавіями появляются на свѣтъ Божій произведенія этихъ людей неизвѣстно для чего и неизвѣстно для чего прочитываются усерднымъ читателемъ. Къ лучшимъ изъ такихъ писателей принадлежитъ и г. Быстренинъ. Выпустилъ онъ книжку своихъ разсказовъ, книжку въ 25 слишкомъ печатныхъ листовъ. Всѣ разсказы написаны тщательно и вполнѣ литературно. Г. Быстренину нельзя отказать въ наблюдательности, нельзя не признать за нимъ нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ способностей. Но... „Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ; о еслибы ты былъ холоденъ или горячъ! Но поелику ты тепелъ, а не горячъ и не холоденъ: то изверожу тебя изъ устъ Моихъ“. Это апокалипсическое изреченіе какъ нельзя лучше характеризуетъ авторовъ, подобныхъ г. Быстренину. У автора благія намѣренія, хорошее направленіе, кой-какія способности,— но нѣтъ главнаго элемента, элемента, отличающаго писателя отъ писца. Онъ ни холоденъ, ни горячъ, онъ только тепелъ, а потому и произведенія его могутъ служить только для минутнаго времяпрепровожденія.

Стихотворенія *Евгенія Велизарія.* 3-е изданіе, дополненное. Кіевъ. 1895. Стр. 69.

Смущаетъ насъ немножко то обстоятельство, что сборникъ этотъ выходитъ ужъ третьимъ изданіемъ. Откуда такой успѣхъ? Не разсылаетъ-ли авторъ свою книжку даромъ? По крайней мѣрѣ, въ продажѣ такая безцвѣтность идти не можетъ. Фактура стиха плоха, глагольныхъ риомъ пропасть, произвольныхъ удареній множество (напр., у́мерла, осталі́сь), подражательности много, а оригинальности ни малѣйшей, размѣра мѣстами никакого...

Адольфъ Гаспари. **Исторія итальянской литературы.** Перев. К. Бальмонта. Москва 1895. Изд. Солдатенкова. Т. I.

Два тома исторіи Гаспари даютъ въ сжатой формѣ очень полное представленіе о зачаткахъ итальянской литературы, и ея расцвѣтѣ въ эпоху возрожденія вплоть до конца XVI в., на кот. останавливается нѣмецкій историкъ. Очень содержательны отдѣльные очерки, посвященные великимъ поэтамъ и прозаикамъ Ренесанса—Данте, Петраркѣ, Боккачіо и др. Изложеніе Гаспари живое, въ противоположность большинству исторій литературъ, и у читателя остается цѣльное и художественное представленіе о разбираемыхъ писателяхъ и о характерѣ различныхъ литературныхъ эпохъ.

Поскольку дѣло идетъ о передачѣ нѣмецкаго текста Гаспари, г. Бальмонтъ справился съ своей задачей удовлетворительно. Но переводчикъ имѣлъ неосторожность ввести въ текстъ нѣсколько стихотворныхъ переводовъ изъ итальянскихъ поэтовъ и этимъ сильно повредилъ впечатлѣнію отъ своей работы. По странной случайности, извѣстность г. Бальмонта въ качествѣ переводчика установилось какъ-то на вѣру. Публика повѣрила, что взявшись за переводъ первоклассныхъ поэтовъ, г. Бальмонтъ вѣрно передаетъ духъ ихъ поэзіи, а критика не дала себѣ труда сличить хоть одно какое - нибудь переводное стихотвореніе г. Бальмонта съ оригиналомъ и посмотрѣть, какъ велико пониманіе текстовъ у русскаго переводчика. Яркимъ образцомъ стихотворныхъ переводовъ г. Бальмонта можетъ служить включенный имъ въ I-й томъ Гаспари переводъ сонета Данте „A ciascun' alma presa e gentil core“ Въ этомъ сонетѣ Данте разсказываетъ о грозномъ видѣніи, смутившемъ его среди ночи: къ нему явился духъ любви, несшій на рукахъ Беатриче и давшій ей вкусить отъ оказавшагося у него въ рукахъ сердца поэта. Сила сонета въ точныхъ подробностяхъ описанія, возсоздающихъ сцену и отражающихъ ростущій ужасъ, смятеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ умиленіе въ душѣ Данте. Всѣ эти тонкости исчезаютъ въ передачѣ г. Бальмонта. Духъ любви, являющійся активнымъ лицомъ въ сонетѣ, носитъ въ русскомъ переводѣ свое итальянское имя „Amore“, что сразу придаетъ стихотворенію отвлеченный, схоластическій характеръ. Красивое обращеніе Данте ко всѣмъ любящимъ: „Salute in lor signor, cio è Amore“, г. Бальмонтъ передаетъ истинно варварскимъ стихомъ: „Во имя ихъ царя, Amore, шлю привѣтъ“. Данте говоритъ о духѣ любви просто, безъ описательныхъ выраженій, и дѣйствіе его передаетъ краткими глаголами, сосредоточивая драматизмъ пьесы на видѣ Беатриче и на своихъ ощущеніяхъ. Русскій переводчикъ, не справляясь съ недоступной ему формой Дантовскаго сонета, вставляетъ

лишнія слова, которыя сразу понижаютъ высокій тонъ Дантовской поэзіи. Духъ любви, одинаково называемый во всемъ сонетѣ своимъ именемъ, называется у г. Бальмонта то „Amore", то почему то „веселый богъ влюбленныхъ"—не снившееся Данте опредѣленіе. Когда у Данте просто сказано „Poi la svegliava", г. Бальмонтъ переводитъ эти слова цѣлымъ стихомъ: «И разбудивъ ее какимъ-то нѣжнымъ словомъ». Итальянское слово «madonna», означающее здѣсь «моя возлюбленная» передается въ сонетѣ г. Бальмонта русскимъ словомъ «мадонна», имѣющимъ иное, совершенно опредѣленное значеніе.

Всѣ эти замѣчанія касаются подробностей, хотя и существенныхъ для красоты передачи, но не лишающихъ переводъ значенія въ смыслѣ вѣрности тексту. Не всякій сможетъ воспроизвести тонкости Дантовскаго стиха—достаточно если переводчикъ вѣрно передаетъ смыслъ и духъ стихотворенія. Но, увы, и этому несомнѣнному долгу всякаго переводчика г. Бальмонтъ измѣняетъ въ разбираемомъ сонетѣ: переводъ двухъ строчекъ изъ средины сонета показываетъ, какъ поверхностно переводчикъ изучилъ своего автора и къ какимъ грубымъ ошибкамъ привело его это незнаніе. Данте, описывая свое видѣніе, отмѣчаетъ съ свойственной ему педантичностью точный часъ появленія духа любви:

Gia eran quasi ch'atterzate l'ore
Del tempo che ogni stella è più lucente...

Это значитъ въ точномъ переводѣ: «прошла уже почти треть часовъ того времени, когда свѣтитъ намъ каждая звѣзда»; другими словами, прошло четыре часа изъ двѣнадцати ночныхъ, т. е. было около десяти часовъ вечера. Извѣстно, что во времена Данте часы дня считались отъ восхода солнца до заката, и это время дѣлилось на 12 часовъ, длинныхъ или короткихъ, смотря по времени года; ночное время точно также считалось отъ заката до восхода и дѣлилось на 12 ночныхъ часовъ. Какъ же передаетъ русскій переводчикъ это опредѣленіе времени видѣнія? Вотъ переводъ приведенныхъ двухъ стиховъ Данте:

Ужъ треть прошла тѣхъ лѣтъ, ничѣмъ не возмущенныхъ,
Когда свѣтлѣй всего сіянье звѣздъ горитъ...

Что это означаетъ? О какихъ звѣздахъ говоритъ переводчикъ? Если онъ думаетъ, что въ этихъ стихахъ (казалось-бы, что можетъ быть проще и понятнѣе ихъ) Данте опредѣляетъ ту пору жизни, когда онъ полюбилъ Беатриче, то стоило ему только справиться съ переведеннымъ имъ-же текстомъ Гаспари, чтобы узнать, что видѣніе, въ сонетѣ, относится къ 18-лѣтнему возрасту поэта. Ни о какой «трети» юношескихъ или какихъ-либо другихъ лѣтъ не можетъ быть слѣдовательно рѣчи. Какъ-же объяснить эти два стиха г. Бальмонта, гораздо болѣе непонятныхъ, чѣмъ самые туманные стихи Данте? При всемъ стараніи усмотрѣть въ нихъ какой-нибудь смыслъ, мы не можемъ объяснить ихъ ничѣмъ инымъ, какъ недостаточнымъ знаніемъ языка, слишкомъ недостаточнымъ, чтобы подступать къ переводу Данте. И какъ подумаешь, что переводы Шелли и Поэ изобилуютъ подобными же искаженіями, обидно становится и за поэтовъ, подвергающихся подобному безцеремонному обращенію со стороны переводчика, и за русскихъ читателей, принужденныхъ знакомиться съ высочайшей поэзіей лишь въ передѣлкахъ г. Бальмонта, отличающагося отъ другихъ переводчик въ умѣньемъ придавать какой-то особенный, пошловатый тонъ тому, что въ подлинникѣ отличается изысканностью и силою настоящаго поэтическаго творчества. При случаѣ мы займемся другими его переводами изъ Шелли и Поэ,—и читатели легко убѣдятся въ томъ, что, при упорствѣ литературнаго ремесленника, у г. Бальмонта нѣть, въ большинствѣ случаевъ, ни тонкаго вкуса, ни глубокаго пониманія переводимыхъ имъ первоклассныхъ писателей.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Не по торному пути. Изъ воспоминанія 1878—88 гг. *А. Мертваго.* Спб. 1895 г.

Воспоминанія автора—извѣстнаго сельскаго хозяина—касаются главнымъ образомъ его исканій новаго пути для приложенія своихъ силъ къ землѣ. Сознавая что раціональному приложенію труда къ землѣ нельзя научиться по книгамъ, г. Мертваго задумалъ самъ поработать. Онъ работалъ на огородахъ около Парижа. Свои впечатлѣнія онъ передавалъ въ фельетонахъ, печатавшихся въ „Новомъ Времени" и теперь воспроизведенныхъ въ книгѣ. Г. Мертваго приводитъ много небезъинтересныхъ замѣчаній о европейской жизни, къ разнымъ сторонамъ которой онъ относится съ большей критикою, чѣмъ большинство другихъ россіянъ, посѣщающихъ западъ. Поработавъ около Парижа, „искатель новаго пути" поѣхалъ въ Батищево къ А. Н. Энгельгардту, съ которымъ проработалъ нѣсколько лѣтъ Объ этомъ періодѣ въ книгѣ говорится довольно подробно, приводится много новаго, чего до сихъ поръ не было въ печати о Батищевѣ, не исключая и переписки автора съ Энгельгардтомъ. Умозаключенія автора заслуживаютъ вниманія. Основная мысль его состоитъ въ томъ, что русское хозяйство двинется быстрыми шагами, когда интеллигенція придетъ на помощь народу

Ж. Ленотръ. **Революціонный Парижъ по неизданнымъ документамъ.** Пер. Н. Ломакина. Москва. 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Авторъ самъ себя называетъ репорте-

ромъ великой революціи. Цѣль его—возстановленіе обстановки, топографическихъ и бытовыхъ подробностей, при которыхъ совершалось то или другое событіе. Но на самомъ дѣлѣ, онъ даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ, и въ его разсказахъ о Робеспьерѣ, Дантонѣ и др. оживаютъ не только вещи, но и люди. Замѣнить исторію французской революціи, даже въ общихъ чертахъ, эта книга не можетъ, но знатокъ исторіи найдетъ въ ней кое-что новое. Переводъ сдѣланъ вполнѣ хорошо.

Карлъ Каутскій. **Возникновеніе брака и семьи** Спб. 1895. Цѣна 50 к.

Авторъ разбираемой книги — извѣстный изслѣдователь въ области «соціологіи» и антропологіи, и переводу его новаго труда, весьма хорошо сдѣланному, можно предсказать успѣхъ. При обиліи научныхъ ссылокъ, книга эта отличается ясностью изложенія и очевидностью основной идеи. По мнѣнію автора, подкрѣпленному ссылками на брачную жизнь не только дикарей, но и обезьянъ, первичной формой отношеній между полами является не общность женъ, а единобрачіе, по очень простой причинѣ: въ первобытномъ обществѣ мужчина и женщина, вопреки распространенному мнѣнію, были совершенно равноправны. Тотъ идеальный, свободный товарищескій бракъ о которомъ мечтала Жоржъ-Зандъ и наши „реалисты“, бракъ, заключаемый не навсегда, а «пока любится», уже существовалъ въ доисторическія времена и теперь еще сохранился у бушменовъ, айносовъ и найя-курумбовъ. Этотъ первобытный бракъ, который авторъ называетъ гетеризмомъ, развился двумя путями: у народовъ, гдѣ преобладалъ мужчина, онъ привелъ къ многоженству, а у другихъ, гдѣ палку взяла женщина,—къ многомужеству. Раньше чѣмъ образовать патріархальную семью, бракъ долженъ былъ пережить двѣ фазы развитія, сдѣлаться сперва хищническимъ, а потомъ покупнымъ. Только при покупной формѣ брака явилось уваженіе къ цѣломудрію дѣвушекъ и только съ развитіемъ семьи отцы стали чувствовать любовь къ своимъ дѣтямъ. На прежнихъ ступеняхъ развитія этихъ чувствъ не существовало. Такъ, по крайней мѣрѣ, доказываетъ ученый авторъ и, нужно сознаться, доказываетъ съ большой убѣдительностью и не безъ остроумія.

Лависсъ и Рамбо. **Культура и цивилизація западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ (1095—1270).** М. 1895. Изданіе книжнаго склада Пряничникова. Стр 333 Ц. 1 р. 50 к.

Книжка эта составляетъ послѣдній opus московской фирмы «книжнаго склада Пряничникова», а также первый опытъ популяризаціи общественныхъ наукъ: до сихъ поръ «народныя книги» фирмы состояли, главнымъ образомъ, изъ дешевыхъ сказокъ. Удачная мысль—«выдѣлить все относящееся до внутренней исторіи средневѣковой Западной Европы» изъ «Всеобщей исторіи» французскихъ ученыхъ, въ которой средніе вѣка занимаютъ три огромныхъ тома. Вѣроятно, она принадлежитъ „приватъ-доценту моск. унив.“, В. Михайловскому, который снабдилъ книжку и «предисловіемъ» (какъ значится на обложкѣ) въ 38 строкъ, съ крайне громкимъ заглавіемъ («культура и цивилизація!»), и даже нѣкоторыми примѣчаніями для объясненія юридическихъ терминовъ. Но, вѣроятно, этотъ ученый не притрогивался къ тексту: переводъ до крайности небреженъ; не говоря уже про литературность, ему нерѣдко не достаетъ даже удобочитаемости, а иногда—и смысла. Мѣстами это зависитъ отъ очевиднаго невѣжества переводчика, у котораго Кельнъ превращается въ «Коловью», Генуя въ „Женъ“, извѣстный основатель монашескаго ордена является то Бенедиктомъ, то „Бенуа“, и т. п. Часто попадаются формальныя безсмыслицы и собственныя измышленія переводчика отъ незнанія обычнаго французскаго языка (стр. 132; «развитіе городовъ на выворотъ») или-же отъ отсутствія редакціонной корректуры (135, 126: „темъ“ вмѣсто „дѣлъ“, „показаны“ вмѣсто „утверждены“). А какъ вамъ покажется фраза (128): „институтъ вызвалъ жалобы, относившіяся на св. Престолъ“—вмѣсто „отразившіяся на св. Престолѣ?“ Прибавимъ, что среди „нашихъ добротныхъ и изящныхъ изданій“, какъ выражается фирма, эта книжка отличается бумагой такой тонкости, что видны буквы страницы на оборотѣ. Словомъ, это не переводъ, а черновка плохого гимназиста низшихъ классовъ.

Вологжанинъ. **Литературно - научный сборникъ.** Изд. П. Дилакторскаго.

Подобные провинціальные сборники, составляемые случайно, безъ опредѣленной цѣли, серьезнаго значенія имѣть не могутъ. Научныя статьи въ такихъ сборникахъ носятъ слишкомъ мѣстный характеръ, а про беллетристику лучше и не говорить. Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи „Вологжанину“ посчастливилось. Разсказъ г. Иваницкаго „Мои слуги“ обнаруживаетъ въ авторѣ и умѣніе писать, и наблюдательность.

Завѣтъ царя Петра. Сочиненіе графа *Петра Кутузова* (публициста). Спб. 1895.

Между народомъ и его просвѣтителями, говоритъ графъ П. Кутузовъ (публицистъ), постоянно чувствуется и обнаруживается рознь. Корень этого зла, по мнѣнію автора, въ томъ, что просвѣтители народа воображаютъ себя болѣе его мудрыми. А въ этомъ-то они и ошибаются: они плохи, а народъ хорошъ. Такъ говоритъ графъ П. Кутузовъ (публицистъ) въ прозѣ, а потомъ и въ стихахъ хвалитъ святую Русь и Петра Великаго, который, по его словамъ, „сидитъ все такъ-же на конѣ“, но жизнь котораго была „сплошнымъ лучомъ

ума". Потомъ Великій царь является автору на берегу Лахты и говоритъ длинную рѣчь плохими стихами; въ этой рѣчи великій преобразователь укоряетъ русскихъ людей въ томъ, что они слишкомъ торопятся „только впередъ все шагать". Похоже на дѣло, нечего сказать!

III. ПЕДАГОГИКА.

Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. **Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи.** *Л. Келльнера.* Пер. съ нѣм. О. Масловой, подъ ред. Н. Горбова. М. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Эта книга составляетъ 6-й выпускъ «Педагогической библіотеки». Первые пять выпусковъ содержатъ сочиненія Каменскаго и Песталоцци, слѣдующія будутъ содержать сочиненія по педагогикѣ Эм. Канта, Гербарта, Ж. Ж. Руссо, Локка, Мильтона, Фенелона, Монтеня. Имя Л. Келльнера у насъ мало извѣстно, хотя онъ былъ однимъ изъ первыхъ, положившихъ начало тому способу обученія родному языку, который теперь повсемѣстно распространенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ строго-церковнымъ человѣкомъ и католикомъ, что заставляло его враждебно относиться къ дѣятельности многихъ выдающихся педагоговъ. Въ книгѣ разсѣяно много мыслей, обличающихъ въ авторѣ большую педагогическую опытность, глубокое пониманіе предмета и горячую любовь къ своему дѣлу. Авторъ говоритъ преимущественно о школьномъ воспитаніи, и его мысли, конечно, слѣдуетъ признать и любопытными и полезными для школьныхъ дѣятелей. Непріятное впечатлѣніе производятъ только разбросанныя кое-гдѣ сердитыя выходки противъ Руссо, Дистервега и друг. въ примѣчаніяхъ, которыми счелъ нужнымъ снабдить книгу редакторъ русскаго перевода.

А. Моссо, проф. туринскаго университета **Физическое воспитаніе юношества.** Пер. В. Сусавиной. Спб. 1895. Цѣна 60 к.

Авторъ — профессоръ физіологіи — разсматриваетъ всѣ принятыя въ европейскихъ школахъ системы физическаго образованія и высказывается противъ нѣмецкой гимнастики въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и французской маршировки, отдавая предпочтеніе передъ всѣми англичанамъ и принятой у нихъ системѣ игръ и состязаній на открытомъ воздухѣ. По наблюденіямъ автора, атлетическое развитіе однихъ мускуловъ иногда служитъ во вредъ здоровью; на войнѣ-же учителя гимнастики оказываются самыми невыносливыми и слабыми солдатами. Къ сожалѣнію, выводы г. Моссо, весьма, можетъ быть, практичные для Италіи, имѣютъ мало значенія для насъ, такъ какъ на лѣто русскія школы закрываются, а осенью и зимою игры и состязанія на открытомъ воздухѣ, при нашихъ климатическихъ условіяхъ, совершенно невозможны.

П. И. Межеричеръ. **Геометрическое черченіе.** Руководство для ремесленныхъ, техническихъ и др. уч. заведеній и для самообученія. Одесса. 1895. Ц. 1 р.

Это руководство составлено по первому тому извѣстнаго сочиненія швейцарскаго профессора Делабара «Anleitung zum Linearzeichnen», которое принадлежитъ къ числу лучшихъ пособій для учащихъ и учащихся. Русскій передѣлыватель, сохранивъ тотъ-же порядокъ изложенія, какъ и въ оригиналѣ, нѣсколько сократилъ его и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнилъ примѣнительно къ программѣ ремесленныхъ училищъ. Для этихъ училищъ книжка г. Межеричера явится вполнѣ хорошимъ руководствомъ по полнотѣ содержанія, систематичности расположенія матеріала и простотѣ изложенія; но къ недостаткамъ изложенія слѣдуетъ отнести нѣкоторую неточность, которая, впрочемъ, встрѣчается только изрѣдка (напр. «отложимъ радіусъ на окружности» вмѣсто «проведемъ хорду, равную радіусу»). Чертежи (112 фиг. на 16 листахъ), несмотря на ихъ малый размѣръ, исполнены отчетливо.

М. Нетыкса. **Руководство столярнаго ремесла.** Москва. Изданіе К. И. Тихомирова. 1895. Ц. 75 к.

Эта книжка содержитъ все, что надо знать, чтобъ быть въ состояніи выполнять всѣ обиходныя столярныя работы: матеріалъ, инструменты, пріемы работы,—обо всемъ этомъ даются достаточныя свѣдѣнія. Конечно, ремеслу учиться только по книгѣ нельзя, нужны указанія опытнаго мастера, но все-же пользованіе книгой сбережетъ ученику много времени. Изложеніе вполнѣ удовлетворительно и сопровождается большимъ числомъ (352) рисунковъ въ текстѣ, исполненныхъ совершенно отчетливо.

IV. КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ НАРОДА.

Образцовыя сказки русскихъ писателей. Составилъ для дѣтей *В. П. Авенаріусъ.* Съ рисунками Н. Н. Каразина, М. В. Нестерова и др. 3-е изданіе книгопродавца А. Д. Ступина. Москва. Стр. 226.

Вотъ одна изъ лучшихъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Отъ лучшихъ нашихъ писателей взято по одной сказкѣ, а именно: «Сказка о царевичѣ Хлорѣ» *Императрицы Екатерины II*, «О рыбакѣ и рыбкѣ» *Пушкина*, «Война мышей и лягушекъ» *Жуковскаго*, «Городокъ въ табакеркѣ» *кн. Одоевскаго*, «Черная курица» *Погорѣльскаго*, «Объ Иванѣ царевичѣ, Жаръ-птицѣ и о Сѣромъ волкѣ» *Языкова*, «О судьѣ Шемякѣ» *Н. Полевого*, «Капля жизни» *Тургенева*, «Правда и кривда» *Даля*, «Три зятя» *М. Михайлова*, „Свое и чужое" *Чистякова*, „Озеро-слободка" *Данилевскаго*, „Березы" *Кота-Мурлыки*, «Мальчикъ у Христа на

елкѣ» *Достоевскаго*, «Мухоморъ» *А. Коваленской*, «Маланьины стрѣлки» *Ахшарумова*. «Что говоритъ керосинъ въ горящей лампѣ» *Симашко*, «О жабѣ и розѣ» *Гаршина*, «Волкъ» *Н. Каразина*, «Горе» *самого г. Авенаріуса*. Конечно, можно возразить противъ этого выбора. Такъ, г. Авенаріусъ могъ-бы и не пріобщать себя самого къ лику «образцовыхъ писателей», а также могъ-бы обойти такихъ писателей, какъ Каразинъ и Симашко (далеко, конечно, не образцовые). Удивляетъ также присутствіе въ сборникѣ и слабенькой сказки слабой писательницы г-жи Коваленской, тогда какъ у гр. Л. Н. Толстого г. Авенаріусъ не удостоилъ взять ни одной сказки, какъ будто нѣтъ у него, напр., удивительной по своему глубокому смыслу сказки «Много-ли человѣку земли нужно». Вообще, выдвигая эту книгу, какъ одну изъ лучшихъ дѣтскихъ книгъ, мы должны оговориться, что еще не считаемъ ее совершенною: она хороша замысломъ своего составителя дать избранныя сказки нашихъ образцовыхъ писателей, но выборъ произведеній и исполненіе этого замысла еще не отвѣчаетъ ему вполнѣ. Необходимо для слѣдующаго изданія пересмотрѣть книгу и строжайшимъ образомъ передѣлать то, что въ ней есть теперь, выкинувъ кое-что изъ наличнаго и пополнивъ нѣкоторые пробѣлы. Можно-бы даже поставить произведенія нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ писателей при условіи ихъ достоинствъ, напр. сказку г. Полушина «Исай эѳіопскій царь», или что-нибудь изъ произведеній г. Засодимскаго. Да мало ли чѣмъ можно воспользоваться для такой книги! Стоитъ только порыться съ большимъ вниманіемъ и большею пытливостью — и успѣхъ можетъ быть достигнутъ.

Библіотечка Ступина.

Къ намъ довольно часто приходятъ запросы отъ подписчиковъ, нѣтъ-ли книжекъ для самыхъ маленькихъ дѣтей,—просятъ указать и даже выслать, при чемъ обыкновенно обозначаютъ и цѣну, не выше 50 к. Отвѣтить немедленно на такіе запросы— дѣло нелегкое, во-1-хъ потому, что книгъ для маленькихъ дѣтей у насъ вообще чрезвычайно мало, а во-2-хъ—если выборъ стѣсняютъ еще ограниченіемъ цѣны книги, то тутъ рекомендующему поставлены такіе тиски, изъ которыхъ выпутаться онъ можетъ только послѣ продолжительнаго и осмотрительнаго размышленія. Принимая во вниманіе указанныя условія, можно остановиться на «Библіотечкѣ Ступина», выходящей уже въ теченіе 15-ти лѣтъ и приноровленной къ возрасту лѣтъ отъ 5 до 8. Каждый нумеръ этой библіотечки, цѣною по 10 к., изданъ чрезвычайно изящно, на хорошей бумагѣ, съ множествомъ отличныхъ рисунковъ, въ крѣпкой глазированной обложкѣ и, въ виду такой внѣшности, цѣну этихъ книжекъ слѣдуетъ признать весьма дешевою. Достоинства книжекъ, правда, разныя—есть получше, есть и послабѣе, но при общемъ просмотрѣ нельзя не согласиться съ тѣмъ, что издатель занятъ тутъ не одной спекуляціей, а заинтересованъ дѣйствительно цѣлесообразнымъ выборомъ и что дѣло это ведется у него, вѣроятно, лицомъ свѣдущимъ. Вотъ за эти 15 лѣтъ и получилась у него библіотечка, которую смѣло можно дать въ руки маленькимъ дѣтямъ.

По содержанію своему книжки этой серіи распадаются на слѣдующіе отдѣлы. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ, конечно, поставить сказки А. С. Пушкина, по одной сказки въ каждомъ нумерѣ библіотечки: «О рыбакѣ и рыбкѣ», «О царѣ Салтанѣ», «О купцѣ Остолопѣ», «О мертвой царевнѣ», «О золотомъ пѣтушкѣ». Затѣмъ слѣдуютъ разсказы г. П. Полевого изъ старины: «О царѣ-богатырѣ» (Петръ Великій), «Илья Муромецъ», «Добрыня Никитичъ», «Алеша Поповичъ», «Садко и Буслаевъ». Напрасно только г. Полевой эти разсказы изъ былого назвалъ сказками, вѣроятно забывъ народную присказку. „Сказка складка, а пѣсня быль". Послѣ этого укажемъ разсказы изъ дѣтской и окружающей дѣтей жизни: „Проказы Мишки Топтыгина" г. Сливицкаго, „Зайчики" г. Куклина, „Крѣпость" и „Красный сарафанчикъ" г-жи Бахметевой, „Удивительный червячекъ" г. Кузнецова. Потомъ назовемъ сборники: одни—разсказы изъ жизни животныхъ („Собака", „Кошка", „Обезьяны", „Лисичка-сестричка", „Слоны-забавники"), другіе—собранія стихотвореній извѣстныхъ поэтовъ („Русскія басни", „Старикъ-Годовикъ", „Колосья", „Дѣтскія пѣсенки", „Матушка-Москва", третьи — сборники игръ и забавъ („Забава всему приправа", „Ручныя тѣни", „Чародѣй", „Маленькій рисовальщикъ", „Книжка-Малютка", „Игра въ солдаты", „Дѣтки-малолѣтки" „Елка", „Всего по немногу"). Стоимость всей этой библіотечки не превысить пяти рублей, а забавы и удовольствія дѣти получатъ отъ нея очень и очень много. Мы совѣтовали-бы только г. Ступину исключить изъ нея три брошюрки: „Балагуры", „Степка-Растрепка" и „Приключенія любопытнаго Коли". Такія книжки своею грубоватостью и непедагогичностью портятъ эту миленькую библіотечку.

Изданія книжнаго склада И. К. Прянишникова. № 20. **Простая душа.** Разсказъ *И. И. Добротворскаго.* Цѣна $2^1/_2$ к. № 22. **Митя.** Разсказъ по *Диккенсу*, составилъ Ч—ый. Цѣна $2^1/_2$ к. № 26. **Веревочка.** Разсказъ *Гюи де-Мопассана.* Переводъ съ французскаго Павла Оленина. Цѣна 1 коп. № 27. **Семушкинъ отецъ.** Разсказъ *Гюи де-Мопассана.* Переводъ съ французскаго Павла Оленина. Цѣна 1 к. № 28. **Обезьяны стараго свѣта** (узконосыя). *А. Брема*; передѣлано М. И. Я. Въ двухъ частяхъ, съ 22 рисунками. Цѣна 7 к. № 32. **Пила**

и Сысойко (передѣланный разсказъ). Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 6 к. № 34. **Спартакъ,** предводитель римскихъ гладіаторовъ. Историческая повѣсть въ изложеніи *Ц. Самойловой.* Цѣна 8 к Москва. 1895 годъ.

Изъ перечисленныхъ нами книжекъ особенное вниманіе обращаетъ на себя разсказъ П. Добротворскаго „Простая душа". Вопросъ, касающійся положенія такъ-называемыхъ „жертвъ общественнаго темперамента" весьма рѣдко затрагивается въ нашей литературѣ. Почему-то до сихъ поръ многіе считаютъ этотъ вопросъ „неприличнымъ" и умѣстнымъ только въ спеціальныхъ изданіяхъ. Въ разсказѣ г. Добротворскаго правда этотъ вопросъ задѣтъ какъ-то мимоходомъ, но тѣмъ не менѣе разсказъ наводитъ читателя на мысли.

Большое спасибо надо сказать редакціи издательства, что она обратила вниманіе на извѣстный историческій романъ Джіованіоли—„Спартакъ"—одно изъ лучшихъ произведеній итальянской исторической литературы. Къ сожалѣнію, романъ много потерялъ въ той передѣлкѣ, которой его подвергла г-жа Самойлова. Но, несмотря на этотъ недостатокъ, книжка производитъ сильное впечатлѣніе. Образъ самоотверженнаго защитника угнетенныхъ приковываетъ вниманіе читателя. Эпоха рабства дѣлается понятной и близкой читателю и въ немъ пробуждается чувство негодованія противъ жестокости рабовладѣльцевъ и чувство жалости къ угнетеннымъ.

Разсказъ Мопассана „Семушкинъ отецъ" выбранъ весьма удачно, но другой разсказъ того-же автора—„Веревочка" можно было-бы и не переводить.

Разсказъ „Митя" представляетъ очень плохую передѣлку романа Диккенса „Оливеръ Твистъ» и надо удивляться, зачѣмъ было портить хорошую вещь, когда существуютъ сравнительно весьма недорогія изданія этого романа.

Точно такъ-же плохъ разсказъ „Пила и Сысойко", передѣланный изъ извѣстнаго произведенія Рѣшетникова „Подлиповцы". Эта передѣлка производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто передано содержаніе разсказа и передано очень плохимъ разсказчикомъ. Разсказъ „Подлиповцы" вовсе не такъ великъ, чтобы нуждался въ передѣлкѣ для народнаго изданія, не говоря уже о неудобствѣ такого безцеремоннаго обращенія съ художественными произведеніями.

Что касается брошюры объ обезьянахъ, то она составлена довольно интересно, хотя врядъ-ли нужно было перечислять такъ много обезьяньихъ породъ Для популярной книжки можно было ограничиться наиболѣе интересными видами этихъ животныхъ. Во всякомъ случаѣ, эта книжка заслуживаетъ вниманія и надо надѣяться, что вслѣдъ за ней редакція не замедлитъ выпустить описанія и другихъ животныхъ. Бремъ простому читателю не по карману, а небольшую брошюрку въ 5—10 копѣекъ купитъ всякій.

Фридрихъ Энгельсъ.

(Некрологъ).

5 августа н. с. скончался въ Лондонѣ, на 75-мъ году отъ рожденія, старѣйшій изъ современныхъ вождей нѣмецкой соціалъ-демократіи, другъ и сотрудникъ Карла Маркса—Фридрихъ Энгельсъ. Энгельсъ принималъ дѣятельное участіе въ движеніи сороковыхъ годовъ, а также въ революціи 1848 г. Въ сотрудничествѣ съ Марксомъ онъ выработалъ извѣстный «Манифестъ», а затѣмъ, переѣхавъ въ Англію, втеченіе сорока слишкомъ лѣтъ, не переставалъ работать въ интересахъ распространенія соціалъ-демократическихъ идей. Главная научная заслуга Энгельса состоитъ въ обработкѣ и изданіи второй и третьей части «Капитала» Маркса, которыя были оставлены послѣднимъ въ незаконченномъ и неудобочитаемомъ видѣ. Третій томъ «Капитала». въ обработкѣ Энгельса, вышелъ въ печати не далѣе, какъ въ прошломъ году.

Фридрихъ Энгельсъ родился 28 ноября 1820 г. въ Барменѣ. Отецъ его былъ фабрикантъ, имѣвшій также свои склады въ Манчестерѣ. Молодой Энгельсъ по отбытіи, въ качествѣ вольноопредѣляющагося, годовой воинской повинности, сдѣлался завѣдующимъ манчестерскими складами отца. Въ то-же время онъ предался изученію философіи въ лицѣ Гегеля и Фейербаха. Какъ извѣстно, главнѣйшіе вожди нѣмецкой соціалъ-демократіи—Лассаль, Марксъ и Энгельсъ—проходили въ свое время школу Гегелевской философіи и сдѣлались сторонниками, такъ называемой, «лѣвой» гегеліанства. Но всего замѣтнѣе отразилось на воззрѣніяхъ Энгельса ученіе Фейербаха. Примкнувъ къ движенію, занимавшемуся улучшеніемъ положенія рабочихъ, Энгельсъ сдѣлался главнымъ участникомъ въ органахъ этого движенія «The Northern Star» и въ «New Moral World» Роберта Овэна. Въ 1844 г. Энгельсъ возвратился въ Германію, гдѣ издалъ сочиненіе о положеніи рабочаго класса въ Англіи. Въ это-же время онъ познакомился въ Брюсселѣ съ Карломъ Марксомъ. Совмѣстно съ Марксомъ они выработали вышеупомянутый «Манифестъ»,

основныя начала котораго до сихъ поръ служатъ руководствомъ для интернаціональной соціалъ-демократіи. Въ 1848 г. Марксъ и Энгельсъ основали въ Кельнѣ «Новую Рейнскую Газету», которая вскорѣ была запрещена. Вскорѣ затѣмъ разразилась революція 1848 г. Энгельсъ бросился въ водоворотъ революціоннаго движенія, которое оказалось всего сильнѣе въ Баденѣ, принималъ участіе въ стычкахъ съ прусскими войсками и, послѣ подавленія революціи, долженъ былъ покинуть Германію. Онъ бѣжалъ, черезъ Геную, въ Англію и снова принялъ участіе въ торговыхъ операціяхъ отца, и позднѣе сдѣлался руководителемъ всѣхъ его предпріятій. Въ 1869 г. Энгельсъ окончательно поселяется въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ Марксомъ, и становится членомъ и секретаремъ интернаціональнаго союза.

Втеченіе своей долгой жизни Энгельсъ написалъ не мало сочиненій экономическаго и политическаго характера. Большая часть этихъ произведеній теперь забыта, хотя они представляютъ большой интересъ и для современности.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Неслыханное «дознаніе» *).

Въ № VIII книжекъ «Недѣли» появилась обширная статья г. Меньшикова подъ заглавіемъ «Дознаніе», касающаяся кн. В. Вяземскаго, умершаго въ 1892 году, о которомъ сообщили свѣдѣнія его хорошіе знакомые въ газетѣ «Русскія Вѣдомости» и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Въ этой статьѣ, поразившей всѣхъ, близко знавшихъ покойнаго князя, авторъ возводитъ на усопшаго цѣлый рядъ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій и извѣтовъ, такъ что въ его описаніи получается образъ закоренѣлаго злодѣя и разбойника. Такимъ изображенъ добрый, талантливый и сердечный князь Василій Васильевичъ! Послѣ недолгаго литературно-полицейскаго розыска, очень развязно утверждается, что князь былъ тираномъ своихъ крѣпостныхъ, сѣкъ, засѣкалъ, совершалъ невѣроятныя насилія, *выжималъ* деньги у бѣдныхъ, *пачкалъ* чехлы, пилъ водку, *мучилъ* кошекъ, мѣшалъ кушанья вмѣстѣ и т. п. и т. п..—словомъ «отвергалъ законы, совѣсть, вѣру», какъ выражается Репетиловъ. Нужно сказать, что всѣ эти ужасы сочинитель «Дознанія» успѣлъ собрать въ какіе-нибудь 7—8 сутокъ, въ теченіе своего мимолетнаго пребыванія въ моемъ подмосковномъ имѣніи, куда явился въ качествѣ гостя и гдѣ онъ неустанно собиралъ свѣдѣнія для *новой* своей біографіи у выжившей изъ ума отъ старости прислуги, 85-лѣтнихъ бабокъ, погрязшихъ въ сплетняхъ и злословіи. «Имѣлъ-ли право г. Меньшиковъ издѣваться такъ лег-

*) По поводу статьи, напечатанной въ № 8 журнала „Книжки Недѣли" о кн. В. В. Вяземскомъ, мы получили нѣсколько однородныхъ по смыслу писемъ и заявленій, изъ которыхъ пока печатаемъ письма г. А. Мантейфеля и профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Насъ интересуетъ въ этомъ дѣлѣ только вопросъ о личности Вяземскаго. Оригинальныхъ людей, съ богатымъ артистическимъ темпераментомъ и съ морально-протестантскими стремленіями въ практической сферѣ, не много въ русской жизни, и понятно почему мы охотно обнародовали интересную біографію В. Вяземскаго, доставленную намъ г. В. А. Корсаковымъ. Теперь въ печати возбужденъ вопросъ о достовѣрности сообщенныхъ на страницахъ нашего журнала свѣдѣній, и мы, интересуясь въ этомъ дѣлѣ правдою, открываемъ страницы „Сѣвернаго Вѣстника" для всякаго рода безпристрастныхъ сообщеній по этому вопросу. Пусть окончательно выступитъ изъ тумана противорѣчащихъ другъ другу показаній умственная и нравственная личность кн. В. Вяземскаго, возбуждающая теперь, какъ и при жизни, страстную борьбу различныхъ сужденій. *Ред.*

комысленно надъ покойнымъ княземъ, который уже умолкъ, а при жизни дѣлалъ много добра?» Вотъ слова, слышанныя мною отъ дамы, къ которой обращался г. Меньшиковъ съ своими допросами и повторяемыя многими. Но мы не намѣрены въ настоящее время опровергать факты дикаго и неприличнаго обвиненія по скольку оно относится къ временамъ 1845—1847 гг., когда пишущій эти строки былъ ребенкомъ и жилъ еще на родинѣ, г. Ярославлѣ, далеко отъ князя.

Я познакомился съ княземъ только при вступленіи моемъ въ московскій университетъ, около 1855 г., видѣлся съ нимъ очень часто до самой его смерти *) и зналъ его всегда такимъ свѣтлымъ и чистымъ, какимъ и выставилъ его въ первомъ некрологѣ («Русск. Вѣд.» 1893 г., № 242), который до слова готовъ подтвердить подъ присягою. Таковымъ же понимали и знали его такіе достойные люди, какъ гг. П. Н. Обнинскій, В. А. Корсаковъ, проф. П. Чебышевъ (умершій), искренность и благородство которыхъ стоятъ выше всякаго сомнѣнія. Какимъ-же чудомъ сочинитель «Дознанія», никогда не видавшій его, могъ въ 8 дней узнать жизнь его лучше и детальнѣе, чѣмъ мы, проведшіе около него десятки годовъ съ 1856 г. и неслыхавшіе ничего, что грязнило-бы его память? Священникъ Е. И. Соколовъ, на котораго ссылается г. Меньшиковъ, поваръ Гаврило, г. Воронковъ, барышни, о которыхъ говорится въ статьѣ, учителя серпуховской гимназіи, гласные земства, знавшіе князя, просто возмущены «Дознаніемъ» и омерзительными его подробностями, очевидно вымученными у заклятыхъ враговъ князя. *Свидѣтели намѣрены протестовать противъ явнаго искаженія ихъ словъ подъ перомъ г. Меньшикова.* Я лично могу указать на цѣлый рядъ лживыхъ разсказовъ въ статьѣ г. Меньшикова (стр. 217 и 219, 220, 222, 224, 230). Мы не отрицаемъ того, что въ деревенской толпѣ, особливо среди *чиновныхъ* волостныхъ мужиковъ и старухъ, могли найтись люди, разсказавшіе г. Меньшикову нѣчто дурное о князѣ В. В., или о его братѣ. Но такіе непровѣренные разсказы старой дворни и какихъ-то злыхъ, шипящихъ барынь еще не имѣютъ за собой никакого нравственнаго достоинства, какъ вышедшіе изъ толпы, смекнувшей, что ей выгоднѣе злословить, а не хвалить. Никто въ жизни не вынесъ столько вражды и гоненій со стороны извѣстныхъ дѣльцовъ и ихъ клевретовъ-опричниковъ, какъ князь, за прямоту и рѣзкую прямолинейность своего характера; людская злоба и до сихъ поръ продолжаетъ метать въ него каменьями. Да, наконецъ, мало-ли что говорится подъ давленіемъ пустоты и удушливой скуки провинціальнаго прозябанія? **) Неужели

---

*) Князь В. В. жилъ въ усадьбѣ моихъ родителей 5 л. съ 1863 года, с. Вихровѣ, а потомъ занимался съ моими дѣтьми, которые, вопреки утвержденію «Дознанія», его обожали.

**) Вчера одна серпуховская барыня созналась мнѣ, что будучи сердита на г. Корсакова, она въ пику ему, оклеветала князя В. В., желая досадить ему черезъ г. Меньшикова. „А онъ съ просту принялъ все за чистую монету“.

нужно собирать для печати весь этотъ мусоръ, эти подонки захолустной болтовни? Повторяемъ, свѣдѣнія свои сочинитель «Дознанія» собиралъ у отборнѣйшихъ клеветниковъ и злыхъ вѣстовщицъ, составляющихъ бичъ цѣлой волости. Порядочные, правдивые люди, допрошенные о князѣ и его «злодѣяніяхъ», рѣшительно, категорически отрицаютъ всѣ его злостныя измышленія.

«Не все то правда, что бабы врутъ», учитъ русская пословица; «не все то творится, что говорится». Всѣ эти темныя розсказни изъ временъ сѣдой старины, облитыя злобой и желчью, должны быть вовсе выкинуты изъ счета при разслѣдованіи чьей-бы то ни было біографіи.

Нѣтъ, никогда злоба и ложь не помрачитъ въ памяти друзей князя В. В. его свѣтлаго образа, какимъ мы его знали и любили! Мы помнимъ его, какъ мыслителя, какъ поэта, всегда одушевлявшаго молодежь своей горячей рѣчью и живымъ энтузіазмомъ въ отношеніяхъ къ природѣ и искусству, — никогда незаботившагося о нуждахъ будничной, матеріальной жизни, вносившаго всегда въ пустоту деревенскаго захолустья живую душу, умъ и высшіе интересы знанія и добра! Мы помнимъ его за работами, въ кузнѣ, съ молотомъ, за верстакомъ, съ пилой; въ кабинетѣ, погруженнаго въ книгѣ; при закатѣ весенняго солнца, на опушкѣ темнаго еловаго лѣса, на берегу свѣтлой прозрачной Нары, всегда веселаго, ласковаго, вдумчиваго, никогда не унывающаго, обвѣяннаго думами, или въ ясный вечеръ слѣдящаго за трепетными переливами луннаго блеска въ зеркалѣ родной ему рѣки. Мы помнимъ его звонкій, безконечно-добродушный смѣхъ, выражавшій всю дѣтскую беззаботность его души, незнавшей завтрашняго дня и носившей въ себѣ величавыя картины Кавказа, Финляндской природы, о которыхъ онъ умѣлъ сильно и увлекательно разсказывать, связывая ихъ въ одно цѣлое съ грандіозными, безконечными красотами мірозданія, прочитывая при этомъ страницы изъ геологіи Лайеля, Фохта, Моора... Это были такія минуты, когда у каждаго слушателя изглаживались на лицѣ морщины и небо спускалось въ успокоенную грудь...

Не утруждая болѣе читателя, кончимъ пока словами незабвеннаго «учителя жизни» Гоголя, сказанными по поводу людскихъ пересудъ и кривотолковъ: «Міръ какъ водоворотъ; вѣчно движутся въ немъ мнѣнія и толки; но все перемалываетъ время. Какъ шелуха слетаетъ ложь, и какъ твердыя зерна остаются недвижныя истины». Пошли Богъ, чтобы въ этомъ водоворотѣ толковъ оскорбленная и помраченная истина скорѣе изрекла свое слово.

О фактической сторонѣ дѣла пусть говорятъ вмѣсто меня другія лица.

А. Мантейфель.

18 августа 1895 г.
с. Вихрово.

Два слова о кн. В. В. Вяземскомъ.

Читая статьи г. Корсакова и г. Меньшикова о кн. В. В. Вяземскомъ, я былъ нѣсколько изумленъ, хотя я былъ знакомъ съ кн. В. В. Вяземскимъ только недолго, во время его супружеской жизни въ Москвѣ въ 1857 г. Князь В. В. былъ женатъ на двоюрной сестрѣ моей матери, Вѣрѣ Александровнѣ Поливановой. Разошлись они не потому, какъ говоритъ г. Меньшиковъ, что кн. В. В. дѣлалъ какія-то безобразія, что было совсѣмъ не въ характерѣ этого въ высокой степени эстетическаго человѣка, способнаго глубоко любить и страдать отъ того, что его любовь не находила ожидаемаго имъ отвѣта. Не правъ также и г. Корсаковъ, утверждающій, что у княгини В. А. собиралась золотая молодежь, занимавшаяся картами, танцами и флиртомъ. Вяземскіе жили не одни: они жили у тетки княгини В. А. Дарьи Михайловны Львовой,—въ квартирѣ ея для танцевъ и мѣста не было. Что-же касается до флирта, то у нихъ бывали только братья княгини В. А. и ея двоюродные племянники, между прочимъ и я. Стало быть ни о какомъ флиртѣ и разговора быть не можетъ. Разрывъ ихъ произошелъ положительно по несходству характеровъ: страстному и пылкому характеру князя В. В. не отвѣчалъ умѣренный и сдержанный характеръ княгини В. А. Что касается до отношеній князя В. В. къ его бывшимъ крѣпостнымъ, то мнѣ извѣстно только то, что, по словамъ княгини В. А., князь В. В. распустилъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ и бралъ съ нихъ очень малый оброкъ. По моимъ воспоминаніямъ, князь В. В. былъ человѣкъ съ высоко-художественнымъ чувствомъ: я помню распятіе, которое онъ сдѣлалъ для княгини: на крестѣ чернаго дерева было рѣзное изображеніе Христа, выточенное изъ слоновой кости. Интересы князя В. В. были чрезвычайно широки. Помню, что онъ очень занимался изобрѣтеніемъ особенныхъ какихъ-то ружей, знаю, что онъ много читалъ,—и хотя я не зналъ его ни до, ни послѣ этого періода его супружеской жизни, я всетаки убѣжденъ въ томъ, что портретъ, нарисованный г. Меньшиковымъ, нѣсколько не похожъ на подлинникъ. Что-же касается г. Корсакова, то противъ его статьи я могу сказать только то, что сказано выше.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ теченіе августа мѣсяца.

Алексѣевъ В. Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Спб. изданіе А. С. Суворина. 1895. Ц. 3 р.

Боетэнъ И. Французско-русскій словарь, изд. книж. маг. Н. Фену и К°. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.

Богдановичъ А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Гродно, 1895. Ц. 60 к.

Бончъ-Бруевичъ Вл. Избранныя произведенія русской поэзіи. М. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Брандесъ. Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Перев. съ нѣм. Эн. Зауеръ. Съ тринадцатью портретами и вступительною статьею **Е. А. Соловьева.** Спб. 1895. Ц. 2 р., изд. Ф. Павленкова.

Брэмъ А. Жизнь животныхъ, пер. подъ ред. д-ра зоологіи С. М. Переяславцевой, полутомъ II, вып. 18—20. Одесса, 1895. Ц. выпуска 25 к.

Бурда, М. К., д-ръ. Откуда берется въ человѣкѣ рабочая сила, лекція. Одесса, 1895. Ц. 6 к.

Вахтеровъ В. П. Условія распространенія образованія въ народѣ. М 1895.

Венгеровъ С. А. Русская поэзія, вып. V. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Вологжанинъ, литературно-научный сборникъ, изд. П. Дилакторскаго. Вологда, 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Гоггардъ Рейдеръ. Дочь Монтезумы, историч. романъ для юношества, въ излож. М. Корша, изд. А. С. Суворина, Спб. 1895.

Гансликъ Эдуардъ. О музыкально-прекрасномъ, пер. Ларошъ, съ предисловіемъ переводчика. Москва 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Германъ Ф. Л. о-ръ. Суевѣріе въ медицинѣ, изд. книжнаго магазина II. А. Брейтигама. Харьковъ, 1895. Ц. 50 к.

Гумпловичъ Людвигъ. Социологія и политика, пер. С. Н. Прокоповича, изд. Вл. Бончъ-Бруевича. М. 1895. Ц. 50 к.

Гюго В. Собраніе стихотвореній, подъ ред. И. Ф. Тхоржевскаго, вып. V. Тифлисъ, 1895. Ц. 20 к.

Дешевая Библіотека А. С. Суворина:

№ 117. Константинъ послѣдній византійскій императоръ, соч. Чедомила Міятовича. Ц. 25 к.

№ 118. Генрихъ Ибсенъ. Маленькій Эйольфъ, комед. въ 3-хъ д. Ц. 15 к.

№ 120. Морисъ Метерлинкъ. Тайна души, драма, пер. и предисловіе А. С. Суворина. Ц. 10 к.

№ 182. Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія, т. 9, вып. 2., Гальба. Отонъ. Ц. 10 к.

№ 183. Маркъ Аврелій Антонинъ. Къ самому себѣ, размышленія, пер. Пл. Краснова, 1895. Ц. 25 к.

№ 184. А. В. Кругловъ. Въ сѣверныхъ лѣсахъ, разсказъ. Ц. 15 к.

№ 267—268. Сто великихъ людей, кн. 7, Марко Поло, Колумбъ, Магеланъ, Кукъ, Ливингстонъ. Кн. 8. Папа Григорій VII. Гусъ, Савонарола. Ц. по 20 к.

№ 317. Ричардъ Шериданъ. Школа злословія, ком., пер. Ч. Вѣтринскаго. Ц. 15 к.

Добролюбовъ Александръ. Natura-naturans, Natura naturata. Тетрадь № 1. Спб. 1895.

Дроваль М. Анатомія для художниковъ, пер. С. Васильева. подъ ред. проф. А. Губарева, изд. П. К. Прянишникова и В. Н. Маракуева. М. 1895.

Дьяковъ, В. Н. Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1894. Полтава, 1895.

Зенченко С. Учебникъ древней исторіи. Вып. 1. Востокъ и Греція. М. 1895. Ц. 75 к.

Иващенко П. С. А. С. Грибоѣдовъ, какъ авторъ ком. «Горе отъ ума». Кіевъ, 1895.

Изданія книжнаго склада П. К. Прянишникова:

№ 20. Простая душа, разсказъ П. И. Добротворскаго. Ц. $2^1/_2$ к.

№ 22. Митя, разсказъ по Диккенсу. Ц. $2^1/_2$ к.

№ 23. Бѣшеный волкъ, быль М. Некрасовой. Ц. 2 к.

№ 24. Больше чѣмъ родная, быль М Некрасовой. Ц. $2^1/_2$ к.

№ 25. На судѣ присяжныхъ, Б. Хавскаго. Ц. $2^1/_2$ к.

№ 26. Веревочка, разск. Гюи-де-Мопассана, пер Павла Оленина. Ц. 1 к.

№ 27. Семушкинъ отецъ, разск. Гюи-де-Мопассана, пер. П. Оленина. Ц. 1 к.

№ 28. Обезьяны стараго свѣта, по А. Брему. Ц. 7 к.

№ 29. Обезьяны новаго свѣта, по А. Брему. Ц. 5 к.

№ 30. Книжка для деревенскихъ слесарей и кузнецовъ, сост. П. Оленинъ Ц. 7 к.

№ 32. Пила и Сысойко, разсказъ, въ 2 ч. Ц. 6 к.

№ 33. Какъ и какой ленъ выгоднѣе снять, агр. К. Д. Дмитріева. Ц. 5 к.

№ 34. Спартакъ, истор. пов. въ излож. В. Самойловой. Ц. 8 к.

№ 36. Совѣсть убила, разск. С. А. Шмидтъ. Ц. $3^1/_2$ к.

Камаровскій, Л. проф. Война или миръ? Русск. библ. Одесса, 95 г. Ц. 15 к.

Каменскій, Г. П. Государственное хозяйство въ Англіи за шесть лѣтъ управленія тори $18^{87}/_{88}$ — $18^{92}/_{93}$. Спб. 95 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каутскій Карлъ, Возникновеніе брака и семьи. Спб. 95 г. Ц. 50 к.

Колубовскій, Я. Философскій дежегоникъ

годъ первый, 1893 г. Изд. журнала „Вопросы философіи и психологіи“. М. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Крапоткинъ, кн. А. Отрывки изъ дневника Дмитрія Брянскаго, М. 95. Ц. 50 к.

Кругловъ, А. В. Немудреное счасстье, ром. въ 2-хъ частяхъ, Спб. 95. Ц. 1 р.

Ланге, Ф. А. Рабочій вопросъ, пер. А. Б. Блека, съ предисл. Р. И. Сементковскаго, Спб. 95. Ц. 1 р. 25 к.

Лапидусъ (Lapis), Грезы любви, изд. Ю. Сандомирскаго, Одесса, 95. Ц. 80 к.

Ле-Бонъ, Густавъ, Эволюція цивилизаціи, сокращ. пер. И. Гальперштейна, изд. Междунар. библ. Одесса 95. Ц. 50 к.

Ленинъ, Е. Нѣсколько замѣчаній по поводу книги Л. В. Ходскаго „Основы государственнаго хозяйства“. Кіевъ 95.

Ленотръ, Ж. Революціонный Парижъ по неизданнымъ документамъ, пер. Н. Ломакина, М. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Лобановъ-Ростовскій, А. Б. князь. Русская родословная книга, въ 2-хъ томахъ, изд. 2-е, изданіе А. С. Суворина, Спб. 95. Ц. 6 р.

Лоскутовъ, П. Духовный прогрессъ и счастье, психологическое изслѣдованіе, популярно-научная библ., изд. Ф. Павленковымъ, Спб. 95. Ц. 1 р.

Международная библіотека, изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго, Одесса.

№ 31. Д-ръ П. Мебіусъ, Нервная система человѣка, Ц. 15 к.

№ 32. Георгъ Брандесъ, Эмиль Зола. Ц. 15 к.

№ 33. Г. Спенсеръ, О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к.

№ 34. А. Фуллье, Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 к.

Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія, изд. М. М. Ледерле и К°, Спб. 95.

Моссо, А. Физическое воспитаніе юношества, пер. В. Сусалиной. Изд. ред. журн. „Образованіе“. Спб. 95. Ц. 60 к.

Мысли и факты къ еврейскому вопросу. Письма еврея. Одесса 95. Ц. 1 р.

Нечогинъ, В. Тренировка для дальнихъ поѣздокъ на велосипедѣ. Симферополь 95. Ц. 40 к.

Новая библіотека А. С. Суворина, Госпожа Бавари, ром. Г. Флобера, въ 2-хъ томахъ, Спб. 95. Ц. за томъ 60 к.

Новая хрестоматія для старшаго отдѣла начальныхъ училищъ, составлена кружкомъ учительницъ подъ ред. В. А. Воскресенскаго, изд. 2-е. Спб. 1895. Ц. 80 к.

Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій, изд. международной библіотеки. Одесса, 1895. Ц. 20 к.

Обзоръ бакинской нефтяной промышленности и свѣдѣнія о нефтяной промышленности въ Америкѣ за 1894 г. Совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ. Баку. 1895. Ц. 3 р.

Пальцевъ И. М. Голубиный охотникъ. Практическій сборникъ. Спб. 1895. Ц. 1 р.

Педагогическая библіотека. изд. К. Тихомирова и А. Адольфа.

Избранныя педагогическія сочиненія Генриха Песталоцци, пер. В. Смирнова. въ 2-хъ томахъ. Москва. 1893—94. Ц. за томъ 2 р. 50 к.

Избранныя педагогическія сочиненія Яна Амоса Каменскаго, пер. съ латинскаго Андри Адольфа и Сергѣя Любомудрова, въ 2-хъ ч. Москва. 1894. Ц. за часть 1 р. 50 к.

Характеристики дѣвочекъ, Е. Ельницкаго, изд. 2-ое. Москва, 1895. Ц. 75 к.

Популярно-научная библіотека, изд. Ф. Павленкова. Соціологическія основы исторіи П. Лакомба, переводъ подъ ред. Р. И. Сементковскаго. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Протоколы съѣзда врачей Александровскаго уѣзднаго земства за 1893 г. Александровскъ. 1895.

Путеводитель по жел. дор. и курортамъ. Изд. контраг. рос. ж. д. М. Л. Радоминскаго. Кіевъ. 1895. Ц. 35 к.

Пушкинъ А. С. Утопленникъ, съ иллюстр. С. С. Соломко, изд. А. С. Суворина. Спб. 1895.

Самборскій Н. Р. Живая библіографія послѣднихъ ста лѣтъ, ч. І. Одесса, 1895. Ц. 40 к.

Соколовскій Н. В. Мысли объ основахъ житейской нравственности и человѣческаго счастія. Ирбитъ, 1895. Ц. 60 к.

Сперанскій Сергѣй. Нѣкоторыя изъ учрежденій обществ. благоустройства въ западной Европѣ. М. 1895. Ц. 75 к.

Сравнительныя статистичесмія данныя о бакинской нефтяной промышленности за 1869—1895 г. Совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ. Баку. 1895. Ц. 50 к.

Статистика на българскитѣ училища въ европейска Турция за Учебната 1893—94 година.

Турыгина Л. Руководство къ исторіи музыки. Для юношества и самообразованія. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Уставъ общ взаимн. вспоможенія книгопечатниковъ изъ Самары. Самара, 1895

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. М. 1895. Ц. 2 р.

Чижъ, В. проф. Криминальная Антропологія. Русская библ. Изд Р. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса, 1895. Ц. 20 к.

Шевичъ, В. С. Проэктъ руководства къ преподаванію музыки ученикамъ и ученицамъ въ періодѣ времени курса среднихъ учебн. завед. Иркутскъ 95. Ц. 50 к.

Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина, Русск. библ. Одесса 95. Ц. 20 к.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
книжнаго магазина К. И. Тихомирова.
Москва, Кузнецкій мостъ.

Адольфъ, А. и Любомудровъ, С. Orbis romanus pictus. *Римскій міръ въ картинкахъ.* Начальная латинская хрестоматія съ предварительными упражненіями, вокабуларіемъ, грамматикой и словаремъ. Ч. I. Курсъ перваго класса. 1895 г. Ц. 60 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобрена для учебнаго употребленія въ I кл. гимназій и прогимназій.

Архангельскій, С. М. О русскихъ гражданскихъ законахъ. Бесѣды сельскаго ходока съ крестьянами о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. М. 1895 г. Ц. 20 к.

Барышниковъ, П. Необходимыя правила и *дневникъ* для учениковъ городскихъ училищъ; состав. па основаніи инструкціи, утвержденной Министромъ Нар. Просв. 18 января 1894 г. Ц. 20 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено къ употребленію въ городск. училищахъ.

Его-же. Краткій учебникъ русской грамматики. Курсъ 3 и 4 отдѣленій городскихъ училищъ. 1894 г. Ц. 40 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Нар. Просв. допущено къ употр. въ городск. училищ.

Вертоградскій, І. А. Практическій курсъ элементарной грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ, начальныхъ школъ, приготов. и перваго класса сред. учебн. завед. Съ прилож. задачъ для упражненій и диктантовъ. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

1-е изд. одобрено Учен. Ком. М. Н. Пр. какъ учебн. руковод. въ элемент. курсѣ.

Его-же. Сборникъ диктантовъ. Пособіе къ „Практ. курсу элементар. грамматики". Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 20 к.

1-е изд., какъ прилож. къ означ. учебнику, одобрено Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.

Его-же. Краткій учебникъ грамматики (синтаксисъ и этимологія) для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 1895 г. Ц. 40 к.

Его-же. Сборникъ статей и отрывковъ изъ художественныхъ произведеній для диктанта, письмен. излож. прочитан. въ классѣ, составленія образцовъ. плановъ ученич. сочиненій и подражанія учениками въ сочиненіяхъ на темы, подходящія къ выработаннымъ планамъ. 1895 г. Ц. 45 к.

Глаголевъ, А. Н. Элементарная геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гурфинкель, Л. М. Д-ръ. Дитя и уходъ за нимъ. Популярная гигіена для матерей. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Ельницкій, К. В. Основы законовѣдѣнія. 1894 г. Ц. 50 к.

Его-же. Планы уроковъ по законовѣдѣнію. 1894 г. Ц. 15 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущено въ ученическія библ. средн. учеб. заведеній для старшаго возраста.

Учен. Ком. Мин. Землед. и Государ. имущ. допущены въ виду хорошаго изложен. предмета для пользованія учителей въ библ. земледѣл. училищъ.

Его-же. Характеристики дѣвочекъ. Для посвятившихъ себя учительской или воспитательной дѣятельности и для подготовляющихся къ этой дѣятельности. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 75 к.

Рекомендовано Главн. Управл. военно-учебн. завед. для фундам. библ. кадет. корпус. и военн. школъ. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. Собствен. Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Каннъ, В. К. Французскій языкъ. Пособіе къ усвоенію спряженій глаголовъ. 1894 г. Ц. 25 к.

Его-же. Французскій языкъ. Систематическое изложеніе правилъ употребленія временъ и наклоненій. 1894 г. Ц. 35 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. рекомендовано для фундам. и ученическ. библ. средн. учебн. завед. муж. и женскихъ.

Кельнеръ, Л. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Переводъ съ нѣмецкаго О. Масловой, подъ редакціей Н. Горбова. Съ портретомъ Келльнера, очеркомъ его жизни и примѣчаніями. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Коменскій, Янъ-Амосъ. Избранныя педагогическія сочиненія въ русскомъ переводѣ Андрея Адольфа и Сергѣя Любомудрова. Ч. I. *Великая Дидактика.* Съ прим. и краткой біографіей Коменскаго. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. рекомендовано для фундам. библ. сред. учебн. завед. муж. и женск. и учителск. институтовъ

Его же. Ч. II. *Мелкія сочиненія, примыкающія къ Великой Дидактикѣ.* М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для фундам. библ. средн. учеб. завед.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. обѣ книги одобрены для учит. библ. низшихъ училищъ и ученич. библ. учительск. семинарій.

Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ обѣ книги одобрены для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ и епархіал. жен.

училищ. въ качествѣ учебн. пособія пр преподав. дидактики.

Комаровъ, А. Ф. Народная школа. Главнѣйшія педагогическія, дидактическія и методическія основанія школьнаго дѣла. Изд. 2. 1894 г. Ц. 60 к.

Его-же, А. Ф. Ариѳметич. задачникъ для начальн., городск. и сельскихъ училищъ. Вып. I. Задачи, примѣры и вопросы на числа первой сотни. Изд. 3-е. 1894 г Ц. 15 к.

Его-же. То-же. Выпускъ II. Задачи, примѣры и вопросы на числа свыше сотни и на простѣйшія дроби. Изд. 3. 1894 г. Ц. 20 к.

Одобрены Мин. Нар. Просв. для употребленія въ начальныхъ, городскихъ и сельскихъ училищахъ.

Коропчевскій, Е. А. Разсказы про дикаго человѣка. Съ политепажами въ текстѣ. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 25 к. 1895 г.

Учен. Ком. Мин. Нар Просв. одобрено для ученич. библ. низш. и средн. клас всѣхъ учебн. завед. вѣдомства М. Н. Пр., ученич. библ. городск. училищъ и ученич. библ. средн. учебн. завед. муж. и женск.

Линдеманъ, К. Э. Профессоръ. Насѣкомыя плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ и мѣры истребленія ихъ. Изд. 2-е значит. дополн. 1895 г. Ц. 15 к.

Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіональн. образов. одобрена для библ. нач. школъ.

Его-же. О филлоксерѣ и другихъ главнѣйшихъ врагахъ винограда и о мѣрахъ истребленія ихъ. 1895 г. Ц. 20 к.

Мангуби, И. Руководство для виноделовъ. Практич. виноделіе. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловъ, А. А. Учебникъ ариѳметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 4-е. 1895 г. Ц. 50 к.

Одобрено Учебн. Ком. при Собств. Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ завед. Вѣдомства.

Миттельштейнеръ, Э. Учебникъ нѣмецкаго языка по практическому методу. Методика и учебникъ. Первый курсъ для I и II кл. реальныхъ училищъ. Изд. 3-е. 1893 г. Ц. 80 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущенъ какъ руководство по нѣмецк. яз. для средн. учебн. завед.

Его-же. То-же. Второй курсъ для III и IV кл. реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. 1894 г. Ц. 80 к.

Его-же. *Алфавитный словарь*, содержащій весь запасъ и отдѣльныя группы словъ для учениковъ I—IV кл. Прилож. ко 2-му курсу Учебника М. 1895 г. Ц. 20 к.

Учен. Ком. Мин. Народн. Просв. обѣ книги допущены какъ пособіе по нѣмецк. яз. для средн. учебн. заведеній.

Мозеръ, П. Указатель удареній въ русскихъ словахъ элементарнаго учебника П. Мозера для иностранцевъ. Ч. II. 1895 Ц. 80 к.

Мурашкинцевъ, Н. А. Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. I. Общія понятія о заразныхъ болѣзняхъ животныхъ.—Чума рогатаго скота. 1895 г. Ц. 6 к.

Дмитріевъ, Н. Какъ выращивать и откармливать свиней. Изд. 2. 1895. Ц. 8 к.

Нейманъ, М. М. Общедоступное руководство къ разведенію хмѣля. Изданіе 3-е. 1895 г. Ц. 5 к.

Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв по технич. и профессіональн. образов. одобрена для библ. нар. училищъ.

Нетыкса, М. Сокращенное руководство столярнаго ремесла. 1895 г. Ц. 75.

Песталоцци, Генрихъ. Избранныя педагогическія сочиненія. Т. I. *Лингардъ и Гертруда.* Ч. 1 и 2. Переводъ съ нѣмецкаго **В. Смирнова.** М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

То-же. Томъ II. *Лингардъ и Гертруда.* Ч. 3 и 4. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрены для учительск. библ. низшихъ училищъ, для учительск. семинарій и институтовъ.

Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ допущены къ пріобрѣтенію въ фундам. библ. духовн. семинарій.

Преображенскій, П. В. Краткая тригонометрія съ таблицами для вычисленія безъ логариѳмовъ и съ таблицами упрощеннаго умноженія и дѣленія. М. 1895 г. Ц. 40 к.

Ростовцевъ, П. В. Воздѣлываніе льна на сѣмя и волокно. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 10 к.

Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіональн. образов. допущена для библ. начальн. школъ.

Селивановскій И. Ночь на Рождество. 1895 г. Ц. 8 к.

Его-же. Деревенскія невзгоды: Зяблый годъ. Наводненіе. Градобой. Червобой. Пожаръ. 1895 г. Ц. 10 к.

Шимановскій, Всев. Садъ крестьянина. Съ таблицей и рисун. 1895 г. Изд. 2-е. Ц. 12 к.

Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіон. образов. допущена для библ. начальныхъ школъ. Учен. Ком. Мин. Земл. и Госуд. Имущ. допущена въ библ. учебныхъ заведеній, подвѣдомств. сему Министерству.

Э. С. Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII вѣка. Руководство для преподаванія нѣмецкой литературы въ VII классѣ реальныхъ училищъ согласно учебнымъ планамъ. 1895 г. Ц. 25 к.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. При заказахъ проси[м] упомянуть настоящій журналъ. 12—13

